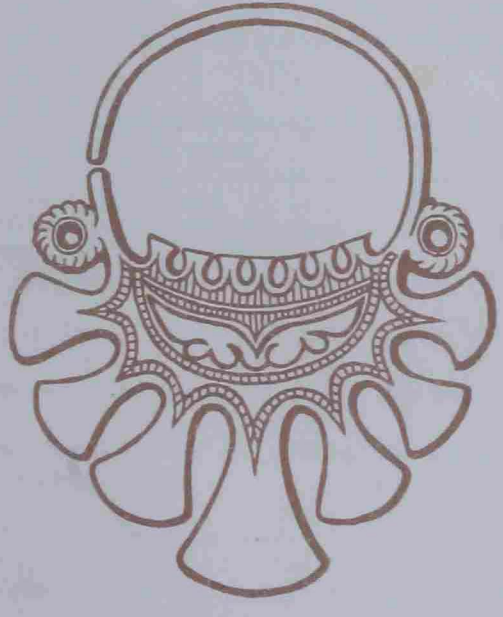
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1993 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1993 3

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Соффер О. А. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянок на Русской равнине 5
Седов В. В. Древнеевропейцы 18
Кочерженко О. В., Слонов В. Н. О семантике орнамента керамики срубной культуры . 37
Кызласов Л. Р. К истории карасукской металлургии 43
Зедгенидзе А. А. К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического . . 50
Нерсесов Я. Н. Зверь Рекуай в искусстве мочика 57
Воронина Р. Ф. Погребальный обряд среднецнинской мордвы VIII—XI вв. 68
Буров В. А. Новгородские писцовые книги и археология 82
Беговатов Е. А., Кочкина А. Ф. О восстановлении размеров сосудов по фрагментам . . 88

Дискуссии

Нехорошев П. Е. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня 100
Кулаков С. А. Технология расщепления камня на Абадзехском нижнепалеолитическом местонахождении (Северный Кавказ) 120

Публикации

Астахов С. Н., Зубарева Г. Ю., Лисицын Н. Ф., Ямских А. Ф. Палеолитическая стоянка Шленка 140
Буров Г. М. Деревянные орудия охоты у мезолитических племен Крайнего Северо-Востока Европы 149
Свешников И. К. Новые погребения начала бронзового века на Западной Волыни . . . 165
Воловик С. И. Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце 177
Литвиненко Р. А. Курганный могильник Возрождение II на Донетчине 188
Кахидзе А. Ю., Кахидзе Н. А. Древнеколхидское хозяйственное орудие цалди 198
Внуков С. Ю. Новые типы позднесинопской амфорной тары 204

Заметки

Демещенко С. А. Новые скульптурные изображения животных из коллекции стоянки Александровка (Костенки 4) 214

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1993 г.

Потапов В. В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры 218
Кызласов И. Л. Эпитафия из Саргал-Аксы (Тува) 221

История науки

Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии 228
Джапаридзе О. М. К 100-летию со дня рождения академика Б. А. Куфтина 246

Критика и библиография

Храпунов И. Н. *Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму. (Свод археологических источников. Вып. Д 1-7). М., 1991 250
Фехнер М. В. *Mühle E.* Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus., Aufzüge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991 251
Дэвлет М. А. *Самашев З. С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992 256

Хроника

Сазонов А. А. XVII Крупновские чтения (Майкоп, 1992) 259
Могильников В. А. Конференция «Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий» (Горно-Алтайск, 1992) 264
Смирнов К. А. Памяти Александра Федоровича Дубынина (1903—1992) 268

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1993 3

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Soffer O. A. The Upper Palaeolithic economy: Seasons of occupation at some archaeological sites ot the Russian plain 5
Sedov V. V. Ancient Europeans 18
Kocherzhenko O. V., Slonov V. N. On the semantics of pottery ornamentation of timber-grave culture 37
Kyzlasov L. R. On the history of Karasuk metallurgy 43
Zedgenidze A. A. On the earlier date of Khersones Tavrichesky foundation 50
Nersesov Ya. N. The Recuay monster in the art of Mochica culture 57
Voronina R. F. The burial rite of Mordva on the middle Tsna river (VIII—XI cen.) 68
Burov V. A. Novgorod register books and archaeology 82
Begovatov E. A., Kochkina A. F. The reconstruction of pottery dimensions basing on vessels' fragments 88

Discussions

Nekhoroshev P. E. On the methods of study of the Lower Palaeolithic stone flaking technique and technology 100
Kulakov S. A. Stone flaking technology of the Abadzekh Palaeolithic site (The Northern Caucasus) 120

Publications

Astakhov S. N., Zubareva G. Yu., Lisitsyn N. F., Yamskikh A. F. The Palaeolithic site of Shlenka 140
Burov G. M. The wooden hunters' tools of the Mesolithic tribes in the extreme North-East of Europe 149
Sveshnikov I. K. Some new burials of the Early Bronze Age from Western Wolynia 165
Volovik S. I. A Bronze Age site near Lageri settlement on the Seversky Donets river 177
Litvinenko R. A. Barrow cemetery Vozrozhdenie II in Donets region 188
Kakhidze A. Yu., Kakhidze N. A. Tsaldi-tools from Colchis 198
Vnukov S. Yu. New types of the late Synop amphorae 204

Notes

Demeshchenko S. A. New zoomorfic sculptures from Alexandrovka site (Kostenki 4) 214
Potapov V. V. The burials of Kobyakovo culture at Khapry station 218
Kyzlasov I. L. An epitaph from Sargal-Aksy (Tuva) 221

History of science

Formozov A. A. A. S. Uvarov and his place in the history of Russian archaeology 228
Dzhaparidze O. M. On the centenary of Academician B. A. Kuftin 246

Critics and bibliography

Khrapunov I. N. *Dashevskaya O. D.* Late Scythians in the Crimea. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vol. D 1-7. M., 1991 250
Fekhner M. V. *Mühle* E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus, Aufzüge und frühe Entwicklung Altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991 251
Devlet M. A. *Samashev Z. S.* The petrogliphs of the Upper Irtysh. Alma-Ata, 1992 256

Chronicle

Sazonov A. A. The 17th conference in memory of E. I. Krupnov (Maikop, 1992) 259
Mogilnikov V. A. The conference "Problems of Studies of History and Cultury of Altay and Neighbouring Territories„ (Jorno-Altaysk, 1992). 264
Smirnov K. A. In memory of Alexander Fedorovich Dubynin (1903-1992) 268

О. А. СОФФЕР

ЭКОНОМИКА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА: ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗАСЕЛЕНИЯ СТОЯНОК НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

Скелетные остатки животных уже давно используются в археологии с целью получить ответ на вопрос об экономике первобытного поселения. В 1861 г. Рютимейр [1] использовал костные остатки животных для определения сезона обитания стоянок. В русской литературе Иностранцев [2] использовал костные остатки для реконструкции первобытной экономики и природного окружения приладожских стоянок. В исследовании палеолита по этому пути следовали за ним, в частности, Величко и др. [3], Верещагин [4], Верещагин и Кузьмина [5], Громов [6], Ермолова [7], Лебедев [8], Никольский и др. [9], Пидопличко [10, 11]. В настоящее время данные об ископаемой фауне широко используются: 1) для восстановления природного окружения; 2) определения способа получения пищи; 3) изучения охотничьей деятельности; 4) для определения длительности заселения стоянки и размера коллектива, заселяющего стоянку.

Последний вопрос — длительность обитания на стоянке — представляет особый интерес для археологов и палеонтологов, работающих с материалами центральной части Русской равнины. Эти стоянки доставили большие комплексы фаунистических остатков, в состав которых входят остатки крупных млекопитающих, пушные звери, а также множество остатков мелких млекопитающих, птиц и рыб. Изучение фауны привело исследователей к различению среди них двух групп, которые в равной степени важны для экономики первобытных групп охотников [10, 11]. Первая группа включает различных травоядных, зайцеобразных, а также некоторые виды птиц и рыб. Животные этой группы шли в пищу. Вторая группа включает пушных хищников, которые не шли в пищу, но использовались для получения шкур и меха. Обилие потенциальных пищевых ресурсов привело исследователей к мысли: 1) что все виды, которые потенциально можно использовать для питания, использовались как таковые; 2) все пищевые отходы, находимые на стоянках, представляют собой костные остатки съеденной пищи; 3) что многие стоянки, особенно такие, где исследованы остатки жилищ из костей мамонта и ямы-хранилища, были заселены группами, которые жили на стоянке десятилетиями [10, 13]. Пидопличко, используя подсчеты веса мяса животных, остатки которых были найдены на стоянке, предположил следующую длительность проживания без перерывов для стоянок: Добраничевка — 8 лет; Гонцы — 9 лет; Кирилловская — около 7 лет; Межирич — 20 лет; Мезин — 8 лет. Это мнение основывается на сумме возможных калорий как на первичном показателе круглогодичного обитания на стоянке [10, с. 148].

Другие исследователи, предполагая круглогодичное обитание человека на стоянке, ссылались на присутствие таких видов животных, которых добывают в разные сезоны: северного оленя — осенью, птиц — от весны до осени, пушных животных — в зимнее время [14]. Исследователи, которые работали на менее выразительных стоянках: на таких, где не было ям-хранилищ и жилищ из костей мамонта,— предполагали, что такие стоянки были сезонными (Чулатово II, Фастов, Пушкари II, Журавка) [15, 17]. Эти предположения относительно многолетнего или многосезонного использования стоянок были основаны на ин-

© О. А. Соффер, 1993 г.

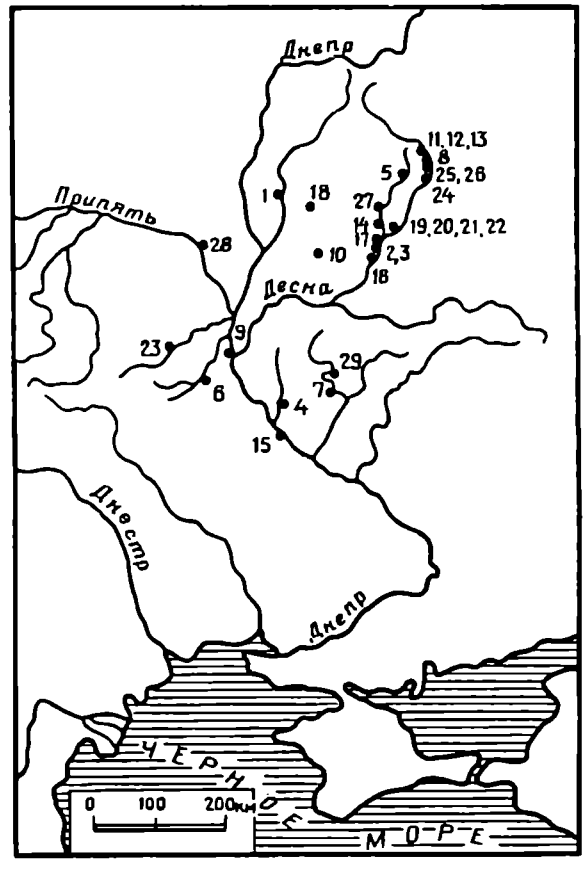


Рис. 1. Стоянки верхнего палеолита в центре Русской равнины: *1* — Бердыж; *2* — Чулатово I; *3* — Чулатово II; *4* — Добраничевка; *5* — Елисеевичи; *6* — Фастов; *7* — Гонцы; *8* — Хотылево II; *9* — Кирилловская; *10* — Клюсы; *11* — Коршево I; *12* — Коршево II; *13* — Косица; *14* — Курово; *15* — Межирич; *16* — Мезин; *17* — Новгород-Северский; *18* — Ново-Бобовичи; *19* — Бугорок; *20* — Погон; *21* — Пушкари I; *22* — Пушкари II; *23* — Радомышль; *24* — Супонево; *25* — Тимоновка I; *26* — Тимоновка II; *27* — Юдиново; *28* — Юровичи; *29* — Журавка

туиции или на очень проблематичных допущениях. Построения, основанные только на количестве мясной пищи, встретили строгую критику и серьезные возражения по обе стороны Атлантики (см., например, [4, 18, 19]). Сомнения вызывает и определение подсчета калорий, которые могли извлечь из мяса верхнепалеолитические охотники изучаемой области, поскольку мы до сих пор не знаем точно, в какой степени кости мамонта, находимые на стоянках, являются результатом охотничьей деятельности [4, 6, 20]. Я уже имела возможность в другой работе указать на то, что многие кости мамонта, найденные на стоянках Днепра и Десны, вероятно, собирались как сырье для изготовления орудий, в качестве топлива для костров и как строительный материал [21]. Так что мы до сих пор не знаем, какая часть костей, найденных на стоянке, представляла остатки животных, убитых ради мяса. Последние исследования показали, что заключения о сезонном или многолетнем обитании, основанные только на присутствии или отсутствии каких-то видов животных, игнорируют количественную изменчивость сезонных индикаторов [21]. Эта изменчивость в высшей степени важна при решении вопроса, обитались ли стоянки сезонно или круглый год. Подводя итоги, можно сказать, что характер обитания на разных стоянках центра Русской равнины — сезонный или круглогодичный — решается лишь на эмпирическом уровне. В этой работе я использую данные о фауне 29 стоянок, относящихся ко времени поздней части валдайского оледенения, около 26—12 тыс. лет тому назад (рис. 1).

Индекс разнообразия. Ранее я изучала в деталях верхнепалеолитическую

экономику стоянок Десны и Днепра и предложила типологию их, основанную на характере стоянок (базовые лагеря, охотничьи лагеря, мастерские по изготовлению орудий и т. д.) [20]. В ходе анализа я пришла к выводу, что индекс разнообразия Шеннона-Вайнера может быть использован как средство для изучения вопроса о длительности пребывания человека на стоянке. Экологи уже давно используют индекс разнообразия или информационную статистику для сравнения популяций, обитающих в различных условиях, учитывая число видов представленных животных и распределение популяций для каждой категории (вида) [22—24]. Из различных индексов разнообразия индекс разнообразия Симпсона скорее подходит для более обильных видов, а индекс разнообразия Шеннона (или Шеннона-Вайнера) — для редких видов. Археологи теперь тоже используют индекс разнообразия, особенно индекс разнообразия Шеннона, но употребляют его для установления сходства и различия в каменном, керамическом материале или в произведениях мелкой пластики [25—27]. Йесснер [28] использовал этот индекс для данных по фауне стоянок на Алеутских островах как способ сравнить богатство и разнообразие в природных ресурсах.

Применение индекса разнообразия в полном объеме обсуждается у Зара [29]. Он представляет способ проверить меру различия между различными индексами. Основная формула предложена Зaром и используется в этой работе. Она такова:

$$H = -\sum_{i=1}^{k} pi \log pi,$$

где k есть количество категорий (в данном случае видов) и pi — пропорция наблюдений, найденных в категории i. Как утверждает Зар [29, с. 115], размах H определяется не только распределением данных, но и числом категорий, потому что теоретически максимально возможное разнообразие для группы данных, состоящих из k категорий, является $H_{max} = \log k$. Способ контролировать процесс состоит в превращении H статистического в J статистическое, что выражает наблюдаемое разнообразие как пропорцию максимально возможного разнообразия. J статистическое измеряет скорее ровность распределения и потому является мерой относительного разнообразия. Превращение H в J достигается при помощи формулы:

$$J = \frac{H}{H_{max}}.$$

Хатчисон [27] развил следующий ниже t-критерий (критерий Стьюдента), который может быть применен для сравнения двух значений H:

$$t = \frac{H_1 - H_2}{S_{H_1 - H_2}}.$$

Размах вариаций H может быть выражен следующим образом:

$$S_H^2 = \frac{\Sigma fi \log^2 fi - (\Sigma fi \log fi)^2 / n}{n^2},$$

где fi — количество наблюдений в категории i; n — общее количество наблюдений (при этом $pi = fi/n$); S — стандартная ошибка в разнице между двумя индексами разнообразия (H_1 и H_2), f — частота каждого класса (наблюдения). Степени свободы, сопряженные с тестом t, могут быть приближенно определены следующим образом:

$$v = \frac{(S_{H_1}^2 + S_{H_2}^2)^2}{\frac{(S_{H_1}^2)^2}{n_1} + \frac{(S_{H_2}^2)^2}{n_2}}.$$

Таблица 1

Величины биомассы животных позднеплейстоценовой фауны (по данным Soffer: 1985; табл. 5.17)

Животные	Вес, кг		К/кал на 1 кг	К/кал на особь
	живой	полезный		
Мамонт	3 000	1 800	2 000	360 000 000
Носорог	1 200	720	1 750	1 260 000
Бизон	500	300	2 040	612 000
Бык	300	180	2 040	367 200
Лошадь	290	174	1 150	200 100
Гигантский олень	220	132	1 240	163 680
Благородный олень	220	132	1 240	163 680
Овцебык	180	108	1 300	140 400
Олень	160	96	1 240	119 040
Кабан	135	81	4 000	324 000
Северный олень	100	60	1 000	60 000
Бобр	20	12	4 000	48 000
Заяц	6	3	1 070	3 852
Суслик	1	0	3 000	1 800
Рыбы	1,25	1	1 300	1 300
Птицы	1,25	1	2 500	2 500

H ьарьирует здесь от 0 почти до бесконечности, а J — от 0 до 1. В обоих случаях бóльшая величина отражает большее разнообразие, а меньшая — меньшую степень разнообразия. Далее я использую значение J. Значения H используются для сравнения между различными индексами при помощи критерия t.

Проверка на основании этнографических данных. Фаунистические данные, собранные на стоянках верхнего палеолита в центральной части Русской равнины, показывают, что они были обитаемы в крайне холодное и сухое время. Данные по весу и калорийности для видов с этих стоянок представлены в табл. 1. Для реконструкции природных условий во время заселения этих стоянок я обращаюсь к этнографическим данным северных широт. Данные по охотникам-собирателям северных широт изобилуют сведениями о большем разнообразии пищевых ресурсов в теплое время года и о сокращении этого разнообразия в холодные месяцы [30, 36]. Я исхожу из предположения, что при прочих равных условиях фауна, собранная в северных широтах, в теплые месяцы обнаруживает большее разнообразие сравнительно с фауной, накопленной в холодное время года. Для проверки справедливости моего предположения я вычислила индексы сначала для этнографических данных по тем группам, для которых существует нужная информация.

Бинфорд и Часко собрали данные для охотников-эскимосов с июня 1950 по май 1951 г. [37]. Я пересчитала их данные, распределенные помесячно, разделив их по двум группам: 1) холодные месяцы с октября по март и 2) теплые месяцы с апреля по сентябрь. Этот пересчет приведен в табл. 2, показывающей индексы H и J для минимального количества особей (МКО) и по килокалориям (индексы разнообразия) как единицам анализа. Таблица показывает, что использование индекса калорий на килограмм (килокалорий) сравнительно с МКО на таксон как единица анализа существенно не меняет результаты. Проверка по тесту t показывает, что индекс H различается существенно для теплых месяцев и для холодных ($t = 3{,}80$ и $v = 200$ при уровне свободы $p = 0{,}001$). Отсюда следует, что два индекса хорошо обнаруживают время получения фауны (теплые и холодные

Таблица 2

Данные об охоте эскимосов-нунамиютов в 1950—1951 гг. по данным Binford Chasko, 1976

А. Данные		Холодное время года: октябрь—март				Теплое время года: апрель—сентябрь			
Вид	К/кал на особь	Количество особей	Количество особей, %	К/кал всего	К/кал, %	Количество особей	Количество особей, %	К/кал всего	К/кал, %
Карибу	80 500a	279	89,4	22 459 500	87,7	173	72,2	13 926 500	67,2
Баран	86 487a	30	9,7	2 594 610	10,1	42	17,6	3 632 454	17,4
Медведь	272 400a	2	0,6	544 800	2,1	10	4,2	2 724 000	13,1
Лось	407 000a	0	—	—	—	1	0,4	407 000	1,9
Белка	1 000в	0	—	—	—	4	1,7	4 000	0,1
Сурок	1 800c	1	0,3	1 800	0,1	8	3,4	14 400	0,3
Всего		312	100	25 600 710	100	238	100	20 708 354	100

Б. Индекс разнообразия:

	Холодное время года		Теплое время года	
	J	*H*	*J*	*H*
МКО	0,16	0,27	0,53	0,68
Кол-во калорий	0,19	0,32	0,41	0,52

В. Сравнение индексов разнообразия

$H_1 = 0{,}32$ $t = 3{,}8023$
$H_2 = 0{,}52$ $v = \approx 200$ p (двусторонний) = <0,001

месяцы). Стало быть, оба индекса позволяют различать сезон, когда добывалась фауна.

Второй случай проверки индекса разнообразия как показателя сезона добычи — по данным по оджибва из Джохима [34] (табл. 3). Эти данные тоже пересчитаны на основании показателей килокалорий для каждого вида. Данные для оджибва менее различают сезоны, чем данные для эскимосов (холодные месяцы: $H = 0{,}005$ и теплые месяцы: $H = 0{,}12$), однако проверка по тесту t показывает, что и для оджибва разница существенна ($t = -2{,}08$ и $v = 115$ при $p = 0{,}05$).

Данные для центральной части Русской равнины. Данные для видов, служивших источником питания по 29 стоянкам, приведены в табл. 4. Частично они собраны из опубликованных данных и частично их архивных материалов, иногда являются моими собственными подсчетами по сохранившимся коллекциям.

Несколько предварительных замечаний. Прежде всего остается неясной роль разных видов в списке фауны. Не существует способа установить, сколько мамонтов было добыто в процессе охоты, а сколько представлено только подобранными костями. Поэтому подсчеты мамонтов ведутся на трех уровнях: в первом случае допускается, что остатки всех мамонтов — это остатки животных, на которых не велась активная охота, во втором случае допускается, что половина остатков — это остатки животных, добытых охотой, а в третьем — допускается, что все мамонты были предметом активной охоты. Кроме того, существуют значительные различия между северной и южной частями изученной территории в видах, на которых велась активная охота. В частности, я согласна с И. Г. Пидопличко, что охота на северного оленя и других оленеподобных играла существенную роль в деятельности групп, которые обитали к северу по рекам Десне, Припяти, Сожу и по Судости. Я привожу также аргументы в пользу

Таблица 3

Данные по охоте у оджибва (по данным Jochim, 1976: табл. 10)

А. Данные		Холодное время года: октябрь—март			Теплое время года: апрель—сентябрь		
Виды	К/кал на особь	еда, кг	К/кал, всего	К/кал, %	еда, кг	К/кал, всего	К/кал, %
Лось	320 000	132 448,97	$4{,}2384\times10^{10}$	99,93	3 447,30	1,031×109	96,85
Бобр	4 000	4 277,38	17 109 480	0,04	3 669,56	14 678 240	1,28
Рыбы	1 300	3 964,40	5 153 720	0,01	10 332,83	13 432 679	1,19
Мелкие животные	1 800	5 320,64	9 577 152	0,02	4 322,76	7 780 968	0,68
Всего			$4{,}2416\times10^{10}$	100		$1{,}1390\times10^{10}$	100

Б. Индексы разнообразия:

	J	*H*
Холодное время года	0,003	0,005
Теплое время года	0,07	0,12

В. Сравнение индексов разнообразия

$H_1 = 0{,}005$ $t = -2{,}08$
$H_2 = 0{,}12$ $v = \sim 115$ p(двусторонний) = 0,05

того, что охота на степного бизона и на зайца активно велась только в южной части изучаемого региона [20]. По этой причине я ввожу в подсчеты северного оленя и других оленеподобных только для северной группы стоянок, и зайцев и быков — только для южной группы стоянок.

Другие независимые переменные также влияют на индекс разнообразия. В частности, деятельность человека вносит деформации в картину сезонности. Бинфорд [30, 31] описал некоторые такие искажения. Проблема искажения особенно значима, когда мы имеем дело с охотниками и собирателями, которые делают запасы пищи. Очевидный пример нарушений, вносимых в картины распределения видов,— это воздействие (наличие) ям-хранилищ, где могут содержаться виды, на которых охотились в разные сезоны. Низкий индекс изменчивости этих стоянок отражает не только то, что стоянки обитались в холодное время года. И сезонность охоты, и специализация влияют на то, что полученный индекс разнообразия низок. Эти возможности искажения картины должны быть учтены при оценке сезонности обитания, поскольку практика накопления в ямах-хранилищах одного или двух часто встречающихся видов, добываемых в теплые месяцы, также приведет к понижению индекса разнообразия. Другая причина искажения картины соотношения видов — специализация в охоте на один-два вида. Низкий индекс разнообразия для стоянок без ям-хранилищ может отражать как сезон охоты, так и эксплуатацию одного или двух видов. Эти обстоятельства показывают, что нужно быть в высшей степени осторожным в оценке времени обитания стоянки и вида работ на этой стоянке (стоянка — охотничий лагерь или стоянка с многими видами работ, на ней выполняемыми). В целом индекс разнообразия следует рассматривать как эвристическое средство, которое в первом приближении можно использовать для данной области. Полученные этим методом результаты должны быть проверены другими, независимыми средствами, для того, чтобы принять или отвергнуть полученный результат.

Для подсчета индекса разнообразия прежде всего я перевела данные по минимальному количеству особей в данные, выраженные в килокалориях на

каждый вид, и затем разделила показатели на количество квадратных метров, раскопанных на каждой стоянке. Это сделано для того, чтобы установить влияние раскопанной площади на количественные оценки. Далее надо отметить, что все стоянки, которые рассматриваются в этой работе, содержат одинаково маломощные культурные слои. Данные о фаунистических находках стоянок с сохранившимся культурным слоем приведены в табл. 4. Учтены остатки только тех видов, которые служили объектом активной охоты. Величины индексов *H* и *J* для стоянок приведены в табл. 5. Я учитываю также виды, представленные в незначительных количествах (с указанием ins.— «insignificant»). Они учитываются — для удобства подсчетов — добавлением показателя 0,01. Например, для Мезина (при случае, когда все остатки мамонтов опущены) таким образом получены следующие показатели:

Вид	*fi* (количество)
Лошади	50,00
Шерстистые носороги	16,00
Северные олени	21,00
Мускусные овцебыки	10,00
Гигантские олени	1,00
Сурки	0,01
Птицы	0,01

Поскольку индекс разнообразия чувствителен только к числу категорий и к распределению особей по видам и поскольку оба индекса возможно получить и для стоянок с нарушенным культурным слоем, я произвела подсчеты также и для этих стоянок. Это подсчеты для стоянок с нарушенным и переотложенным культурным слоем вместе с суммированными данными килокалорий по каждой стоянке и с данными по трем стоянкам со скоплениями костей мамонта. Индексы *H* и *J* для стоянок с нарушенным слоем см. в табл. 6.

Обсуждение результатов. Рисунок 2 представляет графически распределение значений индекса *J* для стоянок, разделяя изучаемую область на северный и южный регионы. Как видно на рис. 2, стоянки с высоким индексом разнообразия встречаются как в северном, так и в южном регионе. С другой стороны, все стоянки с жилищами из костей мамонта имеют относительно низкий индекс разнообразия. Я проверила связь между стоянками с низкими индексами разнообразия (*J* ниже 0,20) и стоянками с жилищами, используя нулевую гипотезу и критерий Фишера. Результаты проверки показали положительную связь между присутствием жилищ и низким индексом ($\phi = 0{,}47$, $p = 0{,}05$) [1]. На этом основании я заключаю, что стоянки с жилищами были заселены в холодные месяцы.

Рисунок 2 показывает, что и северные, и южные стоянки изучаемой области с ямами-хранилищами и с жилищами имеют низкий индекс *J*. Стоянки без жилищ и ям-хранилищ, с другой стороны, и в северной, и в южной части области имеют или низкий, или очень высокий индекс разнообразия. Мне уже приходилось ранее говорить о различных типах ведения хозяйства охотников-собирателей, влияющих на величины индекса, что привело к заключению: высокая величина индекса скорее всего отражает присутствие человека на стоянке в теплое время года, в то время как низкие индексы связаны со специализацией, ориентированной на добычу одного какого-то ресурса. Предполагаю, что именно эта причина определила низкую величину индекса для Фастова и Пушкарей II. Я истолковываю высокое значение индекса разнообразия на других стоянках без ям-хранилищ и жилищ как показатель обитания в теплое время года. Моя оценка времени обитания стоянки, основывающаяся на величине *J* индекса разнообразия для каждой стоянки, дана в табл. 5 и 6 в последней колонке.

[1] ϕ — показатель сравнения ассоциаций двух наблюдений при незначительном количестве самих наблюдений; p — вероятностный показатель степени случайности значения t.

Таблица 4

Минимальное количество особей — пищевые виды

Стоянка	Раскопанная площадь, м²	Сохранность слоя	Мамонт	Носорог	Лошадь	Овцебык	Быки	Бизон	Северный олень	Благородный олень	Олень	Кабан	Заяц	Суслик, сурок	Рыбы	Птицы
1. Бердыж	≈350	I	45	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Чулатово I	390	Д	11	2	2	—	—	2	6	—	—	—	—	2	1	—
3. Чулатово II	≈1000	I	13	12	7	—	—	4	20	—	—	—	20	25	—	—
4. Добраничевка	2 000	I	91	1	—	1	—	1	5	—	—	—	2	1	—	—
5. Елисеевичи	623	I	60	—	1	—	—	—	1	1	—	—	2	—	7—14	—
6. Фастов	220	I	11	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7. Гонцы	820	I	93	—	—	—	—	2	14	—	—	1	16	6	—	18
8. Хотылево	500?	I	н. д.	1	2	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	9
9. Кирилловская	7 840	I	70	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
10. Клюссы	1 300	I	н. д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Коршево I	25	I	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. Коршево II	60	I	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13. Косица	125	I	»	—	—	н. д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14. Курово	248	Д	1	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15. Межирич	508	I	149	—	2	—	—	6	10	—	—	1	79	—	—	27
16. Мезин	1 200	I	116	3	61	17	—	5	83	—	—	1	11	4	1	7
17. Новгород-Северский	238	Д	15	13	8	—	—	5	25	—	—	—	26	31	36	22
18. Ново-Бобовичи	н. д.	Д	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19. Бугорок	13,6	I	н. д.	—	—	Мало	н. д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20. Погон	63,6	Д	»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21. Пушкари I	400	I	69	—	3	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
22. Пушкари II	58	I	17	2	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
23. Радомышль	600	I	47	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—
24. Супонево	200	I	7?	1	1	—	—	1	1	—	—	—	1	—	1	1
25. Тимоновка I	1 178	I	15	—	—	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—
26. Тимоновка II	163	I	12	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
27. Юдиново	≈500	1	56	7	—	—	—	2	н. д.	—	1	—	н. д.	1	—	—
28. Юровичи	< 300	Д	15—20	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
29. Журавка	330	1	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—	18	—	—

Примечание. I — инситный, Д — поврежден, н. д.— нед данных.

Таблица 5

Индексы разнообразия для стоянок с сохранным культурным слоем (рассчитаны на основе распределения калорий по каждому виду на 1 м^2)

Стоянка	*H*	J	*H*	*J*	*H*	*J*	Индекс *J*	Сезон
	без учета остатков мамонта		с учетом половины остатков мамонта		с учетом всех остатков мамонтов			
1. Бердыж	0,36	0,75	0,03	0,05	0,01	0,02	Низкий	Холодный
3. Чулатово	0,23	0,33	0,41	0,59	0,36	0,51	Высокий	Теплый
4. Добраничевка	0,24	0,31	0,08	0,09	0,06	0,07	Низкий	Холодный
5. Елисеевичи	0,46	0,77	0,01	0,02	0,01	0,02	»	»
6. Фастов	0	0	0,07	0,02	0,04	0,13	»	Теплый
7. Гонцы	0,25	0,42	0,05	0,08	0,03	0,05	»	Холодный
8. Хотылёво II	0,09	0,29		Нет данных			»	?
9. Кириловская	0,0004	0,001	0,046	0,09	0,007	0,01	»	Холодный
15. Межирич	0,34	0,48	0,04	0,05	0,02	0,02	»	»
16. Мезин	0,56	0,62	0,23	0,24	0,10	0,10	Высокий	Холодный — теплый
21. Пушкари I	0,30	0,62	0,01	0,02	0,01	0,02	Низкий	Холодный
22. Пушкари I	0,16	0,34	0,13	0,21	0,08	0,13	Высокий	Теплый
23. Радомышль	0,26	0,54	0,01	0,02	0,01	0,02	Низкий	Холодный — теплый?
24. Супонево	0,24	0,40	0,15	0,22	0,08	0,11	Высокий	»
25. Тимоновка I	0	0	0,02	0,08	0,02	0,08	Низкий	Холодный
26. Тимоновка II	0	0	0,03	0,01	0,03	0,01	»	»
29. Журавка	0,36	0,75	0,36	0,75	0,36	0,75	Высокий	Теплый

Таблица 6

Индексы разнообразия для стоянок с нарушенным культурным слоем

Стоянка	*H*	*J*	*H*	*J*	*H*	*J*	Индекс *J*	Сезон
	с учетом всех остатков мамонтов		с учетом половины остатков мамонтов		без учета остатков мамонтов			
2. Чулатово I	0,13	0,16	0,22	0,29	0,31	0,44	Высокий	Теплый
14. Курово	0,34	0,71	0,31	0,64	0,11	0,37	»	»
17. Новгород-Северский	0,32	0,38	0,40	0,48	0,25	0,30	»	»
18. Ново-Бобовичи	0	0	0	0	—	—	—	—
28. Юровичи	0,007	0,01	0,03	0,06	0,28	0,93	Низкий	Холодный

Мои выводы относительно времени обитания стоянок таковы. 1) Стоянки с жилищами из костей мамонта с ямами или без ям были заселены в холодное время года. 2) Стоянки без жилищ и ям-хранилищ были заселены в теплые месяцы. 3) Стоянки без жилищ с ямами также заселялись в холодное время года.

В данных, хотя они и дали выразительные показатели, есть основания для двоякого истолкования. Три стоянки с жилищами из костей мамонта — Мезин, Радомышль и Супонево (все три базовые стоянки) — дали высокий индекс разнообразия (выше 0,20). Равным образом, ввиду предполагаемой связи между высоким значением индекса *J* и остатками жилых сооружений, удивляет отсутствие их на Хотылево II. В другом месте я подробно разбирала вопрос и отметила уникальность Хотылево II для верхнего палеолита Десны — Днепра (в каменных орудиях, в наборе изделий из кости и в произведениях искусства) и показывала, что: 1) эта стоянка уникальна и 2) ее особенности не вписываются в типологию стоянок [20]. Я предполагаю, что Радомышль, Супонево и Мезин не согласуются со схемой по другим причинам. Радомышль, возможно, датируется более теплым отрезком либо брянского интерстадиала [20], либо более позднего теплого периода. По этой причине мы можем предположить более умеренное природное окружение с более разнообразной фауной. Соответственно, мы можем ожидать больший размах вариаций в индексах разнообразия, чем вариации индекса для стоянок холодной части валдая.

Труднее объяснить данные для Мезина и Супонево. Во-первых, и холодный, и теплый период обитания стоянок не может быть объяснен круглогодичным, постоянным присутствием человека на этих стоянках. Эти стоянки несущественно отличаются от других им подобных и по мощности их культурных слоев, и по величине (в килокалориях) пищевых запасов, по насыщенности культурными остатками, по жилым остаткам. Я полагаю, что обе стоянки были обитаемы в течение нескольких сезонов, на что указывают признаки нескольких последовательных моментов их обитания. В другой работе я предположила, что затраты на доставку добываемого продукта питания предполагают добывание накапливаемых в ямах продуктов неподалеку от ям-хранилищ [20]. Если мы предположим, что добывание мяса и заготовление его в ямах-хранилищах происходило в теплые месяцы, то мы должны заключить, что палеолитические охотники жили вокруг своих ям-хранилищ не только зимой, но и летом, хотя бы отчасти. В некоторых случаях места охотничьей добычи и обработки орудий в теплые месяцы располагались поблизости от этих мест в зимнее время. Тогда, в зависимости от скорости накопления вмещающей культурные остатки породы, эти два накопления культурных остатков могут оказаться неотличимы друг от друга. В других случаях два места деятельности могут оказаться разделенными в пространстве. Мезин может относиться к первому случаю. Второй случай мог реализоваться

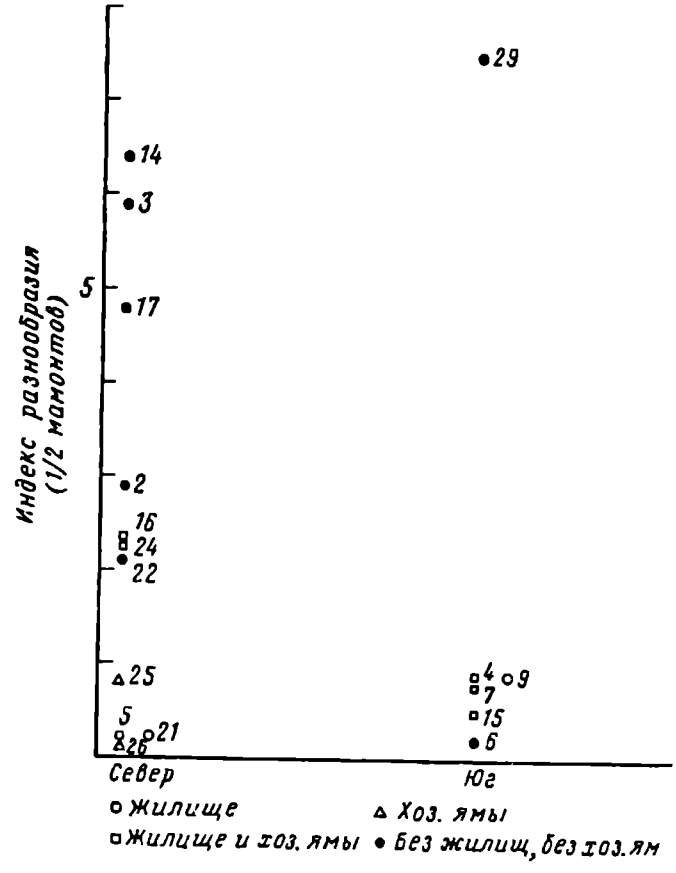


Рис. 2. Пространственное распределение индекса разнообразия значения *J*

на нескольких стоянках Пушкарей. Пушкари I, которые я оцениваю как стоянку, обитаемую в холодное время года, расположены всего в 300 м от Пушкарей II, обитаемых в теплое время года. Взаимоотношения этих двух стоянок остаются неясными [15, 17, 38]. Обе стоянки раскопаны на относительно малой площади, и пространство между памятниками не исследовано.

Наконец, в Супонево нет достаточных данных, чтобы предположить какое бы то ни были истолкование. Однако я полагаю, что высокий индекс разнообразия в Супонево, как и в Мезине, скорее результат сезонного перемещения базового лагеря на более короткое расстояние, чем обычно.

Изучение и вычисление индексов разнообразия показало, что стоянки, обитаемые в холодное и в теплое время года, расположены и в северной, и в южной частях изучаемой области. Рисунок 2 показывает, что стоянки северной части отличаются большим разнообразием. Только одна стоянка южной части, Журавка, обнаруживает высокий индекс и является стоянкой, обитаемой в теплое время года. Однако, как я уже говорила, индекс разнообразия сам по себе может указывать на разные решения вопроса, в разном смысле, и низкий показатель может указывать на специализацию, на добывание того или иного одного источника питания. Сравнение доли стоянок, заселенных в теплые месяцы, и стоянок, где люди жили в холодное время года, по двум регионам изученного района показывает примерно одинаковые пропорции: 47% среди северной группы стоянок и 67% среди стоянок южной группы были заселены в холодное время года. Это обстоятельство можно истолковать в пользу предположения о сравнительно малой (в пространстве) подвижности населения центральной части Русской равнины от сезона к сезону (см. табл. 7).

Выводы. Индекс разнообразия — один из способов распределения стоянок в

Таблица 7

Региональные особенности в сезонных стоянках

Регион	Общее число стоянок с определенным сезоном пребывания	Стоянки, занятые в холодное время года		Стоянки, занятые в теплое время года		Число стоянок с неопределенным временем пребывания
		число	%	число	%	
Север	15	7	47	8	53	2
Юг	6	4	67	2	33	0
Всего	21	11	52	10	48	2

зависимости от сезона обитания [20]. В процессе анализа использовались также и другие источники, прямо или косвенно указывающие на время заселения стоянки, такие как: этология видов животных, представленных на стоянке, половозрастной состав добываемого в качестве охотничьей добычи вида, присутствие или отсутствие сезонночувствительных видов, таких как птицы и рыбы, высотное расположение стоянок, соотношение очагов внутри жилого сооружения с очагами вне жилых остатков [20]. Данные анализов такого рода находятся в хорошем соответствии с заключениями, полученными на основании индекса разнообразия. Этот индекс хотя и не всегда однозначен, однако подходит для случаев, где фаунистические остатки уже не могут быть изучены повторно. Метод этот наилучшим образом может быть использован в сочетании с другими, независимыми методами определения времени заселения, после того как установлена типология стоянок на основе способов получения продуктов питания.

Мои выводы относительно стоянок верхнего палеолита сводятся к следующему: 1) все они были заселены сезонно, ни одна из стоянок не была заселена круглый год, несколько лет или в течение десятка лет; 2) стоянки, где жили в теплое время года и стоянки, где жили в холодное время года, присутствуют в обеих частях изучаемого района и указывают на устойчивость норм поведения.

Полученные выводы могут быть оспорены из-за отсутствия надежных данных по хронологии эволюции климатов прошлого. Я согласна, что твердые заключения не могут быть получены относительно времени заселения стоянок без данных по природному окружению и хронологии. Но я полагаю, что данные по природному окружению и хронологии так же проблематичны, как и данные о времени заселения стоянок, однако они уточняют наши сведения о нормах заселения стоянок, и мы должны обращаться к этим проблемам, если хотим перейти от изучения отдельных стоянок к изучению всего мира верхнего палеолита. В качестве единицы анализа мы должны взять именно отдельные районы, поскольку группы верхнепалеолитического населения заселяли не отдельные стоянки, а использовали для своего проживания целые регионы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rütimeyer L.* Die fauna der Pfahlbauten in der Schweiz interscuch ungen uber die Geschichte der wilden und der Haus-Saugerthiere von Mittel-Europa. Basel: Bahnmaier, 1861.
2. *Иностранцев А. А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.: Изд-во Стасюлевича, 1882.
3. *Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М.: Наука, 1977.
4. *Верещагин Н. К.* Записки палеонтолога. Л.: Наука, 1981.
5. *Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е.* Остатки млекопитающих палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне//Мамонтовая фауна Русской равнины и Сибири. Тр. Зоол. ин-та. 1977. 72.
6. *Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит)//Тр. Ин-та геол. наук. 1948. Вып. 64.
7. *Ермолова Н. М.* Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск: Наука, 1978.
8. *Лебедев В. Д.* Материалы по промысловой ихтиофауне городищ рек Десны. Сейма//Уч. зап. МГУ. 1952. Вып. 158.

9. *Никольский Г. В., Соколов Л. И., Цепкин Е. А.* Закономерности изменения промысловой ихтиофауны за период антропогена//Журн. общ. биологии. 1972. 33. № 3.
10. *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наук. думка, 1969.
11. *Пидопличко И. Г.* Межирические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наук. думка, 1976.
12. *Бибиков С. Н.* Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита//СА. 1969. № 4.
13. *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев: Наук. думка, 1965.
14. *Корниец Н. Л., Гладких М. И., Величко А. А. и др.*//Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М.: Наука, 1981.
15. *Борисковский П. И.* Палеолит Украины//МИА. 1953. № 40.
16. *Борисковский П. И., Праслов Н. Д.* Палеолит бассейна Днепра и Приазовья//САИ. 1964. Вып. А 1—5.
17. *Воеводский М. В.* Палеолитическая стоянка Раборий Ров//Уч. зап. МГУ. 1952. Вып. 158.
18. *Guilday J. E.* Animal remains from archaeological excavations at Fort Ligioner//Annals of the Carnegie Museum. 1970. 43.
19. *Верещагин Н. К.* Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР//Материалы по фаунам антропогена. Тр. ЗИН. 1971. Т. 49.
20. *Soffer O.* The Upper Palcolithic of the Central Russian Plain. Orlando: Acad. Press, 1985.
21. *Monks G. G.* Seasonality studies//Advances in Archaeological Method and Theory. V. 4. N. Y.: Acad. Press, 1981.
22. *MacArthur R., MacArthur J.* On bird species diversity//Ecology. 1961. 42.
23. *Odum E. P.* Fundamentals of ecology (3rd edition). Philadelphia, Saunders, 1971.
24. *Pielou E. C.* An introduction to mathematical ecology. New York, Wiley, 1969.
25. *Conkey M. W.* The identification of prehistoric hunter-gatherer aggregation sites: the case of Altamira//Current Anthropology. 1980. V. 21. № 5.
26. *Kintigh K. W.* Measuring archaeological diversity by comparison with simulated assemblages//Americal Antiquity. 1984. 49. № 1.
27. *Yellen J. E.* Archaeological approaches to the present: models for reconstructing the past. New York: Acad. Press, 1977.
28. *Yessner D. R.* Archaeological application of optimal foraging theory: harvest strategies of Aleut hunter-gatherers//Hunter-gatherer foraging strategies/Eds B. Winterhalder, E. A. Smith. Chicago: The University of Chicago Press, 1981.
29. *Zar J. E.* Biostatistical Analysis. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall, 1974.
30. *Binford L. R.* Nunamiut Ethnoarchaeology. New York: Acad. Press, 1978.
31. *Binford L. R.* Bones: ancient men and modern myths. New York: Acad. Press, 1981.
32. *Boas F.* The Central Eskimo. Lincoln, Nebraska: The University of Nebraska Press, 1964.
33. *Helm J.* The nature of Dogrib socioterritorial groups//Man the Hunter. Chicago: Aldine Press, 1968.
34. *Jochim M. A.* Hunter-gatherer subsistence and settlement: a predictive model. New York: Acad. Press, 1976.
35. *Keene A. S.* Prehistoric foraging in temperate forest — a linear programming model. New York: Acad. Press, 1981.
36. *Nelson E. W.* The Eskimo about Bering Straits (orig. 1899). New York: Johnson Reprint Co., 1971.
37. *Binford L. R., Chasko W. J., Jr.* Nunamiut demographic history: a provocative case//Demographic Anthropology. Albuquerque, New Mexico: University of New Mexico Press, 1976.
38. *Воеводский М. В.* Стоянка Аникеев Ров I (Пушкари II)//Уч. зап. МГУ. 1952. Вып. 158.

Иллинойский университет, США

O. A. SOFFER

THE UPPER PALAEOLITHIC ECONOMY: SEASONS OF OCCUPATION AT SOME ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE RUSSIAN PLAIN

Summary

This article presents the use of the diversity index calculated on faunal remains as a sensitive measure of the season of occupation at archaeological sites. After presenting the index itself its efficacy is checked against ethnographic data. The diversity index is then calculated for the Upper Palaeolothic sites located on the central part of the Russian (or East European) plain. After discussing the advantages and disadvantages in the use of the index, the author states that while problematic, the index does permit to conclude that the sites in question were seasonally occupied and do not represent sedentary settlements proper.

В. В. СЕДОВ

ДРЕВНЕЕВРОПЕЙЦЫ

В Западной Европе в бронзовом веке на протяжении семи-восьми столетий в окружении относительно небольших культурных группировок, обладавших разными ареалами, традициями, связями и уровнями развития, существовало довольно крупное культурно-историческое образование. В середине бронзовой эпохи это была культура курганных могил (1500—1250/1200 гг. до н. э.), племена которой заселяли широкие пространства Средней Европы от Рейнских земель на западе до Тисы на востоке (рис. 1).

Культура получила название по распространенному и весьма характерному погребальному обряду — захоронения совершались под курганными насыпями [1, с. 510—517; 2, с. 81—84; 3, с. 71—87; 4, с. 49, 50, 57—60; 5, с. 314—319]. Могильники обычно состоят из нескольких десятков курганов с внутренними каменными конструкциями или разнообразными деревянными погребальными сооружениями и окружены венцом, сложенным из камней. Умершие, как правило, погребались по обряду ингумации с сопровождающим инвентарем (чаще всего это украшения) в основаниях курганных насыпей или в грунтовых ямах под ними. Встречаются и погребения по обряду кремации, в отдельных районах они были даже преобладающими. Остатки трупосожжений помещались в глиняных урнах или цистах.

Вещевой материал, происходящий из раскопок поселений, определенно свидетельствует о земледельческо-скотоводческом характере экономики населения рассматриваемой культуры. На первом месте в составе стада был крупный рогатый скот, он был и основной тягловой силой, в том числе для обработки пахотных земель.

В эпоху культуры курганных могил началось активное развитие металлургии. В значительных масштабах добыча руд производилась прежде всего в Восточных Альпах. В ареале этой культуры залежи медных руд находились еще в Карпатах и Чешских Рудных горах, где имелись и месторождения олова. Они были освоены населением рассматриваемой культуры. Регионы, где имелись залежи руд, начинают приобретать особое значение.

Бронзовые изделия культуры курганных могил уже весьма многообразны. Среди украшений обычны одежные булавки с шаровидными, биконическими, дисковидными и просто завернутыми головками, плоские браслеты с двойными спиральными розетками по краям, иногда украшенные резным орнаментом, сердцевидные и лилиевидные подвески, спиральные перстни. Среди бронзовых орудий труда распространяются серпы и ножи с литыми рукоятками. Встречаются также пальштабы, топоры, шилья. Предметы вооружения представлены бронзовыми кинжалами, наконечниками копий и мечами с цельнолитыми рукоятями.

Весьма разнообразна глиняная посуда — амфоровидные сосуды, разнотипные миски, чаши, кувшины. Украшались они или насечками, заполненными инкрустацией, или имели пластическую орнаментацию в виде соскообразных или реберчатых выпуклостей или каннелюр. На поселении Загоре в Словакии раскопана гончарная мастерская. Гончарные печи и склады готовой продукции гон-

© В. В. Седов, 1993 г.

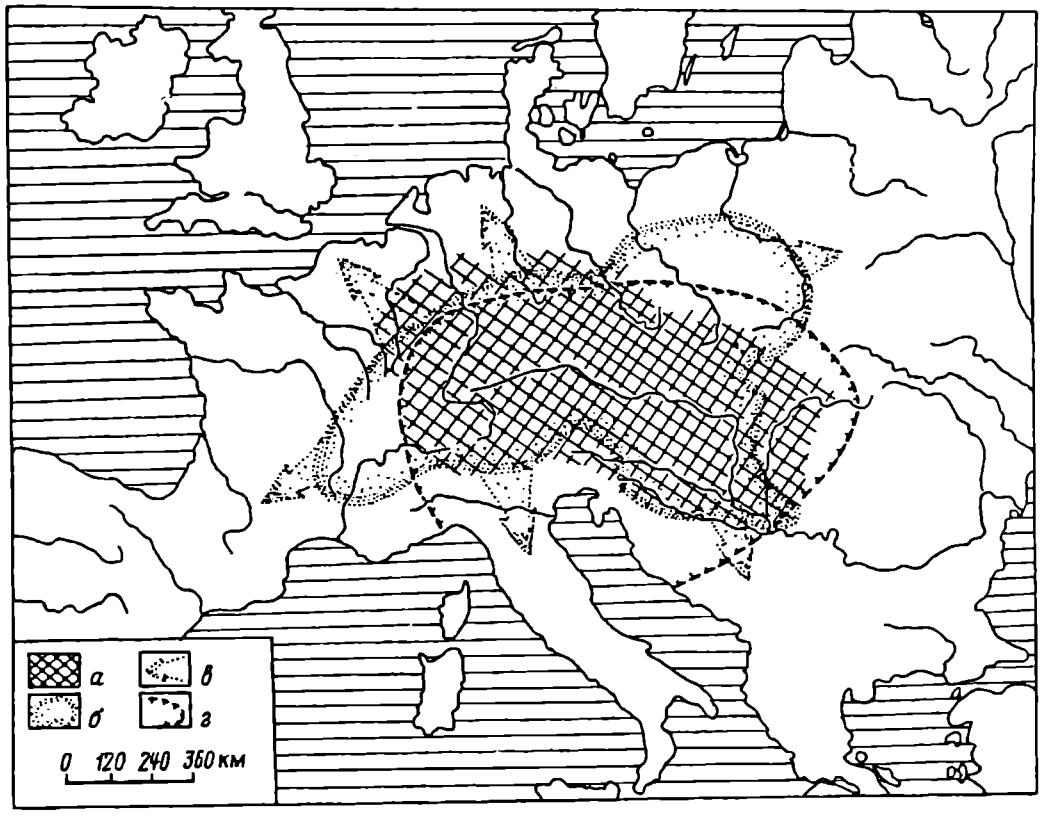


Рис. 1. Ареалы древнеевропейцев во второй половине II тыс. до н. э. *а* — ареал культуры курганных могил; *б* — ареал среднеевропейской общности полей погребальных урн; *в* — основные направления расселения племен среднеевропейской общности; *г* — центральноевропейский культурный регион, выявляемый по лингвистическим данным (по О. Н. Трубачеву)

чаров выявлены на целом ряде поселений, что дает основание говорить о функционировании в ареале культуры курганных могил ремесленных центров.

Племена рассматриваемого среднеевропейского региона создали сравнительно высокую материальную и духовную культуру, обладающую многими определенными чертами сходства. Вместе с тем выделяются и локальные различия. Так, в западной части ареала различаются нижнерейнская, вюртембергская, хагенауская (эльзасская), среднерейнская, гессенская и люнебургская (ильменауская) группы, в восточной — чешско-пфальская (восточнобаваро-чешская), среднедунайская и карпатская (юго-восточная).

Происхождение культуры курганных могил — пока нерешенная проблема. М. Гимбутас вслед за рядом других исследователей полагает, что в ее основе лежит унетицкая культура, которая в предшествующее время (1800—1500 гг до н. э.) была распространена на части ареала культуры курганных могил. Между этими культурами действительно наблюдаются черты преемственности.

Территория культуры курганных могил постепенно увеличивалась за счет расселения ее носителей и ассимиляции инокультурного населения. Археологические данные отчетливо показывают, как племена рассматриваемой культуры в ходе своего расселения распространяли элементы свойственных им обрядности, керамики и металлических изделий и, таким образом, положили начало образованию некоторых из культурных групп, которые были названы выше.

На поздней стадии развития в культуре курганных могил получают распространение бескурганные захоронения по обряду трупосожжения. Этот процесс завершился во второй половине XIII в. до н. э.; обычай сооружать курганы полностью исчезает, а обряд кремации умерших повсеместно становится господствующим ритуалом. Новая обрядность — захоронения остатков трупосожжения

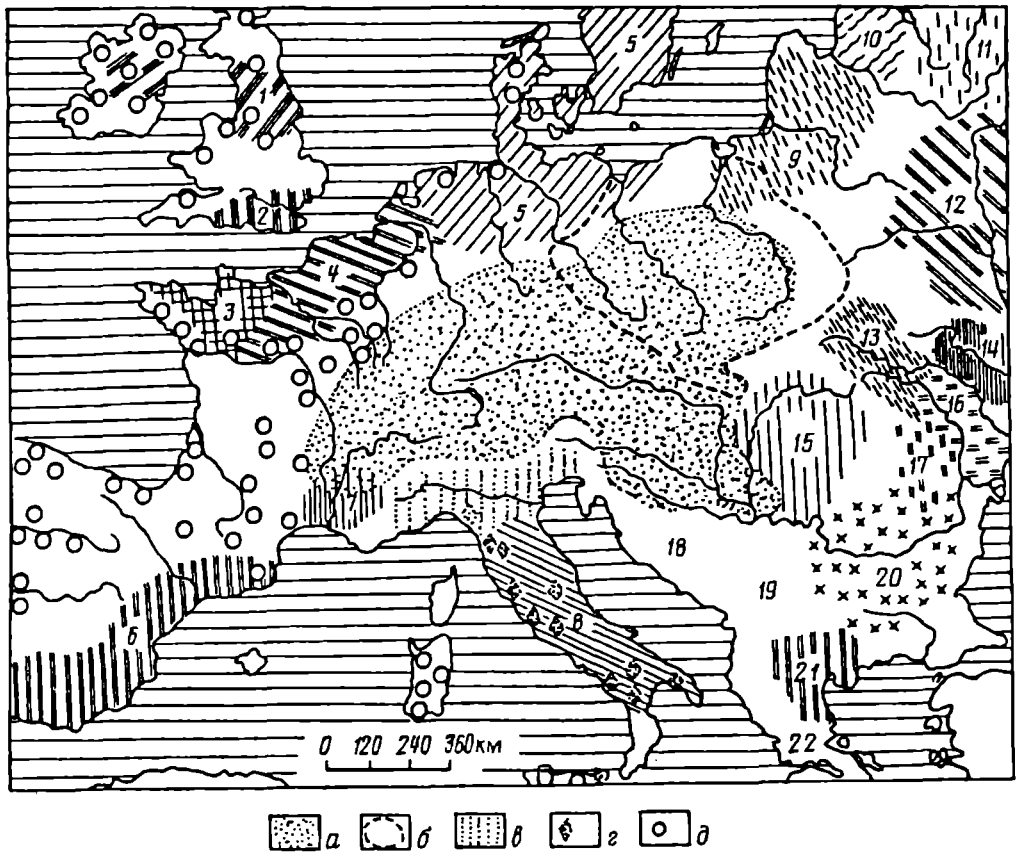


Рис. 2. Средняя Европа во второй половине II тыс. до н. э. *а* — ареал среднеевропейской общности полей погребальных урн; *б* — граница распространения лужицкой культуры, сложившаяся в результате расселения ее носителей; *в* — культура террамар; *г* — следы инфильтрации племен среднеевропейской общности полей погребальных урн на Апеннинском полуострове; *д* — распространение мегалитических сооружений. *1* — культура Фуд Вессел; *2* — Уэссекс; *3* — Бретонская; *4* — Сены — Уазы — Марны; *5* — северные культуры бронзы; *6* — Эль-Аргар; *7* — Роны; *8* — апеннинская; *9* — жуцевская; *10* — культура боевых топоров Эстонии; *11* — фатьяновская; *12* — сосницкая; *13* — комаровская; *14* — белогрудовская; *15* — Перьямош-Печица; *16* — Ноа; *17* — Монтеору; *18*, *19* — древности эпохи поздней бронзы Югославии; *20* — инкрустированной керамики; *21* — позднемакедонская; *22* — позднеэлладская

в урнах на грунтовых могильниках — «полях погребений» — дала название новому крупному образованию XIII—VIII/VII вв. до н. э. (рис. 1 и 2) — среднеевропейской культурно-исторической общности полей погребальных урн [2, с. 168—175; 3, с. 119—159; 4, с. 335—380; *5*, с. 334—364; 6].

Параллельно происходят и некоторые изменения в хозяйственной деятельности населения. Господствующей отраслью экономики становится земледелие, а скотоводству отводится вторая роль. Земля обрабатывалась плугом, и лошадь приобретает хозяйственное значение. Впрочем, нередко по-прежнему плуги тянулись и волами. Основными земледельческими культурами были пшеница-эммер (полба) и пленчатый шестирядный ячмень, которые культивировались в Средней Европе и раньше. Теперь к ним добавляются овес и рожь. Выращивались еще полевой горох и чечевица, культивировались также лен и масличные — мак и репс.

Наблюдается еще более активное развитие бронзовой металлургии. Орудия труда более широко представлены топорами, серпами, ножами и шильями, предметы вооружения — наконечниками копий и стрел, а также мечами, при этом постепенно получают распространение мечи длиной 80—100 см с литой массивной рукояткой.

Еще более широкое распространение получают бронзовые украшения — одежные булавки разных типов, браслеты, перстни, височные кольца, ожерелья из трубочек и бус. Появляется обычай застегивать одежду фибулами, встречаются

и бронзовые орнаментированные пуговицы. На позднем этапе получают распространение бронзовые сосуды.

Некоторые исследователи рассматриваемых древностей считают, что на добыче руд и выплавке металлов в связи со значительным расширением этой деятельности специализировались отдельные общины. Добыча руды, металлургия бронзы и изготовление изделий из нее были весьма сложными процессами, которые могли осуществлять специалисты-ремесленники. Поэтому внутри среднеевропейской общности полей погребальных урн сформировались отдельные общины из кузнецов-медников, металлургов и рудокопов, которые обслуживали другие общины, занятые сельскохозяйственной деятельностью.

Основная масса поселений среднеевропейской общности была неукрепленной, размеры их различны — от небольших до крупных, площадью около 50 га. Располагались они в местах, наиболее пригодных для сельскохозяйственной деятельности, на всхолмлениях вблизи рек или ручьев, иногда в речных долинах. Некоторые из селений обносились рвами. Со временем появляются и укрепленные поселения, устроенные в местах, приспособленных для обороны,— на мысах, островках, высоких возвышениях и т. п. Они укреплялись искусственными сооружениями — стенами, сложенными из камней, валами из земли и дерева, палисадами из бревен. К числу наиболее изученных укрепленных поселений принадлежат Бискупинское — в 90 км северо-восточнее Познани, устроенное на острове среди болотистого торфяника [7, с. 84—101; 8], Бухау — на о-ве Федерзее в Баварии [9] и целый ряд городищ на высоких холмах в Дунайском регионе.

Жилищами служили наземные постройки со столбовой конструкцией стен. На ряде поселений среднеевропейской общности в Чехии выявлены жилища со стенами, обмазанными глиной. Внутри обмазка расписывалась геометрическим орнаментом белой и красной краской. На всех поселениях обычны грушевидные ямы для хранения зерна и загоны для скота. На поселении Бух близ Берлина исследованы большие закопанные в землю глиняные сосуды для хранения продовольственных запасов.

По особенностям глиняной посуды и некоторым другим культурным элементам в составе среднеевропейской общности полей погребальных урн выделяется несколько групп (или культур). Наиболее крупная из них — лужицкая занимала северо-восточные земли ареала общности, включая бассейны Одера, Вислы и правобережья Эльбы. К ранней стадии среднеевропейской общности принадлежат также рейнско-швейцарская, майнская, восточнофранцузская, южнонемецкая, велатицкая, бейердорфская, хотинская, вальская, кновизская и мелавичская культуры. На поздней стадии развития рассматриваемой общности образуются уже иные группы. Только лужицкая культура продолжала функционировать и в это время. Кроме того, выделяются нижнерейнская, рейнско-швейцарская, южнофранцузская, каталонская, штильфридская, майнская, южнонемецкая, иллирийская и некоторые другие более мелкие формирования. В самой лужицкой культуре исследователи ее выделяют несколько локальных групп.

Культурные образования внутри среднеевропейской общности полей погребальных урн не были стабильными, границы между ними постоянно изменялись. Представляется, что внутри общности шли процессы и дифференциации, и интеграции, причем последние имели большую силу — в начале I тыс. до н. э. культурная общность была менее пестрой, более единообразной, чем в предшествующее время. На основе анализа всех материалов складывается впечатление, что население среднеевропейской общности составляло более или менее однородный в культурном и языковом отношении массив племен. Отдельные группировки его находились в постоянных контактах между собой, не создавая изолированно развивающихся образований.

Археологические материалы дают и некоторые представления о верованиях племен, составляющих среднеевропейскую общность. Близость духовной культуры этого населения несомненна, о чем говорят в частности сходные представления о символах жизни и амулеты-обереги [10]. При раскопках в множестве пунктов

встречены разнообразные подвески с украшениями в виде птичьих голов. Такими же изображениями украшались бронзовые сосуды и предметы вооружения. Обычно изображались лебеди или другие водоплавающие птицы, которые были солнечными символами, связывающими небесную и земную сферы. Символами солнца служили также концентрические круги, колеса, кресты и бычьи рога. Такие элементы — символы культа солнца — характерны для всего ареала среднеевропейской общности полей погребальных урн и зарегистрированы еще в тех регионах, где сказывается ее влияние. На позднем этапе эволюции рассматриваемой общности получает распространение обычай хоронить высших представителей общества на повозках, которые также нередко украшались изображениями птиц.

Повсеместное распространение обряда трупосожжения в ареале этой общности, как полагают исследователи, свидетельствует о господстве единых представлений о загробной жизни, согласно которым огонь помогал душе человека освободиться от тела и вознестись на небо. В погребальные костры, чтобы облегчить «полет души», иногда клали крылья птиц.

Картография поселений и могильников среднеевропейской общности свидетельствует о повышенной плотности населения, особенно это касается поздних стадий ее развития. Очевидно, избыток населения стал одной из причин его миграции. В западном направлении, по-видимому, из Рейнских земель носители общности полей погребальных урн проникают в глубь территории Франции, достигая Атлантического побережья, и в северные районы Испании. Поздний этап бронзового века в этих регионах характеризуется сильным воздействием культуры полей погребальных урн, а некоторые исследователи выявляют даже две миграционные волны, шедшие из ареала среднеевропейской общности [11, с. 116—246]. Проникновение отдельных групп носителей культуры полей погребальных урн фиксируется археологами также на Британских островах и в Нидерландах и смежных землях [12, с. 113—136].

Племена среднеевропейской общности распространились и по Апеннинскому полуострову, о чем ниже будет сказано подробнее. Распространение населения этой общности фиксируется археологически также в землях между Дравой и Савой и в Потисском регионе.

В позднем бронзовом веке, как полагают некоторые исследователи, имела место и миграция среднеевропейского населения далеко на юго-восток. В это время заканчивает свое существование микенская цивилизация, гибнет Хеттское государство, подвергаются разрушению города Леванта. Археологи связывают эти события с миграциями населения из Средней Европы [3, с. 329—339; 13, с. 220—283].

Попытки определить этническую принадлежность населения среднеевропейской общности полей погребальных урн предпринимались ее исследователями давно. В 20—40-х годах XX в. многие археологи считали, что ядром этой общности была лужицкая культура, а другие культуры ее являются результатом расселения лужицких племен. Лужицкие древности приписывали и германцам, и фракийцам, и иллирийцам. Г. Коссина идентифицировал племена лужицкой культуры с «северными иллирийцами».

Представляется, что больше всего приблизился к правильному решению вопроса об этносе носителей среднеевропейских культур полей погребальных урн австрийский археолог Р. Питтиони еще в конце 30-х годов [14, с. 185—222; 15]. На основе археологических материалов он попытался показать, что наиболее ранние древности кельтов, италиков, германцев и иллирийцев, известных по античным источникам, восходят к среднеевропейской общности полей погребальных урн и, следовательно, названные этносы сформировались на единой древней иллирийской основе. Теория панилиризма в те годы еще была весьма популярна. Она приписывала иллирийцам исключительную роль в древней европейской истории. Под ее воздействием и строил свои выводы Р. Питтиони.

В тот же период чешский археолог Я. Бём в полемике с Ю. Костшевским, настойчиво проводившим мысль о славянской (венедской) атрибуции населения

лужицкой культуры, в ряде работ утверждал, что носителями среднеевропейских культур полей погребальных урн была ветвь индоевропейских племен, неизвестная по имени, которая приняла участие в формировании кельтов, иллирийцев, славян и других исторических этносов [16].

Научная гипотеза немецкого лингвиста Г. Краэ, сформулированная в 50—60-х годах, явилась итогом его многолетнего изучения западных индоевропейских языков [17, с. 1—16; 18; 19]. В то время когда анатолийские, индоиранские, фракийские, армянский и греческий языки развивались уже как самостоятельные полностью оформившиеся языки, утверждает этот исследователь, италийский, кельтский, иллирийский, германский, балтский и славянский еще не существовали. Во II тыс. до н. э. в Центральной Европе существовала этноязыковая общность, из которой позднее вышли кельты, италики, иллирийцы, венеты, германцы, балты и на окраине славяне. Эта общность, названная Г. Краэ древнеевропейской, объединяла большую группу племен, говорящих на древних индоевропейских диалектах, которые в своем развитии были довольно близки друг к другу и находились в постоянных контактах. Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и религии. Следами расселения их являются древнеевропейские водные названия, выделенные Г. Краэ на основе совпадения основ и суффиксов. Они распространены от Южной Скандинавии на севере до материковой Италии на юге и от Британских островов на западе до Юго-Восточной Прибалтики на востоке. Среднеевропейские земли севернее Альп, по мнению исследователя, были наиболее древними.

Несмотря на то что позднее работами В. П. Шмита [20, с. 98—116; 21, с. 1—12] и других лингвистов было показано более широкое распространение водных названий древнеевропейских типов и утверждается мысль об отнесении их к ранним индоевропейским, положение Г. Краэ о существовании древнеевропейской языковой общности получило признание в ряде работ, поскольку оно подтверждается дополнительными фактами.

Так, В. И. Абаев выявил целый ряд ирано-европейских (скифо-европейских) языковых схождений и параллели в области мифологии, которые, по его мнению, вполне определенно говорят о тесных контактах древнейшего ираноязычного населения Юго-Восточной Европы с еще нерасчлененными западноевропейскими племенами. В этой связи древнеевропейскую языковую общность, в которую входили будущие кельты, италики, германцы и славяне (по В. И. Абаеву, и тохары), следует считать исторической реальностью [22, с. 127—129].

Никак не связывая свои наблюдения с построениями Г. Краэ, О. Н. Трубачев на основе анализа ремесленной (гончарной, кузнечной, текстильной и деревообрабатывающей) лексики пришел к заключению, что носители раннеславянских диалектов или их предки в период, когда формировалась эта терминология, находились в тесных контактах с будущими италиками и германцами и составляли с ними вместе центральноевропейский культурный регион [23].

Позднее О. Н. Трубачев показал, терминология металлургии и обработки металлов объединяет ранних славян не только с италиками и германцами, но и с кельтами. Это обстоятельство стало одним из факторов, говорящих в пользу локализации этим исследователем древнейших славян на Среднем Дунае [24, с. 81, 82].

Согласно Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову, древнеевропейцы, из среды которых позднее сформировались кельты, италики, иллирийцы, германцы и славяне, представляли собой еще слабо расчлененную на отдельные диалекты общность, которая, отделившись от остальных индоевропейцев, несколькими миграционными волнами продвигались из Средней Азии в западном направлении. В III тыс. до н. э. какое-то время древнеевропейцы проживали в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье, а затем двинулись в более западные регионы. К периоду продвижения их в Европу принадлежит ряд лексических древнеевропейско-тохарских изоглосс, лексические заимствования древнеевропей-

цев из алтайских языков и заметное лексическое воздействие древнеевропейцев на финно-угров [25, с. 938—955].

Комментируя концепцию Г. Краэ о древнеевропейцах Р. Питтиони высказал догадку об их идентификации с неолитическими племенами культуры воронковидных кубков, расселившимися в Северной Европе (Германия, Дания, Нидерланды, Южная Швеция, Польша, часть Чехии и Западной Украины). Период же кристаллизации древнеевропейцев этот исследователь отнес к культуре колоколовидных кубков (2000—1800/1700 гг. до н. э.), носители которой были скотоводами и расселились в западноевропейских землях довольно широко — от Пиренейского полуострова до верховьев Вислы и нижнего течения Тисы [26, с. 203—228]. Однако отождествление древнеевропейцев с этими культурами мало вероятно. Археологически это никак не доказывается. Культура колоколовидных кубков скорее всего сложилась в Северо-Западной Африке или на Пиренейском полуострове и оттуда ее носители распространялись в северо-восточном направлении. Генетически вывести из среды ее племен исторических италиков, кельтов, иллирийцев и другие западноевропейские этносы просто невозможно.

Более реальной представляется мысль, высказанная В. Киммигом, об идентификации древнеевропейской языковой общности с племенами среднеевропейских культур полей погребальных урн [13, с. 220—283].

В настоящее время возросший объем археологической информации позволяет осветить проблему древнеевропейцев достаточно конкретно. Принадлежность племен среднеевропейской общности полей погребальных урн к древнеевропейской языковой общности обосновывается генетической преемственностью ранних древностей кельтов, иллирийцев, италиков и некоторых других западноевропейских этносов с культурами среднеевропейской общности.

Эта культурно-историческая общность целостно существовала до начала железного века (VIII—VII вв. до н. э.). В разных частях ареала конец культур полей погребальных урн наступил неодновременно, что обусловлено различными историческими обстоятельствами. Важнейшим среди них стало распространение железа, вызвавшее переворот в развитии техники и культуры. В отличие от медных и оловянных железные руды распространены в природе широко. Железо добывалось повсюду из бурых железняков — болотных, луговых и озерных. Распространение железа привело к прекращению функционирования прежних металлургических центров и расширило возможности среднеевропейского населения. Пахотные орудия с железными наконечниками и железные топоры позволили заметно увеличить площади культивируемых земель, повысить производительность труда в земледелии. Появились серии железных орудий труда и быта, неизвестные прежде. Улучшились деревообрабатывающее ремесло и строительное дело, заметные сдвиги произошли и в развитии вооружений. Все это стабилизировало жизнь среднеевропейских племен и не могло не сказаться на их этногенетическом развитии.

Западные и дунайские области ареала среднеевропейской общности полей погребальных урн становятся одним из крупнейших очагов бурного развития железной металлургии и кузнечного дела. Здесь непосредственно на основе эволюции местных древностей эпохи поздней бронзы складывается гальштатская культура, подразделяемая на две области — западную и восточную (рис. 3).

Западногальштатская культура (VIII—V вв. до н. э., по П. Рейнеке) первоначально охватывала области верхних течений Рейна, Дуная и Роны, но очень скоро распространилась на земли значительной части Франции и Северной Испании [27, с. 270—279, 539—555; 28]. Континуитет между западногальштатской культурой и культурами полей погребальных урн вне какого-либо сомнения. Эти культуры имеют весьма близкие характеристики. Характер поселений основной массы населения не претерпел изменений. Земледелие становится более продуктивным, что привело к увеличению концентрации населения. Наблюдается рост числа укрепленных поселений, где проживали ремесленники и воины, составляя особую социальную прослойку. Укрепленные селения гальштата про-

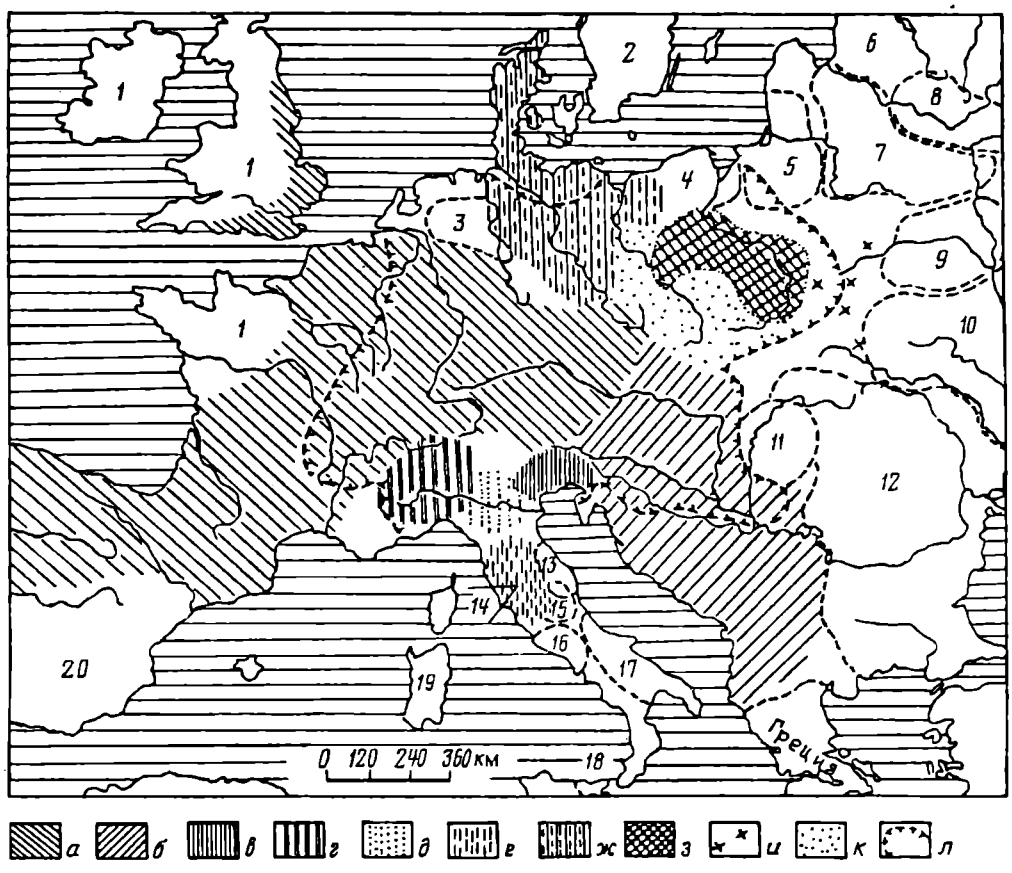


Рис. 3. Средняя Европа в начале железного века. *а* — западногальштатская культура; *б* — восточногальштатская область; *в* — культура эсте; *г* — голасекка; *д* — террамар; *е* — вилланова; *ж* — ясторфская; *з* — подклошовых погребений; *и* — отдельные могильники культуры подклошовых погребений; *к* — познелужицкие древности; *л* — граница среднеевропейской общности полей погребальных урн в конце эпохи бронзы. *1* — регионы с наследием бронзового века Западной Европы; *2* — наследие бронзового века Северной Европы; *3* — Харштедт-Ниенбургская группа; *4* — восточнопоморская культура; *5* — западнобалтских курганов; *6* — древности прибалтийских финнов; *7* — культура штрихованной керамики; *8* — днепро-двинская культура; *9* — милоградская; *10* — скифские культуры; *11* — Куштановицкая; *12* — Фракийский гальштат; *13* — Пиценская культура; *14* — этруски; *15* — культура Перни; *16* — ямных погребений; *17* — Апулийская; *18* — Авзонская; *19* — Нурага; *20* — Тартесс

должают традиции предшествующего времени, но постепенно получают распространение крупные селения, защищенные валами с внутренними деревянными конструкциями или стенами из вертикально поставленных бревен. Для сооружения укреплений широко используется и камень. Некоторые из таких городищ стали предвестниками кельтских оппидумов.

Переход от эпохи бронзы к раннему железному веку ознаменовался в гальштатском регионе изменением погребальной обрядности. Население возвращается к старой традиции — обряду захоронений под курганами. В области верхнего течения Рейна первые курганные погребения появляются в IX—VIII вв. до н. э. Смена обрядности протекала эволюционно. А в отдельных местах и в гальштатское время население продолжало хоронить умерших в бескурганных могильниках. Так, могильник Гальштат (восточнее Зальцбурга в Австрии), давший название рассматриваемой культуре, содержит только бескурганные захоронения (около 3000), относящиеся как к культуре полей погребальных урн, так и к гальштатской эпохе.

Западногальштатские курганы обычно имели высоту 2—4 м, но нередко достигали 6—8 м. Насыпались они над опущенными в грунт погребальными камерами, стены которых облицовывались деревом. Умерших хоронили по обряду трупоположения. В могилы обычно клали множество глиняных сосудов, прототипы которых обнаруживаются в керамике культуры полей погребальных урн.

Среди западногальштатских захоронений выделяются погребения в крупных подкурганных камерах с четырехколесными повозками и богатыми деталями конской сбруи. Контраст между богатыми погребениями верхушки общества и относительной бедностью основной массы населения в гальштатское время становится ярким. При раскопках гальштатских памятников найдено немалое число высокохудожественной бронзовой посуды, в том числе привезенной из греческих и этрусских городов, есть и импортные золотые изделия.

Западногальштатскую культуру вполне определенно можно относить к кельтам. Бесспорно, что она стала основой кристаллизации латенской культуры, принадлежность которой кельтам не вызывает у исследователей никаких возражений. Кельты латенского времени известны по описаниям античных авторов. Начиная с Гекатея Милетского (около 500 г. до н. э.) и Геродота (около 450 г. до н. э.), древние авторы много рассказывают о кельтах — варварском народе, жившем первоначально «по ту сторону Альп» и отличавшемся от соседей внешним обликом, обычаями, языком и политической организацией. Еще в VI—V вв. до н. э. кельты появляются на Пиренейском полуострове, а в латенское время расселяются весьма широко — от Британии до Западного Причерноморья, а отдельные группы их проникают на Апеннинский полуостров и в Малую Азию [29—33].

Таким образом, происхождение кельтов из среды племен среднеевропейской общности полей погребальных урн представляется несомненным [2, с. 173, 187, 188; 34, с. 36—48; 35, с. 884—899]. Некоторые исследователи прямо именуют рейнско-верхнедунайскую часть носителей культуры полей погребальных урн протокельтами [36, с. 13; 37, с. 26—30]. Я. Филип считал, что важную роль в этногенезе кельтов сыграла культура курганных могил, она была «живительной средой», в которой начался процесс преобразования массы родственных племен, в результате чего чуть позже сформировался новый этнос в том виде, в каком он известен истории. Непосредственными предками кельтов, следовательно, все же были племена среднеевропейской общности полей погребальных урн, проживавшие в основном в верховьях Рейна и верхнем течении Дуная [32, с. 18—21].

География кельтских гидронимов архаических типов (с формантами -briga, -dunum, -magus) показывает, что они в большом количестве известны в Галлии, на Пиренейском полуострове и в Британии [38, с. 99—107], т. е. в землях, освоенных сформировавшимися кельтами, и полностью отсутствуют в регионе становления этого этноса — в верхних течениях Дуная и Рейна (рис. 4). Это интереснейшее наблюдение свидетельствует о том, что на своей прародине кельты пользовались еще старыми (очевидно, древнеевропейскими) водными названиями и только в процессе освоения новых земель, когда уже сформировалась собственно кельтская топонимика, появились названия вод, относимые исследователями к архаическим кельтским.

Одновременно с раннекельтской восточнее — в землях восточной Австрии, Югославии, Албании и южных районах Венгрии (рис. 3) — складывается восточногальштатская культура [39, 40]. Ее формирование на основе среднеевропейской общности полей погребальных урн аргументируется достаточными материалами. При этом не исключается передвижение носителей культур полей погребальных урн в южных направлениях и частичное смешение их с иными культурными группировками. Результатом последнего является некоторая пестрота, наблюдаемая в погребальной обрядности восточногальштатского населения и, может быть, членение на две культурные области — восточноальпийскую и гразинацкую (боснийскую).

В восточногальштатском ареале, как и в западном регионе гальштата, получают распространение курганы с захоронениями в подкурганных камерах, обложенных деревом. Иногда они содержат богатый вещевой материал, есть и захоронения с колесницами. Обряд погребения в курганах — трупоположение. Наряду с курганами в восточногальштатской области функционировали по традиции и грун-

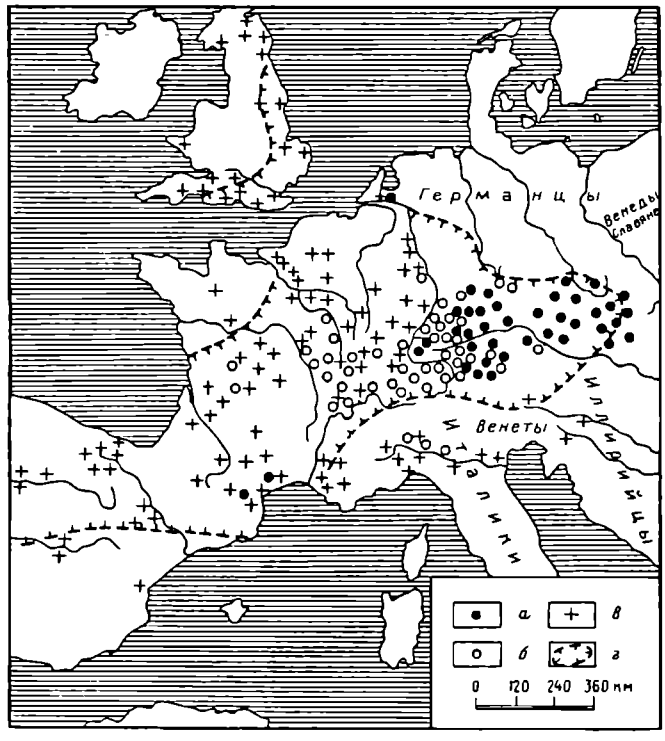


Рис. 4. Расселение кельтов в начале железного века. *а*, *б* — регион формирования кельтов (*а* — погребения с повозками периода гальштат C и C/D; *б* — периода гальштат D — по С. Пиготту); *в* — классические кельтские топонимы на -briga, -dunum, -magus (по Г. Рикс); *г* — распространение западногальштатской культуры в VIII—V вв. до н. э. (по С. Пиготту)

товые могильники, в основном с захоронениями по обряду кремации умерших, но встречаются и несожженные погребения на спине или в скорченном положении.

Поселения устраивались на возвышенных местах и некоторые из них укреплялись каменными стенами сухой кладки или земляными валами в один — три ряда. Известны и свайные поселения в болотистых местах.

Керамический материал кроме обычных гальштатских сосудов с коническим горлом содержит биконические урны, миски с высокими ручками, сдвоенные амфоры, покрытые богатой пластической орнаментацией, зооморфные сосуды. Весьма богата восточногальштатская область металлическими изделиями. Среди них большой интерес представляют ситулы из листовой бронзы. Некоторые из них являются произведениями искусства, они украшены изобразительными фризами, выполненными тиснением и гравировкой.

Сложение восточногальштатской культуры несомненно знаменует становление нового европейского этноса. Область ее распространения соответствует расселению иллирийцев, как оно реконструируется по историческим и топонимическим материалам [41; 42; 43, с. 156—167] и имеются все основания считать носителей рассматриваемой культуры историческими иллирийцами.

В письменных источниках VI—IV вв. до н. э. иллирийцы упоминаются как собирательное имя семьи родственных племен, заселявших северо-западные области Балканского полуострова и Адриатику между Дунаем и Македонией. Отдельные племена иллирийцев переселились на Апеннинский полуостров.

Своеобразная культура иллирийцев сохранялась и в латенское время. Кельты в процессе своего расселения в восточном направлении заняли значительные области иллирийских земель, но часть их не была затронута кельтской экспансией, и там продолжала развиваться культура на восточногальштатской основе, в которой все же сказывается латенское влияние. В погребальной обрядности

иллирийцев начался возврат к древнему обычаю — широко распространяются трупосожжения с захоронением остатков кремации в урнах и грунтовых ямах без курганов. Теперь для урн в могильных ямах нередко устраивались небольшие каменные цисты.

В период от конца III до конца I в. до н. э. иллирийские племена были покорены римлянами и постепенно были романизированы.

Безусловно, от среднеевропейской общности полей погребальных урн отпочковалась и культура эсте (рис. 3), распространенная в Северо-Восточной Италии — в провинциях Падуя и Венеция [44, 45]. Ее ранний этап датируется 950—750 гг. до н. э. В это время могильниками служили «поля погребений» с захоронениями по обряду кремации умерших. Остатки трупосожжений помещались в большинстве случаев в биконических глиняных сосудах-урнах. Носители культуры эсте, как считают ее исследователи, переселились из коренных областей среднеевропейской общности полей погребальных урн в X в. до н. э. и заняли все удобные для поселений и сельскохозяйственной деятельности земли в долине р. По и первое время жили изолированно. На втором этапе развития рассматриваемой культуры (750—575 гг. до н. э.) получают распространение продолговатые могильные ямы, обложенные каменными плитами. Кроме биконических появляются конические сосуды на высокой ножке и глиняные ситулы с геометрическим орнаментом. Главным городом племен культуры эсте был Атесте (современный Эсте). На третьем этапе (575—183 гг. до н. э.) эта культура развивается под сильным влиянием южных культур. Ее ареал становится одним из центров изготовления бронзовых ситул, часто украшенных фризами с культовыми, охотничьими и военными сценами, с изображениями животных, часто фантастических [46]. С 183 г. до н. э. этот регион становится подвластным Риму, и культура его населения вскоре была поглощена римской.

Племена культуры эсте на основании топонимики и исторических данных надежно отождествляются с венетами, язык которых выделяется в самостоятельную группу индоевропейской семьи, связанную рядом изоглосс с италийскими, кельтскими, иллирийскими и германскими языками [47—49]. Язык венетов зафиксирован в кратких надписях, обнаруженных в античных Атесте, Винченце, Падуе, Спине, Лаголе — в основном в ареале культуры эсте. Венетский язык в I в. до н. э. был поглощен латинским.

Апеннинский полуостров с материковой частью Италии вплоть до приальпийских земель долгое время принадлежал доиндоевропейскому населению. Итальянские и немецкие ученые не только вычленяют в этих землях доиндоевропейские географические названия, но и пытаются определить группы гидронимов, связываемые с конкретными племенами, в частности с пелазгами, известными по описаниям Дионисия Галикарнасского и проживавшими также и на Балканском полуострове; лигурами, заселявшими области северной и средней частей Италии, Юго-Восточной Франции, Корсики и Пиренейского полуострова; сиканами, которым принадлежала Сицилия, и др. [50, с. 503—520; 51; 52; с. 384—402]. Впрочем, есть и исследователи, оспаривающие наличие доиндоевропейского субстрата в средиземноморских землях Европы.

Проникновение племен среднеевропейской общности полей погребальных урн в Италии фиксируется археологией начиная со II тыс. до н. э. (рис. 2). Согласно наиболее распространенной теории, первая волна миграции населения из Среднедунайских земель в Северную Италию датируется еще серединой II тыс. до н. э. и связана с культурой террамар, о чем говорят и керамические материалы, и бытовые изделия. С культурой полей погребальных урн взаимосвязан период IIB культуры террамар, когда получили распространение захоронения по обряду трупосожжения на «полях погребений». Очевидно, приток населения из среднедунайских земель был неоднократным. Культура террамар занимает земли по течению р. По (рис. 2 и 3), в основном в провинциях Эмилии-Романьи [53].

Около 1100 г. до н. э. начала складываться культура протовилланова (пианеллотиммари). Это безусловно результат переселения с севера из-за Альп группы

населения среднеевропейской общности полей погребальных урн. Около 900 г. до н. э. названная культура эволюционирует в культуру вилланова (рис. 3), ареал которой включает Лациум, Эмилию и Тоскану [45, с. 104—126; 54; 55, с. 137—144]. Принадлежность носителей этой культуры к италийской языковой группе вне всякого сомнения.

Со среднеевропейской культурной общностью полей погребальных урн своим происхождением связана еще культура голасекка (900—15 гг. до н. э.), распространенная в северных районах Италии — Ломбардии и Пьемонте [45, с. 127—136; 56, с. 371—390]. Для нее характерны «поля погребений» — грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. Первоначально урны с прахом помещались в простых ямах, иногда обставленных камнями, на поздней стадии стали устраиваться ящикообразные камеры из каменных плит.

Таким образом, древнеевропейские переселенцы из Средней Европы положили начало становлению италиков и италийских языков. Лингвисты выделяют две ветви италиков — оскско-умбрскую и латино-фалискскую. Многие исследователи полагают, что предки италиков мигрировали из Центральной Европы двумя волнами: первая из них принадлежала протолатининам, которые создали культуру террамар, вторая, датируемая обычно рубежом II и I тыс. до н. э., приписывается предкам умбров и осков, которым принадлежат культуры протовилланова и вилланова. В новейшей литературе преобладает мнение не о миграции среднеевропейского населения крупными группами, а о длительном просачивании населения из земель Центральной Европы в среду аборигенного малыми группами. Согласно Дж. Девото, протолатиняне и предки оскско-умбров образовали особые диалектные группы еще в Среднем Подунавье и оттуда небольшими группами постепенно расселялись по Апеннинскому полуострову и в материковой Италии среди племен тирренов, лигуров и сиканов. Исследователь допускает и миграцию морским путем через Адриатическое море, сравнивая этот процесс с распространением норманнов в раннесредневековую пору [57, с. 23—48].

Мысль о постепенном и многоступенчатом расселении протоиталийских племен в некоторой степени находит подтверждение в археологических материалах. «Поля погребений» зафиксированы археологами не только на территориях, которые занимали культуры террамар, вилланова и голасекка. Они известны почти по всему Апеннинскому полуострову и даже на Сицилии. Все это несомненные следы переселения древнеевропейцев. Однако далеко не всюду одержал верх язык нового населения. В начале железного века на территории Апеннинского полуострова и в Сицилии получили распространение культура ямных погребений, пиценская (новиляра), апульская и панталика, прямо связанные с местными древностями позднего бронзового века. По-видимому, расселившиеся небольшие группы древнеевропейского населения в значительной степени растворились в среде местных племен. Италикам первоначально принадлежали, по-видимому только культуры террамар, вилланова и голасекка. И только начиная с V—III вв. до н. э. италийские языки распространяются на Апеннинском полуострове широко.

Северные области ареала среднеевропейской общности полей погребальных урн не были затронуты гальштатской цивилизацией и развивались независимо.

Высказанная в начале XX в. Г. Коссиной и поддержанная многими археологами и лингвистами мысль об идентификации культур эпохи бронзы Ютландии и Южной Швеции, сложившихся в условиях взаимодействия местных культур мегалитических гробниц с пришлой культурой боевых топоров, с началом германского этноса ныне абсолютно не приемлема. Проследить генетическое автохтонное развитие от названных древностей бронзового века до культуры германцев, описанных Цезарем, не представляется возможным. К тому же определяющие признаки германского языкового единства (первое передвижение согласных, перенесение ударения на начальный слог, образование специфической системы склонения и спряжения) датируются лингвистами только серединой I тыс. до н. э. [58, с. 17, 18, 119; 59, с. 39, 40].

Древнейшей культурой германцев ныне признается ясторфская (рис. 3), начиная с которой прослеживается преемственность в генетическом развитии вплоть до начала нашей эры, когда, как свидетельствуют отчетливо античные авторы, германцы были единственным населением Ютландии и примыкающих к ней земель между нижним Рейном и Одером. Датируется ясторфская культура от 600 до 300 г. до н. э., а со стадиями Рипдорф и Зеедорф доживает до конца I тыс. до н. э. Ее ареал охватывает Ютландию и материковые земли Северной Европы от Везера до нижнего Одера, включая на юге среднее течение Эльбы [60, с. 119—130; 61, с. 83—117].

В эпоху бронзы этот ареал был неоднородным в культурном отношении. Ютландия со смежными землями материковой Европы вместе с южными областями Швеции и Норвегии составляла первоначально ареал нордийской культуры. В погребальной обрядности здесь главенствовал курган. Насыпи имели обычно высоту 2—4 м, но нередко достигали и 5 м. Умерших хоронили по обряду трупоположения в каменных или деревянных ящиках или дубовых колодах. Весь облик материальной культуры и хозяйственной деятельности этого ареала существенно отличался от среднеевропейской общности полей погребальных урн.

Начиная с 1150 г. до н. э. в Ютландии и более южных областях нордийской культуры сказывается усиливающееся постепенно воздействие среднеевропейских культур полей погребальных урн. Появляются первые захоронения по обряду кремации умерших, и эта обрядность постепенно распространяется на север. На смену высоким курганам сначала приходят плоские насыпи, а затем обряд сооружения курганов исчезает вовсе. К 650 г. до н. э. ритуал трупосожжения распространяется повсеместно и становится господствующим.

На последней стадии бронзового века нордийская культура в материковой части Европы дифференцируется на шишлейскую и пошерзонскую. Последняя некоторыми археологами причисляется уже к культурам полей погребальных урн. Около 700 г. до н. э. на ее основе образуется ниенбургская (восточнее Везера) и северо-западно-немецкая (между Везером и нижним Рейном) культурные группы. В Ютландии продолжала бытовать нордийская культура (влащивская стадия), в низовьях Заале существует культура домковых урн, на правобережье Заале — халленская, а на левобережье этой реки — унструцкая культуры. Юго-восточные районы ареала ясторфской культуры до ее формирования принадлежали лужицкому населению.

Длительное воздействие со стороны среднеевропейских культур полей погребальных урн, связанное с инфильтрацией населения, а также сильное гальштатское влияние, которому немецкие исследователи придают большое значение, стали импульсами интеграции племен, что и привело к формированию около 600 г. до н. э. нового крупного культурного образования — ясторфской культуры с единым погребальным ритуалом, продолжавшим традиции «полей погребальных урн». Таким образом, активное участие населения среднеевропейской общности полей погребальных урн в начальном этногенезе германцев представляется несомненным [62, с. 131—133].

Какое-то значение для кристаллизации ясторфской культуры имело освоение ее носителями железоделательного и железообрабатывающего производства. В этой ситуации внутри этой культуры, как считают ее исследователи — и археологи и лингвисты, и завершился процесс образования германского этноса [61, с. 95—115; 63, с. 9—19; 64, с. 43—45]. Это не отрицает возможности зарождения некоторых языковых явлений, ставших характерными для германской этнической группы, в предшествующее время, в эпоху бронзы.

Еще одна этноязыковая группа сформировалась в северо-восточной части ареала среднеевропейской общности полей погребальных урн. Здесь, на довольно обширной территории, включающей земли бассейнов Одера, Вислы и верхнего течения Эльбы, и в начале железного века продолжала функционировать лужицкая культура.

Около 550 г. до н. э. из Польского Поморья в южном направлении начинается

миграция племен поморской культуры. В течение полутора столетий они освоили значительные части бассейна Вислы и смежные районы бассейна Одера. Инфильтрация поморских племен в ареал лужицкой культуры не сопровождалась какими-либо ощутимыми перемещениями местного населения, оно не покидало мест своего обитания. На первом этапе лужицкие и поморские поселения и синхронные им могильники функционировали на одной территории раздельно. Но очень скоро пришлое население стало смешиваться с лужицким, стали образовываться общие поселения и могильники. В последних наблюдаются следующие явления: число погребений в каменных ящиках или обставленных камнями, что было характерно для поморской культуры, постепенно уменьшалось, вместо этого возрастало количество захоронений в простых грунтовых ямах, куда ставились сосуды-урны с остатками трупосожжений или прямо ссыпались кальцинированные кости с пеплом. Это — характерный позднелужицкий погребальный обряд. У населения поморской культуры, как и среди лужицких племен, безраздельно господствовал обряд кремации умерших. В таких смешанных могильниках постепенно уменьшается количество коллективных захоронений, что свойственно было обрядности поморской культуры, уступая место обычным для лужицкого ритуала одиночным погребениям. Все это свидетельствует о том, что пришлое поморское население постепенно растворялось в местной среде.

Процесс смешения поморских племен с лужицким населением завершился формированием нового культурного образования — культуры подклошовых погребений. Поскольку в последующие столетия носители этой культуры и их потомки развивались во всех отношениях самостоятельно вплоть до раннеисторического времени, есть все основания полагать, что сложение культуры подклошных погребений знаменует начало нового этноязыкового образования.

Датируется эта культура между 400 и 100 гг. до н. э. Ее ареал на первой стадии охватывал в основном бассейны среднего течения Вислы и целиком Варты (рис. 3). На поздней стадии он расширяется до Одера на западе и Припятского Полесья на востоке.

Это было земледельческое население. Зафиксированы следы плужной обработки почвы. Возделывались просо, пшеница, ячмень, горох, бобы и лен. Поселения были неукрепленными, жилищами служили полуземляночные и наземные постройки столбовой конструкции. Глиняная посуда культуры подклошовых погребений в основном продолжала лужицкие традиции и в меньшей степени эволюционировала из поморской керамики. Широкое распространение получает железо [65, с. 352—362; 66, с. 46—52].

Античные авторы долгое время не были знакомы с этими землями. Письменные источники первых веков нашей эры вполне определенно локализуют в рассматриваемом регионе венедов, которые были одним из крупнейших этносов в западной части Европейской Сарматии. Суммируя информацию Плиния, Тацита и Птолемея (I—II вв. н. э.), можно утверждать, что венеды жили где-то на пограничье с Германией, а примерной разграничительной линией между Европейской Сарматией и Германией была Висла. Птолемею были известны географические названия, производные от этнонима венеды (Венедский залив — ныне Гданьский, Венедские горы — Восточнопрусское Приморское плато), что позволяет связывать регион расселения их с Повисленьем [67, с. 18—62]. О такой же локализации венедов говорит и этногеографическая карта III—IV вв. н. э.— Певтингеровы таблицы, на которой венеды-сарматы помещены севернее Бастарнских Альп (Карпатские горы), и вторично венеды обозначены юго-восточнее Карпат, по всей вероятности, указывая на расширение территории расселения этого этноса во второй четверти I тыс. н. э. [67, с. 63—80; 68].

Имеются серьезные основания отождествлять с венедами античных авторов основную часть населения пшеворской культуры (конец II в. до н. э.— середина V в. н. э.), занимавшего Повисленье со смежными землями [65, с. 407—511; 66, с. 53—60]. Расселение племен этой культуры в юго-восточном направлении хорошо документировано археологическими материалами [69, с. 25—34]. По-

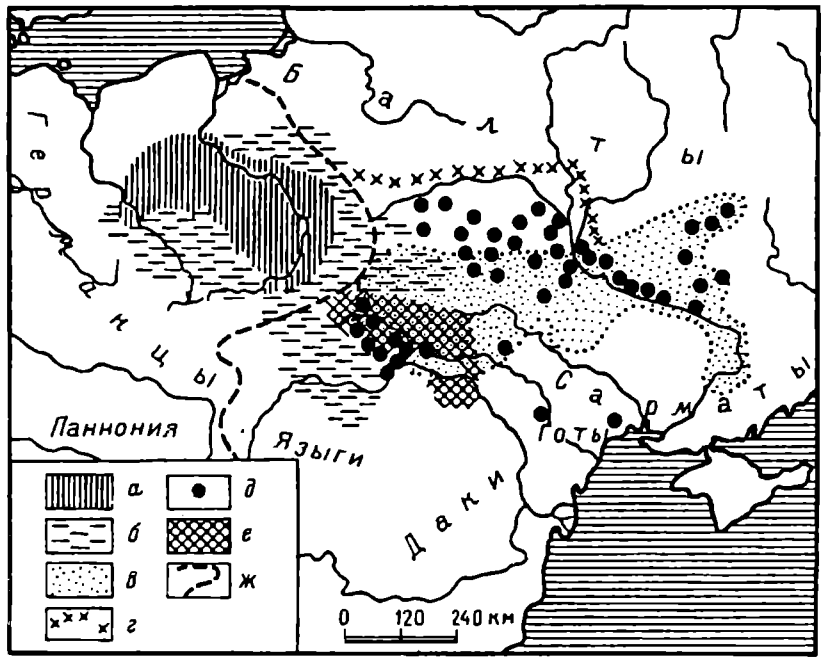


Рис. 5. Расселение славян в первых веках I тыс. н. э. *а* — ареал культуры подклошовых погребений; *б* — пшеворской культуры; *в* — подольско-днепровский регион черняховской культуры; *г* — северная граница распространения зарубинецкой культуры (по Ю. В. Кухаренко); *д* — архаические славянские гидронимы (по О. Н. Трубачеву); *е* — регион скопления ранних славянских гидронимов (по Ю. Удольфу); *ж* — восточная граница ареала среднеевропейской общности полей погребальных урн

скольку племена пшеворской культуры были в значительной степени прямыми потомками носителей культуры подклошовых погребений, отнесение этнонима венеды и к последним представляется правомерным.

Этноним венеды-венеты в Европе, очевидно, восходит к отдаленной древности, скорее всего к древнеевропейской общности. Выше шла речь о венетах — этноязыковом образовании Северной Адриатики, выделившемся из древнеевропейской общности. Античным авторам было еще известно кельтское племя венетов в Бретани, покоренное Цезарем во время походов 58—51 гг. до н. э. в Галлию [70, с. 5—40]. В северо-западной Нормандии проживало еще кельтское племя венеллы, где-то между Альпами, Гельвецией и Нориком размещалось кельтское племя веннопы. Венены — одно из племен лигуров, веннии — альпийское племя [71, с. 62, 63].

Еще более широко представлены в разных областях Западной Европы топонимы (Британия, Ирландия, Южная Германия и др.) и собственные имена (в латинских надписях Паннонии, Норика и Реции, а также в германской ономастике), производные от той же основы wenn- [72, с. 137—141].

Все это неоспоримо свидетельствует о том, что мы имеем дело здесь с архаическим пластом этнонимии, топонимии и ономастики, восходящей к древнеевропейской поре. Допустимо предположение, что венедами-венетами назывались и лужицкие племена или какая-то значительная часть их. Немалая часть ареала лужицкой культуры — Силезия, Малопольша и Любусская земля — не была затронута миграцией поморских племен. Здесь лужицкое население проживало до расселения кельтов. Сформировавшиеся в ясторфском ареале германцы знали этническое имя своих восточных соседей — лужицкое население. Они называли их венедами. Этот этноним и был распространен германцами на носителей культуры подклошовых погребений, сформировавшихся на лужицкой основе.

Раннесредневековые источники определенно свидетельствуют, что венедами германские племена называли славян. Это название славян сохранилось у не-

которых германцев до сих пор, и от них было воспринято, по-видимому, еще в раннем средневековье прибалтийскими финнами. Несмотря на возражения отдельных исследователей, можно определенно утверждать, что венеды письменных памятников первых веков нашей эры являются славянами [73, с. 50—54; 74; с. 184—186]. Историк VI в. Иордан прямо свидетельствует об этом [75, с. 71, 72, 90]. Сами себя славяне не именовали венедами.

Этническая принадлежность носителей поморской культуры трудно определима. Очень вероятно, что это была одна из периферийных диалектно-племенных группировок большого балтского этнического массива, занимавшая промежуточное положение между ядром балтов и древнеевропейскими племенами, поскольку в генезисе этой культуры, как полагают многие польские археологи, участвовала восточнопоморская группа лужицкой культуры [66, с. 46, 47].

В регионе становления славянского этноса, т. е. в ареале формирования культуры подклошовых погребений, полностью отсутствуют географические названия архаических славянских типов (рис. 5). Такая же картина была отмечена выше и для прародины кельтов. Очевидно, население в этих регионах продолжало пользоваться старыми (дневнеевропейскими) названиями вод. И только тогда, когда сформировалась собственная славянская топонимия, и началось расселение славян на вновь освоенных территориях и появились ранние славянские гидронимы. Таковы архаические водные названия Правобережной Украины, выявленные и охарактеризованные О. Н. Трубачевым [76, с. 270—273], куда, судя по археологическим материалам, славяне проникли в первой половине I тыс. н. э. Расселение славян отражает и скученность славянских гидронимов в Северо-Восточном Прикарпатье, ставшая объектом изучения Ю. Удольфа [77], и отдельные географические названия Среднего Подунавья, упоминаемые в письменных источниках первой половины I тыс. н. э., в последнее время привлекшие внимание О. Н. Трубачева [24, с. 37—47].

Этногенез балтов протекал в иных исторических условиях. Их ядро сформировалось непосредственно из племен культур шнуровой керамики, которые расселились на широких пространствах Северной Европы [78, с. 9—29]. Вместе с тем не исключается участие в формировании западной ветви балтов — предков пруссов, ятвягов, галиндов и куршей — и древнеевропейцев — племен среднеевропейской общности полей погребальных урн.

Польскими археологами показано, что накануне сложения культуры западнобалтских (восточнопрусских) курганов раннего железного века в области Мазурского Поозерья и севернее до Преголя получили широкое распространение поселения и могильники лужицкой культуры. Исследователями выделяется вармийско-мазурская группа лужицкой культуры, датируемая 1000—650 гг. до н. э. Часть будущих западнобалтских земель занимала восточнопоморская группа лужицкой культуры. Лужицкое проникновение фиксируется археологией также в Самбии и севернее по Балтийскому побережью вплоть до верховьев р. Венты. Некоторые исследователи на Самбийском полуострове даже выделяют самбийскую группу лужицкой культуры, а в более северных регионах сильное влияние лужицкой культуры отражено многочисленными находками из бронзы мазурского и самбийского происхождения и керамическими материалами [79, с. 201—238; 80, с. 37—62]. Через западнобалтские земли элементы лужицкой культуры проникли в Эстонию и Юго-Западную Финляндию [81, с. 33, 150, 177, 202; 82, с. 120; 83, с. 95, 96; 84, с. 22; 85, с. 133].

Культура западнобалтских курганов, таким образом, сформировалась несомненно при участии древнеевропейцев — племен лужицкой культуры. Об этом свидетельствует не только то, что западнобалтским курганам предшествуют в значительной части их ареала лужицкие древности, но и элементы самой культуры. В памятниках культуры западнобалтских курганов встречаются глиняные сосуды, по форме напоминающие типично лужицкие, близки к лужицким и некоторые украшения (булавки с плоскоспиральными головками, спиральные браслеты и др.), и втульчатые топоры.

Очень вероятно, что отмечаемая лингвистами близость западных балтов со славянами в какой-то степени обусловлена участием племен лужицкой культуры в генезисе культуры западнобалтских курганов. Более того, не исключено, что выделение западных балтов из остальной массы этого этноязыкового массива в значительной степени связано с участием в их генезисе племен среднеевропейской общности полей погребальных урн.

Археологические материалы, таким образом, приводят к тем же выводам, к которым пришел лингвист Г. Краэ, о существовании в Средней Европе во II тыс. до н. э. общности древнеевропейцев. Результатом ее членения стало формирование исторических европейских этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Čujanová-Jílková E.* Hügelgräberkultur//Filip J. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd I. Prag, 1961.
2. *Piggot S.* Ancient Europe from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity. Edinburgh, 1965.
3. *Gimbutas M.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. The Hague; London; Paris, 1965.
4. *Coles J. M., Harding A. F.* The Bronze age in Europe. London, 1979.
5. *Jażdżewski K.* Pradzie je Europy środkowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1981.
6. Die Urnenfelderkulturen Mitteleuropas. Praha, 1987.
7. *Rajewski Z.* Befestigte und offene Siedlungen der Lausitzer Kultur in Biskupin und Umgebung//Ethnographisch-Archäologische Forschungen. Bd 6. Berlin, 1959.
8. *Rajewski Z.* Biskupin. Osiedle obronne sprzed 2500 lat. Poznań, 1966.
9. *Reinerth H.* Das Federseemoor als Siedlungsgebiet. Augsburg, 1936.
10. *Kossack G.* Studien zum Symbolgut der Urnenfelder und Hallstatzeit Mitteleuropas. Berlin, 1954.
11. *Sandars N. K.* Bronze Age Culteres in France. The later Phases from the thirteenth to the seventh Century B. C. Cambridge, 1957.
12. *De Laet S. I.* The Low Countries. London, 1962.
13. *Kimmig W.* Seevölkerbewegung und Urnenfeldkultur//Studien aus Alteuropa. Bd I. Köln; Graz, 1965.
14. *Pittioni R.* Die Urnenfelderkultur und ihre Bedeutung für die europäische Kulturentwicklung//Pokorny J. Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier. Halle, 1938.
15. *Pittioni R.* Die Urnenfelderkultur und ihre Bedeutung für die europäische Geschichte//Zeitschrift für Geltische Philologie. 1940. Bd 21.
16. *Böhm J.* Kronika objeveného věku. Praha, 1941.
17. *Krahe H.* Sprache und Vorziet. Heidelberg, 1954.
18. *Krahe H.* Die Struktur der alteuropäischen Hydronimie//Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen der Geistis- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden. 1962. N 5.
19. *Krahe H.* Unsere ältesten Flüßnamen. Wiesbaden, 1964.
20. *Schmid W. P.* Alteuropäisch und Indogermanisch//Probleme der Namenforschung im deutschsprachigen Raum. Darmstadt, 1977.
21. *Schmid W. P.* Die alteuropäische Hydronymie Stand und Aufgaben ihre Erforschung//Beitrage zur Namenforschung. 1981. Bd 16. H. I.
22. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
23. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
24. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
25. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II.
26. *Pittioni P.* Alteuropäische Sprache und Urgeschichte//Anzeiger der Österreich. Akademie der Wissenschaft. Philosophische-historischen Klasse. Bd 95. Wien, 1959.
27. *Pittioni R.* Die urgeschichtliche Grunlagen der europäischer Kultur. Wien, 1949.
28. *Kimmig W., Hell H.* Vorzeit an Rhein und Donau. Konstanz, 1958.
29. *Filip J.* Keltové ve stredni Evropé. Praha, 1956.
30. *Moreau J.* Die Welt der Kelten. Stuttgart, 1961.
31. *Schlette F.* Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig; Jena; Berlin, 1980.
32. *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
33. *Широкова Н. С.* Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989.
34. *Powell T. G. E.* The Celts. London, 1958.
35. *Kimmig W.* Die Herkunft der Kelten als historisch-archäologischen Problem//Hommages à Albert Grinier. Bonn, 1962.
36. *Megaw J. V. S.* Art of the European Iron Age. A study of the elusive Image. Bath; Somerset, 1970.
37. *Corcoran W. P.* Preface//Chadwick N. The Celts. London, 1970.
38. *Rix H.* Zur Verbreitung und Chronologie einiger keltischer Ortsnamentypen//Festschrift für Peter Goessler. Stuttgart, 1954.

39. *Pittioni R.* Urgeschichte des Österreichische Raum. Wien, 1954.
40. *Benac A., Čović B.* Glasinac. Sv. I—II. Sarajevo, 1956—1957.
41. *Krahe H.* Die Sprache der Illyrier. Bd 1—2. Wiesbaden, 1955—1964.
42. *Russi I. I.* Illiri. Istoria — limba şi onomastica — romanizarea. Bucureşti, 1969.
43. *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978.
44. *Randall Moclver D.* The Iron Age in Italy. London, 1927.
45. *Barfield L.* Northern Italy before Rome. London, 1971.
46. *Frey O.* H. Die Entstehung der Situlankunst. Berlin, 1969.
47. *Krahe H.* Das Venetische. Heidelberg, 1950.
48. *Pellegrini G. B., Prosdocimi A. L.* La lingua venetica. Padova, 1967. V. 1—2.
49. *Lejeume M.* Manuel de la langue vénète. Heidelberg, 1974.
50. *Battisti C.* L'opera filologia di Francesco Ribezzo//Studi etruschi. V. XXIII. Firenze, 1954.
51. *Cihar V.* Die charakteristische Züge des Mediterranen Substrat//Archiv orientali. V. XXII. Roma, 1954.
52. *Hubschmid J.* Zur Geschichte, Problematik und Methodik der Erklärung von Ortsnamen aus dem mediterranen Substrat//VI Internationaler Kongress für Namenforschung. Bd II. München, 1961.
53. *Säflund G.* Le terramare delle province di Modena, Regio Emilia, Parmae Piacenze. Roma; Lund, 1939.
54. La necropole di Villanova. Roma, 1870.
55. *Trump D. H.* Central and Southern Italy before Rome. London, 1966.
56. *Laviosa-Zambotti P.* Le origini della civelta di Golasecca//Studie etruschi. V. IX. Firenze, 1935.
57. *Devoto G.* The languages of Italy. Chicago; London, 1974.
58. Сравнительная грамматика германских языков. Т. I. М., 1962.
59. *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964.
60. *Schwantes D.* Die Jastorf-Zivilisation//Reineke Festschrift zum 75 Geburtstag. Mainz, 1950.
61. Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Bd I. Berlin, 1978.
62. *Behaghel H.* Die Eisenzeit im Raume des richtsrheinischen Schiefgebirges. Wiesbaden, 1943.
63. *Krüger B.* Ethnogenese Germanen und zu Problem der Germanen-forschung//Germanen — Slawen — Deutsche. Forschungen in ihren Ethnogenese. Berlin, 1969.
64. *Seyer H.* Bemerkungen zur Ethnogenese der Germanen in Jastorfzeit//Germanen — Slawen — Deutsche. Forschungen in ihren Ethnogenese. Berlin, 1969.
65. *Hensel W.* Polska starożytha. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.
66. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
67. Свод древнейших письменных источников о славянах. Т. I. М., 1991.
68. *Miller K.* Weltkarte des Castorius genant die Peutingeriche Tafel. Ravensburg, 1888.
69. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.
70. *Merlat P.* Les Venètes d'Armorique//Mémoires de la Société d'Histoire et d'Archéologie de Bretagne. Rennes, 1959.
71. *Буданова В. П.* Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1991.
72. *Krahe H.* Der Veneter-Name//Indogermanische Forschungen. Bd 58. Berlin; Leipzig, 1942.
73. *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.
74. *Łowmiański H.* Początki Polski. T. I. Warszawa, 1964.
75. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960.
76. *Трубачев О. Н.* Название рек Правобережной Украины. М., 1968.
77. *Udolph J.* Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat des Slaven. Heidelberg, 1979.
78. *Sedovs V.* Balti senatnē. Rīga, 1992.
79. *Okulicz J.* Pradzieje ziem Pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973.
80. *Okulicz L.* Settlément and Culture Structures in the East Baltic zone of the Bronze and Early Iron Age//Archaeologia Polona. V. XVIII. Wroclaw; Warszawa; Krarów; Gdańsk, 1977.
81. *Meinander C. F.* Die Bronzezeit in Finnland//Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. T. 54. Helsinki, 1954.
82. *Вассар А. К.* Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа//Древние поселения и городища. Таллин, 1955.
83. *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
84. *Moora H.* Pirmatnējā kopienas jekārta un agrā feodālā sabiedriba Latvijas PSR teritorijā. Riga, 1952.
85. *Граудонис Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967.

Институт археологии РАН,
Москва

V. V. SEDOV

ANCIENT EUROPEANS

Summary

According to the archaeological data a large cultural and historical unit existed for a long period of the Bronze Age in Central Europe. It was represented by the culture of barrow mounds of the 15th — 13th centuries B. C. and the cultural unit of Urnenfeld in the 13th — 7th centuries B. C. The population of this area was more or less homogenious in cultural and ethnic aspect. These tribes were interpreted by a philologist H. Krahe as a linguistic unit of ancient Europeans. In the beginning of the Iron Age this Central European unit reached the stage of desintegration, the population migrated and mixed with the neighbouring tribes. This resulted in formation and further independent development of a number of European ethnic groups known from the classic written sources. Celts emerged on the Upper Rhein and the Upper Danube (Western Hallstat), Illirians inhabited the territory between the Middle Danube and North-Eastern Adriatic area (Eastern Hallstst). Along the northern shores of the Adriatic sea there existed Venetes (Este culture), the Apennine peninsula was populated by Italics (Terramare, Villanova and Golasecca cultures). German tribes are located in Jutland and neighbouring territories (Jastorf culture), Venedes-slavs in the Visla basin (groby podkloszowe). Western balts are identified with the culture of barrow mounds in the South-Eastern Baltic area.

О. В. КОЧЕРЖЕНКО, В. Н. СЛОНОВ

О СЕМАНТИКЕ ОРНАМЕНТА КЕРАМИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема семантики орнамента древней посуды, как и все вопросы, связанные с идеологическими представлениями первобытных племен, относится в исторической науке к числу наиболее сложных и малоисследованных. С такой точки зрения систематическому изучению подверглись керамические комплексы в основном тех археологических культур, где в значительном числе присутствуют антропо- и зооморфные изображения, а мифология носителей которых имеет достаточно широкую источниковедческую базу для реконструкций [1]. Племена же, имевшие зачастую не менее высокий уровень материального и духовного развития, но в силу особенностей культурного типа оставившие нам лишь лаконичные геометрические узоры на посуде и некоторых видах орудий и оружия, в подобном аспекте почти не изучались. Именно такая ситуация характерна для срубной культуры.

Поскольку задача изучения семантики срубного орнамента сложна и многопланова, в настоящей работе мы пока лишь намечаем общий подход к решению этой проблемы. При этом нам кажутся принципиально важными два момента. Во-первых, любое исследование вопросов, связанных с идеологией древних народов, должно обязательно учитывать серьезную специфику первобытного мышления по отношению к современному рациональному. Во-вторых, изучение семантики орнамента должно основываться на результатах предварительной его систематизации. Поскольку такая работа в масштабах всей культуры пока не проведена, для начала можно взять результаты анализа керамики конкретного региона, но только те из них, достаточная общность которых для культуры в целом особых сомнений не вызывает.

Нам представляется, что исходным для изучения семантики орнамента на керамике является ответ на вопрос, зачем вообще нужно было что-то наносить на стенку сосуда. Вряд ли сейчас стоит специально доказывать, что орнамент имел далеко не только эстетическое значение. Вместе с тем следует признать, что причины орнаментации древней посуды могли быть различными: для имитации внешнего вида плетеных корзин, на смену которым пришла керамическая посуда [1, с. 178, 179], для сакрализации сосуда при использовании его в обряде [2, с. 14 сл.] и т. д. Скорее всего, отсутствует какое-либо общее объяснение — для разных народов орнамент на посуде мог воплощать различные идеи. Кроме того, орнамент мог быть полисемантичен даже в рамках одного этноса. Настоящая работа представляет собой попытку дать возможный вариант ответа на поставленный вопрос применительно к племенам срубной культуры.

Орнамент на посуде можно рассматривать как художественный текст, так как он удовлетворяет требованиям, предъявляемым к последнему: выраженностью, отграниченностью и структурностью [3, с. 67—69]. Кроме того, этот текст отвечает требованиям канона — несомненно, что орнаментальное искусство срубных племен сохраняет свои основные черты в течение многих веков существования культуры и в принципе выражает достаточно неизменный комплекс пред-

[1] Здесь следует отметить прежде всего работы Б. А. Рыбакова, Д. С. Раевского, Е. В. Антоновой и др.

© О. В. Кочерженко, В. Н. Слонов, 1993 г.

ставлений. То есть в обществе из поколения в поколение передавалась информация, которая в каждом своем воплощении должна была представлять насущный интерес для представителя архаического коллектива, чем и обусловливаются ее канонизация и длительность существования.

Орнаментальное искусство, как и любое другое, есть «овладение» миром (моделирование мира в условной ситуации), поэтому художественный текст орнамента является такой структурой, все элементы которой несут определенную смысловую нагрузку. В рамках первобытной культуры сосуд в целостной взаимосвязи формы и орнамента реализует целый комплекс представлений и мифологических образов, органично включается в структуры микрокосма (дом, погребальный комплекс) и макрокосма (внешний мир) и сопоставляется с их элементами. Е. В. Антоновой высказывались идеи о восприятии древним человеком сосуда как антропоморфного или зооморфного вместилища, «иного» мира, дома и т. д. [4, с. 40 сл.]. При всем различии таких представлений их, видимо, можно объединить одной общей идеей: «...с позиции мифологического сознания созданная человеком вещь тождественна всем прочим существующим в мире вещам... Вещь, по-видимому, неотделима от мира, она представляет не его отображение, а *сам этот мир*» (курсив наш — *О. К.* и *В. С.)* [5, с. 30]. В соответствии с этим структура сосуда для первобытного сознания должна была соответствовать структуре представлений о мире в целом: «...все процессы создания вещей, в том числе орнаментация, воссоздавали миротворение, при этом микрокосм, который представлял тот или иной предмет, должен был в основных чертах соответствовать структуре макрокосма, Вселенной» [6, с. 121].

При изоморфности сосуда Вселенной его составные части должны находить соответствие в структурных элементах общей картины макромира. Конкретно для орнамента, находящегося практически исключительно на внешней поверхности сосуда, это означает, что он должен содержать характеристики, относящиеся к периферии мира. Исходя из этого, следует предположить, что орнаментальные сюжеты в первую очередь маркировали границу «освоенного» пространства. Для того чтобы выяснить, каким образом это выражалось, необходимо рассмотреть, как первобытное сознание моделировало окружающую его реальность.

Как известно, достаточно универсальным для первобытного мышления методом классификации всех явлений была система бинарных оппозиций (правый/левый, свой/чужой, внутренний/внешний, и т. д.). Исследователи отмечают, что такой способ мировосприятия «вполне объективен и ясно осознаваем в системе первобытных представлений, в частности и потому, что им определяется все поведение членов архаичных коллективов...» [7, с. 24]. В рамках представлений об изоморфности сосуда и Вселенной в ее горизонтальной проекции с внутренностью сосуда, заполняемой необходимым для жизни человека содержимым, должен сопоставляться член бинарной оппозиции, соответствующий характеристике «внутренний», а с пространством, находящимся вне этих пределов,— характеристике «внешний». В этом случае поверхность сосуда выполняет роль разграничителя мира освоенного и неосвоенного, чуждого человеку, что должно было найти свое отражение в наносимом на эту поверхность орнаменте.

В качестве объекта рассмотрения мы взяли орнамент срубной погребальной керамики пограничья степи и лесостепи Нижневолжского правобережья. Хотя детальный анализ для других регионов не проводился, используемые выводы носят достаточно общий характер и, скорее всего, применимы ко всему комплексу керамики срубной культуры.

На сосуде, как правило, каким-либо одним сюжетом орнаментировалось плечо, которое в ряде случаев обрамлялось по шейке или максимальному расширению тулова либо одновременно по обеим этим зонам прямыми линиями. Венчик в качестве самостоятельной орнаментальной зоны не использовался и служил, как правило, только для обрамления плеча сверху. Придонная часть в основном оставалась незаполненной. Если же орнамент на нее все-таки наносился, он часто просто повторял сюжет плеча.

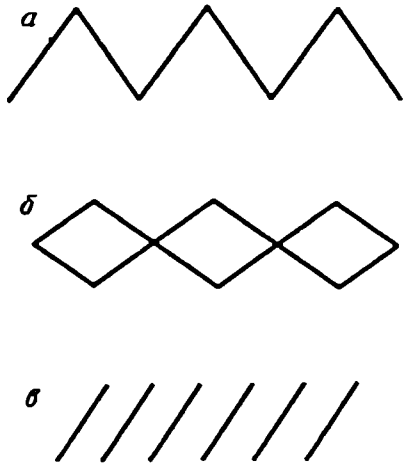


Рис. 1

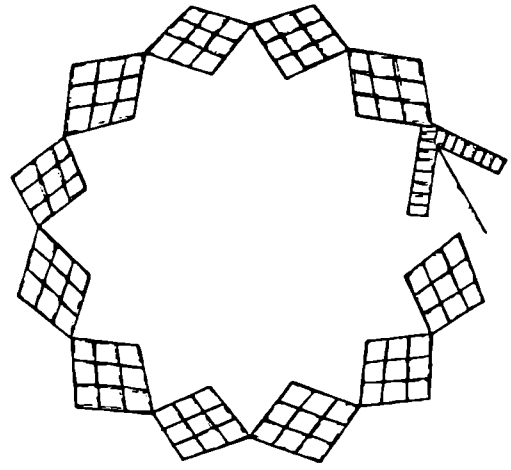


Рис. 2

Рис. 1. Основные орнаментальные сюжеты срубной керамики: *а* — ряд зигзага; *б* — ряд ромбов; *в* — ряд наклонных отрезков

Рис. 2. Развертка рисунка сосуда из погребения 2 кургана 5 могильника близ с. Медянниково

Таким образом, в структуре орнаментальной композиции не обнаруживается противопоставления по вертикали типа верх/низ [2]. Нет также никаких оснований считать каждую часть трехчленного сосуда соответствующей отдельной сфере мироздания в рамках вертикальной модели Вселенной [3]. Тем самым для выявления семантики срубного орнамента особую важность приобретают первобытные представления о мире именно в горизонтальной плоскости. Кроме того, в силу невыделенности на сосуде какого-либо направления, противопоставлены на нем могут быть прежде всего центр и периферия. Следовательно, основное внимание должно быть уделено интерпретации встречающихся на изучаемой керамике основных сюжетов с точки зрения бинарной оппозиции внутренний/внешний.

Среди орнаментальных сюжетов срубных сосудов главное место занимают ряды зигзагов (с различными вариантами — заполнения сверху, снизу и т. д.), ромбов и наклонных отрезков (рис. 1). Нам будет необходимо дать ту или иную их интерпретацию, основываясь на изложенном подходе и древних мифологических представлениях. Для анализа на данном этапе допустимо привлекать пока материалы разных мифологий, для того чтобы выявить достаточно общие моменты и попытаться найти возможные варианты толкования основных сюжетов.

Среди общих представлений о мироздании отметим прежде всего то, которое нашло наиболее очевидное выражение на одном из срубных сосудов. На горшке, происходящем из погребения 2 кургана 5 могильника близ с. Медянниково, изображен ряд ромбов, который не замыкается, а заканчивается стилизованной раскрытой змеиной пастью с высунутым языком [4] (рис. 2). С точки зрения ряда мифологий, обитаемый мир окружает огромный змей, «маркируя» собой его границы. Так, хорошо известен мировой змей Ёрмунганд скандинавской мифологии, охватывающий собой населенный людьми Мидгард. В горизонтальной проекции Вселенной Ёрмунганд связан с оппозицией Мидгарда и Утгарда, центра и периферии, внутреннего и внешнего, «своего» и «чужого» [9, с. 287]. Подобный символ носит отчетливо выраженный космологический характер. На языке зооморфного кода по аналогии с рисунком медянниковского сосуда могут быть истолкованы все ряды ромбов. Так же как и ряд ромбов, к кругу представлений о змее может быть отнесен и зигзаг. Так, например, по айнским мифам небесный

[2] Отметим, что речь здесь идет именно об орнаментальной композиции, вообще же в представлениях срубных племен противопоставление верха и низа, конечно, должно было занимать свое место.

[3] Такая идея высказывалась Е. Е. Кузьминой для андроновской посуды [8, с. 60 сл.].

[4] Авторы выражают свою признательность Н. М. Малову за возможность опубликования этого материала из его раскопок.

змей спускался «в виде молнии, т. е. зигзагообразной кривой» [10, с. 79]. И третий распространенный на срубной керамике сюжет — ряд наклонных отрезков — связывается с этим же кругом представлений. Именно такой рисунок встречен на некоторых изображениях змеи [11, с. 10, рис. 1]. Наконец, следует отметить, что змеиной символике могут соответствовать и достаточно редкие для срубного орнамента сюжеты. Горизонтальная елочка тоже встречена на изображениях змей [11, с. 10, рис. 1]. А отпечатки веревки, охватывающие сосуд в виде горизонтальной линии, возможно, связаны с встречающимся в Атхарваведе эпитетом «зубастая веревка», обозначающим, с точки зрения Т. Я. Елизаренковой, змею [12, с. 396].

Из всех моделей Вселенной в древних обществах, по-видимому, наиболее распространенной была концепция мира как земли, окруженной со всех сторон водой. Такое представление связано с универсальностью идеи о «первичности морской стихии, из недр которой возникает или создается земля...» [13, с. 206]. С точки зрения древних греков, например, по границе между миром жизни и миром смерти землю омывает река Океан [14, с. 249]. Создатели вед считали, что мир людей от мира демонов отделяют воды реки Расы, огибающей небо и землю [15, с. 406]. В мифе об Этане народов Междуречья орел, поднимающий героя на небо, характеризует землю как гору, окруженную водой [5, с. 144]. Хорошо известно широкое распространение восприятия зигзага как символа воды в среднеазиатских культурах [16, с. 117], а Е. В. Антонова считает такую интерпретацию для древности повсеместной [5, с. 151].

Интересно отметить, что в шумерской и эламской письменности в качестве знака «вода-канал-река» использовалась тройная ломаная линия [16, с. 114]. В то же время на срубной керамике изученного нами региона для плеча, основной орнаментируемой и поэтому, вероятно, семантически наиболее значимой зоны сосуда, оказалось характерным именно утроение зигзага.

В иранской мифологической традиции, к которой, скорее всего, была близка система представлений срубных племен, имеется модель Вселенной в виде мира людей, окруженного со всех сторон не водой, а космическими горами [17, с. 562]. Подобное же представление о горах имеется и в других мифологиях, где они «наделяются признаками, характерными для „иного“ мира, каким он предстает в фольклоре разных народов» [5, с. 64]. В частности, по утверждению А. Баллинга, для китайцев горы являлись символом ворот, ведущих в темный потусторонний мир [18, с. 101, 102]. В то же время в рамках древней китайской традиции именно ромбы интерпретировались как знаки для космических гор. Совершенно аналогично воспринимались и ряды треугольников [18, с. 101] — орнамент, известный на срубной керамике. Кроме того, от такого сюжета практически ничем не отличается зигзаг, заполненный снизу (рис. 3), который тем самым также сопоставим с космическими горами. Следы подобного восприятия даже простого зигзага засвидетельствованы и этнографически — хакасские шаманы толкуют такой рисунок на бубне как изображение горной цепи [19, с. 262].

Рис. 3. Зигзаг с заполненным нижним пространством

Наконец, для первобытного и даже для более «современного» сознания в связи с ощущением непосредственно освоенного, «очеловеченного» окружения особую роль играла ограда. Именно изгородь являлась тем ограничителем, который отделял «внутреннее», освоенное пространство от «внешнего», несущего угрозу для человека: «...представления о своем, обжитом пространстве связывались с надежным окружением, что в реалии достигалось возведением ограды, городьбы» [6, с. 115]. Именно как изгородь интерпретировался А. П. Окладниковым сюжет

в виде «наклонных полос» [20, с. 319], близкий широко представленным на срубной керамике рядам наклонных отрезков. Представления об ограде были наверняка известны в срубной среде: в местах расселения их ближайших соседей, племен андроновского мира, широкое распространение имели ограды могил и даже известны целые протогорода — памятники типа Аркаима.

Следует отметить, что как ромбы сами по себе, так и «змеиная» и «водная» символика в целом могут связываться не с представлениями о мироздании, а с культами плодородия. Однако такая интерпретация была бы вероятной лишь для бесспорно земледельческой культуры. Основным же занятием срубных племен, несомненно, являлось скотоводство, факты, свидетельствующие о наличии у них земледелия, очень немногочисленны.

Таким образом, для племен срубной культуры сосуд, по-видимому, представлялся изоморфным Вселенной в ее горизонтальной проекции. В пользу этого свидетельствуют абсолютная несамостоятельность венчика как орнаментальной зоны и почти полное отсутствие какого-либо сюжетного противопоставления по вертикали [5]. С помощью нескольких различных кодов основные сюжеты срубной керамики могут быть интерпретированы в рамках древних космологических представлений о мире. Змея, кусающая свой хвост, вода, горы и ограда являются конкретными выражениями разделителя в общей схеме бинарной оппозиции внутренний/внешний. Важно, что подобное моделирование макрокосма характерно для самых разных народов земного шара. В частности, оно прослеживается в мифологических представлениях племен индоиранского мира, к которому, видимо, принадлежали и носители срубной культуры. Местоположение орнамента на внешней стенке придает ему некоторую окрашенность признаками «чужого» мира, что наряду с функцией посуды как вместилища необходимого для человека содержимого придает сосуду как ритуальному символу «семантическую двунаправленность» [22, с. 95]. По всей видимости, орнаментация сосуда была необходима для придания ему структурной определенности, включения его в культурный мир человека.

Представления об орнаменте как пограничном элементе модели Вселенной могли естественным образом дополняться или переходить в другие, семантически близкие им. Идея о тождественности стенки сосуда и стены жилища, отмеченная Е. В. Антоновой [4, с. 55], связана также с функцией защиты содержимого, находящегося во «внутренней» части пространства. Орнаментация, роспись и того и другого при этом оказываются связанными с привлечением благодетельных сил и отталкиванием вредоносных [23, с. 357, 358]. В этом случае также реализуется оппозиция внутренний/внешний, но в другом ее воплощении — как противопоставление доброго, обжитого внешнему, несущему опасность. Сосуд при этом оказывается тесно связанным с комплексом представлений о доме человека. Наличие такой связи подтверждается этнографическими наблюдениями. У восточных романцев посуда в жилище занимает верхний ярус полок под потолком, образуя дополнительный защитный ряд после стен дома [24, с. 172]. Тем самым функцией сосуда оказывается не только защита его собственного содержимого от вредоносных сил, но и того мира, в котором живет и действует сам человек.

Может быть, именно с такими представлениями связана распространенность сосудов как инвентаря погребальных комплексов срубной культуры. Связь погребения и жилища достаточно явно реализуется в устройстве срубов, своеобразной имитации дома. Можно предположить, что и здесь помещение сосудов в погребения — и часто не одного, а нескольких — предполагает выполнение ими функции защиты «погребального дома» от возможной опасности. Вероятно, этно-

---

[5] Вполне возможно, что в отдельных регионах срубной культуры или на более поздней фазе ее существования в круг представлений о сосуде включается и вертикальная модель мира. Такая интерпретация, в частности, предлагается В. В. Отрощенко для орнамента сосуда из погребения 3 кургана 3 у с. Новопавловка [21, с. 14, 15].

графические наблюдения, а также привлечение материалов археологии и различных мифологий смогут помочь выявить конкретную связь различных орнаментов с подобным кругом представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калинина И. В.* Орнаментация керамики Волго-Камского неолита//СА. 1974. № 4.
2. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита//СА. 1965. № 2.
3. *Лотман М. Ю.* Структура художественного текста. М., 1970.
4. *Антонова Е. В.* К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев// Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986.
5. *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
6. *Русакова Л. М.* Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая//Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987.
7. *Топоров В. Н.* Первобытное представление о мире//Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982.
8. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
9. *Мелетинский Е. М., Гуревич А. Я.* Германо-скандинавская мифология//Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987.
10. *Кричевский Е. Ю.* Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы//Уч. зап. ЛГУ. 1949. Вып. 2.
11. *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник//Тр. ИЭ. 1963. Т. 81.
12. *Елизаренкова Т. Я.* Комментарий к Атхарваведе//Атхарваведа. М., 1976.
13. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976.
14. *Тахо-Годи А. А.* Океан//Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.
15. *Елизаренкова Т. Я.* Комментарий к «Ригведе»//Ригведа. М., 1972.
16. *Массон В. М., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.
17. *Брагинский И. С., Лелеков Л. А.* Иранская мифология//Мифы народов мира. Т. 1., М., 1987.
18. *Кашина Т. И.* Семантика геометрической орнаментации культуры Яньшао//Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1971. Вып. 2. № 6.
19. *Кызласов Л. Р.* О шаманизме древнейших тюрков//СА. 1990. № 3.
20. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья//МИА. 1950. № 18.
21. *Отрощенко В. В.* Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины// Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
22. *Топорков А. Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры//Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
23. *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964.
24. *Свешников Т. Н., Цивьян Т. В.* К функциям посуды в восточнороманском фольклоре//Этническая история восточных романцев. М., 1979.

Саратовский государственный
университет

O. V. KOCHERZHENKO, V. N. SLONOV

ON THE SEMANTICS OF POTTERY ORNAMENTATION OF TIMBER-GRAVE CULTURE

Summary

In the article an attempt is made to determine some approaches to the semantics of the ornamentation of ancient pottery. The authors suppose a question what was a need to ornament a vessel in general, to be the key one. Taking into consideration some specific features of ancient mentality, a vessel for a man of timber-grave culture could be a model of the Universe put in the horizontal projection. In this case the ornamentation should be regarded through the opposition "inner"/"outer" and would mark the border between the "humanized" space and the "alien" world. The main ornamental motifs of timber-grave culture should be interpreted according to this approach and the primitive cosmological models expressed by means of some different codes. The authors claim that these ideas could be transformed into semantically similar ones connected with the attraction of beneficial forces and driving off harmful ones.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

К ИСТОРИИ КАРАСУКСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Тувинская котловина, расположенная между Саянскими горами и хребтом Танну-Ола, в 1950—1960-е годы отличалась полной неизученностью археологических памятников, прекрасно сохранившихся с древнейших времен до современности. В то время она была успешно использована в качестве своеобразного полигона для интенсивного изучения почти не сохранившихся на остальной территории СССР разновременных объектов, раскрывающих историю горного дела и металлургии [1, с. 74, 75; 2, с. 10—28, 53—67; 3; 4].

Затем, в связи со сменой археологов, работавших на землях Тувы, полевые исследования по этой важной теме, к сожалению, были прекращены. Между тем промышленная разработка горных богатств Тувы в последние годы особенно усилилась и ценнейшие памятники горного дела и выплавки металлов стали исчезать с лица земли. Но многие древние рудники и печи для выплавки металлов еще сохранились. Они находятся почти в том же самом состоянии, в котором были оставлены рудокопами и плавильщиками в давно прошедшие времена бронзового и раннего железного веков.

История горного дела и развития древней металлургии с должной полнотой, к сожалению, еще не изучена и не написана. Археологам следует возобновить раскопки памятников этой важнейшей отрасли древнего производства, пока они целы. Свидетельством перспективности такого рода работ является предпринимаемая в настоящей статье публикация редчайшей для верхнеенисейского региона находки.

Речь идет о половине каменной литейной формы, хранящейся с 1978 г. под № 7021 в Тувинском республиканском краеведческом музее в г. Кызыле. Поступила она туда из Кызыл-Дагского школьного музея, расположенного в Бай-Тайгинском р-не и была найдена где-то в верховьях р. Хемчик.

Эта верхняя, почти целиком сохранившаяся крышка литейной формы является образцом прекрасной работы высококвалифицированного специалиста-каменотеса. Таковые существовали уже в эпоху поздней бронзы. Она искусно изваяна в виде слегка изогнутой (по одной продольной стороне), мягко округленной по краям плитки из коричнево-серого мелкозернистого песчаника. Нижняя плоскость плитки гладко зашлифована, а верхняя — заглаженно-шероховатая. Последняя имеет посередине два выступающих ушка со вмятинами сбоку. За эти ушки очень удобно было поднимать крышку и накладывать на вторую, к сожалению, не дошедшую до нас половину литейной формы (рис. 1).

Находящаяся между ушками поперечная полоса (шириной 3 см) слабо зашлифована на общем фоне шероховатой верхней поверхности изделия. Наибольшая длина крышки 26,8 см, наибольшая ширина 12,3 см, ширина узкого конца 7,2 см, ширина широкого конца 10,5 см, ширина узкого выступа 1,5 см. Толщина крышки достигает 2—2,2 см. На длинных боковых гранях крышки имеются пять рисок-пропилов, надпиленных сбоку,— три на выпуклой грани и две на прямой. Четыре из них образуют расположенные друг против друга пары, предназначенные для зажимов обеих створок формы во время заливки жидкого металла для

© Л. Р. Кызласов, 1993 г.

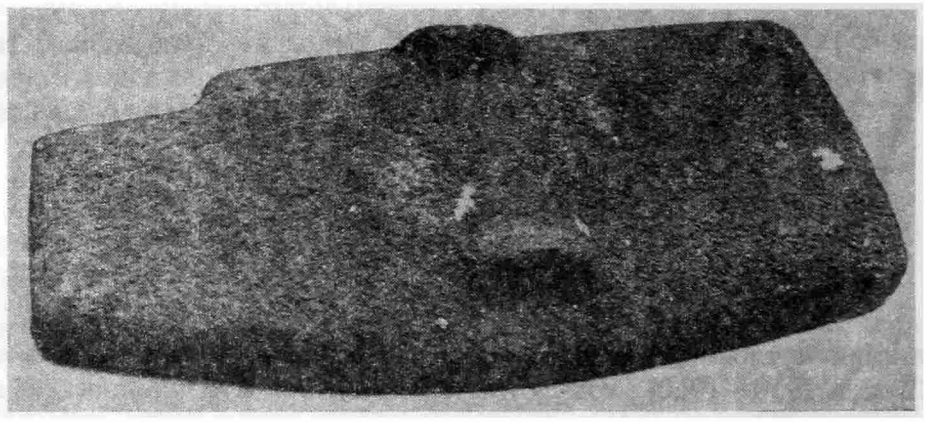


Рис. 1. Верхняя поверхность крышки каменной литейной формы с «ушками»

выплавки готовых изделий. На узком конце расположена только одна боковая риска — на выпуклой грани (рис. 1 и 2).

Последняя риска-пропил (для продольного зажима формы) была выпилена почти посередине широкого конца крышки (рис. 2—4). Без сомнения, парная ей риска первоначально находилась на узком конце крышки, который, к сожалению, был слегка поврежден при последнем использовании литейной формы. Именно с этого конца некогда происходила заливка расплавленного металла (рис. 2, 3).

На нижней гладко шлифованной поверхности крышки были аккуратно вырезаны резчиком-каменотесом углубленные негативы для отливки четырех предметов: двух длинных ножей, одного небольшого кинжала (длина ручки 4,5 см) и предмета, напоминающего чекан (клевец?) с длинной тонкой ручкой (длиной 10,5 см), поперечным граненым бойком (?) и граненым насадом сверху (рис. 2, 3). Аналогии последнему предмету неизвестны.

Формы дугообразнообушковых ножей однотипны. Они имеют кольчато-ободковые навершия с валиковыми обрамлениями ручек, заканчивающимися к лезвию поперечным пояском из двух слаборельефных валиков, внутренние плоскости матриц ручек зашлифованы, а поверхности лезвий шероховаты (рис. 2, 4). Матрица кинжальчика показывает, что форма его вполне оригинальна и не имеет аналогий. Если подобные перекрестия в виде коротких сосцевидных выступов изредка встречаются среди карасукских кинжалов, то крестовое навершие с верхней сферой и выпуклым овалом посередине уникально. Вероятно, перед нами прототип ранних тагарских кинжалов.

Таким образом, кызылдагская литейная форма ознакомила археологов едва ли не впервые еще с двумя неизвестными предметами, существовавшими в эпоху поздней бронзы.

Что касается формальной характеристики дугообразнообушковых ножей с кольчато-ободковыми навершиями, то совершенно такие же по форме орудия (без уступов или «шипов» при переходе к лезвию) типичны как для собственно карасукской культуры Хакасско-Минусинской котловины [5, рис. 6, *1—3*; 6, рис. 17, *8*; рис. 23, *25*], так и для регионов Забайкалья [7, табл. XXV, *15, 20*]. Близкие по типу бронзовые ножи встречены среди случайных находок и в Монголии [8, с. 132, рис. 2, *8*, *10*]. В Туве и Монголии найдены сходные ножи, отличающиеся лишь наличием выступа при переходе ручки орудия к его лезвию [2, рис. 15, *3*; 9, рис. 3, *22*, ср. *23*, *24*, *27*].

Каменные формы из талькового сланца для отливки бронзовых ножей аналогичного типа обнаружены в Западном и Восточном Забайкалье, возле улуса

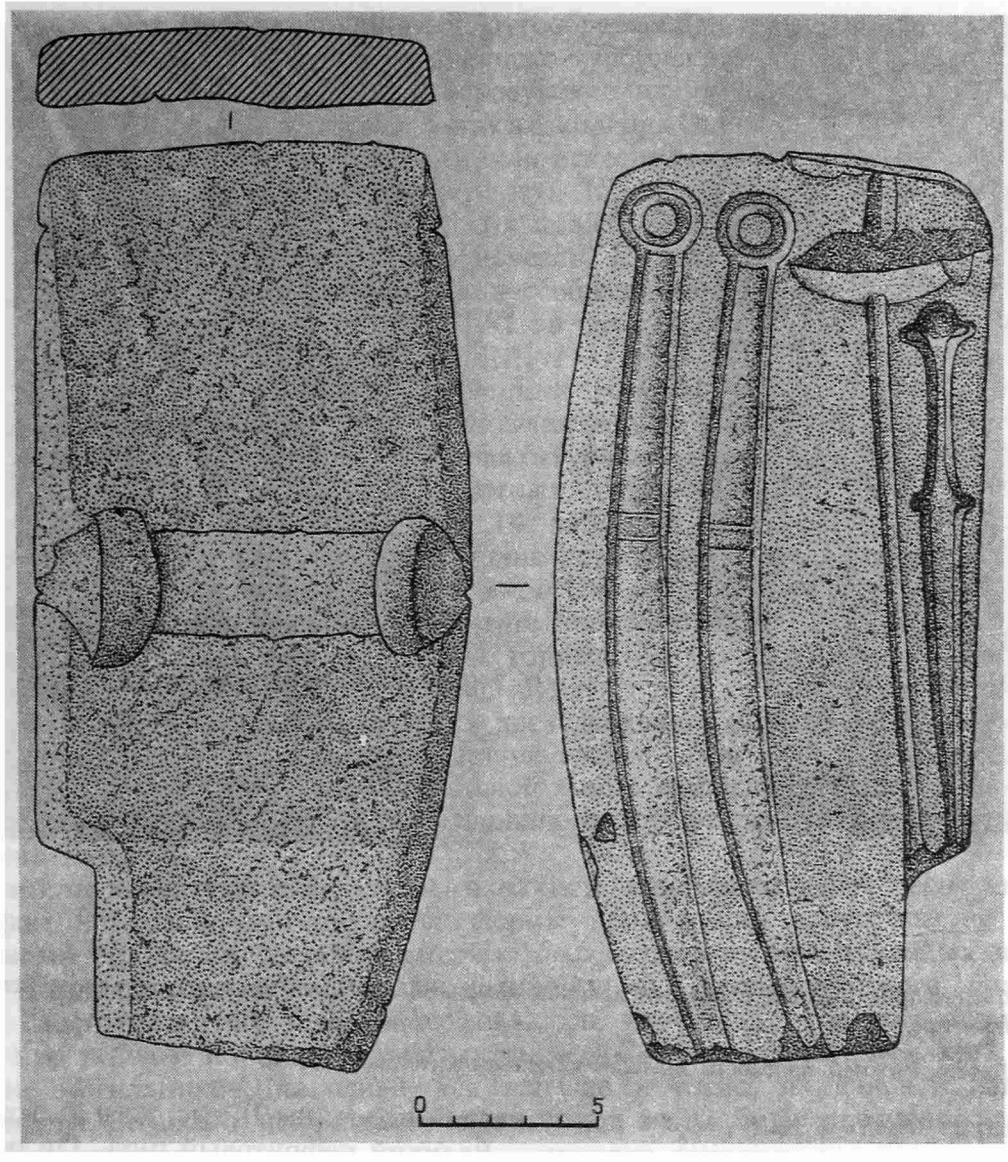


Рис. 2. Графическое воспроизведение двух сторон крышки каменной литейной формы

Хара-Бусун на р. Селенге и у пос. Беклемишево к северо-западу от г. Читы [7, с. 83, табл. XIX, *1*, *2* и XX, *4*; 10, рис. 52, *3*, *4*, рис. 54, *1*, *4*].

Как видно, полные аналогии ножам, изображенным на кызылдагской литейной форме, обнаруживаются на Среднем Енисее среди бронзовых ножей, найденных в могилах, относимых археологами к карасукской культуре. Подобный нож, например, найден в карасукской могиле № 9 близ Окунева улуса еще в 1927 г. С. А. Теплоуховым [11, табл. 1, *52*]. Соответственно карасукскими по типу и времени изготовления являются и все подобные ножи Забайкалья и Монголии, а также забайкальские литейные формы.

Сочетание на публикуемой форме подобных ножей со своеобразными изделиями литейного мастерства — уникальными поздними типами «чекана» и крестового кинжальчика — позволяет заключить, что форма была изготовлена и использовалась в самом конце карасукской эпохи. Отчетливо выявившаяся позднекарасукская (предтагарская) дата дугообразнообушковых ножей с кольчато-ободковыми навершиями и не имеющих уступов при переходе от ручек к лезвиям (рис. 2 и 3), позволила, наконец, понять общую тенденцию исторического развития дугообразнообушковых ножей.

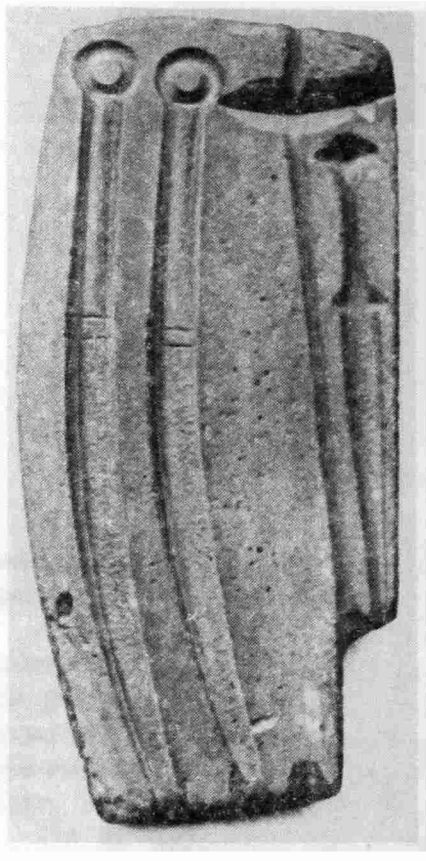


Рис. 3

Рис. 4

Рис. 3. Фотография нижней плоскости крышки каменной литейной формы с четырьмя негативами для отливки предметов

Рис. 4. Деталь нижней плоскости крышки каменной литейной формы

Следует иметь в виду, что к концу первой половины II тыс. до н. э. возникло до конца еще не разгаданное явление — Великий нефритовый путь. Он отмечен распространением шлифованных престижных украшений из саянского нефрита (кольца, диски, застежки, бусы и т. п.), а также чистого саяно-алтайского олова и меди. Этот импорт обнаружен в соединении с небывалыми доселе бронзовыми орудиями особых форм, отлитых по новой высокоэффективной технологии; с кельтами, втульчатыми копьями (с петельками), копьями с вильчатым стержнем (изредка снабженными крюками-баграми), с тяжелыми вогнутообушковыми и дугообразнообушковыми ножами и т. п. [12].

Как установлено ныне историками металлургии, вогнутообушковые и дугообразнообушковые ножи появляются впервые в Саяно-Алтайском нагорье еще в начале «сейминско-турбинского хронологического горизонта» (XVII—XVI вв. до н. э.) [13, с. 247—263]. В настоящее время нет сомнения в том, что бронзы сейминско-турбинского хронологического горизонта по всему Великому нефритовому пути составляют определенный этап (XVI—XIV вв. до н. э.), предшествующий этапу карасукского хронологического горизонта (XIII—IX вв. до н. э.). «Сейминско-турбинские» вогнутообушковые и дугообразнообушковые (ростовкинские) ножи имеют навершия в виде объемных фигурок животных, их голов или колец. Все ножи отличаются массивностью и настолько самобытны по очертаниям, что ни один из них невозможно спутать ни с одним карасукским ножом. Рукояти их всегда резким уступом переходят в расширяющиеся лезвия [13, рис. 66—68].

Нет сомнения, что истинно карасукские ножи, более облегченные и грациозные,

в основных типах (вогнутообушковые, дугообразнообушковые, коленчатые) восходят непосредственно к своим «сейминско-турбинским» прототипам и от них происходят. С наверший ножей в карасукское время почти исчезли фигурки животных, но остались их головы, а также кольца. Остались и уступы, которые изредка преобразовались в шипы. Возникли некоторые новые варианты наверший (шляпка, кольца с кнопками, «очки» и др.) [5, рис. 1—5].

Постепенно уступы раннекарасукских ножей сменились небольшими выступами, а к концу эпохи они совсем исчезли [5, рис. 5, 6, 8; рис. 6, 1—3]. Последующие, еще более грацильные, дугообразнообушковые, но уже пластинчатые бронзовые ножи I стадии (VII—VI вв. до н. э.) тагарской культуры чаще всего не имеют уступов [14, табл. XXIII, 1—11; 15, рис. 2, 3]. Изредка во II стадии на месте древних резко очерченных уступов или шипов на тагарских ножах снова появляются слабые, как бы сглаженные «приливы» [14, табл. XXIII]. Раннетагарские ножи, подобно «сейминско-турбинским», украшены навершиями в виде цельных фигур одного-двух животных, а также отдельными их головками, кольцами и т. п. [11, табл. I, 84—88; 14, табл. XXIII].

Таким образом, нами выявлена вполне устойчивая тенденция к изменению форм дугообразнообушковых ножей Южной Сибири, указывающая на взаимную внутреннюю связь сейминско-турбинского хронологического горизонта с последующим карасукским хронологическим горизонтом и, позднее,— с раннетагарским хронологическим горизонтом (рис. 5).

Внимательное изучение всех трех, последовавших друг за другом хронологических этапов развития подтверждает не только связи их материальной культуры, но и раскрывает основу генеральной линии происхождения и становления тагарского (и собственно скифского) звериного стиля в декоративно-прикладном искусстве Евразии.

Носители карасукской культуры сохранили и передали через века тагарцам и скифам не только материальные формы прикладного искусства, но и тот устойчивый его канон, который впервые был создан во имя духовных потребностей искуснейшими скульпторами-литейщиками Саяно-Алтайского нагорья в период своего развитого бронзового века. Так случилось, что этот период мы до сих пор условно по традиции называем «сейминско-турбинским», хотя это — название могильников, находившихся на Оке и Каме, на дальней западной оконечности Великого нефритового пути, куда из Сибири поступали готовые бронзовые изделия.

Нельзя не отметить, что распространение подлинно карасукских бронз было ограничено только восточной частью нефритового пути — от Средней Оби до берегов Тихого океана. Это, вероятно, подтверждает, что на предшествующем этапе действовали именно саяно-алтайские металлургические центры [13, с. 268—270]. Они сохранили до тагарской эпохи в трансформированном виде старые традиционные культурные формы.

В то же время карасукские бронзы появились во Внутренней Монголии, в Приморье и в бассейне р. Хуанхэ (эпоха Инь, Аньянский период — XIII—XI вв. до н. э.). Это дугообразнообушковые и вогнутообушковые ножи с головками лошадей, баранов, антилоп и др. К концу периода в Китае распространяются двуперые копья с круглыми втулками и крюкастыми шипами. Характерно, что на аньянских кладбищах обнаружены первые в Китае погребения воинов-колесничих с боевыми колесницами, запряженными парой лошадей. Колесничих неизменно сопровождают бронзовые воспроизведения дважды изогнутого «ярма» — предметы, совпадающие с аналогичными карасукскими [6, рис. 40].

К таким размышлениям и проблемам привело нас изучение первой каменной литейной формы, найденной в Туве. 20 лет назад на всей территории Сибири было известно всего около 20 каменных литейных форм [16]. В то время они не были известны ни в Туве, ни по соседству в Алтайском крае или в Иркутской области, ни в Якутии. В Хакасско-Минусинской котловине после того найдена половина карасукской литейной формы из мелкозернистого серого песчаника,

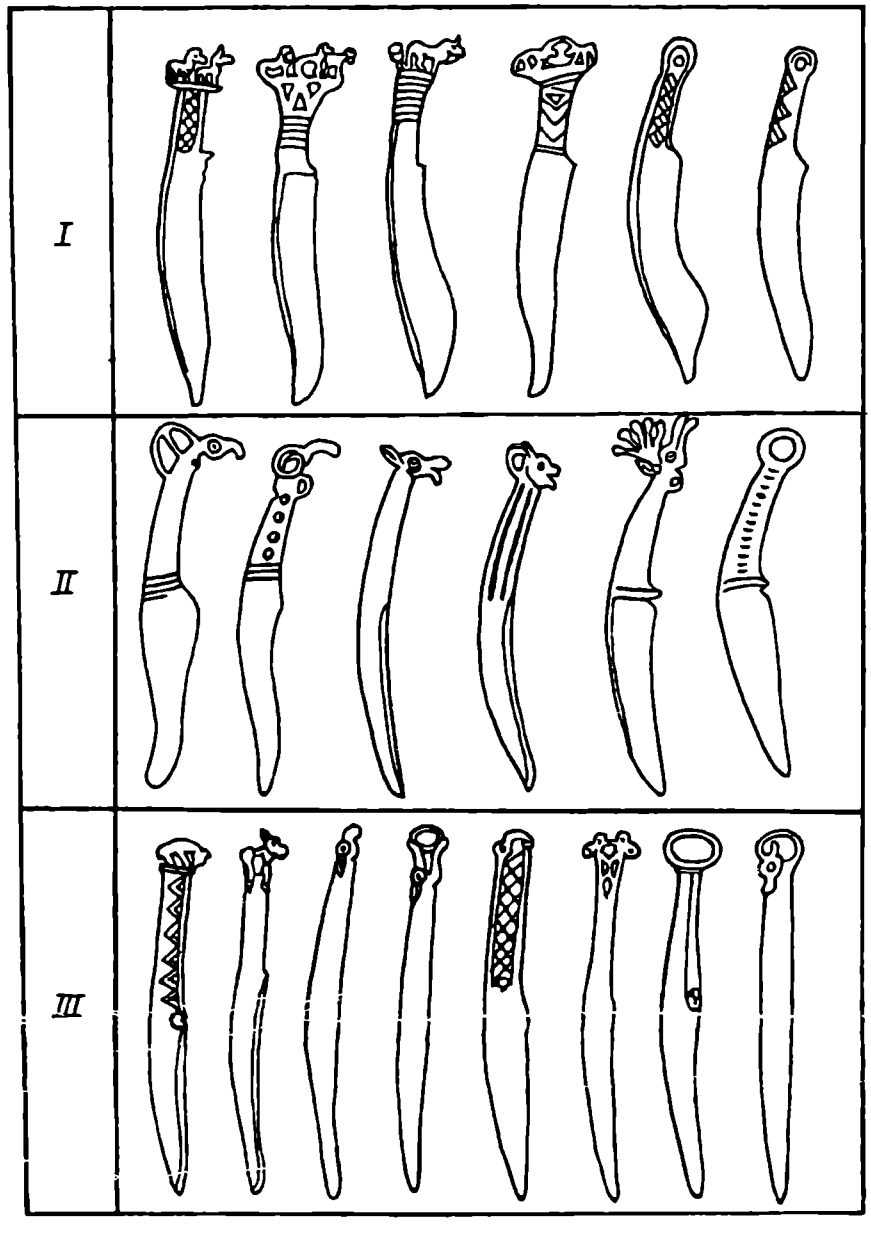


Рис. 5. Вогнутообушковые и дугообразнообушковые бронзовые ножи «сейминско-турбинского» (I), карасукского (II) и тагарского (III) хронологических горизонтов

предназначенная для отливки серпа-секача [17]. Несомненно, на Саяно-Алтайском нагорье будут еще найдены разнообразные литейные формы и плавильные печи, действовавшие в карасукскую эпоху. Их необходимо искать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы//ВМУ. Историко-филол. серия. 1958. № 4.
2. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979.
3. *Сунчугашев Я. И.* Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука, 1969.
4. *Сунчугашев Я. И.* Новое исследование по древней истории Тувы//Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980.— Рец.: Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979.
5. *Хлобыстина М. Д.* Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
6. *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.
7. *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
8. *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989.
9. *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.

10. *Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981.
11. *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края//Материалы по этнографии, 1929. Т. IV. Вып. 2.
12. *Кызласов Л. Р.* Проблемы археологии Сибири эпохи металла//Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. 2. М., 1991.
13. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древние металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
14. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
15. *Хлобыстина М. Д.* Еще об одном минусинском ноже//СА. 1968. № 4.
16. *Гришин Ю. С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы//САИ. 1971. Вып. В 3-12.
17. *Сунчугашев Я. И.* Литейная форма и медные ножи карасукской культуры//Проблемы истории Хакасии. Абакан, 1979.

Московский государственный университет

L. R. KYZLASOV

ON THE HISTORY OF KARASUK METALLURGY

Summary

In the article unknown stone casting mould originating from Tuva hollow is published. The author regards the forms of the Karasuk weapons casted in it and investigates the way of their development. He traces the genetic links of the curved-back knives of Seima-Turbino (I) and Karasuk types (II), and then of Tagar culture (III). This process of development is similar to the one characterizing the animal style in Euroasia.

А. А. ЗЕДГЕНИДЗЕ

К ВОПРОСУ ОБ УДРЕВНЕНИИ ДАТЫ ОСНОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Разногласия по вопросу о времени основания Херсонеса Таврического после выхода в свет работы акад. А. И. Тюменева [1] сменились признанием предложенной даты. Однако затем В. В. Лапиным было выдвинуто положение о возникновении Херсонеса на рубеже VI—V вв. до н. э. [2, с. 80]. Гипотеза возникла в связи с некоторым увеличением коллекции ранней керамики, однако она не была подкреплена изучением самого материала, стратификации находок, их топографии. Анализ древнейшей керамики, а также рассмотрение памятников города и хоры, проведенные нами, позволили датировать основание Херсонеса последней четвертью V в. до н. э. [3], что согласовалось с датой возникновения полиса, установленной акад. А. И. Тюменевым в основном по письменным источникам. Специальное исследование нумизматических и новейших письменных источников, проведенное А. Н. Зографом, В. А. Анохиным, Э. И. Соломоник, показало, что и эти материалы указывают на время не ранее конца V в. до н. э. [4, с. 121, сл.; 5, с. 17; 6, с. 5; 7, с. 121, сл].

Однако в работах Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева дата основания Херсонеса вновь пересматривается и относится к концу VI в. до н. э. [8, с. 368; 9, с. 8; 10; 11, с. 51]. Можно было бы приветствовать пересмотр принятой даты основания Херсонеса в связи с вопросами, возникающими по поводу того, что место, близкое к точке кратчайшего расстояния между южным и северным берегами Понта, было заселено лишь в конце V в. до н. э. и Херсонес оказался последним звеном в цепи греческой колонизации Северного Причерноморья с большим хронологическим разрывом по отношению к основанию других полисов. Эти вопросы в той или иной мере освещались в литературе [12, с. 91], но осознание возможной непрерывности процесса заселения греками побережья Крыма делает закономерной их повторную постановку. Естественно, что материал, который берется в основу пересмотра принятой даты основания Херсонеса, должен обладать достаточной степенью убедительности. Доказательства, выдвинутые Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым, вызывают возражения. В свое время нами рассматривались археологические материалы, упоминаемые в литературе в связи с вопросом об эмпории, фактории, ионийском поселении на месте Херсонеса [3, с. 26; 13, с. 11]. Они датируются концом V—IV в. до н. э. Список древнейших сосудов (10 экз.), приведенный В. Д. Блаватским [14, с. 146], был дополнен нами до 26 единиц (в основном фрагментами). Датировались они третьей четвертью VI в. до н. э. (один фрагмент) — третьей четвертью V в. до н. э. [3, с. 27]. Находки этой керамики в Херсонесе, с нашей точки зрения, не снимали высокой степени гипотетичности как предполагавшегося ранее эмпория [14, с. 43], так и дополисного поселения [9, с. 8]. Древнейшая керамика малочисленна, и притом ее количество заметно увеличивается ко времени основания полиса, распределена она по всей территории, занимаемой городом в IV в. до н. э., и встречается в массе материала конца V—IV в. до н. э. Эти же данные с большей степенью вероятности позволяли говорить о том, что рассматриваемая керамика могла быть привнесена первопоселенцами и использоваться

© А. А. Зедгенидзе, 1993 г.

одновременно с массой керамики последней четверти V—IV в. до н. э. Будучи слабым доказательством стационарной жизни, находки этой керамики позволяют предполагать использование бухты заходящими кораблями. Известно, например, что в задачи греческих кормчих входило изучение берегов, предполагающихся к заселению [15, с. 15]. Тезис о постепенном освоении мест будущих полисов представляется нам теоретически обоснованным. Но достаточно убедительных данных о существовании дополисного поселения в настоящее время нет. Что могло представлять собой «поселение» в окружении варваров, на отторжение земли у которых позднее потребовалось не одно десятилетие? Территориальной экспансии сопутствовало возведение оборонительных стен вокруг города, укрепленных пунктов на Гераклейском полуострове, разделение земли на наделы. Каким образом в течение 100 лет без этой деятельности могло существовать предполагаемое поселение? К тому же нет материалов, свидетельствующих о торговых контактах его с населением Юго-Западного и Южного Крыма [16, с. 171]. В связи с этим важным представляется мнение Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецова о том, что «выводя апойкию греки не только спасались от физического уничтожения и рабства, от экономических и социальных проблем, но стремились ... восстановить нормы и принципы полисного бытия и цивилизации», целью переселенцев было «создание общины, в принципе аналогичной той, в которой они раньше жили, т. е. полиса. Рассматривать апойкии в качестве эмпориев, рыболовецких станций и т. п. является ... делом рискованным и неоправданным» [17, с. 13, сл].

Гипотезу о более древнем возникновении Херсонесского полиса древнейшая керамика также не подтверждала. Требовалась более серьезная аргументация, которая учитывала бы социально-политическую и религиозную структуру полиса и включала определение времени строительства стен, домов и храмов, освоения территории и раздела земель на наделы. На этих веках истории Херсонеса [3, с. 31, сл], свидетельствующих об основании его в V в. до н. э., мы останавливались, возвращаясь к ним в связи с вопросом о становлении Херсонесского полиса [18, с. 242].

Обратимся теперь к работам Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева, вводящим в научный оборот новые археологические материалы и удревняющим дату возникновения Херсонеса. Основанием для последнего послужила «ионийская» и аттическая расписная керамика, открытый в северо-восточном районе городища слой, терракоты и святилище Аполлона, относимые к архаическому времени, а также остраконы. В концепции Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева два основополагающих положения. В основе первого лежит утверждение о большом количестве ионийской архаической керамики, полученной при раскопках последнего десятилетия в северо-восточном районе городища. Второе положение сводится к результатам изучения остраконов, при котором был поставлен вопрос о демотическом составе колонистов и о метрополии молодой апойкии. Ответ получен при анализе граффити. Две трети проспографических единиц оказались дорийскими, и авторы пришли к заключению о том, что «вопреки общему „ионийскому" археологическому фону основную массу херсонесских колонистов составляли гераклеоты», контингент которых был пополнен ионянами, выходцами из Синопы. Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев считают, что «необходимо окончательно распрощаться с умозрительными гипотезами о корабельной стоянке и ионийском эмпории» и вопреки «кабинетно вычисленной дате основания Херсонеса» в конце V в. до н. э. утверждают, что полис сложился на рубеже VI—V в. до н. э. [10, с. 2, сл.; 11, с. 11, сл.]. С целью анализа фактологической базы этой концепции нами проведено изучение отчетов о раскопках М. И. Золотарева, а также С. И. Рыжова, материалы которого использованы авторами, инвентаризационных описей и находок в фондах Херсонесского заповедника. Поскольку материалы исследователей еще не вышли из печати, я была лишена возможности дать иллюстрации в данной работе.

Начнем с рассмотрения «надежно зафиксированного», по словам авторов,

архаического слоя, который «впервые за все годы раскопок был обнаружен и исследован в VI квартале северо-восточного района городища» [9, с. 9; 10, с. 8]. Оценка фиксации, по нашему мнению, не удовлетворяет требованиям объективности, невозможно оставить без внимания некоторые методические погрешности: план раскопа не имеет топогеодезической привязки к кварталу в целом; высотные отметки отсутствуют, следовательно, толщина слоев, одним из которых является описываемый, не контролируется; уровень подошвы слоя не имеет привязки к генеральной высотной отметке; по тексту отчета о раскопках толщина слоя 20—22 см, а по чертежу не менее 30 см [19, с. 9].

Керамический комплекс слоя датируется Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым рубежом VI—V вв. до н. э. Авторы отмечают, что в нем доминировали ранние типы хиосских амфор и отсутствовали сосуды, обычные для позднеклассических слоев городища [10, с. 9]. Однако среди заинвентаризованных материалов имеются ножки амфоры типа Солоха I (№ 90/37084) и круга Фасоса, распространенных в Причерноморье в IV в. до н. э. [20, табл. XV, *32е;* XII, *23, 3;* рис. 18, *9*]. Фрагменты ножек и венчиков хиосских амфор (инв. № 86-87/37084) принадлежат поздним пухлогорлым сосудам, завершающим типологический ряд амфор этого центра [21, с. 21; 22, с. 16]. В Елизаветовском могильнике, например, такая амфора встречена с панафинейской, датируемой 430— 425 гг. до н. э. Амфоры со стаканообразными донъями, о преобладании которых пишут авторы [10, с. 9], не обнаружены нами ни среди заинвентаризованных материалов (коллекция 37084), ни в полевых описях [23, с. 36, сл].

Вторую по количеству группу в слое составила аттическая керамика. В качестве древнейших авторами представлены фрагменты чернофигурных сосудов, относимых к мелкофигурным киликам рубежа VI—V вв. до н. э., и венчики кратеров с изображением стилизованных бутонов лотоса [10, с. 9]. Последние относятся к самым ранним из встреченных в Херсонесе кратеров, дожившим, однако, до начала IV в. до н. э. [24, с. 69]. Фрагмент дна скифоса (инв. № 61/37084) принадлежит не чернофигурному, а краснофигурному сосуду IV в. до н. э. с изображением стоящих попарно юношей и пальметт. Это самый распространенный в Херсонесе тип скифоса IV в. до н. э. [23, с. 75].

Чернолаковая керамика слоя представлена сосудами, которые находят аналогии среди материалов Афинской агоры. Так, килик (инв. № 33/37084) датируется 425—410 гг. до н. э., чашки (инв. № 9—11, 64, 58/37084) — 325 г. до н. э., солонки (инв. № 57/37084) — первой четвертью — серединой IV в. до н. э. [25, № 462, 842, 876].

Среди находок слоя авторы особо отмечают так называемую родосско-ионийскую лекану с изображением орнаментов и фриза с фигурами пантер и лебедей на крышке, датированную последней четвертью VI в. до н. э. [10, с. 8]. Эта, скорее архаизирующая, чем архаическая вещь, должна быть рассмотрена специально. Датировать ее VI в. до н. э. не позволяет форма. Так, закраина крышки, соответствующая высокому выступу, и профиль ручки характерны для лекан начала IV в. до н. э. [25, с. 166]. Рисунок беглый, изображение морды пантеры сведено к простому кресту. Способом применения гравировки, заменой пурпура разбавленным лаком, качеством черного покрытия и фоном изображения лекана отличается от сосудов архаического времени [26, с. 99, рис. 4]. Ее орнамент — косая сетка — встречается в Херсонесе на сосудах эллинистического времени (п. № 2454/09).

В слое найдена ольвийская монета с изображением горгоны на аверсе, колесом и буквами APIX между спиц на реверсе, датируемая Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым первой половиной V в. до н. э. [9, с. 9; 10, с. 10]. В одной из последних статей П. О. Карышковский датировал группу ассов, к которым принадлежит и описываемая монета, началом IV в. до н. э. [27, с. 100]. Отнесение асса к первой половине V в. до н. э. опровергается результатами изучения распространения этих монет в округе Ольвии). Они встречаются на поселениях,

возникших на рубеже V и IV вв. до н. э., и отсутствуют на прекративших существование к концу первой четверти V в. до н. э. [28, с. 112].

Итак, рассматриваемый слой по находкам амфор, аттической керамики, монете датируется последней четвертью V—IV в. до н. э.

По данным Ю. Г. Виноградова и М. И. Золотарева, раскопки северо-восточного района Херсонеса дали свыше 1,5 тыс. фрагментов ионийской керамики, из которых более 200 датируются последней четвертью VI — первой половиной V в. до н. э. Критериями датировок у авторов служат особенности керамического теста, качество лака, элементы росписи, «в отдельных случаях форма сосуда» [10, с. 3]. Последняя иллюстрируется М. И. Золотаревым двумя киликами, которые при широких хронологических рамках (VI—IV вв. до н. э.) остальной керамики датируются первой половиной V в. до н. э. Именно к этому типу сосудов, по мнению М. И. Золотарева, относятся килики, составляющие одну из основных форм расписной керамики из раскопок северо-восточного района. Согласно описанию авторов, это небольшие одноручные чаши «на невысоком кольцевом поддоне с круглой петлевидной ручкой у венчика. По светлому ангобу изнутри нанесены концентрические полосы, иногда подчеркнутые белой краской или пурпуром». Некоторые экземпляры украшены растительным орнаментом [10, с. 4]. В приведенном описании допущены неточности: концентрические окружности на сосудах подчеркиваются не пурпуром, а краской; белые полосы, как и светлый ангоб, нанесены на единичных экземплярах. Если устраним эти, по нашему мнению, не соответствующие действительности детали, то описание киликов и следующего типа ионийских сосудов — кувшинов совпадает с характеристикой их С. Г. Рыжовым с той разницей, что автор раскопок датирует их концом V—IV в. до н. э. [29, с. 20].

Что же представляют собой археологические объекты, керамические комплексы северо-восточного района, давшие расписную керамику?

В 1976—1979 гг. относимая Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым к ионийской расписная керамика найдена С. Г. Рыжовым при раскопках дома IV—III вв. до н. э. в нивелировочной засыпи, сделанной при строительстве дома, а также в слое конца V—IV вв. до н. э. [29, с. 18, сл.; 30, с. 8].

В 1977 г. при раскопках М. И. Золотаревым обнаружена керамика этого типа среди материалов IV в. до н. э. Этим временем она и датируется в отчете [31, с. 9]. С. Г. Рыжов раскапывает VI поперечную улицу. Подобная керамика найдена в комплексе конца V—IV в. до н. э. [32, с. 4].

В 1978 г. С. Г. Рыжовым исследуется II поперечная улица, рассматриваемая керамика встречена среди материалов IV—III вв. до н. э. [32, с. 50, сл.] М. И. Золотаревым раскапывается III поперечная улица. Керамические материалы слоя, лежащего на скале, датируются первой половиной IV в. до н. э. Однако комплекс так называемой ионийской керамики отнесен ко второй половине V в. до н. э. [34, с. 10].

В 1979—1980 гг. М. И. Золотарев продолжает раскапывать III поперечную улицу. Древнейший слой относится к концу V — началу IV в. до н. э., керамика, относимая к ионийской, датируется концом VI — началом V в. до н. э. [35, с. 8, сл.; 36, с. 18, сл.].

В 1984 г. М. И. Золотаревым открыт вышеописанный слой с рассматриваемой керамикой.

В 1985 г. С. Г. Рыжов проводит раскопки в северном районе городища в VIII квартале, в углублениях скалы найден материал конца V—IV в. до н. э., среди него эта же керамика [37, с. 3, сл.].

Как видим, слои и керамические комплексы северо-восточного района Херсонесского городища датируются концом V—IV в. до н. э. Керамика, относимая к ионийской, необоснованно вычленяется М. И. Золотаревым из археологического комплекса и относится к более раннему времени, иногда вопреки массовому материалу делаются попытки датировки комплекса по удревненной расписной керамике.

В настоящее время рассматриваемая керамика известна не только среди материалов северного и северо-восточного района Херсонесского городища. При раскопках северо-западного участка античного театра получен керамический комплекс (свыше 48 тыс. обломков) конца V — третьей четверти IV в. до н. э. [38, с. 28], включающий и рассматриваемую керамику (коллекция № 36788). Обнаружена она и при раскопках цистерны под печью № 9 с материалами IV в. до н. э. (коллекции № 36571). Сравнение ее с керамикой из раскопок С. Г. Рыжова и М. И. Золотарева (коллекции № 36950, 36986, 37000, 37068, 37084, 37119, 37163) обнаружило сходство по формам, черепку и покрытию. Результаты изучения этой керамики мы изложим в специальной статье; в данной необходимо подчеркнуть, что как комплексы северо-восточного района, так и остальные определяют хронологические рамки массива рассматриваемой керамики последней четвертью V—IV в. до н. э. Лишь немногие экземпляры, встреченные в этих комплексах (34а, 41, 43-44/37084), являются фрагментами привозных ионийских сосудов.

Ю. Г. Виноградовым и М. И. Золотаревым вводятся в научный оборот 25 граффити, представленных в качестве «остракa» с мужскими личными именами, с патронимиками и без них. Наиболее ранние остраконы датируются началом V в. до н. э., т. е. временем, «когда остракизм еще не был пущен в ход даже в Афинах» [10, с. 11]. Авторы пишут, что граффити датируются ими по совокупности признаков — форм сосудов, оттенков лака, палеографии. Однако в каталоге, прилагаемом к докладу, отсутствуют инвентарные номера, данные об археологическом слое, топографии находок, формах сосудов, их датировке [10, Прилож.]. Вместе с тем известно, что в датировке граффити часто главную роль играет археологический контекст, ибо в одно и то же время в надписях наблюдаются разные формы букв [39, с. 2—4]. Археологический комплекс не только проливает свет на дату граффити, но и способствует раскрытию их содержания. Рассматриваемые граффити встречены в слоях и в комплексах последней четверти V—IV в. до н. э. и происходят из раскопок улиц, кварталов, жилого дома, заполнений углублений в скале. В подавляющем большинстве датировки сосудов и граффити расходятся. Например, граффити на донъях скифоса и килика (инв. № 562/37000; 11/37036; [10, Прилож. 1, № 8—11, 14]) датированы второй четвертью V в. до н. э.; подобные же сосуды относятся к концу V в. до н. э.— 30-м годам столетия [25, № 349, № 534]. Граффити (инв. № 52/37102; [10, Прилож. III, 2]) на фрагменте краснофигурного кратера с изображением женской фигуры датировано авторами второй четвертью V в. до н. э. Но этот сосуд по росписи принадлежит к позднему периоду классического стиля: рельефная линия в рисунке отсутствует, контур лица дан разбавленным лаком; он может быть датирован не ранее последней четверти V в. до н. э. Другие граффити — на стенках сосудов, черный лак которых неглубокий и тусклый (инв. № 85/37084, № 17/37058, [10, Прилож. I, 1; II, 1]); на стенках амфор и расписных сосудов (инв. № 81, 82/37084, 556/37000, 563, 580/37000, [10, Прилож. I, 5, 2; III, 1, 5]), аналогичных найденным в слоях IV в. до н. э. Почти половина граффити не содержит патронимика. В то же время известно, что на остраконах не писалось одно имя. Окончательное слово о рассматриваемых граффити за эпиграфистами. Нам же представляется, что выводы о сложении Херсонесского полиса на рубеже VI—V вв. до н. э., организации выборов его органов власти, сделанные по граффити, лишены убедительной интерпретации и твердой хронологической основы.

В качестве доказательства архаического поселения на месте Херсонеса Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев представили ранние вотивные терракоты и святилище Аполлона конца VI в. до н. э. [9, с. 9; 10, с. 6]. Однако, как показало исследование, проведенное А. В. Шевченко, терракота, определяемая в качестве статуэтки Аполлона, является в действительности изображением богини и относится, как и другие древнейшие терракоты Херсонеса, к позднеклассическому периоду [40, с. 130].

Таким образом, материалы, полученные при раскопках, проводимых в течение последнего десятилетия в северо-восточном районе Херсонеса экспедициями Херсонесского заповедника под руководством С. Г. Рыжова, М. И. Золотарева, а в 1986—1987 гг. ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой, не опровергают, а подтверждают, с нашей точки зрения, дату основания Херсонеса в 422—421 гг. до н. э. Древнейшие строительные остатки, слои и керамические комплексы датируются концом V в. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тюменев В. И.* Херсонесские этюды//ВДИ. 1988. № 2(3).
2. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1966.
3. *Зедгенидзе А. А.* О времени основания Херсонеса Таврического//КСИА. 1979. Вып. 159.
4. *Зограф А. Н.* Античные монеты//МИА. 1951. № 16.
5. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977.
6. Граффити античного Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1978.
7. *Соломоник Э. И.* Некоторые группы граффити античного Херсонеса//ВДИ. 1976. № 3.
8. *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье//Античная Греция. М.: Наука, 1983.
9. *Золотарев М. И.* Херсонес и Ольвия в конце VI—II вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1986.
10. *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Древнейший Херсонес. Доклад на V Международном симпозиуме по древней истории Причерноморья. Вани, 1987.
11. *Золотарев М. И.* Северо-восточный район Херсонеса в античное время (по материалам раскопок 1976—1986 гг.)//Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888—1988 гг. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988.
12. *Зедгенидзе А. А.* К вопросу о причинах основания Херсонеса//Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
13. *Зедгенидзе А. А.* Херсонес Таврический в классический период: Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1983.
14. *Блаватский В. Д.* Рец.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948//ВДИ. 1949. № 3.
15. *Щеглов А. Н.* История военно-морского искусства. СПб., 1908.
16. *Савеля О. Я.* О греко-варварских взаимоотношениях в юго-западном Крыму в VI—IV вв. до н. э. //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
17. *Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д.* Греческая колонизация Боспора. Доклад на V Международном симпозиуме по древней истории Причерноморья. Вани, 1987.
18. *Зедгенидзе А. А.* Становление Херсонесского полиса//Тез. докл. Крымской науч. конф. «Проблемы античной культуры». Ч. 3. Симферополь, 1988.
19. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе в 1984 г.//Архив ГХИАЗ. № 2480/1.
20. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
21. *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев: Наук. думка, 1981.
22. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
23. *Золотарев М. И.* Полевые описи находок из раскопок VI квартала. Северо-восточный район. 1984//Архив ГХИАЗ. № 2482.
24. *Зедгенидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса//КСИА. 1978. Вып. 156.
25. *Sparkes B. A., Talcott.* Black and Plain. Pottery of the 6-th, 5-th, and 4-th Centuries B. C.//The Athenian Agora. V. XII. N. J.: Princeton, 1970.
26. *Копейкин Л. В.* Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н. э. и вопросы локализации некоторых ее групп//ВДИ. 1981. № 2.
27. *Карышковский П. О.* О монетном искусстве догетской Ольвии//Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка. 1986.
28. *Урсалов В. Н.* Новые данные по истории монетного искусства Ольвии//Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
29. *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках дома IV—III вв. до н. э. в северо-восточном районе Херсонеса в 1976 г.//Архив ГХИАЗ. № 2128.
30. *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках дома IV—III вв. до н. э. во II квартале северо-восточного района Херсонеса в 1979 гг.//Архив ГХИАЗ. № 2136.
31. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1977 г.//Архив ГХИАЗ. № 1933.
32. *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках в Херсонесе, северо-восточный район, VI поперечная улица//Архив ГХИАЗ, № 2130.
33. *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1979 г.//Архив ГХИАЗ. № 2133.
34. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1978 г.//Архив ГХИАЗ. № 2031.

35. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1979 г.//Архив ГХИАЗ. № 2053.
36. *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1980 г.//Архив ГХИАЗ. № 2215.
37. *Рыжов С. Г.* Отчет за 1985 г. о раскопках VIII кв. в северном районе Херсонеса//Архив ГХИАЗ. № 2613.
38. *Зедгенидзе А. А.* Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе//КСИА. 1976. № 145.
39. *Lang M.* Graffiti and Dipinti//The Athenian Agora. V. XXI. N. J.: Princeton, 1976.
40. *Шевченко А. В.* Группа ранних терракот из Херсонеса//Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888—1988 гг. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988.

A. A. ZEDGENIDZE

ON THE EARLIER DATE OF KHERSONES TAVRICHESKY FOUNDATION

Summary

Last time in the works of Yu. G. Vinogradov and M. I. Zolotarev the date of Khersones foundation is revising and assigning to the end of the 6th century B. C. It was based on the discovery in the north-east area of the fortified settlement the painted pottery qualified as Ionic one, the Attic pottery, the archaeological layer, terracottas and the sanctuary of Apollo belonging to the archaic time and graffiti interpreted as ostrakons. The study of the ceramic assemblage dates the «archaic» stratum to the last quarter of the 5th — the third quarter of the 4th centuries B. C. Complexes from the north-east and other areas of Khersones fortified settlement limit the chronology of «Ionic» pottery by the last quarter of the 5th — the 4th centuries B. C. Only a few specimens are the fragments of imported Ionic vessels. The terracotta qualified as a statuette of Apollo from the supposed sanctuary of this god is an image of a goddess and belongs to the late classical period as the other described terracottas. Introdusing the graffiti on the vessels the authors give no information about the archaeological layer, the topography of the finds and forms of the vessels. For the most part the dates of the graffiti and the vessels differ. The last ones appeared to be assigned to the last quarter of the 5th century B. C. Enumerated sources do not disprove that Khersones was founded at the last quarter of the 5th century B. C.

Я. Н. НЕРСЕСОВ

ЗВЕРЬ РЕКУАЙ В ИСКУССТВЕ МОЧИКА

Одним из интереснейших персонажей мифологии древнего Перу было зооморфное существо с отростком-гребнем на голове и обычно симметричным ему хвостом — «Зверь Рекуай» [1]. Он часто встречается в культурах Северного Перу: от рекуай до чиму. Наибольшую эволюцию его образ претерпел в искусстве мочика, одной из самых развитых культур I тыс. н. э. доколумбовой Америки. Особое значение этого персонажа подчеркивается тем, что в отличие от многих других персонажей мочикской мифологии он встречается на протяжении почти всего периода существования этой культуры.

Гипотетичность эволюции образа Зверя Рекуай и сюжетно близких к нему мифологических персонажей (рис. 1—*5*) в рамках пятичленной периодизации мочика Р. Ларко Ойле (мочика I—V) (рис. 6) обусловлена рядом причин. Особенно сказались четыре из них: 1) плохо выявлены границы периодов, в частности раннемочикский комплекс (I, II и отчасти III), что затрудняет выделение керамики переходной от одного периода к другому; 2) отсутствие ясной границы в стилистике расписных изображений мочика III/IV; 3) трудности в конкретной датировке фигурных сосудов без стремявидной ручки и особенно изделий из кости и металла и 4) не всегда известна форма сосуда, и исследователи располагают прорисовками изображений.

По манере изображения я выделяю в ранней мочика (I, II и отчасти III) две относительно единые стилистические группы изображений Зверя Рекуай. Одну, из-за близости в иконографии схожему сильно геометризированному существу на керамике и каменных изваяниях соседней с мочика культуры рекуай, я обозначаю как рекуоидную (рис. 1, *1—13*), другую, относительно реалистичную — как собственно мочикскую (рис. 2, *1—3*).

Рекуоидная, в основном расписная (реже в виде фигурных сосудов) группа изображений Зверя Рекуай относится к мочика I, II и отчасти III (рис. 1, *1—13*). Сидящее на задних лапах и хвосте (обычно симметричном отростку-гребню со спиралью на конце), реже стоящее на всех лапах чудовище изображалось очень схематично: с узким, обычно темным (реже широким пятнистым) изогнутым телом, тонкими когтистыми лапами, головой в виде кружка, внутри которого помещался круглый глаз, зубастой (иногда клыкастой) пастью с языком либо без него, крючковидным либо треугольным стилизованным изображением приподнятого носа с ноздрей и прижатым серповидным ухом. Помимо этого, рядом с носом нередко встречается короткий крючковатый отросток-завиток, назначение его неясно. В отдельных случаях (фигурные сосуды — рис. 1, *3*, *4*) по отростку-гребню идет типичный для мочика орнамент в виде трехступенчатых выступов.

---

[1] Называют его по-разному: «moon monster» (рис. 1, *4*, *14*) — E. P. Benson [1, с. 19], (рис. 4, *2*) — J. Jones [2, с. 54, рис. 2, с. 97, рис. 35], (рис. 4, *1*, *3*) — A. Schaffer [3, рис. 33, 37—39]; «moon eater» — A. C. Lapiner [4, с. 168]; «mond esser» (рис. 1, *1*) — J. H. Rowe [5, рис. 385]; «moon animal» (рис. 1, *4*, *15*, *17*, *21*, *24*; рис. 5, *6*) — K. O. Bruhns [6, рис. XI, XII; 7, рис. 5] и D. Menzel [8, с. 234, 235]; «mond tier» (рис. 5, *4*) — H. D. Disselhoff [9, с. 62, рис. 56]; «sky puma» — A. Sawyer [10, с. 28]; «gato de la luna» (рис. 5, *5*) — W. D. Strong, C. Evans [11, рис. XVII*e*] и т. д. Я употребляю образное название «Зверь Рекуай», введенное в научный оборот В. А. Башиловым [12] и Ю. Е. Березкиным [13—15].

© Я. Н. Нерсесов, 1993 г.

Рис. 1. *1* — по S. Lothrop [16, с. 260]; *2* — лично от А. Сойера [A. Sawyer, 1988]; *3* — по R. Larco Hoyle [17, с. 111]; *4* — по E. P. Benson [1, с. 123, рис. *5*—26]; *5* — по M. Cuesta Domingo [18, с. 59, рис. 1129]; *6* — лично от П. Кабелло Каррo (Cabello Carro P., 1986); *7* — по C. B. Donnan [19, рис. 73]; *8* — лично от П. Кабелло Каррo (Cabello Carro P., 1986); *9* — лично от А. Сойера (A. Sawyer, 1988); *10* — по J. Peirson-Jones [20, рис. 78]; *11* — по S. Purin [21, рис. 1, 2]; *12* — по D. Real [22, рис. VII, *1*]; *13* — лично от К. Брунс (K. O. Bruhns, 1988); *14* — по I. Rácz [23, рис. 19]; *15* — по K. Bruhns [6, рис. XII, *5*]; *16* — по G. Montell [24, с. 33]; *17* — по G. Kutscher [*25*, рис. 48*a*]; *18* — по E. Fuhrmann [26, рис. 92]; *19* — по G. Kutscher [27, рис. 311]; *20* — по G. Kutscher [*25*, рис. 46*B*]; *21* — по A. Baessler [28, рис. 237]; *22* — по G. Kutscher [*25*, рис. 45]; *23* — по A. Baessler [28, рис. 236]; *24* — по E. Seler [29, рис. 20, № 21]; *25* — по G. Kutscher [*25*, рис. 47]; *26* — по G. Kutscher [27, рис. 313]

Схожесть именно этих схематизированных раннемочикских изображений Зверя Рекуай с похожими изображениями сильно геометризированного существа в культуре рекуай породила гипотезу о заимствовании мочика его иконографического образа именно из рекуай [1, с. 19; 4, с. 167, 168; 6; 7, с. 198, 199; 8, с. 62, 63; 10, с. 24; 21, рис. 1; 30, с. 25, 26; 41, с. 94—121, рис. 91; 49, с. 207—271; 54, с. 234, 235; 59, с. 445; 60, с. 257, 258; 61, с. 38, рис. 30; 62, с. 168; 63, с. 185, сн. 2; 64, с. 245; 65, с. 169, рис. 34].

Собственно мочикская, относительно реалистичная рельефно-расписная группа изображений Зверя Рекуай, представленная хищниками из семейства кошачьих, с крупным (порой пятнистым) телом и сильными когтистыми лапами, мощной оскаленной клыкастой пастью и миндалевидным глазом, датируется только мочика — I [2] (рис. 2, *1—3*).

В III периоде начинается интенсивный процесс сложения государства мочика, сопровождавшийся сложными эволюционными процессами в обществе и идеологии, в частности формированием пантеона мочика. Серьезные перемены происходят и в мифологическом образе Зверя Рекуай, чьи расписные изображения благодаря появившейся тщательности прорисовки приобретают большие реализм и индивидуальность [3].

Зверь Рекуай начинает изображаться среди звезд и на Луне (рис. 1, *14—17*), в том числе терзающим поверженного на Луне человека [4] (рис. 2, *8*, *11*).

В это же время появляются изображения сюжетно близкого (?) Зверю Рекуай зооморфного существа, несущего в себе черты разных животных, с повернутой назад огрызающейся головой и хвостом, оканчивающимся головой змеи или оскаленной пастью хищника (рис. 3, *12—16*). В дальнейшем это существо превращается в широко распространенный образ мифического «Дракона». Не исключено, что в создании иконографического образа Дракона могли принимать участие два мифических персонажа. С одной стороны, зубастый зверь без сверхъестественных элементов, но с обязательно повернутой назад головой (рис. 3, *3—7*, *11*). С другой стороны, известны два случая (рис. 3, *9*, *10*) наличия у Зверя Рекуай нехарактерных для него иконографических черт Дракона — повернутой назад головы и голов хищника (змеи) на конце отростка-гребня и хвоста. Однозначно решить вопрос о прототипе Дракона пока не представляется возможным. Можно только отметить, что и Зверь Рекуай, и Дракон принимают участие в одном и том же ритуале с отрубленными человеческими головами (рис. 2, *6*, *7*, *9*, *12*, *14—16*). Среди них особо выделяются два разных изображения Дракона с отрубленными человеческими головами в передних лапах: один — настоящий шедевр скульптурной керамики мочика (рис. 2, *12*), другой, несколько более поздний Дракон выделяется особой стилистикой и бело-оранжево-зеленым цветом (рис. 2, *16*). (Больше скульптурных и трехцветных Драконов мне неизвестно.) Примерно в это же время встречаются изображения сюжетно близкого Зверю Рекуай и Дракону антропоморфизированного варианта Дракона — «Дракона-демона»: антропоморфное тело (обычно в рубашке и набедренной повязке), голова хищника с оскаленной пастью, хвост-змея, оканчивающийся головой хищника, длинный изогнутый отросток на голове иногда с оскаленной пастью на конце и отрубленная человеческая голова в руках (рис. 2, *10*, *13*).

Особое развитие мотивы Зверь Рекуай, терзающий на Луне поверженного человека, и Зверь Рекуай/Дракон с отрубленной человеческой головой в руках получили на мочикских металлических изделиях из разграбленных могильников

---

[2] Рельефное изображение Зверя Рекуай с нетипичного для мочика сосуда (рис. 2, *3*) по стилистическим особенностям я условно отношу к раннемочикскому времени.

[3] Поскольку метод сплошной заливки деталей изображений темной краской характерен для росписей как III периода, так и подпериода IV—1, то в тех случаях, когда мне известна только прорисовка изображения без формы сосуда, датировка Зверя Рекуай носит условный характер: III/IV—1.

[4] Зверя Рекуай с нетипичного для мочика сосуда (рис. 2, *11*) по стилистическим особенностям и мотиву сюжета я условно отношу к этому времени культуры мочика.

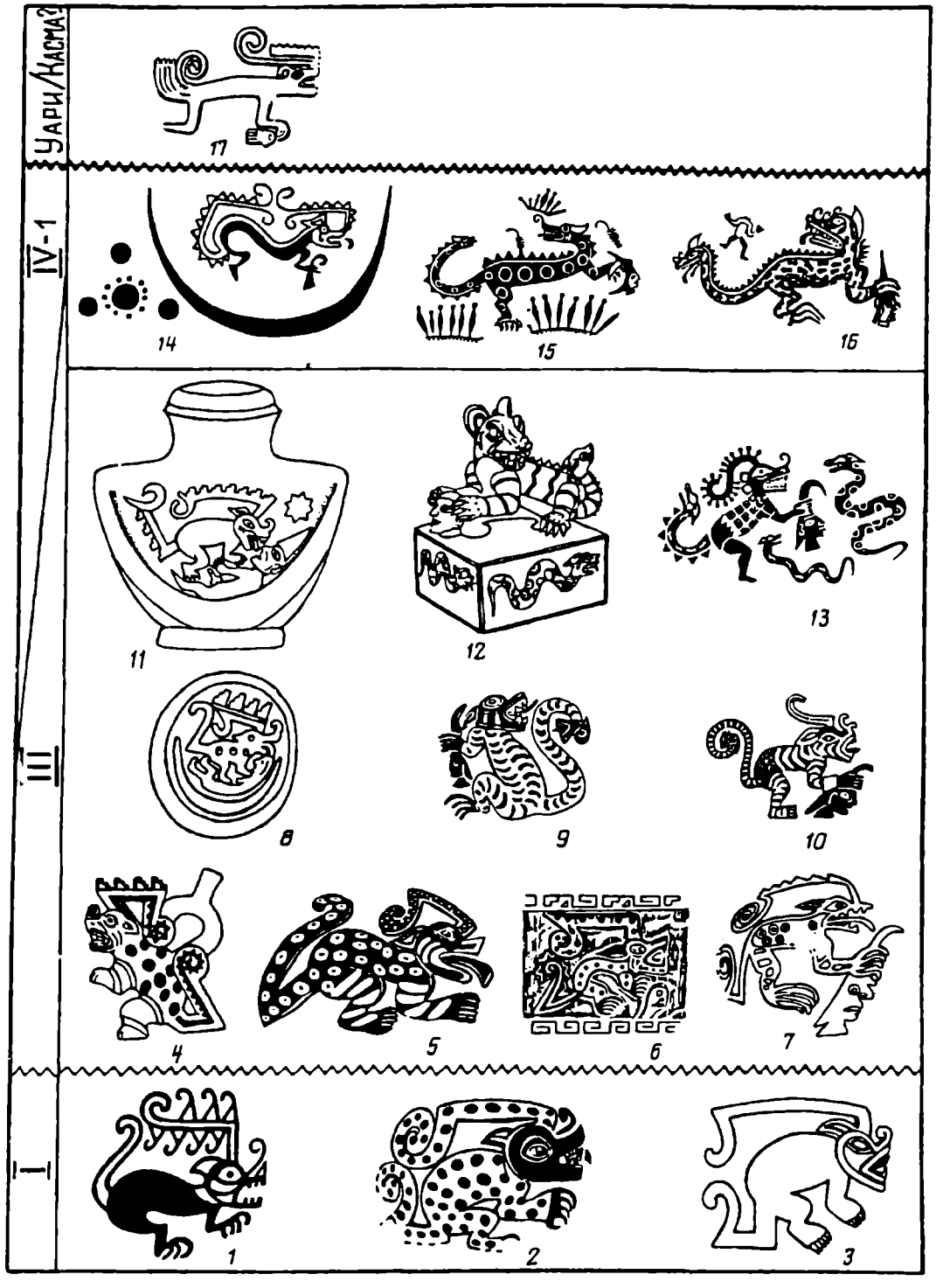


Рис. 2. *1* — по A. Sawyer [30, рис. 36]; *2* — по W. Haberland [31, рис. 104]; *3* — по J. H. Rowe [5, рис. 385]; *4* — по J. B. Bird [32, рис. 50*c*]; *5* — лично от А. Сойера (A. Sawyer, 1988); *6* — по O. Klein [33, с. 105, рис. 204]; *7* — по G. Bankes [34, с. 24]; *8* — по C. B. Donnan [19, рис. 59]; *9* — лично от А. Сойера (A. Sawyer, 1988); *10* — по G. Kutscher [25, рис. 43*e*, *f*]; *11* — по H. Disselhoff [35, с. 55, рис. 4]; *12* — по S. Lothrop [36, с. 173]; *13* — по E. Fuhrmann [37, рис. 13]; *14* — по G. Kutscher [25, рис. 46*a*]; *15* — по R. Larco Hoyle [38, рис. 22*c*]; *16* — по G. Kutscher [27, рис. 10]; *17* — по D. Proulx [39, рис. 9*c*]

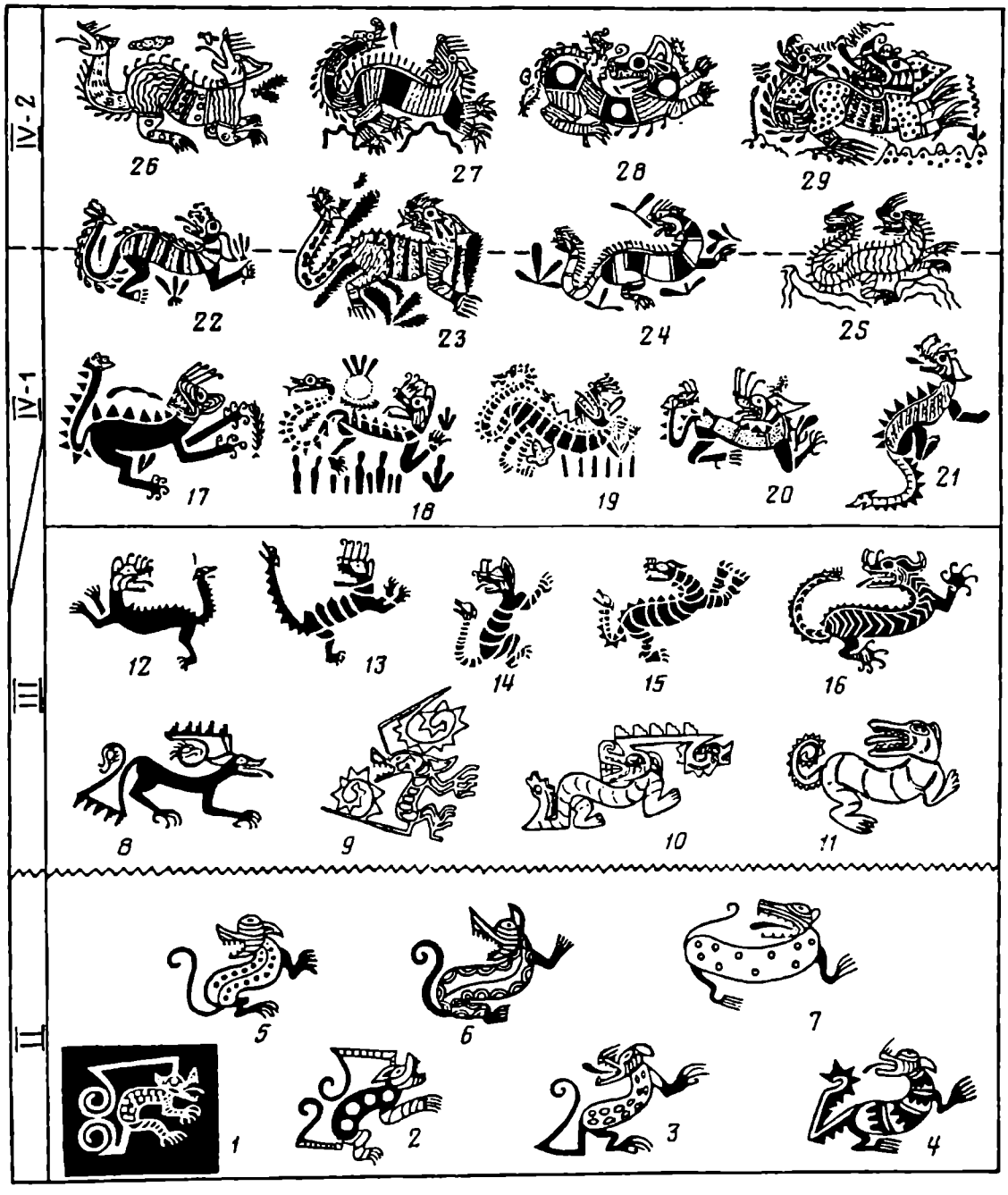


Рис. 3. *1* — по Ya. N. Nersesov [40, рис. 41, 42]; *2* — по D. Lavallée [41, рис. 91*e*], *3* — по M. Cuesta Domingo [18, с. 59, № 1117]; *4* — по D. Lavallée [41, рис. 91*g*]; *5* — по D. Lavallée [41, рис. 91*h*]; *6* — по G. Kutscher [25, рис. 1*c*], *7* — по A. Schulze-Thulin [42, рис. 45]; *8* — по G. Kutscher [27, рис. 310]; *9* — по M. Schmidt [43, рис. 210]; *10* — по H. Ubbelohde-Doering [44, рис. 4]; *11* — по H. Lehmann [45, с. 45, рис. 68, № 512]; *12* — по G. Kutscher [27, рис. 14]; *13* — по C. B. Donnan [46, рис. 7, *2*]; *14* — по R. D'Harcourt [47, рис. 125]; *15* — по A. Baessler [28, рис. 257]; *16* — по Museo Amano [48, с. 79]; *17* — лично от A. Сойера (A. Sawyer, 1988); *18* — по G. Kutscher [25, рис. 5*c*]; *19* — по J. C. Tello [49, рис. 48]; *20* — по R. Larco Hoyle [50, с. 2]; *21* — по A. Baessler [28, рис. 345]; *22* — по J. C. Tello [49, рис. 47]; *23* — по S. Purin [51, т. II, рис. L, *1*]; *24* — по R. Larco Hoyle [52, т. II, с. 131]; *25* — по G. Kutscher [53, рис. 11]; *26* — по D. Lavallée [41, рис. 91*м*, 5*в*, 10*d*]; *27* — по G. Kutscher [27, рис. 17]; *28* — по G. Kutscher [27, рис. 15]; *29* — по J. C. Tello [49, рис. 46]

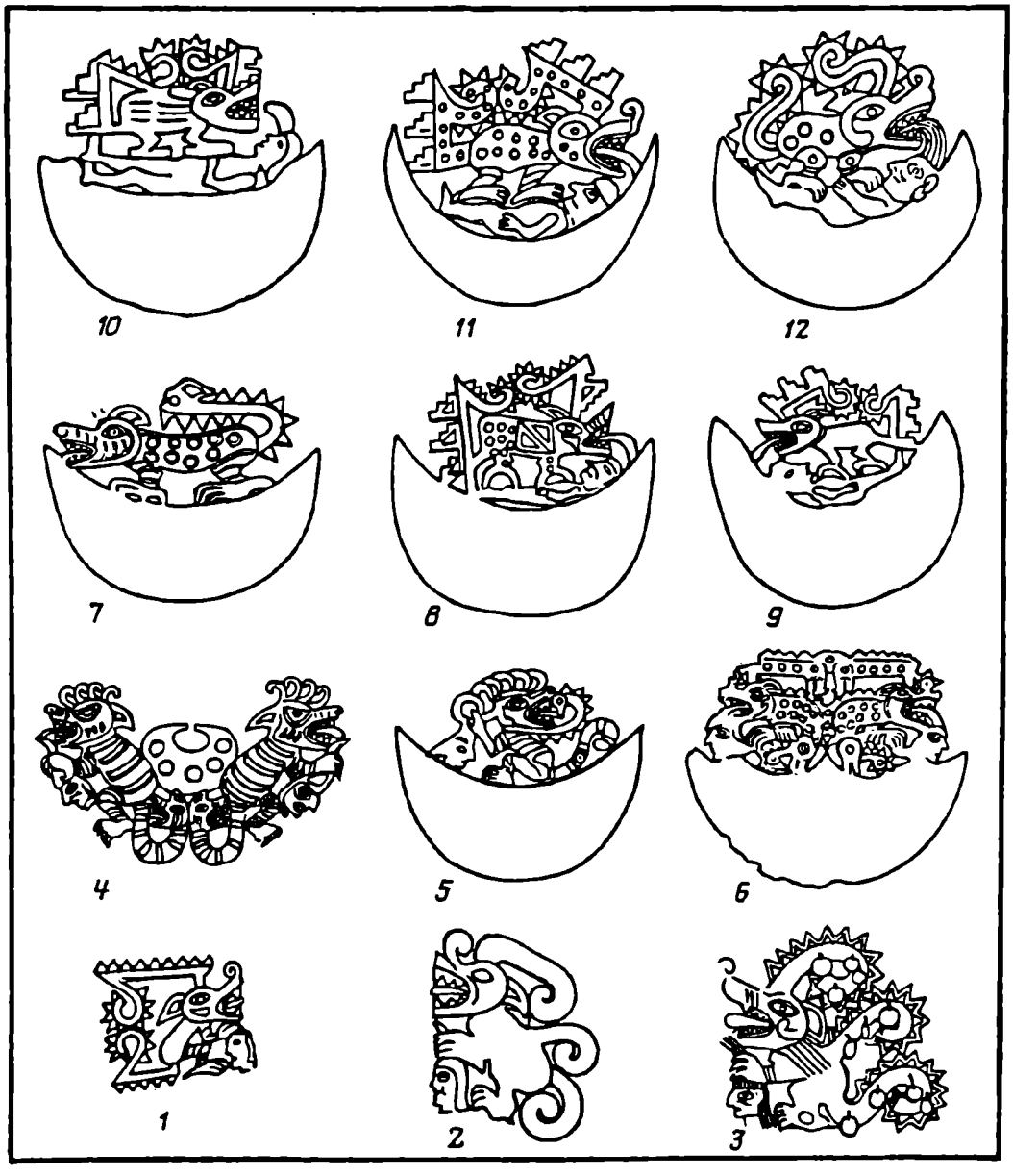


Рис. 4. *1* — по A.-L. Schaffer [3, рис. 30]; *2* — по A.-L. Schaffer [3, рис. 35]; *3* — по A.-L. Schaffer [3, рис. 38—39]; *4* — по A.-L. Schaffer [3, рис. 42]; *5* — по A.-L. Schaffer [3, рис. 41]; *6* — по H. B. Nicholson, A. Cordy-Collins [54, рис. 194]; *7* — по H. D. Disselhoff [55, рис. 12]; *8* — по A.-L. Schaffer [3, рис. 34]; *9*, *10* — лично от Х. Кинг (H. King, 1988); *11* — по A.-L. Schaffer [3, рис. 35]; *12* — по H. D. Disselhoff [55, рис. 5]

Пьюры на самом севере Перу (рис. 4). Их датировка осложняется тем, что сравнение стилистики близких изображений на металлических и глиняных изделиях не просто из-за разницы в художественных канонах (рис. 2, *6—16*; 4). Идентичность ситуации, в которой находится Зверь Рекуай/Дракон (на Луне терзающий человека либо с отрубленной человеческой головой в руках), изображенный на мочикском металле из Пьюры и на центральномочикской керамике, именно III—IV, а не I—II периодов (рис. 2, *6—1?*, 4) предполагает по крайней мере два гипотетических варианта решения датировки этих изображений. С одной стороны, не исключено, что мочикские металлические изделия из Пьюры с изображениями этих мотивов ближе к среднемочикскому, чем раннемочикскому времени. С другой стороны, если это не так, то тогда этот мотив мифа оставался неизменным около 7—8 столетий, т. е. с I по IV период (рис. 6). Поскольку в целом проблема датировки мочикского металла из Пьюры пока не имеет одно-

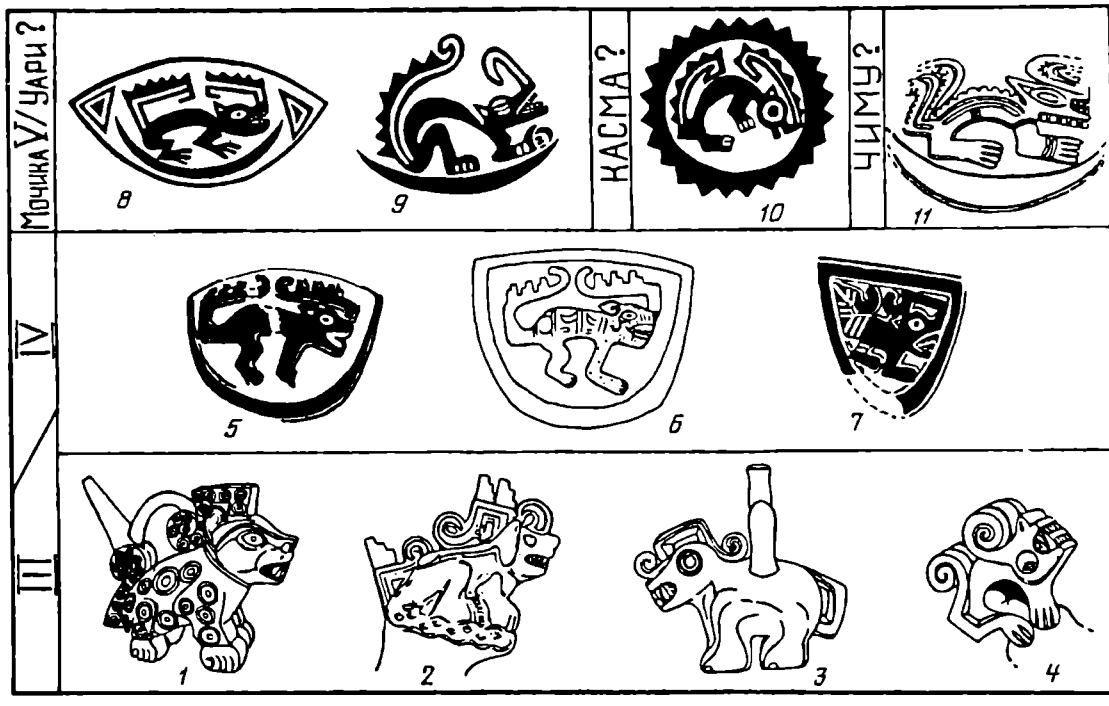


Рис. 5. *1* — по L. G. Lumbreras [56, с. 170]; *2* — по L. G. Lumbreras [57, с. 162]; *3* — лично от А. Сойера (A. Sawyer, 1988); *4* — по H. Disselhoff [9, рис. 56]; *5* — по A. Hocquenghem [58, с. 94, рис. 5] и по W. D. Strong, C. Evans [11, рис. XVII*e*]; *6* — по A. Baessler [28, рис. 238]; *7* — по C. B. Donnan [19, рис. 60]; *8* — по G. Kutscher [25, рис. 49*a*, *d*]; *9* — по Museo Amano [48, с. 84]; *10* — по G. Kutscher [25, рис. 48*d*, *e*]; *11* — лично от И. фон Шулер-Шёминг (I. von Schuler-Schöming, 1986)

значного решения, то до крупных стратифицированных раскопок в Пьюре более конкретные выводы преждевременны. Тем более, что, по некоторым данным, [2; 66] в генезисе мочика из Пьюры, особенно в металлургии, не исключается значительная роль эквадорско-колумбийского влияния.

Не менее интересная и столь же неясная картина с участием Зверя Рекуай складывалась в III—IV периодах и на юге ареала мочика, предположительно в долине Виру́. Здесь встречается целая группа предметов с реалистичными скульптурно-рельефными изображениями Зверя Рекуай (рис. 5, *1*—*7*). Особый интерес среди них вызывают два шедевра древнеперуанского искусства, изображающие Зверя Рекуай в виде грозного клыкастого хищника из семейства кошачьих. Один — великолепный скульптурный сосуд (рис. 5, *1*), другой — единственное известное мне костяное изображение Зверя Рекуай, служившее навершием (рис. 5, *2*). Наличие в стилистике этой группы изображений отдельных черт сходства не исключает некоторого влияния со стороны местного культурного субстрата — культуры гальинасо/виру́. До крупных стратифицированных раскопок в долине Виру́ сравнение на более широкой основе и более конкретные выводы преждевременны.

В мочика IV, во времена расцвета мочикской государственности, при уже сложившемся пантеоне, происходит окончательная стабилизация художественных канонов расписных изображений Зверя Рекуай и Дракона (IV—1 и IV—2) [5]. Причем до такой степени, что стало возможным выделение отдельных стилистических групп этих персонажей, особенно среди Драконов.

В подпериод IV—1, художественную вершину мочикской росписи, Зверь Рекуай и Дракон отличаются безупречными пропорциями и тщательностью рисунка, унаследованными от III периода.

За некоторым исключением (рис. 5, *5*—*7*), Зверь Рекуай теперь изображается

[5] Расписные изображения на керамике мочика IV принято разделять на два подпериода: IV—1 и IV—2 [14, 15].

Рис. 6. Хронология культуры мочика по Ю. Е. Березкину [15, с. 20]

лишь росписью и стоя на Луне (рис. 1, *18—26*). У него узкое изогнутое тело на когтистых лапах, голова с вытянутой оскаленной, зубастой (но без клыков) пастью, выделенным носом (иногда в виде архаичного завитка) и круглым глазом, острым ухом и длинным свисающим либо раздвоенным (змеиное жало?) языком. Одинаково орнаментированные ступенчатым или зубчатым орнаментом отросток-гребень и хвост обычно симметричны друг другу. Почти в половине случаев отросток-гребень переместился с темени (лба) на нос, что я считаю твердым датирующим признаком Зверя Рекуай IV периода. Расписные изображения Зверя Рекуай, несомненно, относящиеся к подпериоду IV—2 и периоду V, мне неизвестны.

Некоторое время в мочика IV—1 Дракон продолжает традиции предыдущего III периода: темный с выделенным зубчатым гребнем силуэт, расчлененный различными по форме (прямыми, зигзагообразными и волнистыми) линиями (рис. 3, *13—16*). По этому датирующему стилистическому признаку я условно выделяю группу «членистых» Драконов (рис. 3, *18, 19*) с мощными когтистыми лапами, хищной оскаленной (сначала зубасто-клыкастой, потом просто зубастой) мордой с языком или без него, различным по трактовке глазом, округлым или заостренным ухом, выделенным носом и несколькими (от двух до четырех) загнутыми в разные стороны (вперед либо назад) тонкими «антенновидными» усиками (щетиной?) на верхней челюсти. Хвост-змея оканчивается оскаленной пастью хищника, но с раздвоенным змеиным жалом. Вокруг чудовищ начинают часто встречаться силуэтные изображения кактусов, в основном без колючек. Поскольку это самая многочисленная группа Драконов (остальные намного меньше), то, по-видимому, именно в подпериод IV—1 этот персонаж пользовался наибольшей популярностью. В рамках этого же подпериода встречаются типы Драконов (рис. 3, *20, 21*), по-видимому, переходные к более поздней условной группе этих чудовищ с телом, разделенным на различно орнаментированные «сектора». Если их лапы по-прежнему изображаются темным силуэтом, то волнистый и особенно точечный орнамент на светлом туловище может условно символизировать шерсть.

Следующая группа «секторальных» Драконов, стилистически переходная от подпериода IV—1 к IV—2, уже несет отпечаток стилистических особенностей иконографии подпериода IV—2: почти полный отказ от метода заливки крупных деталей темным и постепенно нарастающая перегруженность изображений (рис. 3, *22—24*). Им присуща разнообразная орнаментация разбитых на «сектора» тел с листовидным орнаментом на спине и идентичность оскаленной морды хищника на хвосте основной голове с круглым глазом и усами (щетиной?) в виде «саблевидных» отросточков на верхней челюсти.

Дальнейшая эволюция этого мифического персонажа идет по пути нарастающей перегруженности орнаментацией и детализацией (рис. 3, *26—29*). Так, на носу появляются треугольники со спиралью сверху и др. Кроме того, начинают встречаться изображения волнистой линии под ногами Драконов.

Затем на границе IV—V периодов изображения Дракона, как и Зверя Рекуай, исчезают. Во всяком случае, его несомненные изображения позднее мочика IV—V мне неизвестны.

С одной стороны, не исключено, что одной из причин их исчезновения из мифологического пантеона мочика могло быть падение их популярности из-за каких-то важных изменений в идеологической сфере мочикского общества того времени, возможно, связанных с начавшимся общим кризисом культуры мочика.

С другой стороны, Дракон, по-видимому, уступил свое место в мифологическом сюжете ставшим более популярными, иконографически близким ему Strombus и мифической улитке. Возможно, нечто похожее произошло и со Зверем Рекуай. Но только отчасти. Судя по нескольким известным мне несомненным изображениям Зверя Рекуай на постмочикской керамике со следами влияния уари и касма, а также чиму в прежних сюжетных мотивах (на Луне и/или с отрубленной человеческой головой в передних лапах), этот персонаж, по-видимому, лишь немного видоизменившись, благополучно «дожил» на северном побережье Перу чуть ли не до начала испанской конкисты (рис. 2, *17*; 5, *8—11*).

Однозначно ответить на вопрос о происхождении Зверя Рекуай сейчас затруднительно. С одной стороны, близость иконографии Зверя Рекуай в культурах рекуай и ранней мочика (I, II и отчасти III), особенно заметная в схематизированной или рекуоидной группе (рис. 1, *1—13*), не исключает влияния со стороны культуры рекуай. С другой стороны, не обязательно объяснять наличие в пантеоне мочика мифического персонажа одинакового или сходного по своей иконографии с одним из образов искусства культуры рекуай только влиянием последней. Не исключено, что на определенной территории (к примеру, в Северном Перу) похожий мифологический сюжет с участием Зверя Рекуай, встречающийся в разных культурах, мог иметь единое происхождение, не обязывающее к родству или взаимовлиянию, к примеру, ситуация в Пьюре.

Не менее интересная ситуация и с прототипами Зверя Рекуай и Дракона. С первым персонажем дело обстоит сложно. Кого в нем только не видели: ягуара (рис. 1, *21, 23*) [49, с. 204—255]; пуму (рис. 2, *1*) [30, с. 25, 26, 36] и (рис. 3, *8*) [27, рис. 310]; собаку [2, с. 57]; собаку или кошачьего хищника (рис. 4) [3, рис. 30—42]; собаку или лису (рис. 1, *22*, *25*) [28, рис. 58—61; 67, с. 23; 68, с. 383], (рис. 1, *24*) [2, с. 57; 19, с. 106, рис. 91], (рис. 1, *22*; рис. 2, *14*) [8, с. 63], (рис. 1, *22, 24, 25*) [25, рис. 44А—В, 45, 47] и даже игуану [41, с. 94, 95, 119—121]. Не исключено, что для схематизированной («рекуоидной») группы раннемочикских изображений Зверя Рекуай (рис. 1, *1—13*) это могла быть коати, а для более реалистичной или собственно мочикской группы (рис. 2, *1—3*) — какой-то иной хищник из семейства кошачьих. Но это скорее тема отдельного исследования. Со вторым персонажем — проще. Поскольку он образ составной, то в каждом конкретном случае в нем можно найти черты реальных существ (хищника из семейства кошачьих, собаки, лисы, пресмыкающегося и т. д.) [40]. Таким образом, поскольку оба эти персонажа вымышленные, мифические, то возможны различные варианты их прототипов.

В заключение следует отметить, что в действительности эволюция образа Зверя Рекуай и мифологических сюжетов с его участием, по-видимому, проходила намного сложнее, чем мы можем себе это представить и проиллюстрировать. Сегодня просто невозможно полностью восстановить историческую последовательность тех или иных процессов, явлений и событий в истории культур древнего Перу, в частности, в мифологии.

Я глубоко признателен моим коллегам, как отечественным: В. А. Башилову, Ю. Е. Березкину и С. Я. Серову, так и зарубежным: (A. Schulze-Thulin, Germany; A. Shelton, England; G. Reichel-Dolmatoff, Colombia; D. Proulx, M. E. Moseley, H. Lechtman — USA, особенно G. H. A. Bankes, England; P. Cabello Carro, Spain; S. Puriv, Belgium; I. von Schuler-Schöming; D. Eisleb, U. Bankmann, Germany; A. R. Sawyer, Canada; A.-M. Hocquenghem, France и K. O. Bruhns, USA за любезную помощь в сборе иконографического материала и ценные консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Benson E. P.* The Mochica. A culture of Peru. L., 1972.
2. *Jones J.* Mochica works of art in metall: a review//Pre-Columbian metallurgy of South America. Dumbarton Oaks. Washington, 1979.
3. *Schaffer A.-L.* A monster-headed complex of mythical creatures in the Loma Negra metalwork. Paper

presented at the 21st Annual Meetings of the Institute of Andean Studies. Berkeley, January 10—11, 1981.
4. *Lapiner A. C.* Pre-Columbian Art of South America. N. Y., 1976.
5. *Rowe J. H.* Kunst in Peru und Bolivien//Das Alte Amerika. Bd. 18. Berlin, 1974.
6. *Bruhns K. O.* The Moon Animal in Northern Peruvian Art and Culture//Nawpa Pacha. N. 14. Berkley, 1976.
7. *Bruhns K. O.* Dating the Sculpture of San Agustin: a correlation with Northern Peru//Pre-Columbian Art History. Selected Readings. V. 2. Peek Publ. Palo Alto. 1982.
8. *Menzel D.* The archaeology of Ancient Peru and the work of Max Uhle. R. H. Lowie Museum of Anthropology, Univ. of California. Berkley, 1977.
9. *Disselhoff H. D.* Leben in alten Peru. München, 1981.
10. *Sawyer A. R.* Ancient Peruvian Ceramics. The Nathan Cummings Collection. The Metropolitan Museum of Art. Greenwich; New York, 1966.
11. *Strong W. D., Evans C.* Cultural Stratigraphy in the Viru Valley, Northern Peru. The Formative and Florescent Epochs//CSAE. V. IV. New York, 1952.
12. *Башилов В. А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
13. *Березкин Ю. Е.* Мифология мочика, Перу//СА. 1972. № 4.
14. *Березкин Ю. Е.* Хронология среднего и позднего периодов культуры мочика, Перу//СА. 1978. № 2.
15. *Березкин Ю. Е.* Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I—VII вв. Л., 1983.
16. *Lothrop S.* Essayes in Pre-Columbian art & archaeology. Cambridge, 1961.
17. *Larco Hoyle R.* Checan. Studie über die erotischen Darstellungen in der peruanischen Kunst. Génève; Paris; Münich, 1965.
18. *Cuesta Domingo M.* Cultura y Ceramica Mochica. Museo de America. Madrid, 1980.
19. *Donnan C. B.* Moche art and iconography. UC-LAS. V. 33. Los Angeles, 1976.
20. *Peirson-Jones J.* Pots, Plants and Animals from Peru. An exhibition of pottery representations of plants, animals, birds and men from Ancient Peru. Birmingham City Museums and Art Gallery. January 27th-April 10th 1978. Birmingham, 1978.
21. *Purin S.* Vases Anthropomorphes Mochicas des Musées Royaux d'Art et d'Histoire. Corpus Americaneusium Antiquitatum. T. I. Bruxelles, 1979.
22. *Real D.* La decoration primitive de L'Amerique Precolombienne. P., 1935.
23. *Rácz I.* Perun Taide. Otawa. Helsinki, 1975.
24. *Montell G.* Dress and ornaments in ancient Peru. Göteborg; London, 1929.
25. *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik. Monumenta Americana. Bd. I. Berlin, 1954.
26. *Fuhrmann E.* Peru II. Keramik der Chimu. Darmstadt, 1922.
27. *Kutscher G.* Nordperuanische Gefässmalereien des Moche-Stils. Materialen zur Allgemeinen und Vergleichen den Archäologie. Bd. 18. München, 1983.
28. *Baessler A.* Altperuanische Kunst. Bd. 1—4. Berlin 1902—1903.
29. *Seler E.* Peruanische Alterthümer. Berlin, 1892—1893.
30. *Sawyer A. R.* The Nathan Cummings Collection of Ancient Peruvian Art (Formerly Wassermann-San Blas Collection). Chicago, 1954.
31. *Haberland W.* Die Kunst des Indianischen Amerika. Muzeum Rietberg, Zürich. Zürich, 1971.
32. *Bird J. B.* Art and life in Old Peru//Curator. New York, 1962.
33. *Klein O.* La ceramica mochica//Scientia. 1967. V. XXXIII. № 131.
34. *Bankes G. H. A.* Moche pottery from Peru. London, 1980.
35. *Disselhoff H. D.* Über die Bedeutung der anthropomorphen Grab-Keramik der Mochica//Ethnos. 1951. V. 16. № 1—2.
36. *Lothrop S.* Les Trésors de L'Amerique Precolombienne. Génève, Paris, 1979.
37. *Fuhrmann E.* Kulturen der Erde. Reich der Inka. Hagen, 1922.
38. *Larco Hoyle R.* A cultural sequence for the North Coast of Peru.//HSAI. 1946. V. 2. Bull. 143.
39. *Proulx D.* Archaeological investigations in the Nepeña Valley, Peru//RRDA. Univ. of Massachusetts. № 13. Amherst, 1973.
40. *Nersesov Ya. N.* Two mythical beings: The Recuay Monster & The Dragon on Moche Vessels from ancient Peruvien Collection of Pushkin State Museum of Fine Arts//Pre-Columbian Collections in European Museums. Budapest, 1987.
41. *Lavallée D.* Les representations animals dans la céramique mochica//MIE—IV. Musée de L'Homme. Paris, 1970.
42. *Schulze-Thulin A.* Im Zeichen des Jaguars. Indianische Frühkulturen in Alt-Peru. Bildhefte des Linden Museums, Stuttgart. Hft 1. Stuttgart, 1974.
43. *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru. Berlin, 1929.
44. *Ubbelohde-Doering H.* Altperuanische Kunst. Berlin, 1936.
45. *Lehmann H.* Ceramics del antiguo Peru de la Collection Wassermann-San Blas. T. XXXI. Buenos Aires, 1938.
46. *Donnan C. B., Mackey C. J.* Ancient burial patterns of the Moche Valley, Peru. Austin, London: Univ. of Texas, 1978.
47. *D'Harcourt R.* Arts de L'Amerique. P., 1948.
48. Museo Amano. Disenos Precolombinos del Peru. Lima, 1980.
49. *Tello J. C.* Wira-Kocha//INCA. 1923. V. I. № 1, 3.

50. *Larco Hoyle R.* Los Mochicas. T. I. Lima, 1938.
51. *Purin S.* Vases Mochicas des Musées Royaux d'Art et d'Histoire de Bruxelles. T. II. Bruxelles, 1981.
52. *Larco Hoyle R.* Los Mochicas. T. II. Lima, 1939.
53. *Kutscher G.* Chimu. Eine Altindianische Hochkultur. Berlin, 1950.
54. *Nicholson H. B., Cordy-Collins A.* Pre-Columbian Art from the Land Collection. California Academy of Sciences and L. K. Land. San Francisco, 1979.
55. *Disselhoff H. D.* Metallschmuck aus der Loma Negra, Vicus (Nord-Peru)//Antike Welt, Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte. V. 3(2). Külnacht, 1972.
56. *Lumbreras L. G.* El arte y la vida Vicus. Lima, 1979.
57. *Lumbreras L. G.* Arte Precolombino (Arte y Tesoros del Peru). Segunda Parte: escultura y diseno. Museo Nacional de Antropologia y Arqueologia, Lima. Lima, 1978.
58. *Hocquenghem A. M.* Rapports entre les morts et les vivants dans la cosmovision mochica//Les Hommes et la mort: rituels funéraires à travers le monde. Le Sycomore-objets et Mondes. Museum National d'Histoire Naturelle. P., 1979.
59. *Kroeber A. L.* Art//HSAI. 1949. V. 5. Bull. 143.
60. *Kubler G.* The art and architecture of ancient America. The Mexican, Maya and Andean peoples. Baltimor, 1975.
61. *Sawyer A. R.* Ancient Andean Arts in the Collections of the Krannert Art Museum. Univ. of Illinois, Urbana-Champaign, 1975.
62. *Bushnell G. H. S.* Ancient arts of the Americas. London, 1965.
63. *Santa E. della.* La Collection de vases mochicas des Musées Royaux d'Art et d'Histoire. Musées Royaux d'Art et d'Histoire. Brusseles, 1965.
64. *Bennyhoff J. A.* The Virú Valley sequence: a critical review//American Antiquity. Salt Lake City. 1952. V. XVII. № 3.
65. *Smith J. W.* The Recuay Culture: a reconstruction based on artistic motivs. Ph. D. dissertation. The Univ. of Texas at Austin. Austin, 1978.
66. *Tushingham A. D., Franklin U. M., Toogood C.* Studies in ancient Peruvian metallworking. Toronto, 1979.
67. *Lehman W., Ubbelohde-Doering H.* Kunstgeschichte des alten Peru. Berlin, 1924.
68. *Krickeberg W.* Märchen der Azteken und Inkaperuaner, Maya und Muisca. Jena, 1928.

Институт археологии РАН,
Москва

Ya. N. NERSESOV

THE RECUAY MONSTER IN THE ART OF MOCHICA CULTURE

Summary

The author investigates the evolution of the iconography of the interesting characters of the ancient Peruan mythology — the Recuay monster. Usually it is depicted as a zoomorphic being with a crest on its head and a symmetric tail. A special attention is payed to the origin of this image in the art of Mochica culture, one of the advanced civilizations of the I millenium A. D. in precolumbian America. The author does not exclude the possibility that the evolution of this character and connected with it mythological subjects was far more complicated than it can be imaged now. But it is impossible to reconstruct fully the real sequence of some processes and events in the history of ancient Peru and in its mythology.

Р. Ф. ВОРОНИНА

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ VIII—XI вв.

В среднем течении р. Цны близ г. Моршанска компактно расположена группа могильников, оставленная мордвой в VIII—XI вв. Наиболее значительные из них Елизавет-Михайловский могильник на правом берегу р. Цны, в 10 км к северо-западу от Моршанска у с. Елизавет-Михайловка [1, с. 46—78, 121—128] и Крюково-Кужновский могильник, в 7 км к юго-востоку от Моршанска на правом берегу р. Цны против с. Крюково [2, с. 1—228].

Выше по течению р. Цны, при впадении в нее р. Кашмы, на территории современного лесопильного завода расположен Большой Кашминский могильник, и еще на 9 км выше по течению р. Цны, при впадении в р. Кершу притока Цны р. Вьюн, расположен нынче почти полностью разрушенный Кершин-Вьюнский могильник. Все эти могильники расположены довольно компактно в 10—15 км друг от друга на приречных мысах или песчаных дюнах высоко над водой. Особняком стоит Пановский могильник [1, с. 14—45, 79—129], расположенный на границе Тамбовской и Пензенской областей, в бывшем Заметченском р-не (рис. 1). Все эти могильники открыты и исследовались в 1926—1936 гг. П. П. Ивановым. Большой Кашминский и Кершин-Вьюнский могильники, от которых известны лишь несколько погребений и подъемный материал, не изданы, вещи хранятся в Моршанском районном краеведческом музее. Раскопки Крюково-Кужновского могильника вели также Т. Б. Попова в 1957 г. [3, с. 1—20] и Р. Ф. Воронина в 1968—1969 гг. [4, с. 1—18; 5, с. 1—20]. Все могильники отличаются большой плотностью расположения погребений, хотя могильные ямы довольно редко перерезают друг друга. Это дает основание предположить, что в свое время над каждым из погребений был холмик или какой-либо иной внешний знак, отличающий место захоронения. К сожалению, общие планы расположения погребений на могильнике не все сохранились. Есть лишь довольно приблизительная схема раскопов Елизавет-Михайловского могильника, имеющая большое расхождение с дневниковыми данными, и общий план Крюково-Кужновского могильника (рис. 2, I, II). Судя по последнему (рис. 2, II), наименьшая плотность расположения погребений (в среднем в 6—10 м) — на окраине могильника на мысу и по склонам дюны. Расстояние между погребениями на остальной центральной и наиболее возвышенной части могильника равно 1—1,5 м. Наиболее возвышенная южная часть могильника служила, вероятно, местом кремации, о чем свидетельствуют мощные кострища, идущие по площади раскопа [6, с. 11—120]. Возможно, площадь для кремации в VIII в. была значительно больше. С конца IX в., когда обряд трупосожжения начинает сменяться обрядом ингумации, места кремации начинают занимать погребения с трупоположениями, относящиеся по инвентарю к концу IX—X в.

На всех перечисленных могильниках распространены два обряда погребения: обряд ингумации и обряд сожжения на стороне. При этом трупоположения численно преобладают (табл. 1).

Одной из характерных особенностей всех перечисленных могильников является разнообразие погребального обряда, выразившееся прежде всего в пестроте ориентировки костяков (рис. 3). Из приведенных диаграмм видно, что количество по-

© Р. Ф. Воронина, 1993 г.

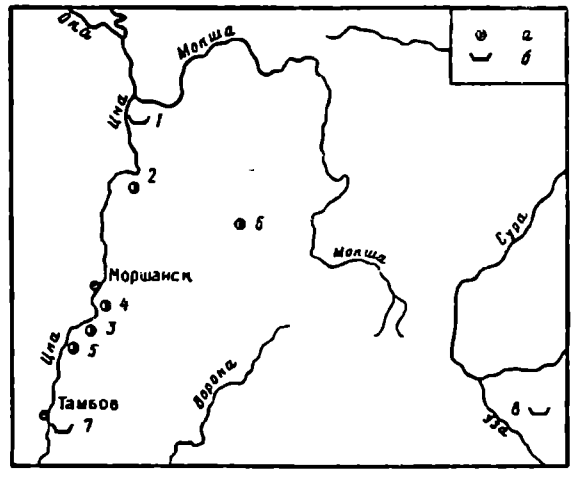


Рис. 1. Карта-схема расположения мордовских могильников: *1* — Кошибеевский; *2* — Елизавет-Михайловский; *3* — Большой Кашминский; *4* — Крюково-Кужновский; *5* — Кершин-Вьюнский; *6* — Пановский; *7* — Лядинский; *8* — Армиевский. *а* — среднецнинские; *б* — ранние могильники

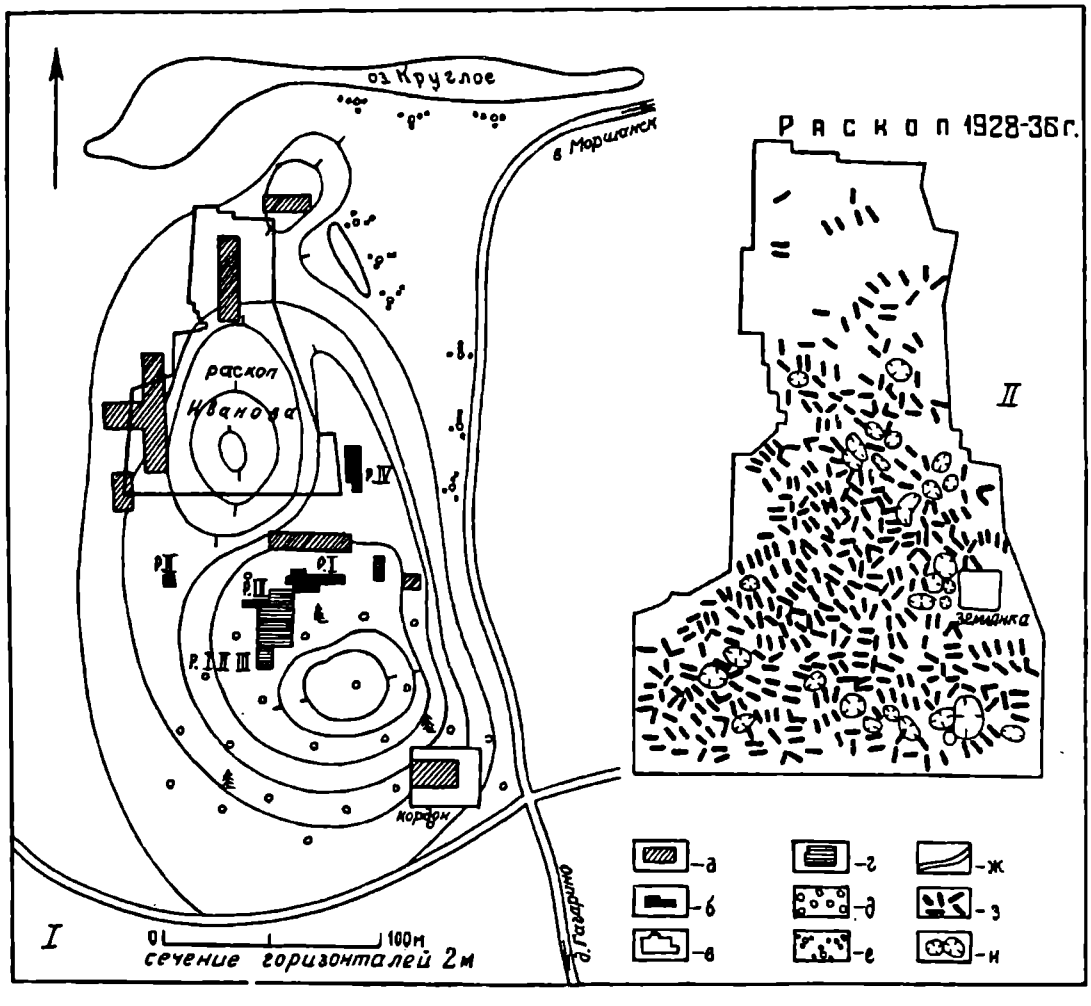


Рис. 2. I — ситуационный план расположения раскопов на площади Крюково-Кужновского могильника. *а* — постройки 1928 г.; *б* — раскопы 1957 г. Т. Б. Поповой; *в* — раскопы 1928—1936 гг. Т. П. Иванова; *г* — раскопы 1968—1969 гг. Ворониной Р. Ф.; *д* — деревья; *е* — кустарник; *ж* — грунтовая дорога; *з* — могильные ямы; *и* — ямы (перекопы). II — общий план погребений на площади раскопа П. П. Иванова 1928—1936 гг.

Таблица 1

Соотношение обрядов трупоположения и трупосожжения в среднеднепровских могильниках

Могильник	Всего погребений	Трупоположения		Трупосожжения	
		количество,	%	количество,	%
Крюково-Кужновский	653	554	84,09	99	15,1
Елизавет-Михайловский	136	113	82,5	23	17,4
Пановский	144	139	96,5	5	3,5
Большой Кашминский	4	4	100	—	—

Таблица 2

Соотношение форм могильных ям и обряда погребений в Крюково-Кужновском могильнике

Форма могильных ям	Трупоположения (554)	Трупосожжения (99)
1	407/73,6	43/43,3
2	14/2,5	—
3	1/0,09	—
4	4/0,72	—
5	—	23/23,3
Нет данных (не прослежено)	128/22,2	33/33,3

Примечание. Числитель — количество, знаменатель — проценты.

гребений с восточной и южной ориентировкой костяков почти равно. Несколько преобладает количество погребений с юго-восточной ориентировкой покойников. Погребения с юго-западной, северной, северо-восточной, северо-западной, западной ориентировкой костяков составляют небольшой процент (рис. 3).

Формы могильных ям

В процессе анализа дневниковых данных раскопок Крюково-Кужновского могильника П. П. Ивановым, Т. Б. Поповой и автора выделяются пять форм могильных ям (рис. 4). Для Елизавет-Михайловского, Большого Кашминского и Пановского могильников эти данные в дневниках отсутствуют.

Первая форма представлена 407 могилами. Могильная яма прямоугольная в плане, со слегка скругленными углами. Стенки ее наклонены и равномерно сужаются вниз. Эта форма одна из наиболее распространенных и присуща погребениям как с трупоположениями, так и с трупосожжениями (табл. 2).

Вторая форма содержит могильные ямы прямоугольной со скругленными углами формы. Длинные боковые стенки ее отвесны, а короткие несколько наклонены. Эта форма могильных ям представлена 14 могилами, что составляет 2,11% всех погребений, и присуща лишь погребениям, содержавшим трупоположения.

Третья форма представлена продолговато-овальными ямами с покатыми стенками. В ногах стенка могильной ямы более пологая, с уступами ступенями, очевидно, со входом в могильную яму [2, с. 14]. Погребение с такой формой могильной ямы одно.

К четвертой форме относятся могильные ямы продолговатые, с округлыми углами и покатыми стенками. В ногах могила имеет покатый склон — вход в

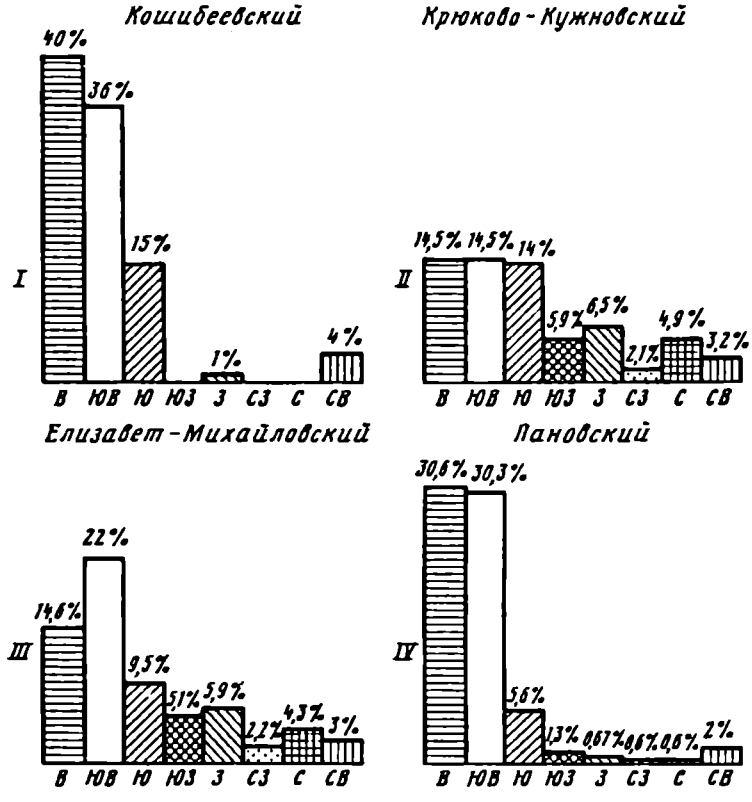


Рис. 3. Диаграмма ориентировок среднецнинских могильников и древнего Кошибеевского

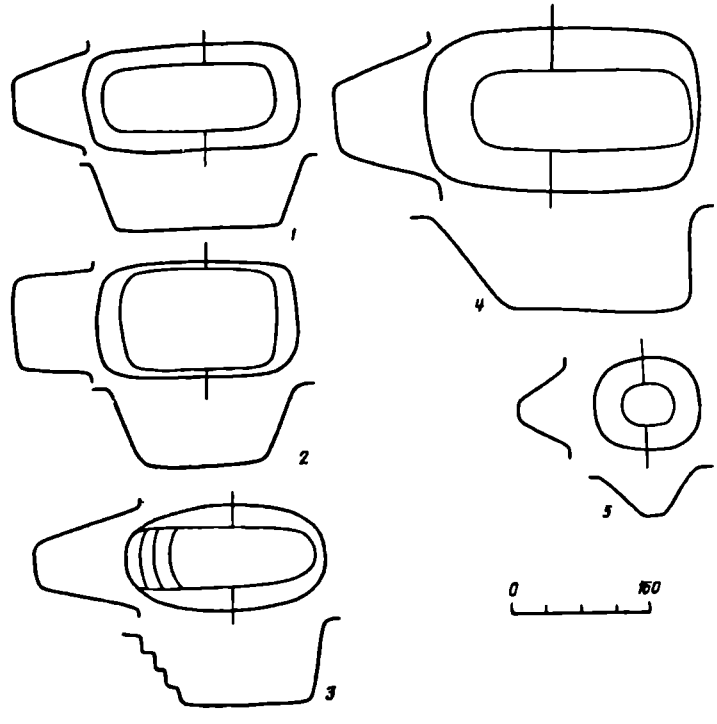


Рис. 4. Формы могильных ям Крюково-Кужновского могильника: *1* — форма 1; *2* — 2; *3* — 3; *4* — 4; *5* — 5

могилу [2, с. 26]. Она очень близка третьей форме (рис. 4). Встречена всего четыре раза.

К пятой форме относятся овальные могильные ямы небольших размеров, конусообразно сужающиеся внизу. Представлена 23 могилами и связана исключительно с погребениями, содержащими трупосожжения.

Размеры могильных ям. По своим размерам, прослеженным лишь для Крюково-Кужновского могильника, могильные ямы разбиты мною на группы (табл. 3).

Величина могильных ям находится в определенном соотношении с возрастом погребенных (рис. 5).

Внутримогильные конструкции. Разнообразие погребального обряда сказывается и в разнотипности внутримогильных конструкций, т. е. типов гробовин, всего прослежено три их типа.

Первый тип. Деревянная гробовина. Она сделана из расколотых пополам дубовых плах шириной 0,10—0,15 м. Гробовина узкая, прямоугольная, срублена в лапу. Концы плах выступают. Высота гробовины 0,3 м, что соответствует трем венцам плах. Крышка гробовины плоская, сделана из досок или одной широкой доски [1, с. 34]. Размеры зависят от возраста покойника. Все гробовины значительно длиннее покойника, что связано с обрядом класть с умершим сопровождающий инвентарь.

Второй тип. Гробовина без дна. Она встречена всего один раз (погребение 88) (табл. 4). П. П. Иванов так описывает ее: «Это гробовина-сруб. Она имеет продолговато-прямоугольную форму в концах с выступами боковых колотых дубовых пластин. Гробовина без дна, но с крышкой из колотых пластин. Размеры гробовины: длина 210 см, ширина 75 см, высота 18 см, толщина стенок 4 см. В углах с внешней стороны вбиты колья-столбы для придержки боковых пластин» [1, с. 37].

Третий тип — гробовина из луба. «Гробовина продолговато-прямоугольной формы, длиной 2 м, шириной в головах 80 см, в ногах 50 см. В боковых сторонах лубка имелись отверстия с остатками лычек, т. е. швы лубка были сшиты» [1, с. 11]. Остатки таких гробовин обнаружены в 49 погребениях.

Помимо этого, часть погребений была совершена без гробов.

В каждом из могильников распространен определенный тип гробовины. Для Крюково-Кужновского могильника более распространен обычай погребать покойника в гробовине 1-го типа. Одни и те же типы гробовин употреблялись как для захоронения умерших по обряду трупоположения, так и по обряду трупосожжения. Тип гробовин, выбранный для захоронения не зависел от пола и возраста.

Для Елизавет-Михайловского и Пановского могильников не характерен обычай хоронить покойников в деревянной гробовине 1-го типа. Там встречен лишь 3-й тип гробовин и преобладал обряд захоронения на дне могильной ямы без гроба.

Покрытие костяков. В ряде случаев, положив в гробовину покойника, его прикрывали каким-то покровом. Эта редкая деталь погребального обряда. Прослежены три типа «покрывал»: костяк прикрыт шкурой животного, возможно медвежьей; тканью; кальцинированные кости выбраны из погребального костра и завернуты в одежду, а украшения положены сверху или разложены в определенном порядке.

По половозрастному принципу все погребения разделялись на мужские, женские, детские и неопределенные (табл. 5).

Положение погребенных. Для всех перечисленных могильников характерно крайнее разнообразие поз погребенных. Всего выделяется 19 поз (рис. 6).

Одной из самых распространенных поз является выделенная нами поза 1 (рис. 6). Она характерна для погребений с самой различной ориентировкой, как мужских, так и женских. Позы 3 и 7 несколько менее распространены, чем поза 1. В этих позах чаще лежат женские костяки (рис. 6). Другие позы

Таблица 3

Характеристика размеров могильных ям

Обряд	Всего измерено могил	Длина вверху, м							Ширина вверху, м						
		до 1 м	1—1,5	1,5—2	2—2,5	2,5—3	3—3,5	3,5—4	до 0,5 м	0,5—0,75	0,75—1	1—1,25	1,25—1,5	1,5—1,75	1,75—2
Трупоположение	345	—	1	71	78	145	48	2	38	5	125	49	82	39	3
Трупосожжение	66	2	13	15	16	18	2	—	3	5	30	9	12	7	—
Всего измерено внизу		Длина, м				Ширина, м			Глубина, м						
С трупоположением	1 м	1–1,5	1,5–2	2–2,5	2,5–3	0,5	0,5–0,75	0,75–1	0,5	0,5–0,75	0,75–1	1–1,25	1,25–1,5	1,5–1,75	2
367	1	65	116	174	11	38	235	64	17	77	143	48	13	5	64
С трупосожжением	8	10	17	23	1	10	41	8	10	22	19	6	2	—	—
59															

Таблица 4

Распределение типов покрытий костяка по могильникам

Могильник	Всего погребений	Трупоположение					Трупосожжение				
		всего	типы покрытия			без покрытия	всего	типы покрытия			
			1	2	3			1	2	3	без покрытия
Крюково-Кружновский	653	554	6	4	—	544	99	—	—	5	94
Елизавет-Михайловский	136	120	—	1	—	119	16	—	—	—	16
Пановский	144	139	1	—	—	138	5	—	—	—	5

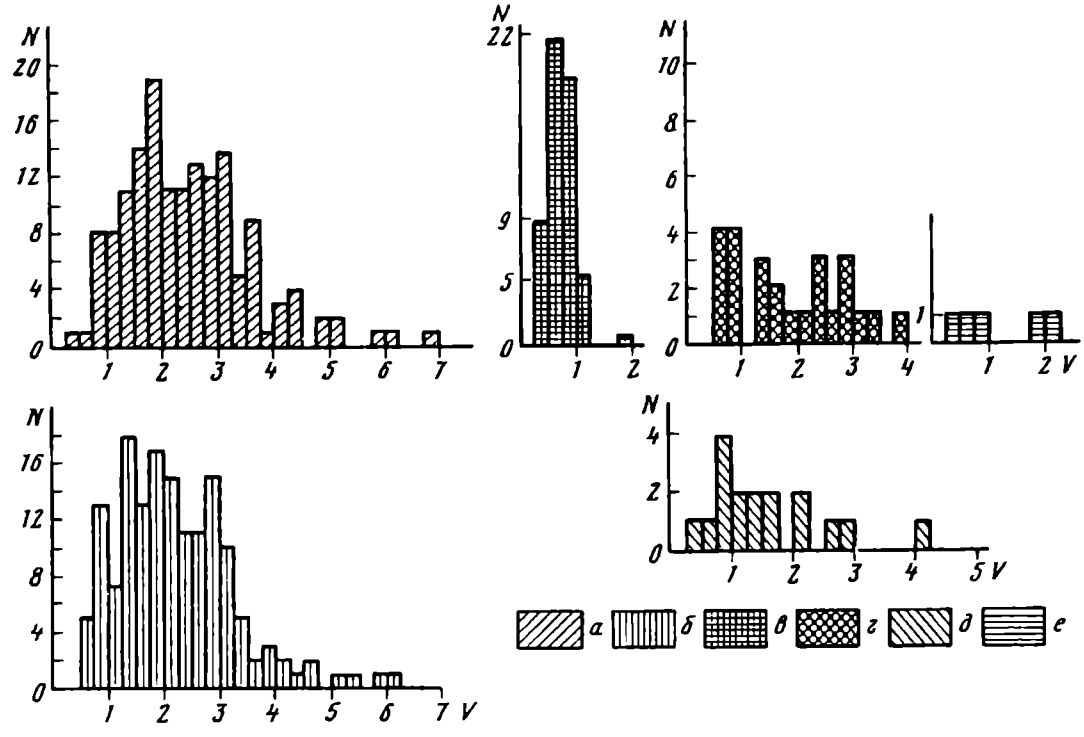


Рис. 5. Гистограмма объемов могильных ям: *а—в* — трупоположения (*а* — женские погребения, *б* — мужские, *в* — детские); *г—е* — трупосожжения (*г* — женские погребения, *д* — мужские, *е* — неопределенные). *V* — объем; *N* — число погребений, попадающих в данный интервал

погребенных единичны. Два раза встречены костяки со скрещенными ногами (позы 8 и 9).

Единичны позы 10—14: скорченные на боку костяки. Эти позы присущи как мужским, так и женским погребениям. При этом они встречаются чаще в погребениях с южной ориентировкой. Таким же своеобразным и единичным является погребение покойника в скорченном на спине положении (поза 17).

Среди погребений среднецнинских могильников наряду с одиночными погребениями изредка встречаются парные захоронения: одновременное захоронение мужчины и насильственно умерщвленной женщины.

Парные погребения среднецнинских могильников по обряду погребения делятся на несколько типов: 1 — оба покойника погребены по обряду трупоположения; 2 — оба покойника погребены по обряду трупосожжения; 3 — мужчина погребен по обряду трупоположения, а женский костяк сожжен и кальцинированные кости завернуты в одежду и положены рядом с мужским костяком.

Из 237 мужских погребений Крюково-Кужновского могильника всего семь парных: из них 1-го типа пять захоронений, 2-го типа — одно захоронение и 3-го типа — одно. В Елизавет-Михайловском из 66 погребений — два парных: 1-го и 2-го типа.

Парные погребения в могильниках по возрастному и смысловому признаку разбиваются также на три типа: тип 1 — вместе с мужчиной погребена взрослая женщина или девушка; тип 2 — вместе с мужчиной, заменяя взрослую женщину, погребен ребенок, девочка. Она лежит в той же могильной яме, но за гробовиной. Подобные погребения были исследованы П. П. Ивановым и автором в Крюково-Кужновском могильнике [7, с. 40]; тип 3 — символические парные захоронения. В Крюково-Кужновском могильнике таких парных захоронений типа 1 — четыре (0,01%); в Елизавет-Михайловском — два (1,5%). Парных типа 2 в Крюково-Кужновском могильнике — три (0,42%). Погребений парных символических в Крюково-Кужновском — 43 (18%), в Елизавет-Михайловском — 10 (15%), в Пановском — 15 (30%) всех мужских погребений.

Таблица 5

Состав погребенных в могильниках по половому и возрастному признаку

Могильник	Всего погребений	Мужские	Женские	Детские	Неопределенные
Крюково-Кужновский	653	237	220	73	123
Пановский	144	45	40	44	15
Елизавет-Михайловский	136	66	55	15	—

Последний, 3-й тип обряда, представляет собой замену убийства и захоронения женщины или ребенка захоронением женского головного убора и украшений, а порой и всей одежды, символизирующей смерть жены [7, с. 42]. Эти символические парные погребения были распространены в среднецнинских могильниках в погребениях с самой различной ориентировкой. Более подробно этот вопрос мною освещен в специальной статье [7, с. 39—44].

Сопровождающий инвентарь. По всей вероятности, в верованиях среднецнинской мордвы большое распространение имело представление о потустороннем мире, «том свете». Мордва представляла его как продолжение жизни земной. С подобными представлениями связан и обычай класть в могилу с покойником все те вещи, которыми он пользовался при жизни, вплоть до оружия и орудий труда.

Женские погребения. В женских погребениях все украшения лежат на костяке так, как их носили при жизни. Остатки головных уборов, налобные венчики — на лбу черепа. У висков с боку черепа лежали височные привески. На темени и под затылком находятся остатки ткани и трапециевидные привески от вышивки головных уборов. Нашитые на ткани металлические привески сохраняют ее и дают возможность восстановить головные уборы нескольких типов. На шее костяка одеты гривны, низки стеклянных бус. На груди кольцевидные застежки или крупные трапециевидные привески. На кисти рук одеты браслеты и прослеживаются остатки разложившегося оловянного бисера от вышивки рукавов одежды. На тазовых костях скелетов лежат бляхи, фитильная трубочка и кремешок. Сбоку или в ногах костяка находятся пряслица, у литейщиц льячки или формочки для отливки мелких украшений: пуговиц, бляшек, привесок для вышивки подола одежды и боковых швов.

Мужские погребения содержат меньше украшений. На костях рук скелетов находят бронзовые или серебряные браслеты, на фалангах пальцев рук перстни.

На тазовых костях наиболее богатых погребенных лежат остатки поясных наборов, кожаных поясов с нашитыми на них бляшками. К ним бывают подвешены нож в ножнах, кинжал или меч. Обычно меч или сабля лежат сбоку костяка. Постоянной находкой мужского погребения являются фитильная трубочка для трута или железный желобок и кремень для высекания огня. Вероятно, они носились в матерчатых или кожаных сумочках, подвешенных к поясу. Остатки их нередко прослеживаются.

Сбоку у плеча погребенного лежат наконечники копий, а у бедра располагается скопление железных наконечников стрел с остатками обоймиц колчана. Если погребен конный воин, в гробовину, в ноги костяка, кладутся удила или стремена, иногда плеть с деревянной рукояткой. В ногах или сбоку костяка лежат орудия труда.

В детских погребениях набор сопровождающих вещей невелик. Это маленький по диаметру браслетик, расположенные на костях предплечий у девочек несколько бусин или привесок, у мальчиков — нож, лежащий в области пояса.

В том случае, если умерший погребен по обряду трупосожжения, вещи либо кладутся кучкой на кальцинированные кости, либо бывают разложены по гробовине так, как они лежали бы на покойнике, сохраняя ориентировку. В женских

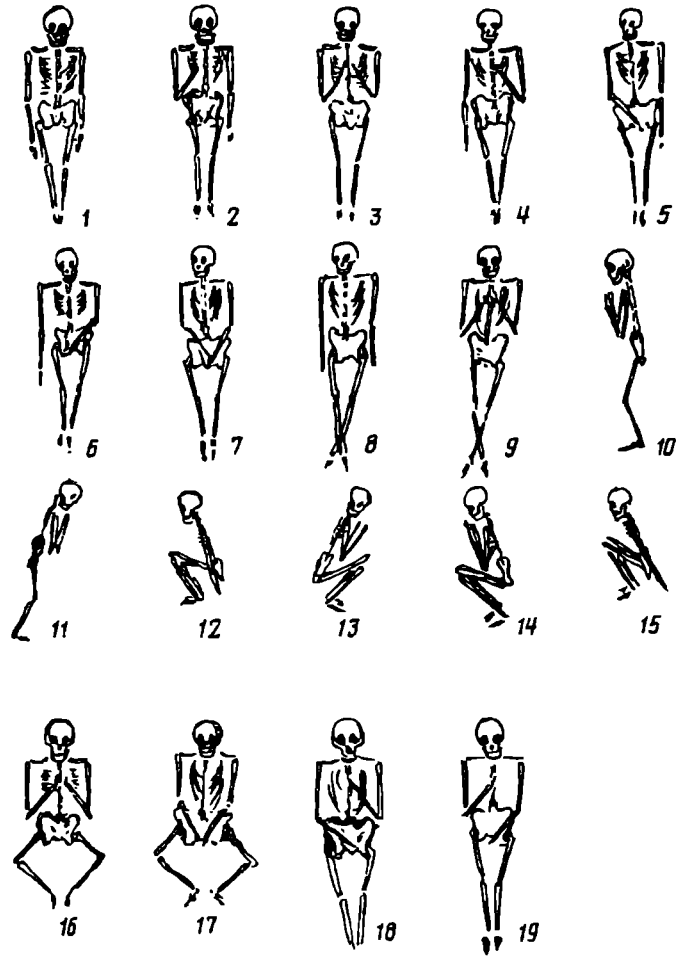


Рис. 6. Позы погребенных (*1—19*) и их распределение по могильникам. *1* — Крюково-Кужновский — 316 костяков; Пановский — 34 костяка; Елизавет-Михайловский — 37 костяков; Большой Кашминский — 2 костяка; *2* — Крюково-Кужновский — 2 костяка; Пановский — 2 костяка; Елизавет-Михайловский — 4 костяка; *3* — Крюково-Кужновский — 59 костяков; Пановский — 18 костяков; Елизавет-Михайловский — 23 костяка; Большой Кашминский — 1 костяк; *4* — Пановский — 2 костяка; Елизавет-Михайловский — 2 костяка; *5* — Пановский — 2 костяка; Елизавет-Михайловский — 3 костяка; *6* — Пановский — 4 костяка; Елизавет-Михайловский — 1 костяк; *7* — Крюково-Кужновский — 28 костяков; Пановский — 18 костяков; Елизавет-Михайловский — 21 костяк; Большой Кашминский — 1 костяк; *8* — Пановский — 1 костяк; *9* — Крюково-Кужновский — 1 костяк; Пановский — 1 костяк; *10* — Крюково-Кужновский — 1 костяк; *11* — Пановский — 1 костяк; Елизавет-Михайловский — 1 костяк; *12* — Крюково-Кужновский — 1 костяк; *13, 14* — Пановский — 1 костяк; *15* — Пановский — 1 костяк; *16* — Пановский — 1 костяк; *17* — Крюково-Кужновский — 1 костяк; *18* — Пановский — 2 костяка; *19* — Пановский — 4 костяка; Елизавет-Михайловский — 2 костяка

погребениях это украшения. В мужских погребениях — украшения, оружие, орудия труда.

Монета или бляшка во рту. Среди захоронений, связанных с обрядом ингумации, прослежена интересная и редкая деталь: класть в рот покойнику монету или миниатюрное вотивное зеркало-привеску. Эта деталь обряда прослежена в двух погребениях Крюково-Кужновского могильника [2, с. 17, 18, 70, 71]. Она редка, встречена в наиболее богатых мужских погребениях.

Конское погребение. Редкой деталью погребального обряда наших могильников является и погребение коня в одной могильной яме с человеком. Лошадь лежала на животе с подогнутыми ногами, головой на север. В головах лошади был сложен женский костяк, а вокруг него положено оружие, производственный инвентарь и деревянный ковш с серебряной обкладкой.

Напутственная пища. Вместе с умершим в гробовину клали и напутственную пищу, т. е. пищу на дорогу. Об этом говорят находки целых или

Таблица 6

Следы тризн в могильниках

Могильник	Общее число погребений	Погребения без следов тризн	Погребения со следами тризн				
			керамика в засыпи	кости лошади или коровы	кости животных (не опр.)	оружие в засыпке	другие находки
Крюково-Кужновский	653	608	24	15	—	6	—
Елизавет-Михайловский	136	126	—	5	4	—	Ботало в погребении
Пановский	144	139	—	3	—	2	—
Большой Кашминский	4	4	—	—	—	—	—

раздавленных лепных сосудов, поставленные в гробовины или просто в могильные ямы. В наиболее богатых по инвентарю погребениях находят бронзовые клепаные котлы с долблеными деревянными ковшами. Как лепные, так и металлические сосуды ставили в гробовину в головах или в ногах погребенных. Чаще лепные сосуды стоят в женских и детских погребениях. Бронзовые котлы найдены только в погребениях взрослых умерших. Они стоят в головах костяка. Деревянные ковши с металлическими обкладками обычно положены у черепа костяка или находятся внутри или рядом с металлическим котлом. В ряде погребений в гробовине сбоку или в ногах костяка находят кости лошади или коровы, овцы, свиньи. Подобная напутственная пища бывает положена лишь взрослым умершим, чаще мужчинам, реже женщинам.

Тризна. Культ предков тесно связан с погребальным обрядом. Одним из проявлений этого культа является тризна. У различных родовых общин проявление ее различно, что свидетельствует об их разобщенности. Тем не менее как культ предков она характерна для всех групп. В большинстве погребений следы ее отсутствуют. Объяснение этому мы находим в старинных мордовских народных песнях, когда тризна по покойнику справлялась в доме умершего [6, с. 119]. Из исследованных 485 погребений не имеют следов тризны. Свидетельством того, что тризна справлялась и на могильнике, могут служить находки разбитой посуды в засыпке могильных ям. Погребений с подобным обрядом в Крюково-Кужновском могильнике 24.

Помимо употребления во время тризн напитка пуре, вероятно, закалывалась лошадь или бычок, о чем свидетельствуют находки в засыпке могильных ям костей лошади или коровы, чаще всего их челюстей или зубов (табл. 6).

Культ огня. В погребальном обряде среднецнинской мордвы культ огня проявляется по-разному. В ряде случаев в засыпке могильных ям встречаются древесные угольки. В Крюково-Кужновском могильнике подобный обряд прослежен в 46 погребениях, в Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках — в двух. В ряде погребений в засыпке могильных ям встречены кострища. Они разводились в могильной яме при ее неполной засыпке, располагаясь обычно над погребениями, содержащими трупоположения с восточной или юго-восточной ориентировкой покойников. Подобные погребения были открыты автором при раскопках 1968—1969 гг. Крюково-Кужновского могильника (раскоп I, II [8, табл. 43]). Погребения с кострищами располагались довольно компактной группой. В ряде случаев кострище прикрывало все погребение (погребения 1, 3, 4 Крюково-Кужновского могильника) или располагались над головой или над ногами погребенного. Аналогичное явление отмечено в Пановском и Елизавет-Михайловском могильниках. Вполне возможно, что незначительность распространения

этого обряда в Пановском и Елизавет-Михайловском могильниках связана с недостаточной их исследованностью.

В ряде случаев в кострище бывает брошено оружие, наконечники стрел или копий, конская сбруя, остатки тризны, а у наиболее богатых — ботало-колоколец, снятый с шеи жертвенного животного и положенный покойнику. Этот обряд широко распространен у соседних салтовских племен [9, с. 90] и, вероятно, от последних проникает в среду родовой верхушки среднецнинской мордвы.

В отдельных погребениях с кострищами, у их края, были поставлены лепные сосуды. Объяснение этому обряду можно найти у Т. И. Евсеева при описании молений мордвы Пензенской губернии [10, с. 30]. Во время этих молений горшки с кашей ставятся у двух берез. Две самые старые женщины с полотенцем в руках обходят все эти горшки и берут их через полотенце, затем горшки разбираются, часть каши остается покойникам [10, с. 16]. У ряда финских племен известны родовые костры, у которых родные собирались на поминки в определенное время. Вероятно, одним из проявлений этого культа огня является и сам обряд трупосожжения. Более подробно этот вопрос освещен в специальной статье автора [6, с. 117—120].

Трупосожжения. Этот обряд менее распространен (табл. 1). Однако здесь можно выделить два типа обряда, хотя в обоих случаях сожжение производилось на стороне.

Первый тип. Покойник сожжен на стороне, а выбранные кальцинированные кости ссыпаны кучкой на дно гробовины или могильной ямы, а потом на них кучкой положены вещи.

Второй тип. Кальцинированные кости выбраны из погребального костра, разложены в порядке трупоположения на дне гробовины или могильной ямы. Сопровождающие их вещи положены на них в том же виде, как их носили при жизни. Этот второй тип сожжения, вероятно производный от первого, он менее распространен, чем первый. Оба типа трупосожжений совершены в могильных ямах первой формы (табл. 7).

Размеры могильных ям погребений с трупосожжениями различаются лишь по возрастному признаку (рис. 6). Трупосожжения первого типа совершались и в могильных ямах пятой формы. Все погребения с трупосожжениями по половозрастному признаку делятся на мужские, женские, детские и неопределенные, инвентарь которых не дает определить их половозрастную принадлежность (табл. 8).

Погребения с трупосожжениями совершены в гробовинах тех же типов, что и погребения с трупоположениями (табл. 9). Кальцинированные кости женских погребений иногда бывают завернуты в одежду и затем положены на дно могильной ямы или в гробовину.

Подводя итог, можно сказать следующее. При всей пестроте погребального обряда среднецнинских могильников выявляется ряд общих черт, дающих возможность говорить об их этнической однородности. Так, для погребений, совершенных по обряду трупоположения и трупосожжения, характерны одни и те же формы могильных ям (типы 1, 2), гробовин. При этом следует подчеркнуть, что каждому могильнику присущ свой тип гробовин. Во всех этих могильниках преобладают определенные положения костяков (позы 1, 3, 7). При этом позы 1, 7 чаще встречаются у мужских костяков, а поза 3 характерна для женских. Для всех могильников характерно преобладание восточной и юго-восточной ориентировки покойников. При внимательном рассмотрении сохранившегося общего плана Крюково-Кужновского могильника выявляется, что погребения с одной ориентировкой располагаются на определенной территории могильника, образуя группы. Границы этих групп нечетки, расплывчаты, порой группы пересекаются (рис. 2; 7).

Подобную групповую планировку Н. В. Трубникова выявила на Кошибеевском могильнике и отметила сходство этой планировки с сарматскими могильниками [11]. Возможно, расплывчатые группы на плане Крюково-Кужновского

Таблица 7

Соотношение обряда трупосожжения и форм могильных ям

Могильник	Всего трупосожжений	Могильная яма первой формы		Могильные ямы пятой формы		Нет данных, %
		количество	%	количество	%	
Крюково-Кужновский	99	43	43,3	23	23,3	33—33,3

Таблица 8

Соотношение обряда трупосожжения и пола и возраста погребенных

Могильник	Погребения				
	всего	мужские	женские	детские	неопределимые
Крюково-Кужновский	99	43	29	—	27
Елизавет-Михайловский	21	11	4	1	4
Пановский	6	3	2	—	1

Таблица 9

Соотношение типов гробовин в погребениях с трупосожжениями

Могильник	Трупосожжение					
	всего погребений	типы гробов				
		1	2	3	4	5 (нет данных)
Крюково-Кужновский	99	48	—	4	34	13
Елизавет-Михайловский	21	—	—	—	21	—
Пановский	6	—	—	—	6	—

могильника — захоронение аналогичных родовых групп, но уже более стертых и расплывчатых в более позднее время. Ряд черт погребального обряда свидетельствует о связях с соседними территориями. Особенно тесными они были с южными степными территориями и Волжской Булгарии. Поскольку отдельные черты южных влияний проникают в такой консервативный обряд, как погребальный, не исключено и проникновение в мордовскую среду их отдельных представителей.

Такими чуждыми, не местными являются могильные ямы третьей и четвертой форм со ступенчатым или пологим входом в могильную яму. Возможно, они являются новым переосмыслением катакомб с дромосами в новых чуждых условиях. Не местным является и обряд связывания ног покойнику. Правда, он редок, в наших могильниках встречен всего в двух погребениях, но широко распространен на соседней территории, занятой племенами салтовской культуры. С. А. Плетнева отмечает, что перекрещенные ноги скелетов, даже те, на которых не сохранилось остатков веревочек, свидетельствуют о связывании [9, с. 90]. Южными или болгарскими по своему происхождению являются погребения со слегка скорченными и скорченными на боку костяками. Подобный обряд широко распространен как в некоторых могильниках салтовской культуры, так и у болгарских, таких, как Танкеевский [12, с. 73]. Ряд положений костяков дает возможность говорить о более дальних кавказских параллелях — таково скор-

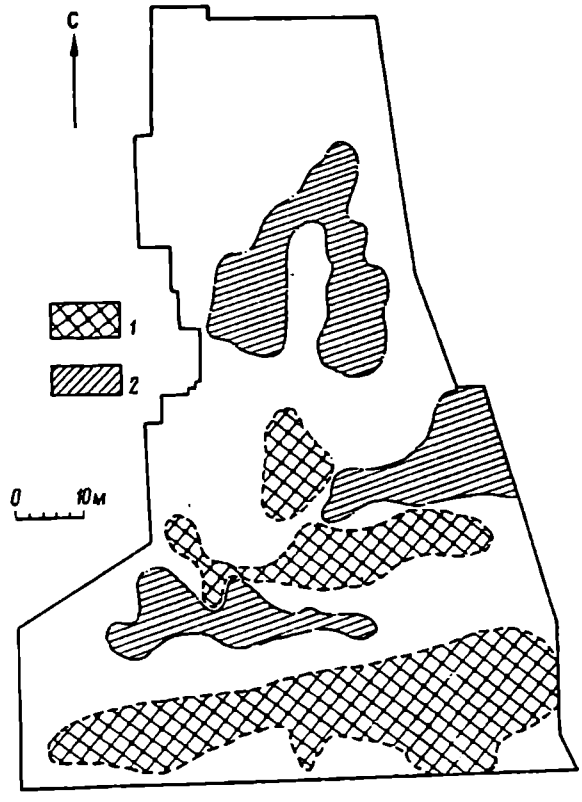


Рис. 7. Схема расположения групп погребений с северной и южной ориентировками погребенных на территории Крюково-Кужновского могильника. *1* — с северной ориентировкой; *2* — с южной ориентировкой

ченное на спине положение. Костяк в аналогичной позе был обнаружен в одном из погребений дагестанской экспедицией 1986 г. С тем же влиянием связан и встреченный в Крюково-Кужновском могильнике обряд класть в рот покойнику монету, маленькое вотивное зеркало-привеску или бусину. С подобным обрядом впервые столкнулись в Цебельдинском могильнике. Вероятно, в новых условиях у населения, не знавшего монетного обращения, он трансформировался. Вместе с тем отдельные элементы погребального обряда дают возможность говорить и о контакте с более северными соседями. Примером этого, вероятно, может служить захоронение целого костяка лошади с подогнутыми ногами, широко известного у северо-западных финнов в Ивановской, Владимирской, Горьковской областях, древнейшее из которых относится к V—VI вв. [13, с. 96]. Аналогичное захоронение коней известно у муромы в Подболотьевском [14, с. 86, 91] и Безводнинском могильниках [15, с. 33].

Относительно конских захоронений существует несколько точек зрения. Ю. А. Краснов считает эти захоронения ритуальными [14, с. 34]. Л. А. Голубева выделяет семь типов конских захоронений, при этом типы 5—7 — конские захоронения с женщинами. Такие погребения она считает захоронениями дружинников, погибших где-то на стороне, хотя и отмечает существование старых ритуальных традиций вплоть до XIV в. [13, с. 96, 97].

Обнаруженное в Пановском могильнике захоронение коня, женского костяка и оружие скорее всего можно считать кенотафом. По описанию П. П. Иванова, в головах лошади был сложен женский костяк [2, с. 27]. В данном случае вполне возможно, что женский костяк здесь играл ту же роль сопровождающего инвентаря воину, погибшему на чужбине. Все это вместе с парными захоронениями дает возможность говорить не только о далеко зашедшем имущественном расслоении, но и о значительных социальных изменениях в недрах старого родового строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Среднецнинская мордва VIII—XI вв. Саранск, 1969.
2. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.
3. *Попова Т. Б.* Отчет о работе в Тамбовской археологической экспедиции/Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1491.
4. *Воронина Р. Ф.* Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника 1968 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3759.
5. *Воронина Р. Ф.* Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника 1969 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4627.
6. *Воронина Р. Ф.* О некоторых чертах верований среднецнинской мордвы VIII—XI вв.//СА. 1975. № 1.
7. *Воронина Р. Ф.* О парных захоронениях среднецнинской мордвы VIII—XI вв.//КСИА. 1983. Вып. 175.
8. *Воронина Р. Ф.* О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника VIII—XI вв.//КСИА. 1971. Вып. 128.
9. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.
10. *Евсеев Т. И.* Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии//Живая старина. 1914.
11. *Трубникова Н. В.* К вопросу о погребальном обряде и планировке Кошибеевского могильника// Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40.
12. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.
13. *Голубева Л. А.* Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII—XI вв.//СА. 1981. № 4.
14. *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году//Древности. 1914. Т. XXIV.
15. *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М., 1980.

Институт археологии РАН,
Москва

R. F. VORONINA

THE BURIAL RITE OF MORDVA ON THE MIDDLE TSNA RIVER (VIII—XI cen.)

Summary

On the Middle Tsna river near Morshansk a group of cemeteries is situated which belonged to the tribes of Mordva in the 8th—11th centuries A. D. They are usually situated on the capes and sandy hills. The cemeteries were discovered and investigated by P. P. Ivanov in 1926—1936. The largest one named Kryukovo-Kuzhnovsky was studied by T. B. Popova in 1957, and by the author in 1968—1970. Two main types of the burial rite were investigated on the Middle Tsna, inhumation and cremation. A number of specific features link these cemeteries with the earlier ones in this territory. The sites in question are characterized by variety of rituals, among them different orientation of the dead with prevailing east and south-east; five types of the pit-graves, three types of coffins. The same type of pit-grave and coffin could be used for inhumation as well as for cremation. The cremations were of three types. All the burials contained mortuary gifts such as the ornaments and the traces of head-dresses and cloths in women's graves; tools, weapons and horse harness in men's ones. A number of rich burials of men and some ones containing two sceletons testify stratified property status of the dead.

В. А. БУРОВ

НОВГОРОДСКИЕ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ И АРХЕОЛОГИЯ

Новгородские писцовые книги конца XV — начала XVI в. [1—9] являются важнейшим историческим источником по изучению прошлого северо-запада России. Начало их активному введению в оборот было положено в середине XIX столетия работами П. И. Иванова [10] и К. А. Неволина [11]. Затем к писцовым книгам обращались И. Д. Беляев, П. А. Соколовский, А. Н. Никитский, Н. А. Рожков, Сергий (Тихомиров), Б. Д. Греков, Н. Н. Нордман, В. Ф. Загорский, А. М. Андрияшев, А. А. Кауфман, А. М. Гневушев, Г. Е. Кочин, Л. В. Данилова, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, А. Л. Шапиро, В. Н. Бернадский, М. Г. Копачева, А. П. Шурыгина, Р. Г. Скрынников, Г. В. Абрамович, С. А. Тараканова-Белкина, И. Л. Перельман, Р. Б. Мюллер, М. В. Витов, С. А. Полковникова, Р. Л. Сельвина, А. Я. Дегтярев и др. Из последних работ особо следует выделить многотомный коллективный труд «Аграрная история северо-запада России»[1] [12—14]. Среди его авторов — А. Л. Шапиро (руководитель авторского коллектива), Г. В. Абрамович, Ю. Г. Алексеев, Ю. С. Васильев, А. Я. Дегтярев, А. И. Копанев, Н. Н. Масленникова, Р. Б. Мюллер, Т. И. Осьминский, Г. А. Победимова, К. Н. Сербина, З. А. Тимошенкова.

Для историков новгородские писцовые книги незаменимы при решении социально-экономических проблем русской деревни конца XV—XVI в., чему и посвящена основная часть трудов. Интересуют их и вопросы генеалогии [15], сельского расселения [16, с. 139—151]. Исторические географы изучают писцовые книги с целью исследования исторических ландшафтов [17, 18], картографирования сельских населенных мест [11, 19, 20]. Лингвисты черпают в них материал по топонимии [21] и для антропонимикона [22]. Отмечено значение писцовых и переписных книг для фундаментальных научных исследований [23, с. 214]. Однако археологи сторонятся этого важнейшего источника по истории Новгородской земли. Лишь С. А. Тараканова, А. В. Успенская, М. В. Фехнер [24—26] предприняли робкие попытки археологической локализации отдельных поселений новгородских писцовых книг. Длительное время, очевидно, действовало предубеждение, высказанное А. М. Андрияшевым, который полагал, что «старая деревянная Русь не оставила после себя никаких следов и при археологических исследованиях, если бы такие были когда-нибудь произведены на всей территории Новгородской земли, легче можно будет найти стоянку каменного века, чем остатки деревни XVI столетия» [19, с. XLIII].

К сожалению, следует признать, что до сих пор сельская археология Новгородской земли существует изолированно от письменных источников. Селища XIV—XVI вв. время от времени археологами выявляются. На них составляются паспорта. Но специальный скрупулезный анализ данных микротопонимии, планов Генерального межевания, карт, писцовых книг и других письменных источников с целью отождествления открытого памятника с населенным пунктом писцовой книги не проводится. Раскопки селищ XV в. на территории Новгородской земли не ведутся. Причины здесь самые прозаичные. Это и отсутствие интереса у исследователей к позднему периоду, и, наоборот, уделение большего внимания

[1] Здесь же дана очень краткая историография изучения новгородских писцовых книг.

© В. А. Буров, 1993 г.

VI—XIII вв. Сказывается и отсутствие ярких находок, комплексов, прельщающих археологов в первую очередь. Нельзя не упомянуть и сильную распаханность почти всех селищ XV—XVI вв., их нахождение на водоразделах, удаленных от рек, где можно поставить лагерь. Существенно здесь и расположение поздних поселений в пределах современных деревень на огородах.

Перечисленные факторы носят субъективный характер, и вряд ли ими можно оправдать общее пренебрежение археологов сельской тематикой XV—XVI вв., тем более, что, как уже отмечалось в работах исторических географов, деревни писцовых книг возникли на водоразделах в XIV—XV вв. [18, с. 45—56]. Данный факт подкрепляется и археологическими изысканиями [27]. Но XIV—XV вв.— это период расцвета и заката Новгородского государства. Его могущество было основано не в последнюю очередь и на высоком уровне развития сельского хозяйства, когда широкое развитие получило трехполье, были освоены огромные земельные массивы под сельхозугодья. Ясно, что только детальное изучение селищ XIV—XV вв. позволит в полной мере представить этот уровень развития, причем по всем пятинам — Водской, Обонежской, Бежецкой, Деревской, Шелонской.

Археологический комментарий к новгородским писцовым книгам важен и для темы сельского расселения в XIV—XVI вв. Керамический материал с селищ даст возможность говорить о динамике расселения, составить карту деревень на разные периоды, в том числе отдельно для XIV и XV вв. Опыт автора свидетельствует о том, что керамика дает четкие хронологические рубежи для поселений. Например, по материалам Жабенской волости Деревской пятины основная масса керамики датируется XIV—XVI вв. Лишь незначительная часть ее заходит в пределы XVII в., что согласуется с письменными источниками. Обыскная книга 1572—1573 гг. [28], Писцовая книга 1583 г. [29], Дозорная книга 1595 г. [30] сообщают о запустении деревень. Среди причин — «от великого князя подати», «от опричной», «от худобы», «от великого князя тягла», «от мору», «от людской дороги». Специальные подсчеты показали, что в 1582—1583 гг. (на конец Ливонской войны) в 54 погостах Деревской пятины насчитывалось всего 2% живых обеж, а население составляло 7,1% от населения конца XV в. [13, с. 64—69]. Керамический материал иллюстрирует яркое высказывание историка В. Ф. Загорского о запустении северо-запада. Он отметил, что писцовые книги Шелонской пятины 1571 и 1576 гг. «походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди» [31, с. 203].

Выявление селищ, соответствующих определенным деревням писцовых книг, позволит вписать эти поселения в реальный ландшафт, а это немаловажный аспект расселенческой тематики XIV—XVI вв.

Изучение деревень писцовых книг имеет самое прямое отношение и к системе расселения более раннего времени — X—XIII вв. Проведенные нами археологические разведки близ погоста Жабна Деревской пятины (известен по книге 1495 г.) выявили селища с домонгольской керамикой. Оказалось, что эти поселения, соответствующие деревням Дорище, Вельцо, Песчан, Пустки, возникли в XII, а возможно, и в XI в. На одном селище (Бухалово) выявлена даже лепная керамика. Примечательно, что указанные деревни располагались на мелких ручьях в их верховьях, у низинок на водоразделе [2]. Все это указывает на дату освоения водораздельных участков в данном регионе. Между тем традиционные археологические разведки крайне редко охватывают глухие водоразделы, пред-

[2] Как отметил В. С. Жекулин, в XIV—XV вв. деревни не обязательно были приурочены к воде. Главное для земледельца было найти участок, удобный для устройства пашни [17, с. 51]. Земля в средневековье ценилась. О заросших пашнях помнили и при первой возможности их возобновляли. Поэтому все деревни тяготели к пашне и находились в их пределах. Отсюда нами установлена закономерность поиска деревень писцовых книг. Селища оказались в пределах пашен и при дорогах, указанных на планах Генерального межевания XVIII в. Многие поля сохранились до наших дней, поэтому во время обследования территории необходимо обходить все поля независимо от их топографии и близости воды.

почитая им крупные реки и их притоки. В итоге общая картина сельского расселения X—XIII вв. оказывается часто не только неполной, но и искаженной.

Выявление селищ — бывших деревень новгородских писцовых книг — не должно являться самоцелью. Писцовые книги конца XV в. открывают широчайшие перспективы изучения административно-территориальных единиц (волостей, погостов-округов), восходящих в своей основе к эпохе независимости Новгорода. Волости, погосты-округа должны стать предметом монографического исследования, их необходимо рассматривать как сложнейшие комплексы археологических памятников.

В первую очередь, на наш взгляд, следует уделить внимание волостям Жабна, Морева, Велиля, Холмскому погосту. Они имеют необычную внутреннюю структуру. Жабна делилась на концы: Луцкий, Жаровский, Границкий, Чигаревский, Повиткинский, Клуборьский. В нее входила территория Вятичи, которую исследователи отождествляют с концом. Сам погост образовывал отдельную единицу. Название одной из деревень — Песий конец — дало основание историкам также видеть в этом образовании один из бывших концов волости [32, с. 184, 185; 33, с. 20—22].

Иное, десятичное деление имели волости Морева, Велиля и Холмский погост. Согласно писцовым книгам, Морева насчитывала 12 десятков (Погостский, Семеновский, Туковский, Толочинский, Селецкий, Бродцкий, Жабенский, Устьморевский, Крековский, Одоевский, Чепятинский, Бельский) [2, стб. 703—736]. Велиля состояла из восьми десятков (Погостский, Порецкий, Добрецкий, Иломский, Замошский, Ляховицкий, Голодушский, Ополецкий) [2, стб. 736—784]. В Холмском погосте известно 10 десятков, организованных в станы. Однако конец описания погоста утрачен. Сохранились описания пяти десятков Лазоревского стана (Замошский, Лукинский, Хловитцкий, Заечков, Стерженский), трех десятков Кунского стана (Зуевский, Голибинский, Прилуцкий). Упомянут Муравьевский десяток Ратновского стана, Морховский стан [2, стб. 826—880]. Указанные волости и погост, по мысли В. Л. Янина, связаны с домениальными княжескими землями [34, с. 119—134].

Что такое концы и десятки? Среди историков нет единого мнения на этот счет. Б. Д. Греков полагал, что концы обозначали совокупность сельских поселений [32, с. 184, 185]. Л. А. Фадеев отмечает, что под концами Жабенской волости можно видеть либо соседские общины, либо территориальные объединения, возникшие на основе соседских общин, но, безусловно, связанные еще с родовыми порядками [33, с. 23]. Все исследователи согласны с тем, что проблема концов Жабенской волости напрямую связана с проблемой кончанского устройства самого Новгорода [32, с. 184, 185; 33, с. 17—31; 35, с. 11].

Не менее важен вопрос и о десятках Велили, Моревы и Холмского погоста, который вновь возвращает к давнему спору среди историков о природе сотенно-десятичного устройства Руси [36, с. 104—108, 364—368].

Поскольку историки исчерпали возможную аргументацию своих теорий, решить или по крайней мере продвинуть вперед решение проблем концов, десятков, сотен может лишь археологическое изучение указанных выше волостей и погоста. Комплексное исследование Жаровского конца Жабенской волости, осуществленное нами в 1985—1992 гг., убеждают нас в настоятельной необходимости именно такого подхода. Жаровский конец, описанный в Новгородской писцовой книге, составленной около 1495 г. [1, стб. 615, 616], оказался сложной по структуре общиной, в своей основе восходящей территориально к эпохе длинных курганов VI—X вв. [37, с. 74—84; 38, с. 78—81; 39; с. 8—11]. Археологическим выражением этой кончанской общины являлась группа селищ (деревень) и общий для них курганно-жальничный могильник конца XII—XVI в. (кладбище).

Данные писцовых книг прямо указывают на наличие общинного самоуправления и в десятках [12, с. 55—57, 83—85].

Только монографическое изучение отдельных волостей позволит уяснить их структуру, а также структуру пятин и всей Новгородской земли в целом.

Археология способна внести много нового и в изучение вотчины: топографировать деревни, определить размер земельного владения, ответить на вопрос, была ли в вотчине XV в. община. Обследование волостки Якова Скомантова в Жабенском погосте убеждает в том, что и феодальному землевладению присуща общинная основа. Как и в Жаровском конце, в ядре Яковлевской волостки зафиксирован единственный жальник с группой деревень-селищ XIV—XV вв.

При исследовании вотчины немаловажное значение имеет выявление ее центра — боярского двора, который, как выясняется, стоял обособленно от основного поселения. Сопоставление даты возникновения двора с датами возникновения деревень боярщины даст возможность представить процесс складывания феодального землевладения.

Другая актуальная тема — погосты. Писцовые книги умалчивают о времени их возникновения. Между тем осветить эту проблему может анализ всего археологического комплекса погоста-округа и установление времени появления поселения на месте самого погоста XV в. Отмечу только, что на территории погоста Жабна обнаружены напластования XII в.

Археологический комментарий к новгородским писцовым книгам способен реконструировать систему дорог, тем самым установить взаимосвязь отдельных поселений на конкретной территории. Картографирование деревень Жаровского конца, Яковлевской волостки и округи погоста Жабна со всей очевидностью указали на четкую последовательность их описания в 1495 г. Писцы явно шли от одной деревни к другой. Их маршрут тщательно продуман. Нет ни одного лишнего отклонения. Они явно шли по местным дорогам, трассы которых в большинстве случаев сохранились в лесной зоне до настоящего времени, например, Сачки — Иваньково — Поддубье — Еросимово — Машково — Грязовица — Кисляково — Попирачёво — Жары Большие — Жары Малые — Михалково (Жаровский конец) или Жолницы — Скоково — Становище — Белище — Бисерова Горка — Ермолино — Лядины — Отдыхалово — Пепельниково — Марково — Годышов Брод — Нивки (Яковлевская волостка). Маршруты писцов были повторены нами при археологическом поиске. Селища XIV—XVI вв. расположены исключительно при дорогах.

Реконструкция системы местных дорог позволяет выйти на другую не менее важную проблему — степень достоверности писцовых книг конца XV в. Становится очевидно, что писцы посетили практически все деревни, т. е. опись исчерпывающая. Выявляется и сама система написания книг. В книге 1495 г. описывается сначала центр территориальной единицы (сам погост, село — центр волостки), а затем тянущие к нему деревни. Но перечень деревень начинается не с тех, что расположены вблизи погоста, села, а с самых удаленных, окраинных, с которых и начинали свою работу писцы. Налицо компоновка материала на основе черновых полевых записей.

Одно из главных требований, предъявляемых к археологу, который приступает к выявлению поселений писцовых книг, заключается в необходимости сплошного обследования территории погостов, волостей. В этом большой положительный момент, ибо такой подход исключит избирательность памятников, которая существует при современной практике составления «Свода». Объектом исследования станут практически все памятники эпохи средневековья. Резко расширится круг изучаемых вопросов, который охватит практически все проблемы современной славяно-русской археологии, начиная с этногенеза славян и кончая поздним средневековьем. Это приведет к ликвидации узкой специализации археологов и даст импульс к изучению прошлого Новгородской земли по микрорегионам с середины I тыс. н. э., с момента появления культуры длинных курганов кривичей, по XVI в.— время угасания деревень при Иване IV. Именно Новгородские писцовые книги должны стать основой для создания полнокровных Сводов памятников археологии Новгородской земли. В них не будет формальных привязок к современному административно-территориальному делению.

Занятие писцовыми книгами неизбежно приведет археологов к активному

поиску архивных материалов по изучаемой территории (карт, грамот, неопубликованных списков книг и т. д.), что скорректирует выводы, полученные на основе данных археологии.

Составной частью исследования должен стать сбор микротопонимии, основное назначение которой идентифицировать селища с деревнями книг. Но при этом следует помнить, что названия урочищ не обязательно должны совпадать с расположением древней деревни, поскольку деревня XIV—XVI вв. имела свою территорию и была крестьянской общиной [38]. Зачастую один и тот же топоним разбросан по местности. Так, в Жаровском конце топоним Михалкино оказался закрепленным за местом у родничка, где когда-то стояла сама деревня, а также за болотом и полем у болота. Бывшее землевладение деревень нашло отражение и в планах Генерального межевания 1780-х годов. Там показаны границы пустошей — бывших деревень.

Сельская археология возьмет на вооружение метод комплексного источниковедения [40]. Для Новгородской земли такой подход в значительной степени новый. Однако он в совершенстве разработан для Подмосковья С. З. Черновым [41, с. 80—95; 42, с. 95—109 и др.]. В Псковской земле им овладевает Б. Н. Харлашов [43, с. 32, 33; 44, с. 60, 61].

Итак, писцовые книги должны стать объектом самого пристального внимания археологов. Речь идет о новом направлении исследования древностей Новгородской земли — археологии новгородских писцовых книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. НПК. Т. I. СПб., 1859.
2. НПК. Т. II. СПб., 1862.
3. НПК. Т. III. СПб., 1868.
4. НПК. Т. IV. СПб., 1886.
5. НПК. Т. V. СПб., 1905.
6. НПК. Т. VI. СПб., 1910.
7. Отрывок писцовой книги Водской пятины 1504—1505 гг. Киев, 1908.
8. Писцовая книга Водской пятины 1539 г. Новгород, 1917.
9. Писцовая книга Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Л., 1930.
10. *Иванов П. И.* Обозрение писцовых книг по Новгороду и Пскову. М., 1841.
11. *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских XVI в. СПб., 1853.
12. Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.
13. Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974.
14. Аграрная история северо-запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. Л., 1978.
15. *Победимова Г. А.* Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в.//ВИД. 1983. Вып. XIV.
16. *Дегтярев А. Я.* Советская историография сельского расселения феодальной Руси (XV—XVII вв.) //Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Л., 1983.
17. *Жекулин В. С.* Историческая география: Предмет и метод. Л., 1982.
18. *Жекулин В. С.* Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972.
19. *Андриашев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. Т. 1. Списки селений. М., 1914.
20. *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII веках. М., 1974.
21. *Полковникова С. А.* Географические названия Новгородских писцовых книг XV—XVI вв. (Однокоренные названия с разными суффиксами): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1970.
22. *Сельвина Р. Л.* Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV—XVI вв.: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1976.
23. *Водарский Я. Е., Дмитриева З. В.* Первое Всероссийское научно-практическое совещание по изучению и изданию писцовых и переписных книг конца XV — начала XVIII века//История СССР. 1989. № 4.
24. *Тараканова С. А.* Археологические разведки в новгородских пятинах//КСИИМК. 1945. Вып. XI.
25. *Тараканова С. А.* Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода//КСИИМК. 1940. Вып. V.
26. *Успенская А. В., Фехнер М. В.* Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.»//Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. 1956. Вып. 32.

27. *Конецкий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья//Новгородский исторический сборник. Вып. 3(13). Л., 1989.
28. ЦГАДА. Ф. 137. Устюг. № 117. Ч. 1.
29. ЦГАДА. Ф. 1209. № 727.
30. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 974.
31. *Загорский В. Ф.* История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI в.//ЖМЮ. 1909. № 9.
32. *Греков Б. Д.* Новгородский Дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины)//Избр. труды. Т. IV. М., 1960.
33. *Фадеев Л. А.* Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов//Русский город (Историко-методологический сборник). М., 1976.
34. *Янин В. Л.* Княжеский домен в Новгородской земле//Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1987.
35. *Арциховский А. В.* Городские концы в древней Руси//Исторические записки. Кн. 16. М., 1945.
36. *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
37. *Буров В. А.* Жаровский конец Жабенской волости в VIII—XVI веках по историко-археологическим данным//Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Сборник трудов. Калинин, 1989.
38. *Буров В. А.* Исследование Жаровского конца Жабенской волости в 1985—1989 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научной конференции). Вып. 3. Новгород, 1990.
39. *Буров В. А.* Этапы расселения в междуречье Шлины и Граничной на Валдае в III—XVI вв. и эволюция общины (по материалам Жаровского конца новгородской волости Жабна)//VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов, подготовленных советскими исследователями. М., 1990.
40. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
41. *Чернов С. З.* Вотчина Ворониных (по актам Троице-Сергиева монастыря, устной традиции и археологическим данным)//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1982. № 6.
42. *Чернов С. З.* Происхождение вотчин XIV—XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (Историческая география землевладения): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1983.
43. *Харлашов Б. Н.* К вопросу о происхождении и развитии погостов писцовых книг в Псковской земле//Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986.
44. *Харлашов Б. Н.* О происхождении псковских губ (на примере Гдовского региона Псковской земли)//Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988.

Институт археологии
РАН, Москва

V. A. BUROV

NOVGOROD REGISTER BOOKS AND ARCHAEOLOGY

Summary

Till now Novgorod register books (Pistsovyje knigi) of the 15th-16th centuries are unconsidered by archaeologists. While an archaeological commentary to these books is necessary. It will let find out the structure of the settling all over Novgorod land for different periods, make detailed maps of rural settlements of the 14th-15th centuries and earlier time. Novgorod volosts and pogost-districts need monographic investigations as the most complicated archaeological complexes. Just the information of Novgorod register books must become the base for the creation of the full catalogue of medieval monuments of Novgorod land and the research of microregions from the middle of the 1st millenium A. D. to the 16th century inclusive. The special attention shall be payed to Zhabna volost, divided into ends as Novgorod, and also Velilya and Moreva volosts and Kholmsk pogost, where the main part was ten. In the authors opinion archaeology will help to retrace the sources of settling the 15th century administrative and territorial structures. Archaeology of Novgorod register books is to become a new direction in the investigation of medieval antiquities in North-West and North Russia.

В 1993 г. тема данной статьи была поддержана Международным фондом «Культурная инициатива».

Е. А. БЕГОВАТОВ, А. Ф. КОЧКИНА

О ВОССТАНОВЛЕНИИ РАЗМЕРОВ СОСУДОВ ПО ФРАГМЕНТАМ

Целые сосуды с поселений во время археологических раскопок не столь частая находка, культурный слой обычно насыщен их обломками. Неполная сохранность сосудов значительно уменьшает возможность использования их в качестве полноценного источника, поэтому вполне естественно желание попытаться восстановить форму и размеры сосудов по сохранившимся фрагментам. Как правило, в каждом индивидуальном случае это полностью зависит от опыта и интуиции исследователя. Однако достоверность таких реконструкций трудно оценить.

Исследователями предпринимались попытки разработать более точные методы реконструкций сосудов. Еще в 1946 г. М. П. Грязновым была предложена техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам [1]. Профиль сосуда вычерчивался посредством проецирования его тени на экран после правильной ориентировки в горизонтальной плоскости и измерения диаметра какой-либо части сосуда. Стремление реконструировать сосуды по фрагментам нашло отражение и в ранних работах А. А. Бобринского [2, с. 230]. Проблему восстановления керамических форм на материалах эпохи неолита и ранней бронзы Южной Сибири рассматривал А. В. Виноградов [3]. При этом исследователь исходил из наличия корреляции кривизны стенок сосудов в горизонтальной и вертикальной плоскостях. При подобной реконструкции требуется, чтобы сосуд был представлен большим числом обломков. Это не всегда возможно, поэтому доля реконструированных сосудов невелика [3, с. 133].

Применение ЭВМ и особенно персональных компьютеров позволяет в настоящее время привлечь к этой проблеме новые методы анализа, в частности статистико-математические. Заслуживает внимания в этом отношении работа английского археолога К. Р. Ортона, к сожалению, известная нам только по рецензии в польском археологическом журнале [4]. В предложенном в его статье проекте SHERD (Sorting Highgate Excavation's Roman Debris) на материалах гончарных печей I—II вв. в Хайгейте (Лондон) предпринимается попытка решить проблему реконструкции сосудов, сохранившихся во фрагментах, путем формализации данных и использования ЭВМ. Предварительно была осуществлена классификация соответственно венчиков и днищ, затем устанавливалась связь между диаметрами венчиков и диаметрами днищ определенных категорий. На основании этого стало возможным экстраполировать дугу утерянных стенок и построить полный профиль сосуда. В обстоятельной рецензии польского археолога П. Урбанчика этот проект получил высокую оценку в качестве первой попытки создания математической модели реконструкции сосудов [4, с. 204].

Объектом нашего исследования является круговая керамика Билярского городища (Татария, Алексеевский р-н). Состав массовой керамической посуды в Биляре, одном из столичных центров Волжской Болгарии X—XIII вв. [5], весьма разнообразен. Об этом можно составить представление из классификации керамики, которая осуществлена одним из авторов [6]. Однако классификация производилась преимущественно на целых сосудах, огромное количество фрагментарного материала оказалось за ее рамками. Именно последнее обстоятельство побудило заняться разработкой метода, который позволил бы включить фрагменты

© Е. А. Беговатов, А. Ф. Кочкина, 1993 г.

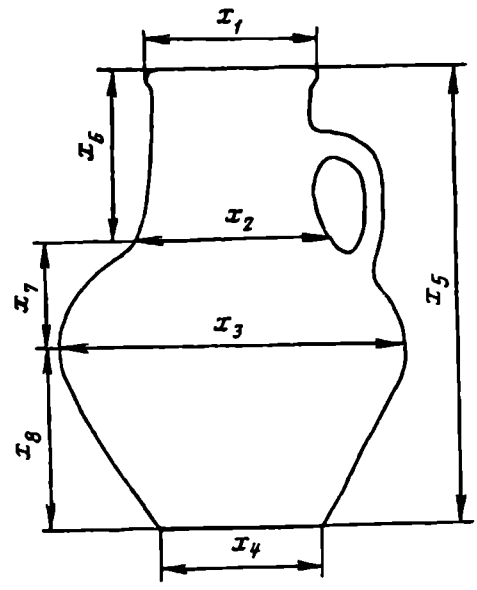


Рис. 1. Замеры кувшинов Билярского городища

в более активный научный оборот. И хотя по сохранившейся части фрагменты зачастую можно более или менее точно идентифицировать с определенной группой посуды, другие характеристики, особенно параметрические, в таких случаях получить практически невозможно.

При исследовании круговой керамики, которая, являясь продукцией ремесленного гончарного производства, отличается сравнительно высоким уровнем стандартизации, применялись элементы математической статистики. На основании выявленных сочетаний взаимозависимых количественных показателей, характерных для той или иной формы сосудов, построена классификационная схема круговой керамики Биляра. Анализ взаиморасположения выделенных групп сосудов в рамках всей классификационной схемы и сосудов внутри каждой отдельной группы показывает, что вся исследуемая совокупность круговой керамики определенным образом скоррелирована по своим показателям. В общем виде это выражается во взаимозависимости (взаимоизменении) ряда параметров, другими словами, изменение одного размера вызывает соответствующее изменение другого размера. Это оказалось закономерным практически для всех рассмотренных групп керамики Биляра. Знание вида связи между различными параметрами сосуда может быть использовано для решения задачи реконструкции сосудов, т. е. значение одного размера может служить основанием для прогноза значения другого размера [7, гл. 16, 18; 10]. Разработка методики восстановления размеров сосудов по фрагментам производилась на основе количественного анализа 38 целых кувшинов Билярского городища.

При разработке методики реконструкции размеров сосуда по его фрагменту мы исходили из того, что не существует общих формул для восстановления размеров даже для керамики одного археологического памятника, например для круглодонных и плоскодонных сосудов, кувшинов и горшков. Предварительно керамика разбивается на однородные группы (или категории), внутри которых должно быть достаточно большое количество целых сосудов.

При анализе кувшинов мы учитывали следующие восемь размеров: диаметр устья по венчику (x_1), диаметр основания горловины (x_2), диаметр тулова в месте его наибольшего расширения (x_3), диаметр дна (x_4), общая высота (x_5), высота горловины от венчика до основания горловины (x_6), высота от основания горловины до диаметра тулова — плечико (x_7) и, наконец, высота придонной части от диаметра тулова до дна (x_8) (рис. 1). Все перечисленные размеры

широко используются археологами, в частности для средневековой керамики [8, с. 24, рис. 1; 9, с. 177, рис. 28]. Можно использовать также и другие размеры, но для первоначального анализа мы решили ограничиться этими.

Исходя из нормального распределения параметров исследуемой совокупности, для этой группы сосудов изучаются основные статистические характеристики (средние, дисперсии, корреляционная матрица). Получаемая статистическая модель в виде соответствующих закономерностей позволяет на основе многомерного регрессионного анализа вывести необходимые формулы для прогноза неизвестных размеров.

Задачу восстановления размеров сосуда можно решать либо по одному известному, либо по нескольким параметрам сохранившейся части сосуда. Например, по горловине: известны диаметр по венчику (x_1), диаметр основания горловины (x_2) и высота горловины (x_6); по нижней части: известны диаметр тулова (x_3), диаметр дна (x_4), высота придонной части (x_8); по верхней части сосуда до уровня наибольшего расширения тулова: известны диаметр по венчику (x_1), диаметр основания горловины (x_2), диаметр тулова (x_3), высота горловины (x_6) и высота плечика (x_7).

Решение этой задачи строилось на основе теории многомерного линейного регрессионного анализа, сущность которого заключена в следующем. Пусть $x_{i1}, x_{i2}, \ldots, x_{im}$ — известные размеры некоторого (i-го) сосуда (один или несколько). Считается, что неизвестный размер сосуда x_k связан с ними линейным образом:

$$x_k = a_k + b_{k1}x_{i1} + b_{k2}x_{i2} + \ldots + b_{km}x_{im} + e,$$

где e — случайная ошибка, меняющаяся от одного сосуда к другому; b_k — коэффициент регрессии; a_k — свободный член. Коэффициент регрессии b_k и свободный член a_k находятся на основе замеров n-целых сосудов таким образом, чтобы среднеквадратичная ошибка приближения

$$D_{k\,ост} = (1/n)\sum_{i=1}^{n}(x_{ik} - a_k - b_{k1}x_{i1} - \ldots - b_{km}x_{im})^2$$

принимала минимальное значение. Величина $D_{k\,ост}$ носит название остаточной дисперсии и может служить мерой оценки погрешности прогноза неизвестного размера ($S_{ост} = \sqrt{D_{k\,ост}}$ — остаточное стандартное отклонение). Кроме того, остаточную дисперсию можно использовать для нахождения доверительного интервала восстанавливаемого размера [10, с. 184—192].

В случае $m = 1$ (один известный размер) вычисление коэффициента регрессии b_k и свободного члена a_k не вызывает особых затруднений и они вычисляются по формулам

$$b_{k1} = S_k r/S_i, \quad a_k = \bar{x}_k - b_{k1}\bar{x}_i,$$

где $\bar{x}_k = (\Sigma x_k)/n$, $\bar{x}_i = (\Sigma x_i)/n$ — выборочные средние; $S_k^2 = (\Sigma x_k^2)/n - \bar{x}_k^2$; $S_i^2 = (\Sigma x_i^2)/n - \bar{x}_i^2$ — выборочные дисперсии прогнозируемого и известного размера сосуда; $r = (\frac{1}{n}\Sigma x_k x_i - \bar{x}_k\bar{x}_i)/S_k S_i$ — выборочный коэффициент корреляции. Все эти величины находятся по параметрам целых сосудов.

Если на сохранившемся фрагменте можно замерить несколько размеров ($m > 1$) и мы хотим использовать их все для восстановления остальных, то для нахождения соответствующих коэффициентов регрессии b_k и свободного члена a_k необходимо знание всех коэффициентов корреляции, которые образуют корреляционную матрицу. Далее необходимо решить систему линейных уравнений, формулы которых можно найти в соответствующих разделах многомерного регрессионного анализа (например, [10, с. 75—87]).

Как отмечалось выше, в нашем распоряжении имелись размеры 38 целых

Таблица 1

Данные замеров целых кувшинов Билярского городища, мм

№ п/п	Диаметр устья x_1	Диаметр основания горловины x_2	Диаметр тулова x_3	Диаметр дна x_4	Общая высота x_5	Высота горловины x_6	Высота плечика x_7	Высота придонной части x_8
1	117	136	229	126	292	101	62	129
2	60	62	119	83	201	73	30	98
3	90	83	149	98	209	80	47	82
4	62	77	210	130	260	85	71	104
5	66	64	136	89	194	63	35	95
6	70	71	118	78	181	66	37	78
7	62	64	180	111	261	76	80	105
8	73	81	166	90	244	67	70	107
9	64	66	150	80	232	62	78	92
10	82	79	159	98	240	74	67	99
11	67	78	166	85	240	80	55	105
12	56	65	130	86	171	62	40	69
13	70	68	156	90	223	66	62	99
14	72	68	178	105	250	85	68	97
15	122	140	244	118	318	119	74	125
16	58	52	170	94	212	59	64	89
17	72	58	129	82	191	68	46	77
18	62	59	124	75	178	60	43	75
19	89	97	197	100	290	103	74	113
20	75	80	169	101	245	77	62	106
21	65	62	154	95	230	65	67	98
22	60	82	185	110	244	68	82	93
23	65	59	137	92	230	87	46	97
24	84	84	191	120	348	107	41	200
25	67	66	170	100	241	70	71	100
26	53	57	109	74	155	62	35	58
27	74	86	178	113	258	79	71	110
28	72	67	154	85	225	64	68	93
29	69	76	156	79	220	72	62	86
30	57	61	108	67	148	56	41	51
31	75	74	170	98	255	89	66	100
32	85	91	230	127	322	72	78	172
33	58	57	143	88	227	67	70	90
34	84	78	200	110	295	70	98	127
35	71	81	153	90	231	70	58	103
36	76	77	174	95	273	70	84	119
37	30	33	90	60	112	39	38	35
38	96	104	210	112	300	84	78	137

кувшинов Билярского городища, значения которых приведены в табл. 1. Они практически представляют весь типологический ряд этой группы сосудов. По исходным данным на ЭВМ были вычислены статистические характеристики (табл. 2) и на их основе найдены коэффициенты регрессии b_k и свободные члены a_k (табл. 3). Из корреляционной матрицы видно, что между многими размерами сосуда существует тесная линейная связь и, следовательно, можно ожидать

Таблица 2

Выборочные средние значения, стандартные отклонения и коэффициенты корреляции между параметрами кувшинов

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
	Средние значения, мм							
	71,8	74,8	162,9	95,6	235,4	74,1	61,0	100,2
	Стандартные отклонения							
	16,6	20,1	35,3	16,7	49,7	15,2	16,6	29,2
	Коэффициенты корреляции							
x_1	1,00							
x_2	0,93	1,00						
x_3	0,76	0,80	1,00					
x_4	0,64	0,68	0,91	1,00				
x_5	0,74	0,72	0,92	0,86	1,00			
x_6	0,79	0,78	0,72	0,69	0,77	1,00		
x_7	0,37	0,38	0,71	0,57	0,65	0,23	1,00	
x_8	0,64	0,60	0,78	0,78	0,93	0,66	0,42	1,00

для них хорошего прогноза. Исключение составляет лишь высота плечика (x_7). В табл. 3 приведены также значения абсолютных $S_{\text{кост}}$ и относительных $S_{\text{кост}}/\bar{x}_k$ погрешностей приближения. По их величинам можно ответить на вопрос, какие размеры мы предсказываем более или менее точно при данном известном размере, а какие с большей погрешностью. Так, при известном диаметре по венчику (x_1) мы точнее всего можем предсказать диаметр основания горловины (x_2), диаметр дна (x_4), высоту горловины (x_6) — погрешности прогноза составляют 10,1; 13,1; 12,4% соответственно. Погрешность прогноза высоты плечика (x_7) и высоты придонной части (x_8) в этом случае почти в 2 раза больше (соответственно 25 и 22,1%). Таким образом, прогнозы имеют различные погрешности приближения.

Если же мы хотим ответить на вопрос, по какому из восьми возможных замеряемых размеров точнее всего восстанавливаются все остальные, то в качестве первого приближения можно сравнить величины суммарной относительной погрешности $S = \sum_{k=1} S_{\text{кост}}/\bar{x}_k$, которые приведены в табл. 3. Из нее видно, что лучше всего восстанавливаются (если использовать последний критерий) размеры кувшина по величине диаметра тулова (x_3). Конечно, еще лучше прогнозировать размеры, исходя из общей высоты (x_5),— это уже целый сосуд и восстанавливать размеры в таком случае нет необходимости.

В практических целях более интересно рассмотреть отдельные величины относительных погрешностей прогноза ($S_{\text{кост}}/\bar{x}_k$) того или иного размера. В целом из табл. 3 видно, что по каждому из принятых размеров лучше всего восстанавливаются диаметр дна (x_4) и диаметр тулова (x_3), далее идут общая высота (x_5), высота горловины (x_6) и диаметр по венчику (x_1). Замыкает этот ряд диаметр основания горловины (x_2), высота придонной части (x_8) и высота плечика (x_7). Последний показатель вообще своеобразен: он восстанавливается хуже всего по каждому из принятых исходных размеров и в то же время сам наименее пригоден для прогноза (этого, конечно, следовало ожидать уже исходя из корреляционной матрицы). Что касается диаметра тулова (x_3), то он лучше всего восстанавливается по размерам нижней части кувшина — диаметру дна (x_4) и высоте придонной части (x_8), хотя если известен последний размер, то, как правило, можно замерить и диаметр тулова. А вот значение диаметра тулова (x_3) дает неплохие возможности для восстановления диаметра дна (x_4), общей

Таблица 3

Коэффициенты регрессии b_k, свободный член a_k, абсолютные $S_{кост}$, относительные $S_{кост}/\bar{x}_k$ и суммарные S погрешности (%) в случае одного известного размера

Прогноз для		x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
x_1	b_k		1,12	1,62	0,65	2,22	0,73	0,73	1,12
	a_k		−5,8	46,7	49,1	75,8	21,8	34,5	19,4
	$S_{кост}$		7,5	22,7	12,6	33,0	9,2	15,3	22,2
	$S_{кост}/\bar{x}_k$		10,1	14,0	13,1	14,0	12,4	25,0	22,1
								$S = 110,7$	
x_2	b_k	0,76		1,41	0,56	1,78	0,59	0,32	0,87
	a_k	14,8		57,2	53,5	102,0	29,7	37,2	35,1
	$S_{кост}$	6,2		20,8	12,1	34,0	9,4	15,2	23,0
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	8,6		12,8	12,6	14,4	12,6	24,8	23,0
								$S = 108,8$	
x_3	b_k	0,36	0,46		0,43	1,29	0,31	0,34	0,64
	a_k	13,9	0,4		25,7	25,6	23,6	6,4	−4,4
	$S_{кост}$	10,7	11,8		6,8	19,8	10,5	11,1	18,1
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	14,8	15,8		7,1	8,4	14,1	18,9	18,0
								$S = 97,1$	
x_4	b_k	0,64	0,82	1,93		2,57	0,63	0,57	1,37
	a_k	10,6	−3,6	−21,9		−10,3	13,5	7,0	−30,9
	$S_{кост}$	12,5	14,6	14,4		25,0	10,9	13,5	17,9
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	17,4	19,4	8,8		10,6	14,6	22,2	17,9
								$S = 110,9$	
x_5	b_k	0,25	0,29	0,65	0,29		0,24	0,22	0,55
	a_k	13,8	6,2	9,8	22,8		18,6	9,5	−28,2
	$S_{кост}$	11,0	13,8	14,8	8,4		9,6	12,4	10,6
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	15,3	18,4	8,6	8,8		13,0	20,4	10,6
								$S = 95,1$	
x_6	b_k	0,86	1,03	1,66	0,76	2,51		0,25	1,26
	a_k	8,1	−1,7	39,5	39,6	49,4		42,2	7,0
	$S_{кост}$	10,0	12,3	24,3	11,9	31,4		16,0	21,7
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	13,9	16,5	14,9	12,4	13,3		26,2	21,6
								$S = 118,8$	
x_7	b_k	0,37	0,46	1,51	0,57	1,95	0,21		0,74
	a_k	49,6	46,5	70,6	91,1	116,2	62,2		55,0
	$S_{кост}$	15,2	18,3	24,5	13,5	37,1	14,6		26,1
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	21,2	24,5	15,0	14,2	15,8	19,7		26,0
								$S = 136,4$	
x_8	b_k	0,36	0,41	0,94	0,45	1,58	0,34	0,24	
	a_k	35,5	33,4	68,4	50,8	76,6	39,7	36,9	
	$S_{кост}$	12,6	15,9	21,9	10,2	18,7	11,3	14,9	
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	17,5	21,2	13,4	10,7	7,7	15,3	24,4	
								$S = 110,2$	

Таблица 4

Коэффициенты регрессии b_k, свободный член a_k, абсолютные $S_{кост}$, относительные $S_{кост}/\bar{x}_k$ и суммарные S погрешности в случае трех и пяти известных размеров, %

Прогноз для		x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
Известна горловина сосуда (x_1, x_2, x_6)									
x_1	b_{k1}	—	—	0,00	−0,09	0,86	—	0,17	0,69
x_2	b_{k2}	—	—	1,10	0,35	0,19	—	0,32	−0,13
x_6	b_{k3}	—	—	0,53	0,47	1,57	—	−0,23	0,80
	a_k	—	—	41,4	40,9	42,8	—	41,4	1,2
	$S_{кост}$	—	—	20,2	11,3	29,5	—	15,0	20,9
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	—	—	12,4	11,8	12,4	—	24,6	20,7
								$S = 81,9$	
Известна нижняя часть сосуда (x_3, x_4, x_8)									
x_3	b_{k1}	0,62	0,44	—	—	0,78	0,18	0,59	—
x_4	b_{k2}	−0,37	−0,35	—	—	−0,27	0,12	−0,37	—
x_8	b_{k3}	−0,01	0,11	—	—	0,97	0,12	−0,15	—
	a_k	6,8	26,5	—	—	36,7	21,2	15,2	—
	$S_{кост}$	11,1	12,2	—	—	9,9	10,2	10,7	—
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	15,5	16,4	—	—	4,2	37,5	17,6	—
								$S = 67,4$	
Известна верхняя часть сосуда (x_1—x_3, x_6, x_7)									
x_1	b_{k1}	—	—	—	−0,05	0,79	—	—	0,79
x_2	b_{k2}	—	—	—	−0,24	−1,00	—	—	−1,00
x_3	b_{k3}	—	—	—	0,61	0,97	—	—	−0,97
x_6	b_{k4}	—	—	—	0,09	1,14	—	—	0,15
x_7	b_{k5}	—	—	—	−0,25	0,42	—	—	−0,57
	a_k	—	—	—	26,0	−14,7	—	—	−15,0
	$S_{кост}$	—	—	—	5,9	15,9	—	—	15,9
	$S_{кост}/\bar{x}_k$	—	—	—	6,2	6,7	—	—	15,8
								$S = 28,7$	

высоты (x_5) и несколько хуже — высоты горловины (x_6). В свою очередь высота горловины менее надежно реконструирует все остальные размеры, но сама может быть лучше всего восстановлена по диаметру по венчику (x_1), диаметру основания горловины (x_2).

Поскольку на практике некоторые фрагменты керамики позволяют замерить несколько из предложенных размеров, то нами была рассмотрена задача восстановления размеров по горловине (известны x_1, x_2, x_6), нижней части (известны x_3, x_4, x_8) и верхней половине (известны x_1—x_3, x_6, x_7) сосуда. Конечно, могут быть изучены и другие сочетания размеров, но здесь мы остановились лишь на наиболее часто встречаемых вариантах. Результаты расчетов коэффициентов регрессии b_k, свободных членов a_k, абсолютных $S_{кост}$ и относительных $S_{кост}/\bar{x}_k$ погрешностей приближения, а также суммы последних S приведены в табл. 4.

Сравнивая суммарную относительную погрешность прогноза по горловине и нижней части сосуда, видим, что недостающие размеры сосуда в целом лучше восстанавливаются по придонной части, чем по горловине, хотя разница в

Таблица 5

Примеры прогнозирования неизвестных размеров $x_k = a_k + b_k x_l$ и $x_k = a_k + b_{k1}x_{i1} + b_{k2}x_{i2} + b_{k3}x_{i3}$ по одному известному x_l, по известным размерам горловины (x_1, x_2, x_6), нижней части (x_3, x_4, x_8) и верхней части (x_1—x_3, x_6, x_7)

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
	Действительные размеры							
	82	79	159	98	240	74	67	99
	Прогнозируемые размеры							
x_1	82	86	180	102	258	82	94	111
x_2	75	79	169	98	243	76	62	104
x_3	71	74	159	94	231	73	61	97
x_4	73	77	167	98	242	75	63	103
x_5	74	76	166	92	240	76	62	103
x_6	72	75	162	96	235	74	61	100
x_7	74	77	172	129	247	76	67	104
x_8	71	74	161	95	233	73	61	99
x_1, x_2, x_6	82	79	167	96	245	74	64	107
x_3, x_4, x_8	69	72	159	98	231	74	58	99
x_1, x_2, x_3, x_6, x_7	82	79	159	90	238	74	67	97

Примечание. Выделены известные размеры, по которым осуществляется прогноз.

прогнозе и не столь велика. Если судить по конкретным значениям относительной погрешности $S_{кост}/\bar{x}_k$, то в первом случае лучше восстанавливается диаметр дна (x_4), диаметр тулова (x_3) и общая высота (x_5). При известных размерах нижней части хорошо восстанавливается общая высота (x_5) и несколько лучше других высота горловины (x_6). Наилучшие результаты дал прогноз по известным пяти размерам, в этом случае необходимо было реконструировать придонную часть. Как показывают расчеты, в последнем случае суммарная относительная погрешность S составляет наименьшую величину по сравнению с двумя первыми — 28,7%.

Интересно сопоставить прогноз размеров сосудов на основании одного и трех известных размеров. Например, если мы имели только размер диаметра по венчику (x_1), то, оказывается, прогноз по этому размеру не очень отличается от прогноза по трем размерам верхней части сосуда, хотя последний, естественно, точнее. Это можно объяснить большой зависимостью параметров горловины кувшина между собой (см. табл. 2). В табл. 5 приведены примеры реконструкций по известным трем и пяти размерам.

При разработке данной методики важное значение представляют вопросы о границах ее применения и возможностях использования полученных результатов. Для того чтобы в какой-то мере ответить на поставленные вопросы, а также проверить методику и программу расчета на ЭВМ, было проведено исследование группы кувшинов, дополненной сосудами, сохранившимися до уровня наибольшего расширения тулова. Она насчитывала 82 экземпляра. Процедура исследования осуществлялась поэтапно. Во-первых, анализируемая совокупность сосудов должна была отвечать требованиям однородности и соответствовать нормальному распределению. В противном случае, т. е. если распределение параметров отличалось бы от нормального, необходимо было бы провести группировку массива с целью получения однородных групп, а затем осуществить все процедуры соответственно внутри каждой группы. Имеющаяся в нашем распоряжении группа кувшинов отвечала предъявляемым требованиям. Основную массу в коллекции билярских кувшинов составляли сосуды с маловариабельными характеристиками, близкими

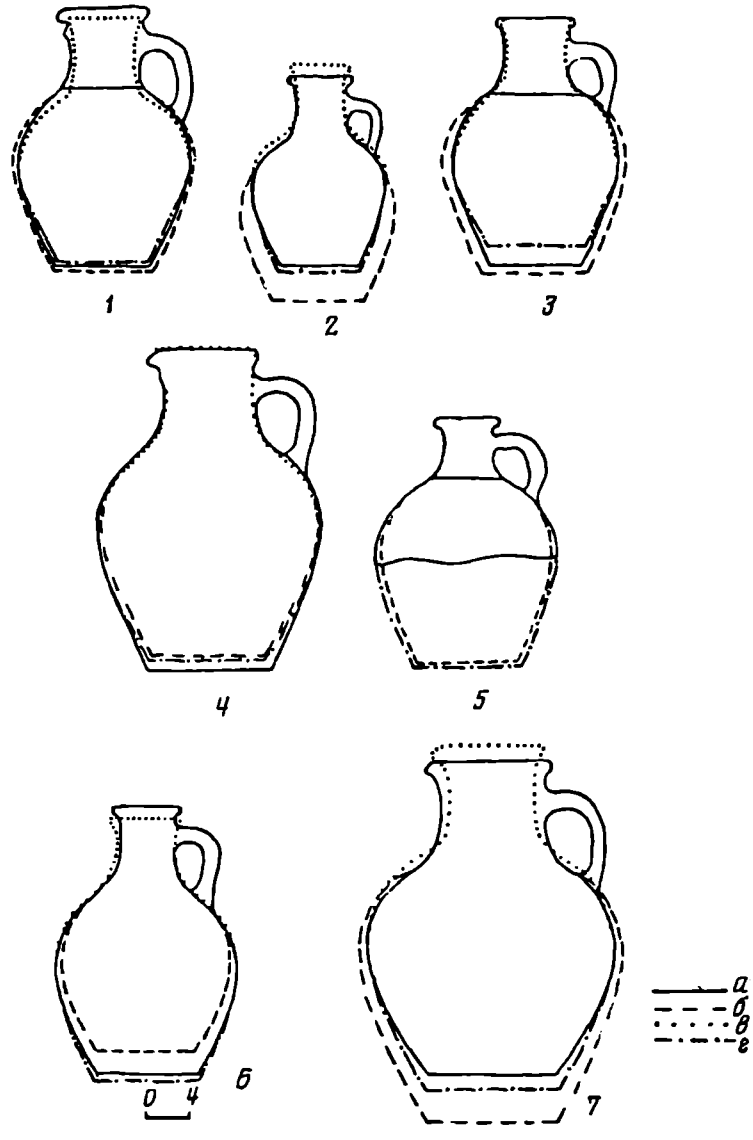


Рис. 2. Графические реконструкции кувшинов по вычисленным параметрам. *а* — действительные размеры; восстановленные размеры: *б* — по горловине; *в* — по придонной части: *г* — по верхней части

к средним значениям по выборке. Может оказаться так, что при дальнейшем накоплении материала будет возможно разделить совокупность кувшинов на группы, которые резко различались бы между собой, а внутри были бы однородны по показателям. Во-вторых, для исследуемой группы рассчитывались все статистические характеристики, на основе которых выводились формулы прогноза неизвестных размеров. Изменение объема выборки влияет на статистические характеристики совокупности и, следовательно, на параметры формулы для прогноза неизвестных размеров. При однородной совокупности сосудов с увеличением объема выборки ошибка прогноза уменьшается.

На рис. 2 графически представлены результаты прогнозирования неизвестных размеров по нескольким известным: по горловине, нижней части и верхней половине. Сосуды, на которых проиллюстрированы результаты прогноза, различаются между собой своими характеристиками, и на каждом из них спрогнозированные размеры по-разному отличаются от исходных. Из представленных примеров видно, что в ряде случаев может происходить частичное искажение

Таблица 6

Примеры прогнозирования размеров кувшинов других памятников

Известные размеры	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
				Действительные размеры				
Большие Тарханы	87	62	168	132	174	67	64	43
				Прогнозируемые размеры				
x_1		92	188	106	269	85	98	117
x_1, x_2, x_6			145	86	235		61	107
x_3, x_4, x_8	62	59			174	72	59	
x_1—x_3, x_6, x_7				99	258			128
				Действительные размеры				
Большие Тарханы	105	83	156	112	157	67	49	41
				Прогнозируемые размеры				
x_1		112	217	117	309	98	111	137
x_1, x_2, x_6			168	92	254		70	116
x_3, x_4, x_8	62	60			168	68	60	
x_1—x_3, x_6, x_7				90	234			118
				Действительные размеры				
Танкеевка	72	72	145	86	218	56	96	72
				Прогнозируемые размеры				
x_1		75	163	96	236	74	87	100
x_1, x_2, x_6			150	116	206		64	86
x_3, x_4, x_8	64	68			196	66	58	
x_1—x_3, x_6, x_7				75	215			64
				Действительные размеры				
Танкеевка	93	108	175	123	257	78	78	101
				Прогнозируемые размеры				
x_1		98	197	110	282	90	102	124
x_1, x_2, x_6			202	107	266		74	117
x_3, x_4, x_8	69	72			238	80	57	
x_1—x_3, x_6, x_7				90	242			91
				Действительные размеры				
Урень II	81	77	188	103	270	81	89	100
				Прогнозируемые размеры				
x_1		85	178	102	256	81	94	110
x_1, x_2, x_6			169	99	254		61	112
x_3, x_4, x_8	84	74			252	79	73	
x_1—x_3, x_6, x_7				103	284			118
				Действительные размеры				
Большой Шихан	92	93	189	119	273	60	90	123
				Прогнозируемые размеры				
x_1		97	196	109	280	89	102	122
x_1, x_2, x_6			207	93	234		73	101
x_3, x_4, x_8	79	82			271	84	64	
x_1—x_3, x_6, x_7				97	255			106
				Действительные размеры				
Большой Шихан	98	104	220	142	355	67	133	155
				Прогнозируемые размеры				
x_1		104	205	113	293	93	106	129
x_1, x_2, x_6			191	100	252		76	136
x_3, x_4, x_8	89	91			320	96	69	
x_1—x_3, x_6, x_7				101	304			106

первоначального облика сосудов. С другой стороны, среди полученных результатов есть такие, что очень незначительно расходятся с исходными.

Анализ исходных и полученных параметров показал, что в каждом случае точность прогноза (рассматривалось совпадение абсолютных значений) зависит от того, насколько близко (или далеко) отстоят значения исходных размеров от выборочных средних. Безусловно, в процессе доработки методики следует учесть это обстоятельство с тем, чтобы исключить случаи резкого расхождения получаемых результатов с исходными. Повышение надежности и достоверности прогноза прямо связано с тем, насколько правомерно использовать результаты реконструкции для последующих исследований, в частности для классификации керамики. Анализ классификационных индексов, вычисленных по полученным результатам трех видов реконструкций, показал, что различия между ними незначительны, все они укладываются в интервалы значений индексов, характерных для тех или иных подгрупп кувшинов, которые были выделены в результате классификации и к которым относятся исследуемые кувшины. Однако проблема соответствия реконструкций возможностям классификационных принципов требует глубокого осмысления.

Аналогичные расчеты выполнены и для других групп круговой посуды Биляра (горшков, корчаг, кринок, кружек). Несмотря на то что результаты оказались положительными, для получения более надежных выводов необходимы дополнительные данные, так как не во всех этих группах число целых экземпляров достаточно велико.

Выше речь шла уже о том, что все выводы в настоящей работе справедливы только по отношению к исследуемой совокупности кувшинов Билярского городища. Интересно посмотреть, могут ли работать формулы прогноза, разработанные для билярских кувшинов, на других материалах. В табл. 6 приведены примеры реконструкций по двум кувшинам из Большетарханского и Танкеевского могильников раннебулгарского периода (Татария), одному кувшину из курганного могильника Урень II (Ульяновская обл.) также раннебулгарского времени и двум золотоордынским кувшинам из Большого Шихана (Самарская обл.) [1]. Из расчетов очевидно, что формальный перенос формул прогноза для реконструкции сосудов других памятников по меньшей мере некорректен, хотя в отдельных случаях и есть совпадения, которые, конечно, могут быть не случайны, так как сосуды взяты из родственного круга памятников.

Как нам представляется, разработка общих формул для групп однокультурных памятников (допустим, для кувшинов Волжской Болгарии домонгольского периода) возможна в том случае, если основные характеристики таких сосудов имеют общую основу и сходные закономерности морфологических изменений. Однако предварительно каждая выборка из отдельного памятника должна быть обязательно подвергнута самостоятельному статистическому анализу, и только на этом основании можно делать заключение о возможности разработки общей формулы. В связи с этим следует отметить, что предлагаемая методика в наибольшей степени может быть применима к керамическому материалу развитых гончарных производств, продукция которых изготавливалась, как правило, по унифицированным образцам (стандартам) внутри больших групп сосудов на протяжении определенного времени. Таким образом, с помощью этой методики станет возможным исследовать морфологические особенности изделий в значительно большем количестве и более обоснованно.

С точки зрения нового подхода к реконструкции керамики, видимо, надо строже относиться к полевой обработке так называемого массового материала: необходимо фиксировать не только венчики, стенки и донца, а более тщательно пытаться выявлять фрагменты разных частей одного сосуда, прежде всего исходя из условий залегания.

Предлагаемый метод по существу является частным случаем метода математи-

[1] Благодарим авторов раскопок, любезно предоставивших материалы в наше распоряжение.

ческого моделирования, цель которого — не заменить опыт специалиста, а дать в его распоряжение инструмент, позволяющий более глубоко вникнуть в суть исследованных явлений (объектов) [11, с. 182]. Переход методики археологического исследования на уровень моделирования требует уточнения основных методологических и методических понятий, более правильного и последовательного применения формализации на разных этапах исследования и, естественно, необходимость компьютерной грамотности среди археологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грязнов М. П.* Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам // СА. 1946. № VIII.
2. *Бобринский А. А.* Гончары-пидьбляне // СА. 1959. № 1.
3. *Виноградов А. В.* Опыт реконструкции керамических комплексов древних поселений по фрагментам // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука, 1985.
4. *Urbańczyk P.* Rec.: Orton C. R. An experiment in the Mathematical Reconstruction of the Pottery from a Roman-British kiln Site at Highgate Wood, London // Bull. Inst. Archaeol. 1973. № 11. // Archaeologia Polski. 1983. T. XXVIII. Z. 1.
5. Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
6. *Кочкина А. Ф.* Гончарная посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986.
7. *Вайнберг Дж., Шумекер Дж.* Статистика. М.: Статистика, 1979.
8. *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. М.: Наука, 1984.
9. *Федоров-Давыдов Г. А.* Статистические методы в археологии. М.: Высш. школа, 1987.
10. *Фёрстер Э., Рёнц Б.* Методы корреляционного и регрессионного анализа. М.: Финансы и статистика, 1983.
11. *Четыркин Е. М.* Статистические методы прогнозирования. М.: Статистика, 1977.

Казанский государственный университет
Самарский государственный университет

E. A. BEGOVATOV, A. F. KOCHKINA

THE RECONSTRUCTION OF POTTERY DIMENSIONS BASING ON VESSELS' FRAGMENTS

Summary

Fragmentary state of vessels limits seriously the informativness of this archaeological source, therefore attempts to reconstruct dimensions and forms of vessels are the constant aims of investigators. But this process in major part depends on the intuitive experience of a scholar, and the reliability of such reconstructions is questionable, which is connected with limitations of traditionally practiced methods. The authors presents some new approaches to more precise way of reconstruction. They consists in computer statistical and mathematical methods. The example of such a method is presented; it is based on the 38 complete jars from Bilyar fortified settlement of the 10th — 13th centuries (Tartar Republic). The method is derived from the theory of multidimensional linear regressional space.

Дискуссии

П. Е. НЕХОРОШЕВ

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ

> Никакой палеолитический мастер не был настолько глуп, чтобы разрушать подходящую ударную площадку ради удовольствия нанесения на нее маленьких фасеток.
>
> *Франсуа Борд*

В последние годы в палеолитоведении отмечается все больший интерес к изучению техники и технологии расщепления камня. Необходимость такого исследования была отмечена еще в 1945 г. К. ван Рит Лоу, который считал, что сходство индустрий надо подчеркивать скорее на технологической, чем на типологической основе [1, с. 49]. Это высказывание Ф. Борд даже взял в качестве эпиграфа к своей статье [2, с. 19]. Однако поставленная проблема оказалась гораздо сложнее, чем предполагалось К. ван Рит Лоу и Ф. Бордом: если изучение техники постепенно продвигается, т. е. возрастает количество показателей, учитывающихся при анализе коллекций, то исследование технологий расщепления конкретных памятников явно отстает. У нас такая попытка была сделана уже в 60-х годах И. И. Коробковым [3] и Р. Х. Сулеймановым [4], но это начинание не получило должного развития.

В настоящее время изучение конкретных технологий расщепления камня проводится в основном зарубежными исследователями и, как правило, на основе ремонтажа [5, 6]. Между тем с той или иной степенью достоверности можно восстановить технологию и без употребления этого крайне трудоемкого и малорезультативного метода, применимого далеко не ко всякой коллекции. Ремонтаж дает представление о процессе расщепления каждого конкретного нуклеуса, но не объясняет причин того, чем обусловлено применение тех или иных приемов. Давно уже стало крылатым выражение, что кремень — это не кусок масла, а отбойник — не нож, которым этот кусок можно резать в любом направлении; иначе говоря, расщепление камня подчинено определенному закону и количество приемов обработки небезгранично. Понять суть процесса расщепления помогает знание физического закона распространения силового импульса в изотропном теле [7] и эксперимент, благодаря которым можно установить либо техническую и технологическую необходимость, либо традиционность того или иного действия, отраженного в морфологии продуктов расщепления. Восстановление конкретных технологий расщепления, вероятно, позволит говорить об их культурном и/или хронологическом значениях.

Изучение техники и технологии расщепления камня проводится «экспериментально-морфологическим» либо типологическим методами. Оба метода основываются на изучении морфологии продуктов расщепления того или иного па-

© П. Е. Нехорошев, 1993 г.

мятника, но при первом методе исследование основывается на знаниях о закономерностях расщепления, полученных в результате эксперимента, а проверка результатов исследования может быть проведена посредством моделирования технологического процесса.

При типологическом методе также используются элементарные экспериментальные данные, но в очень ограниченных пределах. Именно на основании экспериментов в прошлом веке были выявлены признаки искусственной обработки камня, которые стали основой типологического метода; но это было впоследствии забыто.

Экспериментально-морфологический метод столь же стар, как и типологический [8]. Так, в 80-х годах XIX в. Ф. Спаррелл, собрав в Крайфорде коллекцию артефактов и произведя их ремонтаж [9, 10], счел необходимым поставить серию экспериментов для более полного уяснения технологии расщепления, применявшейся на памятнике [11].

Типологический метод не требует овладения навыками обработки камня, и в этом его преимущество, но при этом он проигрывает в понимании сути явления. Оба метода развиваются параллельно. Попыткой разработки второго метода можно считать методику В. Б. Дороничева [12, 13], разработанную им с формально морфологических позиций. За единицу анализа автор берет «систему снятий» на нуклеусе (причем для «системы» достаточно одного негатива скола) [12, с. 80] и пытается восстановить процесс расщепления, т. е. технологию. При этом в процесс расщепления входит как составная и заключительная часть технология утилизации нуклеуса — «последовательности изменения количества и расположения систем снятий на нуклеусах» [12, с. 80]. При таком подходе процесс расщепления рассматривается сам по себе, безотносительно к цели, или же следует признавать, что целью расщепления является конечная утилизация нуклеуса, его форма, а не получение сколов заготовок. Автор также полагает, что выбор определенной поверхности расщепления происходил случайно — «попытки поиска подходящих поверхностей расщепления» [12, с. 87]. Можно сделать вывод, что таким же способом производилось и снятие сколов с одной поверхности расщепления, а это приводит к рассмотрению систем снятий на нуклеусе как равнозначных, что не позволяет выделять приемы подправки поверхности расщепления и формы нуклеуса. Таким образом, не учитываются многочисленные типологические, экспериментальные и аппликационные исследования, установившие еще в конце прошлого и начале нынешнего века необходимость сколов подготовки и подправки в процессе расщепления [11, с. 113; 14, с. 523, 524; 15].

Данная статья представляет собой попытку дальнейшей разработки методики исследования техники и технологии первичной обработки камня, основанной на данных эксперимента и на анализе орудий (с точки зрения заготовок), сколов и нуклеусов, в морфологии которых отражены те или иные технические приемы. Анализ технологии расщепления невозможен без четкого определения леваллуа и выяснения отличий плоскостного и призматического расщепления, что сделало необходимым включение соответствующих разделов в структуру статьи. Во избежание разночтений и для большей четкости изложения необходимо также определить несколько понятий, по которым, к сожалению, пока не сложилось единого мнения.

Пренуклеус — исходный предмет расщепления, подготовленный к снятию сколов-заготовок. Строго говоря, пренуклеус — это конечный этап стадии подготовки, хотя и промежуточный в процессе расщепления. Выделение пренуклеусов среди нуклевидных предметов нижнего палеолита является довольно трудной задачей. Представляется ошибочным отнесение к пренуклеусам всех нуклеусов, оставленных в начальной стадии расщепления, т. е. предметов расщепления, «у которых негативы снятий покрывают $^{2}/_{3}$ площади рабочей поверхности» [16, с. 45; 17, с. 11], без веских аргументов в пользу того, что эти изделия были специально изготовлены и оставлены на этой стадии.

Пробный «нуклеус» — исходный предмет расщепления, с которого без всякой подготовки снято один-два скола.

Нуклеус — предмет расщепления, использовавшийся для изготовления сколов-заготовок.

Нуклевидные обломки — бесформенные фрагменты предметов расщепления.

Сколы-заготовки — сколы, из которых преимущественно изготовлялись орудия на конкретном памятнике. Сколы-заготовки могли использоваться в качестве орудий и без вторичной обработки.

Плоскость расщепления[1] — «плоскость», по которой проходит силовой импульс, отделяющий скол от предмета расщепления. На сколе фиксируется позитив (брюшко), на предмете расщепления — негатив.

Технический прием — элемент процесса, действия, направленные на изменение морфологии камня или выбор определенной ситуации в процессе его подготовки и расщепления.

Прием скалывания — направление и последовательность нанесения скалывающих ударов, предполагающих снятие сколов-заготовок. К приемам скалывания можно отнести: радиальное: 1) одностороннее и 2) двустороннее; вееровидное: 3) одностороннее и 4) двустороннее; 5) однонаправленное (одноплощадочные нуклеусы), 6) встречное (двуплощадочные); 7) встречное чередующееся, 8) продольно-поперечное (ортогональное), 9) продольно-поперечное (ортогональное) чередующееся; 10) подперекрестное; 11) перекрестное и 12) «бессистемное» скалывание. Эти приемы выделены по морфологии нуклеусов и сколов и хорошо известны в литературе. В действительности их может оказаться гораздо меньше. Так, если приемы конвергентного (радиального и вееровидного), однонаправленного и бессистемного скалывания очевидны, технологическая необходимость приема встречного скалывания понятна, то существование других приемов хотя и не противоречит закономерностям расщепления, но представляется пока проблематичным. Приемы ортогонального, подперекрестного и перекрестного скалывания могут быть не только повторением приема параллельного скалывания, но и, так сказать, «конкретно-ситуационными» [18, с. 193]: поверхность расщепления не подправлялась, а выбиралась подходящая ударная площадка для снятия заготовки, т. е. рельеф поверхности расщепления определял направление снятия и ударную площадку каждого последующего скола. То же можно сказать и о двусторонних радиальном и вееровидном приемах. Однако количество, взаимное расположение и выбор направления снятий может служить определенным показателем процесса расщепления.

Прием подготовки — технический прием, направленный на создание такой ситуации на предмете расщепления, при которой возможно отделение скола-заготовки или подбор подходящего предмета расщепления с такой ситуацией. К приемам подготовки относятся: 1) грубое («черновое») изготовление ударной площадки; 2) создание выпуклого рельефа поверхности расщепления посредством поперечной, боковой, дистальной, круговой и краевой (продольной, с основной ударной площадки) обивки ее краев, изготовлением и снятием бокового или срединного ребра; 3) придание предмету расщепления или его части определенной формы (обивка тыльной и боковых сторон).

Прием подправки — технический прием, направленный на восстановление необходимой морфологии нуклеуса в процессе расщепления. К приемам подправки относятся: 1) создание необходимого угла скалывания посредством обивки или ретуширования ударной площадки, а также снятием скола, удаляющим всю ударную площадку; 2) подправка поверхности расщепления, т. е. снятие сколов с целью устранения заломов и «поднятия» продольного и поперечного рельефа; 3) восстановление необходимой формы нуклеуса или его части.

Принципиальной разницы между приемами подготовки и подправки нет.

[1] Не путать с поверхностью расщепления.

Первые употреблялись для изготовления пренуклеуса, вторые — в процессе расщепления нуклеуса.

Прием переориентации — технический прием, направленный на перенесение поверхности расщепления на другую сторону нуклеуса без изменения общей формы нуклеуса.

Все эти технические приемы давно известны в археологической литературе, так что даже трудно установить, кем они были выделены впервые.

Техника расщепления — совокупность (набор) приемов, средств и навыков, применяемых при получении сколов-заготовок. Под средствами понимаются отбойники, посредники, отжимники, щемилки для закрепления нуклеусов и т. п. Техника расщепления — частный случай техники обработки камня, в которую входит и «вторичная» обработка: обивка, ретушь, подтеска, анкош, резцовый скол, фрагментация, облом, а также шлифование, сверление, пиление и т. п.

«Техника скола» [2] — совокупность приемов, средств и навыков приложения силового импульса к определенным образом подготовленной (или нет) поверхности камня для отделения скола. Это техники отбойника, посредника, отжимника и их разновидности.

Техническая необходимость — комплекс определенных условий, соблюдение которых обязательно для заранее намеченного отделения скола. Так, для изготовления любого отщепа прежде всего необходимо соблюдение определенного угла скалывания.

Технология расщепления — определенная последовательность применения технических приемов средств и навыков, направленная на получение заготовок определенного типа. Технология расщепления может быть рассмотрена и как ряд микротехнологий — подготовки, снятия заготовок, подправки.

Технологическая необходимость — соблюдение ряда определенных операций, обязательных для достижения намеченной цели. Так, для изготовления левалуазского остроконечника «второго» снятия требуется ряд заранее задуманных последовательных операций.

Способ расщепления — совокупность приемов скалывания, характеризующихся общим направлением скалывающих ударов. Обобщая приемы скалывания, можно выделить конвергентный и параллельный способы расщепления. При конвергентном способе расщепления оси негативов сколов как бы стремятся к одной точке (радиальные и веерovидные нуклеусы), при параллельном способе отделение сколов с ударной площадки производится в одном направлении (оси скалывания негативов сколов примерно параллельны).

Принцип расщепления — порядок расположения плоскостей расщепления на нуклеусе. Можно выделить три принципа расщепления — плоскостной, протопризматический и бессистемный. При плоскостном принципе расщепления ведется в системе плоскостей, образующих слабовыпуклую поверхность расщепления; при протопризматическом — в системе плоскостей, образующих сильновыпуклую поверхность расщепления; при «бессистемном» — в неупорядоченных плоскостях: ударной площадкой служит каждый (или почти каждый) негатив предшествующего скола, т. е. на предмете расщепления просто выбирается технически необходимое место для снятия скола. Протопризматический принцип расщепления не отличается коренным образом от плоскостного (так же как и от бессистемного) — их объединяет общая техника скола; кроме того, первый представляет лишь ряд плоскостных систем снятия и, как правило, обусловлен исходной формой сырья, хотя может и свидетельствовать о зарождении призматического расщепления.

Принципиальное (но, конечно же, не единственное) отличие призматического расщепления от плоскостного, как мне представляется, не в степени выпуклости поверхности расщепления и не в употреблении посредника, применение которого весьма проблематично и не подтверждено археологически [19, с. 100], а в технике скола. При плоскостном расщеплении удар наносится по ударной площадке

[2] Не путать с техникой расщепления и приемом скалывания.

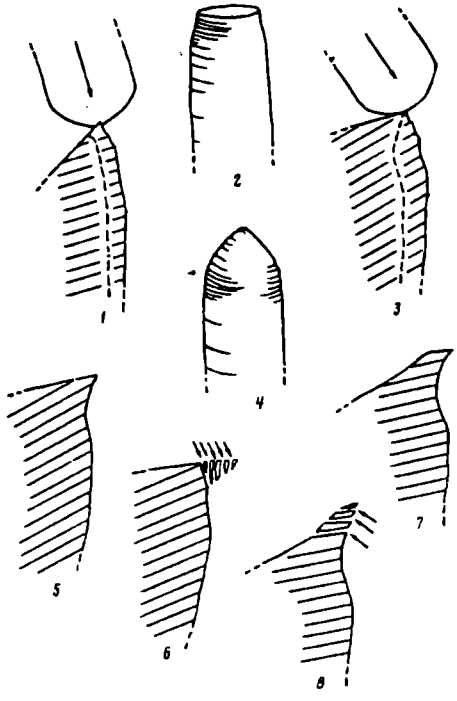


Рис. 1

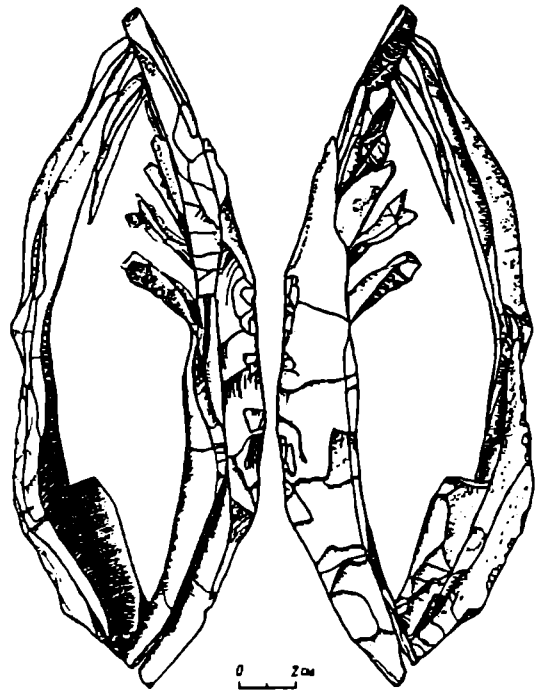


Рис. 2

Рис. 1. *1*, *3* — способы нанесения удара по нуклеусу при призматическом расщеплении; *2* — пластина с неконическим началом; *4* — пластина с точечной ударной площадкой; *5*, *6* — снятие «карниза» с «перебором» края ударной площадки нуклеуса; *7*, *8* — снятие «карниза» при ретушировании ударной площадки нуклеуса

Рис. 2. Подборка сколов, снятых с призматического нуклеуса при остром угле скалывания. По Ф. Одузу и др. [20]

на некотором расстоянии от края. При этом параметры скола очень сильно зависят от точности нанесения удара по ударной площадке нуклеуса. Иногда достаточно самой незначительной ошибки на 1—2 мм в ту или иную сторону, чтобы получился либо отщеп нежелаемой формы (точка удара смещена в сторону от предполагаемой), либо маленький отщеп с разбившейся ударной площадкой (удар нанесен слишком близко к краю ударной площадки нуклеуса), либо слишком массивный отщеп (удар нанесен дальше, чем нужно). В отдельных случаях скол вообще не сойдет (удар нанесен еще дальше), а в месте удара образуется конусовидная трещина, которая сразу же даст о себе знать при последующем расщеплении; более сильный удар, нанесенный слишком далеко от края ударной площадки, может привести к ныряющему окончанию скола и отсечению дистального конца нуклеуса. Для увеличения точности удара рельеф ударной площадки часто «поднимается» при помощи обивки или ретуши, что позволяет избежать смещения точки удара в сторону, но в глубину вероятность ошибки все же велика.

При призматическом расщеплении «глубина» площадки будущего скола определяется снятием так называемого «карниза» — нависающего над поверхностью расщепления края ударной площадки, и «перебором» последней. При этом край ударной площадки в зависимости от ситуации иногда довольно сильно «перебирается», «заваливается» в глубину, в противоположную от поверхности расщепления сторону (рис. 1, *5*, *6*). Удар наносится в самый край ударной площадки нуклеуса, причем ударная площадка скола не дробится и часто получается точечной (рис. 1, *4*). Поскольку край «перебирается» по широкому участку ударной площадки нуклеуса и поверхность расщепления имеет достаточно однородный рельеф (параллельные грани), смещение точки удара в ту или иную сторону в случае ошибки не имеет большого значения. В результате резко увеличивается точность и результативность удара. Кроме того, теряет свое былое

значение угол скалывания (угол между ударной площадкой нуклеуса и поверхностью расщепления). Он компенсируется углом нанесения скалывающего удара. Так, при угле скалывания, близком к 90°, удар наносится под острым углом к ударной площадке нуклеуса (рис. 1, *3*); при уменьшении угла скалывания угол удара приближается к 90°, и в зависимости от ситуации, при достаточно остром угле скалывания, скалывающие удары наносятся в ребро, образованное ударной площадкой нуклеуса и поверхностью расщепления (рис. 1, *1*). Примеры такой техники легко обнаруживаются в археологической литературе [20] (рис. 2). В результате получаются сколы с неконическим началом, т. е. без ударного бугорка (рис. 1, *2*).

Можно возразить, что при плоскостном расщеплении тоже снимался карниз, и привести многочисленные примеры. Однако в данном случае речь идет лишь о выравнивании края ударной площадки без «перебора» края, которое далеко не всегда необходимо, так как при ретушировании ударной площадки нуклеуса убирается и карниз (рис. 1, *7*, *8*). Если же угол скалывания уже имеет оптимальное значение и рельеф ударной площадки соответствует желаемому, то край поверхности расщепления, примыкающий к ударной площадке нуклеуса, иногда может выравниваться с целью создания более тонкого основания скола.

Точечные удары площадки также часто встречаются на нижнепалеолитических сколах. Так, в Рихте они составляют в зависимости от типа скола от 7,8 до 19,3% [17, с. 14—17]. Но отсутствие соответствующей морфологии нуклеуса, т. е. достаточно выпуклой поверхности расщепления и ее параллельной огранки, приводит, как правило, к получению отщепов. Кроме того, в среднем палеолите при плоскостном расщеплении точечные ударные площадки на сколах получались, вероятнее всего, не преднамеренно, а случайно. Это происходило при недостаточно точном ударе, когда точка удара оказывалась слишком близко расположенной к краю ударной площадки нуклеуса и в результате снимался маленький короткий отщеп, т. е. происходил непреднамеренный «перебор» края. Следующий удар в то же место снимал скол с точечной ударной площадкой.

Таким образом, объединение протопризматического и призматического расщепления [21, с. 30, 31; 22, с. 13] лишь на основании параллельности негативов сколов не представляется убедительным. Наоборот, различия в технике скола указывают на принципиальное отличие одного метода от другого. По этой же причине сразу становится ясной и несостоятельность объединения расщепления леваллуа и призматического [22, с. 13], поскольку они основываются прежде всего на различных техниках скола.

Хотя понятие «леваллуа» появилось в археологической литературе более 100 лет назад, до сих пор не выработано единого мнения по этому вопросу. Спор на эту тему то затухает, то разгорается вновь [23—25]. И если сначала значение термина воспринималось достаточно однозначно, то со временем понятие значительно расширилось, появились различные представления о его объеме и сейчас чуть ли не каждый исследователь имеет свое понимание проблемы[3].

Как указывают Г. и А. Мортилье, впервые термин «леваллуа» был применен Ребу для обозначения очень больших и очень широких отщепов овальной формы с острыми краями [27, с. 136]. Вскоре к овальным отщепам леваллуа, как к сколам типа леваллуа, добавляются и другие. Г. Обермайер уже считает основной формой «ножа Леваллуа» заостренную и наряду с рисунком овального отщепа приводит и рисунок остроконечника [28, с. 146]. Еще через несколько лет Г. Ф. Осборн пишет о пластинах типа леваллуа, которые «встречаются в форме заостренного прямоугольника и представляют самое характерное орудие конечной стадии ашельской индустрии» [29, с. 148]. Таким образом, уже в 20-х годах к леваллуазским сколам относились отщепы, пластины и треугольные сколы с различными признаками.

[3] Более подробно с историографией проблемы леваллуа можно ознакомиться в статьях С. В. Смирнова [26], В. Н. Гладилина [23] и Ю. В. Кухарчука [24].

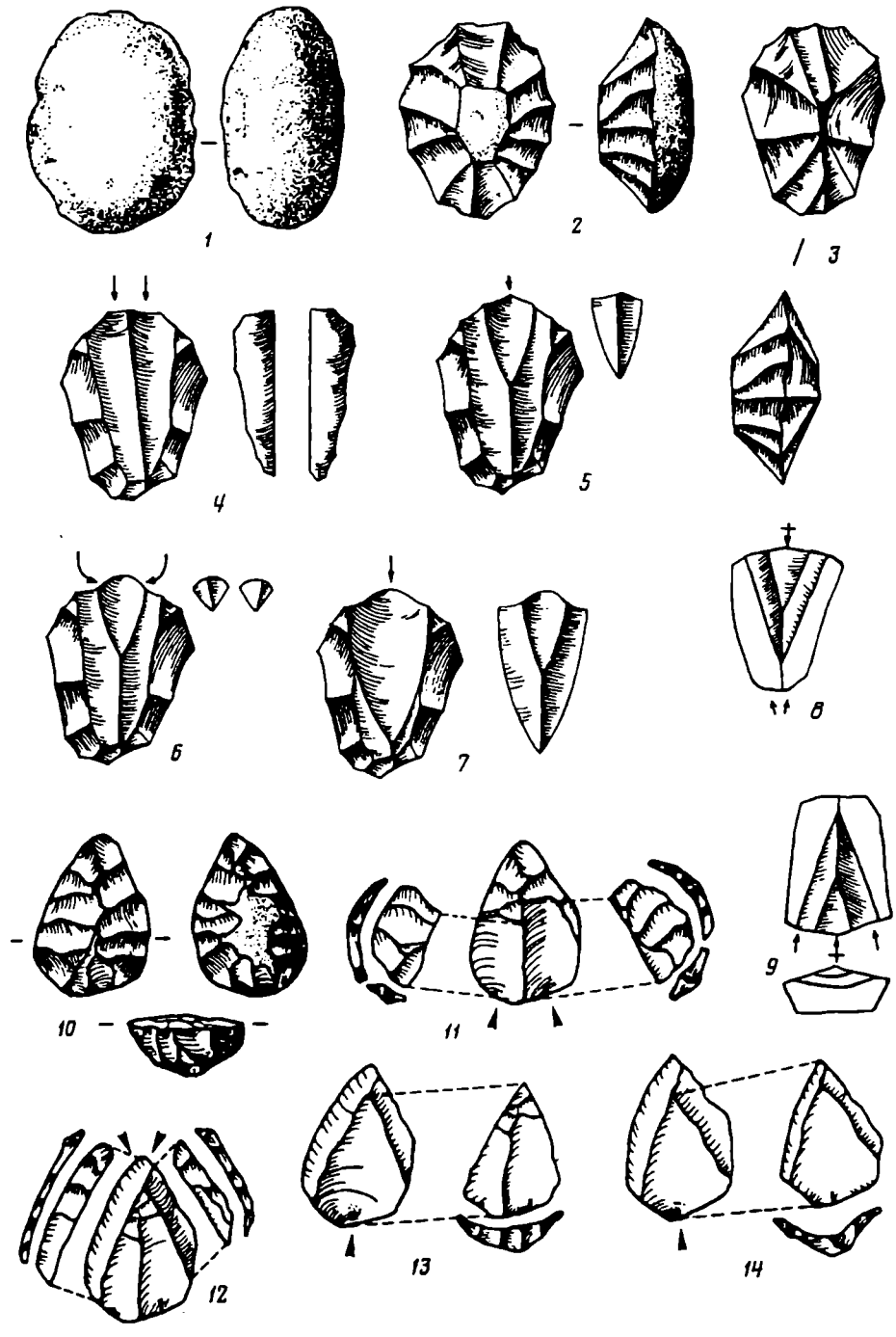


Рис. 3. Схемы получения леваллуазских остроконечников. *1—7* — по А. Леруа-Гурану [31]; *8, 9* — по Ф. Борду [30]; *10—14* — по Дж. Д. Кларку [34]

Выявление леваллуазских нуклеусов шло через ремонтаж, т. е. сначала определялся тот или иной скол леваллуа, а затем выяснялось, с какого нуклеуса и каким способом он снимался. Итоговое для своего времени оформление понятие «леваллуа» получает в работах Ф. Борда 50-х — начала 60-х годов (показательно, что его широко известное определение техники леваллуа дано через определение скола). Однако в советской литературе такое понимание вопроса не получило всесторонней поддержки. Мнения исследователей разделились: от включения в леваллуа только черепаховидных нуклеусов [4, с. 24] вплоть до включения призматических [22, с. 13]. Различия в понимании леваллуа, как мне кажется, можно свести к вопросу: что важнее — метод или результат? Те исследователи, которые во главу угла ставят конкретный метод получения скола леваллуа,

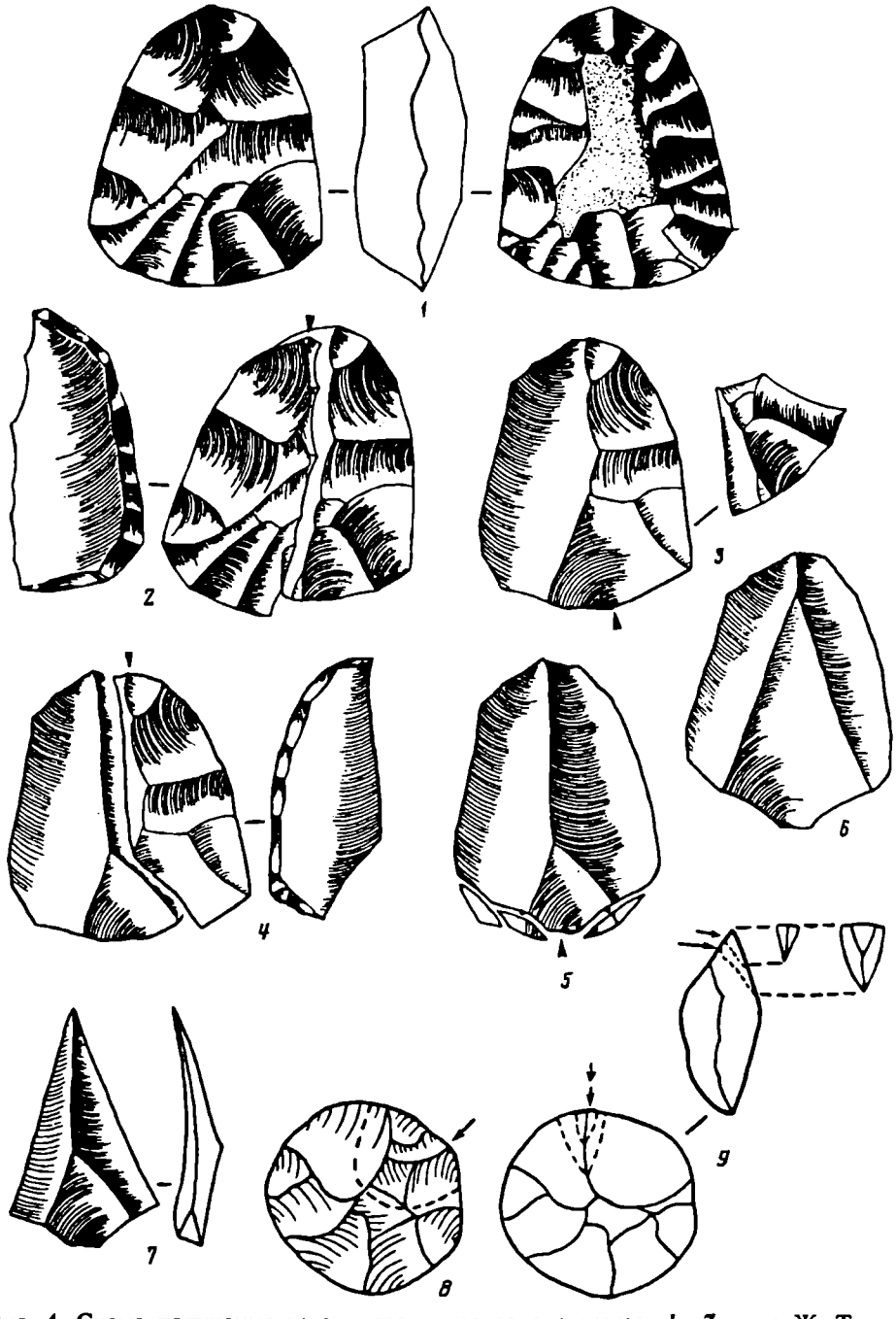


Рис. 4. Схема получения леваллуазских остроконечников. *1—7* — по Ж. Тиксье и др. [32]

сужают понятие «леваллуа» (только черепаховидные нуклеусы и сколы с них); те же, кто ставит во главу угла результат (т. е. качество скола), расширяют это понятие, включая и призматические нуклеусы, не учитывая, однако, при этом принципиального различия в технике скола.

Если подойти к вопросу о леваллуазском нуклеусе как к конкретному методу получения скола-заготовки, то логичнее называть леваллуазскими только черепаховидные нуклеусы: такое наименование впервые было применено именно к этим нуклеусам, да и технология получения скола с черепаховидного нуклеуса заметно отличается от технологии получения леваллуазского остроконечника «второго» снятия. Те схемы изготовления леваллуазского остроконечника «второго» снятия, которые предложили Ф. Борд [30] (рис. 3, *9*) и А. Леруа-Гуран [31] (рис. 3, *1—7*), крайне сомнительны. Прежде всего вызывает недоумение, почему вдруг после снятия пластин далее снимаются треугольные сколы? Ф. Борд счи-

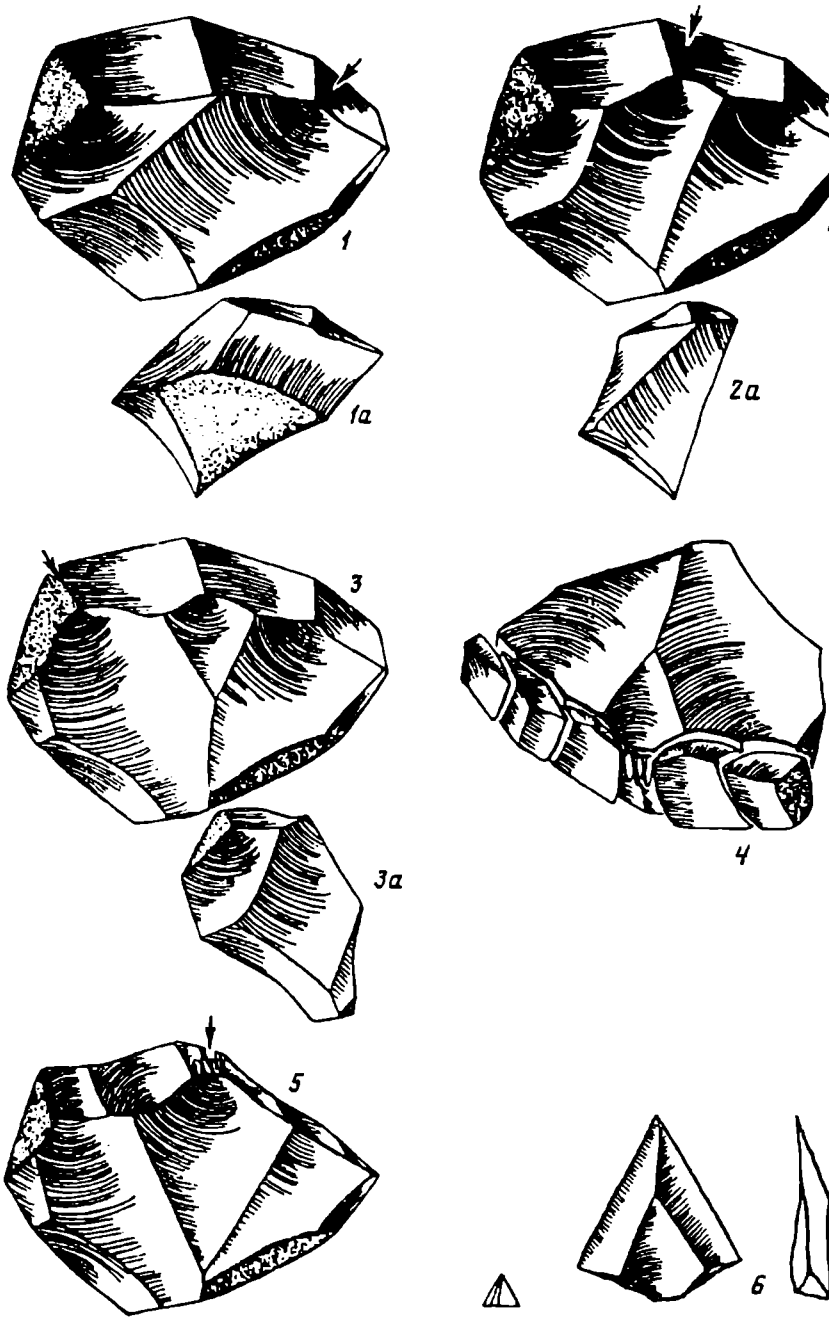


Рис. 5. Схема получения леваллуазского остроконечника «второго» снятия. По Ж. Тиксье и др. [32]

тает, что этому способствует «направляющее» ребро, образованное двумя негативами пластинчатых снятий. Однако это противоречит закономерностям расщепления: поскольку угол скалывания остается прежним, т. е. 80—85°, и оптимален для снятия удлиненных прямоугольных сколов, то и следующие сколы будут иметь прямоугольные, а не треугольные очертания. Леваллуазский остроконечник первого снятия (а за ним и второго) действительно можно получить, но лишь при остром угле скалывания. Только в этом случае плоскость расщепления отделит треугольный скол. Такая ситуация, т. е. еще не тронутая подправкой *сильно* скошенная ударная площадка и определенный рельеф поверхности расщепления, возникает иногда на радиальных нуклеусах (рис. 4, *8*, *9*). Кстати, еще Г. и А. Мортилье считали, что треугольные отщепы получались с дисковидных нуклеусов [27, с. 134]. Простая и эффективная технология изготовления острия «второго» снятия показана Ж. Тиксье [32] (рис. 5). Как видно из рис. 5,

никакого леваллуазского остроконечника первого снятия при такой технологии нет и быть не может. К такой же примерно технологии приходит и Р. П. Казарян [33]. Таким образом, для получения одного леваллуазского остроконечника «второго» снятия необходимо два-три подготовительных скола для создания на поверхности расщепления треугольно-выпуклой зоны, а не межфасеточного ребра, причем сколы эти по своей морфологии трудно отнести к отходам. Дж. Д. Кларк [34] показывает (правда, художник допустил множество ошибок) очень сложный и редкий вариант получения леваллуазских остроконечников первого и второго снятия, но опять же созданием треугольно-выпуклой зоны. И именно треугольно-выпуклая зона, а не межфасеточное ребро позволяет последовательно сколоть два остроконечника (рис. 3, *10—14*). Следует добавить, что создание такой зоны возможно не только слабоконвергентным (как указывают Ж. Тиксье и Р. П. Казарян) расщеплением, но и параллельным. На рис. (6, *1—7*) показаны два таких варианта. В первом случае обивкой боковых краев нуклеусу придается подтреугольная форма (или выбирается соответствующий предмет расщепления). Ширина поверхности расщепления при этом рассчитывается примерно на три скола. Затем снятием краевых сколов с ударной площадки создается треугольно-выпуклая зона (рис. 6, *1—4*). Во втором случае с любого нуклеуса параллельного скалывания оформляющие сколы снимаются при угле скалывания примерно 85°, что приводит к получению этих сколов с узкими проксимальными и широкими дистальными концами, которые также формируют треугольно-выпуклую зону (рис. 6, *5—7*).

Ж. Тиксье приводит еще одну технологию получения леваллуазского остроконечника «второго» снятия, хотя и считает ее крайне сложной [32, с. 50] (рис. 4, *1—7*); другие, отдаленно напоминающие один из вариантов Ф. Борда (рис. 3, *8*), описывают А. Е. Маркс и Ф. Волкман [5]. Во всех случаях леваллуазский остроконечник «второго» снятия получается без снятия леваллуазского остроконечника «первого» снятия. На «странную» особенность отсутствия леваллуазских остроконечников первого снятия обратил внимание А. К. Джафаров при изучении леваллуазских остроконечников Тагларской пещеры. Исследователь пишет: «Остроконечники первого снятия ... в коллекции практически отсутствуют. Те же 10 предметов, которые отмечены под этим названием, сколоты скорее всего с ядрищ призматических» [35, с. 73].

Таким образом, технология получения леваллуазских остроконечников «второго» снятия стоит гораздо ближе к технологии получения пластин (снятие сколов в параллельном или слабоконвергентном направлении), чем к технологии получения отщепов с черепаховидных нуклеусов [4]. В. Н. Гладилин [23] и Ю. В. Кухарчук [24], возражая против отнесения к леваллуа нуклеусов параллельного снятия, указывают на отсутствие цикличности при получении пластин и характерной якобы только для технологий изготовления отщепов и леваллуазских остроконечников «второго» снятия. Исследователи при этом не учитывают, что и при параллельном скалывании после снятия двух-трех леваллуазских пластин поверхность расщепления уплощается и нуждается в восстановлении выпуклого рельефа как в поперечном, так и в продольном сечении. В поперечном сечении рельеф «поднимается» либо снятием краевых сколов с основной ударной площадки, либо серией небольших снятий в поперечном направлении, а в продольном — обивкой дистального конца нуклеуса. Иначе уплощенность поверхности расщепления приводит к появлению заломов или к отсечению дистального конца нуклеуса (ныряющее окончание скола). Следовательно, процесс изготовления пластин столь же цикличен, как и процесс изготовления отщепов и острий. Любопытно, что В. Н. Гладилин и Ю. В. Кухарчук в конце концов относят к леваллуа и нуклеусы параллельного снятия («рокосовского» типа). В. Н. Гладилин в качестве образцового скола леваллуа изображает отщеп с параллельным огранением спинки [23, с. 44, рис. 4] (значит, все-таки важнее

[4] Об этом В. П. Любин писал еще в 1965 г. [36, с. 18].

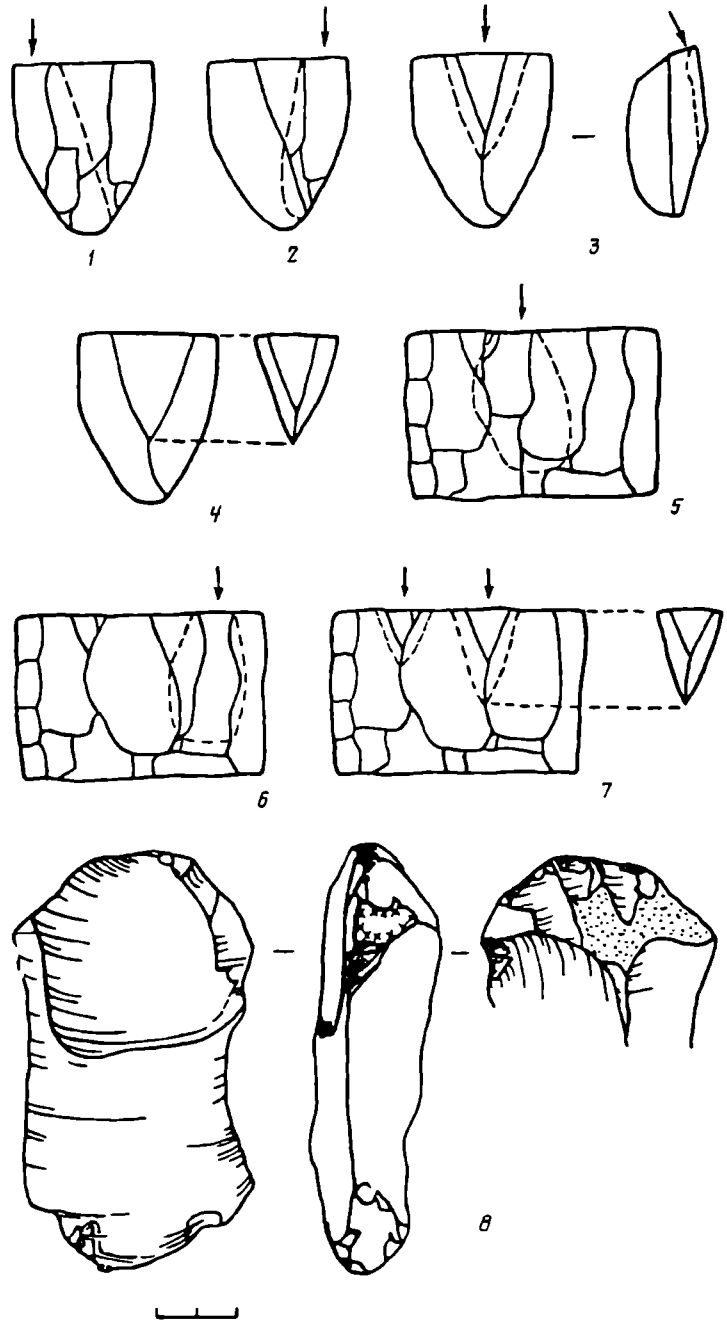


Рис. 6. *1—7* — схемы получения леваллуазских остроконечников «второго» снятия; *8* — нуклеус леваллуа, по Ю. В. Кухарчуку [17]

результат!). Ю. В. Кухарчук относит к нуклеусам леваллуа также и нуклеусы вообще без следов подготовки поверхности расщепления [17, с. 8, 9] (рис. 6, *8*) (опять важнее результат!). Это так называемая «техника комбева», наглядно показанная Ж. Тиксье [32] (рис. 7, *1—4*). Эта идея, как отмечает сам Ю. В. Кухарчук, не нова. Однако она имеет гораздо более глубокие корни, чем указывает автор. Еще в начале века с некоторой долей сомнения Н. Ф. Лэйярд относила такие нуклеусы к черепаховидным (рис. 7, *5*), указывая при этом, что подобные же образцы отмечаются д-ром Пиком «среди некоторых так называемых черепаховидных нуклеусов, найденных в Граймз Грэйв» [37, с. 154].

Таким образом, из положения, что в леваллуа входит не только метод получения отщепов, но и методы получения остроконечников либо остроконечников и пластин, логически вытекает, что важнее все-таки «результат» при

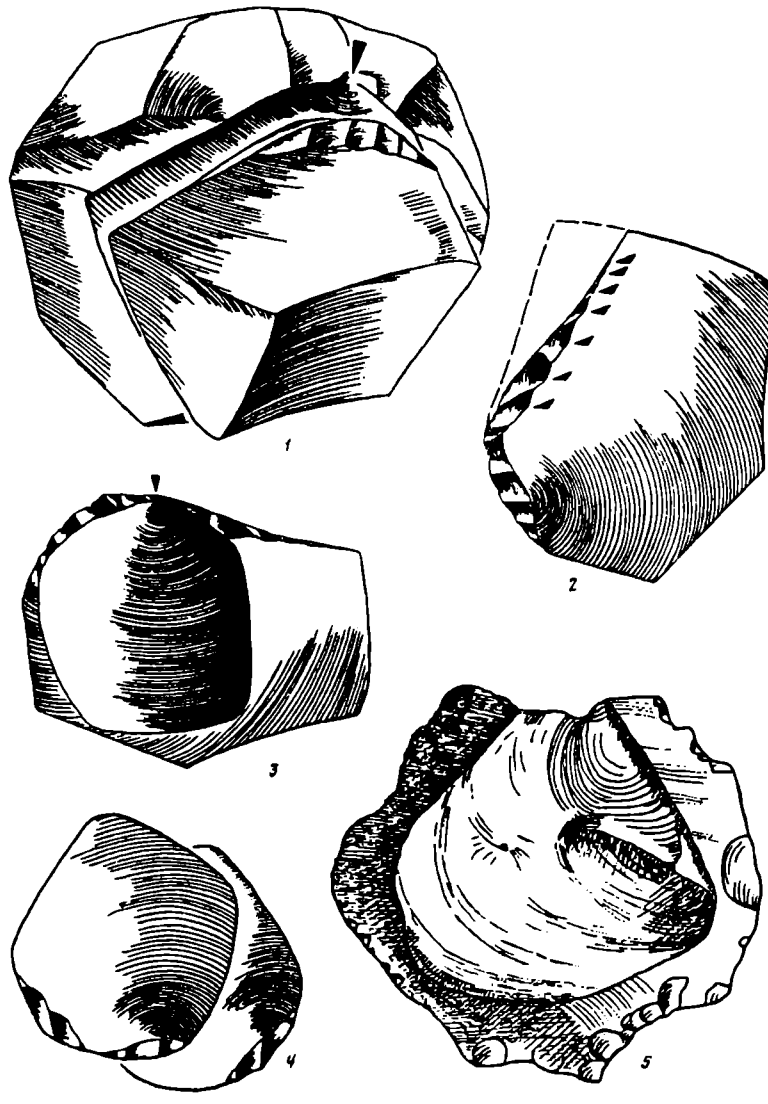


Рис. 7. *1—4* — «техника комбева», по Ж. Тиксье и др. [32]; *5* — черепаховидный (?) нуклеус, по Н. Ф. Лейярд [37]

единой технике скола, поскольку методы изготовления этих леваллуазских сколов достаточно различны.

Если сузить понятие «леваллуа» до конкретного метода (например, черепаховидные нуклеусы и сколы с них), то и в этом случае вопрос не станет более ясным, так как возможны несколько методов получения черепаховидных отщепов. Так, Э. Бойда выделяет три таких метода и считает, что они могут отражать культурные или хронологические различия [38, с. 66]. А. Е. Маркс и Ф. Волкман выделяют нелеваллуазские методы получения леваллуазских остроконечников «второго» снятия (к вопросу о значимости огранения спинки скола при определении его «леваллуазности») при единой, мустьерской технике скола!

Нет общего мнения и по вопросу о сколе леваллуа. Определение Ф. Борда: «... отщеп леваллуа есть отщеп, форма которого предопределена тщательной подготовкой нуклеуса перед снятием этого отщепа, по признанию самого автора, всем представляется недостаточным» [30, с. 45]. Это определение слишком расплывчато и позволяет включать в понятие «леваллуа» сколы и нуклеусы совершенно различной морфологии, на которых далеко не всегда представлены следы «тщательной подготовки» (да и какую подготовку считать необходимой и достаточной?), но другие признаки вроде бы позволяют отнести их к леваллуазским. Каждый скол предопределен если не подготовкой нуклеуса, то, во

всяком случае, рельефом поверхности расщепления, которая далеко не всегда нуждается в такой подготовке. Разработки проблемы леваллуа приводят исследователей к высказываниям типа, что «во многих случаях при снятии отщепов ... эти сколы снимали негативы более ранней обивки» [39, с. 68]; что «далеко не всегда можно решить, обивалась ли будущая плоскость раскалывания ... так как сколы уничтожают негативы обработки [39, с. 70]; что «сколы, относимые де Люмлеем или Бордом к леваллуазским отщепам, в огромном большинстве таковы, что могуть быть сколоты с любого ядрища» [39, с. 71]; что предварительная обивка нуклеуса не всегда была нужна, «когда сам материал отчасти или целиком давал кусок породы желаемой формы» [39, с. 68]. Подобные выводы можно найти и в статье В. А. Ранова [25], да и во многих других.

Таким образом, необходимо признать, что критерий «предопределительной тщательной подготовки» *не работает* при отнесении того или иного конкретного нуклеуса или скола к разряду леваллуа.

Но все-таки есть какие-то и другие, пусть не всегда явные основания для объединения некоторых отщепов, пластин, а также треугольных отщепов и пластин (остроконечников) в одну группу леваллуа. И таким основанием представляется «стремление мастера получать все более качественные заготовки» [40, с. 26]; «идея леваллуа ... получение стандартной, пропорциональной, удлиненной и тонкой заготовки разной формы» [25, с. 49]. Если принять эту точку зрения, то вполне правомерными становятся и такие определения сколов леваллуа: «Леваллуазская заготовка... это, прежде всего, заготовка удлиненных очертаний, относительно тонкая, одинакового сечения как в продольном, так и в поперечном разрезе» [25, с. 48]; «леваллуазские сколы — это сколы симметричные или полусимметричные, достаточно правильной ... формы, имеющие ... параллельную, субпараллельную или неправильную огранку» [41, с. 80, 81]. Иными словами, главное требование к леваллуазскому сколу — это требование к его рабочим характеристикам, а не к методу его получения. «Сущность леваллуазской техники ... состояла ... в изготовлении ... отщепов и пластин, максимально пригодных для использования в качестве заготовок или готовых ручных орудий» [41, с. 132]. Вот эта-то «сущность» и есть «результат», однако при соответствующей технике скола.

Уточняя вышеприведенные определения скола леваллуа, можно прийти к выводу, что *скол леваллуа* — это симметричный уплощенный прямопрофильный скол с ровным режущим краем максимальной протяженности и примерно одинаковым или плавно меняющимся углом заострения краев. Такие требования к сколу неизбежно приводят к его правильной геометрической форме: остроконечник — треугольный скол, пластина — вытянутый прямоугольник, отщеп — круг, овал, укороченный прямоугольник. Возможно и более дробное деление по форме, но оно не принято в археологической литературе. Предлагаемое определение — это определение идеального скола леваллуа, а в действительности всегда, конечно же, будут нюансы. В принципе, исходя из археологического материала, можно подобрать и метрические критерии угла заострения краев, плавности его изменения, симметричности и т. п. Разработки в таком направлении известны [40, с. 107]. Однако можно обойтись и без трудоемких измерений, если подойти к критериям скола леваллуа достаточно строго, не втискивать в эту категорию все, что попало, и не гнаться за процентами. Можно возразить, что в такое определение скола леваллуа попадают и пластины, снятые с призматических нуклеусов более поздних эпох. Это так, но следует учитывать, что призматическое расщепление это другая техника (включая и технику скола) и технология. При этом морфологические признаки проксимальных концов сколов позволяют достаточно уверенно отличать пластины, полученные плоскостным расщеплением, от пластин, полученных призматическим расщеплением. Нет ничего удивительного, что в ряде случаев одинаковые цели достигаются разными средствами — достаточно вспомнить различные способы изготовления леваллуазских остроконечников «второго» снятия, которые можно получить и призматической техно-

логией (таким методом Е. Ю. Гиря получал остроконечники четвертого снятия), но в последнем случае они будут иметь иные морфологические признаки проксимальных концов.

Существуют ли в рамках плоскостного принципа расщепления различия между леваллуазской и нелеваллуазской техниками как совокупностями технических приемов? Для этого надо сравнить набор приемов, применявшихся для получения леваллуазских и нелеваллуазских сколов. Если обратиться к примерам вариантов техники леваллуа, приводимым в различных работах, то можно выделить следующие группы приемов, применявшихся для изготовления этих сколов: 1) приемы подготовки формы нуклеуса — различная обивка тыльной и боковых сторон с целью придания предмету расщепления или его части необходимой формы; 2) грубая и тщательная подготовка ударной площадки при создании для данной разновидности сырья оптимального угла скалывания; 3) продольная, дистальная, краевая, полукруговая, круговая обивка поверхности расщепления с целью создания ее необходимого рельефа; 4) снятие заготовок различными приемами скалывания. Совсем не обязательно, чтобы эти приемы применялись все сразу на одном нуклеусе. Возражая против признака ретушированности ударной площадки как необходимого и обязательного для определения скола леваллуа, Ф. Борд писал: «Никакой палеолитический мастер не был настолько глуп, чтобы разрушать подходящую ударную площадку ради удовольствия нанесения на нее маленьких фасеток» [30, с. 45]. То же самое можно сказать и относительно всех остальных приемов: тот или иной прием применялся в случае *технологической необходимости*. Следовательно, и характер оформления ударной площадки, и огранка спинки скола далеко не всегда будут отражать тщательную подготовку, произведенную для предопределения формы скола, поскольку такая подготовка часто не была нужна при изготовлении «качественного», леваллуазского скола. Применение приема без технологической необходимости может свидетельствовать о традиции: так, часто нет необходимости в тщательном ретушировании ударной площадки — оптимальный угол скалывания можно создать и двумя-тремя сколами.

Для анализа нелеваллуазской техники вполне подойдет, как мне кажется, техника расщепления камня в Ильской 1 [42—44]. Обитателям стоянки были известны те же приемы расщепления, подготовки и подправки нуклеусов, которые применялись и для снятия леваллуазских заготовок. Однако знание этих приемов вовсе не приводило к изготовлению сколов леваллуа. На Ильской 1 те же приемы использовались для другой цели — для получения с данного нуклеуса заготовок максимально большего размера, а правильность очертаний сколов, их пропорции и пластинчатость стояли на втором месте.

Следовательно, техники леваллуа как совокупности каких-то особых технических приемов попросту нет. Становится понятным вывод В. Е. Щелинского: «... для полного определения леваллуазской техники надо связывать с ней не отдельные приемы и формы нуклеусов ... а фактически все основные приемы расщепления и все плоско сработанные нуклеусы ... включая и прием радиального снятия сколов, ибо эти приемы при подходящем сырье и использовании суммы необходимых технологических требований расщепления позволяли изготовлять сколы леваллуазских типов» [41, с. 85, 86]. Именно этот вывод иногда цитируется в литературе, но справедливости ради следует уточнить, что он не является окончательным, поскольку не совсем согласуется с заключением автора в конце статьи: «... различия в технологии изготовления леваллуазских и нелеваллуазских сколов достаточно существенны и находятся на уровне *различий ряда технических приемов...*» [41, с. 131] (курсив мой.— *Л. Н.*).

Однако нельзя и отрицать того факта, что существуют как леваллуазские, так и нелеваллуазские индустрии. Более того, в рамках леваллуазских индустрий выделяются индустрии, направленные на изготовление леваллуазских заготовок того или иного типа [39, с. 72], которые определяли и типы орудий. Конечно, в большинстве случаев леваллуазские индустрии приурочены к выходам сырья, но если бы обилие исходного материала сразу же приводило и к изготовлению

леваллуазских заготовок, то не стоило бы и обсуждать проблему. Но Ф. Борд отмечает, что «мустьерцы с ашельской традицией из Пеш де ль'Азе, например, едва использовали этот метод (леваллуа), хотя они и знали о нем, в то время как мустьерцы из ле Мустье, явно их современники, не имевшие никакого сырья лучшего качества, использовали этот метод в большей степени» [45, с. 138]. То же самое наблюдается и в Ильской 1: обилие доломита и знание всех необходимых технических приемов не приводило к изготовлению леваллуазских заготовок.

Так что же какое леваллуа? Ответ на вопрос представляется в рассмотрении леваллуа как ряда различных технологий расщепления. Только определенная последовательность применения технических приемов, приводящая к созданию необходимого угла скалывания и необходимого и специфического рельефа части поверхности расщепления (специфика выпуклости — треугольная, овальная и т. п., но не огранки), позволяет получать заготовки леваллуазского типа. Все разнообразные варианты расщепления леваллуа — это различные технологии, которые объединяет цель — получение заготовок определенного, леваллуазского типа, разнообразных по форме, но имеющих и общие черты. И таких технологий может быть много, во всяком случае, больше, чем упомянуто в этой статье.

Итак, *леваллуа* — это ряд различных технологий расщепления камня, применяемых при плоскостном принципе расщепления, состоящих из совокупности технических приемов, употребляемых в определенной последовательности, направленных на получение симметричных уплощенных и прямопрофильных сколов с ровным режущим краем максимальной протяженности и примерно одинаковым или плавно меняющимся углом заострения краев. Такое понимание леваллуа целиком совпадает с одним из выводов В. Е. Щелинского, к сожалению, в дальнейшем им же самим отвергнутого: «Заготовки леваллуазских типов изготовлялись не какой-то особой техникой, а разными приемами и комбинированным применением разных приемов *единой* (курсив мой.— *П. Н.*) мустьерской техники расщепления камня, при этом с неодинаковой предварительной подготовкой ядрищ и даже без нее» [46, с. 39].

Технологии леваллуа по признаку направленности на получение сколов определенных пропорций и формы можно традиционно разделить на технологии изготовления леваллуазских отщепов, остроконечников «второго» снятия и пластин. Первые две не получили своего продолжения в позднем палеолите, и их можно считать тупиковыми в развитии технологии расщепления камня (хотя в какой-то мере технология получения отщепов возродилась в энеолите, но уже для другой цели и на качественно ином техническом уровне — нуклеусы Гран-Пресиньи). Эволюция последней привела к призматической технике и технологии позднего палеолита [5]. По отдельности почти все элементы призматической техники можно найти и в мустье, но в комплексе и в определенной последовательности они появляются только в последующую эпоху. Так, в индустрии Бокер Тактит, переходной, как считают А. Е. Маркс и Ф. Волкман [5, 6], от мустье к позднему палеолиту, технология расщепления почти призматическая, за исключением одной, но весьма существенной детали — техника скола остается мустьерской.

Обычно при рассмотрении проблемы леваллуа рассматривается и вопрос его происхождения. Технологии леваллуа выводят и из изготовления рубил, и из радиального нуклеуса, и из одноплощадочного. Мне представляется, что возможны все варианты, но суть не в этом. Для того чтобы прийти к леваллуазской технологии надо: 1) осознать, что плоскость расщепления снимает выступающую часть рельефа; 2) что плоскость расщепления можно направлять; 3) что этот рельеф можно: а) создать искусственно или б) подобрать на естественном камне, или в) увидеть в процессе расщепления; 4) должна возникнуть потребность в сколах, называемых леваллуа; 5) необходимы обильные и легкодоступные ис-

[5] Об этом также писал В. П. Любин в 1965 г. [36, с. 18].

точники крупного качественного сырья. По-видимому, длительное существование некоторых групп палеолитических людей рядом со значительными выходами подходящего сырья неизбежно приводило на определенном этапе эволюции человеческих способностей и к появлению леваллуазских технологий. Отсутствие такого материала не останавливало развитие техники, но вело к развитию нелеваллуазских технологий. Группы людей, достигших достаточно высокого уровня развития и длительно существовавшие в местах, бедных сырьевыми ресурсами, при передвижении в районы, богатые изотропными породами, нередко сохраняли свои старые, нелеваллуазские традиции в технологии расщепления камня.

Выделять ли нуклеусы леваллуа? В широком смысле нуклеус леваллуа — это любой уплощенный нуклеус с геометрически правильными негативами сколов. Однако если подходить строго, то все-таки неизвестно (при отсутствии ремонтажа), являлись ли даже последние сколы действительно леваллуазскими (они могли быть очень массивными, с заломами, с обушками и т. п.). Поэтому, вероятно, есть основания вообще отказаться от понятия «леваллуазский нуклеус». Заключение о направленности технологий расщепления (леваллуа — нелеваллуа) и их особенностях на том или ином памятнике следует делать, исходя из комплексного анализа орудий (с точки зрения заготовок), сколов и нуклеусов.

Конечная цель всякой первичной обработки камня, а значит, и технологии расщепления — это получение сколов-заготовок для изготовления орудий. Однако определить, какой скол можно считать заготовкой на данном памятнике, часто оказывается совсем не просто. У В. Н. Гладилина сколы до 2 см — отходы, свыше — заготовки [16, с. 25]; у В. Е. Щелинского такой рубеж определен в 3 см [41, с. 83]. Мне представляется, что эту границу надо устанавливать для каждого конкретного памятника в отдельности.

Таким образом была проанализирована коллекция кремневых орудий (включая отщепы с ретушью и сколы со следами «макроизноса») Ильской 1 из раскопок С. Н. Замятнина 1926 г.— 161 экз. Длина орудий (измерялась максимальная длина изделий) колеблется от 1,5 до 6 см. На основании этих данных был построен график. При подсчетах оказалось, что он соответствует закону нормального распределения. Отсюда можно сделать вывод, что размер 1,5 см не является случайным. Размеры орудий из доломита и алевролита больше кремневых, следовательно, для них будут свои критерии. Кроме того, представление о заготовке уточняется при рассмотрении орудий на сколах в целом: размеры, толщина, ударные площадки, распространение и особенности ретуши, огранка спинки. Последняя также указывает на характер технических приемов. Можно попытаться сопоставить специфику огранки и формы сколов с тем или иным типом орудий.

Получив примерное представление о заготовке, имеем больше оснований для выделения из коллекции сколов-отходов. Среди орудий на сколах и прочих сколов необходимо выделить и проанализировать «технологически значимые сколы», т. е. сколы подготовки, подправки, переориентации и т. п. Сколы-заготовки рассматриваются с учетом их пропорций и формы по группам: леваллуа и нелеваллуа, отщепы и пластины. Основное внимание уделяется направлению негативов сколов на спинке и соотнесению его с направлением скалывания на брюшке. Учитывается характер ударных площадок: точечные, продольные, естественные (т. е. естественная поверхность камня или корка), оформленные (изготовленные одним — тремя относительно крупными сколами) и подправленные (фасетированные), а также степень их выпуклости. Давать более дробную классификацию площадок типа «скошенных» и «асимметричных», как кажется, не следует, так как такие площадки получаются непреднамеренно. Нуждается в обосновании и выделение «изогнутых» площадок. Выявление технических приемов по морфологии сколов имеет ряд трудностей: несомненно, лучшая часть сколов не представлена в коллекции или значительно изменена вторичной обработкой; большое количество сколов будет неопределимо даже по принципу расщепления (первичные); скол, как правило, захватывает не всю поверхность расщепления,

а только ее часть и поэтому дает приблизительное представление о приемах; сколы с конвергентной огранкой определимы только на уровне способа; трудно различить (а часто и невозможно) сколы, снятые по параллельному плоскостному и протопризматическому принципам расщепления; сколы однонаправленного параллельного приема с негативами поперечной подправки легко отнести к ортогональному приему и т. п. Частично преодолеть эти трудности помогает процентное соотношение сколов по огранке спинки. Так была проанализирована коллекция сколов Хадыженского местонахождения. Примерно 20% сколов неопределимы. Сколы с продольно-поперечной огранкой составляют около 30% от сколов с параллельной; сколы со встречной огранкой составляют примерно 8% от сколов с параллельной огранкой; процент остальных сколов очень небольшой.

Для выяснения смысла этих процентов были проведены эксперименты (пока очень незначительные): расщепление кремневого желвака приемом параллельного встречного скалывания при частой смене площадок. Оказалось, что около 20% сколов неопределимы, а сколы со встречной огранкой составляют 35—40% от сколов с параллельной огранкой. Учитывая, что часть сколов Хадыженского местонахождения в коллекции не представлена, процентные соотношения оказываются достаточно близки к экспериментальным исследованиям. Следовательно, основные приемы скалывания параллельного способа расщепления на памятнике — параллельный и ортогональный, а подправка поверхности расщепления осуществлялась в основном во встречном направлении. Без сомнения, такое заключение пока может рассматриваться только как предварительное, как рабочая гипотеза, поскольку требуются более широкие экспериментальные разработки. Для сравнения, в коллекции Антоновки 1 отщепы с ортогональной и встречной огранкой составляют от отщепов с параллельной огранкой 3,8 и 6,7% соответственно, пластины — 0 и 12,8%, в Антоновке 2—5,8 и 6,7%, 8,4 и 7,6% [16], в Рихте — 3 и 5,4%, 5,8 и 3,8% [17], т. е. основной прием скалывания, вероятно, параллельный (плоскостного принципа расщепления).

Анализ нуклеусов, так же как и сколов, должен быть направлен на выявление технических приемов. Инструментом такого анализа и промежуточным этапом исследования техники и технологии расщепления может служить классификация нуклеусов. Наиболее дробной является классификация В. Н. Гладилина. В ней учитываются многие признаки, существующие в тех или иных классификационных разработках и описаниях нуклеусов. Классификация иерархическая, построена на основе правила деления объема понятия, стройна и непротиворечива. Нуклевидные формы подразделяются исследователем «на классы по степени использования (нуклеусы, пренуклеусы), на отделы — по принципу скалывания (примитивные, леваллуазские, протопризматические), на группы — по направлению снятий, количеству и расположению рабочих поверхностей, на типы — по форме и характеру оформления тыльных сторон, на подтипы — по особенностям подготовки ударных площадок, на разновидности — по использованным заготовкам» [16, с. 31]. Хотя схема В. Н. Гладилина имеет и ряд достоинств, в частности выделение групп «по направлению снятий, количеству и расположению рабочих поверхностей», т. е. по приемам скалывания и расположению систем скалывания на предмете расщепления, не со всеми принципами и признаками, положенными в основу классификации, можно согласиться. Не обосновывается отнесение нуклеусов в начальной стадии расщепления к классу пренуклеусов, вызывает возражение объединение радиальных и бессистемных нуклеусов [16, с. 36], выделение леваллуазских нуклеусов. Непонятно, какое значение имеет форма нуклеуса в плане и в профиль, если нет следов намеренного ее создания или подбора; столь ли уж весомы для включения в разряд классификационных признаки «особенностей подготовки ударной площадки» и «использованной заготовки»? Характерно, что Ю. В. Кухарчук, практически целиком принявший схему В. Н. Гладилина, классифицирует нуклеусы только до уровня типа [17, с. 61—65, табл. 1—3], а особенности ударных площадок и заготовок нуклеусов выражает в процентах сразу для всего отдела [17, с. 7, 10]. В классификации В. Н. Гладилина

не учитываются такие важные технические признаки, как приемы подправки поверхности расщепления. Поэтому представляется более правомерным принять в качестве отправного пункта идеи, заложенные в классификации В. П. Любина, основанной, как справедливо отметил И. И. Коробков [3, с. 11], на техническом принципе. Автор классифицирует нуклеусы на основании приемов расщепления: конвергентного — нуклеусы в форме «раскрытого веера», параллельного — одноплощадочные, встречного — двуплощадочные, а также их комбинации — многоплощадочные нуклеусы; учитывает и подготовку поверхности расщепления — черепаховидные нуклеусы [36, с. 27].

На основании предшествующих классификационных и экспериментальных разработок, направленных на изучение техники расщепления, мною сделана попытка иерархической классификации нуклеусов, в основе которой лежат признаки технических приемов первичной обработки камня [44]. На первом уровне все нуклевидные подразделяются на: 1 — пренуклеусы и пробные «нуклеусы», 2 — нуклеусы, 3 — нуклевидные обломки. На следующем уровне нуклеусы дифференцируются по принципу расщепления на плоскостные, протопризматические и бессистемные. Далее плоскостные и протопризматические нуклеусы подразделяются по способу расщепления на конвергентные и параллельные (впрочем, для протопризматических нуклеусов такое подразделение достаточно условно и пока не находит должного обоснования).

На следующем таксономическом уровне выделяются группы. Принципы их выделения: наличие приемов скалывания и их комбинации, а также расположение системы скалывания на предмете расщепления. *Системой скалывания* является одна или несколько ударных площадок и поверхность нуклеуса, с которой производилось отделение заготовок. Иначе говоря, это отражение в рельефе поверхности расщепления приема скалывания. Так, при параллельном встречном скалывании системой скалывания будут две противоположные ударные площадки и негативы от сколов, снятых с этих площадок.

Нуклеусы, расщепление которых производилось более чем одним приемом, выделяются в отдельные группы, чтобы получить представление об облике нуклеуса в целом, не расчленяя его на отдельные системы. По расположению системы скалывания на торце предмета расщепления торцовые нуклеусы отделяются от прочих.

Подгруппы выделяются по наличию или отсутствию приемов подправки поверхности расщепления и тыльной или боковых сторон, по количеству систем скалывания одного приема скалывания. Выделение подгруппы по форме возможно только при наличии следов соответствующей обработки, придавшей нуклеусу определенные очертания или при намеренности выбора предмета расщепления заданной формы. Продольные и поперечные экземпляры разделять, видимо, не следует, если характер негативов указывает на снятие с них сколов сходных размеров и пропорций.

Классификация по приведенной схеме не исключает обычного описания нуклеусов, в котором указываются степень подготовки ударных площадок к расщеплению и другие особенности. Классификация не является конечной целью изучения нуклеусов, а лишь дает представление об облике нуклеусов в целом и отчасти группирует их по приемам расщепления. Ее данные могут быть сведены в таблицу. Классификация является вспомогательным средством для составления таблицы технических приемов, способов и принципов расщепления, применявшихся при первичной обработке камня, а также для выявления особенностей последовательности срабатывания различных сторон предмета расщепления, если такие особенности имеются.

Сравнение данных анализа орудий (как заготовок), сколов и нуклеусов позволяет сделать выводы о случайности некоторых признаков, исключить их из рассмотрения и восстановить основные технические приемы, технологии и цели расщепления на конкретном памятнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Riet Lowe van C.* The evolution of the levallois technique in South Africa//Man. L. 1945. V. 45. № 37.
2. *Bordes F.* Principes d'une methode d'etude des techniques de débitage et de la typologie du paleolithique ancien et moyen//L'Anthropologie. 1950. T. 54. 1—2.
3. *Коробков И. И.* О методике определения нуклеусов//СА. 1963. № 4.
4. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
5. *Marks A. E., Volkman P.* Changing core reduction strategies: a technological shift from the Middle to the Upper Paleolithic in the Southern Levant//Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistocen. Brit. Archaeol. Rep. Internat. Ser. 164. Oxford, 1983.
6. *Marks A. E., Volkman P.* Technological variability and change seen through core reconstruction// The human uses of flint and chert. L., 1983.
7. *Speth J. D.* Mechanical basis of percussion flaking//Amer. Antiquity. 1972. V. 37. № 1.
8. *Johnson L. L.* A history of flint knapping experimentation, 1838 — 1976//Current Antropol. 1978. V. 19. № 2.
9. *Spurrell F. C. J.* On implements and chips from the floor of a paleolithic workshop//Archaeol. 1880. V. 37. № 145.
10. *Spurrell F. C. J.* On the discovery of the place where palaeolithic implements were made at Crayford//Quart. J. Geol. Soc. London. 1880. V. 36.
11. *Spurrell F. C. J.* Palacolithic knapping-tools and modes of using them with special reference of Crayford and Northfleet//J. Anthropol. Inst. 1883. V. 13.
12. *Дороничев В. Б.* Изучение техники расщепления нуклеусов как системы взаимосвязанных технологических процессов по материалам Абадзехского местонахождения в Майкопском районе// Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1986.
13. *Дороничев В. Б.* Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода// СА. 1991. № 3.
14. *Smith R. A.* A palaeolithic industry at Northfleet, Kent//Archaeologia of Miscellaneous tracts relating to antiquity. Oxford, 1911. V. 62. Pt. 2. Second. ser. V. 12. Pt. 2.
15. *Commont V.* L'industrie moustéreenne dans la region du Nord de la France//Congr. prehistor. France. 5-e ses. P., 1909.
16. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
17. *Кухарчук Ю. В.* Палеолит Юго-Запада СССР и сопредельных территорий. Рихта. Киев, 1989.
18. *Bradly B.* Comments on the lithic technology of the Casper site materials//The Casper site. A Hell Gap bison kill on the High Plains. N. Y., 1974.
19. *Newcomer M. N.* «Punch Technique» and upper paleolithic blades//Lithic Technology. Making and Using stone tools. P., 1975.
20. *Audouze F., Cahen D., Keeley L.-H., Schmider B.* Le site magdalénien du Buisson Campin à Verberie (Oise)//Gallia prehistoire. 1981. V. 24.
21. *Гладилин В. Н.* К вопросу о технике леваллуа//Проблемы палеолита Центральной и Восточной Европы. Л., 1977.
22. *Смирнов С. В.* Значение леваллуазской техники в древнекаменном веке//СА. 1978. № 4.
23. *Гладилин В. Н.* Что же такое «техника леваллуа»?//Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989.
24. *Кухарчук Ю. В.* К историографии проблемы леваллуа//Каменный век: памятник, методика, проблемы. Киев, 1989.
25. *Ранов В. А.* Парадокс леваллуа//Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989.
26. *Смирнов С. В.* К проблеме становления производства//Теория и методы археологических исследований. Киев, 1982.
27. *Мортилье Г. и А.* Доисторическая жизнь. СПб., 1903.
28. *Обермайер Г.* Доисторический человек. СПб., 1913.
29. *Осборн Г. Ф.* Человек древнего каменного века. Л., 1924.
30. *Bordes F.* La débitage Levallois et ses variantes//Bull. Soc. préhistor. francaise. 1980. V. 77. 2.
31. Histore générale des techniques. V. 1. Les origenes de la civilisation technique. P., 1962.
32. *Tixier J., Inizan M. I., Roche H.* Préhistoire de la pierre taillée. I. Terminologie et technologie. P., 1980.
33. *Казарян Р. П.* К проблеме техники леваллуа//Истор.-филол. журн. 1981. № 3 (94).
34. *Clark J. D.* The Middle Stone Age of East Africa and the beginnings of regional identity//J. World Prehistory. 1988. V. 2. № 3.
35. *Джафаров А. К.* Леваллуазские остроконечники Тагларской пещеры//КСИА. 1981. Вып. 165.
36. *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий//МИА. 1965. № 131.
37. *Layard N. F.* The Mundford pebble industry//Proc. Prehistoric Soc. East Anglia. L., 1919.
38. *Boëda E.* Approche technologique de la variabilité de la methode levallois: industries, de Bagarre et Corbehem (Pas-de-Calais)//Bull. Assoc. francaise pour etude Quaternair. P., 1982. 2—3.
39. *Григорьев Г. П.* Проблемы леваллуа//МИА. 1972. № 185.
40. *Ранов В. А.* Семиганч — новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане//МИА. 1972. № 185.

41. *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций каменных орудий мустьерской эпохи//Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
42. *Нехорошев П. Е.* Сырье и нуклеусы мустьерской стоянки Ильская 1//КСИА. 1987. Вып. 189.
43. *Нехорошев П. Е.* Нуклеусы как показатель особенностей техники и технологии расщепления камня//Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988.
44. *Нехорошев П. Е.* Техника расщепления мустьерской стоянки Ильская 1//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1989.
45. *Bordes F.* The Old Stone Age. N. Y., 1968.
46. *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий: Дис. ... канд. ист. наук//Архив ЛОИА АН СССР. 1974. Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 209, 210.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

P. E. NEKHOROSHEV

ON THE METHODS OF STUDY OF THE LOWER PALAEOLITHIC STONE FLAKING TECHNIQUE AND TECHNOLOGY

Summary

The article is devoted to the technological study of stone industry. The methods used are based on the experimental data and tools, flakes and cores analysis. The need of stone technology reconstruction for each certain site is stressed. The author presents some definitions, such as fracture plain, technical way, flaking, way of preparation and rejuvenation, knaping technique, technique and technology of flaking and others. A conclusion is made that Levallois is not a psecial technique, but different technological sets directed to the producing of high-quality blanks. The significance of experimental data are shown and some stages of flaking technique and technology characterized. 1). The typical blanks and way of their production are outlined. 2). The flakes of technological character and some technical ways are distinguished. 3). The analysis of cores is based on reconstruction of flaking process, and a new hierarchical classification of cores is proposed. 4). After comparison of the results of the tools, flakes and cores analysis the main technical ways, technologies and aims are reconstructed for each certain site. Such a method would be of importance in cultural and chronological investigations.

С. А. КУЛАКОВ

ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ НА АБАДЗЕХСКОМ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ

(Северный Кавказ)

Абадзехское нижнепалеолитическое местонахождение открыто П. У. Аутлевым в 1958 г. в районе одноименной станицы в долине р. Белая (приток р. Кубань) [1]. Первооткрыватель памятника, основываясь на типологическом анализе, сохранности и условиях залегания находок, выдвинул предположение об их однородности и позднеашельском возрасте [1, с. 19—26, 106], что впоследствии как будто было подтверждено естественнонаучными методами [2; 3. с. 14, 15].

Яркой особенностью абадзехской коллекции является явное преобладание в составе находок нуклеусов и сколов над орудийными формами. Так, в монографии П. У. Аутлева [1, с. 106] опубликовано 150 нуклеусов, 1800 отщепов, 15 ручных рубил, 110 грубых рубящих форм, 60 скребел и 7 остроконечников, в общей сложности 2142 изделия. Благодаря любезности П. У. Аутлева автор смог изучить новую, не вошедшую в монографию коллекцию с Абадзехского местонахождения, собранную начиная с 1963 г. и хранящуюся в г. Майкопе. Она насчитывает 2093 предмета, что составляет почти половину всей коллекции памятника, и состоит из следующих классов изделий: нуклевидные — 441 экз. (21%), сколы — 1577 экз. (70%), орудийные формы — 75 экз. (4%). Таким образом, в целом на Абадзехском местонахождении собрано 4235 предметов: 3377 экз. сколов (80%), 591 экз. нуклевидных (14%) и 157 бесспорных орудий (4%).

Такой набор находок позволяет предположить, что Абадзехское местонахождение — это памятник, содержащий остатки специфической хозяйственной деятельности первобытного человека, а именно остатки процесса расщепления кремневого сырья для получения сколов, использовавшихся, по всей видимости, в качестве заготовок для орудий. Таким образом, перед нами памятник типа мастерской. Однако для нижнего палеолита в отличие от более поздних эпох каменного века пока не доказано существование стоянок, специализированных только как мастерские. Скорее всего, на памятниках, подобных Абадзехскому местонахождению, первобытные люди не только занимались тем или иным производством, но и жили там же. Поэтому вполне правомерно предложение В. П. Любина выделять среди нижнепалеолитических памятников стоянки, которые «являлись одновременно и мастерскими и лагерями» [4, с. 55]. Абадзехское местонахождение и будет, по всей видимости, такой мастерской-стоянкой [1].

Специфика памятника заставляет нас отказаться от традиционного типологического анализа каменных изделий коллекции, так как последний не раскрывает сути явлений, представленных в предметах, происходящих из мастерской. На Абадзехском местонахождении она заключается в оставленных на месте свидетельствах технологического процесса срабатывания нуклеусов (специально оформленных или надлежащим образом ориентированных кусков сырья) с целью получения сколов.

Нижнепалеолитические нуклеусы, по убеждению автора, не могут быть тра-

[1] Термин предложен А. Е. Матюхиным.

© С. А. Кулаков, 1993 г.

дицонно типизированы как не обладающие достаточно устойчивым сочетанием признаков. Их морфология и форма сами по себе не являлись целью и специально не достигались, а служили лишь средством для получения сколов — конечной цели расщепления. Морфология таких сколов (сколов-заготовок) вполне может быть типизирована, так как она была заранее смоделирована и задана. Сколы эти серийны, ибо древний мастер имел некую модель и в соответствии с этим применял те или иные известные ему способы и средства ее достижения. По всей видимости, такие сколы-заготовки в самой мастерской не использовались, а с нее уносились для дальнейшей утилизации. На месте оставались, вероятно, лишь утерянные и неудачные экземпляры. Оставались здесь же, на месте производства, неудачные и сработанные нуклеусы на разных стадиях расщепления, а также сколы, которые не являлись целью данного производства. Такие сколы — вспомогательные (технологические) — вместе с ядрищами служили средством достижения конечной цели расщепления. Но на тех или иных стадиях технологического процесса они снимались в качестве конкретной, маленькой цели этой стадии. Технологические сколы, так же как и нуклеусы, не имеют заданной, серийной формы, в то же время возможна их группировка по цели скалывания и особенностям морфологии.

Орудийный набор с мастерских возможно анализировать и с позиций типологического метода, но при этом, как представляется, необходимо учитывать, что эти орудия во многом особенные. Среди них, как правило, преобладают всевозможные грубые рубящие, скребловидные, клювовидные формы и, что всегда вызывает сомнения, многочисленные зубчато-выемчатые изделия. При их выделении и изучении необходим, как считает автор, чрезвычайно критический подход, и всякое сомнение должно служить в пользу нерассмотрения того или иного предмета в качестве орудия.

Таким образом, для изучения индустрий, происходящих с мастерских, мастерских-стоянок, является закономерным, более того — необходимым, применение **технологического анализа.**

Критерии технологии при рассмотрении так называемой «техники первичного расщепления» в той или иной мере учитывались многими советскими исследователями, зачастую, правда, на интуитивном уровне [4—10]. Однако изучение процесса расщепления сводилось при этом только к чисто типологической классификации ядрищ, которая никак не вскрывает сути процессов обработки камня. Более продуктивным подходом в изучении первобытного производства является восстановление его технологии и техники. В советском палеолитоведении основы этого направления были заложены еще в 20-е годы Г. А. Бонч-Осмоловским [11]. Новыми шагами в исследовании палеолитического производства стали идеи, высказанные В. Е. Щелинским [12, 13], Р. Х. Сулеймановым [14—16], Р. П. Казаряном [17, 18]. Ими были сделаны первые опыты определения метода технологического анализа каменных материалов, предложены многие понятия и основы его использования. Особо следует отметить разработки Р. Х. Сулейманова для изучения нуклеусов стоянки Оби-Рахмат [14, 15]. Целенаправленным познанием палеопроизводств непосредственно с применением технологического анализа стали заниматься в советском палеолитоведении молодые исследователи в 80-е годы [19—24].

Автору наиболее близко сформулированное Е. Ю. Гирей понимание технологического анализа как метода «изучения конкретных способов и средств изготовления изделий, для чего при анализе конкретной индустрии необходимо установить цель (или цели) расщепления, после чего определить технику скола и морфологии предмета расщепления. Таким образом может быть установлен конкретный для данной индустрии способ изготовления тех или иных орудий, что по сути и является реконструкцией технологии расщепления» [2]. Для изучения

[2] Доклад Е. Ю. Гири «Приемы получения пластин. Технологический анализ», прочитанный на заседании Отдела палеолита ЛОИА АН СССР 31 октября 1988 г.

нижнепалеолитической технологии и техники расщепления в настоящий момент наиболее интересными представляются методические разработки анализа нуклеусов, предлагаемые П. Е. Нехорошевым [21, 22].

Работы В. Б. Дороничева [23, 24], также направленные на технологический анализ нижнепалеолитических индустрий, по своей сути отличаются от понимания этого метода Е. Ю. Гирей и П. Е. Нехорошевым. Подробнее методику применения технологического анализа В. Б. Дороничевым удобнее рассмотреть по работе, специально посвященной им «технике расщепления» камня на Абадзехском местонахождении [24]. В качестве основы изучения предлагается анализ 166 нуклеусов памятника путем выделения на них и «анализа систем снятий» [24, с. 81], понятие о которых заимствовано у В. П. Любина [4]. Сама же «техника расщепления» индустрии рассматривается исследователем как система «трех взаимосвязанных технологических процессов»: «техники подготовки нуклеуса», «техники скалывания» и «техники утилизации ядрища» [24, с. 80]. Выделение этих процессов вполне оправданно, так как они действительно отражают закономерности расщепления. К сожалению, в статье не анализируется сама взаимосвязь составляющих «технику расщепления». Отсюда и проистекает то, что «техника утилизации», которая восстанавливается как раз на основе количества и расположения выделенных «систем снятий» и как бы замыкает этот ряд, приобретает первостепенное значение при изучении индустрии. На самом же деле, утилизация нуклеусов скорее всего не являлась особой целью деятельности древнего мастера, а только служила средством достижения определенных результатов конкретного расщепления. Вызывает возражение и то, что В. Б. Дороничев каждую «систему снятий» априорно принимает за самостоятельную и самоценную единицу «динамического технологического анализа» [23]. Более закономерным было бы определение вначале значимости каждой выделяемой «системы» в процессе получения сколов, являющихся целью данного расщепления. Вероятно, недооценка этого приводит автора к основной методической ошибке — отказу от анализа вместе с нуклеусами и сколов как неразрывных частей процесса расщепления. Поэтому палеотехнология расщепления камня на Абадзехском местонахождении в результате некритического выделения возможных «систем снятий» затеняется построением на основе их комбинации «схемы техники утилизации» нуклеусов [24]. Последняя, однако, вполне может быть в чем-то показательной, но не отражает сути данного палеопроизводства. Соглашаясь с представлениями, высказываемыми Е. Ю. Гирей [19, 20] и П. Е. Нехорошевым [21, 22], автор настоящей статьи понимает под **технологией** совокупность сведений о способах обработки и процессах обработки того или иного сырья для получения изделий; под **техникой расщепления** — совокупность приемов и средств, применяемых для достижения оптимальных результатов при обработке того или иного сырья для получения изделий. Исходя из этого, можно полагать, что технология и техника расщепления конкретной индустрии реализуются и, следовательно, могут быть восстановлены в форме и морфологии всех компонентов, участвующих в процессе производства. Отсюда следует, что для многих мастерских это будет прослеживаться в предметах расщепления — нуклеусах, продуктах расщепления — сколах-заготовках и в технологических сколах как части средств расщепления.

Под **технологическими сколами** подразумеваются сколы подготовки, переоформления и подправки нуклеусов в процессе получения сколов-заготовок. Они предназначались для создания наиболее оптимальных условий при скалывании, а именно необходимых морфологий поверхностей расщепления, ударных площадок и углов скалывания. Критериями выделения этих сколов будут те или иные целесообразности их снятия, выражавшиеся в специфичности морфологий сколов. В материалах конкретной индустрии встречаются технологические сколы, о целесообразности которых зачастую трудно сказать что-либо определенное; поэтому вслед за Е. Ю. Гирей, автор вводит понятие «технологически значи-

мые сколы», в число которых включаются технологические сколы с достаточно определимой целью снятия.

Основной единицей технологического анализа является понятие **технического приема**. Это «конкретный метод управления плоскостью расщепления, проявляющийся в определенном сочетании морфологии предмета расщепления и техники скола и направленный на достижение определенной цели» [20]. Технологию и технику расщепления камня, как представляется, можно описать тремя основными группами технических приемов: приемы подготовки и оформления, приемы скалывания, приемы подправки и переоформления.

Использование технических приемов для получения сколов-заготовок происходит, по всей видимости, в системе двух **принципов расщепления — плоскостного и призматического**, определение [21, с. 53, 54] и различие [22] которых наиболее удачно сформулировано П. Е. Нехорошевым. Для нижнепалеолитических памятников, как правило, фиксируется наличие первого принципа — плоскостного и зарождение второго, которое получило название «протопризматического». Последний, по всей видимости, отличается от плоскостного в основном количеством поверхностей скалывания и степенью выпуклости «поперечной дуги» поверхности расщепления [14, с. 127], приближающейся к настоящей призматической.

Приемы подготовки ядрищ — это методы, направленные на создание или выбор такой ситуации на предмете расщепления, при которой только и возможно начало расщепления. Эти приемы нацеливаются на оформление и подготовку поверхности расщепления, ударной площадки, на создание, если необходимо, подготовленной формы нуклеуса и проявляются в морфологии. Равным образом и морфология некоторых групп технологических сколов показывает применение тех или иных приемов подготовки.

Приемы скалывания заготовок — это методы, направленные на выбор направления и последовательности нанесения ударов, снимающих заготовки. На нуклеусах приемы скалывания запечатлеваются во взаимоотношении и количестве сопряженных поверхностей скалывания и ударных площадок, что аналогично «системе снятий сколов» В. П. Любина [4, с. 26]. Для удобства анализа ядрищ предлагается тот или иной прием скалывания рассматривать через конкретные *способы* его реализации, которые определяются расположением и морфологией негативов сколов-заготовок на поверхности расщепления. Для плоскостного принципа расщепления можно предположить следующие основные приемы скалывания с их способами; 1) односторонне-одноплощадочный прием с параллельным, конвергентным и «леваллуазским» способами скалывания [3]; 2) односторонне-двухплощадочный прием с параллельно-встречным и ортогональными способами скалывания; 3) односторонне-многоплощадочный прием с радиальным способом скалывания; 4) двусторонне-одноплощадочный прием с параллельным, конвергентным и «леваллуазским» способами скалывания; 5) двусторонне-двухплощадочный прием с комбинацией параллельного, конвергентного и «леваллуазского» способов скалывания на сторонах; 6) двусторонне-многоплощадочный с радиальным способом скалывания. Для «протопризматического» принципа расщепления можно предположить два основных приема: 1) многосторонне-одноплощадочный с параллельным и конвергентным способами скалывания; 2) многосторонне-двухплощадочный с параллельно-встречным способом скалывания.

Морфология сколов-заготовок также является определенным показателем использованных приемов скалывания. При этом значимыми будут почти все параметры заготовок (размер, пропорции, огранка спинки и пр.), но в конкретной индустрии возможно выделение какого-либо из них в качестве особого, который может стать определенным признаком данной индустрии, может быть и хронологическим.

Приемы подправки и переоформления ядрищ — это методы, направленные

[3] Имеется в виду одна поверхность расщепления в сочетании с одной ударной площадкой и т. д.

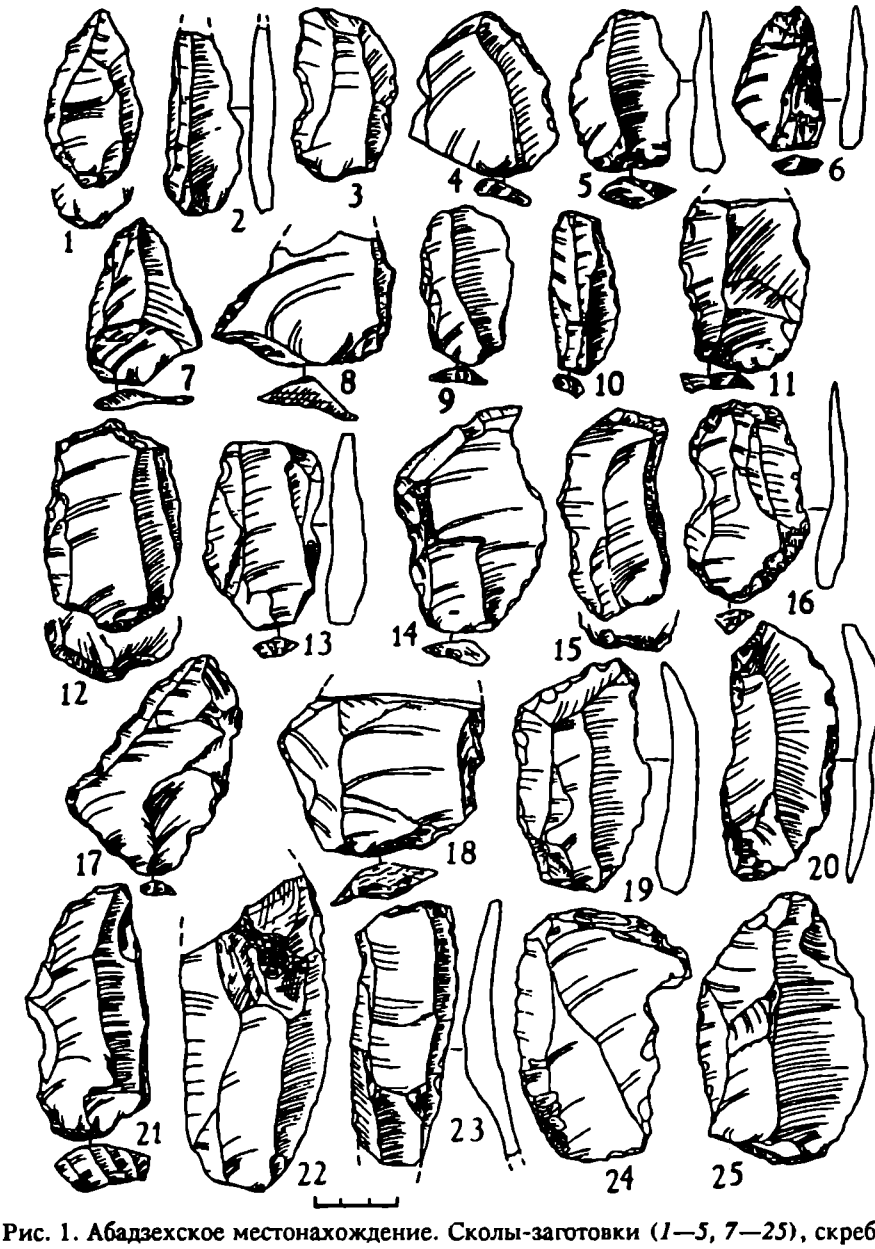


Рис. 1. Абадзехское местонахождение. Сколы-заготовки (*1—5, 7—25*), скребло (*6*). Кремень

на воссоздание необходимой формы и морфологии предмета расщепления для восстановления возможности дальнейшего продолжения процесса снятия сколов. На нуклеусах, как правило, следы применения подправок трудноопределимы, так как с подготовленных этими приемами поверхностей скалывались заготовки, которые уносили части этих поверхностей. Наиболее отчетливо следы применения подобных приемов могут быть прослежены по морфологии технологических сколов — сколов подправки и переоформления нуклеусов в процессе расщепления (сколы-подправки). Это самый трудноопределимый и спорный вид технологических сколов, потому что часто выделение их интуитивно. В то же время выделение сколов подправки необходимо для понимания самой технологии получения сколов-заготовок. Трудно представить, особенно для нижнего палеолита, что процесс снятия заготовок протекал всегда гладко. Зачастую на поверхности расщепления создавались такие морфологические ситуации, которые мешали снятию хороших заготовок, вот для удаления их и предназначались сколы-подправки. Неблагоприятный рельеф на поверхности расщепления был всегда конкретен; следовательно, и морфология сколов, исправляющих его, конкретна. Поэтому

такие технологические сколы не образуют устойчивых, однородных группировок, но все же выделение последних надо пытаться делать для облегчения анализа конкретных индустрий. Основанием для этого выделения будет прежде всего определение цели сколов подправки. Кроме того, применение приемов подправки и переоформления нуклеусов может, вероятно, проявляться и в морфологии неудачных сколов-заготовок, отражающих какие-либо ошибки в подправке ядрищ.

Итак, изложив собственное понимание основных принципов и положений технологического анализа, автор попытается продемонстрировать его применение при изучении индустрии Абадзехского нижнепалеолитического местонахождения. Как говорилось ранее, данный памятник — это мастерская-стоянка по производству сколов. Из 1577 экз. рассмотренных сколов 337 изделий (16% всей коллекции) выделяются своей правильностью и серийностью. Такие сколы, скорее всего, и являлись целью данного палеопроизводства. Эти сколы-заготовки анализировались по правильности очертаний, симметричности, повторяемости рельефа (огранки) спинки и пропорций, по степени подготовки ударной площадки. Среди заготовок на основе пропорций и огранки спинок можно выделить три вида сколов: 1) пластины, у которых, согласно Ф. Борду [25], длина в 2 раза и более превосходит ширину, огранка спинок у них параллельная; 2) отщепы, у которых ширина равна длине или больше нее, огранка спинок может быть любой; 3) пластинчатые отщепы, которые, согласно В. П. Любину, «совершенно типичные пластины, но имеют укороченные пропорции: длина их несколько меньше намеченного предела» [4, с. 52], огранка спинок у них параллельная или субпараллельная.

Среди сколов-заготовок коллекции большинство принадлежит отщепам — 131 экз. (39%), пластинчатых отщепов чуть меньше — 115 экз. (34%), пластин значительно меньше — 32 экз. (9%). Если исходить только из этих процентов, можно полагать, что целью расщепления на памятнике было получение отщепов, но такой подход представляется слишком упрощенным, так как надо иметь в виду, что процесс производства на Абадзехской мастерской-стоянке, как, впрочем, и на любом другом палеолитическом памятнике, не заключался в изготовлении сколов и оставлении их на месте специально для археологов. Поэтому, как уже говорилось, вполне естественно вслед за В. П. Любиным [4, с. 55, 56] считать, что хорошие, удачные заготовки, и прежде всего пластины, уносились на места постоянного проживания людей для дальнейшей утилизации. На месте же самого производства сохранялись, скорее всего, неудачные, не подходящие чем-либо сколы или утерянные заготовки. Подтверждением этому может служить и то, что лишь единичные скребла (рис. 1, *6*; 2, *9, 20*) орудийного набора коллекции оформлены на сколах-заготовках. Основная масса орудий здесь изготовлена на подходящих технологических сколах, обломках и осколках (рис. 3, *3*; 4, *5, 10, 12, 13*). Как представляется, это могло быть вызвано чисто конкретными задачами; возможно, такие орудия были нужны для недолгой, сиюминутной работы и потому не требовали специального изготовления. «Пропуск звена в технологической цепи» [4] процесса производства — отсутствие большого количества сколов-заготовок, а особенно пластин — может служить еще одним доказательством определения памятника как мастерской-стоянки по получению именно сколов-заготовок.

Заготовки-пластины (рис. 1, *10, 15, 20—23;* 2; *10, 14, 15, 17, 20*) имеют довольно крупные размеры и малую массивность, в среднем 9 × 4 × 0,6 см (колебания размеров — от 13 × 5 × 1,5 до 6 × 2 × 0,4 см). Угол скалывания — ⌊ А [5]

---

[4] Это понятие в качестве критерия выделения мастерских было предложено Г. П. Григорьевым в докладе «Мастерские и обмен в палеолите», прочитанном на расширенном заседании ученого совета ЛОИА АН СССР 9 марта 1988 г.

[5] Использование этого параметра было предложено Р. Х. Сулеймановым для анализа нуклеусов (под названием «рабочий угол») [14, с. 127]. Нам кажется, что этот угол как существенный показатель технологии расщепления должен учитываться не только на ядрищах, но и на сколах. Он измеряется между ударной площадкой скола и его спинкой по касательным через точку удара и наиболее выпуклую точку спинки.

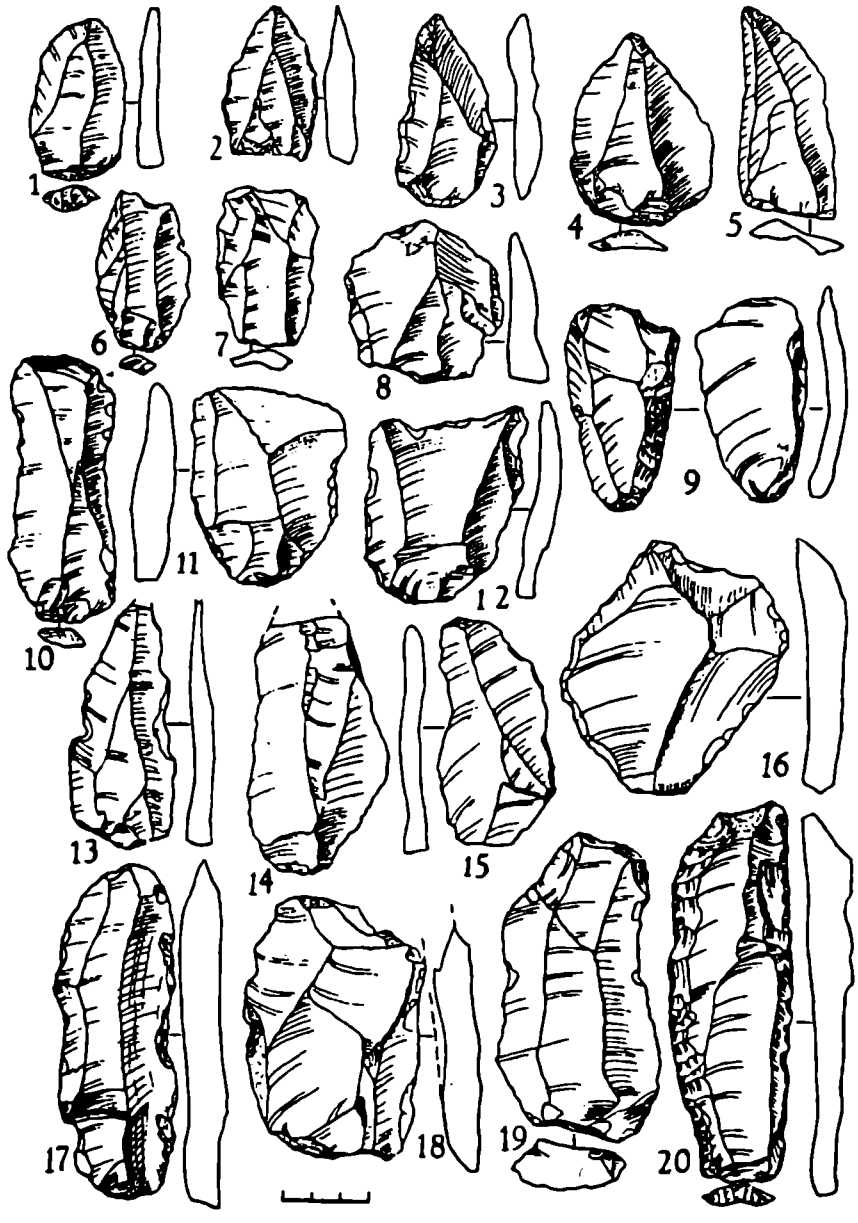


Рис. 2. Абадзехское местонахождение. Сколы-заготовки (*1—8, 10—19*), скребла (*9, 20*). Кремень

у пластин в среднем равняется 82°. Среди определимых ударных площадок этих сколов гладких и фасетированных выпуклых примерно поровну (табл. 1). Огранка спинок у пластин параллельная, редко — субпараллельная.

Пластинчатые отщепы (рис. 1, *3—9, 11—14, 16—19, 24, 25;* 2, *6, 7, 9, 11, 12, 18, 19*) представлены в основном экземплярами с размерами 7 × 4 × 0,5 см при колебаниях от 14 × 11 × 2,6 до 4 × 3 × 0,3 см. Среди этих сколов преобладают изделия с гладкими ударными площадками — 33 шт. (табл. 1). Угол скалывания пластинчатых отщепов в среднем также составляет 82°, они имеют параллельную или субпараллельную огранку спинок.

Отщепы (рис. 2, *8, 16*) имеют размеры, распределяющиеся в интервале от 9 × 9 × 1,9 до 3 × 2 × 0,3 см; преобладают же в среднем изделия небольшие и не массивные — 6 × 4 × 1,2 см. Среди ударных площадок отщепов — большинство гладкие — 31 экз. (табл. 1), угол скалывания, как и у других видов заготовок, в среднем равен 82°. Огранка спинок отщепов разнообразная.

Среди сколов-заготовок выделяются 7 экз. треугольных отщепов — остроко-

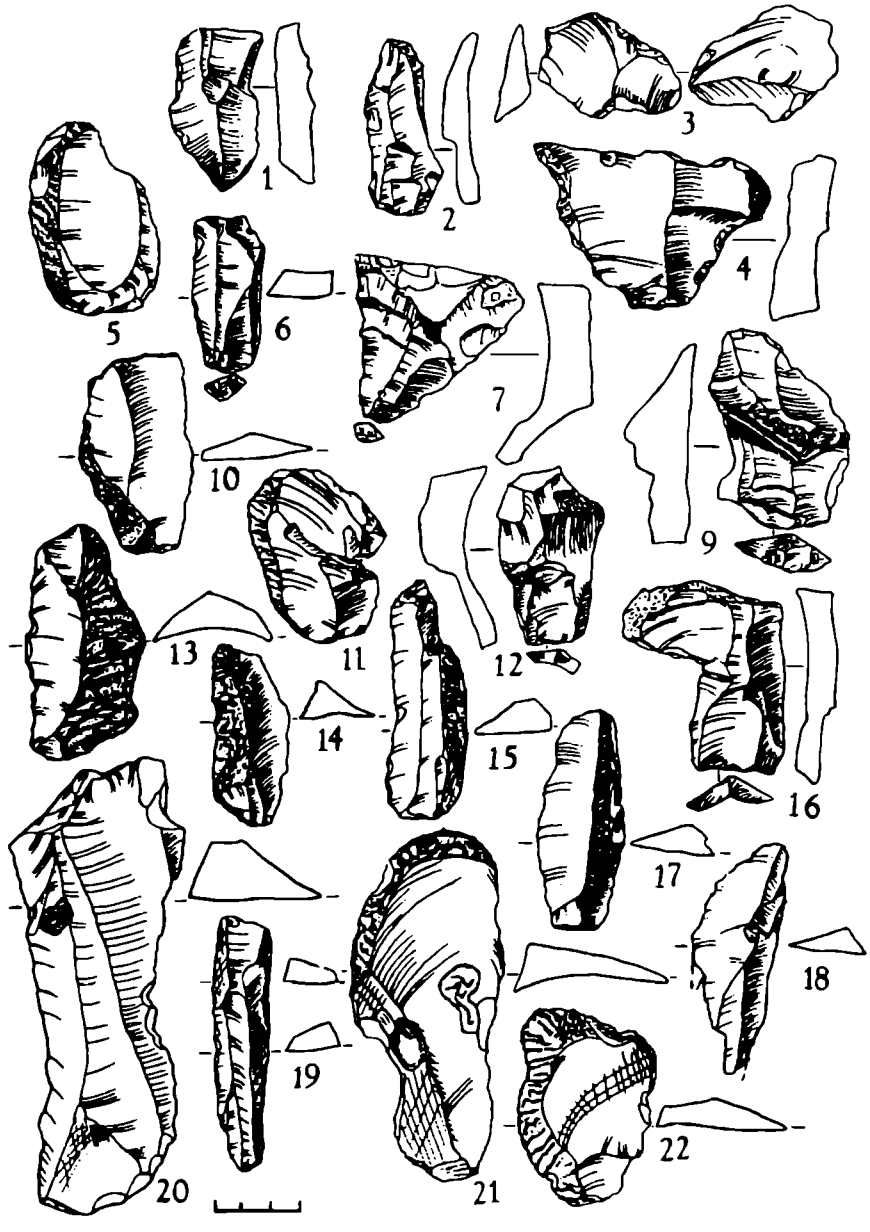


Рис. 3. Абадзехское местонахождение. Технологические сколы (*1—22*). Кремень

нечников (рис. 1, *1;* 2, *1—5, 13*). Они небольших размеров и тонкие (в среднем 5 × 3 × 0,8 см), угол скалывания у них определяется в 80°. 3 экз. представлены в коллекции пластинки, они слабо патинированы. Последние 49 экз. сколов-заготовок — это фрагменты, среди которых преобладают базальные обломки.

Таким образом, рассмотрение сколов-заготовок Абадзехской мастерской-стоянки приводит к выводу о том, что в коллекции преобладают удлиненные, немассивные сколы с параллельной или субпараллельной огранкой спинок (пластинчатые отщепы и пластины). Вполне оправданно поэтому полагать, что их получение и было основной целью данного палеопроизводства. Средний угол скалывания у всех видов заготовок одинаков и составляет 82°, что, возможно, является характерной чертой этой технологии расщепления.

Изученная коллекция нуклевидных изделий — 441 предмет (21% всей коллекции) включает 20 пробных ядрищ, 11 пренуклеусов, 303 расщепленных ядрищ и 138 обломков нуклевидных изделий. Среди расщепленных нуклеусов фиксируется использование технических приемов только плоскостного и протопризматического принципов расщепления.

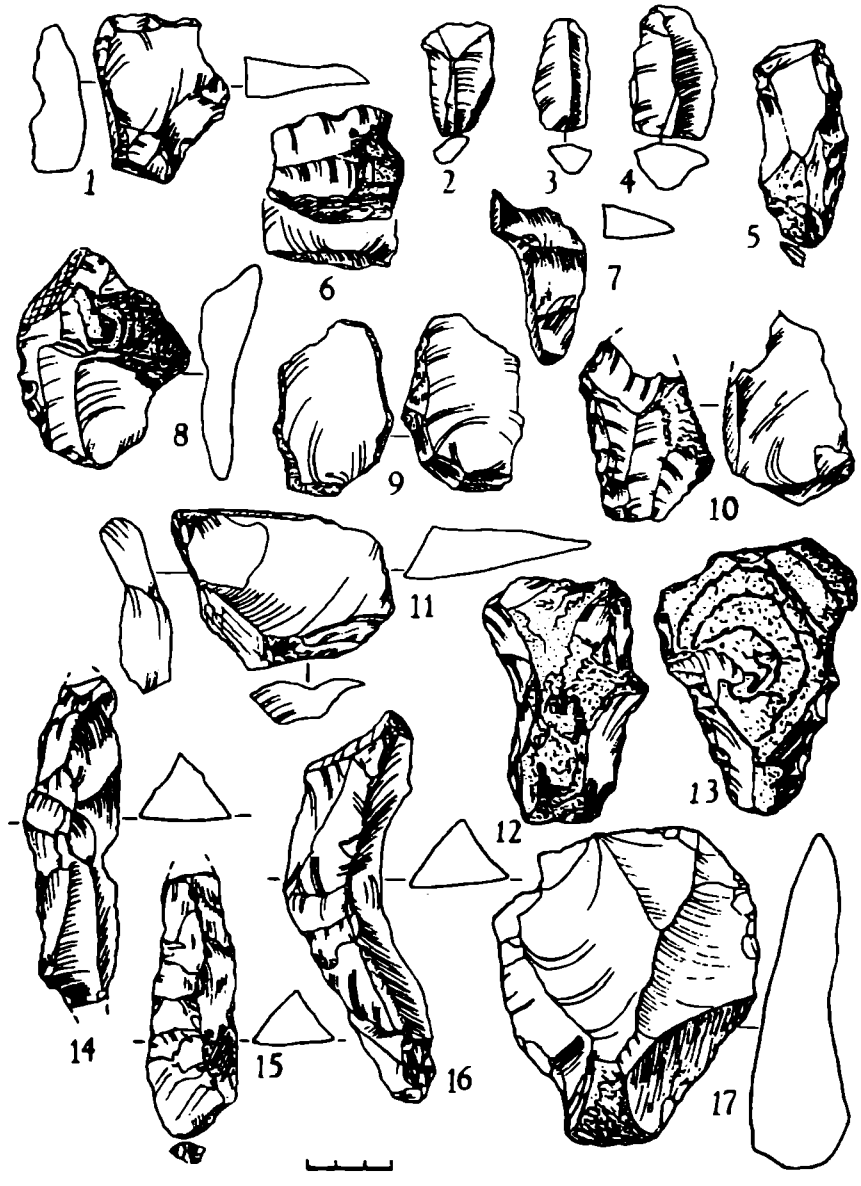


Рис. 4. Абадзехское местонахождение. Технологические сколы (*1—4, 6—9, 11, 14—17*), скребла (*5, 10*), клювовидные изделия (*12*); зубчато-выемчатое изделие (*13*). Кремень

Нуклеусы плоскостного принципа расщепления составляют более половины всех нуклевидных и почти все расщепленные ядрища — 260 экз. (59% всех нуклевидных и 81% расщепленных ядрищ). Они, скорее всего, и служили основными поставщиками сколов-заготовок на памятнике. Главным приемом, с помощью которого получались заготовки с искомыми параметрами, является односторонне-одноплощадочный — 188 нуклеусов (58% расщепленных ядрищ). Скалывание при этом велось почти исключительно параллельным способом — 142 ядрища (рис. *5, 2;* 6, *4, 5*). Размеры таких нуклеусов: максимальный 14 × 17 × 4,9, минимальный 4 × 3 × 1,2 см. Угол скалывания («рабочий угол») — ⌊А у них в среднем равен 78°. Ударные площадки более половины (53%) этих ядрищ оформлялись, фасетированных выпуклых и фасетированных прямых при этом примерно одинаковое количество (рис. *5, 2;* 6, *4*). В остальных случаях скалывание велось с гладких ударных площадок, сделанных в основном одним крупным снятием (рис. 6, *5*). Нуклеусы конвергентного способа скалывания данного приема представлены значительно меньшим количеством — 32 экз. (рис. *5, 4, 6;* 7, *3, 5, 7*). Размеры их колеблются от 9 × 9 × 6 до 4 × 6 × 2,1 см.

Таблица 1

Типы определимых ударных площадок сколов-заготовок

Сколы	Корочная	Гладкая	Фасетированная прямая	Фасетированная выпуклая	Двугранная	Точечная	Итого
Пластины	4	9	5	8	2	—	28
Пластинчатые отщепы	2	33	13	11	5	2	66
Отщепы	2	31	15	4	8	1	61
Треугольные отщепы	—	2	1	1	1	—	5
Всего	8	75	34	24	16	3	160

Примечание. Корочная — поверхность ударной площадки покрыта желвачной коркой; гладкая — поверхность ударной площадки подготовлена одним крупным сколом.

Угол скалывания определяется в среднем в 79°. Среди ударных площадок таких нуклеусов преобладают гладкие (рис. 5, *6;* 8, *3, 5*), фасетированных выпуклых и прямых — значительно меньше (рис. *5, 4*).

Поверхности расщепления нуклеусов обоих способов скалывания односторонне-одноплощадочного приема тщательно готовились и подправлялись в процессе расщепления специальным приемом, с помощью которого создавалась морфология поверхности, максимально способствующая получению заготовок с параллельной или субпараллельной огранкой. Для этого по краям поверхности расщепления отбивались специальные технологически значимые сколы, снимаемые с основной ударной площадки в направлении снятия заготовок (рис. *5, 2, 6;* 6, *4, 5;* 8, *3, 5, 7*). Автор выделяет этот вид технологических сколов под наименованием «краевые сколы», их — 386 экз. (31% всех технологических сколов) (рис. 3, *5, 6, 10, 11, 13—15, 17, 19—22;* 4, *10*). Необходимость снятия таких сколов проистекает из понимания того, что получать искомые заготовки с параллельной или субпараллельной огранкой с плоской поверхности расщепления невозможно. Для этого ее необходимо приподнять в поперечно-продольном направлении, т. е. придать ей выпуклость. В абадзехской палеотехнологии это достигалось как раз снятием «краевых сколов». Рельеф спинки таких сколов двускатен и образован с одной стороны краем поверхности расщепления, а с другой — краем боковой поверхности ядрища, которая может быть либо естественной (корка желвака или поверхность разлома породы), либо искусственной, несущей негативы предшествующих сколов оформления нуклеуса.

В зависимости от расположения остатков боковой поверхности ядрища «краевые сколы» подразделяются на две группы: 1) «левые краевые сколы» — те, у которых левая грань спинки несет остатки боковой поверхности нуклеуса, их — 183 экз. (рис. 3, *5, 10, 11, 14, 21, 22*); «правые краевые сколы» — те, у которых правая грань спинки несет соответствующие поверхности, их — 185 экз. (рис. 3, *6, 13, 15, 17, 19;* 4, *10*). В обеих группах преобладают сколы (61%), у которых определяющие грани покрыты желвачной коркой (рис. 3, *5, 10, 11, 13—15, 17, 21, 22;* 4, *10*), меньше (39%) — с остатками естественной поверхности расколотого желвака (рис. 3, *6, 19, 20*). Размеры «правых краевых сколов» колеблются от 14 × 13 × 2,2 до 4 × 2 × 0,4 и в среднем равны 6 × 3 × 1,4 см, у «левых краевых» — соответственно от 15 × 7 × 2,2 до 5 × 2 × 0,6 и в среднем 6 × 5 × 1,4 см. Среди ударных площадок и тех, и других «краевых сколов» преобладают гладкие, но у «краевых левых» много при этом фасетированных прямых площадок, а у «краевых правых» много корочных ударных площадок (табл. 2). Угол скалывания «краевых сколов» в среднем равен 82° и аналогичен [А сколов-заготовок, что может служить еще одним свидетельством правильности выделения такого вида технологических сколов. Негативы на поверхностях граней этих сколов, несущих

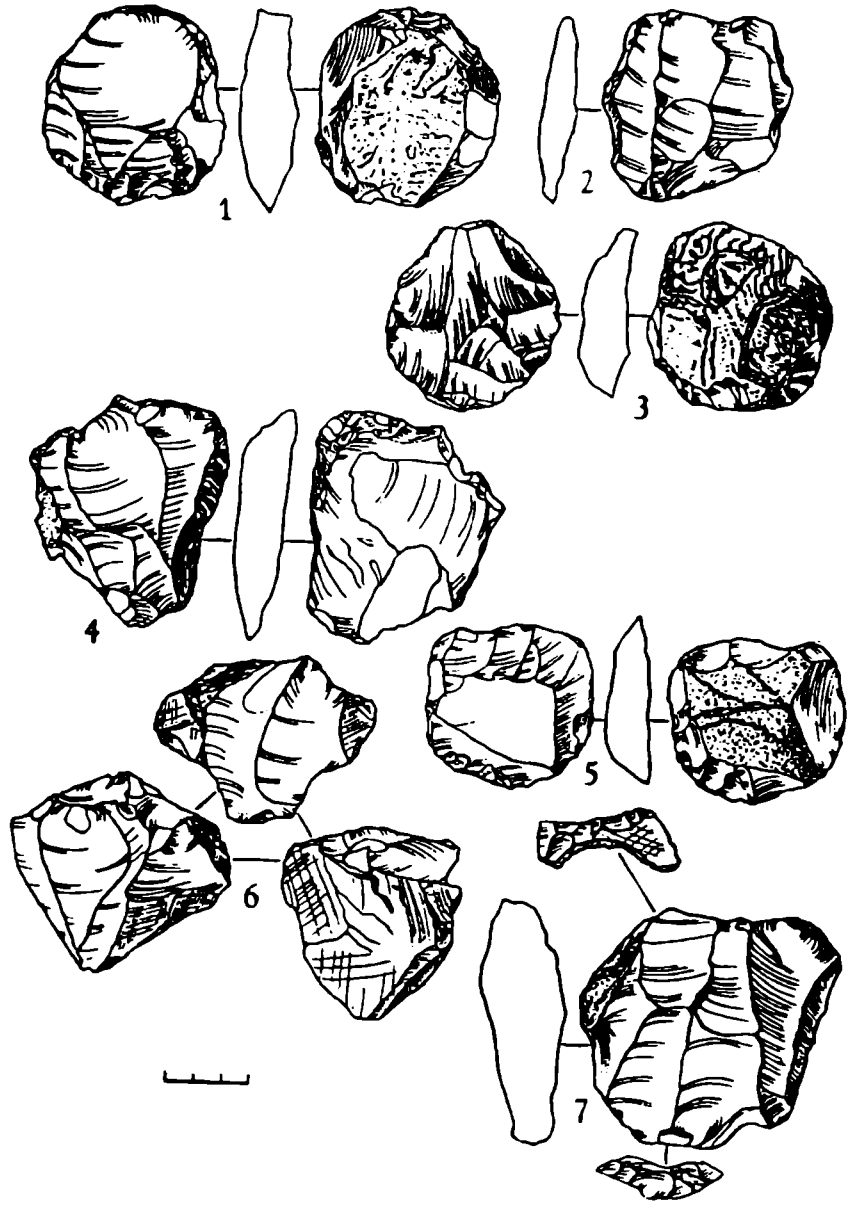


Рис. 5. Абадзехское местонахождение. Нуклеусы (*1—7*). Кремень

остатки поверхности расщепления, в основном параллельны и субпараллельны. Это в свою очередь также показательно при их определении. Почти все ядрища параллельного и конвергентного способов односторонне-одноплощадочного приема скалывания срабатывались до сильного уплощения, иногда до превращения желвака в плитку кремня (рис. 5, *2, 4;* 6, *4, 5;* 8, *7*). На некоторых таких нуклеусах после снятия «краевых сколов» вполне можно было бы продолжать скалывание заготовок, но расщепление прекращалось. Это происходило, вероятно, из-за того, что в этом случае получались бы сколы несколько иных пропорций, а этого, наверное, древнему мастеру не требовалось, и ядрище выбрасывалось.

К односторонне-одноплощадочному приему относится и «леваллуазский» способ скалывания, под которым подразумевается способ, фиксирующийся в морфологии поверхности расщепления негативом одного крупного скола. Нуклеусов этого способа в коллекции – 14 экз. (5% расщепленных ядрищ) (рис. 5, *1;* 7, *2*). Размеры их колеблются от 10 × 10 × 7,8 до 5 × 4 × 1,1 см, средний угол скалывания точно не фиксируется. Ударные площадки, как правило, фасетированные (рис. 5, *1;* 7, *2*), но имеются случаи, когда основной скол снимался с гладкой ударной

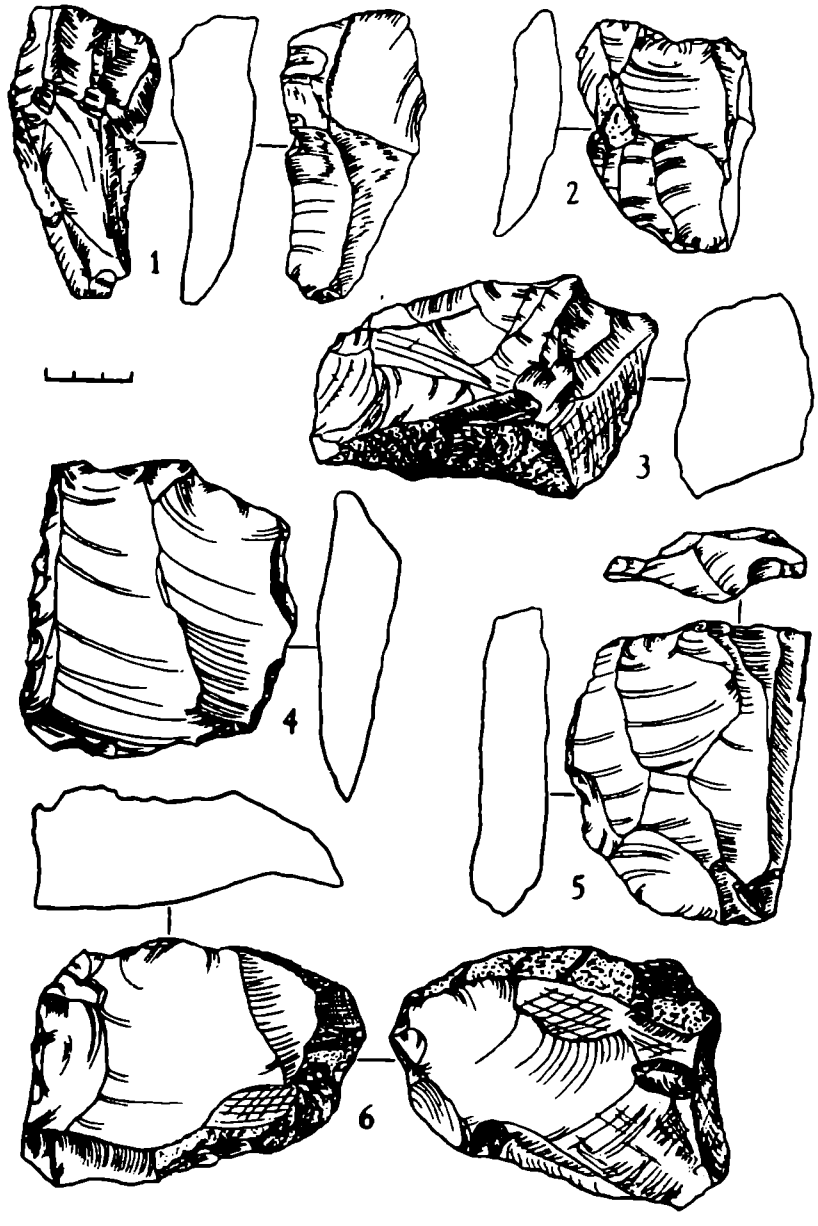


Рис. 6. Абадзехское местонахождение. Нуклеусы (*1—6*). Кремень

площадки, сделанной одним крупным сколом. Почти у всех ядрищ этого способа скалывания на тыльной поверхности сохранилась желвачная корка (рис. 5, *1*; 7, *2*). На некоторых экземплярах хорошо фиксируется прием оформления поверхности расщепления центростремительными сколами, который напоминает подготовку классических «черепаховидных» ядрищ (рис. 5, *1*; 7, *2*). Сильная сработанность и малое количество нуклеусов данного приема, а также наличие на них гладких ударных площадок наводят на мысль об использовании этого способа на последней, «завершающей стадии срабатывания нуклеусов, когда они были сильно истощены, уменьшились в размерах и с них можно было скалывать только бесформенные отщепы» [13, с. 82].

Вторым используемым приемом скалывания заготовок в абадзехской индустрии был односторонне-двухплощадочный — 38 нуклеусов (12% расщепленных ядрищ). Снятие заготовок при этом производилось двумя способами: параллельно-встречным и ортогональным. Нуклеусы параллельно-встречного скалывания (рис. 5, *7*; 6, *2*; 7, *3*) явно преобладают — 31 экз. (10% расщепленных ядрищ), размеры их — от 14 × 12 × 10,5 до 5 × 4 × 1,3 см, угол скалывания в среднем равен 82°.

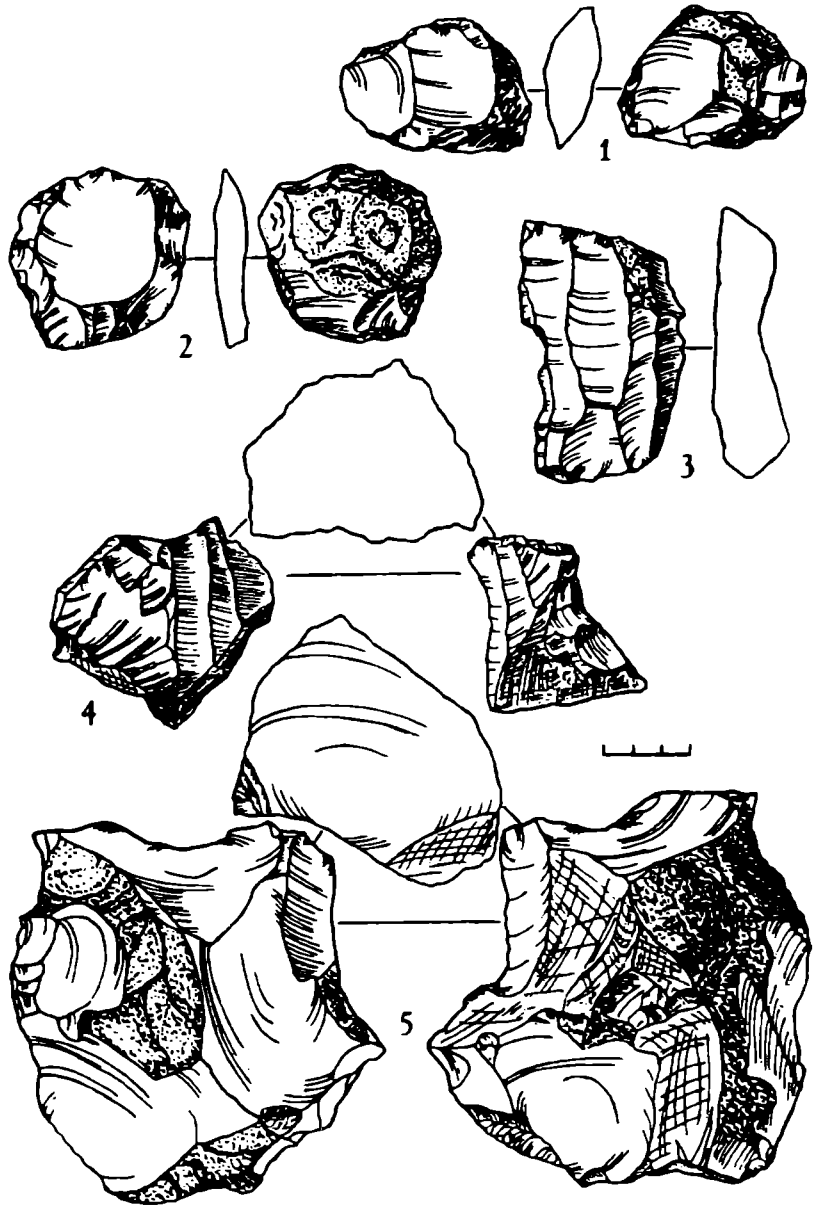


Рис. 7. Абадзехское местонахождение. Нуклеусы (*1—5*). Кремень

Среди ударных площадок этих нуклеусов преобладают оформленные — больше всего фасетированных выпуклых (36%) (рис. 5, *7;* 6, *2*); наряду с этим также много гладких площадок (рис. 7, *3*). Тыльные поверхности ядрищ, как правило, от корки не очищались и не оформлялись. Судя по морфологии поверхности расщепления, снятие сколов-заготовок производилось поочередно с каждой ударной площадки. На нуклеусах параллельно-встречного скалывания, так же, как и на нуклеусах односторонне-одноплощадочного приема, применялся выделенный для данной индустрии прием подправки поверхности расщепления снятием «краевых сколов» (рис. 5, *7;* 6, *2*; 7, *3*). Ядрищ ортогонального способа скалывания насчитывается в коллекции всего 7 экз. (2% расщепленных ядрищ) (рис. 5, *5*), размеры их — от 13 × 10 × 4,3 до 5 × 8 × 1,6 см, угол скалывания в среднем равен 82°. Среди ударных площадок фасетированных (рис. 5, *5*) почти вдвое больше, чем гладких. Снятие сколов с площадок производилось относительно друг друга не строго под прямым углом. Выделение этого способа односторонне-двухплощадочного приема скалывания как самостоятельного кажется достаточно сомнительным, но представляется это все же оправданным, так как на

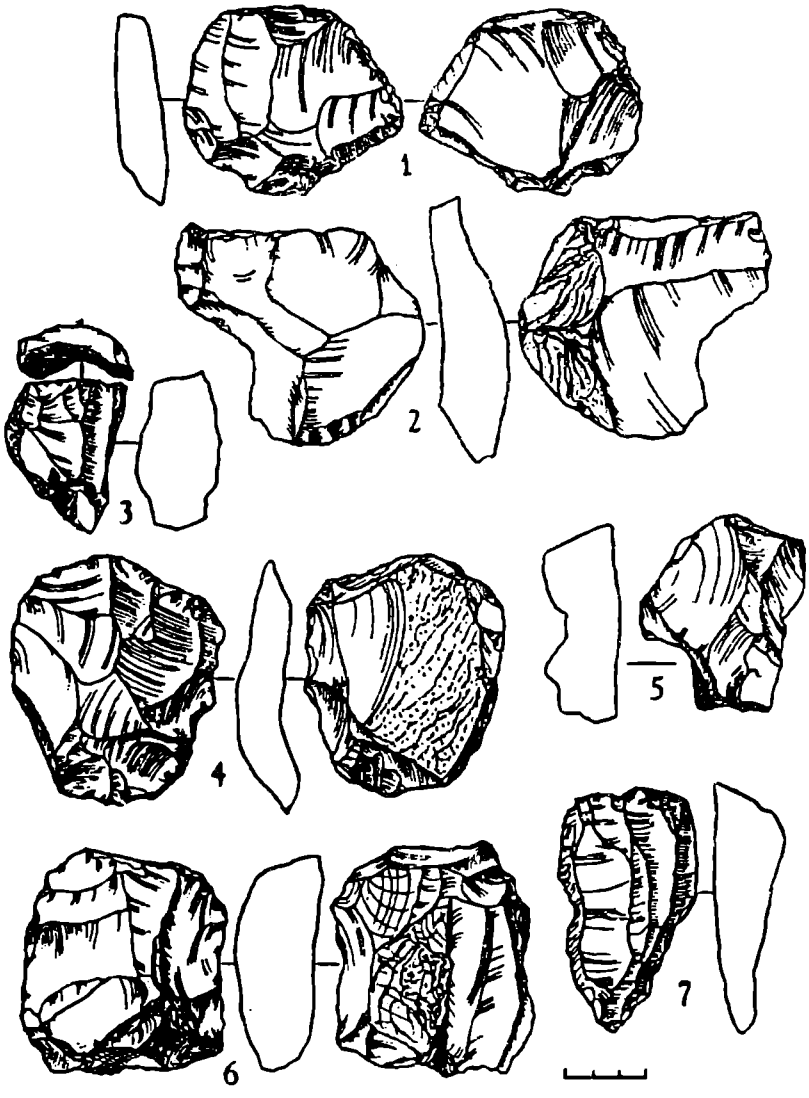


Рис. 8. Абадзехское местонахождение. Нуклеусы (*1—7*). Кремень

нуклеусах этого способа скалывания фиксируется тот же прием подправки поверхности расщепления с помощью снятия «краевых сколов» (рис. 5, *5*). Срабатывание ядрищ данного приема скалывания осуществлялось в основном до минимально необходимых пределов, принятых в данной индустрии.

Нуклеусы односторонне-многоплощадочного приема с радиальным способом скалывания представлены в коллекции 13 экз. (4% расщепленных ядрищ) (рис. 5, *3;* 8, *4*). Размеры их колеблются от 11 × 12 × 4,6 до 4 × 5 × 1 см, угол скалывания в среднем определяется в 79°. Тыльные поверхности ядрищ, как правило, оставались корочными, не оформлялись. Ударные площадки подготавливались (рис. 5, *3;* 8, *4*), но нуклеусов с остатками ударной площадки, специально сделанной по всему периметру поверхности расщепления — единицы. Ядрища в основном сильно сработаны, но у большинства их выпуклость в центре поверхности расщепления сохраняется. Малое количество нуклеусов радиального способа скалывания, отсутствие экземпляров их на разных стадиях срабатывания, а также слабая подготовка ядрищ, проявляющаяся в отсутствии оформления «круговой» ударной площадки, позволяют считать односторонне-многоплощадочный прием скалывания для данной индустрии несамостоятельным. Скорее всего, этот прием применялся здесь также на заключительной стадии расщепления ядрищ для получения коротких, но хороших сколов.

В качестве последнего приема скалывания, с помощью которого получались

Таблица 2

Типы определимых ударных площадок технологических сколов

Сколы	Корочная	Гладкая	Фасетированная прямая	Фасетированная выпуклая	Двугранная	Точечная	Итого
«Левые краевые сколы»	3	29	13	—	3	—	48
«Правые краевые сколы»	11	26	6	—	1	1	45
«Корочные сколы»	25	59	3	1	—	—	88
Всего	39	114	22	1	4	1	181

традиционные для Абадзехского месторождения сколы-заготовки, можно выделить двусторонне-двухплощадочный. Нуклеусов, расщепленных таким образом,— в коллекции 21 экз. (6% расщепленных ядрищ) (рис. 6, *6;* 7, *1;* 8, *1, 2*). Размеры их — от 9 × 10 × 5,9 до 5 × 7 × 1,9 см, угол скалывания в среднем равен 83°. Примерно половина ударных площадок фасетировалась (рис. 7, *1;* 8, *1, 2*), в остальных случаях они были гладкими, подготовленными одним крупным сколом. Среди ядрищ этого приема примерно одинаковое количество нуклеусов параллельно-встречного (рис. 7, *1*) и ортогонального (рис. 6, *6;* 8, *1, 2*) способов скалывания, но вторых — больше. Поверхности расщепления ядрищ подправлялись выделенным в данной технологии приемом, снятием «краевых сколов» (рис. 8, *1, 2*). Нуклеусы этого приема также срабатывались до минимально необходимых пределов.

Ядрища протопризматического принципа расщепления представлены показательной серией нуклеусов одного приема скалывания — многосторонне-одноплощадочного с параллельным способом скалывания — 12 экз. (3% всех нуклевидных) (рис. 6, *1, 3;* 7, *4*). Размеры этих нуклеусов — от 7 × 10 × 8 до 4 × 3 × 4 см. Угол скалывания у них равен в среднем 87°, что отличает их от нуклеусов плоскостного принципа расщепления, для которых этот показатель — в среднем меньше. Практически на всех протопризматических ядрищах гладкие ударные площадки (рис. 6, *1, 3;* 7, *4*). Поверхности расщепления таких ядрищ несут негативы более узких сколов. У многих нуклеусов тыльная сторона оформлялась в виде «гребня» (рис. 6, *3;* 7, *4*), однако «грубость» морфологии и, следовательно, невыработанность технологии их расщепления говорят, что это все же протопризматическое, а не призматическое расщепление. Кроме того, степень патинизации ядрищ одинакова с таковой других нуклеусов памятника.

Приемы подготовки ядрищ в индустрии Абадзехского местонахождения можно проследить по морфологии «пробных» нуклеусов и пренуклеусов.

Пробные нуклеусы — «опробованные куски породы» (по В. П. Любину), с которых снято несколько сколов, вероятно, для проверки качества сырья. В коллекции их — 20 экз. (5% всех нуклевидных). На 6 предметах была подготовлена грубая ударная площадка крупным сколом, и с нее были сделаны пробные снятия. У остальных экземпляров не были подготовлены даже такие площадки и пробные сколы снимались с более или менее подходящих поверхностей. Обычно снимался один крупный скол (у 8 экз.), 3 предмета имеют по два крупных пробных скола, на 4 самых больших желваках видны по три негатива крупных сколов. Все пробные сколы снимали корку. За редким исключением (2 экз.), когда проявились внутренние трещины, причины браковки желваков неясны.

Пренуклеусы — это куски сырья, которые приемами подготовки полностью оформлены для ведения процесса расщепления. В коллекции их — 11 экз. (2% всех нуклевидных) (рис. 7, *5;* 8, *6*) с размерами от 13 × 12 × 8 до 6 × 6 × 2 см. Все они обладают подготовленными ударными площадками: в двух случаях —

гладкими, полученными снятием одного крупного скола (рис. 7, *5*); в одном — двугранной; в восьми — сделанными серией некрупных снятий (рис. 8, *6*). Поверхность расщепления на пренуклеусах оформлялась обычно крупными центростремительными снятиями, создающими изначальную ее выпуклость в поперечно-продольном направлении (первые сколы как раз и снимали наиболее выступающую часть поверхности — «ребро»). При этом в самом центре выпуклости у всех экземпляров сохранялись остатки желвачной корки (рис. 7, *5;* 8, *6*). Угол скалывания на имеющихся пренуклеусах еще, вероятно, не создан полностью и колеблется в широких пределах — от 65 до 94°. В отношении некоторых предметов можно говорить об их окончательной подготовке к расщеплению. Особенно выразителен пренуклеус, с которого уже был снят первый скол,— «реберчатый» (рис. 8, *6*).

Приемы подготовки и подправки ядрищ фиксируются и в морфологии технологических сколов, которые оставались на месте производства. Среди таковых значимыми для данной индустрии в первую очередь будут — «корочные» сколы, которые были нацелены на удаление желвачной корки. В коллекции они абсолютно преобладают — 530 экз. (43% технологических сколов) (рис. 4, *8, 12, 13*). В данной индустрии как «корочные» определяются сколы, где более 30% поверхности покрыто остатками корки. Среди них преобладают экземпляры с 30—60%-ным корочным покрытием поверхности — 184 шт. (рис. 4, *8*). Сколов, у которых более 60% поверхности несет остатки корки,— 143 экз. (рис. 4, *12, 13*), сколов со 100%-ной корочной поверхностью — 10 экз. Размеры «корочных» сколов колеблются от 11 × 8 × 1,9 до 5 × 3 × 0,4 и в среднем составляют 9 × 5 × 1,6 см. Ударные площадки таких сколов в основном (за исключением 4 экз.) двух типов: гладкие — 59 экз. и корочные — 25 экз. (табл. 2). Угол скалывания в среднем равен 79°.

Технологически значимы здесь и «реберчатые» сколы — 19 экз. (1,5% технологических сколов) (рис. 3, *12;* 4, *14, 15*). Они предназначались, как отмечено ранее, для удаления изначального центра «ребра» выпуклости поверхности расщепления; снятие их предшествует началу процесса получения заготовок. Сколы эти, как правило, имеют треугольное сечение, грани спинки образованы негативами сколов, оформляющих выпуклость поверхности расщепления. Впервые изделия такого предназначения были выделены как специальные на материалах более поздних эпох каменного века под названием «реберчатые пластины».

Приемы подправки и переоформления ядрищ в индустрии можно зафиксировать в морфологии других технологических сколов. Наиболее ярко эти приемы проявились в технологически значимых сколах «снятия заломов» на поверхности расщепления, которые образовывались в результате неудачных предшествующих снятий. Поэтому для рельефа спинки данных сколов обязательно присутствие ступенек-заломов. В коллекции сколов «снятия заломов» — 98 экз. (8% технологических сколов) (рис. 3, *1, 2, 4, 7, 9, 16, 18*). Судя по морфологии, снимались они главным образом с основной ударной площадки, в направлении скалывания заготовок. Но для выполнения поставленной задачи их снимали толстыми, чтобы снять значительный участок поверхности расщепления вместе с заломом. Угол скалывания их в среднем равен 78°, что, как кажется, обеспечивало должную массивность таких сколов.

Поддаются определению как показатель подправки и сколы «удаление с поверхности расщепления различных неровностей» (всевозможных выпуклостей, каверн и пр.). Рельеф спинки таких сколов еще более специфичен, и для их выделения требуется сугубо конкретный подход. Такие сколы могли сниматься и с основной, и со вспомогательной ударных площадок, и вообще с любой удобной точки без подготовки. В коллекции сколов этого вида насчитывается 46 экз. (4% технологических сколов). Среди них 11 экз. предназначались непосредственно для удаления каких-либо выпуклостей на поверхности расщепления. Так, скол, изображенный на рис. 4, *17*, был снят с выступающего нижнего конца ядрища, с корочной поверхности с целью удаления неровности рельефа поверхности

расщепления, препятствующей снятию удлиненных заготовок. Возможно, ту же цель преследовало и снятие сколов с боковых поверхностей нуклеусов перпендикулярно основному скалыванию (рис. 3, *3*, 4, *6*).

Возможности переоформления ядрищ индустрии могут, вероятно, предполагаться и из наличия в технологии разных приемов скалывания. Теоретически ничто не противоречит тому, что нуклеусы односторонне-одноплощадочного приема могли переоформляться в процессе расщепления как в односторонне-двухплощадочные, так и в двусторонне-двухплощадочные нуклеусы. С другой стороны, в пользу использования приемов переоформления ядрищ может говорить выделение еще одного вида технологически значимых сколов, которые изначально также были определены на материалах более поздних эпох. Речь идет о сколах «подживления ударной площадки» — 32 экз. (3% технологических сколов) (рис. 4, *1, 7, 9, 11, 16*). Предназначались они, скорее всего, для переоформления ударной площадки при переходе на новую. Рельеф спинки этих сколов двускатен и состоит из кромки, образованной негативами фасеток подготовки ударной площадки и устьевыми частями негативов сколов на поверхности расщепления.

Применение технических приемов подготовки, скалывания, подправки и переоформления в процессе реального расщепления, скорее всего, не было строго разграничено. В этом, наверное, не было жесткой необходимости, так как расщепление — единый и слитный технологический процесс. Это может иллюстрироваться наличием в индустрии некоторых технологических сколов, в которых прослеживается комбинирование целей их снятия. Имеются сколы, сочетающие снятие корки и «удаление заломов» (рис. 4, *8*) или комбинирование «подправки» поверхности расщепления и снятия желвачной корки (рис. 4, *6, 17*). Встречаются «краевые сколы», в то же время удаляющие «заломы» на поверхности расщепления (рис. 3, *11*), или сколы, снимающие «заломы», с попутным очищением от корки (рис. 3, *16*).

Таким образом, в общей сложности из 1577 сколов коллекции 1110 экз. (70% сколов, 53% всей коллекции) определяются как технологически значимые сколы в палеотехнологии данной индустрии. К ним, по всей вероятности, можно присоединить 71 экз. (6% технологических сколов) мелких сколов — «чешуек», размеры которых при разнообразной морфологии — менее 3 см. Этот предел для выделения «чешуек» определяется на основании того, что минимальные размеры всех типов сколов-заготовок и основных технологически значимых сколов — всегда больше 3 см. Цель снятия «чешуек» трудноопределима по их морфологии. Наличие в инвентаре местонахождения бифасиальных изделий [1, с. 26—52, табл. 2—5, 18] позволяет предположить, что эти сколы получались при изготовлении бифасов. С другой стороны, чешуйки могли образовываться и при подготовке ударных площадок на нуклеусах.

Последние 59 экз. сколов коллекции представлены в осколках и поэтому неопределимы. Не анализировались также и 133 экз. обломков нуклевидных изделий и 5 ядрищ свежей сохранности, совершенно без патины.

Итак, на основе определенных цели расщепления, приемов и способов ее достижения, выражающихся в форме и морфологии предметов коллекции, попытаемся предложить обобщенную модель (рис. 9) технологии и техники расщепления палеопроизводства на Абадзехской мастерской-стоянке. Основным техническим приемом достижения цели этого палеопроизводства — получения определенных сколов-заготовок — был прием односторонне-одноплощадочного скалывания в основном параллельным способом (рис. 9, *А1—А7*). В процессе использования этого приема можно схематизировать пять основных технологических стадий (рис. 9, *А1—А5*), три последних из которых могли повторяться, насколько позволяли габариты предмета расщепления. На первой стадии (рис. 9, *А1*) на выбранном куске сырья производился пробный скол для проверки качества сырья. На второй (рис. 9, *А2*) из опробованного куска изготовлялся пренуклеус, т. е. предмет расщепления, формированием ударной площадки, поверхности

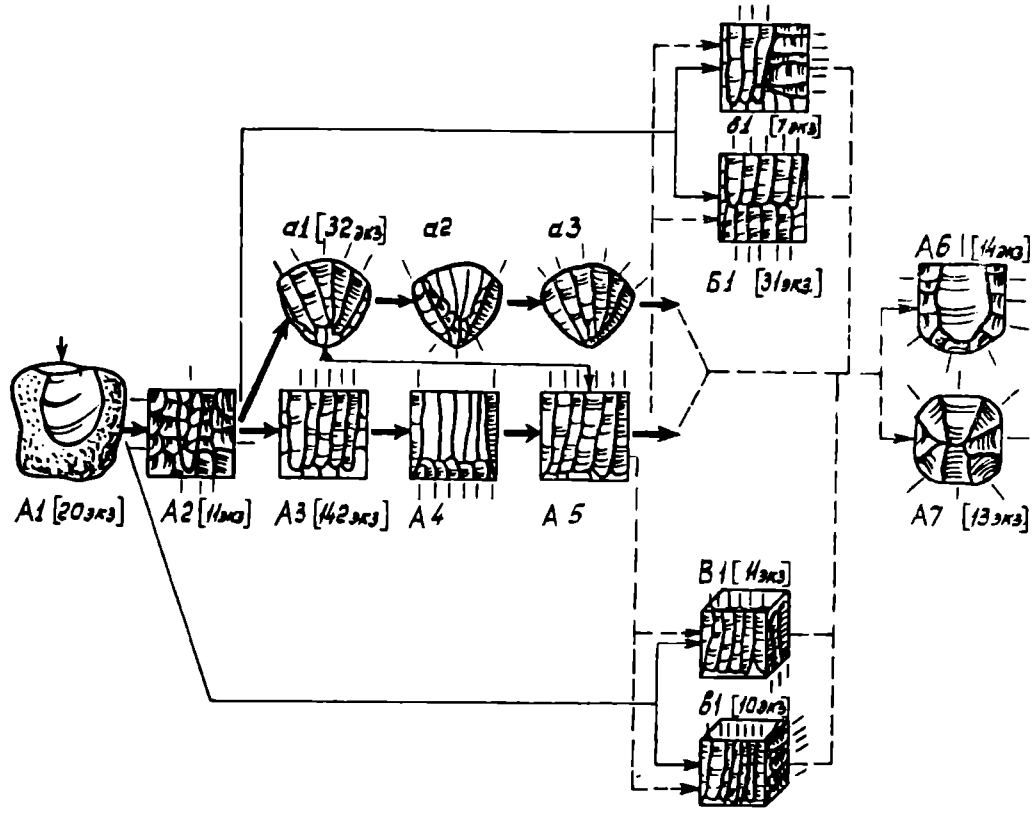


Рис. 9. Модель технологии расщепления индустрии Абадзехского местонахождения

расщепления и иногда тыльной поверхности. Заканчивалась эта подготовка снятием «реберчатого» скола; при этом начиналась третья стадия — процесс скалывания заготовок (рис. 9, *А3*). Снималось столько искомых сколов-заготовок, сколько позволяла морфология поверхности расщепления до ее упрощения. Далее, на четвертой стадии (рис. 9, *А4*), восстанавливалась необходимая морфология поверхности расщепления, часто при помощи снятия «краевых» сколов. На пятой стадии (рис. 9, *А5*) вновь скалывались требуемые заготовки до уплощения поверхности расщепления. Таким образом, ядрище срабатывалось в данной индустрии до минимально возможных пределов, позволяющих получать заготовки с заданными параметрами. На той же стадии, когда уже было невозможно снимать традиционные заготовки, но сколы вполне еще могли отбиваться, в процессе расщепления, возможно, применялись вспомогательные приемы и способы скалывания. При употреблении соответствующей подготовки это мог быть либо «леваллуазский» способ скалывания (рис. 9, *А6*), либо радиальный способ односторонне-многоплощадочного приема скалывания (рис. 9, *А7*).

Совершенно аналогичными стадиями и их порядком будет описываться применение второго конвергентного способа односторонне-одноплощадочного приема скалывания (рис. 9, *а1—а3*).

Использование односторонне-двухплощадочного приема скалывания заготовок с его параллельно-встречным и ортогональными способами (рис. 9, *Б1,б1*) может рассматриваться и как самостоятельное, и в качестве одного из способов технологии срабатывания ядрищ, вариант которой предложен В. Б. Дороничевым,— «техника утилизации» [24, с. 90]. Таким же образом мог применяться и двусторонне-двухплощадочный прием скалывания с обоими его способами (рис. 9, *В1, в1*). В этих случаях завершение процесса получения заготовок могло быть такое же, как и при основном, односторонне-одноплощадочном приеме скалывания (рис. 9, *А6—А7*), только с подправкой на двусторонность при двусторонне-двухплощадочном приеме. При использовании всех приемов скалывания заготовок

кроме вспомогательных могли применяться, вероятно, единые приемы подготовки и подправки ядрищ.

Таким образом, представленная модель технологии расщепления на Абадзехской мастерской-стоянке отражает, как представляется, специфику этой индустрии. Она выражается в преимущественном употреблении односторонне-одноплощадочного приема скалывания заготовок и приема подправки ядрищ с помощью снятия «краевых» сколов. В этой связи интересно отметить, что одна из отличительных черт индустрии настолько выразительна, что проявляется сразу же при любом анализе изделий местонахождения. В. Б. Дороничев совершенно верно отметил, что сутью данного расщепления камня «служила односторонняя утилизация, выражающаяся в скалывании заготовок только на одной поверхности расщепления...» [24, с. 88]. Являются ли отмеченные показатели спецификой технологии индустрии только Абадзехской мастерской-стоянки, покажет дальнейшее сравнение с технологиями индустрий других нижнепалеолитических памятников.

Восстановление технологии палеопроизводства позволяет прежде всего более доказательно выявить хозяйственную специфику любого палеолитического памятника. Например, если в коллекции восстанавливается определенная технология расщепления камня, то вполне обоснованным будет считать, что это — остатки индустрии с памятника типа мастерской по производству сколов. Кроме того, воссозданные различные палеотехнологии на мастерских могут послужить основанием для классификации самих памятников такого рода. Но самой заманчивой представляется пока гипотетическая возможность на основе сравнения палеотехнологий различных индустрий говорить об их хронологии или даже об относительном возрасте материалов этих индустрий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аутлев П. У.* Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп, 1963.
2. *Несмеянов С. А.* К вопросу о геоморфологическом положении ашельских памятников Закубанья//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1986.
3. *Голованова Л. В.* Ашельские памятники Северного Кавказа: Дис. канд. ист. наук Л., 1986.
4. *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий//МИА. 1965. № 131.
5. *Панычкина М. З.* Палеолитические нуклеусы//АСГЭ. 1959. Вып. 1.
6. *Коробков И. И.* О методике определения нуклеусов//СА. 1963. № 4.
7. *Коробков И. И.* Нуклеусы Яштуха//МИА. 1965. № 131.
8. *Медведев Г. И. и др.* О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья//Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1974.
9. *Медведев Г. И.* К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири//Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981.
10. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
11. *Бонч-Осмоловский Г. А.* К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий//Человек. 1928. № 2—4.
12. *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий: Автореф... дис. канд. ист. наук. Л., 1974.
13. *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи//Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
14. *Сулейманов Р. Х.* О нуклеусах из пещерной стоянки Оби-Рахмат//КСИА. 1968. Вып. 114.
15. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
16. *Сулейманов Р. Х.* К методике классификации палеолитических индустрий//История материальной культуры Узбекистана. 1974. Вып. 11.
17. *Казарян Р. П.* К проблеме техники леваллуа//Историко-философский журнал. 1981. № 3.
18. *Казарян Р. П.* О принципах классификации нежнепалеолитических нуклеусов//Тез. докл. на краевой конференции по проблемам исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984.
19. *Гиря Е. Ю.* Основные закономерности краевого скалывания//Тез. докл. на VI Республ. конф. молодых ученых по актуальным проблемам историко-археол. исследований. Киев, 1987.
20. *Гиря Е. Ю.* Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня//СА. 1991. № 3.
21. *Нехорошев П. Е.* Техника расщепления камня мустьерской стоянки Ильская-1//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.

22. *Нехорошев П. Е.* К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня//СА. 1992. № 3.
23. *Дороничев В. Б.* Динамический технологический анализ как метод изучения технологии расщепления камня в палеолите//Тез. докл. на краевой конференции по проблемам исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984.
24. *Дороничев В. Б.* Изучение техники расщепления нуклеусов как системы взаимосвязанных технологических процессов//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1986.
25. *Bordes F.* Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

S. A. KULAKOV

STONE FLAKING TECHNOLOGY OF THE ABADZEKH PALAEOLITHIC SITE (the northern Caucasus)

Summary

The paper is devoted to the technological analysis of Lower Palaeolithic industry of Abadzekh site (Krasnodar region). The cause for this kind of analysis was applied is the abundance of manufacture products reflecting the particular activity set at the site, where flake-blankes were produced. The author consideres the site to be factory-occupation one. The analysis of the lithic reduction demonstrated the acievement of long blanks with parallel and subparallel dorsal ridges. To detach them single-ended cores with one worked surface were used, flaking forces being close to parallel. The author identifies auxiliary spells and reconstructes the modes of core preparing, rejuvenating and altering. As a result a generalized model of Abadzekh lithic reduction process is proposed. The author claimes that on the basis of the reconstructed technology the peculiarities of manufacturing process may be clarified better. Furthermore, the reconstruction of the palaeotechnology practiced at any site may be a prerequisite for its classification. The possibility of dating of different industries basing on such technological studies is now to small.

Публикации

С. Н. АСТАХОВ, Г. Ю. ЗУБАРЕВА, Н. Ф. ЛИСИЦЫН, А. Ф. ЯМСКИХ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ШЛЕНКА

В 1978—1986 гг. А. Ф. Ямских проводил спасательные работы в Балахтинском р-не Красноярского края у с. Приморск на стоянке в урочище Острожонское. Сборы подъемного материала и фауны производились в 1 км к юго-востоку от села над бывшей долиной речки Шленки, ставшей ныне заливом Красноярского водохранилища. До затопления в рельефе долины Енисея на этом участке были хорошо выражены террасы низкого комплекса — 8—14 и 17—25 м. Сейчас над водой возвышаются 130—140-метровая терраса и 70—80-метровый террасовидный уровень. Поверхность последнего осложнена как эрозионными формами — пологими логами и реже оврагами, так и оползневыми и солифлюкционными формами рельефа. Стоянка приурочена к кулисообразному понижению террасовидного уровня, имеющему выход в долину Енисея через серию логов.

Стоянка располагалась на горизонтальной площадке, окруженной с трех сторон в виде подковы крутыми склонами, защищающими от господствующих ветров, и имеющей пологий спуск к воде по дну большого лога. Подъемный материал концентрировался на береговом пляже на участке в 250 м, за пределами этой полосы встречены единичные предметы. Вблизи устья лога найдена группа валунов в виде кольцевой выкладки. Здесь встречены наиболее крупные изделия: галечные орудия, отбойники. Скопление костей мамонта и основная масса расщепленного камня, залегавшие очень компактно, зафиксированы ниже по течению реки. Между кольцевой выкладкой и скоплением найдены кости бизонов, северного оленя.

Расчисткой абразионного уступа вскрыт следующий разрез отложений на участке наибольшей концентрации артефактов (горизонты, лежащие ниже 3 м от поверхности, вскрыты шурфом): 1) гумусный слой — 0,0—0,25 м; 2) светло-коричневая (бурая) плотная супесь — 0,25—0,75 м; 3) светло-серая однородная пылевидная супесь с включениями карбонатов в виде псевдомицелия — 0,75—1,50 м; 4) красноватая прослойка супеси с включениями карбонатных конкреций — 1,50—1,52 м; 5) желто-серая супесь, лёссовидная, карбонатная, со слабовыраженной слоистостью, с включением окислов марганца в виде точек и небольших пятен — 1,52—2,35 м; 6) светло-серая горизонтально-слоистая супесь с тонкими красноватыми прослойками ожелезнения, более четко выраженными по мощности и интенсивности окраски на контактах выше- и нижележащими слоями. Эти прослои насыщены мелкой дресвой — 2,35—2,55 м; 7) супесь зеленовато-серая, горизонтально-слоистая, с прослоями мелкозернистых песков. Ожелезнение слойками от 1,5 до 5 см. При большом насыщении окислов железа образованы конкреции — 2,55—2,95 м; 8) супесь с красноватым оттенком, опесчаненная — 2,95—3,30 м; 9) светло-серая слоистая супесь с зеленоватым оттенком, интенсивно насыщенная окислами железа — 3,30—4,30 м; 10) переслаивание суглинка серого цвета с красноватой супесью — 4,30—4,60 м; 11) коричнево-бурый суглинок — прослежен до глубины 5 м от современной поверхности.

© С. Н. Астахов, Г. Ю. Зубарева, Н. Ф. Лисицын, А. Ф. Ямских, 1993 г.

По наблюдениям А. Ф. Ямских, культурный горизонт стоянки залегал в слое 5, но отдельные находки встречались и в кровле нижележащего горизонта. При изучении стратиграфии стоянки в 1982 и 1988 гг. Н. Ф. Лисицын зафиксировал аналогичную глубину залегания единичных артефактов.

Фауна стоянки Шленка определена предварительно. Собрано около 1 500 определимых костных остатков. Основным объектом охоты являлся северный олень. Второе место по количеству костей занимал мамонт, но по замечанию Н. М. Ермоловой, этот зверь по продуктивности был на первом месте в экономике обитателей стоянки. Третье место в охотничьей добыче принадлежит лошади. Небольшую роль занимала охота на зубра, благородного оленя, кулана, аргали. Собраны отдельные кости лося, волка, лисицы, песца, бурого медведя, сурка.

Получены радиоуглеродные даты: по бивню мамонта — 20 100 ± 100 (ГИН-2863), по костям конечностей мамонта — 19 700 ± 200 (ГИН-2861), по костям лошади и бизона — 18 600 ± 2000 (ГИН-2862), 17 660 ± 700 (ГИН-2862а).

Спорово-пыльцевой анализ, выполненный Г. Ю. Зубаревой, позволяет воссоздать некоторые особенности палеогеографической обстановки периода существования стоянки. Конец каргинского межледникового периода, которому соответствуют осадки, подстилающие культурный слой, характеризуется развитием лесостепных и лесных ландшафтов, но с направленным снижением лесистости территории. В образцах обнаружено наибольшее содержание пыльцы как хвойных (ель, пихта, сосна, кедр), так и лиственных пород (березы). Наряду с этим присутствует пыльца «холодолюбивых» растений — кустарничковой березки, полыней, маревых. В горизонте, непосредственно подстилающем культурный слой, встречена пыльца тех же растений, но в значительно меньшем количестве. Перекрывающие культурный слой литологические горизонты содержат единичные пыльцевые зерна, а некоторые образцы оказались «пустыми».

Наиболее вероятным является утверждение о распространении в районе стоянки в период ее обитания лесостепных ландшафтов, с преобладанием холодностепных участков. Сопоставление результатов спорово-пыльцевых анализов разреза отложений, включающих культурный слой стоянки Шленка, с исследованиями близких по возрасту осадков на других участках долины Енисея свидетельствует об идентичности природной обстановки на обширной территории в начале сартанской эпохи [1]. В большинстве своем это были ландшафты «холодных» лесостепей с преобладанием полынно-маревых ассоциаций и подчиненным положением древесных растений.

Часть коллекции каменных изделий, собранных в 1979—1980 гг., изучена С. Н. Астаховым [2], найденные позднее — Н. Ф. Лисицыным. Все сборы рассматриваются как один комплекс, хотя не исключено, что отдельные изделия могут быть более поздними. Всего в коллекции имеется 1 018 отщепов, 396 чешуек, 248 пластинок, 9 обломков галек, 12 галек в начальной стадии обработки, 8 галек-отбойников, 436 небольших обломков и осколков, 10 обломков нуклеусов, 62 ядрища в разной степени расщепления, 103 орудия. В качестве сырья использовались в основном зеленоватые мелкозернистые кварциты, редко кварциты черных тонов. Единичными изделиями представлены кремень, яшмовидные породы, кремнистые сланцы.

Техника первичного расщепления прослеживается достаточно хорошо по отходам производства и серии ядрищ. Доминировало снятие пластинчатых отщепов и мелких пластинок с небольших галечных заготовок. Соотношение отщепов и пластин среди отходов производства составляет 88,6 и 11,4%, среди орудий — 29,7 и 70,3%. Основное количество сколов имеет гладкие ударные площадки и сложную огранку спинки: негативы предшествующих снятий не параллельны, часто пересекаются, грани неровные, извилистые. Пластинки без следов четкой огранки указывают на отсутствие призматической техники расщепления на данной стоянке. Большое количество мелких отщепов, чешуек, обломков, осколков, нуклеусов говорит об обработке камня на месте стоянки. Отмечая этот

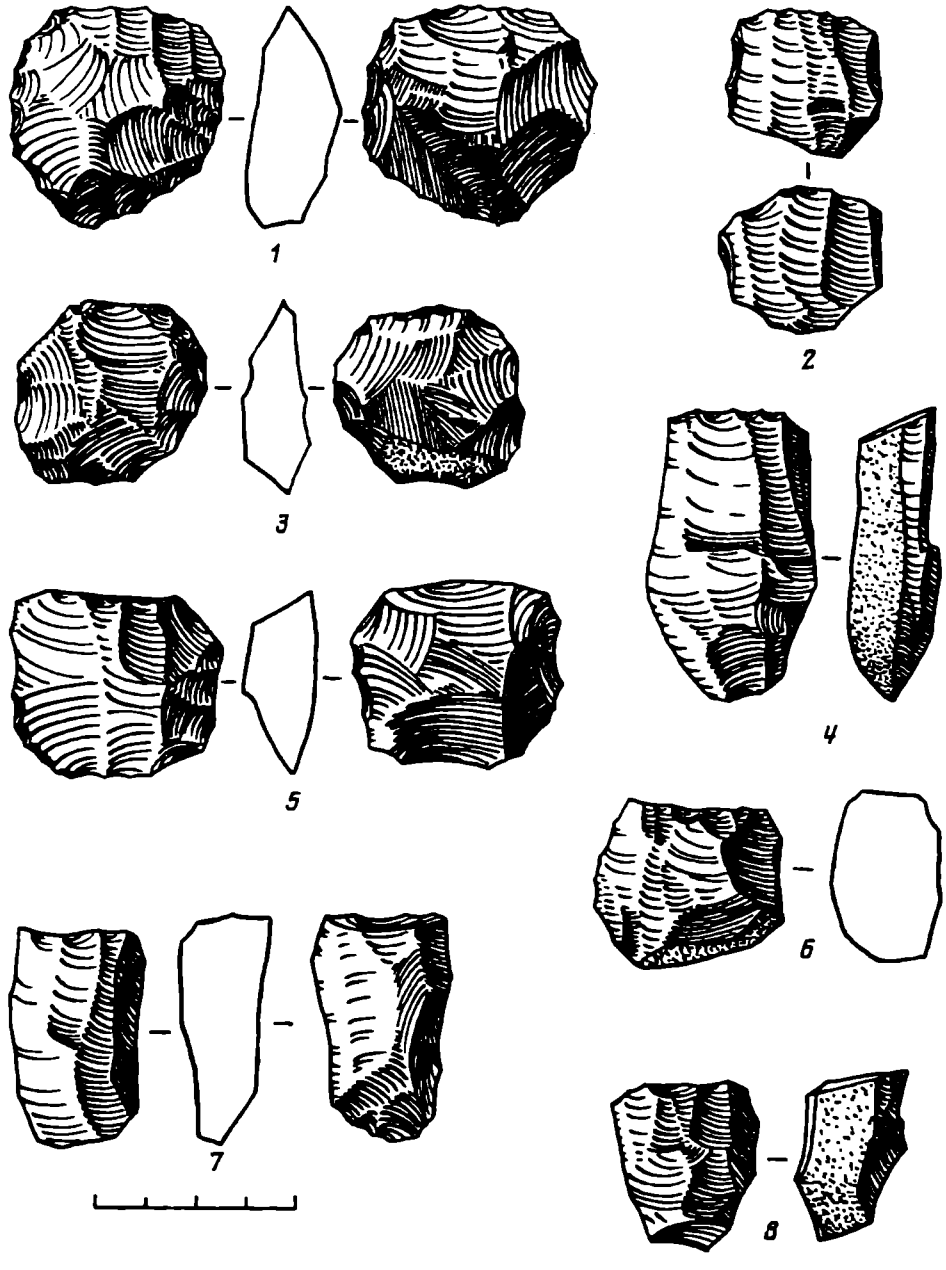


Рис. 1. Нуклеусы стоянки Шленка

факт, следует подчеркнуть, что сырье на высокую террасу поступало издалека, вероятно с галечниковых отмелей.

Нуклеусы в разной степени использования дают возможность полнее охарактеризовать технику первичного расщепления. Процесс обработки камня начинался с удаления одного из концов гальки. С подготовленной таким образом ударной площадки с одной боковой плоскости снимали пластинки. Таких одноплощадочных односторонних ядрищ в коллекции 26 экз. Интересно отметить, что наряду с небольшими гальками использовались и обломки. Фронт расщепления в основном выпуклый; использование полезной площади незначительно — на камне сохраняются значительные участки корки (рис. 1, *6*, *8*). Найдено только одно изделие, которое можно отнести к грубым одноплощадочным двусторонним формам.

Очень своеобразна группа ядрищ подконической формы с широкой округлой гладкой ударной площадкой — 8 экз. Негативы сколов у данных предметов прослеживаются по всему периметру площадки. По форме ядрища напоминают

очень грубые скребки высокой формы и, возможно, являются заготовками для таких орудий.

Использование нуклеусов для скалывания заготовок с двух площадок во встречном направлении с одной плоскости не практиковалось. Есть только одно изделие, которое можно считать двухплощадочным односторонним (рис. 1, *4*), но зато в коллекции представлена оригинальная серия двухплощадочных изделий с продольно-поперечным принципом расщепления. Среди этих 14 экз. выделяются как типичные ядрища, у которых снятие пластинок производилось на одной стороне в параллельном вертикальной оси направлении, а с противолежащей плоскости — в продольном, так и варианты этой группы. Среди последних следует отметить изделия, у которых поперечные негативы снятий примыкают непосредственно к стороне с вертикальными следами сколов. Обращает на себя особое внимание мелкое ядрище, у которого плоскость расщепления служила и площадкой для отделения пластинок в поперечном направлении (рис. 1, *2*).

Наконец, к двухплощадочным двусторонним нуклеусам относится изделие, у которого сколы идут во встречном направлении, но на разных плоскостях, примыкающих друг к другу. В коллекции имеется одно трехплощадочное ядрище, но негативы сколов на этом предмете фиксируются только с одной ударной площадки (рис. 1, *7*).

Интересна группа многоплощадочных ядрищ — *5* экз. Эти изделия в процессе использования приобрели поддисковидную форму с негативами радиальных снятий. На каждом предмете прослеживается минимум четыре площадки (рис. 1, *1, 3, 5*). К полностью истощенным можно отнести шесть мелких аморфных нуклеусов, характеризующихся случайностью формы. Обломки ядрищ объединяются в одну группу по наличию негативов сколов.

Особо следует подчеркнуть полное отсутствие в каменном инвентаре стоянки Шленка ядрищ с торцовым принципом расщепления. Несмотря на отсутствие торцовой и призматической техники раскалывания, снятие заготовок достигло высокого совершенства. Сколотые пластинки очень тонки и в то же время при небольшой ширине имеют значительную длину.

Набор орудий характеризуется типологическим разнообразием. Имеется 3 пластины с ретушью, 43 ретушированные пластинки, 2 проколки, 2 резца, 19 скребков, 1 скребловидное и 3 галечных орудия, 16 выемчатых форм, 11 отщепов с ретушью, 3 фрагмента орудий. В то же время отсутствуют многие характерные для верхнего палеолита Енисея типы изделий: скребла, острия, остроконечники, долотовидные формы.

К пластинам с ретушью отнесены изделия длиной 3—*5* см с обработкой одного края. Среди пластинок длиной 2—3 см выделяются орудия с ретушью по одному краю — 21 экз. и фрагменты пластинок с усеченным концом и притупливающей ретушью по одному из краев — 22 экз. В первой группе, за исключением одного изделия (рис. 2, *13*), ретушь непрерывная, мелкая, пологая, во второй — непрерывная крутая, затупливающая (рис. 1, *1—7, 10, 11*).

Проколка в коллекции одна. Она изготовлена из пластинки, сохранившей на спинке участок с галечной коркой. Конец орудия обломан, но достаточно хорошо реконструируется удлиненное жальце (рис. 2, *14*). К проколкам можно отнести и небольшой пластинчатый отщеп с ретушированным щипом (рис. 2, *12*). Найдены два боковых резца (рис. 2, *8, 9*).

Привлекает к себе внимание группа скребков, изготовленных на пластинчатых заготовках — 8 экз. и отщепах — 11 экз. Орудия небольшие по размерам: концевые — 14 экз., округлые — 3, конвергентные — 1, комбинированные — 1 экз. Среди концевых скребков (рис. 2, *21—25*) изделий с выпуклым симметричным лезвием — 9 экз., с прямым — 1, со скошенным — 4 экз. Очень своеобразны округлые скребки высокой формы на массивных небольших отщепах с крутыми сколами по периметру и подправкой ретушью лезвия (рис. 2, *18, 20*). Комбинированный скребок характеризуется тем, что два его лезвия сходятся и образуют небольшой щип — проколку (рис. 2, *19*). К конвергентным орудиям отнесено

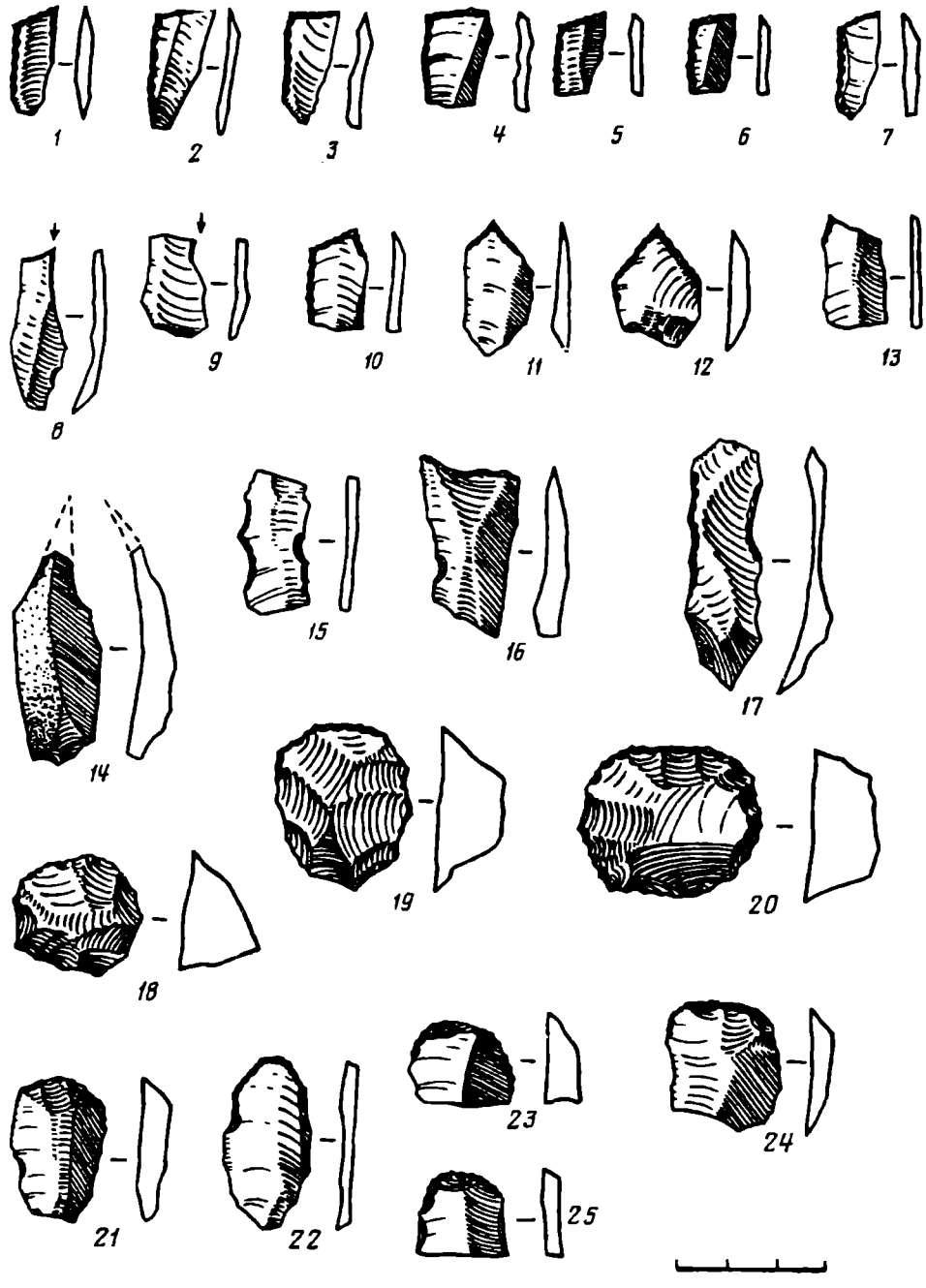


Рис. 2. Орудия стоянки Шленка. *1—7, 10, 11, 13* — пластинки с ретушью; *8, 9* — резцы; *12, 14* — проколки; *15—17* — выемчатые орудия; *18—20* — скребки высокой формы; *21—25* — концевые скребки

изделие со сходящимися рабочими краями, сформированными на боку и конце пластинчатого отщепа.

Скребловидное орудие — это небольшая массивная галька, у которой в продольном направлении с концов двух противолежащих сторон сделано по одному широкому сколу. С полученных таким образом ударных площадок в поперечном направлении концы галек обтесаны в виде выпуклых скреблообразных лезвий, близких по форме и наклону сколов скребкам высокой формы. Орудие не имеет аналогов. Галечные орудия — чопперы очень трудно отличить от галек в начальной стадии обработки. В данном случае к орудиям отнесены гальки с концом, сколотым под углом к длинной оси камня, и рабочим краем со следами использования. Два изделия — это типичные чопперы с поперечным лезвием, а одно орудие, кроме этого, имеет еще и продольный рабочий край.

Достаточно разнородной выглядит серия выемчатых орудий. На пластинчатых заготовках или их фрагментах сделано 11 экз. орудий, на отщепах — 5 экз. Среди трех изделий с выемками на двух противолежащих краях выделяется наиболее крупная пластинка (рис. 2, *17*). Своеобразно орудие с выемкой на дистальном конце (рис. 2, *16*) и изделие с мелкой ретушью по одному краю и зубчатой ретушью по противолежащему (рис. 2, *15*).

Среди группы отщепов с ретушью только одно изделие имеет обработку всего рабочего края, на остальных орудиях прослеживаются участки с эпизодической ретушью. В группу фрагментов орудий отнесены обломки двух пластинок и одного отщепа с тщательной ретушью.

Таким образом, инвентарь стоянки Шленка имеет ярко выраженный пластинчатый характер: из 103 экз. на отщепах изготовлено 29 орудий, из целых галек 4 экз.

Костяные орудия в коллекции практически отсутствуют. Найден только фрагмент небольшого костяного стерженька со следами обработки.

Хронолсгические рамки существования стоянки Шленка определяются стратиграфическими наблюдениями, составом фауны, радиоуглеродными датами и не в последнюю очередь типологией каменного инвентаря.

Наиболее полный стратиграфический разрез в пределах Чулымо-Енисейской котловины представлен на стоянке Куртак-4, где Н. Ф. Лисицыным вскрыта толща отложений, вмещающая 22 литологических горизонта на глубину 14 м от современной поверхности. Культурный слой этого памятника находился на глубине 5 м в горизонте, соответствующем слою 11 стоянки Шленка. В аналогичных отложениях залегали культурные слои стоянок Ижуль-I и Приморск (нефтебаза). Последний пункт находок расположен всего в 1 км вверх по течению Енисея от Шленки. Судя по радиоуглеродным датам в пределах 24—25 тыс. лет назад, стоянки существовали в самом конце каргинского межледниковья. Для всех трех памятников характерна мамонтовая фауна, в которой полностью отсутствует северный олень, являющийся индикатором наступления сартанского оледенения. В инвентаре стоянок Куртак-4 и Ижуль-I господствует техника отщепа, и на фоне коллекций этих поселений пластинчатая мелкая индустрия Шленки выглядит полностью чужеродной. Таким образом, наиболее древние памятники верхнего палеолита в пределах долины Среднего Енисея генетически не связаны со стоянками типа Шленка.

Наиболее близкие аналогии коллекция стоянки Шленка находит в инвентаре стоянок Афанасьева Гора, Новоселово-13 (нижний слой), Тарачиха. Культурный слой двух последних памятников залегает в идентичных со Шленкой литологических горизонтах, а Тарачиха имеет и очень близкую по многим показателям фауну, включая северного оленя [3]. Афанасьева Гора включается в данную группу по наличию мамонтовой фауны и типологии инвентаря. Культурный слой последнего памятника залегал прямо на скальных выходах склона Афанасьевой Горы в маломощной толще покровных отложений [4]. Своеобразие комплексов всех четырех стоянок заключается в широком использовании мелких пластинок, сколотых с небольших галечных ядрищ. Техника торцового расщепления, судя по изделиям стоянки Тарачиха, в раннесартанское время только зарождается. В коллекции ядрищ присутствуют в то же время и более древние дисковидные формы. В группе орудий обращают на себя внимание мелкие пластинки с притупленным краем и одним из концов, а также своеобразные скребки высокой формы. Представительная группа резцов, выемчатых орудий, концевых скребков, оригинальные проколки еще больше подчеркивают особенности индустрии данных памятников.

Генезис раннесартанских стоянок на Среднем Енисее пока не прослеживается. Появление мелкого пластинчатого комплекса в Чулымо-Енисейской котловине после окончания каргинского потепления неожиданно, перерастание в более поздние палеолитические культуры — кокоревскую и афонтовскую — по археологическим данным достоверно не прослеживается. Время существования памят-

ников типа Шленка ограничивается первой половиной сартанского оледенения. Так, если обратиться опять к стратиграфическому разрезу этой стоянки, то к слою 4 (красноватая маркирующая прослойка супеси, присутствующая на всех енисейских разрезах) приурочен средний культурный горизонт стоянки Новоселово-13. Каменный инвентарь последнего пункта, имеющий переходный характер от мелкой пластинчатой техники к снятию крупных заготовок, возможно, отмечает верхний рубеж существования мелких пластинчатых комплексов. О возрасте этого литологического горизонта можно судить по радиоуглеродным датам стоянки Куртак-3, культурный слой которой можно привязать к кровле слоя 5 : 14 300 ± 100 (ЛЕ-14 573), 14 390 ± 100 (ЛЕ-1456), 14 600 ± 200 (ГИН-2101), 16 900 ± 700 (ГИН-2102). Инвентарь стоянки Куртак-3 это уже типично афонтовский комплекс верхнепалеологической культуры Енисея с обилием скребел, галечных и скребловидных орудий, микроскребков, серии мелких торцовых ядрищ. В технике расщепления полностью господствуют в качестве заготовок для орудий крупный отщеп. К нижнему горизонту слоя 3 приурочен культурный слой стоянки Дивный-1 с афонтовским составом инвентаря. Кости мамонта на позднесартанских памятниках уже не встречаются и основной охотничьей добычей становится бизон и северный олень.

К кровле горизонта 3 стоянки Шленка приурочены культурные слои стоянок Новоселово-6, 7 и 13. Судя по радиоуглеродной дате первого пункта в 11 600 ± 500 (ГИН-403), все три новоселовских памятника относятся к финальной стадии верхнего палеолита на Енисее и входят в культурно-историческом плане в кокоревскую культуру. В составе охотничьей добычи доминирует северный олень.

Таким образом, в стратиграфическом отношении раннесартанские памятники Чулымо-Енисейской котловины вклиниваются между комплексами, имеющими иную технику первичного расщепления, вторичную обработку заготовок и типологический состав инвентаря. Массовое появление северного оленя и формирование ландшафтов «холодных» лесостепей указывает на резкое ухудшение климата по сравнению с периодом каргинского межледниковья. Радиоуглеродные даты подтверждают существование стоянок с мелкой пластинчатой индустрией в период первой половины сартанского оледенения.

Возможно, исчезновение мелких пластинчатых комплексов связано с изменением способа охоты или с возникновением и широким развитием техники торцового расщепления. По крайней мере с исчезновением мамонта, кости которого не встречаются на стоянках, культурные слои которых фиксируются в литологических отложениях выше слоя 6 стоянки Шленка, происходит формирование другого состава каменного инвентаря.

Верхнепалеолитические стоянки Енисея типа Шленка имеют широкий круг аналогий в Западной и Восточной Сибири. Из западносибирских памятников следует упомянуть Томскую и Ачинскую стоянки, первая из которых имеет дату по углю в 18 300 ± 1000 (ГИН-2100). Наиболее сопоставимо с енисейскими стоянками благодаря многочисленности коллекции Ачинское поселение [5]. Здесь среди ядрищ представлены все формы, характерные для коллекций Чулымо-Енисейской котловины, включая и размеры галек. Среди орудийного набора обращают на себя внимание категория мелких пластинок с притупленной спинкой, обилие выемчатых орудий, скребки высокой формы и концевые скребки. Особенностью коллекции стоянки является наличие скребел, сформированных на гальках, но эти орудия немногочисленны. В целом инвентарь Ачинской стоянки имеет больше сходства, чем различий с раннесартанскими памятниками Енисея. Возможно, к кругу стоянок с мелким пластинчатым набором изделий следует отнести пока малоизвестную стоянку Шестаково с радиоуглеродной датой в 22 980 ± 125 (СОАН-1380) и с мамонтовой фауной, исследованную А. П. Окладниковым в Кемеровской обл. На р. Чулым А. Ф. Ямских вскрыл горизонт скопления раздробленных остатков животных мамонтовой фауны и получил по кости дату

в 20 200 ± 100 (ГИН-2860). Возможно, в процессе раскопок будет открыт новый раннесартанский памятник в этом районе.

Как западносибирские, так и енисейские раннесартанские памятники резко отличаются по составу инвентаря от других стоянок этих регионов, что позволило уже после открытия стоянки Тарачиха на Енисее выдвинуть гипотезу о вариантах мальтино-буретской культуры в Западной и Южной Сибири [6]. Открытие стоянок Афанасьева Гора, Шленка, Новоселово-13 (нижний слой) в Минусинской котловине подтвердили правомочность выделения своеобразного круга археологических памятников на Енисее и его близость раннесартанским ангарским стоянкам. Достаточно отметить, что в Мальте основой для изготовления орудий также служила пластинка, сколотая с небольших ядрищ, часто сработанных до предела. В комплексе этого поселения прослеживается только зарождение техники торцовых клиновидных нуклеусов. Встречаются и мелкие дисковидные ядрища. В составе орудий широко представлены пластинки с притупливающей ретушью и усеченным ретушированным концом, выемчатые орудия, проколки, резцы, концевые скребки на тонких пластинках и скребки высокой формы на округлых отщепах. Очень немногочисленны галечные орудия и скребла [7]. Древний человек жил на Мальтинской стоянке в начальные этапы становления перигляциальной среды с преобладанием в ландшафте недревесных растений. В это время в окрестностях стоянки еще встречался мамонт, но основной охотничьей добычей становится северный олень. По совокупности данных естественных наук Мальтинская стоянка существовала в начальные этапы сартанского оледенения [8]. Стоянку Буреть называют двойником Мальты [9].

Таким образом, как в культурно-историческом, так и в хронологическом отношении енисейские раннесартанские стоянки близки как западносибирским, так и восточносибирским комплексам, датируемым аналогичным временем. Естественно, что об одновозрастности этих памятников следует говорить лишь в геологическом смысле, так как в дальнейшем, вероятно, можно будет выделить среди них более ранние и более поздние в пределах первой половины сартанского оледенения стоянки. Об этом в определенной степени свидетельствует и каменный инвентарь — коллекции каждой стоянки при значительном сходстве все-таки не тождественны и имеют определенные различия. Считать ли эти различия хронологическими или культурными при современной источниковедческой базе, зависит от позиции исследователя.

Выделение раннесартанских комплексов Енисея в отдельную археологическую культуру, включение их в качестве локальных вариантов в мальтино-буретскую культуру или объединение всех памятников с мелкой пластинчатой индустрией в единую обширную культурную область, которую З. А. Абрамова предлагает назвать ангаро-чулымской [10], будет зависеть от накопления новых полевых материалов. Пока же можно сделать вывод, что открытие и исследование новой стоянки Шленка — четвертого раннесартанского памятника в Чулымо-Енисейской котловине — позволило внести существенный вклад в решение вопроса о времени и месте существования стоянок подобного типа не только в Южной Сибири, но и в других регионах азиатской части России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ямских А. Ф.* О полицикловых террасах в долине Среднего Енисея // Палеогеография Средней Сибири. Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1987.
2. *Астахов С. Н., Ямских А. Ф.* Новая верхнепалеолитическая индустрия и геолого-геоморфологическое положение стоянки «Шленка» // Природные условия и ресурсы юга Средней Сибири. Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1983.
3. *Абрамова З. А.* Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее // КСИО. 1983. Вып. 173.
4. *Лисицын Н. Ф.* Афанасьева Гора // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: Наука, 1987.
5. *Аникович М. В.* Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической стоянки // Сибирь. Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита). Новосибирск: Наука, 1976.
6. *Абрамова З. А.* Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южносибирская

культурная область // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975.
7. *Герасимов М. М.* Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 118.
8. *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.
9. *Окладников А. П.* Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре // СА. 1940. Т. V.
10. *Абрамова З. А.* Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
Красноярский педагогический институт

S. N. ASTAKHOV, G. Yu. ZUBAREVA, N. F. LISITSYN, A. F. YAMSKIKH

THE PALAEOLITHIC SITE OF SHLENKA

Summary

The site of the Upper Palaeolithic named Shlenka is located on a high terrace of the Yenisey river. A specific set of blade stone industry is characteristic for it. The data of stratigraphy, fauna (mammoth), pollen and radiocarbon analyses (20.000—18.000 B. P.) dates the site to the first of the Sartan glaciation of Siberia. A comparison of the stone tools from Shlenka with ones from Afanasyeva Gora, Tarachikha and Novoselovo-13 (the lower layer) led the authors to a conclusion about the existance of a genetically close and synchronous group of sites in the Chulym-Yenisey hollow. But they have no genetic links with the other Upper Palaeolithic sites of the region. Chronologically and culturally close to this group are the sites with similar set of small blade tools such as Tomsk and Achinsk sites in Western Siberia, Malta and Buret' in Eastern Siberia.

Г. М. БУРОВ

ДЕРЕВЯННЫЕ ОРУДИЯ ОХОТЫ У МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

При раскопках 1960—1967 гг. в пойменной части полихронного поселения Вис I (Вычегодский край) собрана коллекция изделий из растительного сырья, насчитывающая 149 предметов конца VII—VI тыс. до н. э., не считая строительных остатков (колья) и древесины со следами рубки или срезания (рис. 1). Этот уникальный материал, обобщенный в сводной работе автора [1, с. 6—9], до сих пор не опубликован монографически, а значительная часть его вообще еще не вводилась в научный оборот. Сведения о висских находках, преимущественно краткие, разбросаны по разным изданиям [2, с. 110; 3, с. 99—102; 4, с. 155—163; 5; 6, с. 6; 7; 8, с. 47, 66—68, рис. 10; 9, с. 6, 7; 10 с. 27—40; 11, с. 195—202; 12, с. 132; 13, с. 76—78; 14, с. 84—86; 15, с. 131—135; 16; 17, с. 154, 161, 168]. Чтобы восполнить имеющийся пробел, нами начата публикация статей, посвященных отдельным категориям собранных вещей, а также аспектам мезолитической экономики и культуры. Так, вышли из печати работы о санях [18, с. 117—128; 19], охотничьих луках, луках сверлильно-огневого назначения и лыжах [20—22]. В настоящей статье обобщены данные об охоте в эпоху мезолита. Ее орудиями служили простые луки со стрелами, копья и метательные дубинки — материал, еще преимущественно не знакомый широкому кругу исследователей.

Луки[1]. Г. Раусинг [23, с. 130—135] различает простые луки асимметричного, сегментовидного, двояковыгнутого и треугольного профилей. Почти все изделия этой категории из Виса I (29 экз.) — первой разновидности, так как верх и низ у них резко различаются. Эти луки, обычно из древесины ели и сосны, мы относим к висскому типу, который делится на два варианта. В первый из них входят изделия тонкой работы, часто с гравированным орнаментом, из стволов хвойных пород, имеющие длину 134—156 см (рис. 2, *1, 2*). Нижняя часть длиннее и массивнее, чем верхняя, вверху миндалевидный выступ — «козырек», ниже которого, как правило, проделано отверстие для фиксации тетивы (рис. 2, *2*). Посредине (слева или справа) — в большинстве случаев полочки в виде уступа, одной или двух выемок (рис. 2, *2*) для направления стрел. Как орудия мезолитического времени такие изделия уникальны, но имеют этнографические параллели в Бразилии (рис. 2, *3—6*) и на Дальнем Востоке [23, с. 31, 32, табл. 11, *6—9*; 24, с. 191], примыкая, благодаря своей массивности, к так называемым «длинным» лукам Западной Европы[2].

Конечно, висские изделия довольно оригинальны и не имеют выраженных аналогий в Западной Европе, где известно сравнительно много древних луков. В гораздо меньшей степени отличаются висские луки первого варианта от находок IV—III тыс. до н. э. с территории СССР. В Горбуновском торфянике близ Нижнего Тагила обнаружены обломки нескольких изделий с резным выступом на конце в виде лопасти, отогнутой внутрь под тупым углом [26, рис. 9, *18*;

[1] В связи с тем, что лукам уже посвящена подробная публикация (на немецком языке), здесь приводятся лишь краткие сведения о них, дополненные результатами новых исследований.

[2] Отверстие в сочетании с перехватом отмечено также у костяных концов, которыми оснащались луки из Усть-Полуя [25, с. 78, табл. III, *5, 8*].

© Г. М. Буров, 1993 г.

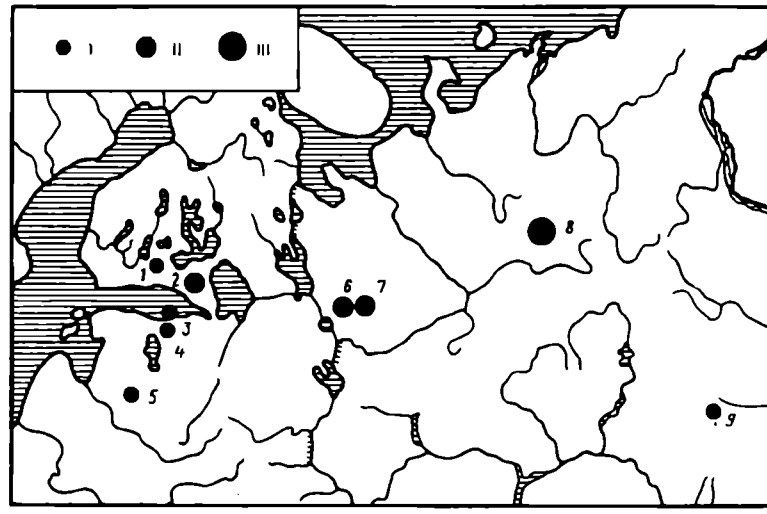


Рис. 1. Находки мезолитических вещей из дерева, коры и травы в Восточной Европе. *1* — Хейнола; *2* — Антреа-Корпилахти; *3* — Тырвала; *4* — Сивертси; *5* — Оса; *6* — Нижнее Веретье; *7* — Нижнее Веретье I; *8* — Вис I. I — один или два предмета; II — десятки; III — около 150 и более

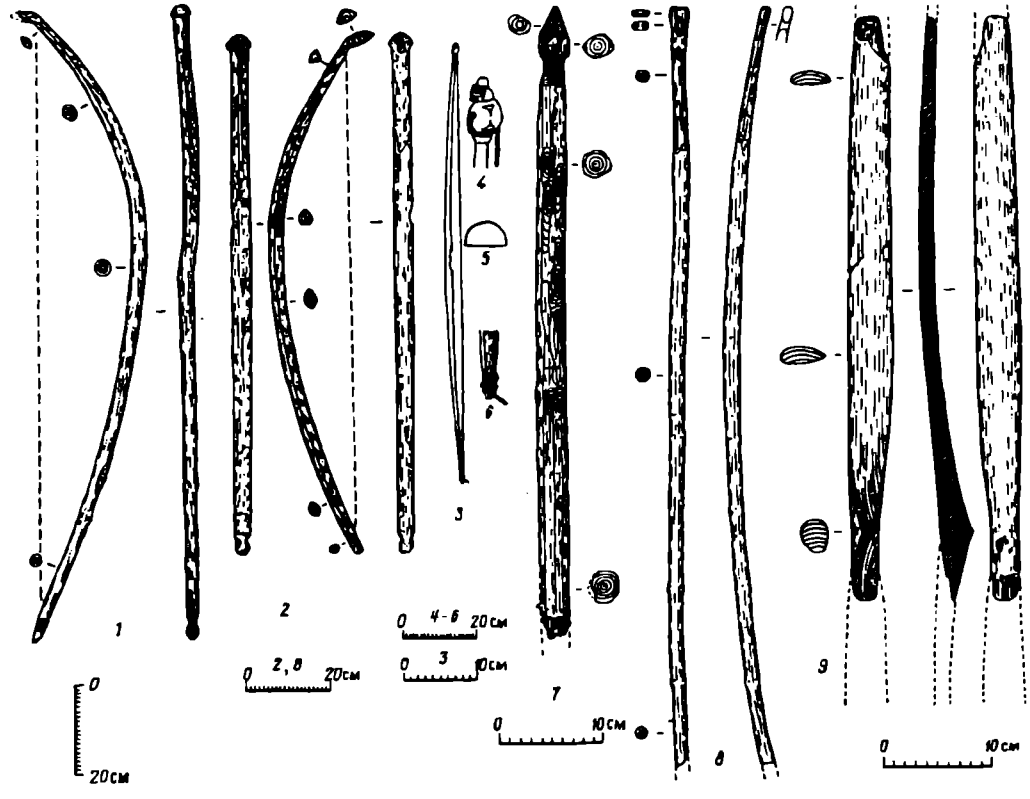


Рис. 2. Деревянные луки. *1, 2* — ручные висского типа (инв. № 86, 31/142); *3–6* — ручной XVII в. н. э. из Бразилии; по Х. Майеру; *7, 8* — станковые висского типа (№ 56, 26); *9* — хольмегорского типа (№ 64). Концентрические окружности здесь и далее обозначают расположение годовых колец без учета их количества

ГИМ, № 259, 265, 305, 412, 418, 419]. От висского миндалевидного украшения этот выступ разнится только тем, что конец его лишен заострения (рис. 3, *13—15*). Наиболее крупный фрагмент снабжен также тремя неглубокими асимметричными выемками для стрел, точно такими же, как у некоторых предметов Виса I (рис. 3, *15*). Если отвесный край каждой выемки считать верхним, а покатый нижним, то перед нами — верхняя часть лука с правосторонними

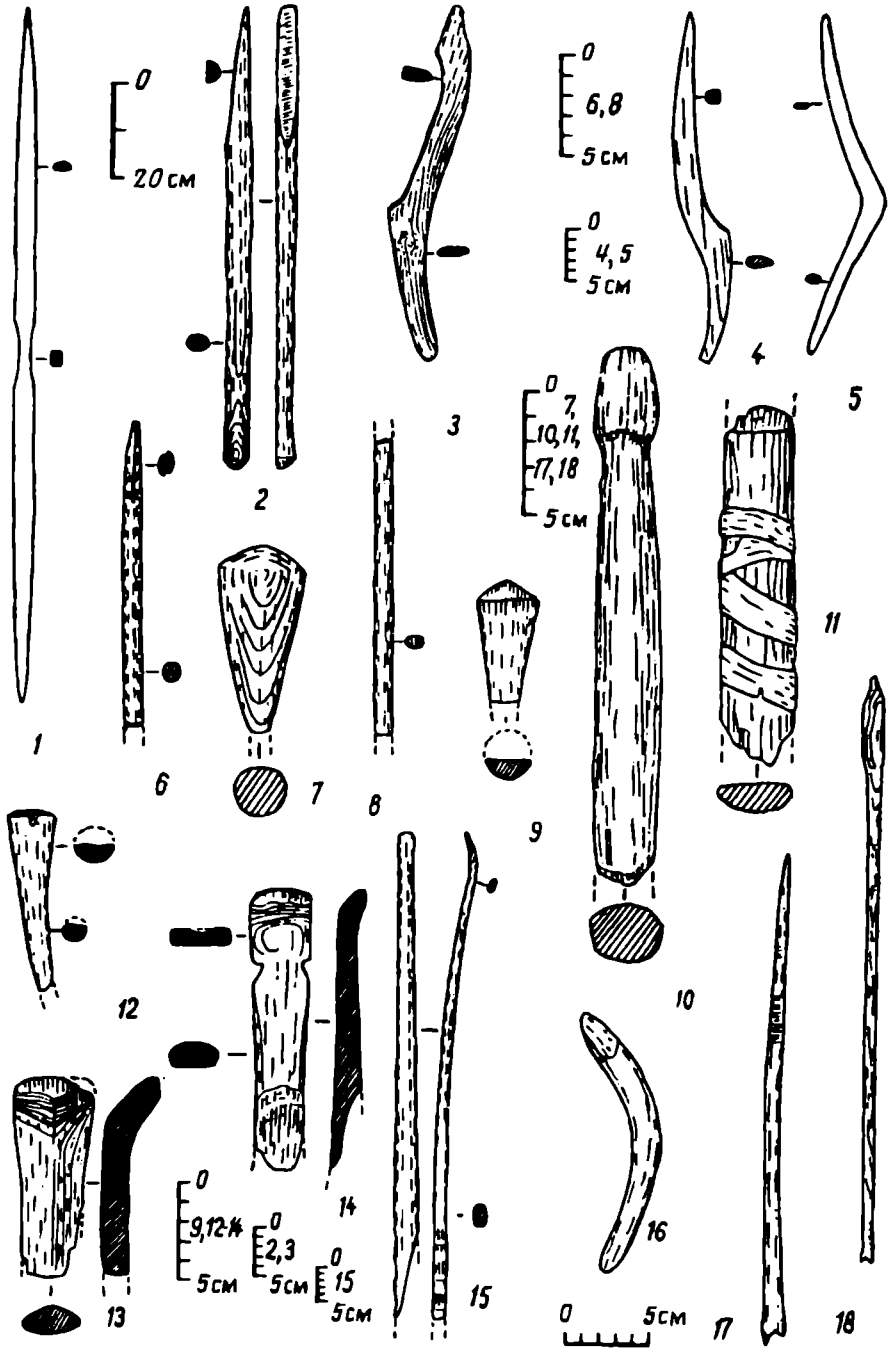


Рис. 3. Параллели висским вещам из растительных материалов в памятниках Европы и Зауралья. *1, 10, 11, 13—15* — луки; *2* — древко дротика или метательная дубинка; *3—5, 16* — метательные дубинки; *6—9, 12, 17, 18* — стрелы. *1* — Хольмегор IV; *2, 13—15* — Горбуновский торфяник; *3, 9, 12* — Сарнате; *4, 5* — оз. Брабранн; *6, 8* — Нижнее Веретье; *7, 10, 11, 16—18* — Нижнее Веретье I; *1* — по Дж. Г. Кларку; *2, 6, 8, 13—15* — ГИМ; *3* — по Л. В. Ванкиной; *4, 5* — по Т. Томсену и А. Йессену; *7, 10, 11, 16—18* — по С. В. Ошибкиной; *9, 12* — Государственный музей истории Латвии

полочками и, может быть, относительно массивным низом. Однако ни разу не встречено отверстие для тетивы, вместо которого у одного лука — пара боковых вырезов на конце (рис. 3, *14*). Два лука с боковой выемкой для стрел происходят из Шигирского торфяника [27, рис. 16; 28, с. 228] и с торфяниковой стоянки Сарнате в Латвии [29, табл. 1, *7*]. Все это дает основание предполагать, что в области от Зауралья до Восточной Прибалтики существовала преемственная связь между мезолитическими луками висского типа и более поздними охотничьими луками. Сам же он в Северо-Восточной Европе VI тыс. до н. э. представляется господствующим.

Второй вариант включает грубые луки гигантских размеров (длиной обычно около 3,5 м) и более короткие изделия в виде молодых деревьев без сучьев, с отверстием, перехватом или головкой (перед которой нет выраженного перехвата) на комлевом конце и зарубкой на вершине (рис. 2, *7, 8*). Судя по сибирским этнографическим материалам, висские луки-гиганты могли быть сторожевыми и устанавливаться на звериных тропах.

Один лук Виса I, из древесины лиственной породы, суженный и утолщенный в средней части, принадлежит к числу изделий хольмегорского типа, названных также «плоскими» и «короткими» (рис. 2, *9*) [22, с. 134, рис. 10—13, 64]. Суженная центральная часть у него несколько смещена в сторону, а выемка для стрел хорошо выработана лишь по одному краю, который (за ее пределами) заострен сильнее, чем другой, т. е. здесь лук имеет миндалевидное сечение. Такая особенность не может рассматриваться как дефект: она обусловлена стремлением приспособить лук для удобной стрелы вдоль одного из краев. В более выраженном виде сочетание отмеченных черт наблюдается у целого лука из Сарнате [29, табл. 1, *7*]. Ближайшая параллель этому изделию Виса I известна в мезолите Дании, на стоянке Хольмегор IV (рис. 3, *1*) [30, рис. 3].

В последние годы мезолитические луки были найдены С. В. Ошибкиной на стоянке VII тыс. до н. э. Нижнее Веретье I в Восточном Прионежье. От них сохранились главным образом короткие обломки (опубликованы изображения пяти предметов длиной до 22 см). Автор раскопок [31, с. 416—418; 32, с. 109—112] рассматривает эти находки суммарно, считая, что все луки принадлежат к одному оригинальному типу, который не имеет ничего общего ни с луками из Хольмегора IV, ни с инвентарем Виса I. Сечение у этих веретьевских изделий было, по С. В. Ошибкиной, в основном круглым или овальным, на концах выступали головки, а в средней части лук мог иметь «плоскоовальное сечение» и берестяную обмотку. Висские и веретьевские луки, утверждает исследовательница, «различны по форме и размеру, способу крепления тетивы, по обработке поверхности и сечению, по форме концов». Более того, «этот факт», полагает С. В. Ошибкина, «заслуживает специального изучения, так как сопоставляемые стоянки относятся к эпохе мезолита, близки по хронологии и расположены сравнительно недалеко друг от друга». При этом был подвергнут критике автор, считающий, что памятники висского типа близки к веретьевским [32, с. 275, 276].

С мнением о резком различии этих культурных типов согласиться трудно, так как прослеживается выраженное сходство в каменном и деревянном инвентаре [1, с. 9], в частности между луками. На стоянке Нижнее Веретье 1 найден деревянный предмет сегментовидного сечения с изломами на концах и берестяной обмоткой (рис. 3, *11*), в котором следует усматривать не вероятную середину («рукоять») своеобразного лука, а периферийную часть изделия, принадлежащего к хольмегорскому типу (ср. рис. 3, *1*), представленному в Висе I (рис. 2, *9*). Обнаружены также два лука круглого или овального сечения (рис. 3, *10*), у которых конец имеет круговую обработку («в виде кольцевой канавки») и снабжен головкой без выраженного перехвата [32, табл. 53, *1*; 54, *1*, *2*]; предметы находят параллель среди луков, включаемых во второй вариант висского типа (рис. 2, *7*) [20, рис. 7, *6*]; к этому же типу, очевидно, относятся и некоторые другие веретьевские орудия [32, табл. 54, *3*, *4*].

Хотя о длине веретьевских луков «трудно сказать что-либо определенное» [31, с. 416], их можно сравнить с найденными в Висе I по толщине, которая в известной мере свидетельствует о величине в целом. Два упомянутых лука кругло-овального сечения с головкой из Нижнего Веретья I имеют в поперечнике 2,7—2,8 см, а сходные изделия с головкой из Виса I (снабженные перехватом и без него) — 2,3—4,5 см [20, табл. 2]. Здесь в целом первые уступают вторым по толщине. Думается, однако, что прослеживаемое различие носит хронологический характер. Ведь в Висе I самые тонкие экземпляры, диаметром 2,3 и 3,3 см [20, рис. 7, *2*, *3*], принадлежат к числу древнейших (судя по стратиграфическим данным). Следовательно, на протяжении VII—VI тыс. до н. э. луки

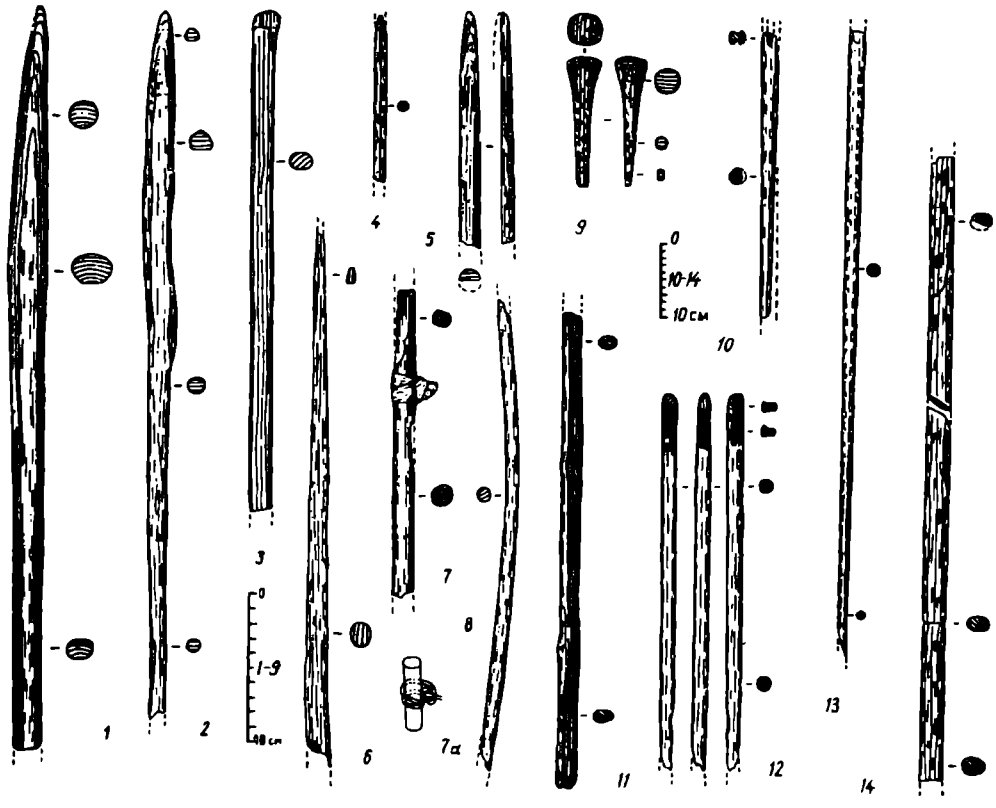


Рис. 4. Стрелы и дротики из лучин (№ 162, 36а, 112а, 110, 190, 186, 81, 61, 15, 67, 179, 192, 186, 152) (*1—14*) (*7а* — схема берестяной петли к рис. 4, *7*)

висского типа, составляющие второй вариант, становились толще и длиннее. Что касается обработки поверхности, то здесь существенной разницы между луками Веретья и Виса мы не видим, равно как и в характере сырья (как правило, древесина сосны и ели).

Стрелы. В связи с тем, что крупные стрелы, полагающиеся к гигантским станковым лукам, должны приближаться по своим размерам к дротикам — метательным копьям с короткими древками, эти категории вещей трудно дифференцировать. Нелегко отличить также метательные копья от колющих. Стрелы и копья были как цельнодеревянными, так и с каменными, костяными или деревянными наконечниками либо со вкладышами из кремня. Кроме того, различаются поделки из лучин хвойной породы, в целом более тонкие (поперечник древка до 3,0 см), и копья, заготовками которых послужили стволы молодых деревьев. К числу изделий, сделанных из лучин, относятся: деревянный наконечник стрелы; древки стрел и дротиков; цельные деревянные стрелы или дротики; стрелы или метательные копья с пазами, оснащавшиеся вкладышами. Оружие из древесных стволов характеризуется цельными копьями, древками с концевой выемкой и древком дротика (или метательной дубинкой) с пазом на конце.

Наконечник стрелы из древесины хвойной породы (рис. 4, *9*) имеет конусовидную головку, обращенную плоскостью вперед. Черешок уплощен срезами. Длина изделия 8,2 см, максимальная ширина головки 2,2 см, толщина 2,0 см. Наконечник по форме головки сопоставляется с неолитическими деревянными стрелами из Сарнате (рис. 3, *12*) [29, с. 96, табл. XXII, *5—7*] и Маглебю-Лонг в Дании [30, рис. *5*], со стрелой второй половины I — начала II тыс. н. э., найденной на о-ве Четырехстолбовом севернее устье р. Колымы [33, с. 14, табл. IV, *2*], и костяным наконечником из Шигирского торфяника [34, с. 50]. Известны стрелы с коническими головками также у эскимосов [35, рис. 14, *5*] и бразильских

Таблица 1

Сравнительная характеристика мезолитических изделий круглого и эллипсовидного сечения из лучин (преимущественно дротики или стрелы и их древки) с поселения Вис I

Рисунок	Диаметр, см	Длина, см	Сечение	Категория	Примечание
4, *4*	0,7	11,1	Круглое	Древко (?)	В сечении намечается шестиугольник
—	0,8—1,0	13,4	»	»	Диаметр плавно увеличивается
4, *8*	0,8—1,0	31,8	»	»	»
—	0,9	29,0	»	»	Из-за усыхания сечение стало овальным
—	Не менее 0,9	10,1	...	»	Сохранился отщеп
4, *6*	От 1,0×0,5 до 1,7×1,5	36,0	Эллипсовидное	»	Поперечник плавно уменьшается к концу, трапециевидному в разрезе
4, *2*	1,0	47,3	Круглое	Стрела (или дротик)	Поперечник головки 1,7 см, задняя часть обломана
—	Не менее 1,0	12,7	...	Древко (?)	Сохранился отщеп
4, *13*	1,2—2,2	84,5	Круглое	»	Диаметр плавно увеличивается
—	1,3	...	»	»	—
4, *3*	1,4×1,1	33,5	Эллипсовидное	Древко	Один конец имеет расщеп, другой — обломан
4, *7*	1,4	20,7	Круглое	»	С прикрепленной полоской бересты
4, *5*	1,5	15,8	»	Древко (?)	Один конец, круглого сечения, заострен
4, *1*	1,4—1,8	49,5	Круглое	Дротик (или стрела)	Поперечник головки 2,0—2,5 см, задняя часть обломана, средняя — обожжена
4, *12*	1,8	51,0	»	Древко с пазами	Глубина пазов до 0,4 см, задняя часть обломана
—	Не менее 2,0	25,0	...	Древко (?)	Сохранился отщеп
—	2,2×1,4	68,5	Эллипсовидное	»	—
4, *10*	2,2	38,5	Круглое	Древко с пазами	Глубина пазов до 0,6 см
—		35,0	»	Древко(?)	Один конец, круглого сечения, заострен
—	2,5×1,9	25,5	Эллипсовидное	»	—
—	Не менее 2,5	24,3	...	»	Сохранился отщеп
—	»	32,8	...	»	
4, *11*	2,6×1,8	64,0	Эллипсовидное	»	—
4, *14*	3,0×2,5	84,5	То же	»	В одном месте толщина уменьшается до 2,0 см
—	Не менее 3,0	Более 22,5	...	»	—

Примечание. Во всех случаях, когда нет оговорки, оба конца обломаны. Многоточие обозначает, что данных нет.

Таблица 2

Мезолитические изделия круглого и овального сечений из лучин с поселения Вис I. Количественное соотношение находок разных диаметров

Вид изделия	Диаметр, см						Всего
	0,7—1,1	1,1—1,5	1,5—1,9	1,9—2,3	2,3—2,7	2,7—3,1	
Стрелы или дротики	1	1	1	—	—	—	3
Древки с пазами	—	—	1	1	—	—	2
Древко с берестяной полоской	—	1	—	—	—	—	1
Древко с расщепом	—	1	—	—	—	—	1
Простые обломки древков (?)	7	4	1	4	4	2	22
Всего	8	7	3	5	4	2	29

Примечание. Плавно утолщающиеся предметы представлены в таблице неоднократно, овальные в сечении — максимальным поперечником. Изделия, от которых сохранились отщепы, условно рассматриваются как круглого сечения.

индейцев [36, рис. 61—64]. Стрелы подобного типа или с биконическим утолщением на конце (рис. 3, *7, 9*) использовались для охоты на белку (Финляндия) с тем, чтобы оглушив зверя, не повредить его шкурки [35, с. 47], или птицу (Бразилия). Стрела с таким наконечником в случае промаха не вонзалась в дерево, а падала на землю. По своим очертаниям en face конусовидные деревянные головки аналогичны костяному наконечнику (?) из Нижнего Веретья [37, рис. 25, *10*]. Здесь же [37, рис. 24, *3—5*; ГИМ, № 76690—76692], в Нижнем Веретье I (рис. 3, *7*), в Хольмегоре IV 30, рис. 4, д] и Хоен-Фихельне на территории Германии [38, с. 122, табл. 69, *а, б*] обнаружены деревянные стрелы мезолитического возраста, но с биконической и цилиндрообразной головкой.

Со стрелами связана значительная серия вещей круглого (13 экз.), эллипсовидного (6) и неопределенного (6) сечения из дранки — всего 25 предметов [табл. 1; рис. 4]. Поперечник колеблется от 0,7 до 3,0 см. Если разделить всю серию на шесть размерных групп, то самыми многочисленными окажутся первая (0,7—1,1 см) и вторая (1,1—1,5 см). Остальные группы практически друг другу равны (табл. 2). Длина отдельных экземпляров достигает 84,5 см. Назначение изделий из лучин выяснено благодаря тому, что функции шести из них поддаются определению. Это два предмета с заостренными головками; два изделия с парой пазов, расположенных друг против друга; палочки с расщепом и с заострением.

В предметах диаметром 1,0 и 1,4—1,8 см с заостренными головками (рис. 4, *1, 2*) мы вправе усматривать стрелу и дротик. Аналогии им известны в Нижнем Веретье I, в котором найдена стрела с удлиненной, веретенообразной головкой (рис. 3, *18*) [31, рис. 54, *6*], и на Сарнатском поселении, где собрана серия деревянных копий, часто с головками, закаленными огнем [29, с. 36, 37, табл. 1, *1—5*].

Особый интерес представляют две палочки с пазами на конце, диаметром 2,2 и 1,8 см. Первая из них имеет глубокие (до 0,6 см), но, к сожалению, обломанные пазы (рис. 4, *10*), у второй они представляются незаконченными (рис. 4, *12*). Выдолблены только короткие (длиной 1,5 и 3,5 см) поверхностные (до 0,4 см) ямки, переходящие в желоба расплывчатого профиля, глубиной не более 0,2 см, которые обрываются на закругленном конце. По-видимому, работа не удалась, и полуфабрикат подвергся переделке.

Можно думать, что висские палочки имели заостренный передний конец, а пазы были достаточно длинными. Об этом свидетельствуют двухпазное древко мезолитического возраста из Хольмегора IV [39, рис. 6, *а*], такие же вкладышевые костяные наконечники из Шигирского торфяника [30, рис. 49, *9, 10*] и мезолитических памятников Западной Европы [40, табл. II, *15*; 41, рис. 23, *1*]. Гораздо чаще встречаются стрелы с одним пазом: в мезолите Дании [30,

рис. 4, *б*; 6, *б*] и Германии [41, рис. 23, *2*], Оленеостровском могильнике [39, рис. 46, *11—13*; 48] и Шигирском торфянике [39, рис. 49, *1—8*]. Вкладышами во всех случаях служили призматические пластинки.

Лучина с расщепленным концом (рис. 4, *3*) может считаться древком, которое было оснащено каким-то наконечником с плоским насадом — кремневым или деревянным. По сечению (эллипсовидное), ширине и толщине (1,4×1,1 см) древко близко к упомянутым цельнодеревянным изделиям Виса I. Древко с хорошо вырезанным расщепом найдено также в Нижнем Веретье (рис. 3, *б*).

Но использовались и древки с заостренным концом. Два таких экземпляра найдены в Висе I, причем в одном случае конец уплощен и сужен (рис. 4, *б*), а в другом — круглого сечения (рис. 4, *5*). Эти древки находят аналогию в материалах С. В. Ошибкиной (рис. 3, *17*) из раскопок в Нижнем Веретье I, где обнаружено целое древко с выемкой для тетивы на заднем конце [31, рис. 2, *7*; 32, табл. 38, *4*]. Находка свидетельствует, что заостренный конец является передним и предназначен для соединения с наконечником.

К этому надо добавить, что деревянные и костяные наконечники мезолитических стоянок Веретья тоже имеют заостренные насады, обычно округлого сечения (а втульчатых изделий нет). С. В. Ошибкина [32, с. 102] полагает, что такие наконечники «укрепляли в древке или привязывали сбоку». Но если бы острие вставлялось в расщеп, то насад, несомненно, делался бы плоским. А если бы наконечник привязывался, он имел бы, очевидно, на основании желоб.

Поскольку плоским основаниям наконечников соответствуют расщепы, то очевидно, что конические насады соотносятся с такими же передними концами древков. Их соединение не представляет сложной технической задачи — необходима лишь муфта, например, в виде небольшой трубки. Такие трубки использовались бушменами, изготовлявшими их из бамбука [42, с. 27—29, рис. 7]. Однако подобным сырьем население Севера не располагало. Можно было бы предположить, что в качестве муфт применялись отрезки трубчатых птичьих костей, один из которых найден в Нижнем Веретье I [32, с. 138, табл. 39, *13*]. Но на большое количество наконечников стрел оттуда приходится только одна трубочка, а в погребениях Оленеостровского могильника изделия этой категории, определяемые обычно как игольники, единичны и, главное, не сопровождают костяных наконечников стрел [39, с. 149, 150].

Между тем основания наконечников из дерева и кости часто несут следы смолы [32, табл. 34, *1*; 38, *2*, *6*], а иногда обмотаны полосками бересты шириной 0,2—0,7 см [32, рис. 20]. При этом насад зубчатого острия покрывали пространственной спиралью, продвигаясь от заостренного конца к ближайшему зубцу. В этой связи возникает предположение, что муфта изготовлялась из бересты со смолой. Правильность его подтверждена экспериментально.

Проще всего, казалось бы, положить наконечник и древко на одной линии и обмотать их просмоленной лентой. Однако в этом случае было бы целесообразно, чтобы наконечник имел усеченное основание в виде цилиндра, которое прилегало бы своим торцом к торцу древка, тоже лишенного заострения на переднем конце. Следовательно, муфта формировалась иным способом.

Скорее всего вначале берестяная лента, покрытая смолой, плотно наматывалась на конус древка (или насад наконечника). Укладывая полосу по пространственной спирали и выходя постепенно за пределы древка, мастер создавал втулку с коническим углублением, которому отвечал заостренный насад наконечника (или конус древка). Если при этом передняя часть древка была граненой, то, вращая его и удерживая конец спирали, можно было ее уплотнить и сделать муфту более крепкой.

В одних случаях основание наконечника, смазанное смолой, могло быть сразу введено во втулку и надежно в ней закреплено, а в других — втулка оказывалась великоватой и насад обматывали берестяной лентой для устранения зазора. Такая обмотка была обязательна тогда, когда на древко насаживали зубчатое острие, которое, судя по этнографическим данным (индейцы, эскимосы), служило

Таблица 3

Сравнительная характеристика мезолитических копий из стволов молодых деревьев хвойной породы с поселения Вис I

Рисунок	Наличие кругового уступа	Сечение переднего конца	Какой конец обломан	Длина		Расстояние от заострения до уступа	Диаметр			Примечание
				всей сохранившейся части	заострения		у заострения	в 65 см от него	в 95 см	
				см						
5, 3	—	Чечевицеобразное	Задний	143,5	19,0	—	3,7	2,2	2,0	Дополнительный обломок показывает, что длина копья ~155—160 см
5, 7	—	»		114,5	17,0	—	3,5	2,8	2,7	Средняя часть обтесана
5, 2	+	»	Оба	136,5	>13,0	68,5	4,2	2,9	2,3	—
5, 1	+	Полукруглое	Передний	196,0	>14,0	92,5	3,8	3,6	3,0	Изделие почти целое (длина около 195 см)

составной частью остроги или стрелы для добывания рыбы [43, рис. 17—20] и соединялось с древком особенно крепко, чтобы она не ушла с вонзенным наконечником. Как подмечено С. В. Ошибкиной [32, с. 102], берестяная обмотка захватывала один из зубцов острия, что делало насадку его достаточно надежной.

Втулка в виде просмоленной берестяной спирали обладает довольно высокой прочностью. Но чтобы она оставалась в зафиксированном состоянии, необходимо было обвязать переднюю часть втулки, где находился свободный конец ленты, веревочкой или берестяной полоской. Такая повязка нужна была до затвердения смолы. В связи с этим большой интерес представляет древко Виса I (рис. 4, *7*, *7а*), которое охвачено петлей из берестяной ленты (шириной 1,0—1,3 см), закрепленной способом, напоминающим морской узел «удавка». Вполне возможно, что эта петля и была использована для фиксации муфты, но стрела не удалась, и обломанное древко со сдвинутой петлей пришлось выбросить.

Из вышеизложенного явствует, что серия изделий, выработанных из лучин, представляет собой главным образом стрелы и дротики. Лишь среди самых массивных предметов могут быть огневые стрежни, фрагменты дубинок, крупных копий и т. д.

Копья. Интересную группу составляют четыре цельнодеревянных изделия (табл. 3), заготовками которых послужили стволы хвойных деревьев (рис. *5*, *1—3*, *7*). Заострен комлевый, массивный конец, превращенный в пламевидное перо. С одной стороны дерево стесали в среднем до уровня сердцевины, вследствие чего здесь выражен покатый или крутой уступ. Концу придано чечевицеобразное, а в одном случае — полукруглое (рис. *5*, *1*) сечение при сохранении естественной поверхности ствола на стороне, противоположной уступу, где достаточно было подправить острие. Такая техника должна быть признана целесообразной, поскольку перо копья делается не из хрупкой сердцевинной, а из высококачественной периферийной древесины.

У двух копий (рис. *5*, *1*, *2*) задняя часть, отделенная от передней кольцевым уступом, сильно уменьшена в диаметре. Обтеска делала копье легче и, может быть, прямее. По тем же соображениям подстрогано одно из копий, лишенных уступа в средней части (рис. *5*, *7*). Четвертое изделие вырезано из заготовки, толщина которой резко уменьшается к тыльному концу, благодаря чему дополнительная обработка не потребовалась.

О размерах копий можно судить в двух случаях. Одно из них, у которого

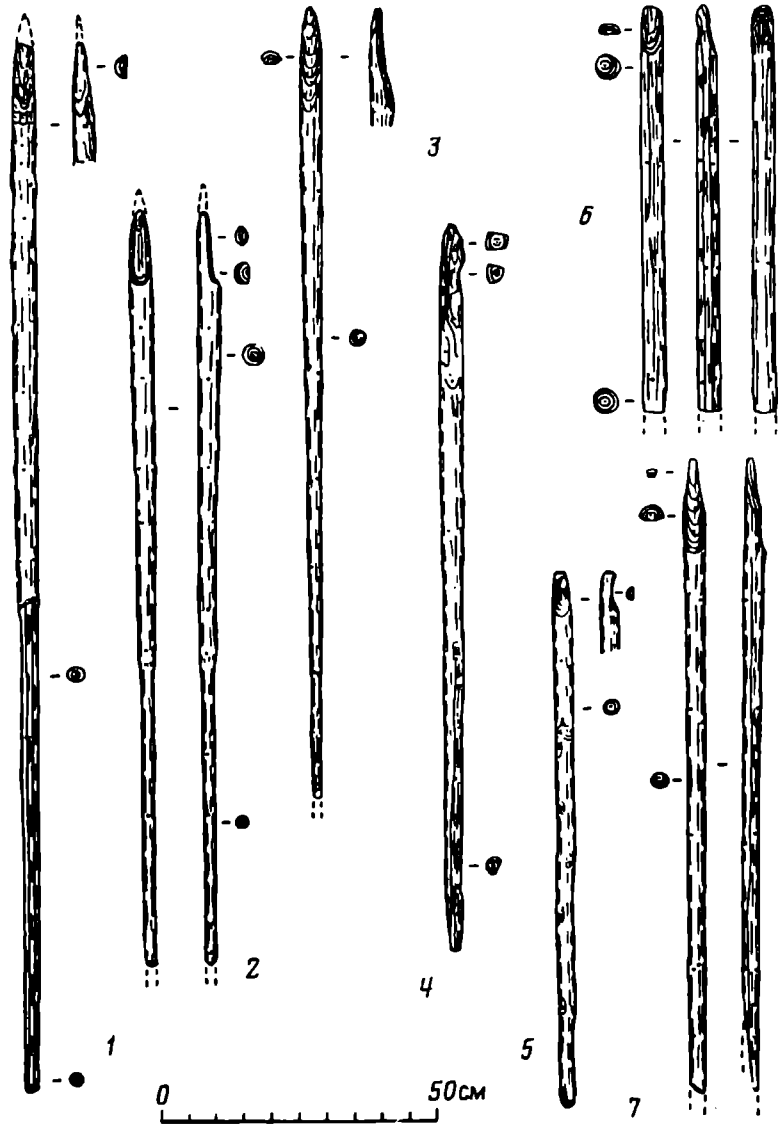


Рис. 5. Вис I. Вещи из шестов. *1—3* — копья (№ 24, 134, 132, 176); *4*, *5* — древки копий (№ 112, 89); *6* — древко или лук висского типа (№ 29)

обломан только кончик пера, имело длину примерно 195 см (рис. 5, *1*). Длина другого копья — около 155—160 см (рис. 5, *3*). От остальных двух копий сохранились обломки протяженностью 136,5 и 114,5 см, но изделия могли быть значительно крупнее. Длина заострений, где они полностью сохранились 17 и 19 см.

Диаметр копий у пера 3,7—4,2 см, перед кольцевым уступом — 2,2—3,6 см, а за ним — всего 2,0—3,0 см. Поперечник передней части уменьшается в двух случаях плавно, а в остальных — резко. Серия деревянных копий, которые, правда, значительно отличаются от висских, встречена, как уже отмечалось, в Сарнате.

От описанного оружия разнится изделие с желобом на конце (рис. 6, *1*), изготовленное из дерева лиственной породы (кора сохранена). Тыльный конец затуплен срезами, желобчатый — сужен и снабжен мелким бортиком. Длина вещи 67,5 см, толщина 2,7—3,7 см, глубина желоба 0,5 см. Не вызывает сомнений, что желоб служил для прикрепления каменного или костяного наконечника, а бортик — для того, чтобы шнур или ремень, которым наконечник

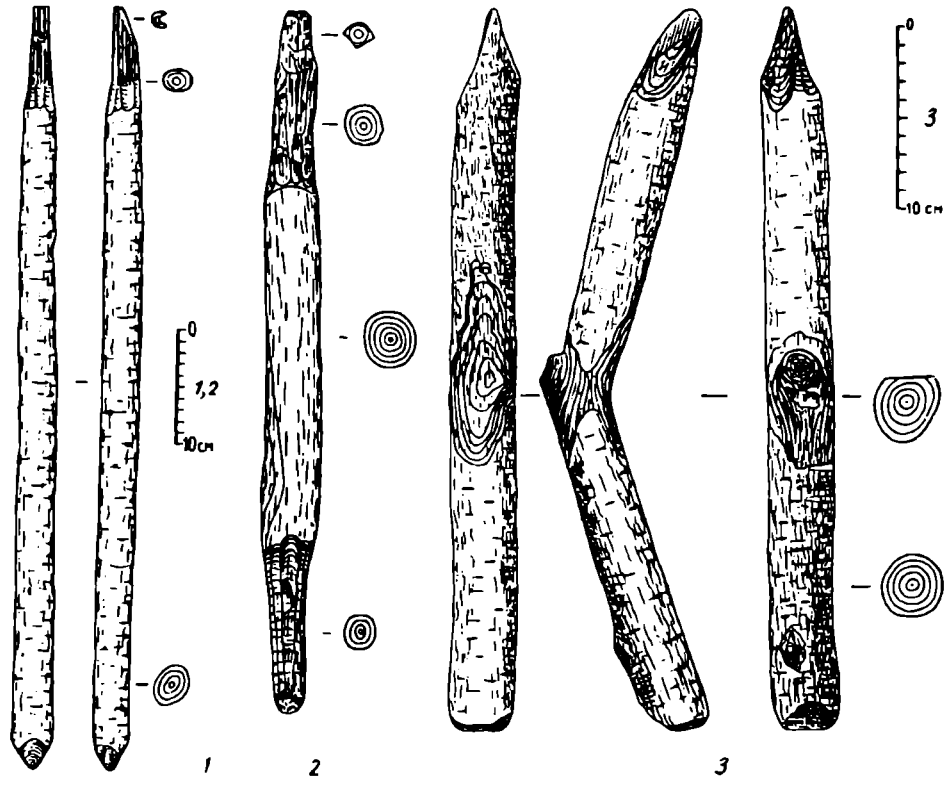


Рис. 6. Вис I. *1* — древко дротика (или палица, № 115); *2, 3* — метательные дубинки (прямая и Г-образная) (№ 42, 38)

привязывался, не сполз по конической поверхности. Боковое закрепление наконечника в желобе известно по этнографическим и археологическим материалам. Так, в Бразилии использовались стрелы с косо привязанными сбоку игловидными костяными наконечниками, причем выступающие задние концы служили шипами [23, табл. II, *19*; III, 6, *13*]. Односторонний желоб отмечен у древка мезолитической стрелы, найденной на болоте Винкельмосе в Северной Дании [44, с. 139—144, рис. 2—6]. Учитывая вогнутость желоба в профиле, исследователи считают, что к древку полагался кремневый наконечник, устанавливаемый продольно. У висского древка профилю желоба соответствует форма обоюдоострого кремневого наконечника (длиной около 6,5 и шириной примерно 1,5 см), который должен быть привязан со слабо выраженным скосом в сторону бортика. Сильно укороченные пропорции древка свидетельствуют о том, что оно принадлежало метательному оружию — дротика либо палицам [3].

Метательные дубинки. Функция этих орудий устанавливается по целой серии археолого-этнографических параллелей. Т. Томсен и А. Йессен [45] опубликовали коллекцию ранненеолитических деревянных изделий из оз. Брабранн в Восточной Ютландии (Дания), среди которых различали дугообразный невозвращающийся бумеранг, 16 обоюдоострых плоских изогнутых предметов, определенных как колющие орудия (рис. 3, *4, 5*), и короткую дубинку с ручкой. Позднее Л. Франц сопоставил брабраннские находки с другими археологическими предметами (Хольмегорский торфяник в Дании, Суц в Швейцарии, памятники Двуречья) и метательными орудиями из этнографических коллекций (Австралия, Судан), на основе чего пришел к выводу, что все упомянутые брабраннские изделия имели сходное назначение [46]. Исследователь, классифицируя деревянные метательные предметы, делил их на плоские и круглого сечения, а также на прямые, дуговидные и Г-образные. Среди плоских изогнутых орудий он видел простые и возвращающиеся бумеранги, к числу которых отнесены Г-образные изделия с лопастями

[3] Вещь напоминает палку с длинным срезом из Горбуновского торфяника (рис. 3, 2).

в разных плоскостях. Все вещи рассматриваемой категории, кроме возвращающихся бумерангов, определены как метательные палицы. Функция невозвращающегося бумеранга, найденного Д. Н. Эдингом [47, табл. IV, *4*] в Шестом Разрезе на Горбуновском торфянике, была установлена В. М. Раушенбах [26, с. 33, рис. 10, *9*]. Сведения о ряде таких орудий ввели в научный оборот Л. В. Ванкина (рис. 3, *3*) [29, с. 91, табл. II, 3—6] и Г. М. Буров [15, с. 132, рис. 4, *7*].

Х. Боннет [48, с. 108—109, 111, рис. 51], основываясь на рельефах и рисунках древнего Востока, отмечал, что изогнутое оружие, иногда символическое, применялось в Месопотамии и монархии хеттов, а в Египте (Новое царство) его имели даже солдаты. Металлические S-овидные «сабли» из Южного Двуречья (Телло), Финикии (Библ) и Египта (Фивы) описаны Р. Мексвелл-Хайслопом [49, с. 44—43, 62—63, табл. IV, 34]. Д. Форд [50, рис. 78] в качестве источника использовали изображение охоты на водоплавающих птиц с помощью S-овидной метательной палицы, открытое на стене гробницы в Фивах Нового царства. Такие же и дугообразные палицы употреблялись для аналогичной цели бедуинами Египта и Передней Азии, причем охотник одной и той же рукой бросал два предмета одновременно [48, рис. 50, *а*]. С помощью палицы, вращавшейся в полете, можно было на открытой местности легко попасть в мелкую дичь и даже поразить сразу двух или нескольких животных, расположенных друг возле друга. Но из-за слабости удара метательные деревянные предметы были малоэффективны в охоте на крупных зверей [51, с. 100, 325]. С Венцлом [52, с. 652, 653] показано применение метательных палиц в античном мире и у племен нового времени на различных континентах.

При современном уровне наших знаний мы можем несколько уточнить типологию Л. Франца, разделив изогнутые метательные орудия не на две, а на три группы: дуговидные (или полулунные), Г-образные и S-овидные. К первой группе относятся бумеранги из Брабранна [45, рис. 15] и Шестого Разреза. Это наиболее крупные экземпляры в рассматриваемой серии древних изогнутых орудий: первое имеет длину около полуметра, а второе — 85 см. Дуговидной же формы — дубинка из Нижнего Веретья I (рис. 3, *16*), а также этнографические палицы с Ближнего Востока и из Австралии [48, рис. 50, а; 46, рис. 4].

Г-образные палицы хорошо представлены в находках из оз. Брабранн: они имеют слегка прогнутые внутрь лопасти, образующие между собой тупой угол (рис. 3, *5*) [45, рис. 19, 20]. Совершенно аналогичное орудие найдено на стоянке каменного века Ферстермоор в Шлезвиг-Гольштейне [53, рис. 3, *1*]. Более точно повторяют очертания буквы Г вещи из Хольмегорского торфяника и Суца, а также клюшкообразный невозвращающийся бумеранг из этнографических материалов Судана [46, рис. 5, 7, 9].

Самую распространенную группу составляют S-овидные палицы. Из опубликованных брабраннских находок к ней принадлежит изделие, у которого одна половина эллипсовидного сечения, а другая — полуовального: ее вогнутый край как бы урезан (рис. 3, *4*). Сходную форму имеют бумеранги из Сарнате, у которых, однако, более тонкий конец получил чечевицеобразное сечение. Одно сарнатское орудие типологически занимает промежуточное место между двумя брабраннскими, дугообразным и S-овидным [29, табл. II, *7*]. Остальные две целые вещи разнятся от первой тем, что урезанный край имеет на конце выступ (рис. 3, *3*) [29, табл. II, *4*, *5*]. Такую же форму получила метательная дубинка из эскимосского жилища на Большом Барановом мысе близ устья Колымы [54, табл. XIV, *8*]. К S-овидным палицам относятся также орудия бедуинов [48, рис. 50, *б*, *ц*]. По форме им близко оружие, очевидно, из металла, известное по «Стеле коршунов» лагашского царя Эаннатума и рельефу с изображением Гильгамеша [55, с. 60, 114]. С таким оружием сходны короткие «сабли» древнего Двуречья, Египта и Финикии [49, табл. IV, *34*].

Возвращаясь к находкам Виса I, опишем прежде всего три однотипных изделия, из которых два повреждены (рис. 7, *1*, *3*), а одно характеризуется фрагментом (рис. 7, *2*). Все они изготовлены из досок хвойного дерева, отщеп-

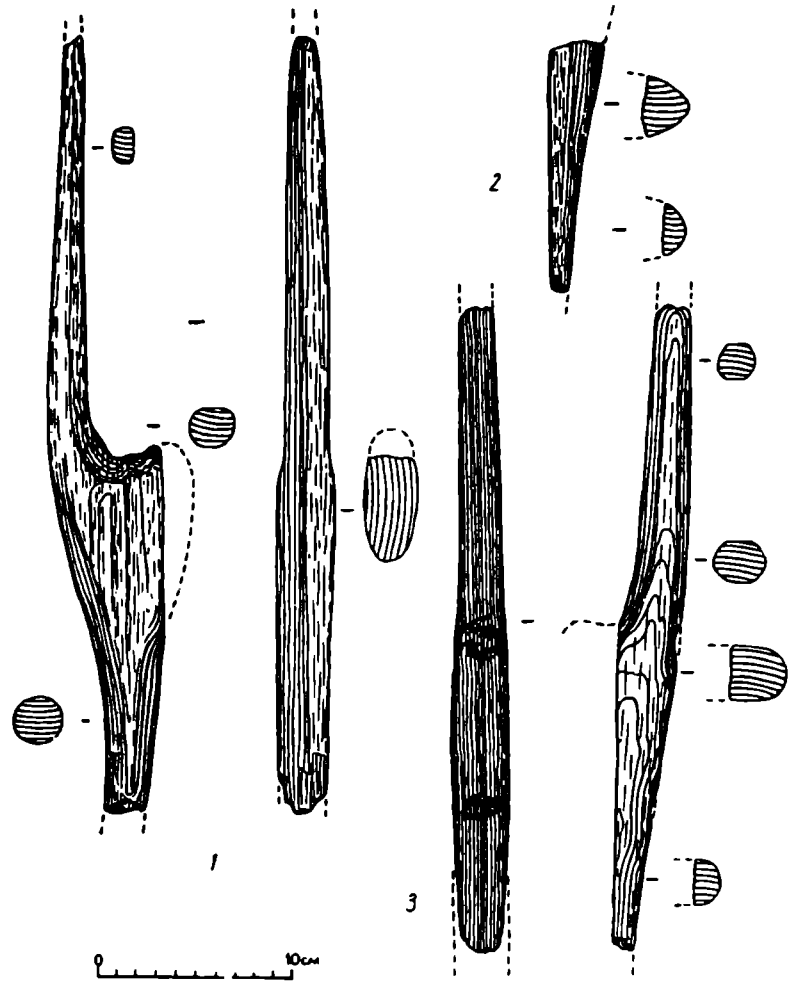


Рис. 7. Вис. I. S-овидные метательные дубинки № 41, 172, 200 (*1—3*).

ленных по годовым слоям. Наиболее полно сохранившийся экземпляр (длина имеющейся части 41 см) напоминает двузубую вилку. Однако сравнение с S-овидными бумерангами Брабраннского озера и Сарнатского торфяника позволяет думать, что перед нами метательная палица с обломанными концами и отщепленным краем (полной длиной около 45 см). Загнутость толстого конца заметна вполне отчетливо, а заостренность тонкого можно предположить. У него типичное для палиц полуовальное сечение. На том месте, где может предполагаться второй зуб вилки, был выступ, конечно, более выраженный, чем у брабраннского и даже сарнатских бумерангов. Надо думать, что расширение в средней части S-овидных метательных дубинок было призвано увеличить их массу.

Второе висское изделие S-овидной серии повреждено таким же образом, как и первое, но более сильно (длина обломка 34 см), вследствие чего мы лишены возможности судить о размерах срединного выступа и степени изогнутости нижнего конца. Особенность палицы в том, что верхний конец у нее имеет бочонковидное сечение. От третьей вещи сохранился только фрагмент средней части. Наше заключение о функциях висских S-овидных предметов подтверждено С. Венцлом [52, с. 652].

К Г-образным метательным орудиям относится изделие в форме тупого угла, представляющее собой изогнутый отрезок древесного ствола (лиственная порода) с сохраненной корой (рис. 6, *3*). Один конец асимметрично заострен (преимущественно с выпуклой стороны), другой — усечен. Длина 39,5 см, толщина 3,3—3,4 см. В месте изгиба — подтеска изнутри. Особенность этого примитивного метательного орудия в том, что оно круглого сечения.

Как прямая палица может быть определена часть ствола, принадлежащего молодому дереву лиственной породы, без коры, с обтесанными концами, длиной 61,5 см и диаметром в средней части 4,7 см (рис. 6, *2*). Концы, круглые в сечении, выглядят как рукояти, но, возможно, были в свое время заострены. Поэтому дубинка напоминает описанное выше древко с желобом, тоже короткое и вырезанное из дерева лиственной породы. Несколько ближе к висской находке одноручная прямая дубинка из мезолитического слоя стоянки Оса в Латвии [4]. Прямые палицы с одной ручкой встречаются в памятниках разных времен и территорий. Среди этих изделий имеются и метательные дубинки, и ударные орудия — чекмари [56, рис. XV, *16*; 57, рис. 111, 112; 58, табл. 3].

Изучая оружие каменного века, мы изготовили четыре различных экспериментальных образца, аналогичных трем висским палицам (рис. 7, *1*; 6, *2*, *3*) и дубинке сарнатского типа (рис. 3, *3*). Испытание этих образцов позволило сделать ряд выводов. Характерная для висских S-овидных метательных палиц массивность одного из концов при легкости другого, который, несомненно, служил рукоятью, обеспечивала этим изделиям большую дальность полета. Массивная часть была основным носителем кинетической энергии, а рукоять увеличивала плечо метания (как бы удлиняя руку человека) и позволяла придавать дубинке более значительную первоначальную скорость. Сходный эффект достигается при бросании ручной гранаты и употреблении копьеметалки [59, с. 37—38]. Дубинка должна быть сырой: потеряв при высыхании часть своей массы, она плохо отвечает требованиям баллистики.

Палица любого типа в полете вращается, описывая окружности своими концами. Несомненно, ее метали таким образом, что при движении концы делали обороты не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости. При этом траектория была отлогой (что облегчало прицеливание) и более широким становилось поражаемое пространство.

У изогнутых орудий отведенные в стороны заостренные концы могли ранить дичь более сильно, чем у прямых палиц. S-овидные, дуговидные и Г-образные уплощенные дубинки чечевицеобразного, эллипсовидного или полуовального сечения обладали более обтекаемой формой, чем палицы, круглые в поперечном разрезе. Следовательно, они быстрее вращались в полете и, легче преодолевая сопротивление воздуха, могли быть брошены на большее расстояние. К тому же по телу животного наносился рубящий удар.

Описанные охотничьи орудия распределяются между тремя мезолитическими этапами, которые выделены в Висе I по стратиграфическим, палинологическим и радиоуглеродным данным. Из луков наиболее архаичны изделия хольмегорского типа, висские ручные без отверстия, с полочкой в виде уступа или (как в Нижнем Веретье I) с головкой без резко намеченного перехвата на конце, и те из станковых луков, которые либо имеют перехват и сделаны из лиственной породы (часто сравнительно небольшого размера), либо оснащены головкой без выраженного перехвата. Висские луки первого варианта с отверстием и снабженные им же гигантские луки получили массовое распространение лишь на среднем этапе. На него приходится максимальное количество метательного оружия. Продолжают бытовать гигантские изделия с перехватом, но сделанные из хвойных пород. На позднем этапе сохраняются сторожевые луки с перехватом, а ручные практически не представлены, хотя они, несомненно, существовали.

Цельнодеревянные стрелы или дротики с удлиненной заостренной головкой известны на раннем и среднем этапах. То же самое следует сказать о стрелах с парными пазами. Древко же с берестяной петлей и деревянный наконечник приходятся на средний горизонт торфяника. Древко с косым пазом принадлежит к наиболее древним вещам, а древко с выемкой и серия цельнодеревянные копья отнесены к среднему и, в одном случае, к раннему этапу, S-овидные метательные

[4] Любезное сообщение И. А. Лозе.

дубинки представлены на всех этапах, а Г-образные и прямая — только на первом.

В заключение следует отметить, что охота играла в хозяйстве висских племен очень большую роль, чему соответствует то, что ее орудия составляют 45,6% от общего числа найденных в Висе I изделий из растительного сырья, а вещи, связанные с рыболовством (7,4%), инструменты и предметы домашнего обихода (8,1%), фрагменты средств перевозки и передвижения (22,1%) и неопределенные предметы (16,8%), относительно немногочисленны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буров Г. М.* Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.
2. *Буров Г. М.* Раскопки в бассейне р. Вычегды (близ д. Синдор) // Вопросы археологии Урала. 1962. Вып. 2.
3. *Буров Г. М.* Торфяники речных стариц как места археологических находок // Изв. Коми филиала ВГО. 1964. Вып. 9.
4. *Буров Г. М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегда // СА. 1966. № 1.
5. *Буров Г. М.* Найдено в вычегодских торфяниках // Природа. 1966. № 9.
6. *Буров Г. М.* Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне // АО—1966. М., 1967.
7. *Буров Г. М.* I Висский торфяник // V Уральское археол. совещание. Сыктывкар, 1967.
8. *Буров Г. М.* Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.). М.: Наука, 1967.
9. *Буров Г. М.* Исследования в Северодвинском бассейне // АО—1967. М., 1968.
10. *Буров Г. М.* В гостях у далеких предков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968.
11. *Буров Г. М.* Результаты раскопок Висских торфяников в 1963—1964 гг. // УЗПГУ. 1968. № 191.
12. *Буров Г. М.* О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. 1969. Вып. 117.
13. *Буров Г. М., Романова Е. Н., Семенов А. А.* Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.: Наука, 1972.
14. *Буров Г. М.* Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 1973. № 172.
15. *Burov G. M.* Die mesolithischen Kulturen im Äussersten europäischen Nordosten // The Mesolithic in Europe. Warsaw: Univ. Press, 1973.
16. *Буров Г. М.* Древние сани Прибалтики, Коми края и Зауралья // Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар: Коми ФАН СССР, 1979. Вып. 2.
17. *Буров Г. М.* Древние сани Северной Европы (типология, хронология, ареалы и эволюция) // Скандинав. сб. 1981. Вып. 26.
18. *Буров Г. М.* Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тысячелетие н. э.) // СА. 1981. № 2.
19. *Burov G. M.* Sledge Fragments from the Settlements of Vis I (The Mesolithic) and Vis II (1st Millennium A. D.) // Mesolithic Miscellany, Madison. 1982. V. 3. № 1.
20. *Burov G. M.* Der Bogen bei den mesolithischen Stämmen Nordosteuropas // VMUFGP. 1981. B. 14—15.
21. *Burov G. M.* Some Mesolithic Wooden Artifacts from the Site of Vis I in the European North East at the U.S.S.R.//The Mesolithic in Europe: Paper Presented of the Third International Symposium, Edinburgh 1985. Edinburgh, 1989.
22. *Rausing G.* The Bow. Some Notes on Its Origin and Development. Lund: Gleerup, 1967.
23. *Meyer H.* Bogen und Pfeil in Zentral—Brasilien. Lpz.: Bibliografisches Institut, s. a.
24. *Адлер Б.* Лук и стрелы Северной Азии // Рус. антропол. журн. 1903. № 1.
25. *Мошинская В. И.* Материальная культура Усть-Полуя // МИА. 1953. № 35.
26. *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М.: Госкультпросветиздат, 1956.
27. *Дмитриев П. А.* Охота и рыболовство в восточноуральском обществе // ИГАИМК. 1935. Вып. 106.
28. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1950. № 18.
29. *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970.
30. *Becker C.* En 8000-aarig Stenalder-Boplads i Holmegaards Mose // Fra Nationalmuseets Arbejdsmark, København, 1945.
31. *Ошибкина С. В.* Деревянные изделия стоянки Нижнее Веретье // AR. 1982. 34.
32. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
33. *Раушенбах В. М.* Новые находки на Четырехстолбовом острове. М.: Сов. Россия, 1969.
34. *Дмитриев П. А.* Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. 1951. № 21.
35. *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
36. *Schmidt M.* Indianerstudien im Zentralbrasilien. B.: Reimer (Vohsen), 1905.
37. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.

38. *Schuldt E.* Hohen Viecheln. Ein mittelsteinzeitlicher Wohnplatz in Mecklenburg. B.: Akad.—Verl., 1961.
39. *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.
40. *Kozłowski S. K.* Pradzieje ziem polskich od IX do X tysiaclecia p. n. e. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972.
41. *Gramsch B.* Das Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder. Б.: Deutscher Verl. der Wissenschaften, 1973. Teil I.
42. *Вейле К.* Первобытное общество и его хозяйство. М.: Изд. П. П. Сойкина, 1923.
43. *Brandt A. von.* Das grosse Buch von Fischfanginternational. Zur Geschichte der fischereilichen Fangtechnik. Insbruk: Pinguin Verl.: Frankfuhrt / Main: Umschau Verl., 1975.
44. *Troels-Smith J.* Et pileskaft fra tidlig maglemosetid // ANOH. 1961.
45. *Thomsen T., Jessen A.* Une trouvaille de l'ancien âge de la pierre. La trouvaille de Brabrand // Memoires de Société Royal des Antiquaires du Nord. København, 1904.
46. *Franz L.* Alteuropäische Wurfhölzer // Festschrift P. W. Schmidt. Wien, 1928.
47. *Эдинг Д. Н.* Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА. 1940. № 1.
48. *Bonnet H.* Die Waffen der Völker des alten Orients. Lpz.: J. C. Hinrichs Buchhandlug, 1926.
49. *Maxwell-Hyslop R.* Daggers and Swords in Western Asia: A Study from Prehistoric Times to 600 B. C. // Iraq. London. 1946. V. 8.
50. *Ford D.* Foraging, Hunting, and Fishing // A History of Technology. Oxford: Clarendon Press, 1958. V. I.
51. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
52. *Vencl S.* Počatki zbraní: K otázce poznatelnosti praveké výzbroje // AR. 1979. 31.
53. *Schwabedissen H.* Ertebölle/Ellerbek—Mesolithikum oder Neolithikum? // VMUFGP. 1981. B. 14—15.
54. *Окладников А. П., Береговая Н. А.* Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск: Наука, 1971.
55. *Авдиев В. И.* История древнего Востока. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1953.
56. *Engelhardt C.* Nydam Mossfund. Kjöbenhavn: G. Klingsey, 1865.
57. *Grieg S.* Konggaarden // Osebergfundet itgit av den Norske stat. Oslo, 1928. Bind 2.
58. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. 1968. Вып. Е1—55.
59. *Каров Д. М.* О развитии примитивных орудий // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. 1960. Т. 54.

Симферопольский государственный университет

G. M BUROV

THE WOODEN HUNTERS' TOOLS OF THE MESOLITHIC TRIBES IN THE EXTREME NORTH-EAST OF EUROPE

Summary

Plain bows, arrows, spears and throwing clubs compose 45,6% in the collection of wooden things of the 7th-6th millenia B. C. from the settlement Vis I. Nearly all bows (29) are asymmetrical and belong to the Vis type in two variants: manual (fig. 2, *1*, *2*) and bench. There are ethnographical parallels (Brazil, Far East; fig. 2, *3—6*) for these massive tools, so they join so-called type of "long„ bows. Wares from Vis and bows of the 4th—3rd millenia B. C. (Gorbunovsky turf-pit, Sarnate; fig. 3, *13—15*) have carved projections at the upper end and hollows for arrows, this fact shows the succession from one to another. Arrows and darts (fig. 4) are represented by a wooden head, total wooden wares and also shafts (diameter mainly 0,7—1,5 cm) with a point and double grooves for flint bushes. Spears chiefly entire and measured more than 1,5-2 m (fig. 5). Throwing clubs belonging to the S-shaped (fig. 7), "L„-shaped and straight types (fig. 6, *2*, *3*) have analogies in the Neolithic antiquities (Brabrann in Denmark, Sarnate etc.; fig. 3, *3—5*). According the ethnography they are weapons for the waterfoul hunting.

И. К. СВЕШНИКОВ

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАЧАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

Бронзовый век Западной Волыни, территории, через которую осуществлялись связи населения Восточной и Средней Европы, до сих пор изучен недостаточно. Вместе с тем значение археологических памятников этого контактного района для решения ряда ключевых проблем древней истории нашей страны очевидно. Поэтому каждый новооткрытый памятник приобретает особо важное значение и нуждается в научной публикации, пополняя наши сведения и создавая более прочную основу для обобщающих исторических выводов. Однако результаты раскопок последних лет ряда поселений и погребений бронзового века Западной Волыни до сих пор не опубликованы, несмотря на то, что они значительно расширяют наши сведения об особенностях культуры оставивших их племен, их погребальных обычаях и связях с населением соседних территорий. Среди прочих остаются пока недоступными специалистам материалы исследований 1970-х годов погребений раннего периода бронзового века у сел Глинск, Волица Стракловская, Жорнов Ровенской и Ставок Волынской областей. Задачей настоящей статьи является введение в научный оборот результатов раскопок этих памятников.

Каменная гробница I у *с. Глинск* Здолбуновского р-на Ровенской обл. была случайно открыта весной 1970 г. во время вспашки колхозного поля в 1,5 км к юго-западу от села. Местные жители сняли ее верхнюю плиту, перекопали заполнявшую гробницу землю и нарушили находившийся в ней костяк. В том же году гробница была исследована раскопками автора. Установлено, что она имела форму прямоугольника размером 1,4×1,58 м, ориентированного по линии юго-запад — северо-восток. Гробница была вкопана в слой чернозема и подстилающий его суглинок до глубины 0,7 м от современного горизонта (рис. 1, I—IV).

Северо-западную стенку составляла каменная (третичный известняк) плита размером 0,42×0,6 м и толщиной 0,09—0,16 м. Она была поставлена на ребро с наклоном верхнего края внутрь гробницы. От поврежденной трактором юго-восточной стенки сохранились на первоначальном месте лишь основания трех плит размером от 0,18×0,23 до 0,23×0,25 м, толщиной 0,05—0,09 м. Северо-восточную стенку составляла поставленная на ребро с наклоном верхнего края внутрь плита размером 0,44×1,36 м и толщиной 0,13 м. С внешней стороны она была укреплена короткой плитой и кусками камня, сложенными в два-три вертикальных ряда. Покрытое каменными плитами разного размера и кусками камня неправильной формы дно гробницы находилось на глубине 0,32—0,35 м от верхнего края ее стенок.

На основании сохранившихся на своих местах костей рук и ног погребенного можно заключить, что захоронение принадлежало взрослой женщине, положенной на бок в скорченном положении головой на запад. Сохранность костей плохая. Возле правой руки под юго-западной стенкой гробницы лежала проколка из выварenной трубчатой кости животного с заостренным одним концом и необработанной головкой сустава на противоположном конце (рис. 2, 2). В перекопанной

© И. К. Свешников, 1993 г.

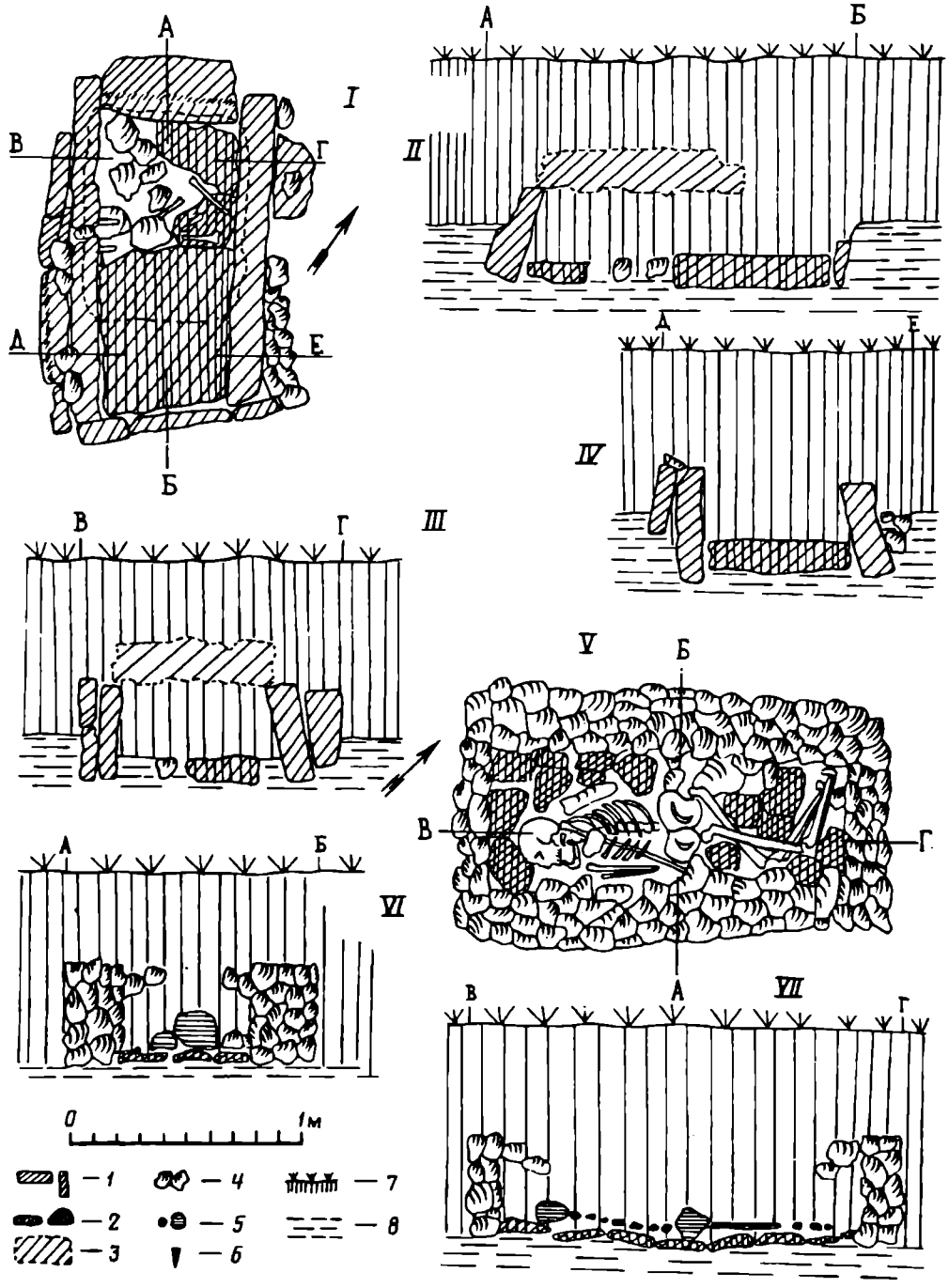


Рис. 1. Планы и разрезы гробниц у с. Глинск Ровенской обл. I—IV — план и разрезы гробницы I; V—VII — план и разрезы гробницы II. *1* — стенки гробницы; *2* — дно гробницы; *3* — приблизительное положение крышки гробницы I; *4* — куски камня; *5* — кости погребенного в разрезе; *6* — костяная проколка; *7* — чернозем; *8* — суглинок

земле возле западного угла гробницы найдена костяная бусина уплощенно-шаровидной формы с вертикальным отверстием (рис. 2, *1*).

Гробница II находилась на расстоянии около 400 м к западу от гробницы I. Она также была случайно открыта весной 1970 г. частично под фундаментом дома жителя села К. М. Короля. Тогда же была снята ее верхняя каменная плита, но стенки и содержимое не были потревожены. Летом того же года гробница была исследована раскопками автора. Она имела форму прямоугольника размером 1,16×1,9 м, была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, вкопана в слой чернозема и сложена из необработанных кусков камня (третичный известняк) разной величины (рис. 1, V—VII). Верхний край стенок залегал на

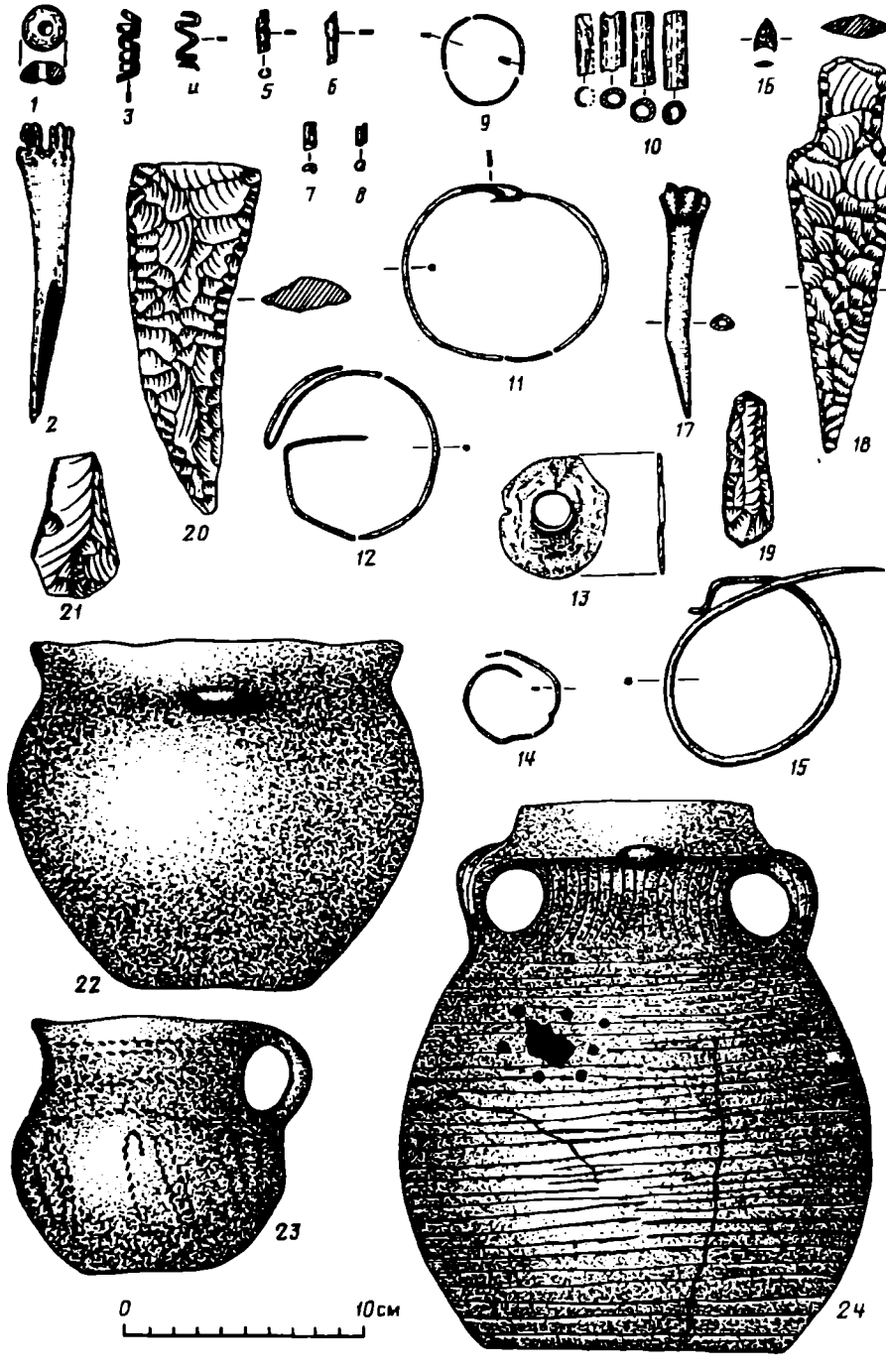


Рис. 2. Материал из погребений возле Глинска, Волицы Стракловской, Ставка и Жорнова. *1*, *2* — Глинск, погребение 1; *3—12*, *14*, *15* — Жорнов, погребение 1; *13*, *24* — Жорнов, погребение 2; *16—19* — Ставок; *20—23* — Волица Стракловская. *1*, *2*, *10*, *13*, *17* — кость; *3—9*, *11*, *12*, *14*, *15* — медь; *16*, *18—21* — кремень; *22—24* — керамика

глубине 0,38—0,48 м от современной поверхности грунта, нижний находился на уровне подстилающего чернозем слоя суглинка (0,81—0,93 м от современной поверхности). Толщина стенок 0,18—0,32 м. Дно было замощено каменными плитками разного размера. В гробнице находился костяк мужчины, положенного на правый бок головой на юго-запад. Правая рука погребенного была вытянута в направлении таза, кисть левой руки лежала возле левого плеча. Ноги были слегка согнуты в коленях. Возле покойника никаких вещей не найдено. По определению Т. С. Кондукторовой, костяк принадлежал мужчине 30—40 лет с долихокранным высоким черепом, нешироким и невысоким лицом, невысокими орбитами и широким носом [1, с. 7, 8].

Аналогии описанным гробницам находим среди памятников здолбицкого этапа городокско-здолбицкой культуры. Они известны на территории Ровенской обл. у сел Здолбица Здолбуновского р-на [2, с. 55—58, рис. 18], Городок [3, с. 1—11] и Зозов [4, с. 101, рис. 32] Ровенского р-на. Липа Дубенского р-на [5, с. 60—63], Стадники Острогского р-на [6, с. 166]. На могильнике у с. Здолбица костяк мужчины также находился в гробнице из кусков камня, женщины — в гробнице, сложенной из каменных плит и кусков камня. Аналогии костяной проколке известны во всех культурах раннего периода бронзового века на территории Украины и Польши.

Погребение у *с. Волица Стракловская* Дубенского р-на, Ровенской обл. было случайно открыто весной 1970 г. местными школьниками, нарушившими костяк взрослого человека (мужчины?) и передавшими в Дубновский краеведческий музей найденные возле погребенного черпак, кремневый нож и кинжал. Погребение выявлено на расстоянии около 150 м к югу от западного конца отстойников Дубенского сахарозавода возле обочины шоссейной дороги Дубно — Кременец. Летом того же года место находки было проверено автором. Установлено, что погребение было грунтовым, вкопанным в слой чернозема, в котором могильная яма не прослеживалась. Все кости покойника были уже смещены. Удалось лишь установить, что черпак стоял возле ног погребенного. Положение второго сосуда, найденного в обломках в выбросе из ямы кладоискателей, неизвестно. Инвентарь захоронения состоял из черпака, горшка, кремневых кинжала и ножа.

Черпак с уплощенным дном и петельчатой ручкой украшен на шейке горизонтальными, а на теле — вертикальными, соединенными вверху петельками, отпечатками шнурка. Поверхность черная с коричневыми пятнами, подлощенная. Глина с примесью песка и толченого пережженного кремня. Высота 10,5 см, диаметр венчика 9,5 см, диаметр дна 5,5 см (рис. 2, *23*). Второй сосуд имеет ровное дно, выпуклые стенки, отогнутый край низкого венчика, у основания которого находится один горизонтальный овальный выступ. Поверхность черная с серо-коричневыми пятнами, слегка подлощенная. Глина с примесью песка и толченого пережженного кремня. Высота 14,5 см, диаметр венчика 15,5 см, диаметр дна 8 см (рис. 2, *22*). Нож на пластинчатом отщепе из серого с черными пятнами кремня вдоль одного края покрыт односторонней мелкой ретушью. Конец обломан. Длина сохранившейся части 6 см, ширина 3,5 см (рис. 2, *21*). Кинжал из серого кремня с треугольным, незначительно выгнутым, линзовидным в поперечном сечении лезвием. Рукоятка широкая с ровным срезом верхнего края, плавно переходит в лезвие. Поверхность с обеих сторон покрыта плоской отжимной ретушью, местами заполирована от работы, рукоятка матовая. Вдоль краев лезвия — мелкая двусторонняя ретушь. Длина 14,5 см, ширина рукоятки 5,2 см (рис. 2, *20*).

Керамике из погребения у Волицы Стракловской находим аналогии в культурах начала бронзового века Восточной и Средней Европы, в том числе и в распространенной на Западной Волыни стжижовской культуре. Подобные черпаки, отличающиеся от нашего лишь деталями орнамента, известны из поселения упомянутой культуры у с. Ольховое (ранее Ульвовок) Львовской обл. [7, табл. XII, *18*] и из погребения 6 могильника возле Торчина Волынской обл. [8, рис. 5]. Эти сосуды наиболее характерны для культуры Хлопице — Веселе, распространенной в Южной Польше, Словакии и в верховьях Западного Буга на Украине [9, табл. X]. Некоторые из этих черпаков, как и наш экземпляр, украшены двойными вертикальными, соединенными в верхней части петельками, отпечатками шнурка [9, табл. X, *7*, *22*]. В стжижовской культуре эти сосуды являются, видимо, доказательством связей ее носителей с соседними племенами культуры Хлопице — Веселе. Горшки и амфоры с выступами под венчиком и на шейке известны с поселений и из погребений стжижовской культуры на Волыни [4, рис. 47, *10*, *14*, *15*] и в юго-восточной части Польши [10, табл. IV, *5*, *8*, *11*,

13]. Близкие по форме и системе орнамента сосуды известны также в родственной стжижовской межановицкой культуре [11, табл. V].

Поселение в урочище Выгаданка у *хутора Ставок* (с. Лыще Луцкого р-на, Волынской обл.) исследовалось раскопками Ю. Н. Захарука в 1955 г. [12, с. 22—41] и автора в 1971 г. В 1955 г. на этом поселении стжижовской культуры было открыто одно погребение [12, рис. 3], в 1971 г.— второе. Последнее находилось в овальной яме размером около 1×1,73 м, ориентированной по линии восток — запад. Контуры ямы удалось проследить лишь у ее дна на глубине 1,45 м от современной поверхности грунта. В яме лежал костяк взрослого мужчины, положенного на спину головой на запад. Его ноги были согнуты в коленях (колено левой ноги перекрывало колено правой), правая рука была вытянута вдоль тела, кисть левой лежала возле правого локтя. Сохранность костей плохая: череп был полностью раздавлен землей, большинство ребер и позвонков не сохранилось.

Возле правого предплечья погребенного лежала проколка из вываренной трубчатой кости животного с заостренным рабочим концом и необработанной головкой сустава на противоположном конце; длина — 9,7 см (рис. 2, *17*). Между верхними концами берцовых костей ниже таза лежал кинжал с треугольным лезвием и четко выделенной прямоугольной рукояткой, изготовленный из черного кремня. Его поверхность покрыта плоской отжимной ретушью, края подострены более мелкой ретушью. Длина 16,4 см, максимальная ширина лезвия 4,8 см, размер рукоятки 3,3×3,8 см (рис, 2, *18*). Возле левого тазобедренного сустава лежал нож на пластинке длиной 6,5 см из черного кремня, покрытый вдоль краев односторонней круговой ретушью (рис. 2, *19*). Полукругло формированный отретушированный конец этого орудия позволяет предположить, что оно было комбинированным и употреблялось как нож и концевой скребок. Возле правого колена погребенного лежал сердцевидный наконечник стрелы из черного кремня размером 1×1,3 см (рис. 2, *16*). В засыпи могильной ямы возле ее дна найден фрагмент шейки амфоры стжижовской культуры. По определению Т. С. Кондукторовой, погребение принадлежало мужчине 30—40 лет с черепом долихокранной формы [1, с. 10—12].

На основании найденных в погребении кремневых изделий, костяной проколки и фрагмента амфоры его следует отнести к стжижовской культуре. Грунтовые погребения этой культуры на поселениях стжижовской культуры, кроме захоронения, исследованного у хутора Ставок в 1955 г., были также открыты у хутора Валентинова (с. Усичи) Луцкого р-на, Волынской обл. в 1936 [13, с. 26] и 1965 г. [14, с. 91]. Костяной проколке, кинжалу и наконечнику стрелы из исследованного погребения находим аналогии в инвентаре могильника стжижовской культуры возле Торчина Волынской обл. [8, рис. 13, *C*].

Из четырех курганов, находившихся ранее возле *с. Жорнов* Дубенского р-на, Ровенской обл., два были уничтожены работами местного колхоза, третий, с хорошо сохранившейся насыпью, находится на поле в 2 км к северо-востоку от села, четвертый, расположенный в урочище Рудка в 1,5 км к северу от села возле усадьбы гр. М. Ю. Тюхтия, исследован раскопами автора в 1970 г. Южная и западная части его насыпи были срезаны бульдозером, благодаря чему курган имел форму овала размером 11×19 м, ориентированного длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, высотой 4,03 м от основания (рис. 3, I, II). Насыпь не распахивалась и в момент исследования была покрыта дерном. Установлена следующая стратиграфия насыпи: 1) задернованный верхний слой гумуса толщиной до 0,25 м; 2) насыпь из черной земли, толщиной в центре 4 м; 3) слой погребенного гумуса толщиной до 0,12 м; 4) слой суглинка толщиной 0,30 м; 5) материк — светло-желтая глина (рис. 3, II, III). Под насыпью обнаружены две могильные, две ритуальные ямы и перекрытое насыпью скопление обломков керамики и кремневых изделий более раннего периода (рис. 3, I).

Погребение 1 находилось в южном секторе кургана. Скорченный костяк

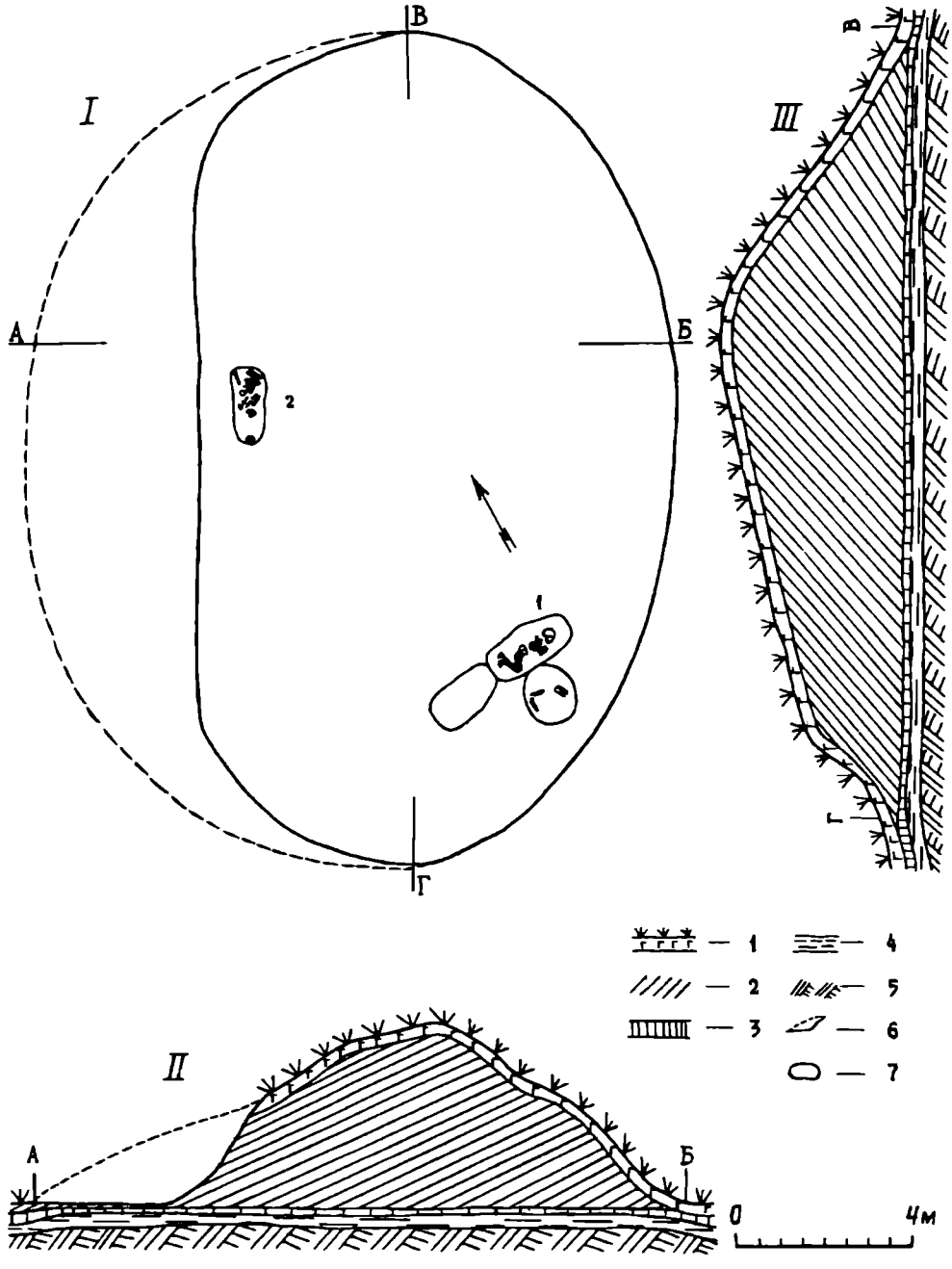


Рис. 3. План и разрезы кургана у с. Жорнов. I — план кургана; II — разрез кургана по линии А—Б; III — разрез кургана по линии В—Г. *1* — гумус; *2* — насыпь кургана; *3* — погребенный гумус; *4* — суглинок; *5* — материк; *6* — срезанная бульдозером часть насыпи; *7* — контуры ям

женщины лежал в неправильно-прямоугольной яме размером около 1,17×2,1 м, ориентированной по линии восток — запад. Яма прослеживалась от уровня древнего горизонта (4,25 м от верха насыпи), а ее дно находилось на глубине 0,6 м от этой отметки. Непосредственно над ямой прослежен древесный тлен от ее перекрытия. Погребенная лежала головой на восток на левом боку. Ее ноги были согнуты в коленях, а кисти согнутых в локтях рук лежали перед лицом (рис. 4, I—III). Сохранность костей плохая. На черепе с обеих сторон находилось по два височных кольца разного размера (рис. 2, *9*, *11*, *12*, *14*). На груди погребенной найдены семь медных пронизок (рис. 2, *3—8*), на уровне поясницы — четыре костяные трубочки (рис. 2, *10*). По определению Т. С. Кондукторовой, погребение принадлежало женщине старше 60 лет. Ее череп по форме резко

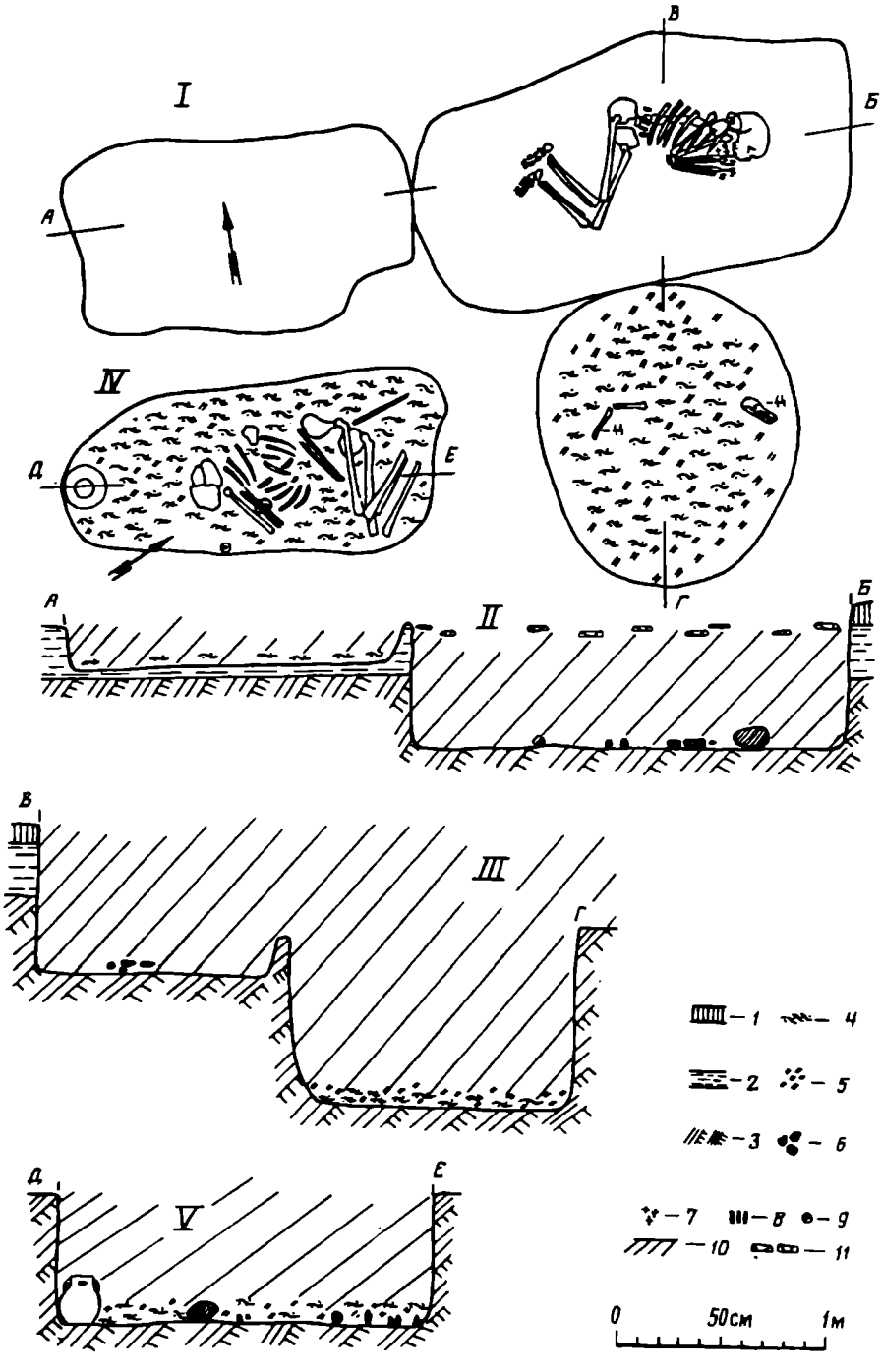


Рис. 4. Планы и разрезы ямы под насыпью кургана у с. Жорнов. I — план погребения 1 и прилегающих к нему ям; II — разрез могильной ямы и прилегающей к ней с запада ямы; III — разрез могильной и ритуальной ям погребения 1; IV — план погребения 2; V — разрез могильной ямы погребения 2. *1* — чернозем, *2* — суглинок; *3* — материк; *4* — древесный уголь; *5* — пепел; *6* — кости погребенных в разрезе; *7* — медные пронизки; *8* — костяные трубочки; *9* — костяная бляха-пряжка; *10* — заполнение ям; *11* — древесный тлен

долихокранный, лоб узкий, лицо высокое и узкое, нос узкий с резко выступающим переносьем. На черепе заметны слабые следы искусственной кольцевой деформации, до сих пор не отмеченной на черепах из погребений на территории Украины и иногда наблюдающейся у кочевников в районе Поволжья [1, с. 10—12].

К западному краю могильной ямы (в ногах погребенной) примыкала неправильно-прямоугольная яма размером 0,9×1,66 м, ориентированная по длине с запада на восток. Ее контуры прослеживались от уровня предматерикового

суглинка (с 4,37 м от верха насыпи), а дно находилось на глубине 0,2 м от этой отметки. Яма была заполнена черной землей с включением мелких кусочков древесного угля (рис. 4, I, II).

К южному краю могильной ямы примыкала яма неправильно-округлой формы диаметром 1,26—1,44 м. Ее контуры прослеживались от глубины 0,5 м ниже уровня древнего горизонта (4,75 м от верха кургана), а дно находилось на глубине 1,28 м ниже уровня древнего горизонта. Яма была заполнена черной мешаной землей, в которой на глубине 0,44 м от уровня древнего горизонта (на 6 см выше прослеженных краев ямы) лежал на левом боку головой на восток костяк старой собаки низкорослой породы [1]. Сохранность костей плохая. В засыпи ямы найдены разрозненные неопределимые кости животных, на ее дне выявлены остатки кострища — слой пепла и мелких угольков 6 см толщиной (рис. 4, I, III).

Погребение 2 находилось в северо-западном секторе кургана (рис. 3, I). Могильная яма неправильно-прямоугольной формы размером около 0,87×1,78 м, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад, прослеживалась на материке с глубины 4,67 м, считая от верха насыпи. Она была вкопана в материк на 0,43 м. На ее дне (глубина 5,10 м от верха кургана) лежал на правом боку скорченный костяк взрослого мужчины, ориентированный головой на юго-запад (рис. 4, IV, V). Ноги погребенного были согнуты в коленях, кисть правой руки лежала возле левой ключицы, кисть левой — возле колен. Под костяком и вокруг него находился слой пепла и мелкого древесного угля, а кости покойника сильно обожжены и очень плохой сохранности: череп распался на фрагменты, от левой руки сохранились лишь локтевая и лучевая кости, фаланги пальцев рук и ног отсутствуют. На локтевой и лучевой костях правой руки находился медный проволочный браслет (рис. 2, *15*), в 0,2 м от костей этой руки лежала костяная бляха-пряжка (рис. 2, *13*), в 0,43 м к юго-западу от головы стоял глиняный сосуд (рис. 2, *24*).

В северо-восточном секторе кургана в слое погребенного гумуса несколько ниже древнего горизонта выявлено скопление обломков керамики, кремневых изделий (отщеп, обломок пластины, фрагмент ножа на пластине с двусторонней круговой ретушью, комбинированное орудие — нож — концевой скребок — резец на ножевидной пластине), мелких кусочков древесного угля. Там же найдена неопределимая кость животного. Керамика представлена неорнаментированными фрагментами лепных горшков, изготовленных из глины с примесью песка, мелкого шамота и жерствы. Ее поверхность лишь незначительно сглажена. Из-за отсутствия орнамента и фрагментарного состояния обломков культурную принадлежность этих находок определить трудно. По составу теста и характеру поверхности найденная керамика близка посуде городокского этапа городокско-здолбицкой культуры. Описанное скопление следует, видимо, рассматривать как остатки перекрытого насыпью кургана культурного слоя, ранее существовавшего на этом месте поселения.

Инвентарь кургана состоит из медных и костяных изделий и одного сосуда. Найденные возле головы покойницы в погребении 1 височные кольца относятся к трем разным типам. Первый из них составляют два разломанных на три части каждое круглых височных кольца диаметром 3,5 и 4 см, из расклепанной медной проволоки (рис. 2, *9*, *14*). Близкие по типу украшения известны в межановицкой культуре [11, табл. XXII, *А*, *3*]. Ко второму типу относится крупное височное кольцо диаметром 7 см, найденное у левого виска погребенной. Один его конец заострен и загнут под прямым углом внутрь, второй отогнут петлей назад, ровно срезан (рис. 2, *12*). Украшение изготовлено из круглой в сечении медной проволоки, разломано на три части. Третий тип представляет сохранившееся в трех фрагментах височное кольцо овальной формы диаметрами 7,3 и 8,7 см, найденное у правого виска погребенной. Один его конец расклепан и свернут в

[1] Определение доктора биологических наук К. А. Татаринова.

трубочку, в которую заходит второй заостренный конец (рис. 2, II). Кольцо изготовлено из круглой в сечении медной проволоки толщиной 0,2—0,3 см. Точные аналогии двум описанным выше предметам отсутствуют.

Найденные в погребении 1 на груди покойницы пронизки изготовлены из медной полоски, спирально свернутой в трубочки длиной 1,6—3 см (рис. 2, *3—6*). Один экземпляр распался на мелкие фрагменты, остальные разломаны на две-три части каждый. Аналогичные украшения известны из погребения 1 у с. Почапы Львовской обл. (почапская группа культуры Хлопице — Веселе) [15, рис. 4, *8*] и из могильника здолбицкого этапа городокско-здолбицкой культуры у с. Липа Ровенской обл. [5, рис, 2, *78*]. Другой тип пронизок, также входящих в состав ожерелья погребенной в кургане у Жорнова, изготовлен из свернутых в трубочки длиной 1 см отрезков медной полоски (рис. 2, *7*, *8*). Аналогии этим украшениям находим в инвентаре кургана стжижовской культуры у с. Великий Боратин, Волынской обл. [4, рис. 49, *35*, *36*, *40*]. Благодаря консервирующим особенностям окиси меди внутри пронизок сохранились остатки деревянного прутика, на который они были нанизаны.

Браслет из погребения 2 в кургане у Жорнова изготовлен из согнутой в кольцо диаметром 7,3—8 см круглой в сечении медной проволоки, толщиной 0,4 см. Один его конец заострен, второй, крючковато отогнутый, видимо, первоначально служил приемником заостренного конца (рис. 2, *15*). Под влиянием температуры костра украшение несколько деформировалось, и в настоящее время его концы заходят один на другой, не опираясь на приемник. Точные аналогии описанному браслету пока отсутствуют.

Установлено, что основу всех металлических изделий из погребений в кургане у Жорнова составляла медь при наличии таких примесей, как: олово (от 0,005 до 0,15%), свинец (0,006—0,04%), висмут (0,0007—0,001%), серебро (0,02—0,06%), сурьма (0,003—0,04%), мышьяк (0,003—0,35%), железо (0,001—0,008%), никель (0,001—0,015%), золото (0,003%) [2]. Состав металла украшений из Жорнова отвечает выделенной Н. В. Рындиной третьей группе металлических изделий культур шнуровой керамики Предкарпатья, Подолии и Волыни. Как предполагает Н. В. Рындина, эта группа является результатом переплавки лома предметов, ранее изготовленных из меди, происходящей из месторождений у с. Великий Мидск Ровенской обл. и из привозного карпато-трансильванского металла [16, с. 24—42], что свидетельствует о существовании у племен культур шнуровой керамики, в том числе и стжижовской, собственной металлургии.

Костяные изделия в погребениях у Жорнова представлены трубочками и бляхой-пряжкой. Четыре костяные трубочки, найденные у пояса захороненной в погребении 1 женщины, изготовлены из отрезков вываренных костей животных, длина их от 2,3 до 3,1 см, диаметр 0,7—1 см. Их продольные каналы ровные, разного диаметра (рис. 2, *10*). Аналогичные предметы известны из могильника стжижовской культуры у с. Новоселки Ровенской обл. [4, рис. 40, *9—12*]. В погребении 1 могильника возле Торчина также найдены костяные трубочки, отличающиеся от наших поперечными нарезами со сглаженными краями срезов, что придает им вид гофрированных трубочек [8, рис. 1, *в*]. Внимания заслуживает факт находки всех этих предметов у пояса погребенного. Костяные трубочки из Жорнова, Новоселок и Торчина можно сопоставить с подобными находками из курганов ямной культуры возле Скатовки Саратовской обл. [17, с. 162, рис. 56, *6*], Евпатории и Красноперекопска в Крыму [18, с. 111], из погребения 8 Мариупольского могильника [19, с. 43, 44, рис. 11], из захоронения на о-ве Жилом на Ангаре [20, с. 397]. Находки из Мариуполя и о-ва Жилого также украшены поперечными нарезами. Указанные исследователи рассматривают эти костяные трубочки как остатки музыкальных инструментов, а А. П. Окладников приводит им многочисленные этнографические аналогии.

[2] Аналитические данные д-ра ист. наук Е. Н. Черныха (анализы № 12426—12431, 12433, 12434) выполнены в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

А. Хойслер сопоставил все эти находки в статье, посвященной музыкальным инструментам каменного века [21, с. 321, 322]. Все они принадлежат к типу так называемой свирели Пана. В таком инструменте трубочки были расположены в один ряд и охвачены деревянной обоймой, а их верхние отверстия, видимо, затыкались колышками с бо́льшими и меньшими щелями; нижние во время игры заслонялись пальцами. Разные размеры верхних отверстий и умелые изменения в силе нажима пальцами на нижние концы трубочек давали возможность получать звуки разной высоты. Среди приведенных в указанной статье А. Хойслера аналогий самой близкой по типу нашим экземплярам является свирель Пана из местности Клейн-Кюнау в Германии, относящаяся к латенскому времени. На этом инструменте сохранились остатки обоймы, в которую были вставлены нижние концы пяти костяных трубочек [21, табл. III, *4*].

Костяная бляха-пряжка из погребения 2 в кургане у Жорнова имеет форму овального диска диаметром 4,5×5,1 см с круглым отверстием в центре и небольшой сверлиной диаметром 0,3 см на периферии диска (рис. 2, *13*). Центральное отверстие, диаметром 1,6 см, до половины окружено невысоким бортиком. Подобные изделия ранее связывались со срубной культурой [22, с. 61—65], в настоящее время следует считать доказанной их принадлежность к культуре многоваликовой керамики [23, с. 34, 35], в комплексах которой встречаем ряд аналогий нашей находке, датированных В. В. Отрощенко XVI—XV вв. до н. э. [24, с. 454, 457, рис. 123, *10*]. Можно напомнить, что синхронность культур стжижовской и многоваликовой керамики, а также тесные связи племен обеих культур уже были подтверждены на поселении у с. Перевередова Ровенской обл. [25, с. 383, 384], что помогает уточнить хронологию стжижовской культуры.

Сосуд из погребения 2 кургана у Жорнова представляет собой амфору с широким ровным дном, выпуклым туловом, суженной шейкой, переходящей небольшим уступом в цилиндрический венчик, двумя ушками на уровне шейки. Под венчиком на линии верхнего края ушек с обеих сторон — по одному небольшому овальному горизонтальному выступу. На шейке и внешней поверхности ушек — четкие следы вертикального сглаживания поверхности сосуда до его обжига пучком травы или соломы. На всей внешней и внутренней поверхности тулова сосуда — такие же следы сглаживания в горизонтальном направлении. Амфора была повреждена и починена в древности: на ее тулове — две древние трещины, а в одном месте в стенке выбито отверстие неправильной формы. Вдоль одной трещины с обеих ее сторон размещены 6 круглых сверлин; 7 таких же просверленных отверстий окружают отверстие, выбитое в стенке сосуда. Через эти сверлины продевались веревочки или ремешки, связывавшие отдельные части поврежденного сосуда и прикреплявшие заплату из органического материала, прикрывавшую дырку в стенке. Поверхность амфоры повреждена огнем. Глина с примесью шамота. Высота сосуда 23 см, диаметр венчика 9,7 см, диаметр дна 12,6 см (рис. 2, *24*). Описанная амфора по форме, характеру теста и поверхности относится к сосудам, широко распространенным в стжижовской культуре. Близкой аналогией ей является амфора из поселения у с. Зозов Ровенской обл. [4, рис. 45, *1*], от которой наш экземпляр отличается лишь отсутствием шнурового орнамента и небольшими овальными выступами под венчиком. Последняя орнаментационная деталь также характерна для керамики стжижовской культуры. Таким орнаментом украшен, например, сосуд из Волицы Стракловской (рис. 2, *22*) и амфорка из погребения 4 Торчинского могильника [4, рис. 48, *2*].

Раскопки в Ровенской и Волынской областях 1970—1971 гг. значительно расширили наши сведения о культурах начала бронзового века Западной Волыни. Возле с. Глинск получено новое подтверждение существования у племен городокско-здолбицкой культуры обычая хоронить покойников в каменных гробницах, видимо, унаследованного ими от проживавших ранее на этой территории племен культуры шаровидных амфор. Существование генетической связи населения культур шнуровой керамики с племенами культуры шаровидных амфор предполагает и Т. С. Кондукторова на основании антропологических данных

[1, с. 22]. Нельзя также исключить возможность влияний на население Западной Волыни со стороны племен культуры многоваликовой керамики, в которой также известны погребения в каменных гробницах [26, с. 336, рис. 94].

Исследованные у Волицы Стракловской и хутора Ставок грунтовые погребения дали новый материал для изучения памятников раннего периода бронзового века Западной Волыни, а керамика из Волицы Стракловской еще раз подтвердила существование тесных связей племен стжижовской культуры с синхронным населением южной части Польши — племенами культуры Хлопице — Веселе и межановицкой.

Результаты раскопок кургана у с. Жорнов позволили окончательно решить вопрос о существовании на Западной Волыни у племен стжижовской культуры не только грунтовых, но и курганных могильников. До сих пор курганы, исследованные у сел Великий Боратин Волынской [27, с. 128] и Городок [3] Ровенской областей, относились к этой культуре условно на основании далеко не полных данных об их инвентаре, а в археологической литературе высказывались предположения, что погребения стжижовской культуры в курганах являются впускными захоронениями в более ранних насыпях [9, с. 71]. В 1972 и 1974 гг. количество исследованных курганов стжижовской культуры увеличилось за счет раскопанных Ю. М. Никольченко трех курганов у с. Торговица Ровенской обл. [30, с. 318, 319; 31, с. 332, 333], в которых также вскрыты мужские захоронения с неполным трупосожжением, совершенным в могильной яме, и установлен обычай сопровождать погребения захоронениями домашних животных (овец). Инвентарь погребений в кургане у Жорнова расширил наши сведения о погребальных обычаях племен стжижовской культуры (наличие признаков тризны), об ассортименте металлических украшений этой культуры, позволил пересмотреть вопрос о назначении найденных в ряде погребений костяных трубочек, до сих пор интерпретированных как пронизки, и предположить существование у этих племен музыки, вероятно, довольно примитивной. Находка в погребении 2 костяной бляхи-пряжки еще раз подтверждает существование связей племен стжижовской культуры с племенами культуры многоваликовой керамики и позволяет установить синхронность обеих культур, а также уточнить дату исследованного кургана (вторая четверть II тысячелетия до н. э.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кондукторова Т. С.* Антропологический тип людей культур шнуровой керамики Украины//ВА. 1978. Вып. 59.
2. *Свешников И. К.* Памятники культуры шнуровой керамики у с. Здолбица (УССР)//КСИА. 1961. Вып. 85.
3. *Федоренко П. К.* Могильник с. Городка Ровенского уезда, Волынской губернии//Труды общества исследователей Волыни. 1915. Т. XIII. Вып. 1.
4. *Свешніков І. К.* Історія населения Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ: Наук. думка, 1974.
5. *Островський М. І.* Поховання культури шнурової кераміки поблизу с. Липа Ровенської області//Археологія. 1971. Вип. 2.
6. *Głozik J.* Wolynsko-podolskie materialy z epoki kamiennej i wczesnej epoki brazu w Państwowym Muzeum Archeologicznym w Warszawie//MS. 1962. T. VIII.
7. *Kozlowski L.* Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939.
8. *Fitzke J.* Cmenterzysko kultury strzyżowskiej w Torczynie pod Luckiem na Wołyniu//WA. 1975. T. XL. № 1.
9. *Machnik J.* Wczesny okres epoki brązu. Prahistoria ziem polskich. T. III. Wyd. Ossolineum, 1978.
10. *Głosik J.* Osada kultury ceramiki sznurowej w Strzyżowie pow. Hrubieszów w świetle badań w latach 1935—37 i 39//MS. 1961. T. VII.
11. *Machnik J.* Stosunki kulturowe na przełomie neolitu i epoki brązu w Małopolsce. Materiały do prahistorii ziem polskich, cz. III, z. I. Warszawa, 1967.

[3] Раскопки И. Савицкой в 1926 г. Согласно сообщениям разных авторов, в кургане найдены костяные трубочки с кольцевыми нарезками и медные височные кольца в форме ивового листа [28, с. 8; 29, с. 45].

12. *Захарук Ю. М.* Нове джерело до вивчення культур шнурової кераміки на Волині//МДАПВ. 1961. Вип. 3.
13. *Fitzke J.* Sprawozdania PAU. T. XLIII. 1938.
14. *Пелещишин М. А.* Нові поселення стжижовської культури на Волині//Археологія. 1971. № 1.
15. *Свешников И. К.* Памятники почапского типа в верховьях Западного Бута//SA. 1973. Т. XXI. № 1.
16. *Рындина Н. В.* Металл в культурах шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни//СА. 1980. № 3.
17. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.)//МИА. 1959. № 60.
18. *Щепинский А.* Во тьме веков. Симферополь, 1966.
19. *Макаренко М.* Маріюпільський могильник. Київ, 1933.
20. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья//МИА. 1950. № 18.
21. *Häusler A.* Neue Funde steinzeitlicher Musikinstrumente im Osteuropa//Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg. 1960. B. IX. № 3.
22. *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой//АСГЭ. 1964. Вып. 6.
23. *Отрощенко В. В.* О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками//Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тезисы докладов XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978.
24. *Отрощенко В. В.* Культура многоваликовой керамики//Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
25. *Свешников И. К., Конопля В. М.* Исследования Ровенского отряда//АО—1977. М., 1978.
26. *Братченко С. Н.* Пам'ятки багатоваликової кераміки//Археологія Української РСР. Київ: Наук. думка, 1971.
27. *Fitzke J.* Tegoroczne badania archeologiczne na Wołyniu//ZOW. 1938. T. XIII.
28. *Borkovskyj I.* Problémy středoeuropské šnurové kultury. Památky Archeologické. T. III. Praha, 1934.
29. *Sulimirski T.* Polska przedhistoryczna. T. II. L., 1959.
30. *Никольченко Ю. М., Киян Э. Ф.* Работы Ровенского краеведческого музея//АО—1972. М., 1973.
31. *Никольченко Ю. М.* Работы Ровенского краеведческого музея//АО—1974. М., 1975.

I. K. SVESHNIKOV

SOME NEW BURIALS OF THE EARLY BRONZE AGE FROM WESTERN WOLYNIA

Summary

The results of field investigations in Western Wolynia conducted in the 70-s are published in the article. They clarify the knowledge about the local cultures during the Early Bronze Age. The excavations near Glinsk (Rovno region) supported the information about the burial rite typical for Gorodok-Zdolbitsa culture, consisting in construction of stone cists. This rite could be inherited from the culture of globular amphorae which existed earlier in this territory. The influence of the multiribbed pottery culture cannot be excluded. The investigations of kurgan near Zhornov (Rovno region) solved the question about the burial ritual of the Strzyzow culture; these tribes practiced both flat cemeteries and kugran mounds. The cultural links between Strzyzow culture and multiribbed pottery tribes is proved by bone belt-buckle from grave № 2, which support their synchronous existance and establish the date — the second fourth of the 2nd millenium B. C.

С. И. ВОЛОВИК

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ У ПОСЕЛКА ЛАГЕРИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

В данной статье будут рассмотрены археологические материалы, добытые Северско-Донецкой археологической экспедицией ХГУ на поселении в урочище Лысый Горб.

Поселение располагается в 0,4 км к западу от поселка Лагери, Балаклейского р-на, Харьковской обл. и занимает дюнную возвышенность в пойме левого берега Северского Донца. Ее площадь достигает 20 га, а высота над уровнем поймы 2—3 м. С северо-запада и северо-востока к дюне подступает старица реки. Древнее поселение занимало северную часть дюны.

В различные годы оно исследовалось Н. В. Сибилевым [1, с. 19], Е. В. Пузаковым [2, с. 42, 43] и Ю. В. Буйновым [3, с. 302, 303].

За время работы на поселении вскрыта площадь 2100 м^2. Обнаружены отложения начиная от ранней бронзы и до средневековья [1]. Культурный слой располагался пятнами вокруг жилых построек. Его мощность за пределами жилищ не превышала 10—15 см.

На поселении удалось обнаружить и исследовать семь жилищ, относящихся к различным периодам эпохи бронзы (рис. 1, 2). В одном случае жилая постройка раннего времени перекрывалась более поздним жилищем.

Основываясь на добытых материалах и учитывая стратиграфические данные, для поселения можно выделить следующие периоды его существования: марьяновский, раннесрубный и бондарихинский. При этом бондарихинский период подразделяется на два этапа: более ранний, к которому относятся жилища с керамикой типа Студенка V на Северском Донце [4, с. 74—77; 5, с. 76, 77], и более поздний, собственно бондарихинский.

К марьяновскому периоду относится жилище А в раскопе III.

Раннесрубный период представлен жилищем Г в раскопе III и наземным жилищем в раскопе VI.

С раннебондарихинским периодом связаны три жилища — две наземные постройки в раскопах I и IV и полуземлянка В в раскопе III.

Кроме жилищ на поселении было обнаружено несколько открытых очагов.

Из-за плохой сохранности поселения не удалось выяснить планировку на всех этапах его существования. Можно говорить лишь о планировке на раннебондарихинском этапе. Жилища в это время располагались в один ряд вдоль старицы реки.

Наземное жилище А — раскоп III (марьяновский период) появилось на глубине 20 см под дерновым слоем, а дно его зафиксировано на глубине 50 см от уровня современной поверхности. Оно частично перекрывалось более поздней постройкой раннесрубного периода. Сохранившаяся часть жилища имеет прямоугольную форму (6×4 м) и ориентирована своей длинной осью по линии север — юг. На полу жилища был обнаружен открытый очаг, под которого выложен керамикой. Керамика была изготовлена из глины с примесью крупных зерен кварцита.

[1] Материалы, относящиеся к средневековью, в данной статье рассматриваться не будут.

© С. И. Воловик, 1993 г.

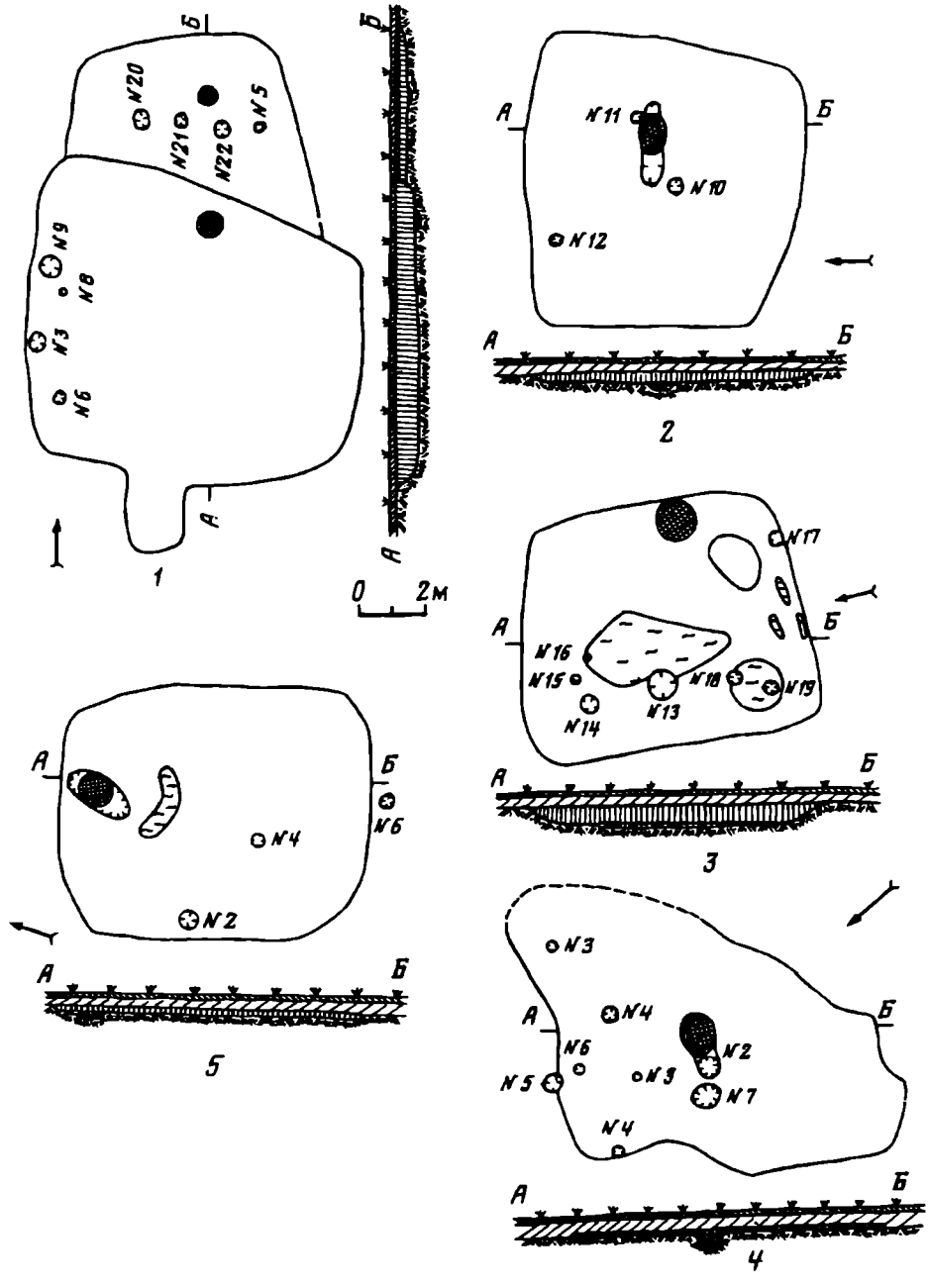


Рис. 1. Поселение Лысый Горб. Жилища. *1* — марьяновское жилище, перекрытое раннесрубным; *2* — собственно бондарихинское; *3*, *4* — студенокского периода; *5* — раннесрубное. Условные обозначения см. рис. 2

Толщина стенок 0,8 см, цвет — коричневый. Она имела короткий слабо отогнутый наружу венчик и округлобокое тулово. Орнамент состоял из налепного расчлененного валика и оттисков прямо поставленной палочки под ним (рис. 3, *1*, *2*).

Кроме этой керамики на дне жилища была обнаружена тонкостенная посуда, изготовленная из глины с примесью мелкого песка. Она украшена отпечатками полой косточки (рис. 4, *3*), палочки, перевитой ниткой («полючая проволока») (рис. 4, *1*), и елочным орнаментом из «гусеничек» (рис. 3, *3*).

Наземная постройка — раскоп I (раннебондарихинский — студенокский период) прослежена в виде зольной прослойки толщиной 20—30 см, появившейся на глубине 45 см от уровня современной поверхности. Она частично была уничтожена карьером. Уцелевшая часть постройки имеет вытянутую форму

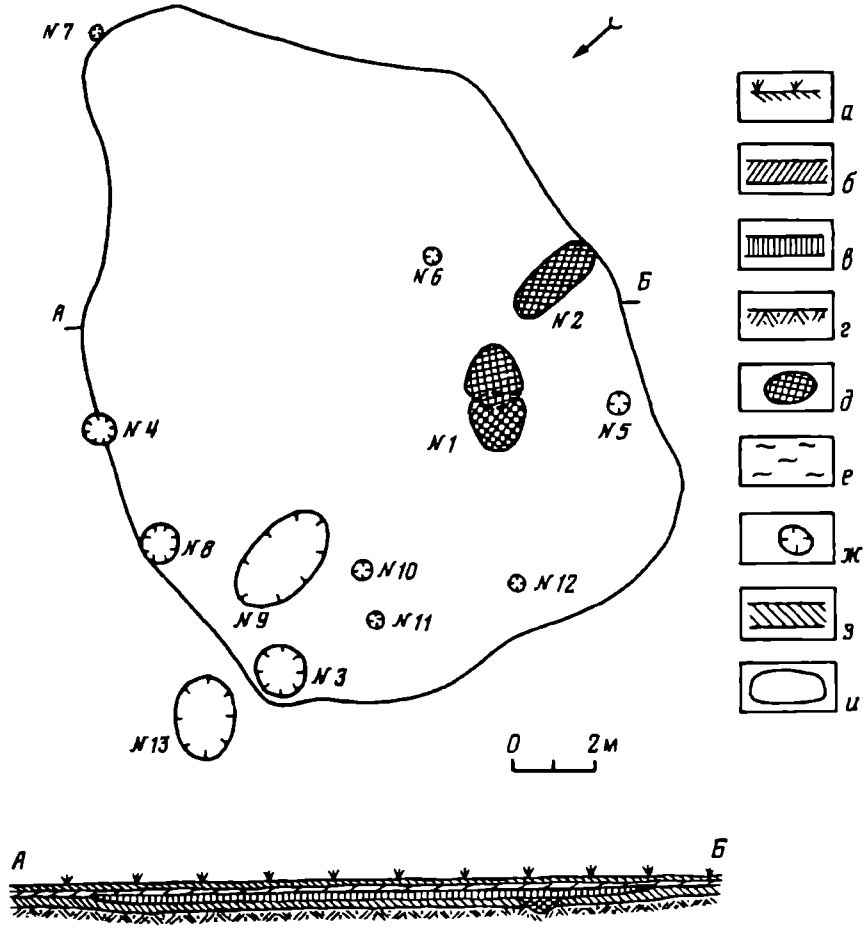


Рис. 2. Поселение Лысый Горб. Жилище. Студенокский период. *а* — дерн; *б* — культурный слой; *в* — заполнение жилища; *г* — материк; *д* — очаг; *е* — зола; *ж* — яма; *з* — погребенная почва; *и* — контур жилища

площадью 63 м^2. С пятном постройки были связаны четыре столбовые (№ 3, 4, 6, 8) и три хозяйственные (№ 1, 5, 7) ямы (рис. 1, *4*).

В центре постройки располагался открытый очаг. Он появился на глубине 65 см и состоял из двух ям, разделенных перемычкой: большей — собственно очага и меньшей — предочажной ямы. Большая яма (очаг) имела овальную форму (длина 130 см, ширина 1 м). Ее дно находилось на глубине 1 м. Меньшая (предочажная) яма имела круглую форму диаметром 60 см и дно на глубине 95 см. В плане очаг имел форму восьмерки (рис. 1, *4*). В его заполнении обнаружено много кварцита, песчаника, кальцинированных костей и керамики.

На полу постройки было найдено большое количество раннебондарихинской (студенокской) керамики.

Еще одна раннебондарихинская постройка, имеющая наземную конструкцию, была обнаружена в раскопе IV. Она имела вытянутую форму и ориентирована по длинной оси с востока на запад (рис. 2). Постройка зафиксирована на глубине 25 см, а ее дно находилось на глубине 55 см. В конструкцию постройки входят хозяйственные (№ 3, 4, 8, 9, 13) и столбовые (№ 5—7, 10—12) ямы.

В юго-западном углу постройки располагался открытый очаг (яма № 1). Он появился на глубине 55 см и был впущен в пол постройки на глубину 60 см, состоял из двух кострищ, которые частично перекрывали друг друга (рис. 2). С очагом, очевидно, связана и овальной формы яма № 2 (длина 260 см, ширина 200 см), которая находилась в непосредственной близости от него. Яма была впущена в пол постройки на 40 см и целиком была заполнена большими кусками

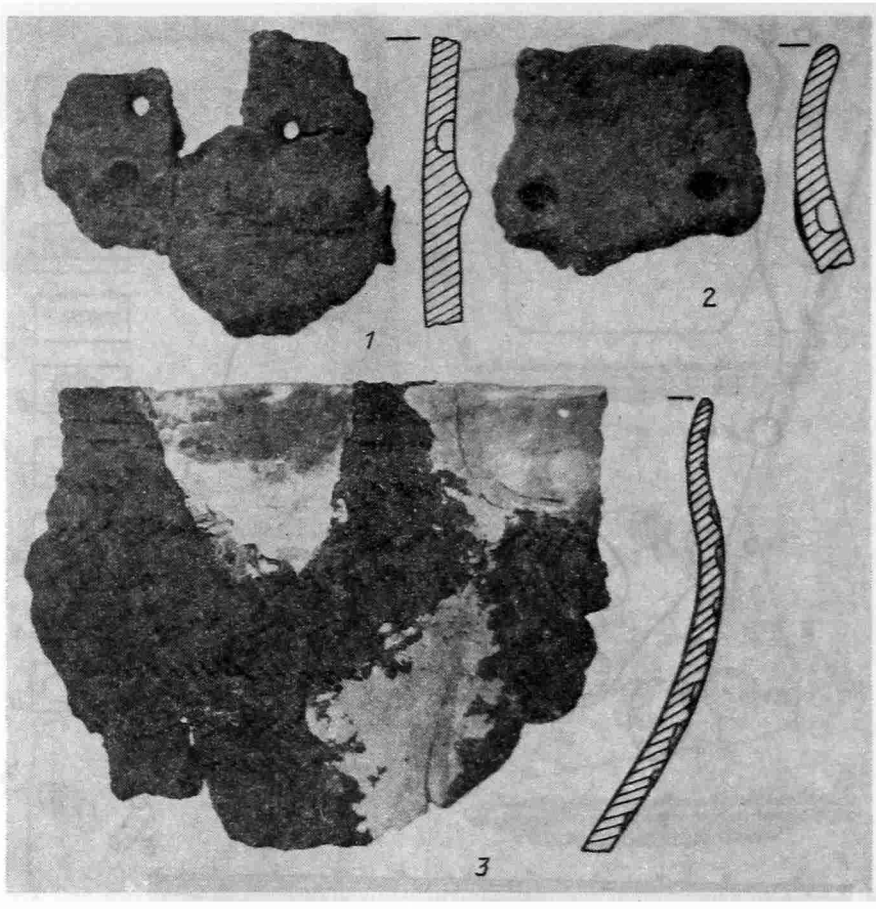


Рис. 3. Поселение Лысый Горб. Керамика. Марьяновская культура

древесного угля. Аналогичные по конструкции ямы были исследованы С. С. Березанской [6, с. 29; 7, с. 111].

Судя по керамике (рис. 4, *5*), эта постройка относится к кругу памятников типа Студенка V.

Полуземляночное жилище В — раскоп III (раннебондарихинский — студенокский периоды) обнаружено на глубине 45 см, а дно его зафиксировано на глубине от 75 см до 1,05 м. Пол жилища покато углубляется от стенок жилища к центру. В плане оно почти правильной квадратной формы (длина 8,2 м, ширина 7,3 м) (рис. 1, *3*). Ориентировано жилище своей длинной осью по линии север — юг.

Очаг располагался у южной стены жилища и имел круглую форму диаметром 1,2 м. Он появился в полу жилища на глубине 0,75 м, дно его находилось на глубине 0,95 м. Конструкция очага не ясна, очевидно, он был сложен из кусков песчаника, которые вместе с керамикой встречены в его заполнении. С жилищем связаны шесть столбовых (№ 14—19) ям и одна (№ 13) хозяйственная.

На дне жилища отмечен горелый черный слой толщиной 10 см, в котором находилось большое количество керамики типа Студенка (рис. 4, *2*, *4*), орудия труда и оружие (рис. 5, *2*, *6*).

Судя по глубине, жилище В было полуземляночным и имело срубную конструкцию. Остатки сгоревших бревен обнаружены возле его южной стены.

К раннесрубному периоду относится полуземляночное жилище Г в раскопе III и наземное жилище в раскопе VI.

Как уже указывалось выше, полуземляночное жилище Г (раскоп III) частично перекрывает наземное жилище марьяновской культуры. Оно появилось на глубине 30 см, дно его зафиксировано на глубине 80 см. Форма — прямоугольная

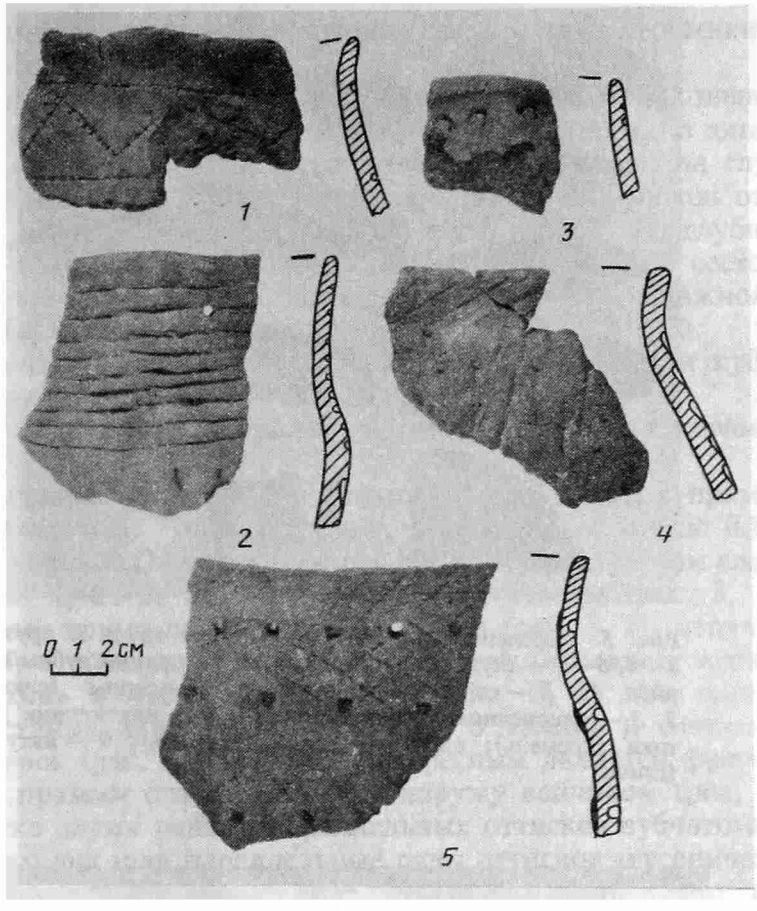


Рис. 4. Поселение Лысый Горб. Керамика. *1*, *3* — марьяновская культура; *2*, *4*, *5* — студенокский период

(10×9 м), ориентировано оно почти точно по сторонам света (рис. 1, *1*). В середине южной стены имелся коридор — вход длиной 2 м и шириной 1,7 м. Против входа, у дальней от него северной стены, был устроен очаг (диаметр 60 см, глубина от уровня пола 20 см). Очаг выложен из глиняных вальков, которые здесь встречаются в большом количестве.

У западной стены полуземлянки прослежены две столбовые (№ 6, 8) и две хозяйственные (№ 7, 9) ямы (рис. 1, *1*).

На дне жилища обнаружены фрагменты баночных сосудов раннесрубного времени (рис. 6, *5*), обломок кремневого серпа (рис. 5, *5*) и глиняная катушка (рис. 5, *9*).

Ближайшая аналогия жилищу имеется на поселении Ильичевка [8, с. 153, рис. 2; с. 154].

Жилище, исследованное в раскопе VI, было наземным. Оно имело прямоугольную форму (9×7,5 м), ориентировано длинной осью почти точно по линии север — юг (рис. 1, *5*). Жилище появилось на глубине 35 см, дно его находилось на глубине 60 см.

С жилищем связаны две ямы: столбовая (№ 4) и хозяйственная (№ 2).

У северной стороны жилища располагался очаг (диаметр 80 см, глубина 15 см). В его конструкцию входила и предочажная яма, которая примыкала к нему с двух противоположных сторон (рис. 1, *5*). Общая длина очага с предочажной ямой 2,15 м.

На дне жилища обнаружены фрагменты горшков и мисок раннесрубного времени (рис. 6, *3*, *4*).

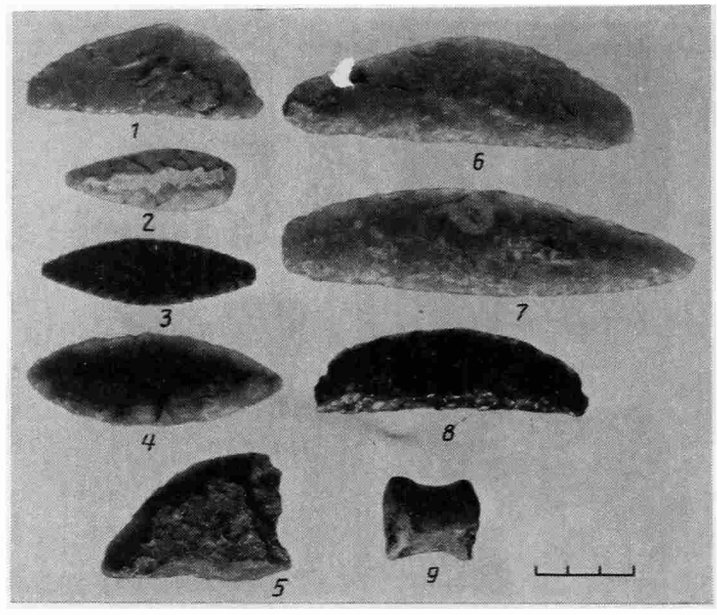


Рис. 5. Поселение Лысый Горб. Орудия труда и оружие. *1—4, 6—8* — студенокский период; *5, 9* — раннесрубный период. *1, 8* — серпы (кремень); *6, 7* — серпы (слюда); *2, 3* — наконечники стрел (кремень); *4* — наконечник дротика (кремень); фрагмент серпа (кремень); *9* — катушка (глина)

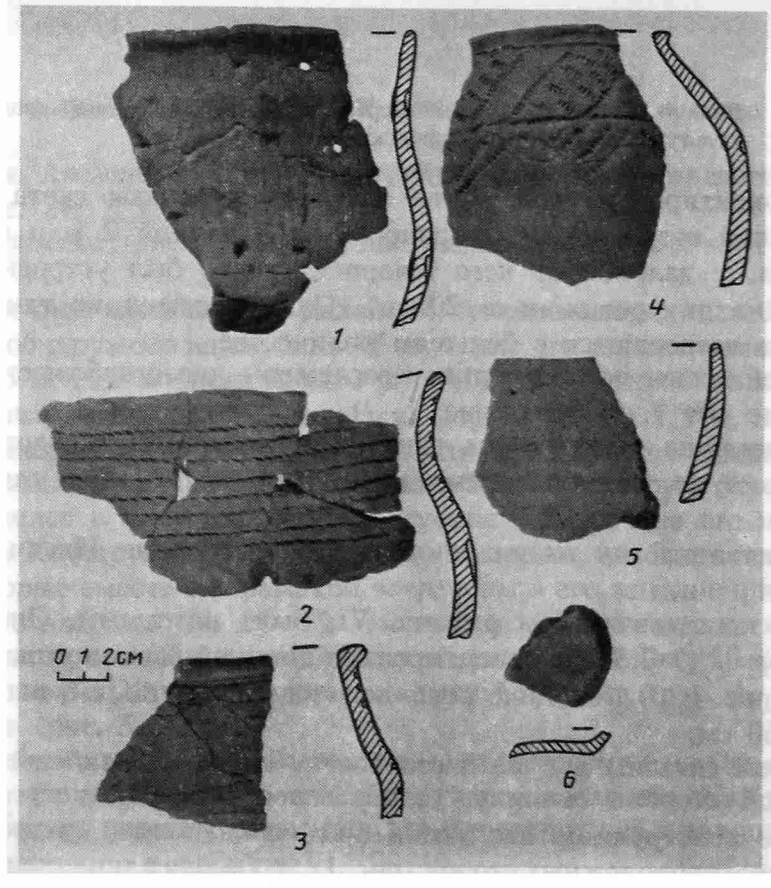


Рис. 6. Поселение Лысый Горб. Керамика, *1, 2, 6* — студенокский период; *3, 5* — раннесрубный период

Судя по глубине залегания, ориентировке и близости керамики оба срубных жилища существовали в одно время.

Собственно бондарихинское наземное жилище Б (раскоп III) появилось на глубине 45 см, оно прямоугольной формы (9×8 м), ориентировано длинной осью по линии восток — запад (рис. 1, 2). Дно было зафиксировано на глубине 70 см.

В центре жилища, ближе к его восточной стене, обнаружен открытый очаг овальной формы (1,3×0,8 м) с предочажной ямой (рис. 1, *2*), глубина от уровня пола 0,25 м. Предочажная яма имела овальную форму и состояла из двух частей — восточной и западной. Общая длина очага с предочажной ямой 2,5 м.

С жилищем были связаны три столбовые ямы (№ 10—12).

На дне жилища обнаружены фрагменты горшков, мисок и кубков бондарихинской культуры (рис. 7, *1*, *2*, *4*, *5*).

Из находок на поселении наибольшую группу составляет керамика и орудия из камня.

Керамика марьяновского периода изготовлена из глины с примесью песка и крупных зерен кварцита. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 0,8 см. Цвет ее коричневый или черный. Она представлена горшками с коротким слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *2*) и округлобоким туловом (рис. 3, *3*). Орнамент наносился тычками прямо поставленной палочки (рис. 3, *2*), отпечатками полой косточки (рис. 4, *3*), палочкой, перевитой ниткой («колючая проволока») (рис. 4, *1*), «гусеничкой» и зубчатым штампом (рис. 3, *3*). На одном фрагменте прослежено сочетание налепного расчлененного валика и оттисков прямо поставленной палочки (рис. 3, *1*). Очень интересным является фрагмент округлобокого горшка с прямым слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *3*). Он был украшен по шейке двумя рядами параллельных оттисков зубчатого штампа, под которым до самого дна шли параллельные ряды оттисков «гусеничек», а по срезу венчика располагались косые насечки зубчатого штампа. Этот горшок имеет ближайшие аналоги среди керамики с поселения Марьяновка на Сейме [9, с. 186, рис. 2; 10, с. 193] и других памятников [6, с. 29, 31, рис. 8, *1*; 11, с. 42, 44, рис. 7, *5—9*].

Раннесрубная керамика представлена в обоих жилищах баночными горшками, украшенными пальцевыми вдавлениями по венчику, биконическими сосудами с оттисками веревочки (рис. 6, *3*, *4*) и полусферическими мисками со слабо загнутыми внутрь венчиками (рис. 6, *5*). Отдельные фрагменты украшены резным орнаментом (рис. 7, *3*) и отпечатками зубчатого штампа. Небольшая часть керамики лишена орнамента. Толщина стенок 0,6—0,8 см. Она изготовлена из глины с примесью песка и мелких зерен шамота. Ее поверхность светло-коричневого или желтого цвета.

Керамика, аналогичная описанной нами, была широко распространена в раннесрубное время на всей современной территории лесостепной левобережной Украины [12, с. 406—413].

Кроме керамики в жилище Г обнаружена глиняная катушка и фрагмент кремневого серпа (рис. *5*, *5*, *9*).

Из раскопанных на поселении трех раннебондарихинских (студенокских) жилищ наибольшее количество керамики содержало жилище В (раскоп III). Здесь обнаружено несколько развалов горшков. Они принадлежат сосудам с высокими прямыми или слабо отогнутыми наружу венчиками (рис. 4, *2*, *4*, *5*; 6, *2*). По форме горшки слабопрофилированные (рис. 4, *2*; 8, *1*) или округлобокие (рис. 4, *5*; 8, *2*), некоторые экземпляры имеют плечико (рис. 4, *2*; 8, *1*) и «воротничок» (рис. 4, *4*). Донышки горшков небольшие плоские (рис. 8, *1*, *2*) или округлые вогнутые (рис. 6, *6*), аналогичные фатьяновским [13, с. 185, рис. 28, *6*; с. 68].

Горшки сделаны из глины с примесью песка и мелкого шамота. Толщина стенок от 0,4 до 0,8 см. Цвет коричневый, от темного до светлого тонов. Поверхность хорошо заглажена, иногда подлощена. Некоторые горшки имеют под венчиком вертикальное гребенчатое сглаживание мелкой гребенкой.

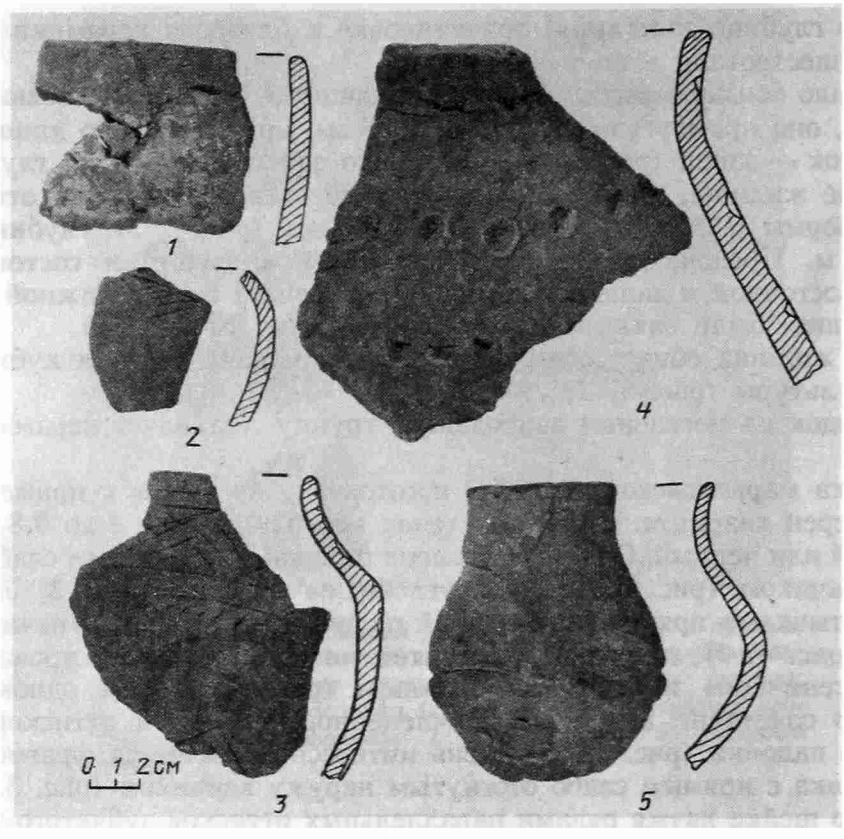


Рис. 7. Поселение Лысый Горб. Керамика. *1—5* — собственно бондарихинский период

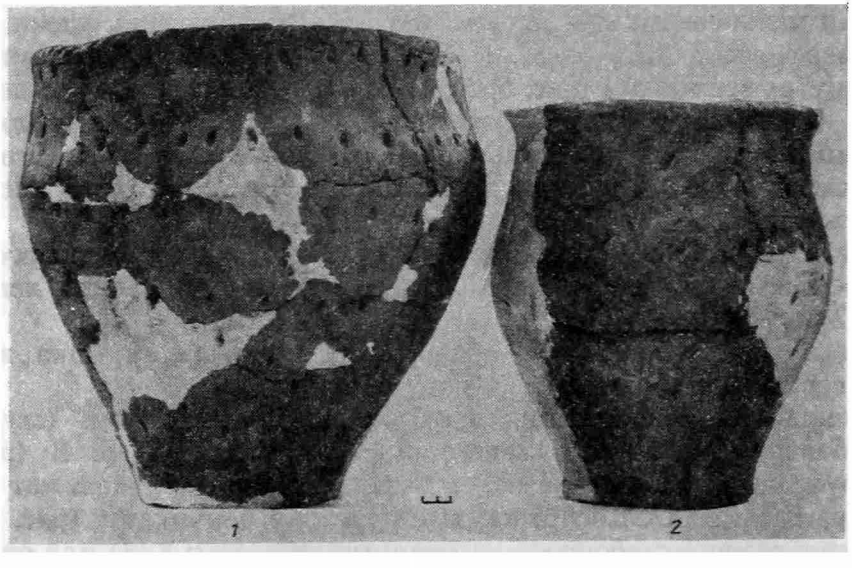


Рис. 8. Поселение Лысый Горб. Сосуды. Студенокский период

Почти на всей посуде прослежен орнамент, нанесенный косо или прямо поставленной палочкой. Вдавления покрывают верхнюю половину тулова в несколько рядов или весь горшок от устья до днища (рис. 4, *2*, *4*, *5*; 8, *1*, *2*). В некоторых случаях они сочетаются с параллельными рядами отпечатков веревочки (рис. 6, *2*) или прочерченными линиями (рис. 4, *2*). На некоторых фрагментах прослежен орнамент из отпечатков зубчатого штампа по венчику и плечикам

горшка (рис. 4, *5*). Эти отпечатки сочетаются с палочными вдавлениями. Обрез венчиков украшался отпечатками косо поставленной палочки, зубчатого штампа или вообще не имел орнамента.

Развалы двух горшков удалось реконструировать полностью (рис. 8, *1*, *2*). Они, как и вся вышеописанная керамика, имеют ближайшую аналогию среди посуды с поселений Студенок II и V на Северском Донце [4, с. 75, рис. 2; с. 76, рис. 3; 14, с. 60, табл. IV, *16—20*].

Большой интерес вызывает фрагмент горшка (рис. 6, *1*), обнаруженный в наземном жилище (раскоп I) совместно с керамикой вышеописанного облика. Этот горшок наиболее близок к малобудковской посуде [15, с. 88, рис. 3].

Другой горшок, близкий по форме и орнаментации к малобудковской керамике, обнаружен на дне полуземляночного жилища В (раскоп III) совместно с керамикой студенокского типа (рис. 8, *1*).

Кроме керамики к студенокскому периоду существования поселения относятся зернотерка с курантом и четыре серпа — два кремневых и два слюдяных (рис. 5, *1*, *6—8*). Они имеют прямые или немного вогнутые заполированные лезвия и выгнутую спинку. Серпы такого типа широко представлены на всем протяжении существования бондарихинской культуры [16, с. 98, рис. 3, *5*; 17, с. 112, рис. 4, *11—16*; 18, с. 93].

Из оружия к этому периоду относятся фрагмент обушковой части каменного топора, два наконечника стрел и один дротика.

Наконечники стрел архаической листовидной формы широко представлены на памятниках лесной и лесостепной зон Восточной Европы еще с неолитической эпохи. Они изготовлены из кремня белого и черного цвета. Обработаны по всей поверхности мелкой струйчатой ретушью. Один наконечник имеет правильную листовидную форму, второй — несколько усеченное основание (рис. 5, *2*, *3*). Наконечник дротика имел немного большие размеры, листовидную форму и был обработан такой же струйчатой ретушью, как и стрелы (рис. 5, *4*).

Ближайшие аналогии обнаруженным наконечникам стрел и дротика имеются в памятниках поздняковской и раннесетчатой культур [19, с. 184, рис. 32, *2*; 20, с. 453, рис. 178, *1*; с. 460, рис. 183, *3*].

Небольшим количеством представлена на поселении керамика собственно бондарихинская. Это фрагменты горшков, мисок и кубков.

Горшки этого времени были изготовлены из глины с примесью крупных зерен шамота. Поверхность их бугристая, темно-коричневого цвета. Они имели высокий, слабо отогнутый наружу венчик и слабопрофилированное (рис. 7, *4*) или округлобокое тулово (рис. 7, *5*). Орнамент состоял из горизонтальных рядов пальцевых вдавлений по плечикам и ряда палочных вдавлений под венчиком (рис. 7, *4*). Некоторые горшки лишены орнамента. Один фрагмент горшка имел округлобокое тулово с орнаментом из параллельных рядов палочных вдавлений в его верхней половине и палочных насечек по венчику.

Миски (рис. 7, *1*) имели вытянутую форму и загнутый внутрь венчик. Орнамент отсутствовал.

Кубки были тонкостенные (0,4—0,5 см), из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка, венчики высокие среднеотогнутые наружу (рис. 7, *2*, *5*), внешняя поверхность подлощена до блеска. На одном фрагменте прослежен резной орнамент по плечику, который имел вид заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз (рис. 7, *2*).

Таким образом, в эпоху бронзы жизнь на поселении возобновлялась через некоторые промежутки времени 4 раза.

Впервые здесь поселились племена марьяновской культуры, которые проникли сюда из более северных районов Подесенья и Посеймья. С. С. Березанская датирует их в этом районе XVIII—XV вв. до н. э. [11, с. 46]. К этому или более позднему времени относится их появление и на нашем поселении. Об этом свидетельствует тождество керамики и ее орнаментации с описываемого поселения и с таковых поселений как Волынцево (Городок), Марьяновка и др.,

а также стратиграфические данные. Жилище марьяновской культуры на поселении Лысый Горб было перекрыто более поздней постройкой срубной культуры, которую, судя по керамике, можно датировать XV—XIV вв. до н. э. и отнести к раннесрубному времени.

Интересным и во многом еще слабоизученным является следующий период в жизни поселения, который представлен материалами типа Студенка V. Мы вслед за Ю. В. Буйновым [21; 22, с. 40] связываем эти материалы с бондарихинской культурой и выделяем их в ранний предмалобудковский этап существования данной культуры. Представляется возможным в дальнейшем именовать подобные материалы материалами студенокского типа, для которых будут характерны вышеописанные черты в материальной культуре.

Локализуются памятники студенокского типа в бассейне Северского Донца, на южной окраине лесостепи. В настоящее время известно уже около десятка памятников этого типа.

Датирующие вещи, относящиеся к студенокскому периоду, на поселении Лысый Горб отсутствуют. В связи с этим следует обратиться к косвенным данным, позволяющим определить дату данного периода и студенокского этапа в целом. Ю. В. Буйнов на поселении Студенок VI раскопал погребения по обряду кремации студенокского типа, которые были впущены в слой позднесабатиновского времени существовавшего здесь ранее поселения. Этот слой автором раскопок датируется XIV—XIII вв. до н. э., а погребения — рубежом XIII—XII вв. до н. э. [22, с. 40].

Близость керамических форм и орнаментации посуды с поселения Лысый Горб и из вышеназванных погребений, а также наличие в закрытых комплексах на поселении Лысый Горб и Студенок V керамических форм, близких к малобудковским, позволяет датировать студенокский период существования поселения Лысый Горб началом XII в. до н. э. Эта дата является нижней датой студенокского этапа бондарихинской культуры, а верхняя дата, очевидно, относится к концу XIII в. до н. э., ко времени существования наиболее ранних из известных на сегодняшний день памятников, таких, как погребения на поселении Студенок VI и др.

Следовательно, время существования памятников студенокского этапа укладывается в хронологические рамки конца XIII — начала XII в. до н. э.

Последний период в эпоху бронзы на поселении Лысый Горб представлен собственно бондарихинским жилищем, которое судя по керамике, можно предварительно датировать серединой XI — X в. до н. э.

Таким образом, в научный оборот вводится новый памятник, на материалах которого прослеживается жизнь поселения в бассейне Северского Донца, начиная от эпохи ранней бронзы до предскифского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древности Изюмщины. Вып. 3. Изюм, 1928.
2. *Пузаков Е. В.* Отчет об археологических разведках Харьковского государственного Исторического музея в бассейне р. Северского Донца в 1955 году//Научный архив ИА АН УССР. № 2401.
3. *Буйнов Ю. В., Берестнев С. И.* Исследования в бассейнах Мжи и Северского Донца//АО — 1977. М., 1978.
4. *Телегин Д. Я.* Оскольская экспедиция 1955—1956 гг.//КСИА. 1959. Вып. 3.
5. *Телегін Д. Я.* Дослідження поселень епохи бронзи на Донці//АП. 1956. Т. VI.
6. *Березанская С. С.* Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа на р. Сейм//КСИИМК. 1957. Вып. LXVII.
7. *Березанская С. С.* Исследования поселений эпохи бронзы и раннего железа на Сейме//КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.
8. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце//Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
9. *Рудинський М. Я.* Мар'янівська стація//Антропологія. 1970. Т. III.
10. *Марачевський Я.* Кераміка мар'янівської стації//Антропологія. 1970. Т. III.
11. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
12. *Лесков О. М.* Зрубна культура//Археологія УССР. Т. I. Київ: Наук. думка, 1971.

13. *Крайнов Д. А.* Фатьяновская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
14. *Іллінська В. А.* Нові данні про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному лісостепу//Археологія. 1957. Т. X.
15. *Ильинская В. А.* Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры//СА. 1969. № 2.
16. *Матвеев Ю. П., Екимов Ю. Г.* Поселение эпохи бронзы Рыкань-2//Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.
17. *Синюк А. Т.* Стоянка Копанище-II//Эпоха бронзы Восточно-Уральской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981.
18. *Буйнов Ю. В.* Про господарство племен бондарихинськоі культури//Вісн. ХДУ. 1980. Вип. 12.
19. *Попова Т. Б.* Племена поздняковской культуры//Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
20. *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР//МИА. 1961, № 87.
21. *Буйнов Ю. В.* Новые данные о памятниках малобудковского типа//Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. Суздаль, 1987.
22. *Буйнов Ю. В.* О происхождении бондарихинской культуры позднего бронзового века//Проблемы археологии Сумщины. Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Сумы, 1989.

S. I. VOLOVIK

A BRONZE AGE SITE NEAR LAGERI SETTLEMENT ON THE SEVERSKY DONETS RIVER

Summary

The site named Lysy Gorb was excavated by the expedition of Kharkov University on a sandy hill in the valley of the Seversky Donets river, on its left bank. The area of 2100 sq. m. was investigated. Seven dwellings dated to different periods of the Bronze Age were found. The early period of the settlement is represented by a dwelling of Maryanovke culture, dated ca. 1700 B. C. The next stage of occupation is dated to the early timber-grave culture dated to the 15th-14th centuries B. C. Two dwellings of this period were studied, one of them overlapping the one of Maryanovka culture. The third occupational stage is represented by three dwellings, one of them being semi-subterrainean. They contained pottery similar to the vessels from settlement Studenok V and belonged to late 13th-12th centuries B. C. These materials may mark the emergance of Malye Budki-type of pottery. During the last period of inhabitance of the settlement there existed a dwelling of Bondarikha culture, dated to mid 11th-10th centuries B. C. Thus the site was inhabited for four times during the Bronze Age, but there are no data supporting the hypothesis about the orgination of Bondarikha culture from Maryanovka one.

Р. А. ЛИТВИНЕНКО

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ВОЗРОЖДЕНИЕ II НА ДОНЕТЧИНЕ

Как известно, для решения вопросов хронологии памятников бронзового века первостепенное значение имеют стратифицированные закрытые комплексы, содержащие датирующие предметы. В связи с этим подобные памятники, столь малочисленные для культуры многоваликовой керамики и срубной культуры Украины, представляют значительный интерес.

В 1982 г. новостроечная экспедиция Донецкого университета исследовала курганный могильник Возрождение II, находившийся в 0,5 км южнее железнодорожной станции Роты в Артемовском р-не Донецкой обл.[1] Группа из трех насыпей располагалась по оси водораздельного плато, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Раскопкам подверглись два северо-восточных кургана (рис. 1, 2).

Поверхность *кургана 1*, имевшего высоту 0,95 м и диаметр 16 м, была покрыта камнями. Под насыпью находились два погребения (рис. 1, *1*). *Погребение 1* совершено к югу от центра кургана в прямоугольной яме с закругленными углами, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток, размерами 1,3×0,83 м. Судя по расположению отдельных костей рук, ног, ребер и таза, умерший лежал в позе адорации на левом боку головой на юго-запад (рис. 1, 2).

Погребение 2 совершено в центральной части кургана в подовальной яме, ориентированной по линии юго-запад-запад — северо-восток-восток, размерами 1,63×1,15 м. Костяк полностью разрушен. Судя по находившимся in situ костям стопы, умерший был ориентирован на запад. Характер погребального сооружения и обряда позволяет отнести погребение 1, возможно и погребение 2, к культуре многоваликовой керамики.

Значительный интерес представляет комплекс *кургана 2*. Он представлял собой длинную насыпь с двумя вершинами, вытянутую с юго-запада на северо-восток, образовавшуюся в результате объединения досыпкой двух расположенных рядом курганов. Длина кургана 70 м, ширина до 35 м, высота на вершине 1,5 м и на перемычке 1 м. К сожалению, раскопкам подверглась только северо-восточная половина кургана (рис. 2, *1*). В кургане находилось шесть погребений.

Древнейшим являлось основное *погребение 4*, относящееся к культуре многоваликовой керамики (рис. 3). Погребение совершено в грунтовой яме подквадратной формы, ориентированной по сторонам света, размерами 1,25×1,1 м и глубиной 0,9 м, которая была перекрыта поперечными деревянными плахами. На дне на подстилке лежал умеренно скорченно на левом боку с завалом на грудь костяк ребенка, ориентированный на юго-запад-запад. Руки слегка согнуты в локтях и протянуты к коленям. В северо-западном углу ямы обнаружено несколько мелких костей животного. У северной стены ямы лежал кусок кремня с желвачной коркой (рис. 3, *3*). У колен умершего находилась россыпь астрагалов, расположенных двумя кучками: выше колен — 23 астрагала, ниже — 53. На шее была надета бронзовая гривна из круглой в сечении проволоки, утончавшейся к концам, один из которых загнут наружу, а другой внутрь. Длина гривны

[1] Выражаю глубокую признательность Н. П. Зарайской и В. А. Посреднikову, любезно предоставившим материал для публикации.

© Р. А. Литвиненко, 1993 г.

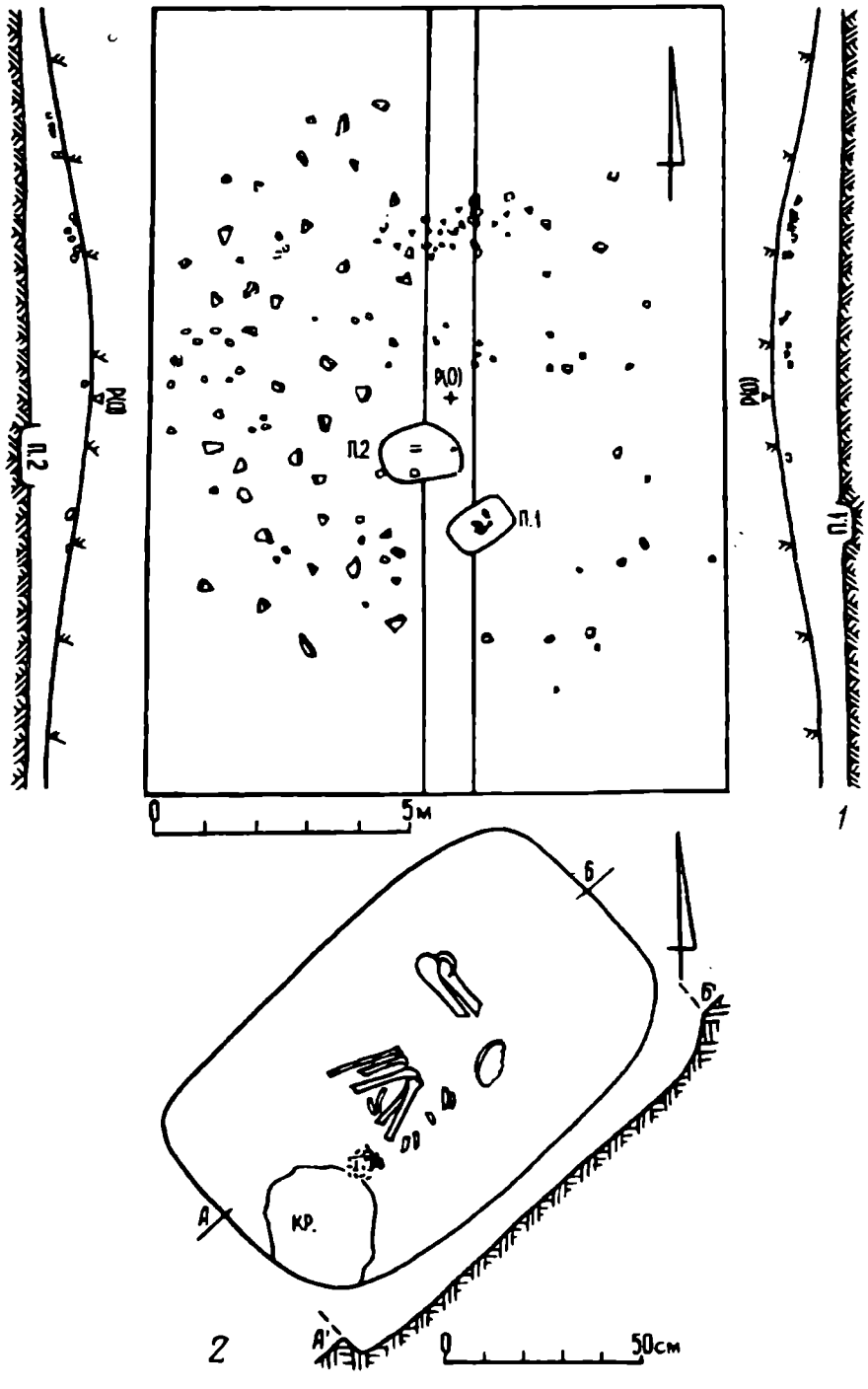


Рис. 1. *1* — план и профили кургана 1; *2* — план и разрез погребения 1

25 см, диаметр окружности изгиба 13 см, диаметр проволоки в средней части 4 мм, по краям 2 мм (рис. 3, *2*). Над погребением 4 был возведен курган высотой около 1,25 м и диаметром около 12 м, после чего в него были впущены погребения 1, 2 и 5 срубной культуры и погребение 3 эпохи бронзы.

Погребение 1 (рис. 4, *1*) совершено в каменном ящике прямоугольной формы, ориентированном по линии юго-запад — северо-восток, размерами по верхнему контуру 1,65×1,2 м, у дна 1,25×0,65 м, глубиной 0,53 м. Каждая из продольных стен была сложена из одной большой плиты песчаника, поперечные — из двух меньшего размера. Перекрытие также состояло из каменных плит, просевших внутрь. На дне ящика лежал в позе адорации на левом боку головой на северо-восток костяк подростка. Погребение сопровождалось двумя

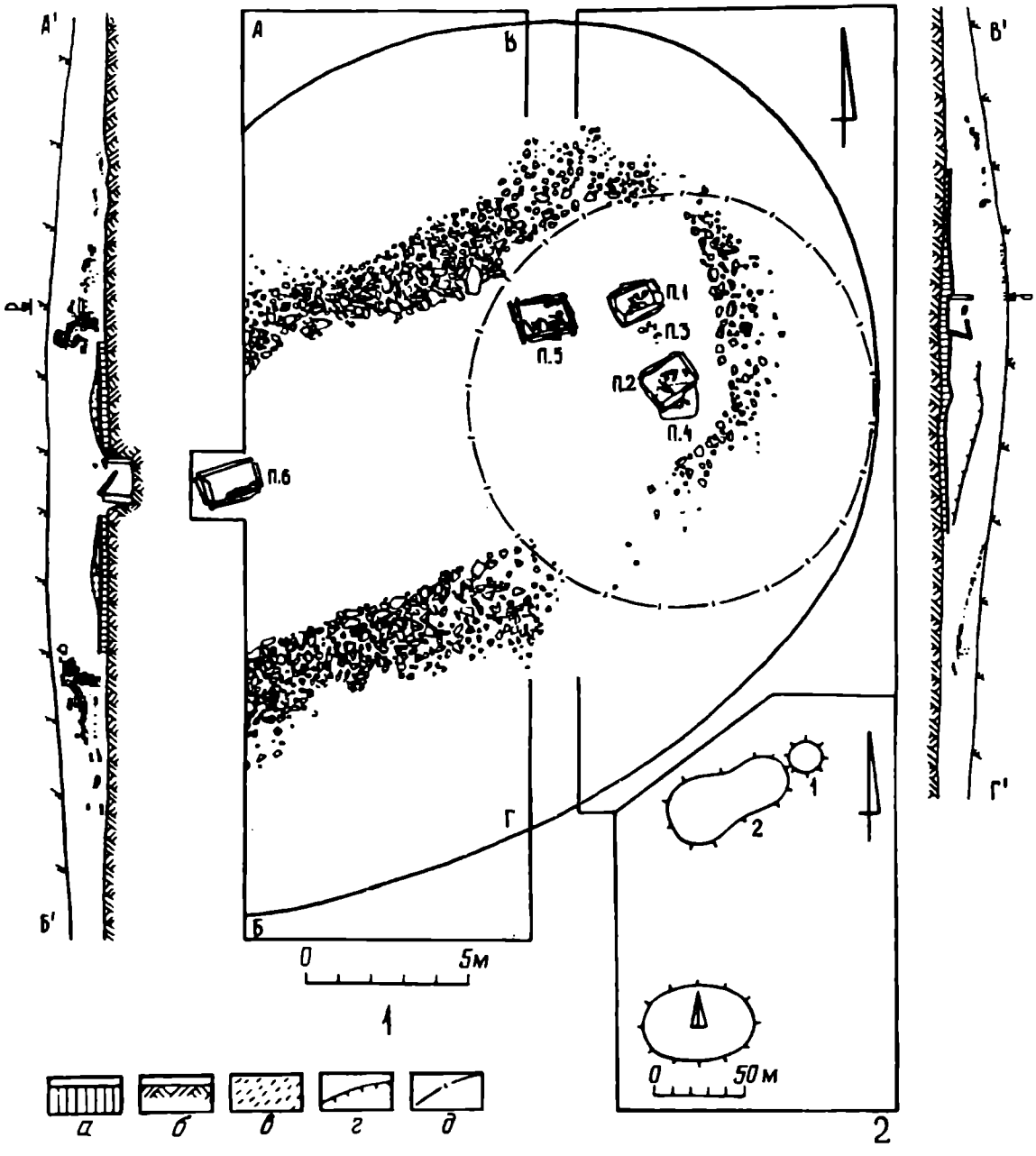


Рис. 2. *1* — план и профили кургана 2 (*а* — погребенная почва, *б* — материк, *в* — материковый выкид, *г* — первичная насыпь в профиле, *д* — первичная насыпь в плане); *2* — план могильника Возрождение-II

сосудами. У колен стоял остроребериый сосуд горизонтальных пропорций, украшенный выше ребра поясом двойных треугольников, внутреннее поле которых заполнено значками в виде крестов, несомкнутого круга, зигзагов. Ниже ребра и у дна нанесены пояса треугольников вершинами соответственно вниз и вверх. Орнамент выполнен оттиском веревочки (рис. 4, *2*). У стоп ног стоял сосуд баночной формы с расширяющимся кверху устьем и слегка округлыми боками. С одной стороны у венчика косо поставленной палочкой нанесены вдавления в виде грозди (рис. 4, *3*).

Погребение 2 было впущено в вершину многоваликового кургана и перекрыло основное погребение 4 (рис. 4, *4*). Погребальное сооружение представлено каменным ящиком прямоугольной формы, ориентированным по линии юго-запад — северо-восток, размерами 1,65×1,4 м и высотой 0,93 м. Просевшее перекрытие

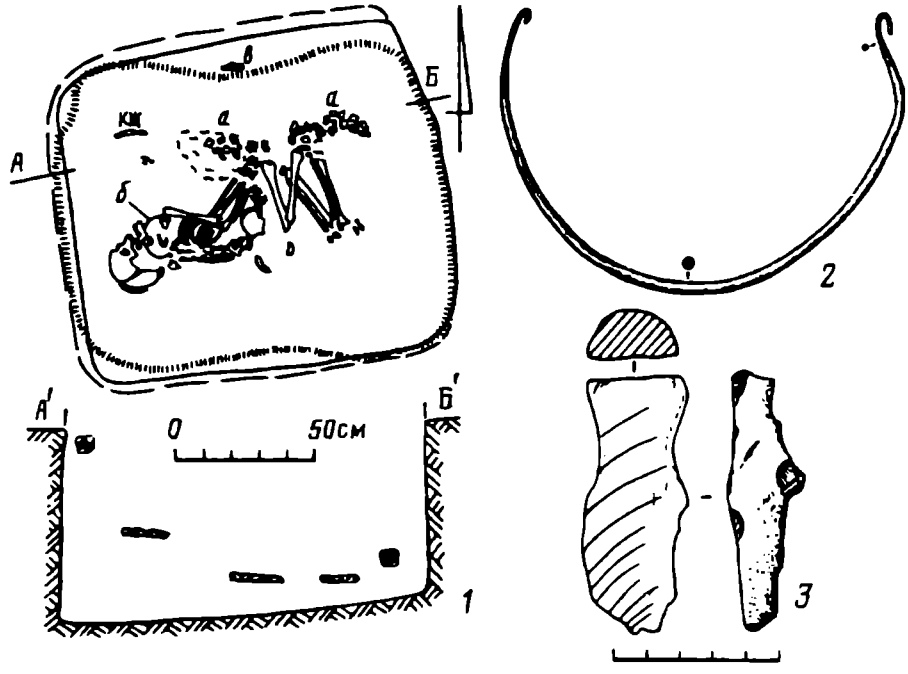


Рис. 3. *1* — план и разрез погребения 4 кургана 2 (*а* — астрагалы, *б* — гривна, *в* — кремень); *2* — бронзовая гривна; *3* — кусок кремня

состояло из плит песчаника. Костяк взрослого человека лежал в позе адорации на левом боку головой на северо-восток.

Погребение 5 (рис. 5), парное, совершено в каменном ящике прямоугольной формы, ориентированном по линии юго-запад-запад — северо-восток-восток, размерами 1,8×1,3 м, глубиной 0,8 м. Каждая из продольных стен ящика была сложена из одной массивной плиты, поперечные — из двух-трех рядов попарно поставленных плит меньшего размера. Перекрытие из плит просело в могилу. Дно ящика было укрыто подстилкой и посыпано мелкими подтреугольной формы плитками битого песчаника. Костяк взрослого человека (женщины?) лежал вдоль южной стенки слабоскорченно в позе адорации на левом боку, ориентирован на восток. На запястьях рук были надеты два бронзовых браслета из линзовидной в сечении проволоки с приостренными и заходящими друг за друга концами. Диаметр браслетов 5—6 см, толщина проволоки 0,2—0,5 см (рис. 5. *4*). Среди фаланг пальцев найден во фрагментах бронзовый перстень из прямоугольной в сечении проволоки. Судя по количеству и форме фрагментов, украшение реконструируется как перстень в три оборота с закрученным в противоположные спирали концами. Диаметр кольца 2,2 см, диаметр спиральных щитков 0,7 см, толщина проволоки 1—2 мм (рис. 5, *6*). За спиной взрослого, у северной стенки ящика, находились остатки скелета ребенка, судя по расположению которых, он лежал скорченно на левом боку головой на восток. На запястьях рук были надеты фрагментарно сохранившиеся бронзовые браслеты из линзовидно-овальной в сечении проволоки с закрученными в спирали концами. Толщина проволоки 0,4×0,2 см, диаметр спиралей 0,7—1,0 см (рис. 5, *5*). Перед грудью ребенка лежала крупная костяная бусина цилиндрической формы со срезанными краями и сквозным отверстием (рис. 5, *7*). У лба и затылка взрослого человека стояли два сосуда баночной формы (рис. 5, *2, 3*).

Погребение 6 — кенотаф, было сооружено с уровня древнего горизонта в промежутке между курганом, возведенным над погребением 4, и курганом, расположенным к юго-западу от него (неисследованная часть кургана 2). Оно представляет собой каменный ящик прямоугольной формы, ориентированный по линии юго-запад-запад — северо-восток-восток, сложенный из массивных плит

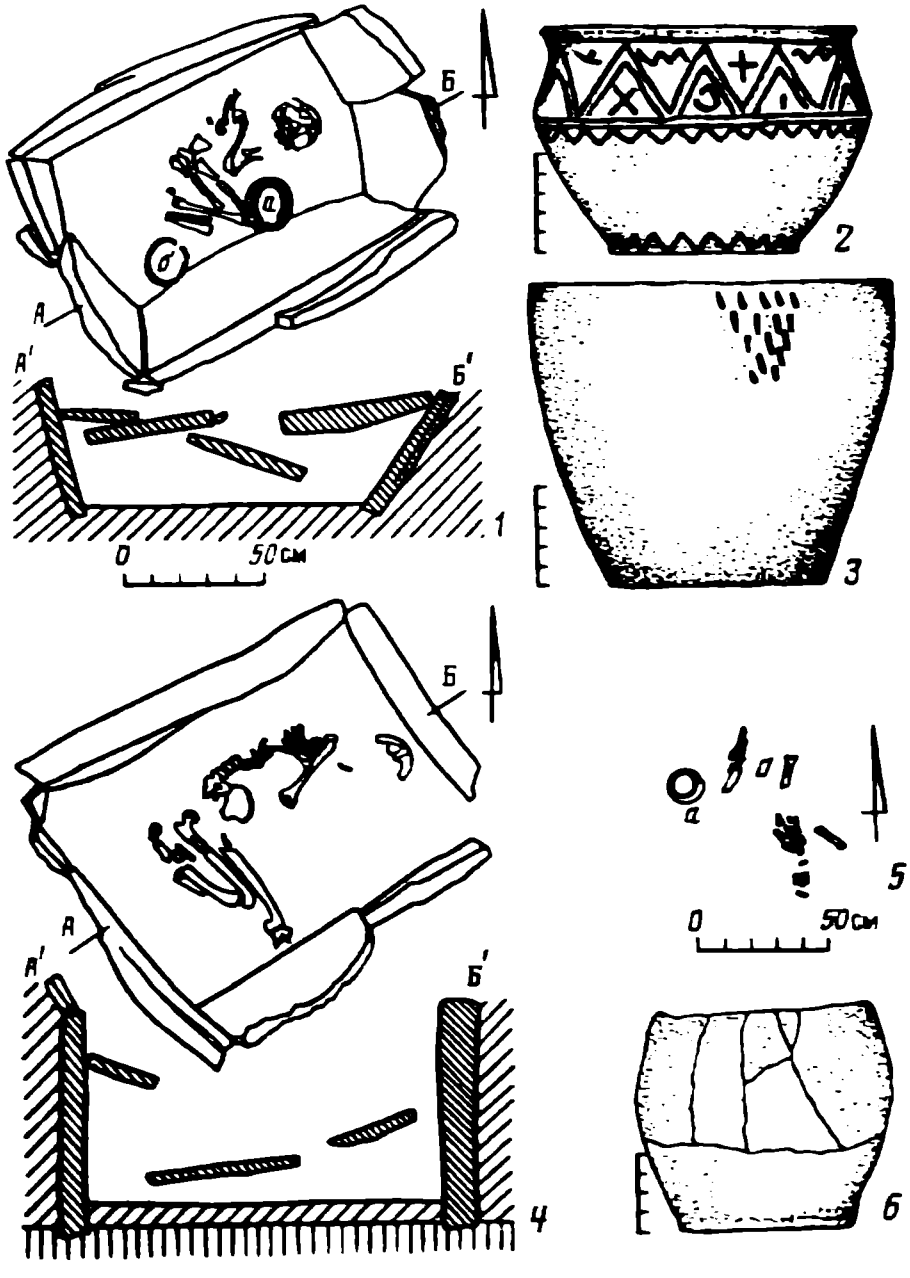


Рис. 4. *1* — план и разрез погребения 1 кургана 2 (*а*, *б* — сосуды); *2*, *3* — сосуды из погребения 1; *4* — план и разрез погребения 2 кургана 2; *5* — погребение 3 кургана 2 (*а* — сосуд); *6* — сосуд из погребения 3

песчаника. Размеры ящика 1,83×1,2 м, глубина 0,9 м (рис. 6, *1*). Дно, как и в погребении 5, было накрыто подстилкой и посыпано мелкими подтреугольной формы плитками битого песчаника. В юго-восточном углу ящика стоял остроребериый сосуд низких пропорций с уступчатым плечом, отогнутым наружу венчиком. Выше ребра сосуд украшен поясом двойных треугольников, обрамленных «бахромой». Подобная же «бахрома» нанесена ниже венчика и по линии ребра. По срезу венчика в одном месте оттиснуты две дуги. Орнамент выполнен перевитым шнуром и местами заполнен белой пастой. Поверхность сосуда тщательно обработана и слегка залощена (рис. 6, *2*). Вдоль южной стенки ящика лежал деревянный поднос-блюдо вытянутых пропорций с перехватом и бортиком вдоль края. Сохранившаяся длина 0,78 м, ширина 0,23 м, высота бортика 2 см. На подносе лежали кости крестца и таза мелкого животного с воткнутым в них бронзовым ножом со следами деревянной рукоятки и две костяные «путовицы».

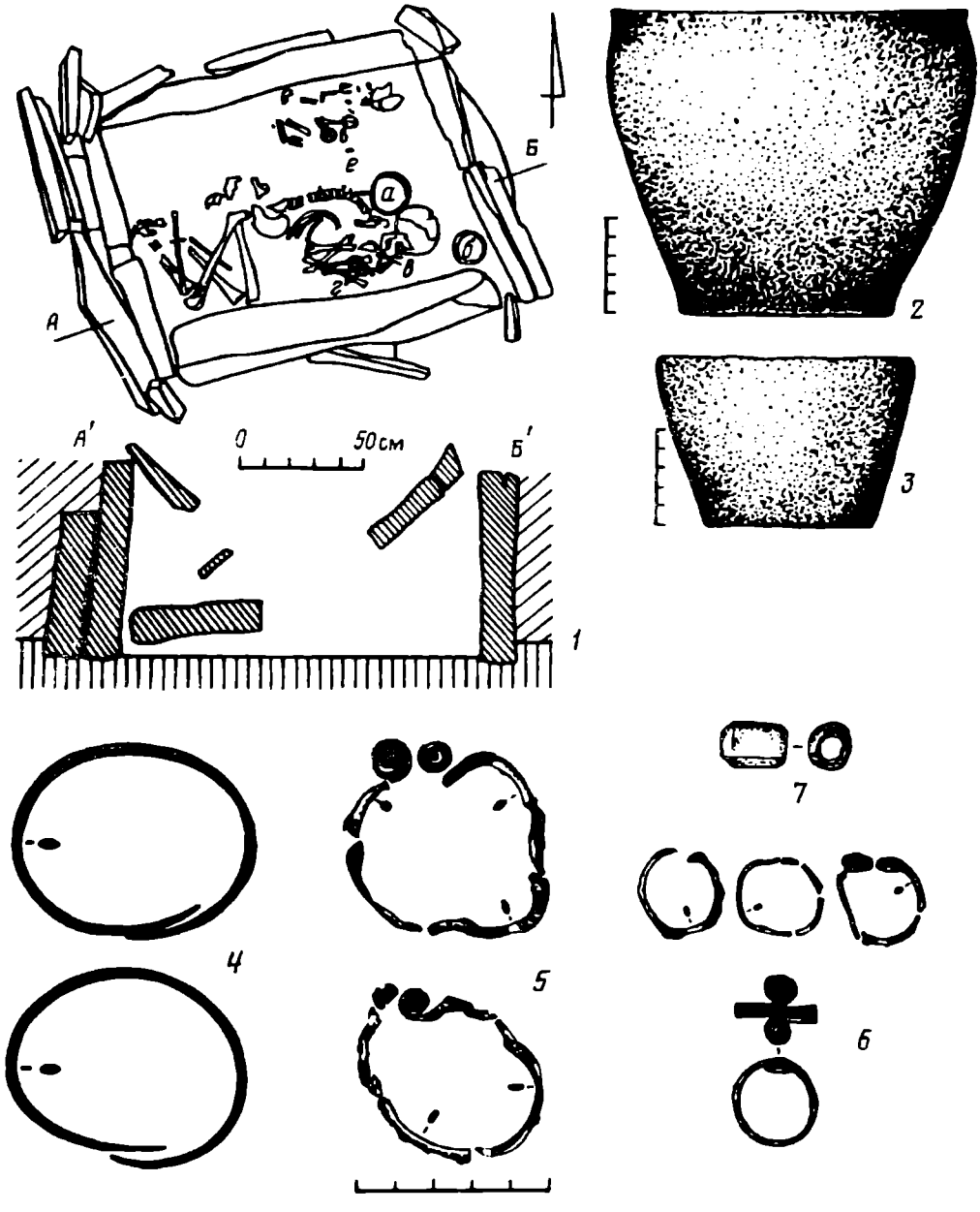


Рис. 5. *1* — план и разрез погребения 5 кургана 2 (*а, б* — сосуды, *в, г* — браслеты, *д* — перстень, *е* — бусина); *2, 3* — сосуды; *4* — бронзовые браслеты взрослого погребенного; *5* — фрагменты бронзовых браслетов ребенка; *6* — фрагменты и реконструкция бронзового перстня; *7* — костяная бусина

Нож относится к типу срубных ножей с намечающимся перекрестьем, характеризуется массивностью, лезвием с ребром и наибольшим расширением у основания клинка, перекрестьем в виде плечиков, находящихся у основания клинка, и расплющенным округлым окончанием черенка. Длина ножа 18,6 см, ширина лезвия 5,3 см, толщина до 4 мм (рис. 6, *3*). «Пуговицы» плоские, квадратной и круглой формы с круглым отверстием в центре. Круглая «пуговица» имеет резной орнамент в виде линии по периметру, тройных нарезок по краю с точками между ними. Размеры «пуговиц» 1,9 см, толщина 0,3 см, диаметр отверстий 0,4 см (рис. 6, *4, 5*).

Погребение 3, эпохи бронзы, сильно разрушено (рис. 4, *5*). Судя по останкам, умерший лежал скорченно на левом боку головой на юг. У ног находился лепной бочковидный баночный сосуд со слегка выделенной биконичностью (рис. 4, *6*). Ориентация погребенного, форма баночного сосуда и ряд аналогий (Ка-

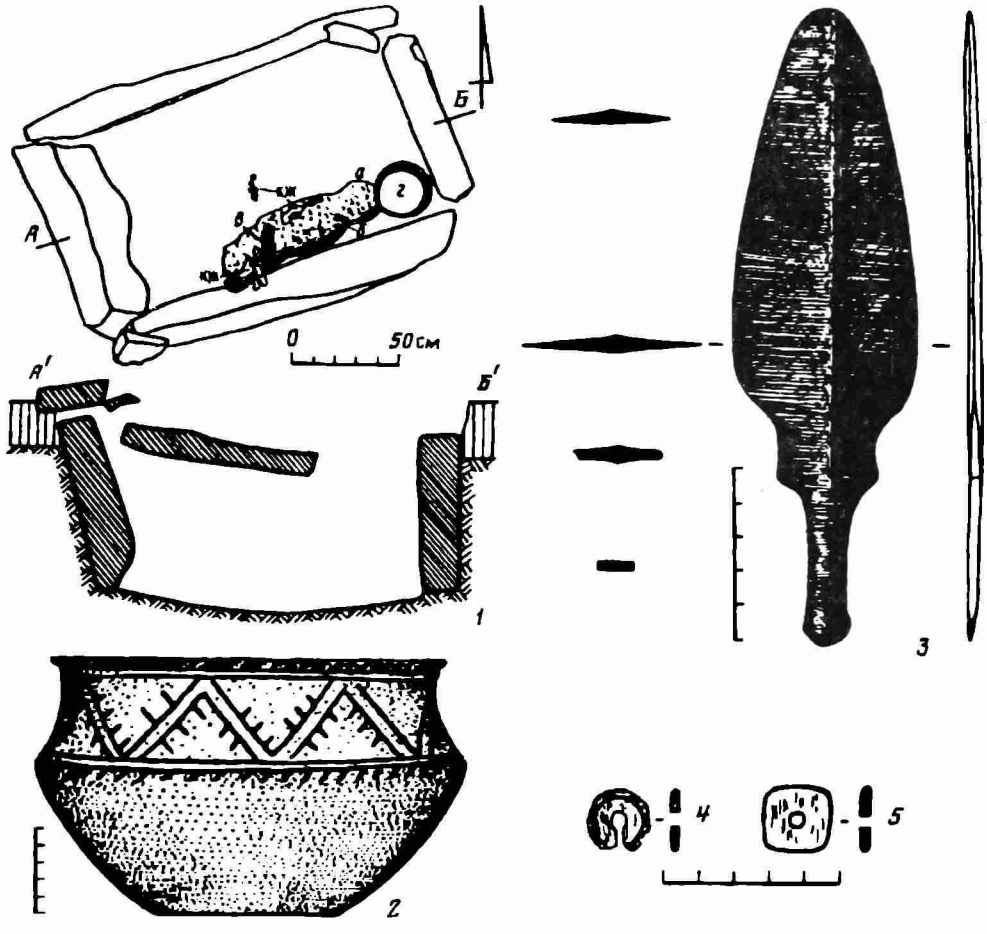


Рис. 6. *1* — план и разрез погребения 6 кургана 2 (*а* — деревянный поднос-блюдо, *б* — пуговицы, *в* — нож; *г* — сосуд); *2* — сосуд; *3* — бронзовый нож; *4*, *5* — костяные «пуговицы»

гарлык $^{235}/_{3}$; Алитуб $^{3}/_{2}$; Арпачин II $^{36}/_{2}$; Степной $^{2}/_{1}$; Чугуно-Крепинка $^{1}/_{1}$, $^{3}/_{1}$; Дружный $^{1}/_{3}$; Старая Ласпа $^{1}/_{1}$ [1, рис. 6, *5*; 2, рис. 2, *1*, *2*; 3; 4; *5*, табл. 10, *6*] позволяют отнести погребение 3 к одной из поздних групп культуры многоваликовой керамики (2-й этап, по И. А. Писларию [6], подгруппа В группы I, по О. Р. Дубовской [7]). Однако вызывает некоторое сомнение его стратиграфическое положение (углублено в первичную насыпь лишь на 0,35—0,4 м).

Стратиграфически установлено, что после возведения досыпки над срубными погребениями, впущенными в многоваликовый курган (связать досыпку с конкретным погребением не представляется возможным), погребальный комплекс был объединен прямоугольной каменной оградой, протянувшейся с вершины северо-восточного кургана на соседний юго-западный курган. В промежутке между насыпями ограда лежала на уровне древнего горизонта и представляла собой сложенную из плоских камней стену шириной до 0,5 м и высотой 1,25 м. С внешней стороны она была укреплена земляной досыпкой, обложенной сверху каменным панцирем шириной 2—3 м. Поднимаясь на насыпь северо-восточного кургана, стена понижалась в высоте и на вершине его представляла собой плоскую наброску камней. Зафиксированная длина ограды 21 м, ширина 16 м. Таким образом, каменная ограда образовывала длинную внутреннюю аллею шириной 8—9,5 м (рис. 2, *1*). Примечательно, что погребение 6 расположено в центре каменной ограды и совершено, как и ограда, с древнего горизонта. По-видимому, создание ограды связано с погребением 6 и по времени произошло позже совершения погребений 2 и 5 (установить хронологическое соотношение с погребением 1 затруднительно). При этом обращает на себя внимание упоря-

доченное расположение внутри ограды погребений 1, 2, 5 и 6. Кроме того, все срубные захоронения сближает ряд черт погребального обряда: сходство могильных сооружений, вплоть до конструктивных особенностей, положение умерших, посыпка дна плитками битого песчаника. Перечисленные факты свидетельствуют о единстве данного комплекса срубной культуры и хронологической близости составляющих его погребений.

В погребениях культуры многоваликовой керамики довольно редко встречаются предметы из металла. Гривна, кроме того, относится к наиболее редким типам украшений. В настоящее время известна еще одна гривна из погребения культуры многоваликовой керамики, раскопанного экспедицией ИА АН Украины в Вольнянском р-не Запорожской обл. [8]. Погребение 6 кургана 1 у с. Гноровское являлось основным для одной из трех расположенных в ряд первичных насыпей, возведенных над погребениями культуры многоваликовой керамики и объединенных позже срубными досыпками в один длинный курган. Оно было совершено в грунтовой яме с заплечиками, на которых находилась деревянная конструкция типа сруба. Костяк подростка лежал слабоскорченно на левом боку головой на юго-запад. Погребение сопровождалось бронзовой витой гривной, парой бронзовых височных подвесок, сосудом с трехчастным профилем и банкой, кремневым отщепом и напутственной пищей [9]. Примечательно значительное сходство обоих погребений с гривнами: основное положение в кургане, относительная близость погребальных конструкций, детский возраст умерших, юго-западная ориентация, наличие общих категорий инвентаря (гривна, кремневый отщеп, кости животного). Однако гривна из Возрождения отличается от гривны из Гноровского и аналогичной ей гривны из Хохольского погребения эпохи средней бронзы [10, рис. 36, *2*] тем, что она не витая, а сделана из гладкой круглой в сечении проволоки. Необходимо заметить, что весь комплекс черт обряда позволяет отнести погребение 4 из Возрождения и погребение 6 из Гноровского к раннему периоду культуры многоваликовой керамики (1-й этап, по И. А. Писларию, подгруппа А группы I, по О. Р. Дубовской). Поэтому и бронзовые гривны, видимо, следует относить не к позднему [11, с. 46], а к раннему типу украшений культуры многоваликовой керамики.

Погребальные комплексы срубной культуры с прямоугольными каменными оградами стали известны лишь в последнее время (Бирюково, курган 4, Костырки, Шахтерск, курганы 3, 7, 8) [5; 12; 13]. Примечательно, что локализуются они исключительно в Северном Приазовье и Нижнем Поднепровье. Могильник Возрождение II является наиболее северным из всех известных пунктов и территориально относится уже к бассейну Северского Донца. Наличие в одном кургане и особенно в одном погребении срубной культуры нескольких изделий из бронзы считается довольно редким явлением для данной территории. Достаточно же разнообразный набор украшений в одном погребении вообще нетипичен для срубных захоронений. Кроме того, нельзя сказать, что представленные в погребении 5 бронзовые украшения характерны для срубной культуры. Точные аналогии браслетам взрослого погребенного нам неизвестны. Браслеты с заостренными и заходящими друг за друга концами известны в погребениях абашевской культуры Среднего Поволжья и Урала, хотя встречаются намного реже, чем подобные браслеты с разомкнутыми концами [14]. Но абашевские браслеты отличны от рассматриваемых сечением. Браслеты с закрученными в спирали концами характерны для раннеалакульских памятников [15, рис. 106, 107]. Однако от алакульских браслеты из Возрождения также отличаются сечением. В погребениях срубной культуры известны перстни в один оборот с закрученными в противоположные спирали концами [16, рис. 1, *8*; 17, табл. 1, *2*]. Перстень в три оборота встречен впервые. Подобные украшения характерны для позднеабашевских и постпетровского этапа алакульских памятников. Наиболее близкие аналогии перстню из Возрождения известны в могильниках Тауш-Касы, Метев-Тамак, Алексеевском [14, рис. 12, *16, 19, 21*; 15, рис. 107, *158, 159*]. Таким образом, набор украшений из погребения 5 не является типичным для срубной культуры.

Он находит неполные аналогии в памятниках абашевской и алакульской культур, что, возможно, свидетельствует о заимствовании срубным населением некоторых типов украшений у соседних племен. Данный набор украшений, таким образом, мог появиться как результат смешения различных форм и традиций металлообработки.

Бронзовый нож из погребения 6 типологически является довольно ранним, о чем свидетельствует округлая расковка окончания черенка и не отделенное от клинка перекрестье, расположенное у его основания в виде плечиков [18, с. 469]. Поразительно близкая аналогия данному ножу известна из катакомбного погребения, раскопанного у с. Благовка Свердловского р-на Ворошиловградской обл. [19].

В пользу раннесрубной датировки погребения 6 свидетельствует и наличие в нем деревянной посуды в виде блюда-подноса [20, с. 93; 21, с. 152]. Не менее показателен в этом плане и сосуд, характеризующийся такими архаичными для срубной керамики чертами, как нанесение орнамента перевитым шнуром, обрамление элементов декора «бахромой» или «ресничками», заполнение орнамента белой пастой, орнаментация среза венчика [16, с. 12; 22, с. 33; 23, с. 43; 24, с. 40; 25, с. 10; 26; 27]. В целом погребальный комплекс срубной культуры кургана 2 на основании обряда и инвентаря относится к концу раннего — развитому этапу срубной культуры, синхронизируется со вторым этапом срубной культуры Поволжья, третьим горизонтом Орельско-Самарского междуречья, что в существующих абсолютных датах соответствует концу XV—XIV в. до н. э. [16, с. 13; 29, с. 78; 30, с. 32].

Обращает внимание и ряд андроновских черт, присущих могильнику: прямоугольная каменная ограда, каменные ящики, андроноидная керамика, деревянная посуда и некоторые типы украшений [31, с. 52, 53]. Этот факт, а также непосредственная близость могильника к известным медным рудникам срубного времени (8—16 км) [32, 33], обилие металла в погребениях позволяют предположить непосредственную связь срубного населения, оставившего могильник, с рудознатцами, эксплуатировавшими Бахмутские рудники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березанская С. С.* Культура многоваликовой керамики//Березанская С. С., Чередниченко Н. Н., Отрощенко В. В., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
2. *Шарафутдинова Э. С.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону// Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1987.
3. *Моруженко А. А., Зарайская Н. П., Санжаров С. Н., Посредников В. А.* Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Марьинского, Першотравнего и Славянского районов Донецкой области в 1983 г.//НА ИА АН УССР. Ф. э. 1983/50.
4. *Моруженко А. А., Санжаров С. Н., Посредников В. А.* Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1984 г.//НА ИА АН УССР. Ф. э. 1984/84.
5. *Шаповалов Т. Е., Санжаров С. Н., Косиков В. А. и др.* Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1986 г.//НА ИА АН УССР. Ф. э. 1986/45.
6. *Писларий И. А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
7. *Дубовская О. Р.* Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-Восточного Приазовья//Археология и краеведение в школе: Тезисы областного семинара. Донецк, 1985.
8. *Ляшко С. Н.* Раскопки курганов в Днепропетровском Надпорожье//АО—1981. М., 1983.
9. *Отрощенко В. В. и др.* Отчет о работе Запорожской экспедиции за 1981 г.//НА ИА АН УССР. Ф. э. 1981/10.
10. *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971.
11. *Вангородская О. Г.* О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
12. *Евдокимов Г. Л., Гершкович Я. П.* Работы Краснознаменской экспедиции//АО—1986. М., 1988.
13. *Гладких М. И.* Отчет о работе Северо-Донецкой экспедиции за 1973 г.//НА ИА АН УССР. Ф. э. 1973/9.
14. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.

15. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985.
16. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я//Археологія. 1977. № 22.
17. *Ковалева И. Ф., Волклбой С. С.* Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья//Курганные древности Степного Поднепровья. 1978. № 2.
18. *Березанская С. С., Чередниченко Н. Н.* Срубная культура//Археология УССР. Т. I. Киев: Наук. думка, 1985.
19. *Писларий И. А., Дубовская О. Р., Самойленко В. Г.* Отчет об археологических исследованиях в Ворошиловградской области//НА ИА АН УССР. Ф. э. 1976/10.
20. *Отрощенко В. В.* Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья//Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1984.
21. *Пятых Г. Г.* О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья//СА. 1984. № 2.
22. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы//МИА. 1955. № 46.
23. *Чередниченко Н. Н.* Срубная культура//Березанская С. С., Чередниченко Н. Н., Отрощенко В. В., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
24. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
25. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья//Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
26. *Косарева А. А.* Керамический комплекс наиболее ранних памятников срубной культуры на Украине//Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тез. докл. республиканской конф. молодых ученых. Киев, 1981.
27. *Литвиненко Р. А.* К вопросу о хронологии погребений срубной культуры Приазовья и Средней Донетчины//Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. научно-практ. семинара. Донецк, 1986.
28. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
29. *Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Периодизация памятников срубной культуры Лесостепного Поволжья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
30. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1981.
31. *Кузьмина Е. Е.* О западных связях андроновских племен//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
32. *Татаринов С. И.* Металлургия бронзы у племен срубной культуры Восточной Украины//СА. 1983. № 4.
33. *Татаринов С. И.* Итоги и проблемы изучения памятников Донцекого горнометаллургического центра эпохи поздней бронзы//Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. научно-практ. семинара. Донецк, 1989.

Донецкий государственный университет

R. A. LITVINENKO

BARROW CEMETERY VOZROZHDENIE II IN DONETS REGION

Summary

Stratified and well dated burial complexes have a great interest for the study of the Middle and Late Bronze Age of Ukraine. Such a complex was investigated by the expedition of Donetsk University in the Seversky Donets basin. A very interesting long barrow included a primary burial of the multiraised border pottery culture and a group of secondary burials of the timber-grave culture united by a rectangular stone enclosure. The new materials and analogies let find out that bronze neckrings belong to the early type of adornments of the multiraised border pottery culture. On the base of rich and various grave goods the timber-graves are dated to the end of the 16th-15th centuries B. C. The location of the monument, the abundance of metalwares and many features of Andronovo culture let suppose a connection of the population created this cemetry with the Donets mining-metallurgian Centure of the Bronze Age.

А. Ю. КАХИДЗЕ, Н. А. КАХИДЗЕ

ДРЕВНЕКОЛХИДСКОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОРУДИЕ ЦАЛДИ

В журнале «Советская археология» за 1986 г., № 3, была опубликована статья Н. М. Ляшук, посвященная железному орудию, найденному экспедицией ИА АН УССР и Крымского краеведческого музея во время раскопок поселения позднескифского времени (с. Доброе, Симферопольский р-н). По мнению автора статьи, это орудие является ножом, применявшимся в садоводстве и виноградарстве, и датируется III в. [1]. Здесь же автор приводит единственную аналогию — нож из раскопок городища Алма-Кермен позднескифского времени (вторая — третья четверть III в.) [2, с. 59, рис. 49, *3*]. Далее Н. М. Ляшук отмечает, что «оба экземпляра обнаружены на позднескифских памятниках, что позволяет предположить местное происхождение этой конструкции. Однако нельзя исключить и влияния римских ремесленных традиций; как известно, один из лагерей легионов находился во II—III вв. н. э. на Алма-Кермене» [1, с. 233].

Археологические и этнографические материалы из древней Колхиды позволяют дать иную трактовку вопроса о генезисе, хронологии, ареале, функциональном назначении и наименовании орудия подобного типа.

Изобретение этого интереснейшего орудия связано с западногрузинской культурой. Известно, что во второй половине II тыс. до н. э. на обширной территории Западной Грузии распространяется колхидская культура с высокоразвитой бронзовой индустрией, в развитии которой особое место исследователи отводят Юго-Восточному Причерноморью, в частности Чорохскому бассейну [3, с. 63, 64; 4, с. 50, 90; 5, с. 389], богатому рудными месторождениями.

В позднебронзовом периоде, в середине второй половины II тыс. до н. э., в Юго-Западной Колхиде уже складываются все основные определяющие типы орудий хозяйственного назначения [3, с. 63, 66], в число которых наряду с такими характерными изделиями, как колхидский топор, мотыга, серп, сегментовидные орудия, входит цалди — удлиненное клювовидное орудие с крюком на конце лезвия. Цалди были распространены в южной зоне локализации колхидской культуры (Аджария, Гурия) и в Нижней Имеретии. Подавляющее большинство находок таких орудий в эпоху поздней бронзы — раннего железа приходится на территорию Аджарии. Есть все основания связывать создание цалди именно с этим регионом. Интересную картину дает топография находок подобных орудий. Проф. О. М. Джапаридзе указывает, что в конце II тыс. до н. э. в ареал колхидской культуры входят расположенные на юге области Северо-Западной Анатолии. Крайняя юго-западная граница распространения колхидской культуры достигает Орду, который ныне находится в пределах Турции [3, с. 72]. В пещере недалеко от этого города (ущелье р. Млети) обнаружен вместе с другими орудиями бронзовый цалди XIII—XII вв. до н. э. [6, с. 408; 7, с. 19, рис. 10; 4, с. 34, табл. XXXII, *6*]. На территории Аджарии цалди позднебронзовой — раннежелезной эпохи известны из Хихадзири [8, с. 95, табл. V, *1*], Махунцети [4, с. 24, табл. XV, 3], Эрге [4, с. 9, табл. 4; 7, с. 28, рис. 20; 9, с. 181, 182], Гантиади [4, с. 12, табл. VII, *2*, *3*; 7, с. 20, табл. XI, *35*], Махинджаури [4, с. 11; 7, с. 47; 10, с. 118, рис. 14], Чайсубани [7, с. 160, табл. XI, рис. 12], Бобоквати [4, с. 17, табл. X, рис. 1; 9, с. 20, 21, табл. XI, рис. 86], Зенити

© А. Ю. Кахидзе, Н. А. Кахидзе, 1993 г.

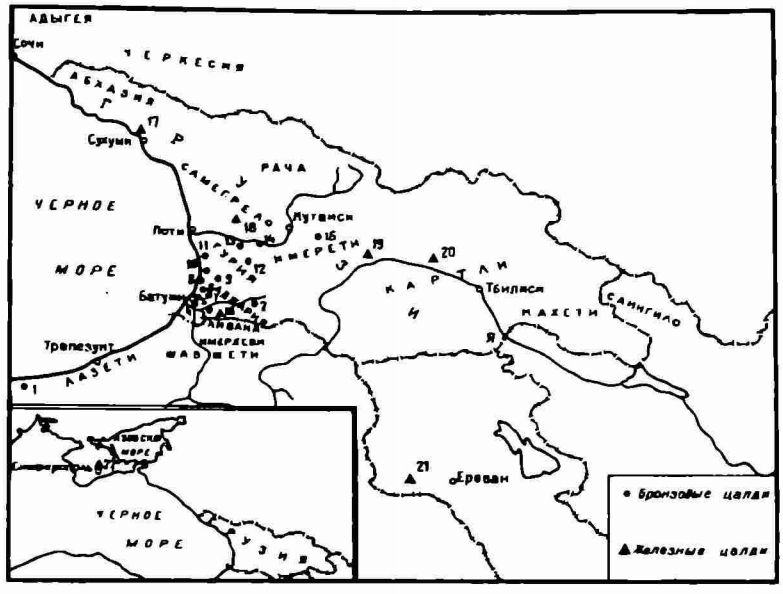


Рис. 1. Карта распространения бронзовых и железных цалди. *1* — Орду; *2* — Хихадзири; *3* — Махунцети; *4* — Эрге; *5* — Гантиади; *6* — Махинджаури; *7* — Чаисубани; *8* — Бобоквати; *9* — Зенити; *10* — Испани; *11* — Уреки; *12* — Вакиджвари; *13* — Хеви; *14* — Даблогоми; *15* — Симонети; *16* — Квашта; *17* — Сухуми; *18* — Нокалакеви; *19* — Мцхетиджавари; *20* — Агаиани; *21* — Армавир; *22* — Доброе

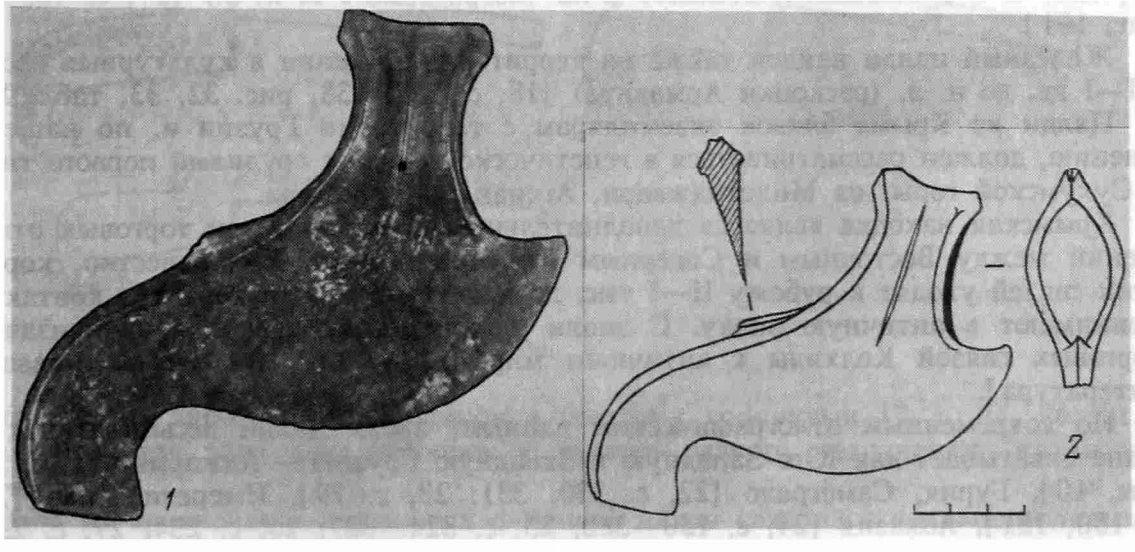


Рис. 2. Бронзовый цалди из Испани (Кобулетский р-н, Аджария). *1* — фото; *2* — прорись

[4, с. 20—22, табл. XIV, A_2B_1; 7, с. 22, рис. 14; 11, с. 122, рис. 14; 10, табл. XIII, рис. 1—5] (рис. 1).

Последняя по времени находка цалди, публикуемая впервые, сделана недалеко от Пичвнарского городища античной эпохи, в Испани[1]. Цалди сохранился полностью (поверхность патинизирована). Он имеет чуть скошенный по отно-

[1] Цалди передал Пичвнарской археологической экспедиции местный житель М. Верулидзе. Орудие хранится в фондах Аджарского государственного музея (инв. № 217955).

шению к туловищу обух для длинной рукоятки, острое дугообразное лезвие, которое завершается четко выраженным крючком четырехугольной формы. Спинка цалди утолщена, длина 11,5, высота 5, вместе с обухом 8,7 см (рис. 2).

Прямыми аналогами цалди из поселения Испани являются орудия из с. Уреки и Бобоквати. Наш экземпляр датируется XII—XI вв. до н. э. Д. Коридзе по расположению обуха выделяет два типа цалди. Как и цалди из Испани, к первому типу относятся орудия, у которых обух несколько скошен, а ко второму — с вертикальным обухом. Существует разновидность этого типа — секирообразные орудия.

Цалди позднебронзовой — раннежелезной эпохи распространены также по соседству с Аджарией на территории Гурии — Уреки [4, с. 30, табл. XVI, *8*; 7, с. 159], Вакиджвари [4, с. 26, табл. XVI, *7*; 9, с. 20; 12, с. 60; 13, с. 1], Хеви [4, с. 27, табл. XVIII, *8*, *2*; 14, с. 35, 36, табл. XIX]. Известны два случая находки этих орудий в Имеретии — Даблагоми [4, с. 70; 7, с. 96, 162, табл. XXXIX] и Симонети [7, с. 24; 13, с. 182, 183, рис. 5] (рис. 1).

Следует отметить, что в других районах распространения колхидской культуры такие орудия этого периода неизвестны.

Железные цалди встречаются начиная с античной эпохи. Наиболее ранний экземпляр обнаружен в Аджарии (Аджарисцкальское ущелье с. Квашта, рис. 3, *1*) во время раскопок поселения V в. до н. э. Сохранилась только крючковая часть тулова [15, с. 57—58, табл. XXXV, *9*]. Несколько таких железных орудий найдено на Сухумской горе в слоях V—III вв. до н. э. [16, с. 42, 43, рис. 17, табл. X, *7—10*].

Железные цалди обнаружены также на территории Восточной Грузии. В частности, в с. Мцхетиджвари Хашурского р-на (по сообщению археолога Д. Надирадзе) и в с. Агаиани Каспского р-на (погребение I в. н. э.) [17, с. 42, 71, рис. 101].

Железный цалди найден также на территории Армении в культурных слоях III—I вв. до н. э. (раскопки Армавира) [18, с. 137, 138, рис. 32, 33, табл. X].

Цалди из Крыма близок экземплярам с территории Грузии и, по нашему мнению, должен рассматриваться в генетической связи с орудиями первого типа с Сухумской горы, из Мцхетиджвари, Агаиани и Армавира.

Крымская находка является дополнительным свидетельством торговых отношений между Восточным и Северным Причерноморьем. Как известно, корни этих связей уходят к рубежу II—I тыс. до н. э. Регулярный характер контакты принимают в античную эпоху. С эпохи эллинизма наблюдается активизация торговых связей Колхиды с античным миром [14, 19, 20; там же указана литература].

По современным этнографическим данным, ареал цалди весьма широк и ныне охватывает как Юго-Западную и Западную Грузию — Аджария [21, с. 12, рис. 10], Гурия, Самегрело [22, с. 330, 331; 23, с. 79], Имерети, Рача [24, с. 150, 151], Абхазия [24, с. 150—380; 25, с. 324—327; 26, с. 234; 27, с. 233; 28, с. 64—65], так и Восточную Грузию — Картли, Кахети [22, с. 330, 331]. Традиционно цалди производится в районах исторической Юго-Западной Грузии (Лазети, Ливана, Шавшети, Имерхеви и др.), которые сейчас находятся в пределах Турции, а также Саингило (Азербайджан) [29, с. 88—91]. Цалди известны и народам Северного Кавказа — черкесам, шапсугам, адыгейцам [28, с. 97, табл. VI].

Все же по интенсивности применения цалди в хозяйственном быту выделяются Юго-Западная и Западная Грузия (рис. 4). Отсюда это орудие распространилось в другие как соседние, так и отдаленные регионы. Обращает внимание адыгейское название этого орудия «Салда», что по мнению академика Г. С. Читая является видоизмененной формой «Цалди».

Грузинский лексикограф XVII в. Сулхан-Саба Орбелиани пишет, что цалди — орудие для рубки хвороста [30, с. 442], однако такое определение не отражает многостороннюю хозяйственную функцию этого орудия. Традиционно вместе с топорами цалди широко применяли в подсечном земледелии как орудие для

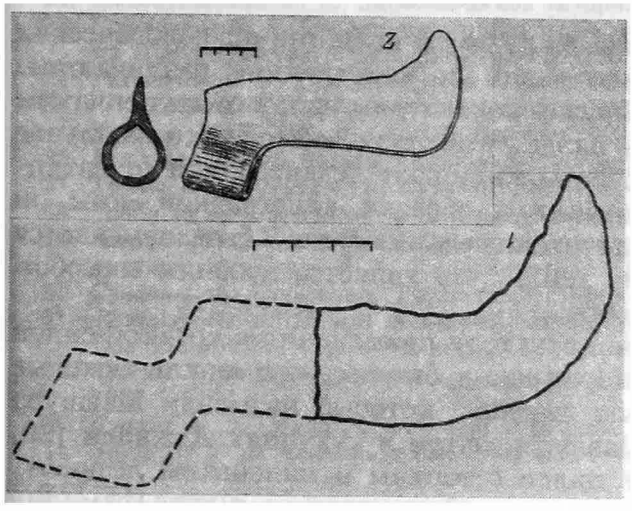


Рис. 3

Рис. 3. *1* — Железный цалди из Квашта (Кедский р-н, Аджария); *2* — железный цалди из Нокалакеви (Сенакский р-н, Западная Грузия)

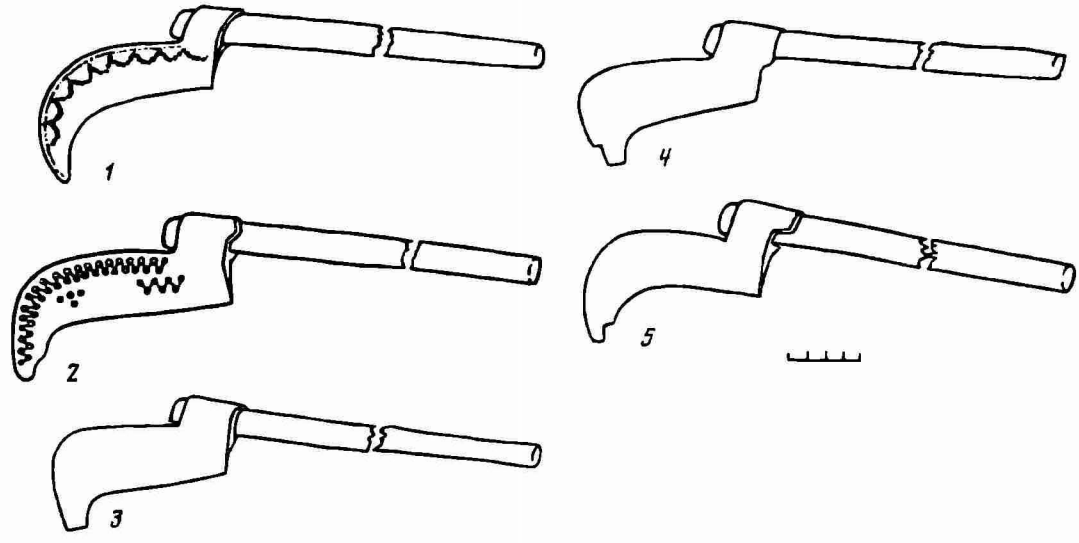


Рис. 4

Рис. 4. Железные цалди из Аджарии. *1* — Чаквистави, Кобулетский р-н; *2* — с. Брили, Шуахевский р-н; *3* — с. Скурдиди, Хелвачаурский р-н; *4* — с. Ломанаури, Шуахевский р-н; *5* — с. Дандало, Кедский р-н

рубки мелких зарослей, кустарников и борьбы с сорняками [7, с. 95, 96; 31, с. 93—95], для заготовки подпорок и жердей разного назначения, жатвы и других целей.

Одна из древнейших первичных функций цалди связана с высокоствольным виноградарством [10, с. 342; 22, с. 79]. Цалди был и остается основным орудием для обрезки виноградной лозы и фруктовых деревьев. Использование для этой цели другого орудия здесь не подтверждается.

Цалди широко применяли в скотоводческом хозяйстве. В горных районах Аджарии и в целом в Юго-Западной Грузии в зимнее время основным растительным кормом для крупного рогатого и мелкого скота были липовые, карагачовые, лавровишневые зеленые ветки, которые в основном заготовлялись при помощи цалди. Он же был повседневным орудием для любого пастуха.

Цалди служит и ремесленным орудием для изготовления плетеных изделий. Его широко использовали для рубки мелких деревьев и при изготовлении деревянных оград.

Подтверждается применение цалди вместе с топором, ножом, кинжалом и другими железными орудиями в разных религиозных ритуалах, связанных с защитой от злых духов роженицы и младенца, больного и покойника [32, с. 84].

Современные цалди в основном сохранили форму и функции археологических бронзовых и железных образцов. Однако цалди по конструкции различаются. По нашим наблюдениям, для Западной Грузии характерны цалди со ступенчатым носом (клювом). Нос — основная часть цалди, имеющая многофункциональное назначение. Во-первых, нос во время работы защищает лезвие цалди от затупления. Во-вторых, во время рубки деревьев и обрезки виноградной лозы он выполняет роль крюка — как средство для притягивания ветки. В быту отмечается использование носа цалди для рыхления земли, что является древним способом обработки земли и добывания корнеплодов.

Цалди различаются по размерам и по характеру применения в хозяйственной деятельности. В некоторых ущельях Аджарии для рубки леса применяли тяжелые и большие цалди с толстым и длинным лезвием, которые называли шавшура цалди. Они сначала изготовлялись в Шавшети, затем в кузницах Аджарии [30, с. 93, 94]. В других применяли легкие цалди с тонким и маленьким лезвием.

Термин «цалди» оставил свой след в грузинской ономастике в виде фамилии Цалдадзе (с. Уде, Адигенский р-н) и Бурчуладзе (бурчули — занское (лазско-мегрельское) название цалди) [21, с. 331; 22, с. 79]. Фамилии, связанные с ремеслом, в частности с кузнечным делом, явление известное не только в грузинской, но также и в лексике других народов, например ср.: грузинские Мчедлидзе и Мчедлишвили (от мчедели — «кузнец»), русская Кузнецов, английская Смит, немецкая Шмидт, чешская Коварж, венгерская Ковач, польская Ковальский и др. [33, с. 41—43].

В заключение хотелось бы заметить: мы полагаем, что не следует давать описанному орудию вольные определения, как это делают некоторые авторы, — «топорик», «топор с носиком», «топор с крюком», «нож» и т. д. На наш взгляд, надо сохранить его древнегрузинское название — цалди. Кстати, в рукописях Афонского (Иверского) монастыря X в. это уникальное древнеколхидское орудие упоминается как цалти [34, с. 531].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ляшук Н. М.* Нож из позднескифского поселения Доброе//СА. 1986. № 3.
2. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
3. *Джапаридзе О. М.* Западногрузинская культура эпохи поздней бронзы//Мацне (сообщения). Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1982. № 1, 2 (на груз. яз.).
4. *Рамишвили А. Т.* Из истории материальной культуры Колхети. Батуми, 1974 (на груз. яз.).
5. *Меликишвили Г. А.* Древнейшие объединения населения Юго-Западной Грузии//Очерки истории Грузии. I. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
6. *Przeworski St.* Der Grottenlund von ordu//Archiv Orientalni. 1935. V. 7. № 3.
7. *Коридзе Д. А.* К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965.
8. *Кахидзе А. Ю., Давитадзе Ю. А., Мамуладзе Ш. Х.* Новые археологические находки из с. Хихадзири//Памятники Юго-Западной Грузии. 1971. X. (на груз. яз.).
9. *Рамишвили А. Т.* Случайно обнаруженные бронзовые орудия в районе Батуми//Мацне. 1966.4 (на груз. яз.).
10. *Куфтин Б. А.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе//Вестн. Гос. музея Грузии. 1944. XII-B.
11. *Иессен А. А.* О древнейшей металлургии меди на Кавказе//ИГАИМК. 1935. Вып. 120.
12. *Джапаридзе О. М.* Колхский топор//Тр. Гос. музея Грузии. 1950. XVI-B.
13. *Джапаридзе О. М.* Земледельческое орудие в Западногрузинской культуре//Тр. Тбилис. гос. ун-та. 1953. Т. 49.
14. *Лордкипанидзе О. Д.* К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI—IV вв. до н. э.//История и культура античного мира. М., 1977.
15. *Кахидзе А. М., Мамуладзе Ш. Х.* Античное поселение с. Квашта//Памятники Юго-Западной Грузии. 1988. XVII (на груз. яз.).
16. *Каландадзе Ал.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954 (на груз. яз.).
17. *Мирианашвили Н. Г.* Материальная культура Шида Картли. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
18. *Тирацян Г. А.* Культура древней Армении. Ереван, 1988.
19. *Капанадзе Д. Г.* К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным//Проблемы истории Северного Причерноморья. М., 1959.
20. *Кахидзе А. Ю.* Восточное Причерноморье в античную эпоху: Док. дис. Тбилиси, 1979.
21. *Кахидзе Н. А.* Ремесло в Аджарии//Очерки этнографии Аджарии. Тбилиси, 1982.

22. *Джавахишвили И. А.* Экономическая история Грузии. II. Тифлис, 1934 (на груз. яз.).
23. *Накашидзе Е. К.* Очерки виноградарства и виноделия в Гурии и Мингрелии//Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Тифлис, 1896. Вып. IV.
24. *Рехвиашвили Н. Б.* Кузнечество в Раче. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
25. *Рехвиашвили Н. Б.* Железные сельскохозяйственные орудия труда из Абхазии//Вестн. Гос. музея Грузии. 1957. XIX-A и XXI-B (на груз. яз.).
26. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965.
27. *Трапш М. М.* Труды. II. Сухуми, 1969.
28. *Чанба Р. К.* Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси, 1977.
29. Материалы к истории кустарного производства и мелкого ремесла в Грузии, собранные под руководством акад. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1987. Т. IV. С. II (на груз. яз.).
30. *Сулхан-Саба Орбелиани.* Грузинский словарь. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
31. *Кахидзе Н. А.* Новый и старый хозяйственный быт и культура горных ущелий Аджарии (Мачахели): Канд. дис. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
32. *Чурсин Г. Ф.* Культ железа у кавказских народов//Изв. Кавказ. истор.-археол. ин-та. Тифлис, 1927.
33. *Дриздо А. Д., Минц Л. М.* Люди и обычаи. М., 1976.
34. *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка (Материалы). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

Батумский НИИ им. Бердзенишвили
АН Грузии

A. Yu. KAKHIDZE, N. A. KAKHIDZE

TSALDI-TOOLS FROM COLCHIS

Summary

In the article a genesis, chronology, area, functions and terminology of the specific household tool named tsaldi is studied. Tsaldi-tools are one of the main elements of Colchis culture widely used in Western Georgia beginning from Late Bronze Age. In the second half of the 2nd millenium B. C. bronze tsaldi-tools as well as the axes, hoes, sickles of Colchis type were spread in the south-west region of Colchis culture (Ordu, Khikhadziri, Gantiadi, Ispani, Ureki, Dablagomi). Iron tsaldi-tools of classical period of the culture were present both in Western and Eastern Georgia. One specimen of the tool was found in cultural layers of Armavir (Armenia). In the late classical period iron tsaldi-tools were spread in the North Pontic area (Alta-kermen in the Crimea). Iron tools were used almost all over Georgia, especially in south-west districts. They were found in Azerbaijan, in North Caucasus and in the territory of present Turkey (Lazeti, Livana etc.). All the data mentioned prove that the genesis of tsaldi-tools is connected with Colchis culture on the Georgian territory.

С. Ю. ВНУКОВ

НОВЫЕ ТИПЫ ПОЗДНЕСИНОПСКОЙ АМФОРНОЙ ТАРЫ

Синопа в течение длительного времени являлась одним из важнейших торговых партнеров городов и племен Северного Причерноморья [1]. Фрагменты синопских тарных сосудов позднеклассического — раннеримского времени хорошо известны и встречаются повсеместно [2; 3; 4, с. 110, рис. 3, *4*; 5, с. 90, 91, табл. XIII, XIV]. Но до сих пор выделен только один тип синопских амфор, изменяющийся в продолжение длительного периода своего существования. Этот тип Син (Синопа) I (по нашей номенклатуре) с конической ножкой (тип ножки Син н (ножка) I — рис. 1, *3*, *4*, *7*). Он разделяется на три хронологических варианта, сменяющих друг друга: пифоидные амфоры (Син Iа — рис. 1, *1—3*), эллинистические (Син Iб — рис. 1, *1*, *2*, *4*) и с крученой ножкой (Син Iв — рис. 1, *5—7*) [5, с. 90, 91, табл. XIII, XIV, *28*, *31*; 6, с. 114, 115]. Лучше всего изучен вариант Син Iб, сосуды которого часто клеймились. Около середины II в. до н. э. его вытесняют неклейменые амфоры с крученой ножкой варианта Син Iв. По датировкам И. Б. Зеест они просуществовали до конца I в. н. э. [5, с. 91]. Синопские амфоры других разновидностей, в том числе и римского времени, оставались неизвестными.

Основной задачей настоящей статьи является изучение синопских амфор новых типов. Все они датируются римским временем. Предлагаемая работа носит предварительный характер, так как количество и сохранность материала не позволяют провести его всестороннее исследование. Но в то же время его достаточно для предварительного выделения ранее неизвестных разновидностей тары одного из важнейших черноморских торговых центров. Обработка синопского амфорного материала римского времени затруднена также его морфологическим сходством с амфорами некоторых других синхронных центров. Поэтому определение признаков, характеризующих именно синопские сосуды, должно в дальнейшем способствовать их выделению при полевой обработке находок и накоплению этого вида материала. Для установления синопского происхождения исследуемых сосудов использовался петрографический сравнительный анализ [7, с. 12—15; 8].

Материал, представленный в данной работе, происходит в основном из Западного Крыма: из могильника у совхоза 10 (Севастопольский), городищ Кара-Тобе, Чайка, Беляус и др.[1] Использовались находки и с других памятников Северного Причерноморья.

Для полной характеристики сосудов известного варианта Син Iв (с крученой ножкой) представляет интерес находка подобной амфоры в могильнике у совхоза 10 (ножка утрачена), использованной в качестве погребальной урны[2]. По-видимому, она представляет собой последнюю ступень развития амфор варианта Син Iв (рис. 2, *1*). Диаметр сосуда 28 см, диаметр венчика 8,3 см, сохранившаяся высота 57 см. От других амфор варианта Син Iв ее отличает более вытянутое тулово, относительно короткое, расширяющееся кверху горло и венчик необычной

[1] Выражаю благодарность И. В. Яценко, О. Д. Дашевской, А. Н. Щеглову, а также сотрудникам Херсонесского музея Т. И. Костромичевой и Л. А. Рыковой за предоставленный материал.

[2] Урна 36, Херсонесский музей (ГХМ). Инв. № 3/36561.

© С. Ю. Внуков, 1993 г.

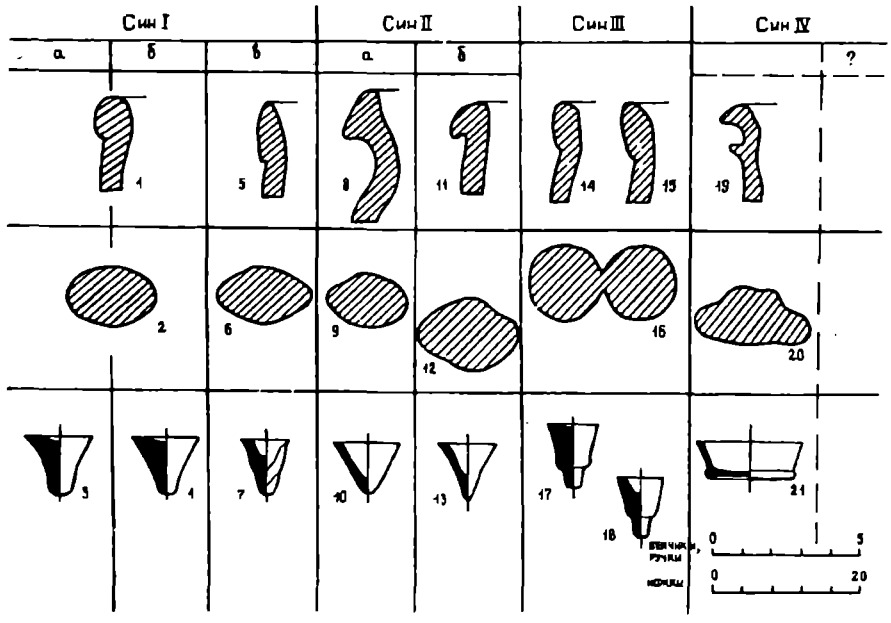


Рис. 1. Типологическая схема синопских амфор

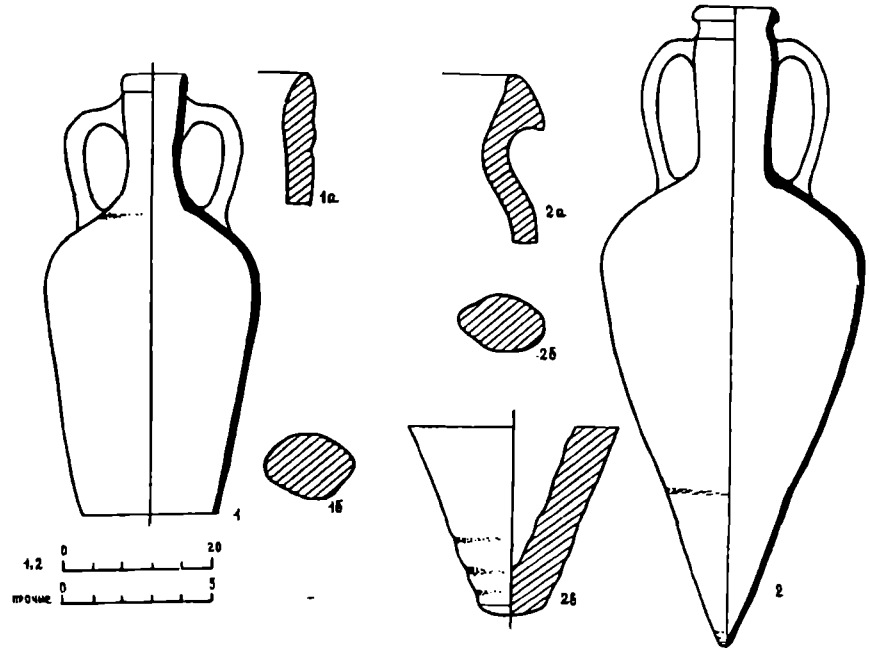


Рис. 2. Синопские амфоры: *1* — амфора варианта Син Iв (поздний экземпляр); *2* — амфора варианта Син IIа

формы. Он очень высокий для синопских амфор (2,4 см), заострен кверху и практически не выделен (рис. 2, *1а*). Его отделение от стенок горла только намечено неглубоким острым врезом, а ширина не превышает толщины стенок горла. Практически венчик специально не формовался, а просто в верхней части горла сделан неглубокий врез. Это предел постепенного процесса уплощения венчиков амфор варианта Син Iв (рис. 1, *5*) [5, с. 91]. При этом теряются основные функции амфорного венчика. Поэтому подобный венчик не мог существовать продолжительное время.

Ручки описываемого сосуда практически не отличаются от ручек других амфор того же варианта (рис. 2, *1б*). О ножке мы судить не можем.

В комплексе с описанной амфорой найдена небольшая краснолаковая мисочка,

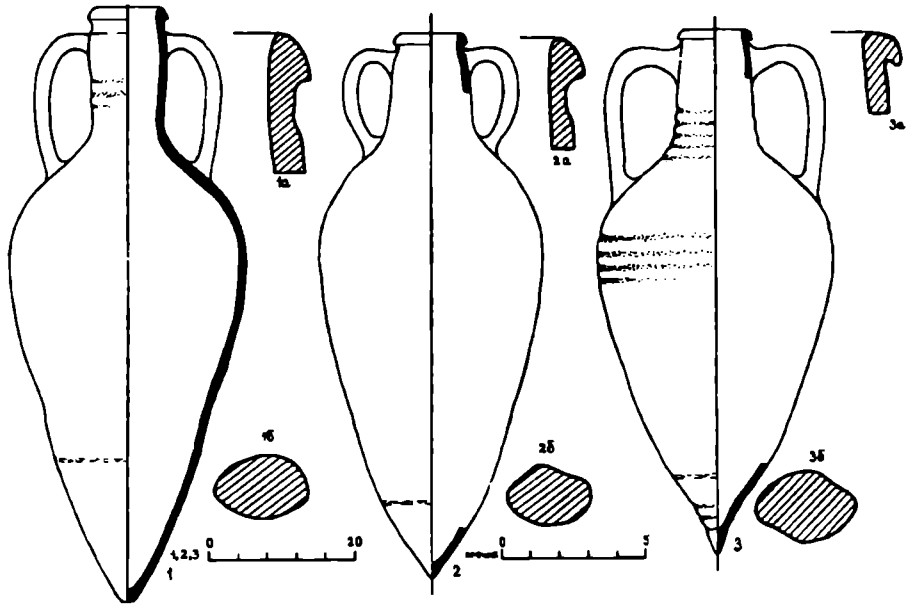


Рис. 3. Амфоры типа Син II: *1*, *2* — вариант Син IIа; *3* — вариант Син IIб

датирующаяся I — началом II в. н. э. Это, а также наиболее ранняя дата могильника у совхоза 10 [9, с. 143, 145] позволяют датировать амфору временем около начала — первой половины II в. н. э. Таким образом, бытование сосудов варианта Син Iв можно продлить до первой половины II в. н. э.

Прямыми «потомками» амфор типа Син I, по-видимому, являются сосуды типа Син II, выделенные ранее, но не отнесенные к синопскому производству. Речь идет о так называемых амфорах «с желобком под венчиком» [10, с. 33, 34; 11, с. 103—105]. Целые сосуды этого типа обнаружены в том же могильнике у совхоза 10 (рис. 2, *2*; 3). Очевидно, что они относятся к нескольким хронологическим разновидностям этого типа, но четко выделить их не удается из-за небольшого количества материала. Поэтому приходится в основном ограничиваться описанием отдельных разновременных сосудов и их фрагментов.

Наиболее ранние амфоры типа Син II, непосредственно сменяющие сосуды с крученой ножкой, имеют несколько больший объем по сравнению со своими прототипами. У них удлиненное биконическое тулово, стройное, слабоприпухлое горло, относительно маленькие, тонкие ручки, крепящиеся в месте расширения горла и в верхней части плечиков, и коническая ножка (рис. 2, *2*). От поздних амфор типа Син I описываемые сосуды заметно отличаются профильными частями. В первую очередь это венчики, по форме которых разновидность амфор и получила условное наименование [10, с. 33]. Их валик несколько напоминает «грибовидные» венчики, но заметно меньших размеров. Для них особенно характерен желобок шириной 1—2 см и глубиной до 1 см, расположенный непосредственно под валиком (рис. 1, *8*; 2, *2а*). Появление венчика подобной формы у новой разновидности синопских амфор можно объяснить стремлением выделить валик, после того, как у наиболее поздних сосудов Син Iв он полностью слился со стенками горла (см. выше). Для этого стал делаться энергичный широкий врез пальцем в верхней части горла, отделяющий подтреугольный заостренный валик. Параметры этих венчиков: диаметр 11—12,5 см, высота валика 1,4—1,7 см, ширина 1,4—2,0 см.

Ручки амфор описываемой разновидности, как уже отмечалось, непропорционально изящны для этих довольно крупных сосудов. В разрезе они обычно имеют овальную форму, не всегда надежно отличающуюся от ромбическо-овальных ручек амфор Син Iв (рис. 1, *6*, *9*; 2, *2б*). На некоторых экземплярах можно заметить намечающийся нечеткий продольный гребень на внешней поверхности

ручки, своеобразный «горбик», из-за чего ее сечение иногда приобретает подтреугольную форму (рис. 3, *2б*). Кроме того, они в отличие от ручек амфор Син Iв крепятся не в средней, а в верхней части плечиков. Средние размеры сечения ручек описываемых сосудов 3,1×2,0 см.

Ножки амфор рассматриваемой разновидности тоже конические, но они принципиально отличаются от крученых ножек варианта Син н Iб сосудов Син Iв. Собственно говоря, ножка, как специально выделенная и оформленная часть сосуда, здесь отсутствует. Просто тулово амфоры, постепенно сходясь на конус, заканчивается чуть уплощенной или конической «пяткой». Здесь нет монолитного керамического «тела» ножки (рис. 1, *10*; 2, *2в*). Определить границу между туловом и такой ножкой невозможно. Кроме того, на этих ножках отсутствуют следы кручения, есть только ребристость от гончарного круга (рис. 2, *2в*). Все это дает основание выделить их в отдельный тип Син н 2. Таким образом, и технология изготовления амфор типа Син II изменилась по сравнению с более ранними сосудами.

Описанная разновидность амфор типа Син II не оставалась неизменной. Временны́е изменения вели к утрате прежней четкости контура. Биконическое тулово постепенно превращается в яйцевидное, припухлое горло становится прямым или даже расширяющимся книзу (рис. 3, *1*, *2*). У венчика при общем сохранении подтреугольных контуров валика все менее выраженным становится желобок под ним (рис. 3, *1а*, *2а*). На ручках сильнее выделяется продольный «горбик», иногда превращаясь в настоящий гребень (рис. 3, *2б*). Но при всем этом сохраняются все основные признаки, характеризующие описанную выше разновидность амфор типа Син II. Это дает основание предположительно объединить все подобные сосуды в один ранний вариант Син IIа. Приблизительные параметры этих амфор: высота 85—73 см (со временем, вероятно, она снижается), диаметр тулова 31—33,5 см, высота верхней части сосуда 30,5—36 см, высота горла около 15—20 см (со временем она постепенно снижается).

Сосуды более поздней разновидности того же типа (вариант Син IIб) отличаются деталями оформления тулова и профильных частей. Так, желобок под венчиком у них практически полностью утрачен (рис. 1, *11*; 3, *3а*). Сам валик приобретает более сложную форму, увеличивается его нависание, на контуре появляется дополнительный перегиб (рис. 3, *3а*). Высота валика, видимо, несколько уменьшается.

Ручки описываемых амфор становятся более массивными. Их сечение ромбическо-овальное, с выделенным срединным продольным гребнем (рис. 1, *12*; 3, *3б*). Крепятся они под валиком и в средней части плечиков.

Ножки амфор варианта Син IIб удлиняются и заостряются. У них снова появляется керамическое «тело» (рис. 1, *13*; 3, *3*). Контур ножек слегка вогнутый.

Горло описываемых сосудов недлинное. Оно расширяется книзу. На горле, а также на яйцевидном тулове появляются участки с неглубоким широким рифлением (рис. 3, *3*).

Размеры амфор варианта Син IIб близки параметрам сосудов Син IIа. Различия касаются в основном высот — они несколько меньше у поздней разновидности (высота сосуда около 70 см, высота горла около 15 см).

Можно отметить также ряд технологических признаков, характерных для амфор Син II в целом. Так, на некоторых экземплярах четко видно, что горло этих сосудов формовалось отдельно и соединялось с плечиками внахлест. Кроме того, сушились описываемые амфоры в положении ножкой вниз. Для этого, как и для сушки амфор типа Син I, использовались специальные подставки [5, с. 126, рис. 14]. Следы от таких подставок заметны в нижней части сосудов Син II (рис. 2, *2*; 3, *1*, *2*).

Точно датировать амфоры типа Син II пока невозможно. Предлагаемые даты носят предварительный характер. Судя по стратиграфическим данным, впервые они появились в слоях начала II в. н. э. вместе со светлоглиняными амфорами С В — С С. Смена вариантов Син IIа и Син IIб происходила примерно во второй

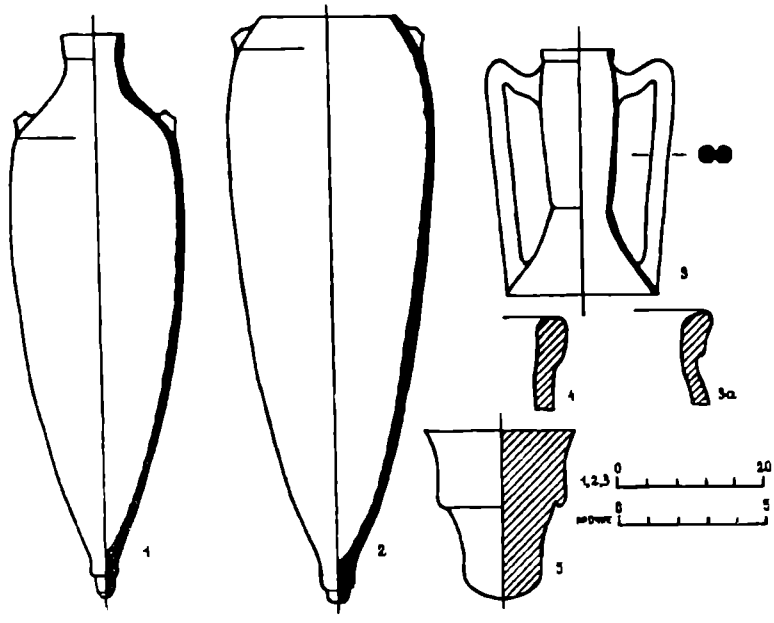


Рис. 4. Амфоры типа Син III

половине III — первой половине IV в. Верхнюю дату амфор типа Син II установить пока невозможно. Не исключено, что они в свою очередь являются прототипами синопских раннесредневековых сосудов. Этому не противоречат и комплексы из могильника у совхоза 10.

Фрагменты амфор типа Син II встречаются в небольшом количестве в соответствующих слоях многих памятников Северного Причерноморья: Горгиппии, Танаиса, Нижнедонских городищ, могильника у совхоза 10, Кара-Тобе и др.

Следующий тип позднесинопских амфор не имеет прототипов среди эллинистической тары Синопы. В то же время аналогичные по форме сосуды были широко распространены во многих центрах раннеримского времени. Это так называемые амфоры с двуствольными ручками или псевдокосские. Как показали петрографические анализы, одним из центров их производства была Синопа [7, с. 13; 8]. Синопские амфоры с двуствольными ручками типа Син III морфологически ближе всего к широко распространенным в Северном Причерноморье светлоглиняным сосудам типа С I гераклейского производства [12]. Но они имеют и целый ряд характерных особенностей. Правда, ни одного целого сосуда Син III не сохранилось, но известно несколько крупных фрагментов, позволяющих полностью реконструировать их форму (рис. 4).

В целом для амфор типа Син III характерно вытянутое, сигарообразное тулово, слабоприпухлое бочонковидное горло, валикообразный уплощенный (иногда заостренный) венчик, двуствольные, резко перегнутые ручки и желудевидная ножка (рис. 4).

Большинство венчиков описываемых амфор имеет слабую подрезку снизу, уплощенный наружный контур валика, скошенный верх, высшая точка которого сдвинута к внешнему краю, и вертикальный внутренний контур (рис. 1, *14*, *15*; 4, *3а*, *4*). Различия касаются в основном оформления верхней части валика — она может быть уплощенной (рис. 1, *14*; 4, *4*) или заостренной (рис. 1, *15*). Некоторые венчики амфор Син III несколько напоминают уплощенные венчики сосудов варианта Син Iв (рис. 1, *5*, *15*) [5, табл. XIV, *31*].

Горло амфор типа Син III по морфологическим признакам практически не отличается от горл светлоглиняных сосудов С Iб [12, с. 200, рис. 2, *2*). Оно имеет слабую припухлость в верхней трети высоты (рис. 4, *3*). Наибольший диаметр горла не превышает диаметра венчика. Нижняя граница горла выделена неглубоким врезом.

Двуствольные ручки амфор Син III также аналогичны по форме ручкам сосудов С I (рис. 1, *16*; 4, *3*). Но на них ни разу не встречены дополнительные детали оформления в виде различных налепов и вдавлений, как на их аналогах у сосудов варианта С Iб [12, с. 201, 202, рис. 3].

Ножки описываемых амфор имеют характерные черты, выделяющие их среди подобных желудевидных ножек псевдокосских амфор других центров. Так, ножки сосудов Син III имеют слабую профилировку, сделанную пальцами, без использования инструментов. Желудь у них чаще имеет форму, близкую к усеченно-конической (рис. 1, *17*, *18*; 4, *1*, *2*, *5*). Редко встречаются ножки с округло-коническим желудем. Желуди другой формы, обычные для прочих псевдокосских амфор [7, с. 7], в Синопе не встречены. Кроме того, над желудем ножек амфор Син III иногда имеется небольшая припухлость, ни четкостью оформления, ни размерами не похожая на поясок на ножках светлоглиняных амфор [13, с. 56—58, рис. 4, *4*, *5*], хотя и соответствующая ему морфологически. Это позволяет выделить описываемые синопские ножки в отдельный тип с двумя предположительными вариантами: Син н 3а — с припухлостью (рис. 1, *17*; 4, *1*) и Син н 3б — без припухлости (рис. 1, *18*; 4, *2*, *5*).

Параметры амфор типа Син III близки к параметрам светлоглиняных сосудов варианта С Iб. Их восстанавливаемая высота 0,9—1,0 м, наибольший диаметр 22,5—27,5 см, диаметр венчика — 10—11 см, высота горла около 20 см, высота нижней части 55—70 см.

Технологические признаки, отмеченные на амфорах типа Син III, полностью аналогичны признакам, зафиксированным на сосудах Син II. Это отдельная формовка горла амфоры с последующим сочленением его с туловом внахлест и сушка сосудов на специальных подставках ножкой вниз. Последний признак отличает синопские сосуды от морфологически близких амфор типа С I, которые сушились в перевернутом виде, на венчике.

Наиболее ранние фрагменты описываемых амфор встречаются в комплексах Северного Причерноморья первой половины I в. н. э. Но это не значит, что они не могли производиться в Синопе и в более раннее время. Поэтому не исключена находка фрагментов сосудов типа Син III и во второй половине I в. до н. э. Верхняя дата этих амфор — конец I — начало II в. н. э.

Фрагменты описываемых сосудов встречаются по всему Северному Причерноморью. Их находки зафиксированы на памятниках Нижнего Днепра (рис. 4, *3*), Северо-Западного Крыма (рис. 4, *2*, *4—6*), Нижнего Дона (рис. 4, *1*), Северного Кавказа (Горгиппия) и в других местах. По всей видимости, они имеются практически на всех памятниках соответствующего периода, но доля их невелика. Кроме того, обычно они не отличаются исследователями от светлоглиняных амфор.

Последний тип позднесинопских амфор — Син IV выделяется впервые. Это плоскодонные узкогорлые сосуды с профилированными ручками (рис. 5, *1*). Известно два целых подобных сосуда: с городища Кара-Тобе и из Горгиппии [3], а также целый ряд фрагментов, иногда довольно крупных. Форма этих сосудов напоминает кувшины, что дает основание назвать их «кувшиновидными» (по аналогии с «амфоровидными» кувшинами). По этой же причине фрагменты амфор типа Син IV обычно принимаются исследователями за обломки кувшинов [14, табл. VI, *8*].

В настоящее время мы можем описать только самую раннюю разновидность сосудов Син IV. Этот тип, видимо, бытует продолжительное время, при этом значительно изменяясь. Но для надежного описания поздних разновидностей материала пока недостаточно.

Амфоры типа Син IV имеют яйцевидное тулово, широкие невыделенные плечики, узкое прямое горло, венчик сложной формы, профилированные резко перегнутые ручки, крепящиеся на 3—4 см ниже венчика и в нижней части

[3] Выражаю благодарность Е. М. Алексеевой за сведения об этой находке.

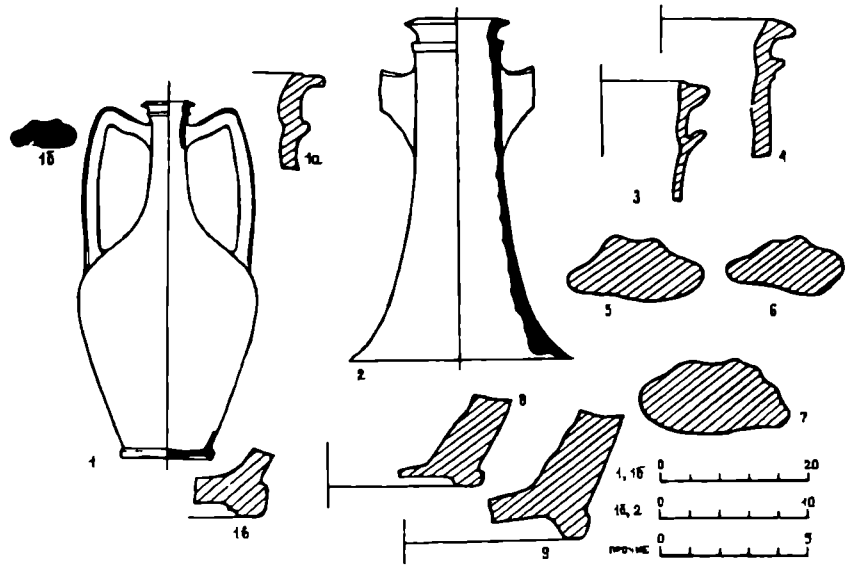


Рис. 5. Амфоры типа Син IV

плечиков, и невысокий кольцевой поддон (рис. 5, *1*). Высота сосуда около 50 см, максимальный диаметр около 25 см.

Венчики исследуемых амфор не имеют аналогий среди амфорных профильных частей (рис. 1, *19*; 5, *1а*), но они очень похожи на венчики кувшинов. Конструкция их довольно сложная. Сверху у среза горла находится невысокий, но относительно широкий валик подтреугольной формы. Его высота 0,5—0,8 см, ширина 0,7—1,0 см. Верхняя поверхность обычно скошена наружу и четко оформлена. На 1,5—2,2 см ниже среза расположен еще один валик. Он меньше первого, но обычно также подтреугольной формы. Встречаются и округлые валики или же валики в виде полочки, горизонтальной или загнутой кверху (рис. 1, *19*; 5, *1а*, *2—4*). На внутренней поверхности горла нижнему валику обычно соответствует более или менее выраженная выемка. Диаметр валика венчика 6—9 см.

Ручки амфор типа Син IV обычно имеют профилировку тремя неглубокими врезами. Делались они подушечками пальцев и почти всегда имели округлые очертания (рис. 1, *20*; 5, *5*, *6*). При этом у большинства известных синопских профилированных ручек два боковых вреза сделаны заметно глубже, так что выделяется широкое срединное ребро, рассекаемое надвое менее глубоким пальцевым врезом. В разрезе такая ручка имеет «шляповидные» очертания (рис. 1, *20*). Эта техника профилировки синопских ручек отличает их от ручек синхронных узкогорлых светлоглиняных амфор, у которых средний врез делался острым инструментом [7, с. 11; 12, с. 205]. Вместе с тем встречаются ручки с тремя врезами одинаковой глубины или даже с четырьмя врезами (рис. 5, *7*). В целом формовка ручек была довольно небрежной. Об этом же свидетельствует и значительный разброс параметров описываемых ручек: ширина 3,6—5,6 см, толщина 1,7—2,9 см. Иногда они выглядят непропорционально массивными по сравнению с узким горлом.

Поддоны описываемых сосудов обычно сужаются книзу и имеют форму очень низкого перевернутого усеченного конуса (рис. 1, *21*; 5, *1в*, *8*, *9*). Это отличает их от поддонов ранних светлоглиняных амфор С A_1, которые книзу расширяются [11, с. 110, рис. 4; 15, с. 108, рис. 6, В]. Диаметр поддонов амфор типа Син IV — 10,5—14,5 см, высота 0,7—1,3 см, ширина 0,8—1,5 см. Сверху от стенок придонной части они отделяются более или менее четким врезом.

Из технологических признаков на некоторых фрагментах «кувшиновидных» амфор можно отметить следы раздельной формовки горла и тулова сосуда, так же как и у амфор типов Син II и Син III (рис. 5, *2*).

Как уже отмечалось, описанные фрагменты и сосуды Син IV относятся к

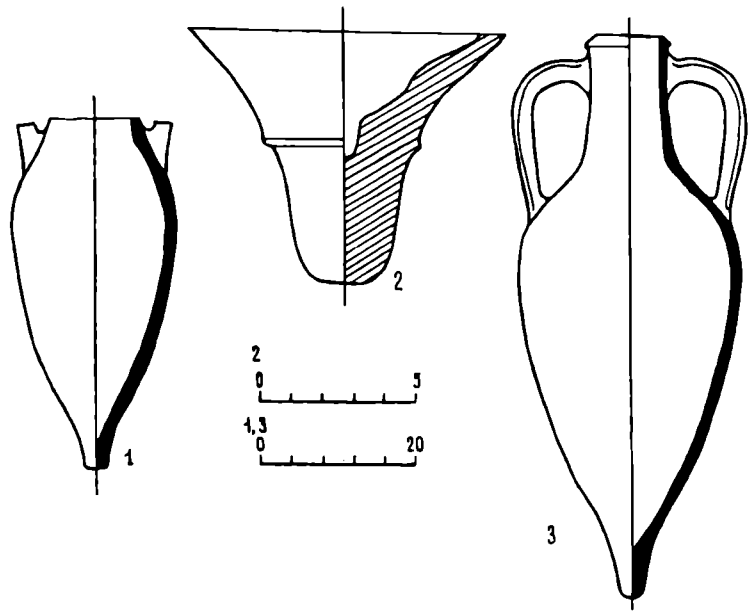


Рис. 6. *1*, *2* — фрагменты синопских амфор редких разновидностей; *3* — светлоглиняная амфора, подражающая сосудам Син II

самой ранней разновидности типа. Судя по отдельным более поздним фрагментам из Северо-Восточного Причерноморья, существовали разновидности подобных амфор с очень резко перегнутыми ручками, с венчиком, у которого верхний и нижний валики слились в массивный воротничок. Но единую картину развития этих сосудов обрисовать пока невозможно. Вероятно, к III в. н. э. появляется вариант описываемых амфор с петлевидными ручками, крепящимися на плечиках. По всей видимости, именно эта разновидность приведена И. Б. Зеест под № 78, но из текста неясен характер глины сосудов [5, с. 114, табл. XXXIII, *78*].

Фрагменты сосудов Син IV встречаются в небольшом количестве на многочисленных памятниках Нижнего Поднепровья, Северо-Западного и Центрального Крыма, Нижнего Дона и Северо-Кавказского побережья. Впервые они отмечаются в слоях второй четверти I в. н. э. вместе с фрагментами близких по форме светлоглиняных амфор С A_1 [16]. Более поздние разновидности встречаются в слоях III и, возможно, IV вв. Верхнюю дату описываемых сосудов установить пока невозможно.

Кроме исследованных четырех типов синопских амфор следует сказать несколько слов о разновидностях сосудов этого центра или их фрагментах, встреченных пока в единичных экземплярах. В первую очередь это тулова двух различных амфор I в. н. э. с Чайкинского городища [4]. Одно из них, по-видимому, повторяет форму гераклейских светлоглиняных амфор типа С III (рис. 6, *1*) [12, с. 203, 204, рис. 2, *6*, *7*]. Второе тулово, первоначально принятое за светлоглиняное, не имеет аналогий. Оно яйцевидной формы с очень узким (до 3 см в диаметре) коротким горлом, которое тем не менее формовалось отдельно и с маленькими слабоовальными ручками [13, с. 60, рис. 2, *10*; 17, с. 50, рис. 3, *4*]. Синопское происхождение этого сосуда установлено с помощью петрографического анализа [7, с. 13].

Среди редких фрагментов синопских сосудов неизвестных типов можно отметить конические короткие ножки с невысоким ребром (рис. 6, *2*). От ножек амфор типа Син I (тип Син н I) кроме ребра они отличаются и вогнутым контуром. Эти ножки встречаются в слоях конца I в. до н. э.— первой половины I в. н. э. вместе с фрагментами амфор типа Син III. Они должны принадлежать довольно крупным сосудам.

[4] Полевые номера соответственно Ч-76/1219 и Ч-74/1847.

В качестве редких находок в слоях I в. н. э. встречаются мелкие невыразительные обломки синопских амфор с круглыми (одноствольными) ручками. Возможно, что они принадлежат «псевдородосским» сосудам, аналогичным амфорам С II [12, с. 202, рис. 2, *4*, *5*], но что-либо определенное сказать о них невозможно. Также есть основания предполагать, что в I в. н. э. существовала очень редкая разновидность широкогорлых синопских амфор с профилированными ручками, аналогичными ручкам сосудов типа Син IV. Известны считанные невыразительные фрагменты таких амфор, которые почти ничего не говорят о форме сосудов.

Таким образом, в римское время расширился набор одновременно бытовавших разновидностей синопских амфор. Одна из них (Син II) продолжает линию развития синопской тары эллинистического времени, две другие являются местными модификациями общих римско-восточносредиземноморских морфологических типов. Так, «псевдокосские» амфоры разных центров широко распространены в I в. до н. э.— I в. н. э. от Галлии до римского лагеря в Западной Индии [18; 19, рис. 10, *81*]. Узкогорлые плоскодонные сосуды распространены несколько уже, в основном в Восточном Средиземноморье и Причерноморье [20, табл. 11, с. 51, *J 5*; с. 56, *J 51*]. Ближайшей аналогией сосудам Синопы этих двух типов является синхронная светлоглиняная тара ее соседки — Гераклеи Понтийской [12]. Объясняется это, видимо, тем, что и в Синопе, и в Гераклее находились римские колонии (Strabo XII, III, *6*) [1, с. 301, 302]. Возможно, что появление в этих центрах амфор с двуствольными ручками и узкогорлых следует связывать с римским влиянием. Интересно, что прослеживается и взаимовлияние форм синопской и гераклейской тары первых веков нашей эры. Выше уже отмечалась синопская амфора с городища Чайка, аналогичная по форме сосудам типа С III (рис. 6, *1*). С другой стороны, на городище Тарпанчи в слое III в. н. э. найдены две светлоглиняные гераклейские амфоры (определены с помощью петрографического анализа), подражающие сосудам разновидности Син IIб (рис. 6, *3*) [21, с. 12—15, 21, 22].

Кроме того, в обоих южнопонтийских центрах происходили схожие изменения в технологии. В частности, это касается режима обжига. Как показали петрографические исследования, в Гераклее и в Синопе в римское время снизилась температура обжига амфор и, видимо, изменились его условия [8]. Это привело к появлению светлого черепка у поздних гераклейских амфор и у некоторых синопских экземпляров. Но в целом у синопской тары стали преобладать серовато-желтые и грязно-розоватые цвета черепка (более светлые, чем в предшествующий период), хотя встречаются экземпляры, происхождение которых из Синопы или Гераклеи можно определить лишь по мелким деталям формы или петрографическими методами. Это породило даже гипотезу о синопском происхождении светлоглиняных амфор [1, с. 336; 22, с. 190; 23, с. 131, 132, 139, 143, 144].

Таким образом, Синопа наряду с Гераклеей в римское время втягивается в сферу сложения общих римско-восточносредиземноморских форм амфорной тары. Торговые связи Синопы с Северным Причерноморьем поддерживались на протяжении всего римского периода истории региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. *Ахмеров Р. Б.* Синопские эллинистические амфоры // ВДИ. 1948. № 4.
3. *Анфимов Н. В.* Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье // ВДИ. 1951. № 1.
4. *Зеест И. Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2
5. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
6. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984.

7. *Внуков С. Ю.* Светлоглиняные амфоры I в. до н. э.— I в. н. э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
8. *Внуков С. Ю.* Применение метода сравнительного петрографического анализа для определения центров производства светлоглиняных амфор // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.: Изд-во Российского Открытого университета, 1993.
9. *Стржелецкий С. Ф.* Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 8.
10. *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94.
11. *Деопик Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
12. *Внуков С. Ю.* Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 1988. № 3.
13. *Внуков С. Ю.* Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1984. № 6.
14. *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. 1969. 154.
15. *Деопик Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3.
16. *Внуков С. Ю., Коваленко С. А., Трейстер М. Ю.* Гипсовые слепки с городища Кара-Тобе // ВДИ. 1990. № 2.
17. *Яценко И. В.* Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
18. *Desbat A., Picon M.* Les importations d'amphores de Mediterranee orientale à Lion (fin du I-er siecle avant J—C et I-er siecle apres) // BCH. 1986. Suppl. XIII.
19. *Wheeler R. E. M.* Arikamedu: an indo-roman trading station on the east coast of India // Ancient India. 1946. № 2.
20. *Robinson H. S.* Pottery of the Roman period. Chronology // The Athenian agora. V. V. Princeton, 1959.
21. *Щеглов А. Н.* Отчет о раскопках городища Тарпанчи в 1960 г. // Архив ГХМ. № 839.
22. *Гайдукевич В. Ф.* // ВДИ. 1951. № 2 — рец. на кн.: K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach slowianskich. Wroslaw, 1949.
23. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1970.

Российский Открытый университет,
Москва

S. Yu. VNUKOV

NEW TYPES OF THE LATE SYNOP AMPHORAE

Summary

The article is devoted to the preliminary study of new types of the late Synop amphorae of the Roman period. The investigated material originates from the Black Sea North Littoral sites, mainly from the West Crimea. The author distinguishes in all four types of Synop amphorae, three of them are fixed for the first time (fig. 1). Some of them are divided into variants. One of the first distinguished types "with a groove under a rim" (Syn II, fig. 2, *2*; 3) continues the development line of the Hellenistic and early Roman Synop vessels "with a twisted foot" (Syn Ib; fig. 2, *1*). It is divided into two chronological variants: Syn IIa dated to the beginning of the 2nd — the end of the 3rd centuries and Syn IIb belonging to the end of the 3rd century — early medieval time. Types Syn III (with double-barrelled handles — fig. 4) and Syn IV (with a narrow neck and a flat bottom — fig. 5) are the local modifications of common forms of the Roman and East Mediterranean amphorae. They are dated to the beginning of the 1st — the beginning of the 2nd centuries and the 2nd quarter of the 1st century A. D. — the 5th (?) century accordingly. The article also deals with the genesis of the forms and ceramic technology.

Заметки

С. А. ДЕМЕЩЕНКО

НОВЫЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СТОЯНКИ АЛЕКСАНДРОВКА

(Костенки 4)

Образцы палеолитического искусства всегда вызывают большой интерес исследователей древнейшего прошлого, каждая новая находка в этой области заслуживает особого упоминания. Изучение и публикация материала Костенок 4 были выполнены в прошлом на высоком уровне, однако просмотр коллекции в 1991 г. выявил не отмеченные ранее фигурки из мергеля.

Стоянка Костенки 4 находится в устье Александровского лога с. Костенки (Воронежская обл.) в отложениях первой надпойменной террасы. Поселение открыто в 1927 г. С. Н. Замятниным, затем через 10 лет исследовалось А. Н. Рогачевым. Общая площадь изученного участка составляет 922 м^2. Стоянка представлена двумя разнокультурными слоями: нижний горизонт включает жилища удлиненных форм с линией очагов по центру, верхний слой содержит два округлых жилища. Результаты раскопок опубликованы [1, с. 212; 2; 3, с. 76], в отдельную тему исследования выделено искусство верхнего горизонта Александровки, которое представлено здесь образцами скульптуры зооморфного и антропоморфного характера, выразительной орнаментацией произведений искусства и орудий труда [2, с. 77; 4, с. 97; 5, с. 23].

Коллекция изделий из мергеля находится на хранении в Отделе археологии Санкт-Петербургского филиала Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (№ 6194/1912—1974). Мергелевые поделки, как и весь мергель, происходят из раскопок верхнего культурного слоя. Сохранность материала в большинстве случаев хуже, чем в Костенках 1, поверхность изделий несет на себе следы обработки в виде строгания, заглаживания и шлифовки. Поделки имеют желтовато-серый цвет, часто с золотистым оттенком и выветрелой поверхностью.

Серия изображений животных из мергеля содержит 10 фигурок мамонта и их заготовок, фигурки бизона (№ 6194/1913, 1918, 1922) и несколько поделок зооморфной формы с различной степенью стилизации [5, с. 23—25]. Скульптура животного № 6194—1912, по мнению А. Н. Рогачева, представляет собой изображение головы барана, однако, как отмечает З. А. Абрамова, поделка вполне может рассматриваться и в качестве скульптуры головы лошади или сайги. К этому следует добавить, что данные по фауне стоянки свидетельствуют о значительном проценте костей лошади [3, с. 83].

Просматривая коллекцию стоянки, автору удалось определить новые скульптуры из мергеля — это головки лошади и зооморфное изображение с насечками (рис. 1, 2, *1—4*).

Скульптура головы лошади № 6194-13754 (кв. М-42; рис. 1, *1*; 2, *1*) найдена в коробке с обломками мергеля и железистой конкреции, которые происходят

© С. А. Демещенко, 1993 г.

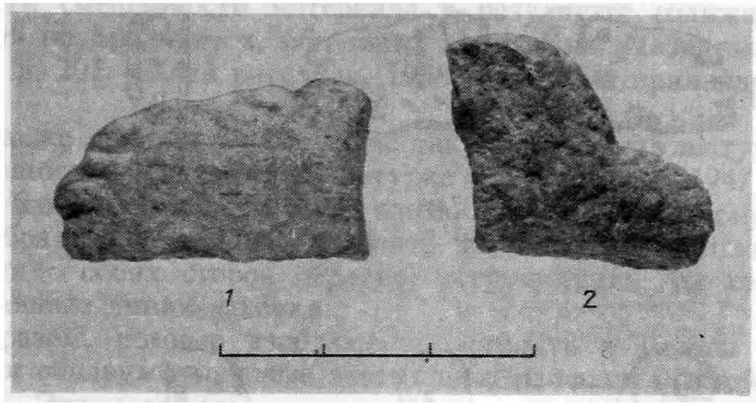


Рис. 1. *1* — скульптура головы лошади (№ 13754); *2* — головка животного с насечками (№ 14272)

с одного квадрата и числятся в коллекции под одним номером. Поделка представляет двустороннее изображение головы лошади. Размеры: длина 3 см, высота затылочной части 1,8 см, носа — 1,3 см, толщина поделки 0,4—0,5 см. Длина носа составляет около 1,5 см. Поверхность скульптуры достаточно заглажена. В верхней части головки резной линией выделены уши, симметрично линии носа отмечены глаза в виде глубоких точечных вдавлений. Лобный выступ плавно переходит в приплюснутый с обеих сторон нос, который заканчивается ноздрями, представленными здесь нарезными уголками. Подобная передача носа лошади характерна для скульптуры расцвета палеолитического искусства. В качестве примера можно назвать изображения головок лошадей из Истюриц (Франция, Атлантические Пиренеи, рис. 2, *5*) и Энлен (Франция, деп. Арьеж, рис. 2, *6*) [6, с. 222, рис. 117, *10*; 7, с. 50]. Как эти, так и другие особенности скульптуры можно найти в обобщающей работе Е. Шмид, посвященной изучению анатомии лошадей и их палеолитических изображений [8, с. 155—160]. Поделка из Александровки имеет рельефно выделенные губы и отмеченный резной линией рот. Нижняя челюсть объемно не передана, здесь зафиксированы небольшие изломы. В целом скульптура исполнена достаточно симметрично, с объемной передачей формы морды животного.

Скульптура головы лошади (?) (кол. 6194/1946, рис. 2, *3*). В описи коллекции поделка записана как обломок утолщенного стержня из мергеля. Длина 2,9 см, ширина 1,2 см, толщина 0,9 см. После ее изучения оказалось, что перед нами схематизированная скульптура лошади с односторонним изображением деталей морды. В области шеи еще в древности произошел излом; не исключено, что шея и обозначение ушей вовсе отсутствовали. На поверхности поделки заметны линейные следы от сострогивания инструментом с небольшой рабочей кромкой. Вероятно, что операция подработки формы изделия совершалась после заглаживания ее поверхности. На левой стороне скульптуры небольшим выступом передан глаз животного, под которым отмечены выгравированные линии: верхняя — 0,8 см, нижняя — 1,5 см. Изгиб линии носа переходит в верхнюю губу. Рот и ноздря смоделированы слабо и особых деталей для выделения не имеют. При взгляде на поделку в фас заметна объемно переданная форма узкого носа, характерного для лошади, и нижняя челюсть животного.

Скульптура головки лошади (№ 6194/1924; кв. Ц-36, рис. 2, *4*). Длина 3,2 см, высота 1,8 см, толщина 1,3 см. Поделка представляет удачно смоделированную голову лошади. Объемно переданы такие части, как затылок, лоб, линия носа, переходящая в выступ сомкнутых губ, нижняя челюсть. Довольно отчетливо скульптура «читается» в фас, рельефная поверхность, созданная в процессе заглаживания и незначительных подработок резцом, подразумевает наличие деталей морды. В области шеи зафиксированы четыре короткие насечки. На правой

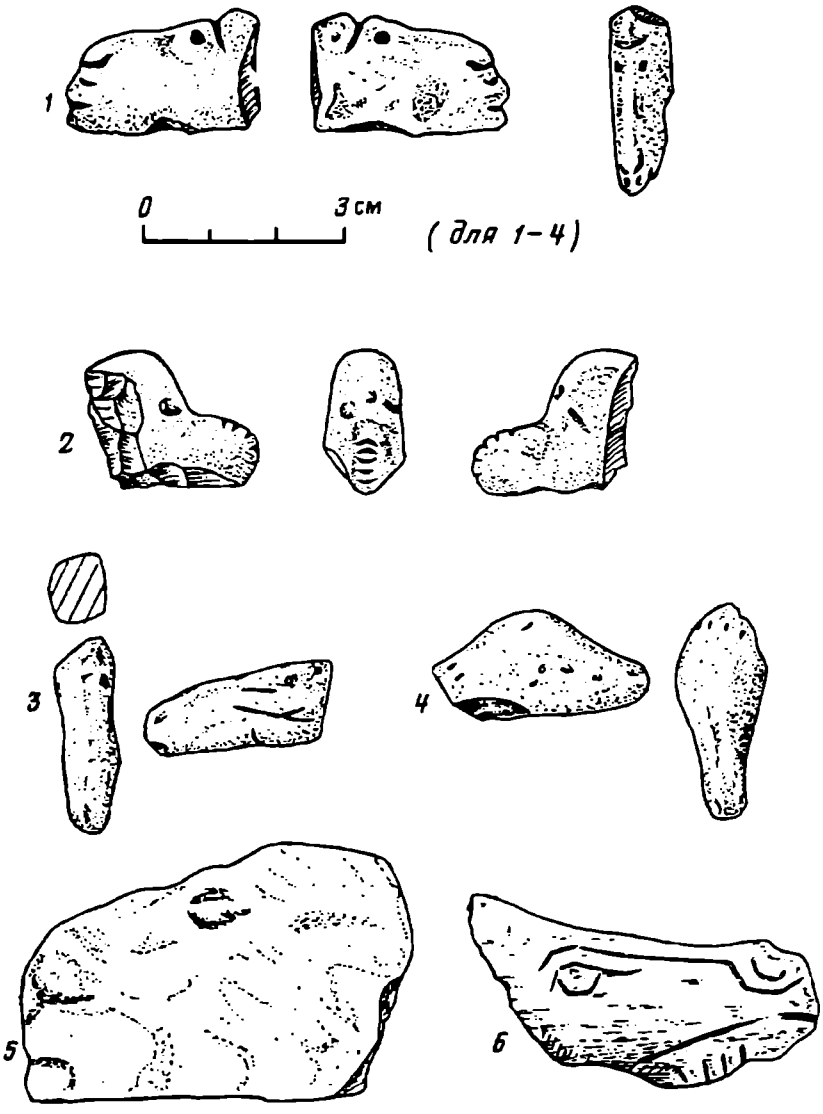


Рис. 2. Скульптуры головок: *1* — № 13754 (лошадь); *2* — № 14272 (с насечками); *3* — № 1946 (лошадь); *4* — № 1924 (лошадь); *5* — из Истюриц, типичный ориньяк (лошадь); *6* — из Энлен (лошадь, мадлен)

стороне изделие имеет точечные углубления, которые являются следами от намеренно нанесенных ударов. Возможно, это следы магического нанесения раны.

Наиболее интересной является скульптура головки животного с насечками (№ 6194/14272; рис. 1, *2*; 2, *2*). Она обнаружена среди 35 фрагментов мергеля, имеющих ссылку на происхождение из нижнего горизонта стоянки (1938 г.). Из куска мергеля желто-серого цвета изготовлена головка не поддающегося определению животного с двумя ясно выступающими формами — объемной головы и несколько вытянутой морды с пятью поперечными насечками. Поделка разбита в древности, поэтому о размерах говорить трудно. Длина фрагмента от выступа носа до излома 2,7 см, высота около 2 см, наибольшая толщина в районе нижней челюсти 1,3 см, носовой части — 0,4 см. Поверхность фигурки заглажена, на левой стороне небольшим выступом (0,4 см) намечен закрытый глаз. Возможно, что в качестве глаз могли рассматриваться точечные вдавления, сфокусированные ближе к носу. Не исключено, что эти элементы обозначают нечто другое.

Поделка № 14272 происходит из ямы с кв. Щ-38, 39, однако ее приуроченность к нижнему горизонту стоянки является спорной. Для второго слоя Александровки данные о наличии мергеля отсутствуют. З. А. Абрамова отмечает, что «нижний горизонт Костенок 4 совершенно лишен изделий из мергеля» [5, с. 26].

О возможности смешанности материала в результате сближения культурных слоев говорить не приходится, ибо таких данных по указанным квадратам нет (оп. № 6194, л. 201: «План раскопок, 1938 год»). Яма принадлежит к верхнему жилищу.

Следует также принять во внимание такую деталь скульптуры, как насечки. Их можно сравнить с насечками на фигурке животного № 6194/1916 (кв. Ш-39). В прежних публикациях они не выделялись, скульптура интерпретировалась как условное изображение сидящего мамонта [5, с. 24]. Приплюснутость задней части фигурки с обеих сторон образует острую грань, на которой намечены четыре поперечные линии-насечки.

Таким образом, помимо изображений мамонта и бизона в верхнем слое Александровки обнаружены новые экземпляры палеолитической скульптуры головы лошади. Это дает возможность проведения сравнительного анализа не только в пределах Костенковско-Борщевского района палеолитических памятников (Костенки 1 — Александровка — Аносовка 2), но и выйти на поиски аналогий среди изображений лошадей в искусстве палеолита Западной Европы. Необходимо отметить, что изображения лошади отсутствуют в мелкой пластике палеолита Сибири, довольно ограниченно оно представлено в памятниках Русской равнины (Костенки 4(1), Сунгирь). Однако изобилие изображений этого животного как в искусстве малых форм, так и в наскальном искусстве приходится на местонахождения Франции, особенно мадленского времени (Руфиньяк, Англь-сюр-Англен, Истюриц, Энлен и др.). Самая древняя фигурка известна из ориньякской стоянки Фогельхерд (Германия). Грубо моделированная каменная головка из ориньякского слоя стоянки Истюриц уже упоминалась (рис. 2, *5*). Мадленская скульптура лошади исполнялась из камня и кости. Довольно выразительно передавались детали морды: удлиненный нос, выемка ноздрей, подчеркнутых характерным резным уголком, губы, линия нижней челюсти. Гравировкой или точечными вдавлениями выделяются глаза животного. Головка лошади из Энлен, представленная на рис. 2, *6*, выполнена в технике «contour découpe» (вырезана контуром на плоской кости).

Скульптуры головок лошади из Александровки можно сравнить с западноевропейскими лишь в деталях. Сохраняя характерные признаки для передачи образа этого животного, они заключают в себе некоторое отдаленное сходство с так называемой антропоморфной головкой из верхнего слоя Костенок 1 [9, с. 396, рис. 186], но в целом сопоставление с ней выделенных фигурок не является столь оправданным и необходимым.

Несомненно, что в дальнейшем палеолитическое искусство Русской равнины пополнится новыми изображениями не только лошади, но и других животных, что будет способствовать поиску аналогий и проведению сопоставлений по изучаемой теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Замятнин С. Н.* Экспедиция по изучению культур палеолита//ГАИМК. 1929. Т. 11.
2. *Рогачев А. Н.* Костенки 4 — поселение древнекаменного века на Дону//МИА. 1955. № 45.
3. *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Костенки 4//Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879—1979). Л., 1982.
4. *Абрамова З. А.* Изображения животных с палеолитической стоянки Александровка//КСИА. 1961. Вып. 82.
5. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР//САИ. 1962. Вып. А 4—3.
6. *Saint-Périet R. et S.* La grotte D'Isturitz//L'Instit. de Paleont. Humaine. Paris. Memoire 25.
7. *Leroy-Prost Ch.* L'art mobilier//Histoire et archéologie. 1984. 87.
8. *Schmid E.* Some anatomical observation on palaolithic depictions of horses//La contribution de la zoologie et de l'ethnologie à l'interprétation de l'art des peuples chasseurs préhistoriques. 3 Coll. de la Société suisse des sciences humaines. Fribourg, 1979.
9. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.; Л., 1958.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

В. В. ПОТАПОВ

ПОГРЕБЕНИЯ КОБЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТАНЦИИ ХАПРЫ

В 1979 г. во время спасательных раскопок курганного могильника у железнодорожной станции Хапры Мясниковского р-на Ростовской обл.[1] в кургане 1 среди прочих были исследованы три впускных одновременных погребения — 13, 19 и 20. Здесь при вытянутых на юго-юго-восток костяках были найдены кельт с лобным ушком (погр. 13), булавка, височное кольцо, стеклянные и бронзовые бусы (погр. 19), фрагменты плоского костяного кольца (погр. 20).

Вопрос о культурной атрибуции этих комплексов был поднят уже в предварительном сообщении автора раскопок, который отнес их к кобяковской культуре [1, с. 115]. Позднее, фактически поддерживая точку зрения П. А. Ларенка на культурную принадлежность хапровских погребений, я предложил датировать их XII—X вв. до н. э. [2, с. 30, 31]. Наконец, в 1991 г. вышла сравнительно полная публикация рассматриваемых захоронений, где они на основании данных стратиграфии были отнесены к предскифскому периоду (IX—VII вв. до н. э.) [3, с. 179, 180, рис. 1, *2*, *4—8*].

Итак, для изучаемых погребений предложены две возможные даты: белозерская (XII—X вв. до н. э.), а также предскифская (IX—VII вв. до н. э.) эпохи. С проблемой хронологии тесно связана проблема их культурной атрибуции. Представляется очевидным, что при подтверждении первого варианта датировки погребения 13, 19 и 20 не могут относиться к какой-либо другой культуре, кроме как к кобяковской. Могильник расположен на территории этой культуры, а одно из ее поселений — Хапры находится не далее чем в 1 км от изучаемого памятника [4, с. 8].

Решению проблемы датировки и культурной принадлежности должен послужить хронологический анализ находок из могил. Однако, предваряя его, следует уточнить стратиграфическую позицию последних, так как именно она послужила основой датировки комплексов предскифским временем [3, с. 180]. Погр. 19 перекрывалось раннескифским захоронением 25, датирующимся «не позднее середины VI в. до н. э.» [5, с. 26, рис. 9]. Погр. 13 в свою очередь разрушило два позднесрубных захоронения (22 и 24), что, по-видимому, послужило основанием для определения нижней границы комплексов IX в. до н. э. Однако, как уже говорилось выше, в XII—X вв. до н. э. правый берег низовьев Дона занимали кобяковские племена и, следовательно, срубной культуры на этой территории уже не существовало. Поэтому временной промежуток, в котором могли появиться погр. 13, 19 и 20, ограничивается не IX—VII, а XII — первой половиной VI в. до н. э.

Случайная находка кельта, аналогичного найденному в погр. 13 (рис. 1, *1*) [3, с. 179, рис. 2, *7*], происходит из Майкопа [6, с. 87, рис. 13]. Кельт с одним лобным ушком известен в составе клада из станицы Упорная [7, с. 125, рис. 2, *4*, 4, *1*], датированного концом XII — началом XI в. до н. э. [7, с. 133]. Однако хапровский экземпляр более схож с майкопским, нежели с упорненским. Морфологическое и хронологическое различия последних подчеркивали В. И. Козенкова и А. З. Аптекарев [7, с. 131, 132].

Представительная серия таких изделий происходит из Волго-Камья [8, табл. 49, *6—9*]. Все исследователи, затрагивающие вопрос о дате кельтов-тесел с одним лобным ушком, отмечают их отсутствие в раннеананьинскую эпоху [9, с. 110; 10, с. 48; 11, с. 309, 310]. А. Х. Халиков отнес их к маклашевскому этапу при-

[1] Раскопки экспедиции Ростовского областного музея краеведения под руководством П. А. Ларенка.

© В. В. Потапов, 1993 г.

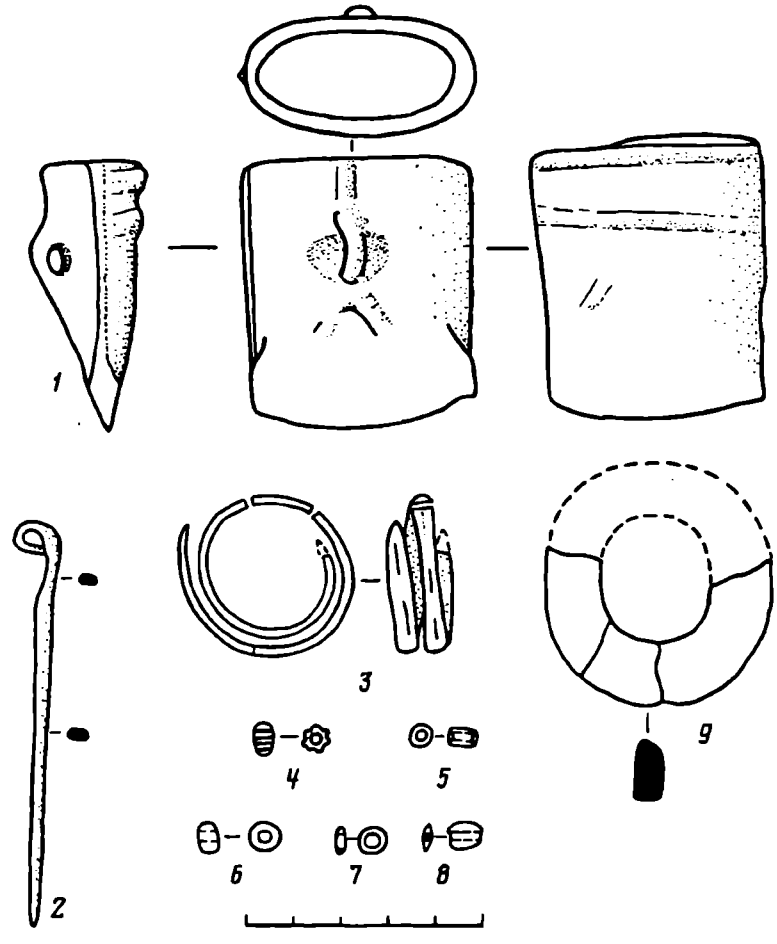


Рис. 1. *1* — кельт из погр. 13; *2—8* — находки из погр. 19 (*2* — булавка, *3* — височное кольцо, *4—8* — бусы); *9* — кольцо из погр. 20. *1—3*, *7* — бронза; *4—6*, *8* — стекло; *9* — кость

казанской культуры эпохи поздней бронзы, датированному им X—IX вв. до н. э. [8, с. 45—47; 11, с. 309, 310]. Несомненное тождество ряда хронологически значимых изделий маклашевского этапа и белозерской культуры [12, с. 142] позволяет их синхронизировать. Во всяком случае, отсутствие в маклашевских памятниках вещей «киммерийского» типа, обильно представленных в последующую раннеананьинскую эпоху, не позволяет их датировать позднее рубежа X—IX вв. до н. э. Важен в этом плане вывод А. Х. Халикова о том, что эпоха бронзы в степи и Волго-Камье заканчивается одновременно [11, с. 315]. Проблема заключается лишь в том, чтобы хронологическую систему, принятую для культур эпохи поздней бронзы — раннего железа Волго-Камья, привести в соответствие с уточненными датировками культур этой эпохи в Северном Причерноморье.

В связи с изложенным для кельта из погр. 13 представляется более правомерной дата XII—X вв. до н. э. Не настаивая на нижней границе такой датировки, необходимо признать, что кельт не может быть моложе рубежа X—IX вв. до н. э.

Височное кольцо из погр. 20, изогнутое в 1,5 оборота из сегментовидной в сечении бронзовой полоски (рис. 1, *3*) [2] [3, с. 180], сближается с некоторыми образцами III типа височных колец восточного варианта кобанской культуры

[2] Рисунок (реконструкция) височного кольца приводится впервые. Ранее ошибочно указывалось, что оно согнуто в 2,5 оборота [2, с. 30; 3, с. 180].

[13, с. 36, 37, табл. XXIII, *27*, *29*]. Последние доживают до раннескифского времени (погр. 10 Александровского I могильника), но наиболее полно представлены в памятниках, датированных X—VIII вв. до н. э. [13, с. 36, 37, табл. XXIII, *27*, *29*; 14, с. 164, рис. 5, *1—4*]. Находки из Майртупского могильника № 2, датированного концом II — рубежом II—I тысячелетий до н. э. [15, с. 5, табл. 17, *1—3*, 18, *1—4*, 19, *3*, *4*], фиксируют нижний рубеж бытования этого типа височных колец. Морфологически схож с хапровским кольцом золотой «перстень» из белозерского могильника у с. Кочковатое [16, с. 98, рис. 35, *15*]. Могильник датируется второй половиной XI—X в. до н. э. [16, с. 119, рис. 44].

Хронологический и территориальный диапазон бытования булавок со свернутой в кольцо головкой, однотипных найденной в погр. 19 (рис. 1, *2*) [3, с. 180, рис. 2, *8*], достаточно широк. Они встречаются в памятниках эпохи поздней бронзы степных и лесостепных культур Крыма и Кавказа (подборку их см. [17, с. 72, 73, рис. 2, *11*, *13*, *15*, *19*]).

Эти булавки известны в материалах ряда лесостепных поселений IX—VII вв. до н. э. (Жаботин, Цахнауцы, Пожарная балка, Субботовское и Калантаевское городища) и в синхронных им комплексах кобанской культуры. Они продолжают бытовать в среде лесостепных племен и в раннескифское время.

Итак, в северопричерноморской степи булавки со свернутой в кольцо головкой найдены в памятниках поздней бронзы. Однако в качестве погребального инвентаря здесь они использовались лишь носителями белозерской культуры [3].

Кольцевидные и цилиндрические (бронзовые и стеклянные) бусы (рис. 1, *5—7*) [3, с. 18, рис. 2, 4, *а*, *б*] широко распространены в белозерских памятниках, хотя, несомненно, время и место их использования этим не ограничиваются.

Рифленые бусы (рис. 1, *4*) [3, с. 180, рис. 2, 4, *Г*] хорошо представлены в памятниках раннего железного века. Однако, судя по находке в Кочковатом, они появляются уже в XI—X вв. до н. э. [16, с. 99, рис. 35, *23*].

Костяное изделие, близкое по форме к плоскому кольцу из погр. 20 (рис. 1, *9*) [3, с. 180, рис. 2, *5*], найдено в каменном ящике 1 (раскоп 2) Дагбашского могильника [18, с. 302, табл. IV, *1*], где он находился вместе с псалием типа Дереивки [18, с. 302, табл. IV, *2*].

Итак, височное кольцо, рифленая бусина датируются не ранее середины XI—X в. до н. э., а кельт не позднее X в. до н. э. Следовательно, захоронения 13, 19 и 20 кургана 1 у станции Хапры датируются серединой XI—X в. до н. э. Этому не противоречат и хронологические позиции других предметов.

Южная ориентировка хапровских погребенных находит аналогии среди белозерских захоронений. В степном Подонье-Прикубанье, согласно сводке Э. С. Шарафутдиновой, такая ориентация в XII—X вв. до н. э. не отмечена [19, с. 184—189, 191]. Однако раскопки В. В. Саяпина на левобережье Нижнего Маныча на могильнике Отрадный II дали небольшую группу позднебронзовых могил с костяками, ориентированными на юг. Одна из них содержала чашу белозерского облика и костяное прясло.

Необычным для погребений степного юга Восточной Европы является положение костяка в хапровских захоронениях — вытянутое на спине. А. М. Лесков указывал на появление такого обряда в белозерских погребениях [20, с. 88; 21, с. 8, 9, 39]. Новые исследования, кажется, подтверждают эту гипотезу [22, с. 70]. Следовательно, положение хапровских покойников не является уникальным для позднебронзовых памятников восточноевропейской степи.

Таким образом, погр. 13, 19 и 20 кургана 1 у ст. Хапры являются первыми известными погребениями кобяковской культуры, представленной до этого лишь поселениями.

---

[3] Благодарю В. В. Отрощенко, обратившего мое внимание на это обстоятельство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ларенок П. А.* Охранные раскопки курганов на станции Хапры//АО — 1979. М., 1980.
2. *Потапов В. В.* Погребения эпохи поздней бронзы у с. Хапры//Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в центральном Донбассе. Тез. докл. Перевальск, 1988.
3. *Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.* Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону//СА, 1991. № 3.
4. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура)//САИ. 1980. Вып. В 1-11.
5. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
6. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки//МИА. 1951. № 23.
7. *Аптекарев А. З., Козенкова В. И.* Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной//СА. 1986. № 3.
8. *Халиков А. Х.* Приказанская культура//САИ. 1980. Вып. В 1-24.
9. *Збруева А. В.* История племен Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. 1952. № 30.
10. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на среднем Урале и в Приуралье//МИА. 1960. № 90.
11. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
12. *Отрощенко В. В., Шевченко Н. П.* О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
13. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант//САИ. 1982. Вып. В 2-5.
14. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии//СА. 1979. № 1.
15. *Дударев С. Л.* Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.
16. *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1990.
17. *Шарафутдинова И. Н.* Бронзовые украшения сабатиновской культуры (к вопросу о контактах)//Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
18. *Пикуль М. И.* Дагбашский могильник//Уч. зап. ИИЯЛ Дагест. филиала АН СССР. 1961. Т. IX.
19. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье//СА. 1991. № 1.
20. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья//МИА. 1971. № 177.
21. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1975.
22. *Евдокимов Г. Л.* Некоторые итоги исследования Брилевского могильника белозерской культуры//Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповидей. Київ, 1989.

Археологический научно-исследовательский центр
при Ростовском областном совете
Всероссийского общества охраны памятников
истории и культуры, Ростов-на-Дону

И. Л. КЫЗЛАСОВ

ЭПИТАФИЯ ИЗ САРГАЛ-АКСЫ

(Тува)

В 1961 г. в Восточной Туве у каменного кургана обнаружена стела с енисейской надписью, получившая название Саргал-Аксы и индекс Е 60 [1]. Памятник неоднократно изучался на месте З. Б. Арагачи (1961, 1962, 1973 гг.), И. А. Батмановым (1962 г.), С. Г. Кляшторным (1973 г.) и Д. Д. Васильевым (1973 г.). В 1961 г. М. Х. Маннай-оол произвел раскопки объекта.

[1] Указание З. Б. Арагачи на то, что памятник был открыт Г. Н. Потаниным в 1879 г. [1, с. 247—249], принятое и Д. Д. Васильевым [2, с. 34], не во всем убедительно. Путешественник упоминает, без указания точного адреса, камень с одной строкой текста, а не с тремя, ясно различимыми на юго-западной грани нашей стелы. Возможно, на Каа-Хеме это был не единственный рунический памятник. Индекс Е 60 присвоен тексту создателями «Древнетюркского словаря» [3, с. XXV].

© И. Л. Кызласов, 1993 г.

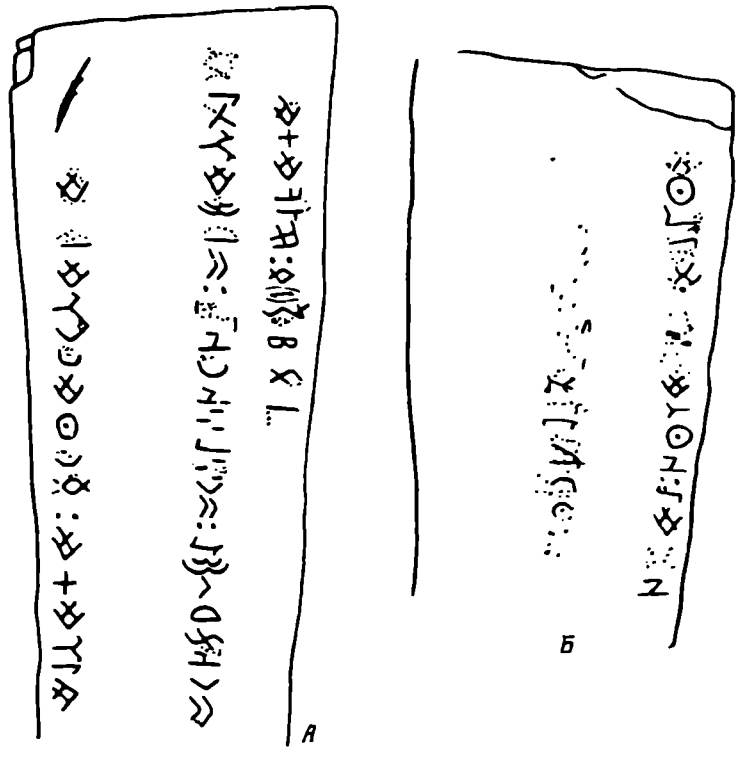


Рис. 1. Вид юго-западной (*А*) и северо-западной (*Б*) сторон стелы Саргал-Аксы (Е 60). По рисунку Й. Г. Грано 1906 г. [7, с. 32, 33]

Уже в 1962 г. были опубликованы прорисовка надписи (неточно передававшая взаиморасположение трех строк и форму отдельных знаков) и фотография юго-западной стороны камня с текстом, тонированным мелом (снимок мелкого размера и сделан с негатива, зеркально перевернутого при фотопечати), транслитерация, чтение и перевод надписи, выполненные З. Б. Арагачи и И. А. Батмановым [4, с. 19, 44, 45] (ср. [1, с. 250]). Наиболее полные данные о памятнике изданы в 1963 г. и сопровождены хорошей фотографией камня (текст тонирован), прежней прорисовкой и прочтением [1, с. 247—250]. В том же году это же прочтение и еще один, в деталях отличный вариант прориси были воспроизведены вместе с общим видом стелы и кургана [5, с. 3, 46—48]. Подобная фотография была в 1963 г. опубликована и М. Х. Маннай-оолом [6]. Новую, во многом иную прорисовку текста и его фотоснимок (буквы тонированы) издал в 1983 г. Д. Д. Васильев, приведший краткое описание памятника и неполную библиографию его изучения и предложивший свою транслитерацию надписи [2, с. 34, 71, 112].

В 1991 г. вышел 83-й том «Журнала Финно-угорского общества», в котором П. Аалто опубликовал обширные материалы Й. Г. Грано о 16 енисейских эпитафиях и ряде наскальных строк Хая-Бажи и Хойто-Тамира: дневниковые записи, фотографии, прорисовки [7, с. 7—78]. Выяснилось, что история изучения памятника Е 60 оказалась более длительной. Он был обнаружен финским географом 19(6) августа 1906 г. и повторно обследован им 17(4) июля 1907 г. Й. Г. Грано были описаны, скопированы и сфотографированы (в общем виде и в деталях) три строки юго-западной стороны камня, а также отмечены и срисованы две строки северо-западной его грани, очень неясные (и не замеченные никем из современных исследователей) [7, с. 9, 11, 15, 18, 21, 29—34][2] (рис. 1).

С архивными материалами Й. Г. Грано работали В. Томсен и продолжавший его труд К. Вульф. В 1925 г. хорошие фотографии памятника Саргал-Аксы были

[2] Й. Г. Грано также допускал возможность открытия этого памятника Г. Н. Потаниным, хотя и указывал на неопределенность описаний последнего [7, с. 18].

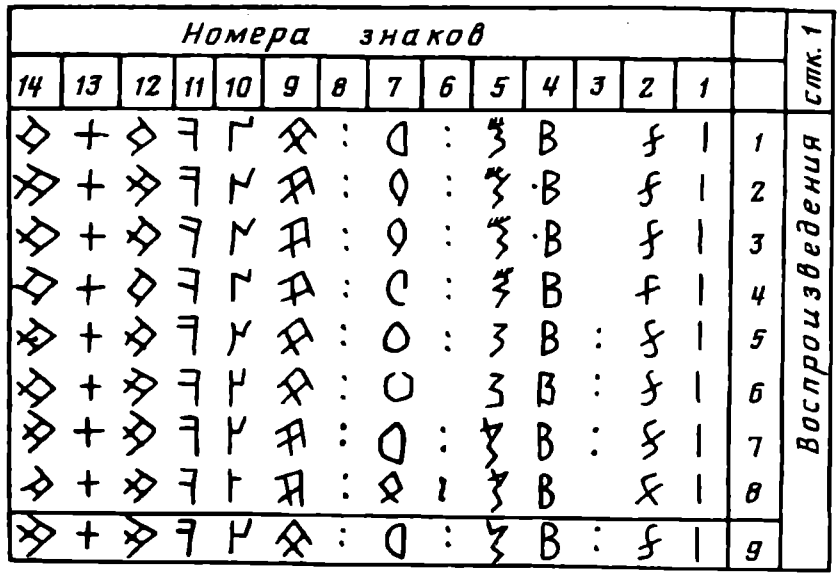


Рис. 2. Сравнение воспроизведений и реконструкция текста первой строки юго-западной стороны стелы Саргал-Аксы (Е 60). *1* — И. А. Батманов и З. Б. Арагачи, 1962 г., по прориси; *2* — З. Б. Арагачи, 1963 г., по фото; *3* — З. Б. Арагачи, 1963 г., по прориси; *4* — И. А. Батманов и З. Б. Арагачи, 1963 г., по прориси; *5* — Д. Д. Васильев, 1983 г., по фото; *6* — Д. Д. Васильев, 1983 г., по прориси; *7* — Й. Г. Грано, 1907/1992 г., по фото; *8* — Й. Г. Грано, 1906/1992 г., по прориси; *9* — реконструкция текста, И. Л. Кызласов

предоставлены им из Ленинграда С. Ф. Ольденбургом (кем и когда были выполнены эти снимки, предстоит выяснить) [7, с. 15]. Изучал эти памятники и К. Доннер. 21.03.1925 г. он сделал о них доклад, предложив и прочтение части надписи Саргал-Аксы [7, с. 15, 28]. Завершая весьма ценную публикацию, П. Аалто предложил транслитерацию текста, основанную на фотографиях и прорисях Й. Г. Грано [7, с. 34].

Сопоставление всех опубликованных материалов (рис. 2—4) позволяет предложить новое прочтение древнего текста.

Транслитерация

Юго-западная сторона (рис. 1, *А*)

1. $s^2z : \underset{\smile}{k\ddot{u}}\ (\underset{\smile}{\ddot{u}k})\ n^2 : j^1 : b^2\ddot{o}\ (\ddot{u})\ kmd^2m$

2. $t^1o\ (u)\ qz : j^1\check{s}d^1a : t^1u\ (o)\ \gamma l^1\gamma qn^1qa : t^1pd^1mr^2d^2im$

3. $b^2il^2md^2m : b^1u\ (o)\ \eta\ (\underset{\smile}{nt})\ m : b^1u\ (o)\ r^2ms^2$

Северо-западная сторона (рис. 1, *Б*)

4. $q \ldots ma\ (\ddot{a}) : q\eta\ (\underset{\smile}{nt})\ \check{c}\ (?)\ m \ldots \ldots ma\ (\ddot{a})\ n^2\ (?)\ \eta\ (\underset{\smile}{nt})\ m\ (?)$

5. ... ...

Транскрипция

Юго-западная сторона

1. $s\ ^iz : k\ddot{u}n : {}^aj : b\ddot{o}km^{\bar{a}}d^im$

2. $toq^uz : j^a\check{s}da : tu\gamma\ l^{\ddot{\imath}\,(u)}\gamma \quad q^anqa : t^apd^{\ddot{\imath}}m \quad {}^erdim$

3. $bilm^{\bar{a}}d\ ^im : bu\eta^{\ddot{\imath}(u)}m : bu \quad {}^erm\ ^is$

Северо-западная сторона

4. $q^a\ [n]^{\ddot{\imath}}ma : q^a\eta \quad {}^e\check{c}^{\check{\imath}}m\ [\ddot{a}]\ [:] \quad {}^e[\check{s}]^i\ m\ddot{a} \ldots \ldots$

Перевод

Юго-западная сторона

1. Вы, солнце и луна! Я не насладился [вами ~ этим миром]!
2. В девять лет я [уже] служил имеющему знамя хану и следовал [за ним].
3. Я не знал печали. Она [же] шла по пятам!

Северо-западная сторона

4. От моего хана, от [моего] отца и моих старших братьев, от моих товарищей ... [я удалился] (?)

Разбор

1. В первой строке требует комментария прочтение kün aj. Верному определению способствует контекст. Седьмая руна (рис. 2) не может восприниматься как b^2 и, следовательно, обозначать слово eb (дом), как предполагали З. Б. Арагачи и И. А. Батманов. В крайнем случае это петельчатое по виду начертание можно было бы соотнести с буквой b^1. Однако этому мешает иной облик такой буквы, употребленной в третьей строке (руна 8) и имеющей незамкнутую форму. Не является обсуждаемый знак и кругом, сопоставленным Д. Д. Васильевым и П. Аалто с руной ŋ(nt) . Он имеет угловатый контур, в его середине нет необходимой при таком объяснении точки. Допустить же иное написание буквы не позволяет верный вариант знака ŋ(nt), примененный в третьей строке (рис. 2, № 10; ср. строку 4, № 6, 16).

Сказанное убеждает, что наиболее правдоподобно видеть здесь знак j^1. Во-первых, в этом тексте такая буква имеет вид полумесяца, выгнутого налево (см. шестой знак второй строки), что соответствует очертанию разбираемого знака. Во-вторых, именно этот облик буквы встречаем на двух прорисовках, опубликованных З. Б. Арагачи [4, с. 44; 5, с. 47] (ср. две иных ее прориси [1, с. 248, 249], рис. 2). Наконец, луна (aj) в паре с солнцем (kün), как известно, присутствуют в текстах енисейских эпитафий в перечне того, чем не насладился (bökmädim) в этом мире и от чего удалился (adïrïldïm) умерший (ср. тексты E 10, *3*; E 11, *1*; E 44, *4*; 45, *5*).

Определение знака седьмого позволяет понять и знаки четвертый и пятый. Двумя буквами здесь записано слово kün (солнце). Во всех прорисовках предшественников, кроме Й. Г. Грано, пятый знак выглядит вертикальным зигзагом, передающим сочетание звуков nč. Между тем фотографии Й. Г. Грано и контекст строки позволяют видеть здесь букву n^2, правая нижняя часть которой выбита с бóльшим отгибом от вертикали, чем верхняя. Эта буква была размещена на камне не прямо, а с наклоном направо (ср. подобное положение буквы b^2 в последнем слове — девятый знак строки). Реконструируемое таким образом слово kün, насколько известно, впервые написано только двумя буквами. Во всех енисейских надписях (E 7, *3*; E 10, *3*; E 11, *1*; E 44, *4*; E 45, *5*; E 47, *4*) [8, с. 108] оно передано тремя буквами: k, ü (ö), n^2. Подобным образом оно начертано и на орхонских эпитафиях (Онгинская, стк. *2*; Кюль-Тегина, малая надпись, *2*; Моюн-Чура, *13*).

Отсутствие у первых трех слов строки падежных показателей, необходимых при употреблении глагола bök-, позволяет предположить здесь запись двух предложений, в первом из которых отсутствует сказуемое, а во втором подлежащее лишь подразумевается.

2. В чтении второй строки текста (рис. 3) следуем материалам Й. Г. Грано и прориси З. Б. Арагачи, расходящимся с копией Д. Д. Васильева в восприятии 16, 17 и 22 знаков. Чтение qanqa tapdïm не только полностью соответствует контексту и имеет морфологически правильный вид, но и встречает аналогии в других енисейских эпитафиях (E 13, *2*; E 47, *9*). Допущение З. Б. Арагачи и И. А. Батманова того, что знаками 11—17 могло быть записано имя собственное [3],

[3] В трактовке данных знаков этими исследователями наблюдается определенная эволюция — от прочтения имени собственного [4, с. 45] до обозначения социального статуса [1, с. 250]. Своеобразно отразились колебания в прочтении в их работе 1963 г. [5, с. 48]: ср. транслитерацию и чтение.

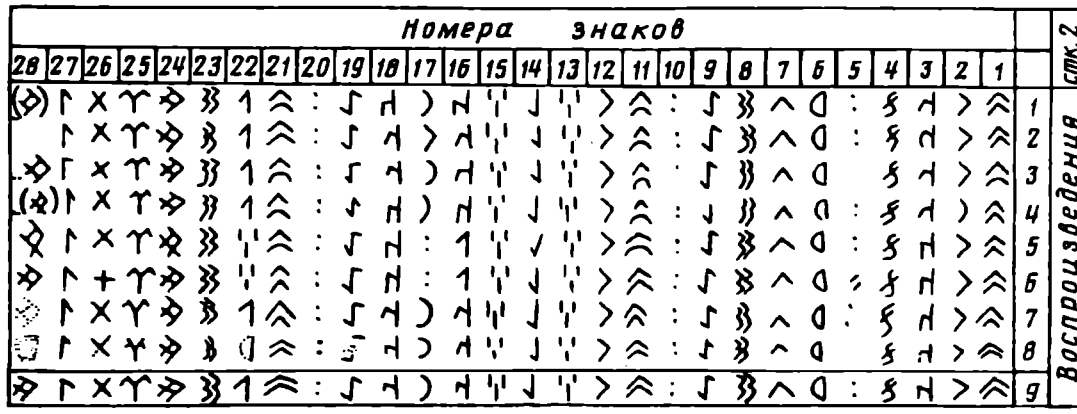


Рис. 3. Сравнение воспроизведений и реконструкция второй строки текста. Номера воспроизведений — см. подпись к рис. 2

представляется маловероятным. На этой стеле отсутствует даже личное имя человека, которому посвящена сама эпитафия (характерного сочетания знаков, вводящих в текст личное имя, судя по прорисовке Й. Г. Грано, нет и на плохо сохранившейся северо-западной части стелы).

Кроме того, понятие tuγlïγ определяет социальный уровень того сюзерена, чьим вассалом с детства являлся умерший. Тем самым в надписи указывается и на благородное происхождение самого умершего, в честь которого установлена стела. «Имеющие знамена ханы» упоминаются в енисейских эпитафиях (Е 10, *5*, *6*; Е 16, *1*), где знамя обозначается словом uruηu. Производный от слова tuγ термин tuγčï отмечен в древнехакасской, судя по тамге и палеографии, наскальной надписи из Ховд-сомона в Монголии [9, с. 164, 165] Tuγ, принадлежащий, по-видимому, самому уйгурскому кагану, упомянут в эпитафии Моюн-Чура (строка 17). Вывод о высочайшем общественном статусе владельца такого знамени можно сделать на основании текста строк 8 и 46—47 того же памятника, называющего все тюркское войско трехзнаменным (üč tuγlïγ türk bodun) [10, с. 31, 35, 39].

Иначе, чем предшественники, понимаем мы последнее слово строки, воспринимая его не в качестве служебного глагола er- (быть), а в значении самостоятельного глагола er- (следовать) [3, с. 175]. Вся вторая строка составляет одно предложение, завершающееся однородными сказуемыми.

3. В предлагаемом прочтении внесено изменение в понимание знаков 13—17 (рис. 4). Первые два из них не являются записью o(u) и n', как полагали З. Б. Арагачи и И. А. Батманов, читая их как числительное on (десять). Специфика начертания этих знаков, полнее всего отразившаяся на фотографиях Й. Г. Грано и снимке тонированной надписи, изданном Д. Д. Васильевым (и не зафиксированная его прорисовкой), позволяет видеть здесь местоимение bu (ср. начертание b' и u(o) в этой же и второй строке текста, особенно отмеченные на фотографиях Й. Г. Грано и материалах З. Б. Арагачи и И. А. Батманова [4, с. 44; 5, с. 47]). Подобное нашему восприятие этих знаков отмечено и транслитерацией П. Аалто [7, с. 34]. Здесь местоимение употребляется для указания на предмет, названный в предыдущем предложении (buŋïm). Подобное применение находим, например, в эпитафии Тоньюкука (строка 12): tabγač oγuz qïtaj bu üčägü qabïšïr ... — «табгачи, огузы, кидани — эти, втроем объединившись, ...».

Последним словом третьей строки, текст которой сохранился полностью, вновь является глагол er- (следовать), стоящий в форме ermis.

4. Прочтение части одной строки северо-западной поверхности камня (рис. 1, *Б*) является лишь предположением, порожденным прорисью Й. Г. Грано и базирующимся на различимом здесь повторе личных аффиксов 1-го лица единственного числа и дательного падежа (-ma, -mä: знаки 3, 4, 9, 10 (?), 12, 13 — ср.,

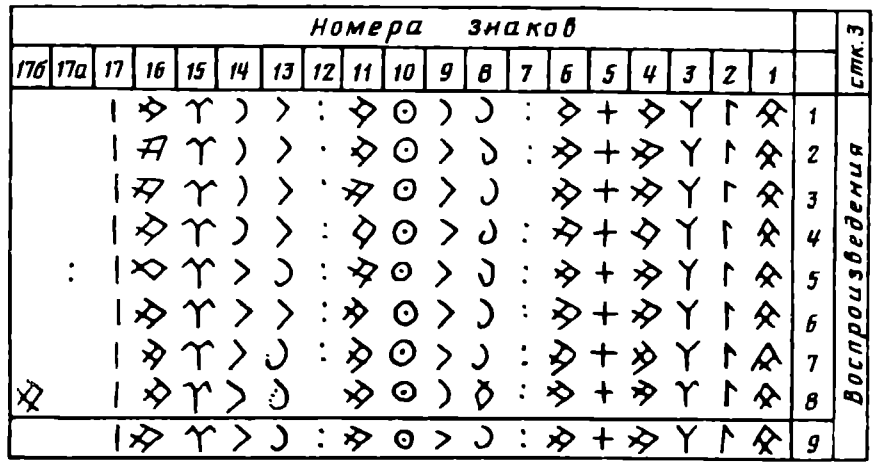


Рис. 4. Сравнение воспроизведений и реконструкция третьей строки текста. Номера воспроизведений — см. подпись к рис. 2

впрочем, форму дательного падежа -qa в строке 2, № 18, 19; такое сочетание различных падежных форм встречается и в некоторых других енисейских эпитафиях, например, в Е 1, *1*, *2* [8, с. 13]. Предлагаемое понимание текста этой строки влечет за собою предположение, что начало эпитафии размещалось именно на северо-западной стороне камня. Вместе с тем содержание трех строк юго-западной грани указывает на их композиционную самостоятельность и завершенность.

В то время как на северо-западной поверхности текст имел, судя по всему, относительно обычное для памятников такого рода построение, в небольшой надписи на юго-западной грани камня основная мысль эпитафий — об особенностях человеческой жизни и горести смерти — выражена при помощи оригинального, сжатого и философски наполненного построения текста: «Я открыто и неуклонно следовал за моим господином — горестный рок коварно и тайно следовал за мною». Очень небольшая трехстрочная надпись юго-западной стороны камня из Саргал-Аксы, содержащая лишь 58 письменных знаков, являет собою великолепный образец эпитафийного жанра. Нет сомнения, что ее составитель прекрасно владел столь своеобразным видом литературы.

Сказанное позволяет считать неслучайным и ряд других отличительных особенностей этого текста. Прежде всего привлекает внимание отсутствие в нем столь обычного для енисейских эпитафий имени умершего. Весьма существенна и такая эпиграфическая черта, как лишенность надписи изображения личной тамги, которая, согласно древнехакасскому канону, должна была быть высечена ниже вертикальных, направленных снизу вверх строк этого памятника. Палеографической приметой памятника, текст которого вне всякого сомнения выполнен енисейским руническим алфавитом, является употребление особого знака для d^2 в виде прямого креста (знак 13 в первой строке и 5 в третьей). Д. Д. Васильев ошибочно отмечает эту форму и во второй строке (знак 26) — согласно материалам Й. Г. Грано, прорисовкам З. Б. Арагачи и фото самого Д. Д. Васильева, здесь применен обычный косой крест. Впрочем, безусловному признанию параллельного употребления в памятнике двух разновидностей знаков для d^2, пожалуй, мешает уже отмечавшаяся манера небольшого наклона вправо некоторых других букв надписи. В данном случае такая особенность письма и могла привести к сходству косого креста с прямым. Е 60 — единственный из рунических памятников бассейна Енисея, содержащий букву d^2 такого вида. Однако она известна в двух наскальных надписях Горного Алтая (Жалгыз-Тюбе I и Калбак-Таш XII) [11, с. 70, 80; 12, с. 72, рис. 2, № 38].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арагачи З. Б.* Новые эпиграфические находки в Туве//Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. 1963. Вып. X.
2. *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
3. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
4. *Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф.* Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.
5. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. 1. Кызыл, 1963.
6. *Маннай-оол М. Х.* Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г.//Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. 1963. Вып. X.
7. *Aalto P.* Old Turkic epigraphic materials, gathered by J. G. Gränö//J. Soc. Finno-Ougrienne. V. 83. Helsinki, 1991.
8. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
9. *Наделяев В. М.* Древнетюркская надпись из Ховд-сомона МНР//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
10. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1953.
11. *Наделяев В. М.* Древнетюркские надписи Горного Алтая//Изв. СО АН СССР. 1981. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3.
12. *Кызласов И. Л.* Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов//СА. 1991. № 4.

Институт археологии РАН,
Москва

История науки

А. А. ФОРМОЗОВ

А. С. УВАРОВ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Известный русский археолог А. С. Уваров умер более 100 лет назад. Помимо десятка некрологов вскоре в Москве и Казани появились два сборника статей, содержащие панегирические оценки его деятельности. Через четверть века были изданы трехтомное собрание мелких трудов Уварова, I том оставшейся в рукописи книги «Христианская символика» и третий сборник статей его памяти. Оценки за этот срок нисколько не изменились (литературу об Уварове см. в [1, с. 396, 397]).

Но еще в 1905 г. в Петербурге увидела свет статья А. А. Спицына «Владимирские курганы», где о наиболее известных раскопках Уварова говорилось с осуждением как о методически несовершенных, в сущности бесплодных для науки и приведших автора к ошибочным выводам [2, с. 84—90].

В первые послереволюционные годы ученые старой школы — С. А. Жебелев [3, с. 122—124] и Ю. В. Готье [4, с. 8, 9] — продолжали писать об Уварове как об основоположнике археологии в России. Затем ситуация изменилась. В 1930 г. В. И. Равдоникас обрисовывал деятельность Уварова только черными красками [5, с. 35—38]. С ним был согласен и А. В. Арциховский. От университетских курсов 1930-х годов [6, с. 194] и до конца дней [7, с. 530—533] он повторял, что Уваров загубил для науки 7000 курганов, был достойным наследником своего отца — мракобеса С. С. Уварова и оставил кучу дилетантских сочинений, сейчас никому не нужных. До геркулесовых столпов дошел историк музейного дела А. М. Разгон. Рассказывая о состоянии памятников прошлого в России, он не нашел лучшего примера варварского отношения к памятникам, чем все те же раскопки владимирских курганов [8, с. 90], а в другой статье утверждал, что Российский Исторический музей создал вовсе не Уваров, а Н. И. Чепелевский (можайский дворянин, привлеченный к делу в качестве помощника Уваровым) [9, с. 235—237]. Даже могила ученого на кладбище Новодевичьего монастыря — филиала основанного Уваровым Исторического музея — была в 1930-х годах сравнена с землей.

Отрезвление наступило в годы «оттепели» [10, с. 75—79]. В книге 1961 г. «Очерки по истории русской археологии» [11, с. 85—88] я подчеркнул заслуги Уварова в сложении нашей науки. Это не осталось незамеченным за рубежом. В парижском журнале «Возрождение» вышла рецензия на мою книгу, где главное ее достоинство усматривалось в том, что наконец-то и в советской России сказано доброе слово об Уварове [12, с. 129—132]. Могила его на Новодевичьем кладбище была восстановлена. Муромский краеведческий музей, вобравший в себя часть коллекций из уваровского имения Карачарово, провел в 1990 г. «Уваровские чтения». Решено сделать их постоянными. В тезисах прочитанного тогда доклада В. А. Лапшина сказано, что раскопки владимирских курганов отвечали не только

© А. А. Формозов, 1993 г.

уровню середины XIX в., но даже начала XX в. и должны оцениваться как образцовые [13, с. 9—11].

В этой связи уместно вернуться к вопросу о роли Уварова в истории русской археологии. Литература о нем вроде бы и велика, но авторы конца XIX — начала XX в. не все могли договорить до конца, а дальнейшее развитие науки позволяет по-новому расставить некоторые акценты.

Алексей Сергеевич Уваров родился 28 февраля 1825 г. Он был единственным сыном памятного в истории русской культуры Сергея Семеновича Уварова (1786—1855). Память эта мрачная, что сказалось и на оценке деятельности его сына. Поэтому надо сказать и об Уварове-старшем. Генеалогическая традиция возводит род Уваровых к жившему в XV в. мурзе Минчаку [14, табл. 1], однако в этой родословной целый ряд темных мест. Дед археолога, Семен Федорович, любимец Г. А. Потемкина, был флигель-адъютантом Екатерины и командовал Лейб-гренадерским полком. Потемкин прозвал его Сеня-бандурист [15, с. 169; 16, с. 23].

Покровители умершего в 1788 г. Семена Федоровича позаботились о его сыне. В 15 лет он начал службу в Министерстве иностранных дел и был послан для совершенствования в науках в Геттингенский университет. Состоял при посольствах в Вене и Париже. В период Отечественной войны 1812 г. занимался тем, что сейчас называют контрпропагандой. Карьеру свою он сделал, однако, не на дипломатическом поприще. В 1811 г. он женился на дочери графа Алексея Кирилловича Разумовского Екатерине (старше его на несколько лет), стал богатейшим человеком и быстро двинулся по служебной лестнице. От Разумовского к Уварову отошли 11 тысяч крепостных и имения, в том числе подмосковное Поречье и Карачарово под Муромом. А. К. Разумовский — племянник фаворита Елизаветы Петровны и внук простого казака Григория Розума — был в эти годы министром народного просвещения. Сергей Уваров сразу же получил пост попечителя Петербургского учебного округа, затем, в 1818 г., был назначен президентом Академии наук, в 1832 г.— помощником министра народного просвещения и в 1834 г.— министром и председателем Главного управления цензуры. В 1846 г. удостоен графского титула. В 1833 г. С. С. Уваров провозгласил пресловутую формулу: «православие, самодержавие и народность» и стал проводником реакционного курса Николая I в области культуры.

Хорошо известно о враждебных отношениях Пушкина и Уварова. Предполагают даже, что тот сыграл свою роль в травле поэта, приведшей к его гибели (сводку см. [17, с. 428—430]). В феврале 1834 г. Пушкин записал в свой дневник: «Уваров большой подлец... негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина на посылках. Он крал казенные дрова и до сих пор у него есть счеты... Казенных слесарей употребляет в собственную работу» [18, с. 337].

Одним словом, Сергей Уваров был личностью аморальной. Сын его эти качества не унаследовал. Все, что мы про него знаем, говорит о нем как о порядочном человеке. Но идеи, проповедовавшиеся отцом, он разделял и всю жизнь держался консервативных позиций. После смерти отца учредил в 1856 г. Уваровские премии в Академии наук в 3000 рублей.

В то же время реакционер С. С. Уваров был очень начитанным, одаренным человеком. Его ценили как собеседника И. Гете, А. Гумбольдт, Н. М. Карамзин. В 1815—1817 гг. он был членом литературного объединения «Арзамас», куда входили В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, декабристы М. Ф. Орлов и Н. И. Тургенев, юный «Сверчок» — Пушкин. Перу С. С. Уварова принадлежит серия работ о классической древности — об элевсинских мистериях (1811), древнегреческих трагиках, догомеровской эпохе. Именно он убедил Н. И. Гнедича переводить «Илиаду» гекзаметром. Не все было отрицательным и в его деятельности на посту министра просвещения и президента Академии наук. При нем были созданы Пулковская обсерватория и Археографическая комиссия. Он организовал поездку за рубеж для подготовки в немецких университетах группы молодых русских ученых, ставших по возвращении

профессорами Московского университета (Т. Н. Грановский, В. С. Печерин, Д. Л. Крюков и др.).

Благодаря тому что С. С. Уваров общался с цветом русской интеллигенции, его сын с детских лет знал ведущих наших ученых. Некоторые взаимоотношения с людьми, и добрые, и враждебные, были унаследованы им от отца. Посещая Москву, министр приглашал в свою подмосковную усадьбу Поречье профессоров Московского университета. Здесь они читали лекции, обсуждали разные проблемы. Среди посетителей были Т. Н. Грановский, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, петербуржцы В. А. Жуковский, П. А. Плетнев. Погодину и Шевыреву С. С. Уваров покровительствовал. Западники же тяготели к попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову. С ним С. С. Уваров враждовал и в конце концов заставил его уйти в отставку. В Поречье были богатейшая библиотека, собрания антиков и картин. Все вместе взятое сыграло свою роль в формировании личности Алексея Уварова. Он получил прекрасное образование, знание древних и новых языков, вкус к занятию древностями.

Первоначальную подготовку юноше дали домашние учителя. В 1841—1845 гг. он в Петербургском университете на отделении словесности философского факультета. Руководителем его был эллинист Ф. Б. Греффе, академик и профессор. В архиве Уварова сохранились конспекты лекций Н. Г. Устрялова по русской истории, Э. Е. Шлиттера по римским древностям [19, с. 14]. По окончании университета Алексей начал службу в Министерстве иностранных дел (как в свое время его отец), в канцелярии министра К. В. Нессельроде. В 1848 г. ездил с дипломатическим поручением в Неаполь, а в 1846 и 1847 гг.— в немецкие княжества. Тогда он смог послушать лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Это было недолго (2—4 месяца), но показательно, что выбраны были германские университеты, а не Сорбонна, где чуть позже С. М. Соловьев бывал на лекциях Ж. Мишле и Ф. Гизо. Для С. С. Уварова революционная Франция совершенно не приемлема. И его сын, посещавший позднее Париж и использовавший труды французских археологов, оставался ближе к немецкой, чем к французской науке. Наряду с дипломатической службой шла и придворная: Алексей был камер-юнкером. Отец выделил ему имение Карачарово. Там был устроен чугунолитейный завод.

В те же годы Алексей начал коллекционировать древние монеты и вошел в кружок петербургских антикваріев, собиравшихся каждую субботу на квартире Я. Я. Рейхеля. В него входили Б. В. Кене, Ф. А. Жиль, С. А. Гедеонов, П. Ю. Сабатье, И. А. Бартоломей, Х. Д. Френ, А. А. Куник, П. С. Савельев, Э. Г. Муральт, А. Ф. Прейс и др. В 1846 г. у Кене возникла мысль создать на основе кружка Археолого-нумизматическое общество по примеру учрежденного за год до того Географического. В число членов-учредителей вошел и А. С. Уваров.

Нет оснований говорить, как иногда делается, что общество, подобно позднейшему московскому, организовано именно им. Есть веские основания считать, что Уваров был привлечен лишь как сын министра, полезный для помощи в устройстве дел общества. И правда, он помог быстро получить высочайшее одобрение на открытие общества и денежную субсидию, сам не раз жертвовал значительные суммы. В целом же общество воспринималось многими как созданное «немцами под фирмою Рейхеля» [20, с. 535]. Действительно, процент иностранцев среди учредителей высок, хотя, пожалуй, меньше, чем среди учредителей появившегося раньше, в 1839 г., Одесского общества истории древностей (там 20 человек из 36) [21, с. 517, 518]. Объясняется это скорее всего тем, что интерес к древностям питали ренессансные традиции, сильные в Западной Европе и не характерные в таких формах для русских.

Уваров оказался очень активным членом общества. Он подарил ему несколько коллекций монет и предложил начать составление археологического словаря, представив образчик статей на букву «А». Он же выделил из своих средств деньги на премии в 300 рублей серебром за научные сочинения, написанные на заданные темы. Такие известные труды, как «О металлическом производстве в

России до конца XVII столетия» и «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России» И. Е. Забелина; «История русских школ иконописания до конца XVII столетия» Д. А. Ровинского написаны на темы, предложенные Уваровым. Работу Ровинского он позднее издал за свой счет [22, с. 278, 163; 23, с. 183—190].

Так еще в 1840-х годах проявились сильные стороны Уварова — его стремление вести исследования не стихийно, а по заранее выработанным программам, щедрость мецената и организаторский талант.

Средствами на раскопки общество не располагало. Богатый Уваров решил провести исследования за свой счет. В 1847 г. при обсуждении проблем, связанных с историей Северного Причерноморья, была составлена программа, которую Уваров взялся осуществить. Предполагалось осмотреть памятники побережья Черного моря от устья Дуная до Диоскуриады (Сухум). В ряде очерков об Уварове говорится, что эту программу он осуществил полностью. Из его публикаций видно, что это не совсем так.

Поездка была проведена в 1848 г. Уварова сопровождал выпускник Академии художеств М. Б. Вебель, выполнивший рисунки древностей, приложенные к отчету о поездке. Н. И. Веселовский утверждал, что с Уваровым ездил и П. Ю. Сабатье, написавший потом книгу о Керчи [22, с. 29, 208]. В этой книге 1851 г. сказано о поездке в Керчь «прошлым летом», т. е. в 1850 г. и о посещении тогда же Тамани [24, с. 3]. Видимо, Уваров и Сабатье путешествовали врозь, но поделили обследуемый регион: Уваров взял на себя Ольвию и районы к западу от нее, Сабатье — Керчь и азиатский Боспор.

Исследовательская часть поездки началась с Екатеринослава и Днепровских порогов, где Уваров осмотрел многочисленные курганные поля и собрал сведения о находках сверленых топоров из серпентина и византийских монет. Он побывал на Каменском городище и для того, чтобы определить, какой древнегреческий город здесь располагался (по его мнению, упомянутый Птолемеем Серимон), прибег к помощи известного астронома Д. М. Перевощикова, рассчитавшего положение места в сравнении с данными Птолемея. Основной исследователь городища — Б. Н. Граков отмечал, что Уваров датировал памятник верно — IV—III вв. до н. э., но с Серимоном отождествлял его ошибочно [25, с. 36]. Окрестные курганы Уваров считал скифскими, полагая, что именно здесь находились Герры.

Отсюда путешественники направились к устью Буга, где надолго задержались в Ольвии. Изданная в 1851 г. книга «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря графа Алексея Уварова» (СПб., 138 стр. + альбом), написанная в 1849—1850 гг. в Карачарове, в значительной мере (более 100 с.) посвящена именно Ольвии. Автор использовал труды греческих и латинских авторов: Павсания, Геродота, Диона Хризостома, Плиния, Арриана, Помпония Мелы — и книги и статьи тех, кто до него обследовал Ольвию: П. С. Палласа, И. П. Бларамберга, Е. Е. Кёлера, П. И. Кеппена. Сам археологических раскопок он не вел, даже испытывал перед ними явную робость. Так, на Золотом мысу, на пути из Херсона в Ольвию, он наткнулся на следы грабительских раскопок. Были видны обнаженные от земли каменные кладки. Крестьяне рассказывали о найденных здесь больших сосудах (амфорах?). Но Уваров доследовать это место не решился. Все же планы у него были большие. Он прикинул, что на раскопки кургана средней величины потребуется полтора дня, значит, за лето можно вскрыть 140 курганов. Здесь уже чувствуется та гигантомания, что пагубно сказалась на позднейших владимирских раскопках. Пока же Уваров получал и покупал у крестьян случайные находки: монеты, сосуды и смог изучить и издать вещи из любительских раскопок одного из ольвийских курганов, проведенных в 1842 г. Г. Г. Кушелевым-Безбородко (золотые маска, гривна, лавровый венок).

Книга написана в основном на эпиграфическом и нумизматическом материале. Благодаря этому были намечены основные этапы истории Ольвии, но надо учесть, что еще в 1843 г. подобная работа была проделана немецким эпиграфистом

Августом Беком. Помимо политической истории Уварова в первую очередь интересовало восстановление древнего быта. Та же задача ставилась и в позднейших его книгах о мерянах и каменном периоде. Бытовое направление в исторической науке возникло в первой половине XIX в. как следствие антикварного периода в развитии науки о древностях. Раскопки велись сначала для того, чтобы найти мечи и шлемы гомеровских героев, викингов или древних славян и таким путем иллюстрировать данные письменных источников.

После Ольвии Уваров посетил остров Березань, заехал в Одессу, где познакомился с членами Общества истории и древностей и собранными ими коллекциями, а затем направился к устью Дуная. В Молдавии он интересовался в основном нумизматикой и древними рукописями. Эта часть путешествия описана во втором выпуске «Исследований» (46 с.), увидевшем свет в 1856 г. В 1856—1860 гг. появился перевод обоих выпусков на французский язык, выпущенный за счет автора.

Как должны мы оценить первый труд Уварова сегодня? Ю. Г. Виноградов писал в 1989 г.: «Образцовые для своей эпохи в археологическом и нумизматическом отношениях сочинения А. С. Уварова и Б. В. Кене в своих основных исторических разделах выглядят очень слабыми и не соответствуют даже уровню современной им науки» [26, с. 8]. Высоко оценил работу Уварова основной исследователь Ольвии Б. В. Фармаковский («мастерский набросок»). Он считал, что, хотя собственные изыскания Уварова в Ольвии дали мало, им намечена зато программа раскопок, позволившая в дальнейшем планомерно и обдуманно изучить динамику развития города в отдельных его частях [27, с. 3—5]. Пожалуй, о первой книге Уварова вернее всего сказать так: автор показал себя знающим антиковедом, достойным сыном своего отца, разбирающимся в нумизаматике и эпиграфике, человеком, стремящимся решать исторические вопросы по археологическим данным, но не рискующим еще начать раскопки и не давшим нечто принципиально новое для античной археологии.

Вскоре после первой поездки по Югу России Уварову пришлось принять важные решения. Его отец потерял пост министра народного просвещения. После европейских революций 1848 г., в начале «страшного семилетия», «моровой полосы» (А. И. Герцен), даже курс С. С. Уварова показался Николаю I чересчур либеральным. Вскоре старика разбил паралич, и, оставив Петербург, он перебрался в Москву и Поречье. 24-летний Алексей Уваров оказался вполне самостоятельным, но уже менее нужным для окружающих человеком. Он добился перевода из Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел на должность чиновника по особым поручениям в чине надворного советника. Министром был Лев Алексеевич Перовский (1792—1856) — незаконный сын А. Г. Разумовского (фамилия дана по подмосковному Перову). Так что начальником молодого Уварова стал его дядя. Но дело было не только в этом. После открытия в 1830 г. в кургане Куль-Оба золотых произведений античного прикладного искусства археологические раскопки в России стали развертываться все шире и шире. Следить за ними было поручено министру внутренних дел. Назревало создание центрального археологического органа страны. Была создана Комиссия для исследования древностей. 30 августа 1852 г. вышел указ о подчинении Перовскому всех археологических изысканий в России. Перевод по службе означал для Уварова отказ от дипломатической карьеры и выбор работы на археологическом поприще.

В 1854 г. он составил для Перовского «Всеподданейший отчет об археологических разысканиях в России в 1853 г.». Полный текст сохранился в архиве Уварова и был издан после его смерти [28, с. 58—125]. В 1855 г. напечатано «Извлечение» из этого отчета. Просматривая отчет, мы узнаем знакомое нам построение «Отчетов археологической комиссии» — обзор раскопок, случайных находок, древностей, приобретенных покупкою. Очевидно, в 1852—1854 гг. уже намечалось создание чего-то вроде Археологической комиссии во главе с Перовским, а реальной действующей силой ее должен был стать Уваров (как позднее

И. Е. Забелин при С. Г. Строганове). С 1853 г. Перовский возглавлял Кабинет его величества. Вслед за ним перешел в это ведомство и Уваров, числившийся там до 1857 г. На придворной службе он достиг чина камергера.

В 1850 г. Перовский предложил своему подчиненному провести раскопки каких-нибудь древнерусских памятников, например Новгорода Великого. Уваров ответил, что раскопки в Новгороде велись не раз (что знаем мы об этом?) и всегда безуспешно. Лучше заняться курганами Владимирской земли, знакомыми ему по экскурсиям близ Карачарова. Проект был принят, из казны выделили 2500 р., и раскопки начались.

В 1851 г. за 98 дней раскопали 757 курганов в 17 группах во Владимирском и Суздальском уездах, в 1852 г.— 2318 курганов в 77 группах в Суздальском и Юрьевском уездах. У Уварова были какие-то помощники. Имя одного из них — надворного советника А. И. Пискарева — встречается в документах и отчетах. Графическая документация велась владимирским землемером В. Алеевым (планы курганных групп) и художником Н. Медведевым (зарисовка находок).

В следующие два года экспедицию возглавлял П. С. Савельев, вскрывший 4654 кургана в Юрьевском, Переяславском и Ростовском уездах (т. е. частично не во Владимирской, а в Ярославской обл.). Таким образом, Савельев исследовал значительно больше курганов, чем Уваров, и упреки в несовершенстве методики должны быть адресованы и ему, а не одному Уварову, как это делали В. И. Равдоникас и А. В. Арциховский.

Можно ли сказать про эти раскопки вслед за Арциховским, что, «даже для своего времени они возмутительны» [6, с. 194], или вслед за В. А. Лапшиным надо признать их образцовыми? Истина находится посредине. Главный упрек со времен А. А. Спицына сводился к тому, что комплексы могил не были выделены, все находки свалены в кучу, нет ни дневников, ни описей. Это не совсем так. Дневники Уварова были обнаружены А. Н. Кирпичниковым не где-нибудь, а в фондах Государственного Исторического музея. С помощью их В. А. Лапшин, А. Е. Леонтьев, Е. А. Рябинин, К. И. Комаров и др. сумели выделить ряд бесспорных комплексов из раскопанных Уваровым и Савельевым курганов [29, с. 228, 229; 30, с. 67—79; 31]. Описи же вещей приложены к книге Уварова о мерянах. Выяснилось, что раскопки насыпей велись не колодцем или траншеей, как нередко делалось уже в XX в., а на снос. Правда, ровики у курганов не прослеживались, хотя это умел еще А. Д. Чертков в 1839—1845 гг. [32, с. 234—250]. В дневниках достаточно подробно описаны захоронения как с сожжением, так и с трупоположением. Чертежей — ни разрезов, ни планов — нет, но их тогда не делал никто. Таким образом, говорить о «возмутительной методике» нельзя. Раскопки были проведены на уровне своего времени. Неоправдан был размах работ, привлекающий В. А. Лапшина своей «масштабностью». Начиная исследование малоизвестных памятников, требовалась не масштабность, а нечто совершенно иное — медленное, тщательное изучение небольшого числа объектов.

Это то, что касается полевой работы. Хуже с музейными коллекциями. Почти все они депаспортизованы. В. А. Лапшин считает, что документация утрачена не в поле, а уже в музеях, например при передаче коллекций в Оружейную палату, оттуда в Румянцевский музей, а оттуда в Исторический. Частично это может быть и так, но кое-что настораживает в книге самого Уварова. В курганах нашли всего три меча. При публикации место находки одного из них указать уже не удалось [33, с. 124]. В ящиках с коллекциями, посланных в Москву, образцов курганной посуды почему-то «не оказалось» [33, с. 111].

О стратиграфических наблюдениях не было и речи. Возьмем вопрос о каменных орудиях, найденных во владимирских курганах. Возможны три случая: 1) среди тысяч средневековых курганов было несколько первобытных: мы ведь знаем абашевские курганы и во Владимирской, и в Ярославской обл. (раскопки Б. А. Куфтина и Л. А. Михайловой); 2) каменные орудия были положены в могилы деревенских колдунов как магические «громовые стрелы»; 3) эти орудия

попали в курганы с землей, взятой с площади неолитических стоянок (как в Кончанском у Н. К. Рериха). Понять, какое из этих предположений верно, по записям Уварова невозможно.

Одной из самых важных находок в курганах считался глиняный идол из с. Вески. Между тем это игрушка XVII—XVIII вв., случайно попавшая в насыпь [34, с. 246, 247].

Как видим, упреки, обращенные к Уварову, небезосновательны. 26-летний археолог, впервые приступивший к раскопкам, проявил неуместную торопливость и небрежность.

Раскопки велись и в древнерусских городах — Владимире, Суздале, Кидекше, и на городищах раннего железного века, но об этом из дневников и публикаций можно узнать совсем мало. Обломки посуды и прочие рядовые вещи из культурных слоев сохранены не были. Но учтем, что занимался этими раскопками в основном П. С. Савельев, а жилые слои тогда никто копать не умел.

Антропологический материал из курганов был взят выборочно, в небольшом числе и так и остался необработанным. А. Д. Чертков десятилетием раньше добился большего. Попытка Уварова провести в аптеке Феррейна анализ металлических вещей из раскопок мало что дала.

Большой удачей было то, что в курганах встретилось много монет, арабских и западноевропейских. Определял их, вероятно, опытный нумизмат и ориенталист П. С. Савельев, но Уваров об этом не сказал. Так или иначе даты были ясны.

Савельев собирался сам написать о своих раскопках, но не успел это сделать (умер в 1859 г.). Уваров в 1856 г. поместил краткую заметку о владимирских курганах в «Записках Русского археологического общества» [35, с. 102—104] и надолго отложил обработку материала. Итоговый труд «Меряне и их быт по курганным раскопкам» вышел в 1871 г. в «Трудах I Археологического съезда», а затем отдельно (М., 1872, 216 с. + атлас).

На первой же странице своей работы Уваров говорит, что он и Савельев исследовали памятники мерян. Мы знаем, что гораздо больше, чем мерянских, на Владимирщине древнерусских кривичских курганов. Ошибка связана с твердой убежденностью Уварова, как и других археологов середины XIX в., в том, что христиане — русские не могли насыпать холм над могилой умерших сородичей и класть туда какие-то вещи. Это обряд языческий, следовательно, курганы не славянские. Находки крестиков в могилах Уваров объяснял тем, что меряне, получив их от русских, использовали просто как украшения.

Другая бросающаяся в глаза ошибка Уварова состоит в том, что весь материал взят им в одной плоскости, как одновременный. Учтены все археологические находки в «Земле мерян» — от Клязьмы до Твери на западе, Углича и Ярославля на севере, Шуи и Костромы на востоке. Среди этих находок — каменные орудия и Галичский клад бронзового века, но Уваров воспринимал эти памятники как одновременные с курганами и утверждал, что еще в X—XI вв. меряне широко пользовались каменными орудиями.

В то же время труд Уварова обладает и бесспорными достоинствами. У него, как всегда, была программа исследований, которую он старался осуществить. Задача ставилась историческая — восстановить «домашний быт» одного из летописных племен. Широко использованы летописи, известия арабских путешественников, материалы раскопок, и предшествующих (А. Д. Черткова, Н. А. Ушакова, С. Д. Нечаева), и проведенных в 1860-х годах (А. П. Богданова, Л. П. Сабанеева), не только в России, но и в Дании, Прибалтике. Находки из собственных раскопок разделены Уваровым на две хронологические группы в соответствии с нумизматическими данными. Коллекции описаны суммарно по категориям: орудия, оружие, украшения и т. д. К книге приложен атлас с изображениями типичных вещей.

Оценивая труд Уварова сегодня, не забудем о том, какой большой путь успела пройти наша наука с 1851—1869 гг. Считать работу Уварова образцовой оснований нет, но и возмутительной ее назвать нельзя. Это книга своего времени,

впервые познакомившая ученых с массовым курганным материалом и содержавшая опыт сопоставления археологических и письменных источников. Для середины XIX в. это было важно.

Во время экспедиции во Владимирскую губернию Уваров решил еще одну задачу — разыскал могилу Д. М. Пожарского в Спасо-Ефимьевском монастыре в Суздале. Письменных указаний на то, где именно она была расположена, не сохранилось. Пришлось провести раскопки. Была найдена надгробная плита с именем Федора Дмитриевича Пожарского — сына полководца — и рядом несколько безымянных надгробий. Над ними впоследствии была возведена мраморная часовня. В 1863 г. в ней молился Александр II. После революции ее разрушили. Монастырь стал закрытой колонией малолетних преступниц. После Отечественной войны место захоронения Пожарского вновь отметили памятником и открыли для посещения.

В 1853 г., оставив раскопки владимирских курганов на П. С. Савельева, Уваров вновь вернулся в Причерноморье. Он провел раскопки в Ольвии, Херсонесе и на городище Керменчик — руинах Неаполя Скифского около Симферополя. В Ольвии и Херсонесе исследовались и могилы. Осматривал Уваров и другие памятники, например Чуфут-кале под Бахчисараем. Копать древние города тогда не умели. В основном охотились за надписями и монетами. Толковой информации о раскопках в Ольвии и Неаполе у нас нет.

Удачнее были работы в Херсонесе. Здесь расчищали остатки впервые выявленной в городе византийской базилики с хорошо сохранившимся мозаичным полом, 24 мраморными колоннами и капителями. Размер ее 50×22 м. Получив доклад Уварова об этом открытии, Николай I приказал перенести мозаику в Эрмитаж. Она была разобрана, отреставрирована на Петергофской гранильной фабрике и уложена в одном из залов Эрмитажа (ныне II зал античного отдела).

При расчистке базилики были найдены монеты IV—X вв. Уваров счел, что она возведена при Константине Великом и функционировала до X в. Сейчас постройку храма относят к V—VI вв., а перестройку — к X в. [36, с. 62, 63]. По сведениям Д. В. Айналова, в раскопках базилики участвовал архитектор Андреев. Уваров об этом не упомянул [37, с. 5].

Раскопки завершились в 1854 г. под залпами франко-английской эскадры. Началась Крымская война. Об экспедиции 1853—1854 гг. Уваров издал краткие информации в сборнике П. М. Леонтьева «Пропилеи» и в «Извлечении из всеподданнейшего отчета» [38, с. 525—537]. Вероятно, подробно о раскопках предполагалось рассказать в III томе «Исследований о древностях Южной России», но этот том так и не вышел. В некоторых биографиях Уварова говорится, что в III томе речь должна была идти о его поездке по берегу Черного моря до устья Кубани. Что было сделано во время этой поездки и были ли какие-нибудь записи о ней, мы не знаем.

В 1854 г. закончился первый период научной деятельности Уварова. Четырьмя сезонами 1851—1854 гг. в сущности исчерпывается его активная полевая работа. Позже он провел очень небольшие раскопки каменных ящиков кизил-кобинской культуры под Гаспрой и пещеры Ореанда в Крыму в 1875 г., а также стоянок первобытной эпохи под Муромом в 1877—1878 гг., изредка выезжал смотреть чужие раскопки: в 1875 г. с И. С. Поляковым в Фатьяново, в 1883 г. с В. И. Сизовым в Гнездово. Вероятно, Уваров удовлетворил свою страсть полевого исследователя, а может быть, понял и то, что погоня за добычей материала дает меньше, чем скрупулезное изучение немногих, но тщательно выбранных объектов.

Второй период жизни Уварова — 1854—1864 гг.— представляет собой резкий контраст с предшествующим. Многое изменилось в его жизни, большие перемены произошли и в жизни страны. В 1855 г. умер С. С. Уваров. Алексей Сергеевич стал наследником огромного состояния. В делах надо было навести порядок. Из Карачарова он перебрался в Поречье, где стал устраивать и дом, и музей, и библиотеку. С. С. Уваров собирал антики и картины. Его сын больше

интересовался русскими древностями. Своему собранию древнерусских рукописей он положил начало, купив коллекции И. Н. Царского (более 800 номеров), И. П. Сахарова (более 300), А. С. Норова. В дальнейшем собрание пополнялось путем покупок на Сухаревке в Москве и на Нижегородской ярмарке. Были, кроме того, богатые собрания икон, монет, древней утвари, археологических находок. Некоторые предметы Уваров подробно описал сам (например, [39, с. 1—17; 40, с. 13—25]). В 1897—1908 гг. издано в нескольких выпусках описание этого собрания [41]. После революции культурные сокровища, скопившиеся в Поречье, разошлись по ряду музеев, но в основном попали в ГИМ.

Второе важное событие после смерти отца — смерть Л. А. Перовского в 1856 г. Долгожданная Археологическая комиссия в 1859 г. была учреждена, но возглавил ее С. Г. Строганов — враг С. С. Уварова (о чем было известно уже в 1857 г.) [42, с. 96]. Младший Уваров поддерживал с ним отношения, о чем говорят ссылки на коллекции Строганова в уваровских работах, но служить под его началом не хотел. От активной деятельности в археологии Уваров был тем самым оттеснен. Он прослужил в Петербурге до 1857 г., после чего окончательно перебрался в старую столицу. С 1857 по 1859 г. был помощником попечителя Московского учебного округа. Потом ушел в отставку в придворном чине камергера.

Равнодушно глядеть на то, что происходило в России, Уваров не считал возможным. В годы Крымской войны вступил во Владимирское ополчение, хотя и не участвовал в боевых действиях. Затем надо было заняться освобождением своих 16 000 крепостных крестьян. Уваров принял участие в земской деятельности, устраивал больницы и школы в Московской и Владимирской губерниях, был предводителем можайского дворянства, щедро жертвовал большие суммы на общественные нужды из своих средств.

В 1859 г. Уваров женился на княжне Прасковье Сергеевне Щербатовой (1840—1924) и отправился с ней на два года в свадебное путешествие за границу. Побывали в Англии, где Уваров навестил А. И. Герцена [43, с. 140], Испании, Франции, но дольше всего задержались в Италии. Возвращался он туда и посещал другие страны (Австрию, Данию) и позже, в 1860—1880-х годах. При этом он не только осматривал разнообразные памятники культуры, но и делал записи о них, набрасывал какие-то задуманные работы. При жизни Уварова издано из этого было не все. В дальнейшем эти записи составили весь первый и часть второго его «Сборника мелких трудов» (М., 1910).

Из этой публикации видно, что интересовали Уварова не памятники Ренессанса, барокко и классицизма, а византийские храмы, мозаики и иконы. В программной речи на III Археологическом съезде он говорил, что для русской археологии важнее всего три круга зарубежных древностей — византийский, скандинавский и славянский [44, с. 37]. С памятниками этих трех областей он и старался знакомиться.

В Италии он прожил два месяца в Равенне с ее византийскими храмами V—VII вв. и заказал множество фотографий с них для задуманной книги. Мозаика с изображением Богородицы — Нерушимой стены вызвала в его памяти мозаику Киевского Софийского собора с Богородицей-Орантой, и он посвятил специальную статью сопоставлению этих изображений [45, с. 32, 33]. В Ватикане Уваров изучал образцы русской и византийской иконописи, в романских соборах Генуи и Пармы искал истоки владимиро-суздальской архитектуры [46, с. 252—256]. В Венгрии, Чехии, Моравии, Галиччине и на Буковине его внимание привлекли деревянные церкви, чем-то напоминавшие русские [47, с. 1—24]. Бронзовые двери в соборах Новгорода Великого и Александрова натолкнули на поиски аналогичных дверей в западных храмах. Изображения Иоанна Предтечи на византийских мозаиках и росписях сравнивались с теми, что известны в Успенской церкви на Торговой стороне и Рождественской в Десятинном монастыре в Новгороде, в церкви Ильи Пророка в Ярославле и т. д.

Главную же свою цель Уваров видел в создании обобщающих трудов «История

византийского искусства» и «Христианская символика». Начатая в 1850-х годах при посещении Рима и Неаполя последняя рукопись дополнялась автором до конца дней. Ему хотелось проследить развитие символики от раннехристианского периода (т. I) до Византии и древней Руси (т. II), дав в конце каталог символов, вошедших в иллюстрации «Бестиариев», «Физиологов» и т. д. (т. III). В 1908 г., через полвека после написания, издан I том (206 с.). Второй был подготовлен к печати, но не вышел и хранится в архиве Уварова. Книга к моменту издания сильно устарела, но показательно, что в подготовке ее к печати участвовали такие ученые, как Е. К. Редин, С. А. Жебелев и Д. В. Айналов. Очевидно, они считали ее небесполезной. Автор исходил из того, что символика возникла в связи с необходимостью для христианских общин скрываться от преследований и в то же время передавать посвященным принципы своего учения. В основе многих символов лежат античные изображения.

Несколько раньше, в 1890 г., но тоже посмертно, был издан «Византийский альбом графа А. С. Уварова» (т. I, вып. 1, 107 с.). Это черновики, сырой материал к ненаписанной «Истории византийского искусства», готовившейся по материалам, собранным в Париже, Лондоне и Италии.

Работы Уварова по византийскому и древнерусскому искусству содержат ряд полезных наблюдений, но не могут идти в сравнение с трудами его современника Н. П. Кондакова и в целом большой роли в развитии этой области знания не сыграли, отчасти и потому, что были опубликованы слишком поздно (см. [48, с. 233—237; 49, с. 131—133]).

В 1864 г. начался третий, последний и наиболее плодотворный период в жизни Уварова. Он окончательно обосновался в Москве, снял, а в 1881 г. купил здесь дом в Леонтьевском переулке (ныне ул. Станиславского, д. 18) [50, с. 46—48] и стал думать о создании в старой столице своего, независимого от Петербурга центра археологических исследований.

12 февраля 1864 г. Уваров пригласил к себе в Поречье нескольких известных московских любителей и исследователей старины. Среди них были А. А. Гатцук, Д. П. Сонцов, Г. Д. Филомонов, С. В. Ешевский, К. К. Герц. Хозяин предложил им организовать в Москве новое археологическое общество, наметив три задачи: 1) занятия археологией, преимущественно славяно-русской, 2) популяризация этой области знания в широких кругах с тем, чтобы «возбудить в обществе сочувствие к археологии», 3) устройство археологических съездов. Предложение было встречено сочувственно. Официально общество открылось 4 октября 1864 г. Вскоре в его состав вошел цвет московской профессуры: Ф. И. Буслаев, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, А. А. Котляревский, А. Н. Афанасьев, И. Е. Забелин, О. М. Бодянский, а от царя были получены разрешение на деятельность общества и денежная субсидия в 3000 р. (позднее 5000 р.) в год [51].

Московское археологическое общество (МАО) не копировало петербургское (РАО). Профиль намеченных исследований был иной. Для петербургских антикваров традиционным было предпочтение из всех древностей античных и скифских. МАО занималось преимущественно первобытными памятниками, древностями эпохи железа и особенно русской тематикой. Район работ — лесная зона Европейской России, а позднее Приуралье и Кавказ. Среднеазиатской тематики, развивавшейся в Петербурге, москвичи тогда не затрагивали. Развитие же археологии в Сибири шло мимо обоих центров, в основном по линии Русского географического общества.

Бросается в глаза, что среди членов-учредителей МАО в отличие от РАО почти нет людей с иностранными фамилиями. Национальное самосознание за 20 лет возросло, да и Москва более русский город, чем космополитический Петербург XIX в.

Важен открытый характер МАО. Заседания петербургских антикваров были камерными, закрытыми, а у москвичей — доступными для всех. Читались здесь и публичные лекции, в том числе самим Уваровым. В этом сказался дух демократических 1860-х годов.

Археология в Москве, как и в Петербурге, понималась расширительно, т. е. включала в себя и историю древней архитектуры, и живописи, и археографию, и чисто исторические темы, если они касались не политических событий, а быта людей. Границей для Уварова был 1700 г. Все историко-бытовые вопросы более раннего времени входили в круг интересов общества.

Члены МАО регулярно собирались на научные заседания, где читали и обсуждали те или иные доклады. Уваров в этом отношении был очень активен. За 20 лет он прочел более 70 докладов на самые разные темы — от каменного века, заинтересовавшего его в эти годы, до русской нумизматики, иконописи и архитектуры.

С 1865 г. МАО выпускало свои труды — «Древности». В 1867 г. была сделана попытка печатать журнал «Древности. Археологический вестник» под редакцией А. А. Котляревского, но дело не пошло. Продолжали непериодически выходить «Древности. Труды МАО». При жизни Уварова вышло 9 томов. Они, пожалуй, не могут соперничать с «Записками Русского археологического общества», где в серии классических древностей мы найдем статьи В. В. Латышева, М. И. Ростовцева и Б. В. Фармаковского, в серии славяно-русской археологии — статьи А. А. Спицына, в серии восточной — труды В. Р. Розена и В. В. Бартольда. В «Древностях» преобладают полезные для своего времени, но сейчас уже устаревшие статьи по древнерусскому искусству и быту. О них нужен особый разговор. Ценных публикаций по археологии в современном смысле слова не так много. Можно все же указать на статьи Н. Н. Муравьева-Карсского о Скорняковских курганах эпохи бронзы, А. И. Кельсиева о Митинских вятических курганах, «Описание Тверского музея» А. К. Жизневского с дополнениями Уварова и др.

Уваров поставил перед обществом задачу создать археологический словарь. Материалы для него публиковали в каждом томе. 30 статей написано самим Уваровым: «Апракос», «Алкопос», «Потир», «Сион», «Божница», «Закомара», «Жилище» и т. д.

Важными были начинания МАО в области охраны памятников культуры. В Петербурге над этим тогда еще не задумывались. В МАО же с 1870 г. начала действовать специальная комиссия по этому вопросу. Общество предотвратило разрушение зданий в Боголюбове, палат дьяка Аверкия Кириллова в Москве и других ценных объектов. Дом Аверкия Кириллова был передан Александром II МАО, и оно собиралось здесь на протяжении полувека.

Мысль о созыве археологических съездов была высказана уже при создании МАО, а разрешение на это было получено в 1868 г. 16 марта 1869 г. в Москве открылся I съезд. Председательствовал на нем и делал доклад «О судьбах археологии в России» М. П. Погодин. Это было не только данью уважения к старейшему русскому историку, но и следствием давних связей Погодина с семьей Уваровых. При подготовке к съезду был разработан вопросник, ответы на который должны были так или иначе содержаться в докладах. Так делалось и в дальнейшем. Благодаря этому заседания шли не стихийно, а по заранее намеченной программе. Позже подготовительные комитеты к съездам проводили раскопки близ тех городов, где намечались съезды, и участники их выезжали в поле, доследовали памятники и обменивались мнениями. В этом проявилась сильная сторона организаторской деятельности Уварова. На I съезде был поставлен вопрос «о мерах к сохранению памятников в России».

II съезд провели в Петербурге в 1871 г. к 25-летию Русского археологического общества. Был вынесен на обсуждение разработанный МАО проект закона об охране памятников. Предлагалось взять за образец законы, существовавшие в тот момент на Западе,— учредить в столице центральную комиссию и округа на местах.

III съезд состоялся в Киеве в 1874 г. Здесь прозвучали новые для археологов темы. Ф. И. Каминский и К. М. Феофилактов сообщили о раскопках первой в России палеолитической стоянки — Гонцы под Полтавой. Н. И. Костомаров привел в своих воспоминаниях любопытный эпизод: когда участники съезда

отправились осматривать Софийский собор, протоиерей встретил их вопросом: «Не пожаловали ли Вы сюда отыскивать доказательства, что человек произошел от обезьяны?» — «Мы не шагаем в такую даль»,— поспешил успокоить его Уваров [52, с. 421].

IV Археологический съезд проходил в Казани в 1877 г. Здесь Уваров опирался на ученых Казанского университета и местных любителей старины, традиционно занимавшихся древностями Волжской Болгарии, Прикамья и Приуралья,— С. М. Шпилевского, Д. А. Корсакова, П. Д. Шестакова, А. Ф. Лихачева и др.

Особенно серьезной подготовки потребовал V съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г. Хотя раскопки на Кавказе начались раньше (в 1877 г. Г. Д. Филимонов исследовал Кобанский могильник, а к 1881 г. за 30 лет Ф. С. Байерн вскрыл до 300 захоронений на Мцхетском могильнике), археология Кавказа как особая дисциплина еще не сложилась. Уваров до съезда побывал и в Кобани, и во Мцхете, сам провел там раскопки. съездил в Пятигорск на раскопки Д. Я. Самоквасова, в Дагестан, Кутаиси и Армению. Впечатления были самые разнообразные, от размышлений о бронзовом веке до знакомства с рукописями Эчмиадзинской библиотеки. Были куплены коллекции для создававшегося в Москве Исторического музея, а в Тифлисе открыт Кавказский музей (ныне Музей Грузии). Написан ряд работ: «Значение Осетии для археологии», «Мцхетский могильник», «Курганы с расчленениями близ Дербента». В съезде участвовали представители местной интеллигенции: А. Д. Эрицов, Д. З. Бакрадзе и др. Впервые были изданы два объемистых тома «Трудов предварительного комитета по устройству» съезда. В 1981 г. Всесоюзное совещание археологов в Тбилиси отметило столетие V Археологического съезда как отправной точки для развития кавказской археологии.

Последний съезд, на котором уже больным председательствовал Уваров, был в 1884 г. в Одессе. Здесь, в отличие от других съездов, была представлена и античная тематика.

На всех съездах Уваров выступал с несколькими докладами, иногда по частным вопросам, иногда по теоретическим. Из них наиболее важен доклад на III съезде — «Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии». В нем даны исходные позиции автора. Археология понимается как «наука, изучающая древний быт народов по всем памятникам, какого бы ни было рода, оставшимся от древней жизни каждого народа». Археологический памятник — это то, что непременно «связано с местом находки, эпохой и условиями ее». Русская археология изучает «древний русский быт по памятникам, оставшимся от народов, из которых сперва сложилась Русь, а потом Русское государство». В число таких памятников входят и стоянки каменного и бронзового веков как один из компонентов сложения русской культуры. Широко распространенный тогда термин «доисторическая археология» Уваров предлагал заменить на «первобытная» [44, с. 19—38, цитаты с. 21, 22, 31, 32]. Доклад показывает, что уже в 1874 г. ставился вопрос о преподавании археологии. Он не был решен ни при жизни Уварова, ни 25 годами позже. Только в 1909 г. А. А. Спицын начал преподавать археологию в Петербургском университете.

Отмечу и поставленную Уваровым перед коллегами задачу подготовки археологических карт отдельных областей, осуществленную частично после его смерти (карты Киевской, Волынской, Подольской губерний в «Трудах» съездов).

«Труды» съездов публиковались ин-фолио с таблицами на меловой бумаге. Наряду с «Материалами по археологии России», «Известиями археологической комиссии» и «Записками Русского археологического общества» они составляют основной фонд наших источников о памятниках древности, изученных в России в дореволюционное время.

Другим важнейшим начинанием Уварова в последние десятилетия его жизни было создание Российского Исторического музея. Мысль об этом возникла во время Политехнической выставки 1872 г. [9, с. 224—267; 42, с. 169—177; 53]. Там был особый Севастопольский отдел, отражавший героическую оборону

Севастополя во время Крымской войны. Председателем комиссии по устройству отдела был генерал-адъютант А. А. Зеленый. Его заместитель Уваров принимал деятельное участие в подготовке экспозиции. Тогда и появилось предложение сохранить собранные экспонаты и взять их за основу постоянного русского национального музея. Было составлено ходатайство об этом царю, и 9 февраля 1872 г. Александр II повелел учредить комитет по устройству в Москве Музея его императорского высочества наследника цесаревича. Возглавлял комитет Зеленый, но он жил в Петербурге, так что вся сложнейшая организационная работа легла на плечи его заместителя Уварова.

Надо было получить землю для строительства музея. Ее выделила городская дума. Нужно было провести конкурс на лучший проект здания. Выбран был проект архитектора В. О. Шервуда и инженера А. А. Семенова. Проект встретил возражения членов комитета, особенно со стороны И. Е. Забелина. Приходилось что-то переделывать. Требовался проект экспозиции. Уваров составил его в 1873 г., стремясь охватить все материалы от каменного века до царствования Александра II. Тем самым создавалась сплошная историческая экспозиция без отрыва отечественных памятников эпохи средневековья от первобытных и античных, что нередко бывало в западноевропейских музеях. Пожалуй, образцом для Уварова стал Датский национальный музей в Копенгагене, где он был в 1869 г. Уваров разработал устав музея в двух вариантах — 1874 и 1882 гг. Свои личные собрания — изделий каменного, бронзового и железного веков, античных и славянских древностей, икон и рукописей — археолог предоставил для показа в музее, не располагавшем еще какими-либо экспонатами, и побуждал к этому членов МАО. Ряд коллекций был куплен, например, у П. О. Бурачкова. Необходимо было подумать и об оформлении залов. Уваров заказал картины для музея известным живописцам И. К. Айвазовскому, В. М. Васнецову, Г. И. Семирадскому, подбирал и художников-оформителей.

Целиком поглощал музей силы Уварова с 1881 г., когда вступивший на престол Александр III выразил пожелание, чтобы к его коронации в Москве музей был открыт. К средствам, выделявшимся городской думой, добавились правительственные субсидии. В 1881 г. умер Зеленый. Председателем правления музея назначили великого князя Сергея Александровича — брата царя и генерал-губернатора Москвы. Товарищ председателя Уваров был фактически директором музея.

23 марта 1883 г. было открыто 11 залов. Первый и второй были посвящены каменному веку, третий и четвертый — бронзовому, пятый — железному, залы А, Б и В — античным городам Ольвии и Пантикапею и христианским древностям Херсонеса, шестой зал — скифам, седьмой и восьмой — Киевской Руси с 988 до 1054 г.

С созданием Московского археологического общества и Российского Исторического музея благодаря Уварову сложился московский археологический центр, независимый от петербургского, а порою и противостоявший ему. Археологические съезды, собиравшиеся МАО, сделали Москву центром притяжения для провинциальных исследователей древности. Преподаватель Вятской гимназии, выпускник Петербургского университета, ученик К. Н. Бестужева-Рюмина А. А. Спицын начал свою работу в области археологии при поддержке Уварова и МАО.

Наряду с организационной деятельностью в 1870—1880-х годах Уваров продолжал заниматься и собственно научными исследованиями. Основной стала для него проблема каменного века. Возникшая в Западной Европе еще в первой половине XIX в., широкий резонанс получила она в середине его после выхода книг Ч. Дарвина, открытия неандертальского человека и свайных построек, признания английскими геологами достоверности находок Ж. Буша де Перта на Сомме. В России в период николаевской реакции эта проблематика не могла разрабатываться, но в годы реформ вызвала интерес не только ученых, но и всей интеллигенции [54, с. 9—11, 17—35]. Поиски памятников каменного века в России успешно вели ученые-естествоиспытатели И. С. Поляков, К. С. Ме-

режковский, А. А. Иностранцев. Общие соображения о происхождении и ранней истории человечества высказывали в журналах Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов и другие представители революционно-демократического лагеря. В этих условиях очень важно было, какую позицию займет официальная археологическая наука России. Императорская археологическая комиссия этой тематики явно сторонилась. Уваров поступил иначе.

В 1869 г. он побывал на Международном археологическом конгрессе в Копенгагене, познакомился там с такими учеными, как К. Фогт, Р. Вирхов, И. Ворсо, Ж. Катрафаж. Фогт вызвал у Уварова некоторую опаску: «что Дарвин не посмел высказать, то он развил до крайних пределов». «Шагать в такую даль», т. е. рассматривать вопрос о происхождении человека от животных, Уваров не собирался, но вот кьеккенмеддинги, которые он увидел, были реальными археологическими памятниками. Хотелось отыскать подобные в России [55, с. 951—966].

Во время заграничных путешествий Уваров посетил раскопки Ментонских гротов и пещеры Выпустек в Моравии. Собственный опыт пещерных раскопок в Крыму [56, с. 19—23] и в Язоновом гроте у Кутаиси результатов не дал. Зато в июне 1877 г. произошло неожиданное событие. Крестьяне села Карачарова нашли в овраге кости мамонта и известили об этом хозяина имения. Раскопки на месте находки убедили Уварова в том, что останки мамонта залегают в одном слое с кремневыми орудиями. Так была открыта одна из первых в России (после Гонцов и Каменца-Подольского) палеолитических стоянок.

Уваров не бывал в Карачарове с 1855 г. Тут он узнал, что в Муроме есть человек, собирающий каменные орудия. Это был землемер по крестьянским делам Н. Г. Добрынкин. Он разыскивал кремни на дюнах Оки и Велетьмы у с. Волосова и в урочище Плеханов бор. В 1878 г. Уваров провел раскопки и в этих пунктах, найдя в Волосове пять неолитических погребений [57, с. 19—21].

К исследованиям памятников каменного века под Муромом он привлек группу авторитетных специалистов: И. С. Полякова, В. В. Докучаева и В. Б. Антоновича. Они выступили в печати со своими соображениями об обследованных стоянках. В этом можно видеть прообраз комиссий ученых, работавших позже в Киик-Кобе, Костенках, Староселье.

Ошибкой Уварова было то, что небольшую коллекцию кремневых орудий из Карачарова он разделил на части и раздарил коллегам. С. Н. Замятнину пришлось вновь собирать ее, но ряд предметов был утрачен [58, с. 5—14].

Материалы, добытые в процессе собственных раскопок и увиденные на археологических съездах, где демонстрировал свою коллекцию из Карелии Н. Ф. Бутенев, показывали каменные орудия из Среднего Поволжья и Прикамья казанские ученые, побудили Уварова взяться за обобщающую работу о каменном веке. Задумана была сводка «Археология России». I том ее составлял обзор «Каменного периода». Книга вышла в двух выпусках в 1881 г. В первом выпуске — 440 с., во втором — 152 с. и 49 таблиц с рисунками сотен предметов. Я уже писал об этой книге [54, с. 84—102] и здесь могу ограничиться немногим.

Уваров учел практически все находки каменных орудий, сделанные к 1880 г. в России, описав 6428 пунктов. Среди них немало и изделий эпохи бронзы, например из Фатьяновского могильника. Уваров отнес его к каменному периоду, хотя в целом допускал употребление каменных орудий до весьма позднего времени, ссылаясь на свои старые находки во владимирских курганах [59, с. XIX; 60, с. LXXXII]. Перечислены были и находки костей четвертичных животных. Сделана попытка обрисовать быт человека каменного века с выделением двух этапов: палеолита, когда люди охотились на мамонта и носорога, и неолита, когда они занимались рыболовством и охотой на мелких животных. Основные положения книги Уварова,— скажем, идея о распространении человека в Европу из Азии или о существовании искусственных неолитических пещер — принадлежат его времени. Но сводка материала остается и сохраняет известную ценность до сего дня.

Уваров первым сделал шаг от сбора материалов о древностях России к систематизации их, положил начало той работе по классификации коллекций, которую так успешно развили в конце XIX — начале XX в. В. И. Сизов, А. А. Спицын, В. А. Городцов. Главное же в том, что Уваров ввел материалы каменного века в общую систему русских древностей, предотвратив отрыв первобытной археологии от остальных ее разделов, что мы наблюдаем во многих западноевропейских странах и что вполне могло случиться в России при противостоянии естествоиспытателей-разночинцев археологам, получившим гуманитарную подготовку.

Уваров думал и о следующих томах «Археологии России», о чем свидетельствуют некоторые его наброски. И там есть интересные моменты, например сопоставление кобанских находок с гальштатскими [61, с. 61—75]. Но завершить задуманное Уварову не было суждено. 29 декабря 1884 г. он скончался.

Уваровские начинания не пошли прахом после его смерти. Московское археологическое общество просуществовало до 1923 г. Председателем его стала вдова покойного Прасковья Сергеевна. Долгие годы она помогала в работе своему мужу, разделяла его интересы, но выбор членов МАО определялся не столько этим, сколько тем, что нужно было избрать человека богатого, влиятельного, со связями при дворе и весом в Москве. В роли организатора Прасковья Сергеевна проявила себя очень энергичным, волевым, щедрым человеком. Ученым в полном смысле слова она не стала, хотя опубликовала до 200 работ, в том числе большую книгу «Могильники Северного Кавказа», была избрана почетным членом Академии наук. Это яркая личность, и хорошо, что сейчас вспомнили не только о А. С. Уварове, но и о ней. И все же думаю, что изображать ее крупным ученым, равным по заслугам своему мужу [62, с. 5—7], нет оснований. Уварова часто называют дилетантом. Его вдова была дилетантом в еще большей мере, а так как действовала она уже в конце XIX — начале XX в., дилетантизм ее особенно бросается в глаза.

Впрочем в жизни МАО большую роль играла не только она, но и плеяда незаурядных ученых: И. Е. Забелин, В. И. Сизов, Д. Н. Анучин, позже В. А. Городцов. По-прежнему нелегко складывались отношения МАО с Археологической комиссией в Петербурге. Шла борьба за то, кто из них должен исследовать Херсонес [63, с. 33—38]. В архиве П. С. Уваровой есть папка бумаг, названная «Пререкания с Археологической комиссией». С этой борьбой в какой-то мере связан и резкий отзыв А. А. Спицына о раскопках владимирских курганов А. С. Уваровым.

После революции П. С. Уварова эмигрировала в Югославию. Там она писала книгу об истории МАО. Цела ли эта рукопись и где она, неизвестно. Вместо Уваровой председателем МАО стал Д. Н. Анучин. Ему было уже под 80, и в сложной послереволюционной обстановке помочь МАО сохранить свое лицо он не смог. После смерти Анучина в 1923 г. Московское археологическое общество прекратило свое существование.

До революции продолжали выходить труды МАО — «Древности» (т. X—XXV, 1885—1916) и возникло несколько новых серий — «Археологические известия и заметки» (1893—1900, по 6 сдвоенных номеров в год), «Материалы по археологии Кавказа» (т. I—XIV, 1889—1916), «Материалы по археологии восточных губерний России» (т. I—III, 1893—1899) и «Древности восточные» (т. I—V, 1891—1915). Последние три серии не уступают по значению петербургским «Материалам по археологии России». В еще большей мере это касается «Трудов» археологических съездов. За 1887—1911 гг. прошли VII—XV съезды (в Ярославле, Москве, Вильне, Риге, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Чернигове и Новгороде). XVI съезд должен был состояться в 1915 г. в Пскове, но из-за первой мировой войны был отменен. К каждому съезду (в том числе к псковскому) выходили материалы подготовительных комитетов, а после завершения — «Труды», обычно в двух, а иногда и в трех-четырех томах. Серия этих трудов составляет целую библиотку из полусотни томов.

После революции съезды не собирались, но проводившиеся после Отечественной войны по инициативе С. В. Киселева и продержавшиеся до середины 1980-х годов ежегодные Всесоюзные археологические совещания при ИИМК — ИА АН СССР, посвященные итогам полевых работ, были в сущности продолжением уваровского начинания.

Среди всех бурь и катаклизмов XX в. устояло другое детище Уварова — Исторический музей. С 1885 г. на протяжении 23 лет руководил им И. Е. Забелин. При всей сложности его взаимоотношений с Уваровым главные черты выдвинутой своим предшественником концепции развития музея Забелин сохранил [42, с. 177—190]. После революции во главе музея сверху ставили безграмотных людей, в 1920—1930-х годах коллекции разбазаривались, сотрудники подвергались репрессиям. Но благодаря ответственному отношению к делу со стороны работников музея он не погиб. В фонды поступали коллекции из новых раскопок, обновлялась экспозиция, выходили ценные публикации. Значит, мы можем сказать, что уваровские традиции еще не изжили себя.

Как же мы должны в целом оценить место этого человека в развитии отечественной археологии? В 1930 г. В. И. Равдоникас утверждал, что Уваров к археологии «относился ... как к охоте, к балету, к разведению породистых лошадей, к карточной игре» [5, с. 36]. Это, конечно, неправда. Такие любители из дворян были. После появления Манифеста о вольности дворянства 1762 г. и «Жалованой грамоты дворянству» 1785 г. представители этого сословия получили возможность, не служа, жить на доходы от родовых имений. Кое-кто завел псовые охоты, крепостные гаремы, предался праздности и всяческому распутству. Но были и такие, про кого Грибоедов сказал: «...в науку он вперит ум, алчущий познаний», люди, внесшие большой вклад в развитие русского просвещения. Богатый, титулованный, со связями при дворе Уваров мог сделать не менее блестящую карьеру, чем его отец, хотя бы на дипломатическом поприще. Но он рано покинул Министерство иностранных дел, а в 34 года вообще ушел в отставку, посвятив себя науке целиком.

Вклад в нее он внес значительный, при этом, как мне кажется, не столько в ранние годы (1846—1854), сколько в поздние (1864—1884). Его книга о причерноморских античных городах написана на уровне своего времени, но тематика эта разрабатывалась в России уже более полувека и имела значительную литературу (П. С. Паллас, П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол, И. А. Стемпковский, П. И. Кеппен и др.). Раскопки курганов во Владимирской земле были не так плохи, как казалось А. А. Спицыну, В. И. Равдоникасу и А. В. Арциховскому, но далеко не безупречны. А. Д. Чертков копал курганы аккуратнее.

А вот создание Московского археологического общества, проведение археологических съездов, организация Российского Исторического музея дали уже зримые и обильные плоды. Многие начинания Уварова опережали свое время и получили развитие уже после его смерти, например составление археологических карт, забота об охране памятников прошлого, другие же не осуществлены, но сохраняют свою актуальность, как издание «Русского археологического словаря». Уваров стремился вести археологические исследования по заранее продуманной программе. И это актуально для наших дней. Он ввел первобытные древности в общую систему отечественной археологии и начал работу по систематизации и классификации материалов из раскопок, продолжающуюся и сейчас.

Все вместе взятое говорит о том, что в лице Уварова русская наука имела очень энергичного и полезного деятеля. Доброе имя его в наши дни восстанавливается справедливо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. М., 1965.
2. *Спицын А. А.* Владимирские курганы//ИАК. 1905. Вып. 15.
3. *Жебелев С. А.* Введение в археологию. П., 1923. Ч. I.

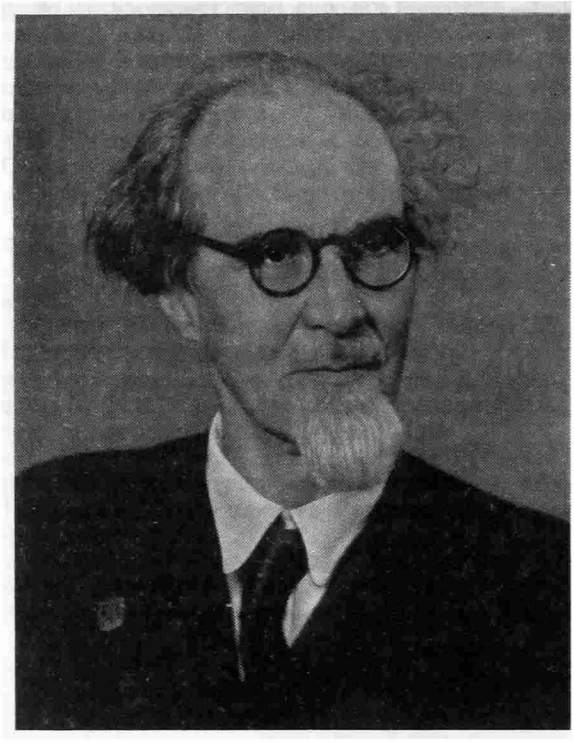
4. *Готье Ю. В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до сложения первого русского государства. М., 1925.
5. *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры//ИГАИМК, 1930. Т. VII. Вып. 3—4.
6. *Арциховский А. В.* Введение в археологию. М., 1947.
7. *Арциховский А. В.* Археология//Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М.; Л., 1955.
8. *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861—1917)//Тр. НИИ музееведения. 1957. Вып. I.
9. *Разгон А. М.* Российский исторический музей. История его основания и деятельности (1872—1917)//Очерки истории музейного дела в России. Т. 2. М., 1960.
10. *Лапшин В. А.* Оценка деятельности А. С. Уварова в советской археологической литературе (динамика критики)//Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986.
11. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
12. *З.Ш-ой.* Рец. на кн.: *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии//Возрождение. 1962. № 127.
13. *Лапшин В. А.* О методике раскопок Владимирских курганов//Уваровские чтения. Муром, 1990.
14. *Купряшина Т. Б.* Родословное древо Уваровых//Уваровские чтения. Муром. 1990.
15. *Вигель Ф. Ф.* Записки. Ч. IV. М., 1892.
16. *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и Арзамасское братство. Л., 1974.
17. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1976.
18. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. Т. XII. М.; Л., 1949.
19. *Стрижова Н. Б.* Архив А. С. и П. С. Уваровых в отделе письменных источников Государственного исторического музея//Уваровские чтения. Муром, 1990.
20. Русские палеологи сороковых годов//Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI. № 3.
21. Список членов Одесского общества истории и древностей// ЗООИД. 1844. Т. I.
22. *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского археологического общества за первые 50 лет его существования. СПб., 1900.
23. Программа задачи на соискание премии графа А. С. Уварова//Тр. Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. 1850. Т. II.
24. *Сабатье П.* Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб., 1851.
25. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
26. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.
27. *Фармаковский Б. В.* Ольвия. М., 1915.
28. *Уваров А. С.* Сборник мелких трудов. Вып. III. М., 1910.
29. *Рябинин Е. А.* Владимирские курганы//СА. 1977. № 1.
30. *Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.* Этапы и формы ассимиляции летописной мери//СА. 1980. № 2.
31. *Лапшин В. А.* Население центрального района Владимиро-Суздальской земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1985.
32. *Чертков А. Д.* Описание найденных в Звенигородском уезде древностей//Зап. археолого-нумизматического общества в Санкт-Петербурге. 1848. Т. I. Вып. III.
33. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
34. *Розенфельдт Р. Л.* Псевдоидол из села Вески//СА. 1959. № 2.
35. *Уваров А. С.* Известие о курганах Владимирской губернии//Зап. РАО. 1856. Т. VIII.
36. Херсонес. Путеводитель по музею и раскопкам. Симферополь, 1975.
37. Памятники христианского Херсонеса. I. *Айналов Д. В.* Развалины храмов. М., 1905.
38. *Уваров А. С.* Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя//Пропилеи. 1854. Т. IV.
39. *Уваров А. С.* Церковный диптих V в.//Древности. 1865—1867. Т. I.
40. *Уваров А. С.* Образ ангела-хранителя с похождениями//Русский архив. 1864. Т. I.
41. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1897—1908, отд. I—XI.
42. *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984.
43. *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. Т. XXVII. М., 1963.
44. *Уваров А. С.* Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии//Тр. III АС. 1878. Т. I.
45. Древности. 1874. Т. IV. Вып. I. Протоколы.
46. *Уваров А. С.* Взгляд на архитектуру XII в. в Суздальском княжестве//Тр. I АС. 1871. Т. I.
47. *Уваров А. С.* Об архитектуре первых деревянных церквей на Руси//Тр. II АС. 1876. Т. II.
48. *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX в. М., 1987.
49. *Славина Т. А.* Исследователи русского зодчества. Л., 1983.
50. *Белицкий Я. М.* Ул. Станиславского, 18. М., 1986.
51. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет его существования. М., 1890.
52. *Костомаров Н. И.* Автобиография. М., 1922.
53. Музей имени его императорского высочества наследника цесаревича. М., 1873.
54. *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. М., 1983.
55. *Уваров А. С.* Международный конгресс в Копенгагене//Вестник Европы. 1869. № 2.
56. *Уваров А. С.* Ореандовская пещера//Древности. 1877. Т. VII. Вып. I.

57. Древности. 1880. Т. VIII. Протоколы.
58. *Замятнин С. Н.* Карачаровская палеолитическая стоянка//Сб. бюро по делам аспирантов ГАИМК. Т. I. Л., 1929.
59. Труды IV АС. 1884. Т. I. Протоколы.
60. Труды I АС. 1871. Т. I. Протоколы.
61. *Уваров А. С.* К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе//Тр. V АС. 1887. Приложения.
62. *Храпова Л. С.* Личность П. С. Уваровой как она представляется по ее трудам и свидетельствам современников//Уваровские чтения. Муром, 1990.
63. *Гриневич К. Э.* Столетие херсонесских раскопок. Симферополь, 1927.

Институт археологии РАН,
Москва

О. М. ДЖАПАРИДЗЕ

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Б. А. КУФТИНА



Исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого, действительного члена Академии наук Грузии, профессора Бориса Алексеевича Куфтина.

Переехав на постоянное местожительство в Грузию, он последние два десятилетия своей жизни почти целиком посвятил изучению далекого прошлого Грузии и Кавказа в целом. Б. А. Куфтин по-новому осветил ряд кардинальных вопросов древнейшей истории Закавказья и в своих работах неоднократно указывал на определенную роль Кавказа в системе древнейших культур Древнего Востока. Он с поразительной прозорливостью указывал на близкие связи Кавказа с переднеазиатским миром, которые в дальнейшем почти полностью нашли подтверждение в новейших археологических открытиях на Ближнем Востоке.

В своих фундаментальных исследованиях Б. А. Куфтин неоднократно подчеркивал огромную роль Кавказа в древнейшей истории Старого Света. Своим неутомимым трудом, неиссякаемой энергией за сравнительно короткое время он внес значительный вклад в исследование далекого прошлого Кавказа.

До приезда в Грузию Б. А. Куфтин был более известен как этнограф, этнолог, однако именно здесь кардинально меняются его научные интересы — он целиком переключается на археологическое изучение Грузии.

Б. А. Куфтин родился в 1892 г. в Самаре. Отец его был военным, имел чин капитана, мать — педагог. В 1909 г. он окончил реальное училище в Оренбурге. Высшее образование получил в Московском государственном университете по естественному отделению физико-математического факультета. В 1910—1911 гг. за участие в студенческом революционном движении был исключен из университета, выслан из Москвы и эмигрировал за границу (Франция, Швейцария,

© О. М. Джапаридзе, 1993 г.

Италия). По 300-летней амнистии вернулся в Московский университет и окончил его сначала по специальности ботаника, затем по циклу антропология, археология, география. В 1916/17 г. был оставлен проф. Д. И. Анучиным для подготовки к «профессорскому званию».

В 1913—1914 гг. Б. А. Куфтин работал в качестве ассистента-преподавателя на кафедре ботаники в Московском сельскохозяйственном институте. В 1919 г. он был зачислен в доценты Московского университета с поручением читать обязательные курсы по истории первобытной культуры. Параллельно Б. А. Куфтин работал также в Институте антропологии Московского университета им. Д. Н. Анучина, где с 1923 г. ему было поручено руководство циклом «Народоведение» при кафедре антропологии.

Наряду с университетом научная деятельность Б. А. Куфтина протекала в Академии истории материальной культуры, где он с 1919 г. являлся старшим научным сотрудником этнологического отделения. С 1924 по 1930 г. Б. А. Куфтин заведовал отделением Средней Азии и Сибири в Центральном музее народоведения. Тогда же состоял непременным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

В 1927 г. за совокупность научных трудов по этнографии ему была присуждена Всесоюзным географическим обществом малая золотая медаль.

В 1928 г. Б. А. Куфтин был утвержден в звании профессора и действительного члена Института народов и культуры Востока СССР.

В своей научной работе Б. А. Куфтин значительное время отдавал полевым экспедиционным исследованиям по антропологии, этнографии, археологии. Им изучены археологические памятники в бассейнах рек Оки, Клязьмы, Таманского полуострова. Его научные труды ранних лет преимущественно посвящены этнографии, этнологии.

В 1929—1930 гг. после разгона профессуры Московского университета Б. А. Куфтин был вынужден покинуть Москву и переехать в Вологду. Это были наиболее тяжелые годы в его жизни. В 1933 г. при содействии проф. Г. К. Ниорадзе, с которым его связывала совместная работа в Институте антропологии Московского университета у проф. Д. Н. Анучина, Б. А. Куфтин переезжает в Тбилиси и назначается ученым консультантом по археологии в Государственном музее Грузии. Здесь в это время шли подготовительные работы по устройству археологической выставки, и Б. А. Куфтин сразу же принял в них деятельное участие.

В Грузии интересы Б. А. Куфтина в области археологии чрезвычайно широки. В 1934 г. он участвовал в работе Абхазской археологической экспедиции, которой руководил акад. Мещанинов. Он исследовал главным образом памятники бронзового века, дольменную культуру. Затем были археологические экспедиции в Сачхере, Даблагоми. Но особо следует отметить триалетскую археологическую экспедицию, результаты которой принесли Б. А. Куфтину всемирную известность. С 1936 по 1940 г. в высокогорной части Триалети, на Цалкском плато, под руководством Б. А. Куфтина были проведены систематические археологические работы крупного для того времени масштаба. Велика в этом заслуга акад. И. А. Джавахишвили, по предложению которого руководство Триалетской археологической экспедицией было возложено на Б. А. Куфтина. Он сразу же ощутил научный потенциал Б. А. Куфтина, и чутье не подвело его. Результаты археологических раскопок в Триалети коренным образом изменили наши представления о далеком прошлом Грузии и Кавказа в целом.

В Триалети на Цалкском плато Б. А. Куфтиным были исследованы памятники разновременных эпох начиная с каменного века и вплоть до раннего средневековья. Они положили начало принципиально новому этапу в изучении древнейшей истории Грузии. Б. А. Куфтиным на основании интерпретации накопленных в результате раскопок в Триалети материалов впервые была создана научно обоснованная периодизация, значительно изменившая существовавшие до того представления о древнейших этапах исторического прошлого Грузии. Значительно раздвинув хронологические рамки вглубь, он воссоздал яркую картину развития

культуры тех времен, которые предшествовали эпохе поздней бронзы. Ему удалось выделить совершенно до тех пор не известные культуры: куро-аракскую и триалетскую. Предложенное Б. А. Куфтиным хронологическое построение в дальнейшем сыграло решающую роль в изучении бронзового века Грузии и всего Закавказья и не претерпело существенных изменений до настоящего времени. Нельзя особо не отметить поразительную энергию, работоспособность, эрудицию Б. А. Куфтина, благодаря чему на пятый год после начала работы Триалетской экспедиции ему удалось опубликовать свою блестящую книгу «Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников», которую он посвятил светлой памяти акад. И. А. Джавахишвили. Эта работа впервые среди археологов была удостоена в 1942 г. Государственной премии. В 1944 г. Б. А. Куфтин избирается членом-корреспондетом, а в 1946 г.— действительным членом АН Грузии.

На основании триалетских находок и сопоставления их с музейными коллекциями Б. А. Куфтин впервые выделил на Южном Кавказе своеобразную культуру, которая сохранила удивительную однородность на обширной территории своего распространения. Он отнес эту культуру к III тыс. до н. э. и выделил ряд ее «руководящих» признаков. В дальнейшем Б. А. Куфтин продолжил исследования этой проблемы и посвятил ей специальную работу. Исходя из охватываемой ею основной территории, он назвал эту культуру «куро-аракской культурой». Он неоднократно подчеркивал ее независимый характер, резко отличающийся от всех синхронных культур древневосточного мира.

Б. А. Куфтин с большим вниманием приступил к изучению богатого археологического фонда Музея Грузии. В бывшем Кавказском музее собраны были материалы со всего Кавказа, и можно сказать, что никто до него не делал эту богатейшую коллекцию предметом широкого изучения. Из старых музейных коллекций Б. А. Куфтин выделил материалы из Сачхере. В дальнейшем, также неоднократно, им предпринимались раскопки курганных могильников в верховьях Квирильского бассейна. Именно в результате работы в фондах родилась одна из замечательных его работ — «К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии», специально посвященная изучению бронзового века Грузии. Систематизировав и изучив все известные к тому времени археологические материалы, Б. А. Куфтин воссоздал картину развития бронзовой культуры на территории Грузии и сделал принципиально правильное заключение, что «прекрасная родина грузинского народа должна рассматриваться и как прародина его культуры». Б. А. Куфтин выделяет руководящие формы металлических вещей, дает глубокий анализ всех ведущих предметов и, исходя из этого, указывает на существовавшие в эпоху бронзы довольно близкие связи с переднеазиатским миром.

Триалетской археологической экспедицией впервые была открыта курганная культура. Старшую группу курганов Триалети Б. А. Куфтин отнес к началу бронзового века. Он вполне обоснованно отмечал наличие генетической связи куро-аракской и курганной культур. Младшую группу триалетских курганов Б. А. Куфтин отнес к эпохе крупных государственных образований в Малой Азии и Мессопотамии в середине II тыс. до н. э. Эти курганы «цветущей поры» триалетской культуры эпохи средней бронзы отличаются богатством погребального инвентаря. Развитие ювелирного искусства было обусловлено усилением этнокультурных контактов с древневосточным миром, хотя Б. А. Куфтин отмечал и самобытные черты драгоценных предметов триалетских курганов.

В 1945 г. Б. А. Куфтин осуществил маршрутную экспедицию в Юго-Осетию и Имеретию, которой посвятил отдельную книгу. В 1947 г. он возобновил работу в Триалети на Цалкском плато, результаты работ опубликованы отдельной книгой.

Велика заслуга Б. А. Куфтина в археологическом изучении Западной Грузии. Древностям Колхиды он посвятил замечательное двухтомное исследование. Им была установлена хронологическая последовательность жилых холмов Кол-

хидской низменности. Он же впервые дал научно обоснованную датировку дольменов, отметив их раннее появление на Черноморском побережье Абхазии. Велика роль ученого в деле изучения колхидской культуры.

Таким образом, заслуга акад. Б. А. Куфтина в изучении бронзовой культуры Южного Кавказа, и Грузии в частности, исключительно большая. Им с самого же начала была воссоздана в основном правильная картина культурно-исторического развития и сделан вполне обоснованный вывод, что древнейшие корни истории грузинского народа следует искать в далеком прошлом, в культуре эпохи бронзы. Дальнейшие исследования, давшие огромный фактический материал, еще более уточнили и утвердили выдвинутые им положения о ранних стадиях истории Грузии.

С конца 40-х годов Б. А. Куфтин участвовал в работе Южно-Туркменской археологической экспедиции, где им раскапывалось многослойное поселение Намазга-Тепе. Проработав всего несколько сезонов на этом памятнике, он за короткий срок разработал периодизацию, не потерявшую значение до сих пор.

Летом 1953 г. слепой трагический случай в Прибалтике унес жизнь этого выдающегося ученого-археолога. Б. А. Куфтин завещал похоронить его на грузинской земле. Прах его покоится в Пантеоне общественных деятелей в Тбилиси.

Тбилисский университет

Критика и библиография

О. Д. Дашевская. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с. (Свод археологических источников. Вып. Д 1-7)

Позднескифская культура синкретична по своей природе. Ее формирование и эволюция происходили при участии скифского (в большей степени), сарматского, эллинского, фракийского, таврского элементов. Поэтому естествен интерес, который проявляют к культуре поздних скифов археологи разных специальностей.

Исследования позднескифских памятников начались в 1827 г. раскопками на городище Керменчик, тогда же отождествленном с Неаполем Страбона. За прошедшие более чем 150 лет открыты десятки позднескифских поселений и могильников, многие из которых изучены археологически [1]. Результаты раскопок постепенно вводились в научный оборот сотнями статей и несколькими монографиями [1—5]. Нельзя не отметить и работы О. Д. Дашевской, полевые изыскания и аналитические труды которой прекрасно известны специалистам по археологии Северного Причерноморья античной эпохи. Однако даже монографически обобщались исследования либо локального региона, либо отдельного памятника.

Рецензируемая книга представляет собой первый опыт сведения воедино важнейших итогов работ многих исследователей. Ограниченная объемом издания и поставленная перед необходимостью познакомить читателя с огромным материалом, О. Д. Дашевская избрала, как представляется, единственно верную структуру монографии.

Во введении кратко изложена история исследования позднескифских памятников Крыма. Первый большой раздел работы посвящен поселениям. В нем предложена классификация позднескифских городищ, рассмотрены различные варианты фортификации, описаны жилые, хозяйственные и общественные сооружения. В этом же разделе приводятся сведения о наиболее интересных находках, сделанных на поселениях, подробно классифицирована лепная керамика. Интересна таблица, где в хронологическом порядке перечислены все монеты, обнаруженные на поселениях и в погребениях.

Во втором разделе речь идет о погребениях. Они разделены по типам и регионам (Центральный, Северо-Западный и Юго-Западный Крым), перечислены основные категории погребального инвентаря, описаны все надгробные изваяния, найденные на позднескифских могильниках.

Заключение содержит краткий очерк истории Крымской Скифии. Очень полезны аннотированные и содержащие указания на публикации списки поселений и могильников. В списке поселений имеются сведения о 75 пунктах, в другом списке названы 57 подкурганных погребений и 32 грунтовых могильника. Как и должно быть в подобного рода работах, большую часть книги занимают иллюстрации хорошего качества. Самостоятельный интерес представляет список литературы, которым завершается монография. В нем перечислены почти все публикации о поздних скифах Крыма, изданные до 1989 г.

Высокий уровень монографии О. Д. Дашевской не вызывает никаких сомнений. Единственное, о чем можно сказать в критическом плане,— это включение в работу о поздних скифах сведений о могильниках, которые, на мой взгляд, позднескифскими не являются. Речь идет о могильниках Дружное, Озерное III, Нейзац, Чернореченский, Инкерманский, которые правильнее называть позднеримскими. Они возникли не ранее середины III в. н. э. [6, с. 64], когда позднескифские поселения

[1] В данном случае речь идет только о Крыме, так как нижнеднепровский вариант позднескифской культуры не является предметом рецензируемой монографии.

© И. Н. Храпунов, 1993 г.

уже перестали существовать. Исключение составляет могильник Бельбек I, где хоронили и в позднескифское, и в позднеримское время.

Перечисленные выше могильники в значительной мере состоят из склепов не известной поздним скифам конструкции. Захоронения в них обычно многократные, но не многоярусные, как у поздних скифов. Могильники Чернореченский и Бельбек I биритуальны, а поздние скифы не кремировали умерших (правда, известны частично обожженные костяки) и тем более не использовали для погребений урны. В качестве погребального инвентаря использовались категории изделий, почти не применявшиеся (например, оружие, монеты) или не применявшиеся вовсе (например, стеклянные сосуды) поздними скифами. Лепная керамика обнаруживает ближайшие аналогии не в позднескифских, а в аланских памятниках Северного Кавказа. Есть и другие отличия.

Кроме того, среди позднескифских погребальных памятников названо сарматское захоронение у с. Константиновка, которое датируется, кстати, не III, а концом I — первой половиной II в. н. э. [7]. Несколько подкурганных могил не имеют явных этнических признаков, но к сарматским их можно отнести, во всяком случае, с не меньшим основанием, чем к позднескифским (Шейхлар, Барабаново, колхоз им. Ильича, «Пятый километр» близ Бахчисарая, Долинное, Ревелиотти, совхоз «Коминтерн», Братское кладбище, Рисовое).

Рецензируемую монографию можно оценить как существенный вклад в археологию поздних скифов. Она станет важным подспорьем в работе как для археологов-античников, так и для специалистов по раннему железному веку.

Симферопольский государственный университет *И. Н. Храпунов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М.: Искусство, 1953.
2. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
3. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
4. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
5. *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. Киев: Наук. думка, 1983.
6. *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени//Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1990.
7. *Орлов К. К., Скорий С. А.* Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в Центральному Криму//АрхеологІя. 1989. Т. 2.

E. Mühle. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Ruś., Aufzüge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991.

Настоящая монография на немецком языке является диссертацией автора 1987—1989 гг. Она состоит из предисловия, пяти разделов по истории развития основных центров Северо-Западной Руси и заключения о результатах проведенного исследования. В приложение вынесены списки письменных, археологических, нумизматических источников и принятых сокращений, библиография (свыше 500 наименований) и иллюстративный материал — 14 карт.

В предисловии освещена история вопроса образования средневекового города, успешной разработке которого способствовал археологический материал из раскопок ряда городов последних лет. Вещественные памятники дают возможность воссоздать характер ранних поселений городского типа, истоки их зарождения и причины развития, размещение поселений на местности и их планировку, присущие им социально-экономические функции, т. е. осветить основополагающие вопросы данной проблематики, скупо отраженные в памятниках письменности.

Изучение процесса градообразования вызвало оживленную дискуссию в международном масштабе, охватившую не только Западную, но и Восточную Европу. Однако многочисленные работы русских историков и археологов по данной теме в силу ряда причин (в том числе и из-за языкового барьера)

© М. В. Фехнер, 1993 г.

не попали в поле зрения большинства зарубежных исследователей и известны только узкому кругу специалистов.

Термин «город», как известно, не имеет однозначного определения, в зависимости от времени и местоположения поселения это понятие трактуется различно. Средневековые поселения городского типа, существовавшие одновременно, но в различных регионах, отличаются по экономическому развитию, по политико-административным функциям, по жизненному укладу.

В течение длительного времени упомянутые в древнерусских летописях города воспринимались вполне сложившимися городскими поселениями, хотя по существу не каждый из них являлся таковым. Вместе с тем наименования в летописях отдельных участков поселений — детинец, подол, посад, окольный город, предгород, острог — дают основание часть поселений считать городами.

За последние десятилетия в русских исследованиях по образованию древнерусских городов понятие «город» получило относительно четкое определение. В этом отношении, по мнению автора, большое значение имели работы М. Н. Тихомирова, считавшего, что город складывался в процессе разложения родового общества и развития феодальных отношений, что он являлся постоянным местом обитания населения, осуществлявшего торгово-ремесленные функции, и что одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением являлось земледелие. Э. Мюле считает, что положения М. Н. Тихомирова предопределили направление дальнейшего изучения процесса образования городов.

Значительная часть русских исследователей считает укрепленный родоплеменной центр древнейшей формой предгородского поселения. Согласно другой точке зрения, за последнее время все упорнее выдвигаемой прежде всего археологами, древнейший русский город возник из открытого ремесленно-торгового поселения. Зарубежные исследователи, точка зрения которых по данному вопросу в основном согласуется со взглядами русских авторов, большое значение в процессе формирования городов придают еще феодальному замку, что, однако, не нашло сторонников среди русских ученых.

В западноевропейских общего характера исследованиях по древнерусским городам четко проявляются две тенденции. Одна из них придерживается точки зрения русских исследователей, что развитие земледелия и ремесла способствовало процессу урбанизации, не придавая в этом отношении решающего значения внешнеторговым связям; вторая придерживается взглядов В. О. Ключевского, считавшего, что процесс градообразования немыслим без наличия сильно развитой международной торговли.

В этих работах указывается, что развитие христианства оказывало несомненное влияние на процесс становления городов, что в современных русских работах не нашло отражения.

Следует заметить, что город Западной Европы XII в., отмечает автор, отличается от средневекового русского города как своими политико-административными, так и культурно-религиозными функциями.

Анализируя статьи русских авторов о причинах формирования древнерусского города, Э. Мюле приходит к заключению, что эта проблема далеко не решена и требует дальнейшего изучения, так же как и уточнения хронологических рамок, в которых этот процесс протекал. Возникновение предгородов отнесено в ряде работ то к VI—VIII вв., то к IX—X вв., а раннегородской период датируется IX—X вв., X в., рубежом IX—X вв. или даже XI в.

Э. Мюле полагает, что методом сопоставления основных этапов развития городов, совпадающих по времени и расположенных в одном регионе, можно разрешить эту проблему. Для своего исследования автор выбрал территорию Северо-Западной Руси с городами Ладога, Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, которые в результате длительного развития являлись в XII в. в полной мере сложившимися средневековыми городами. Выбор этой темы обусловлен и значительным объемом источников по этим городам.

Успешное завершение своей монографии автор приписывает тем обстоятельствам, что во время пребывания в 1987—1988 гг. в Петербурге и Москве ему удалось ознакомиться с археологическими исследованиями по этим городам, кроме того, большое значение имело личное общение с русскими археологами и историками. Заканчивая свое предисловие к монографии, автор приводит список научных сотрудников, содействовавших его работе, и приносит им глубокую благодарность.

Предлагаемая монография состоит из пяти очерков, посвященных древнерусским городам Ладоге, Новгороду, Пскову, Полоцку и Смоленску, вопросам их возникновения и развития в VIII—XII вв., сравнительно мало разработанным в настоящее время. Раскрытие процесса городообразования на территории Северо-Западной Руси проведено на основе изучения критически осмысленных источников различного рода и широкого использования опубликованных работ по данной проблематике. Мо-

графия Э. Мюле, охватывающая большой круг детально разработанных вопросов, несомненно представляет значительный интерес. Вполне возможно, что новый материал из продолжающихся археологических раскопок северо-западных городов внесет ряд дополнений и коррективов в эту работу (это, между прочим, отмечает и сам автор), что, однако, не скажется на снижении значимости этого исследования.

Следует отметить чрезвычайную тщательность в оформлении научного аппарата, что облегчит пользование материалами этой монографии.

В очерке по Ладоге (карты 1—2) — северного пункта на окраине восточнославянского заселения — подробно освещены три хронологические стадии развития поселения.

1. Ранняя фаза развития поселения с середины VIII до начала X в. (с. 19—45). В ней освещены вопросы: начало древнейшего поселения на правом берегу Ладожки и с середины IX в. освоение под застройку левого берега реки; погребальные памятники в окрестностях Ладоги; экономический базис — торговля и ремесло; Ладога — первый опорный пункт на северном отрезке международной трассы; этнический состав населения; варяжские дружины и их роль в политической жизни поселения.

Интерес представляют помещенные в этом разделе диаграмма «Рост поселения с 80-х годов VIII в. до 60-х годов X в.» и табл. 1—3 «Находки восточных монет с 1710 по 1985 г.», «Находки предметов импорта» и «Различные изделия ремесленного производства».

2. Процесс развития поселения в X в. (с. 46—58). Здесь освещены вопросы: перепланировка и застройка поселения на берегах Ладожки, сооружение каменной крепости; расширение (в 2 раза) городской территории до 10 га с населением 1700—2800 человек; изменения в этнокультурном и социальном отношениях; развитие торговли с сельской округой и интенсивный рост ремесленного производства.

3. Формирование средневековой Ладоги в течение XI и XII вв. (с. 63—73). Затронуты следующие вопросы: дальнейшее расширение площади города до 14—15 га с населением в 3000 человек (к концу XII в.); господство в Ладоге шведов, взаимосвязь Ладоги с Новгородом и потеря относительной самостоятельности; экономическое развитие и социально-политические отношения.

Очерк по Новгороду распадается на три темы, каждая из которых состоит из ряда подтем.

1. Рюриково городище (карта 3) в IX—X вв. В этом разделе затронуты вопросы: воссоздание «Нового города» и вопрос о предшествующем поселении; топография и хронология Рюрикова городища, этнический состав населения; социально-политический фактор (с. 75—87).

2. Постепенное топографическое развитие города с середины X до середины XI в. (карты 4—5). Подтемы: древнейшие поселения в пределах Новгорода и их социальный характер; становление Новгорода и принятие христианства (с. 90—108).

3. Формирование Новгорода в течение XI и XII вв. (с. 109—164). Подтемы: расширение городской территории (в 6 раз); торговая и Софийская стороны; численность новгородского населения (в конце XII в. оно составляло 14 500—19 000 человек); вопрос о сооружении оборонительной крепостной стены; сложение новгородской периферии — загородные монастыри и церкви; экономическое развитие и социально-политическая структура.

В очерке по Пскову отражены три основные темы, каждая из них подразделяется на ряд подтем (карты 7—8).

1. Ранняя фаза развития поселения. Подтемы: топография и следы древнейшего поселения; поселение в VIII и IX вв. (с. 165—171).

Попутно здесь приведен материал по торгово-ремесленному поселению Изборск с VIII до начала X в. (карта 6, с. 171—174).

2. Псков с конца IX до середины XI в. Подтемы: формирование топографической структуры — крепость — посад — могильник; рост населения и развитие экономического процесса; социально-политическая структура конца X — первой половины XI в. (с. 175—185).

3. Формирование средневекового Пскова в XI и XII вв. Подтемы: структура городской застройки и расширение территории посада, экономическое развитие и социально-политическая структура; оформление крепости, посада и периферии города (с. 186—201).

В очерке по Полоцку рассмотрены три темы: распадающиеся на ряд подтем (карты 9—10).

1. Начальная фаза развития поселения в IX в. Подтемы: славянское поселение на возвышенности острова близ правого берега р. Полоты; появление норманских военно-торговых дружин (с. 203—209).

2. Поселение рубежа IX—X вв. Подтемы: развитие посада; рост торговли международной и внутренней с сельской округой; стабилизация княжеской власти (с. 210—215).

3. Формирование средневекового Полоцка в XI—XII вв. Подтемы: расширение посада на левом

берегу р. Полоты; сооружение Софийского храма; консолидация Полоцкого княжества и дальнейшее экономическое развитие; завершение процесса формирования средневекового города и социально-политическая структура (с. 216—238).

В последнем очерке, посвященном Смоленску, рассматриваются три основные темы, расчлененные на подтемы.

1. Гнездово — старый Смоленск (карта 11). Подтемы: возникновение и топографическое развитие Гнездовского комплекса в конце IX и X в.; экономическая характеристика Гнездовского комплекса; этнический и социальный состав населения. В середине X в. численность населения составляла около 2100 человек, территория Гнездова — около 15 га (с. 239—252).

2. Социально-политическая структура и перемещение во второй половине XI в. основных экономических функций Гнездова на новое место (с. 253—255).

3. Формирование средневекового Смоленска в конце XI и в XII в. Подтемы: начальный этап топографического и строительного развития города на новом месте — Приречная — Соборная гора — Заднепровье; дальнейший рост города в XII в.; экономическое развитие; демографическое развитие и социально-политическая структура, численность населения в XII в. составляла 14 000—15 000 человек.

К этому разделу приложены две таблицы — «Находки восточных монет на поселении Гнездова с 1868 до 1986 г.» и «Социальная структура населения Смоленска в XII в.» (с. 256—280).

В последнем разделе монографии «Возникновение и развитие древнерусского города в Северо-Западной Руси» автор излагает результаты своего исследования.

Топографическо-функциональное развитие основных центров Северо-Западной Руси распадается по существу на три стадии. Первая — предгородская относится ко второй половине VIII — началу X в., вторая — раннегородская охватывает время от рубежа IX—X вв. до первой половины XI в., третья — завершение процесса формирования города — датируется второй половиной XI и XII в.

Предгородская стадия представлена двумя типами поселений: открытыми торгово-ремесленными, расположенными на широком пространстве и ориентированными в сторону речных гаваней (Ладога, Рюриково городище, Гнездово), и укрепленными племенными центрами, пространственно ограниченными (Изборск). Представляется принципиально возможным перерастание племенных центров в поселения открытого типа, хотя и выросших на другой социально-экономической основе, чем последние; примером этому является Полоцк и отчасти ранний Изборск.

Раннегородская стадия отличается бурным развитием поселений площадью от 4 до 20 га с населением от 500 до 2000 человек. Раннегородские поселения с княжеским детинцем и торгово-ремесленным посадом являлись политико-экономическим центром сельской округи, откуда поступала продукция лесных промыслов, экономически ценных для международной торговли. Возможно, центральная часть поселений была укреплена земляными валами, за пределами которых начинался предград.

В третьей стадии отмечается расширение городских территорий в 2—6 раз. Городской массив складывается из княжеской резиденции с дружиной, отдельных раннегородских поселений, феодальных усадеб, многочисленных жилищ ремесленников и купцов, из множества деревянных и каменных церквей и монастырских комплексов. Типичными являлись уличная планировка и сооружение каменных городских укреплений.

Причины, лежащие в основе образования городов, условия, способствующие перерастанию отдельных поселений в города, импульсы, стимулирующие этот процесс, чрезвычайно сложны и многообразны. В результате анализа причин возникновения и развития северо-западных русских городов стало очевидным, что этот процесс определялся воздействием ряда факторов — географического, политико-экономического и демографического. Только сочетанием этих взаимосвязанных факторов возможно в полной мере осветить данную проблему. Для большей убедительности представленного вывода значение каждого из этих факторов раскрывается в отдельности.

Географический фактор — климат, почвы, растительность, гидрография — играл далеко не последнюю роль в процессе образования городов. Природные условия северной части лесной зоны Руси (сравнительно суровый климат, малоплодородные почвы, заболоченность, труднопроходимые леса) обусловили незначительную ее заселенность и слабую концентрацию поселений. Среди болот и лесов редкие поселения казались небольшими островками. Исключительное значение имела разветвленная система рек с проходящими по ним торговыми путями к северным лесам за продукцией лесных промыслов (пушниной, медом, воском), экономически ценной в международной торговле. Объектом торговли являлись также рабы — пленники, захваченные среди местного населения во

время военно-грабительских набегов. Та же картина в VIII—IX вв. наблюдалась и в южнее расположенных регионах Северо-Западной Руси с более благоприятными природными условиями.

Поселения предгородского и раннегородского типа являлись опорными пунктами на основных водных путях, обеспечивающими нормальное их функционирование и обслуживающими транзитную торговлю (Ладога, Рюриково городище, Гнездово). Не случайно они занимали на международных магистралях стратегически важные участки — у порогов, волоков, при раздвоении рек на рукава. Ладога расположена близ устья Волхова, Новгород — на южном отрезке Волховского пути, близ оз. Ильмень, Псков — на нижнем течении р. Великой, Полоцк — на среднем течении Западной Двины, Гнездово — Смоленск — у верхнего течения Днепра, на месте пересечения двух торговых путей Волхов — Ловать — Днепр и Западная Двина — Днепр — Ока — Волга, открывавших дорогу на юг и восток.

В период расцвета международной торговли ключевая позиция этих поселений на торговых путях несомненно оказала влияние на их дальнейшее успешное развитие.

Экономический фактор. Установление в начале X в. Днепровского торгового пути вызвало оживленные контакты с Византией (после завершения русско-византийской войны и заключения торгового договора 911 г.). В результате организованного сильной княжеской властью сбора дани среди населения сельской округи увеличился объем продукции лесных промыслов, поступавшей на международный рынок, значительное развитие получили внутренняя торговля, стимулирующая рост местного ремесла.

Изменения начала XI в. в политико-экономической структуре Северного Предкавказья (распад хазарского каганата, нашествие кочевников) и в ближневосточном регионе (перенос основных экономических функций из Багдада в Византию) вызвали резкое сокращение русско-восточной торговли. Вместе с тем постепенная ориентация в течение XI в. внешних связей Руси на Северную и Западную Европу отразилась на положении северо-западных городов — падает значение Ладоги, в упадок приходит Гнездово, возрастает торговая роль Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска (в конце XI в.). В XI и XII вв. наблюдается подъем сельского хозяйства, снабжавшего возросшее население городов продуктами питания, а высокоразвитое дифференцированное ремесло сырьем. В итоге подчеркивается, что если в VIII—X вв. экономическое развитие поселений определялось прежде всего воздействием международной торговли, то в XI и XII вв. доминирующая роль в этом отношении принадлежит высокоразвитому ремесленному производству и развивающемуся аграрному сектору.

Демографический фактор. Экономическое развитие городов тесно связано с вопросом народонаселения. Скандинавы, появившиеся в середине VIII в. на севере Руси и продвинувшиеся в IX—X вв. до Волго-Окского междуречья, были ассимилированы славянами и явились одним из компонентов слагающейся древнерусской народности.

Городское население середины XI в. этнически неоднородное, дифференцированное в социальном отношении, видимо, в течение длительного времени отличалось от славяно-балто-финно-угорского населения сельской округи.

В течение XI в. резкое увеличение народонаселения в Северо-Западной Руси в результате необычайного подъема рождаемости (как и в Западной Европе того времени) вызвало прирост городского населения за счет сельской округи и расширение городских территорий. Крупнейшие города этого региона — Смоленск, Новгород, Полоцк — занимали площадь в 150, 120 и 60 га.

Политический фактор. В Северо-Западной Руси формирующееся господство княжеской власти как одна из движущих сил в развитии градообразования начало приобретать значение с конца IX в., т. е. в раннегородской период. В предгородское время выслаивавшиеся из патриархально-родового общества господствующие элементы заметного влияния на развитие торгово-ремесленных поселений во всяком случае не оказывали.

В IX—X вв. города становятся политико-административными центрами, организованный княжеской властью сбор дани среди земледельческой округи воздействовал на подъем внешних и внутренних экономических связей и развитие местного ремесленного производства. Господство княжеской власти сказалось и на развитии структуры и застройки городов и формировании городской периферии. С принятием христианства города становятся также и религиозно-культурными центрами.

Города Северо-Западной Руси XII в., разноэтничные по своему составу из-за притока зодчих, иконописцев, духовных лиц из Византии, а также купечества из Скандинавии и Германии, приобрели интернациональный характер.

Государственный Исторический музей,
Москва

М. В. Фехнер

З. С. Самашев. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 287 стр., 258 ил.

В Алма-Ате вышла в свет монография З. С. Самашева «Наскальные изображения Верхнего Прииртышья», в которой автор публикует материалы, собранные им в 1971—1983 гг. в Восточно-Казахстанской области. Ныне на территории Северной, Средней и Центральной Азии трудами десятков отечественных и зарубежных исследователей открыты и изучены многие сотни местонахождений петроглифов. В результате выделены целые регионы первобытного искусства, культурно-исторические ареалы с особым обликом наскальных изображений. Между тем памятники Восточного Казахстана — одного из важнейших регионов первобытного творчества — до недавнего времени все еще были недостаточно освещены в научной литературе. В этой связи каждая новая публикация, каждое исследование, посвященное рассмотрению наскальных изображений этой территории, вызывает закономерный интерес у широкого круга специалистов. Целеустремленные, планомерные полевые работы З. С. Самашева существенно расширили источниковедческую базу и создали качественно новую основу для исследований, преследующих цель заполнить существенный пробел в деле изучения азиатских наскальных изображений.

Хронологические рамки работы охватывают период от энеолита до эпохи раннего средневековья. В истории наскального искусства Восточного Казахстана автор выделят четыре хронологических пласта: изображения эпох энеолита и бронзы, предсакского и раннесакского времени, затем петроглифы развитого сакского времени и, наконец, эпохи раннего средневековья. Наиболее дискуссионно и уязвимо для критики выделение древнейшего пласта наскальных изображений, что сознает и сам автор. Подвергая анализу три фигуры быков из окрестностей с. Зевакино и из урочища Сагыр, З. С. Самашев подчеркивает, что рассматриваемые рисунки выглядят более архаичными по сравнению с прочими изображениями, однако «для конкретизации даты в настоящее время нет веских оснований и четких критериев» (с. 145). Наскальные рисунки последующих эпох в целом выделяются автором с достаточной степенью надежности, хотя в отдельных случаях его хронологические определения представляются дискуссионными. Так, З. С. Самашев вряд ли прав, полагая, что фигуры в сцене охоты на оленя из урочища Сагыр II разновременны (рис. 31). Правда, в начале работы при описании памятника автор как будто склоняется к мысли, что в данном случае представлена единая композиция. Он пишет: «Интерес представляет сцена охоты конного всадника на оленя... Пышные рога животного отброшены назад, корпус в нескольких местах пронзен стрелами с оперением» (с. 29, 31). Однако при анализе изображений З. С. Самашев в отношении фигуры оленя из Сагыра II замечает, что «уже в раннем средневековье к этой фигуре подрисованы конный лучник и стрелы с оперениями» (с. 171). На чем основано данное утверждение, автор не объясняет; очевидно, оно базируется на различиях в технике изображения. Судя по опубликованным копиям (рис. 31) и приведенному описанию (с. 31), фигуры оленя и всадника выбиты, а изображения стрел прорезаны тонкими линиями. Между тем, если обратиться к аналогиям в тувинском наскальном искусстве, то можно высказать достаточно обоснованное предположение, что изображения из Сагыра II одновременны и находятся в композиционной связи. В последние годы работ в Саянском каньоне Енисея, когда сотрудниками Отряда по изучению петроглифов Института археологии АН СССР был уже накоплен значительный опыт, и наше профессиональное зрение стало зорче, на казалось бы хорошо обследованных участках мы стали различать незамеченные прежде тончайшие резные линии. Такими волосяными линиями древние художники предварительно наносили контур — эскиз наскальных рисунков, который затем заполнялся точечными выбоинами. Иногда в силу каких-то причин, чаще преднамеренно, абрис, нанесенный резной линией, оставался без дальнейшей доработки ударным орудием. Начиная с эпохи бронзы на скалах Саянского каньона в сценах охоты встречались изображения стрел, по технике исполнения отличавшиеся от прочих выбитых фигур. Эти стрелы были изображены резными линиями, часто еле заметными и то лишь при благоприятном освещении. Подобный прием встречается в сценах охоты, датируемых гунно-сарматским временем и ранним средневековьем, когда воинственный дух эпохи, связанной с появлением на исторической арене хунну и древних тюрков, наложил отпечаток на тематику художественных произведений того времени. Люди и животные изображались стремительно мчащимися, смертельно ранеными, со стрелами, вонзенными в тело или летящими в направлении к жертве. Характерным примером сочетания резной

© М. А. Дэвлет, 1993 г.

техники и выбивки может служить композиция бега зверей на прибрежном камне близ впадения р. Чинге в Енисей. Показательно, что при первоначальном копировании и публикации [1, табл. 37, *1*] нами не были замечены эти волосяные линии, в том числе резное изображение стрелы, вонзившейся в тело мчащегося оленя [2, с. 83]. Представляется, что древние создатели наскальных изображений использовали комбинированную технику вполне сознательно и что упомянутая выше композиция с верховьев Енисея, как и сцена охоты на оленя из Сагыра II, опубликованная З. С. Самашевым,— это явления одного порядка. Сочетание выбивки и резной техники известно и по другим петроглифам Верхнего Прииртышья. В том же Сагыре II зафиксирована уникальная сцена поединка двух пеших воинов со сложными луками в горитах, одновременно наносящих друг другу удары чеканами по голове. Их оружие также выполнено резными линиями.

Недостаточно четко выделяет З. С. Самашев древнетюркский пласт изображений горных козлов в Верхнем Прииртышье. Еще в середине 1950-х годов А. Д. Грач по материалам своего первого полевого сезона в Туве предложил вычленить из общей массы изображений горных козлов группу фигур, названную им изображениями «типа Чуруктуг-Кырлан». Эти схематические профильные фигуры по аналогии с тамгообразными изображениями на поминальных тюркских стелах он датировал тюркской эпохой. В дальнейшем эта точка зрения А. Д. Грача подверглась резкой критике со стороны ряда исследователей. В книге «Петроглифы Центральной Азии» академик А. П. Окладников подвел итог дискуссии. Он привел точки зрения исследователей — оппонентов А. Д. Грача,— а также произвел сравнительный анализ наскальных изображений, отнесенных А. Д. Грачом к «типу Чуруктуг-Кырлан», и фигур на тюркских каганских стелах. В результате А. П. Окладников пришел к заключению, что лишь несколько изображений из тех, что были приведены А. Д. Грачом в таблицах, сближаются со стилистическим и хронологическим эталоном — рисунком козла на стеле в честь Кюль-тегина. Все остальные козлы, представленные на таблицах А. Д. Грача, по мнению А. П. Окладникова, «бесспорно принадлежат различным хронологическим этапам и представляют собой различные стилистические группы» [3, с. 79]. Согласно описанию, приведенному в статье А. Д. Грача, фигуры козлов «типа Чуруктуг-Кырлан» состоят из комбинации прямых полосок примерно одной ширины, исключение составляют лишь загнутые рога [4, с. 390]. Рассматриваемые З. С. Самашевым изображения козлов, которые он относит к типу Чуруктуг-Кырлан (рис. 21 и 32), не соответствуют этим стилистическим стандартам; у животных туловище, ноги, шеи обозначены линиями различной ширины, причем не прямыми, а изогнутыми. Эти и другие их особенности не позволяют считать эти изображения тамгообразными. Это обстоятельство подмечает и сам автор, подчеркнув, что с тамгообразными фигурами горных козлов на стелах может быть сопоставлено лишь одно наскальное изображение с территории Верхнего Прииртышья, а к «чуруктуг-кырланским» следует относить, отделив от каганских, схематические изображения козлов, встречающиеся на сосудах, скалах и рядовых поминальных стелах. Представляется, что в дальнейшем целесообразно было бы воздержаться от употребления этого громоздкого и расплывчатого по существу термина «тип Чуруктуг-Кырлан», объединяющего стилистически разнородные и разновременные изображения.

Монографию заключает глава, в которой З. С. Самашев рассматривает вопросы интерпретации, семантики наскальных изображений Верхнего Прииртышья. В сложных и простых композициях автор пытается увидеть глубинный смысл, проявляя при этом широкую эрудицию, знакомство с литературой по различным областям знаний.

Для целей реконструкции мировоззрения древнего человека особое значение имеют писаницы грота Акбаур. Автор на материалах этого памятника стремится пролить свет на проблему представлений о пространстве и времени в мифологическом мышлении древних людей. Информативны и читаются с большим интересом этюды о жертвоприношении быка, об образе ряженого человека, о «чудесной» упряжке, «священном браке», о коне у мирового дерева, о культе оленя, об образе воина, иногда воина-знаменосца. Название параграфа «Сцены терзания, борьбы и преследования» не вполне отвечает содержанию, поскольку сцены терзания в наскальном искусстве Верхнего Прииртышья отсутствуют. Самостоятельный интерес представляет раздел, в котором рассматривается комплекс волк — знамя, хотя этот ярко написанный параграф имеет скорее косвенное, чем прямое отношение к теме петроглифов.

В заключение следует отметить, что книга З. С. Самашева — фундаментальное разноплановое исследование, значение которого для петроглифоведов и историков первобытного искусства трудно переоценить.

Институт археологии РАН,
Москва

М. А. Дэвлет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
2. *Дэвлет М. А.* Круговорот жизни в представлениях древних // Природа. 1988. № 4.
3. *Окладников А. П.* Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980.
4. *Грач А. Д.* Петроглифы Тувы. I // Сб. МАЭ. 1957. Т. XVII. С. 390.

Хроника

XVII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
(Майкоп, 1992)

20—23 апреля 1992 г. в г. Майкопе на базе Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории состоялась конференция по археологии Северного Кавказа, посвященная памяти выдающегося археолога-кавказоведа Е. И. Крупнова. Программа конференции должна была быть весьма обширной. К началу «чтений» в тезисах был издан 51 доклад. К сожалению, из-за сложившихся в стране неблагоприятных обстоятельств в работе конференции смогли лично принять участие лишь некоторые специалисты, представляющие научно-исследовательские учреждения, музеи и вузы Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Баку, Краснодара, Нальчика, Ростова-на-Дону, Черкесска и Майкопа.

На заседаниях прозвучало и было обсуждено 23 доклада, освещающих в той или иной степени обширный диапазон проблем древней истории Северного Кавказа от эпохи палеолита до средних веков. Приоритетной темой конференции была признана майкопская культура.

С вступительным словом при открытии XVII Крупновских чтений выступил старейший археолог Краснодарского края Н. В. Анфимов. Отметив, что конференция проходит в год 70-летия со дня образования Адыгейской автономной области, обретшей в настоящее время статус республики, Н. В. Анфимов указал, что сам факт проведения данных Крупновских чтений знаменует 70-летие науки в Адыгее. Минутой молчания участники конференции и гости почтили память навсегда ушедших исследователей-кавказоведов П. У. Аутлева и В. П. Алексеева. Затем с приветственным словом от имени правительства Адыгеи выступил заместитель главы правительства Р. Г. Хаджибиеков. От имени администрации и коллектива Адыгейского НИИ ЭЯЛИ приветствовал участников конференции и гостей директор АНИИ Д. Х. Мекулов. Кратко обрисовав историю археологических исследований на Северном Кавказе, Д. Х. Мекулов высоко оценил добрые традиции сотрудничества, сложившиеся между исследователями из Адыгеи, Краснодара, Москвы и Санкт-Петербурга в ходе многолетней совместной работы на ниве изучения древней истории Северного Кавказа. Приветственные телеграммы в адрес конференции от В. М. Крупновой и Р. М. Мунчаева зачитал председатель оргкомитета «чтений» И. М. Чеченов, после чего слово для выступления было предоставлено первому докладчику.

Некоторым спорным вопросам в изучении древней истории адыгского народа было посвящено выступление Н. В. Анфимова (Краснодар) «Адыги в древности». Оценив значение ряда наиболее ярких памятников археологии, являющихся основными источниками в изучении древней и средневековой истории Адыгеи, докладчик подверг критике этноязыковые построения некоторых исследователей, ставящие под сомнение как автохтонность меотов, так и происхождение от них адыгов.

В докладе Е. П. Алексеевой (Черкесск, ввиду ее отсутствия текст выступления зачитал А. А. Демаков) были приведены интересные историографические данные по исследованиям археологических памятников в верховьях Кубани и Зеленчука, на основании которых предполагается пребывание предков адыгов на территории Карачаево-Черкесии со II тыс. до н. э., причем эта дата может быть удревнена, если будет доказана праадыгская принадлежность майкопской культуры.

В совместном докладе В. И. Козенковой и С. Н. Кореневского (Москва) «Пути и перспективы археологии Северного Кавказа: преемственность или дискретность в исследованиях» была предложена традиция «возвращения к археологическим трудам, которые можно считать краеугольными камнями северокавказской археологии». При этом особое значение по справедливости было придано сборникам МИА № 3 и 23, являющимся в настоящее время собраниями ценнейших трудов, среди которых ведущее место занимают исследования Е. И. Крупнова и А. А. Иессена. Многие разработанные ими методы работы с материалами и видение перспектив изучения археологии Северного Кавказа не устарели и сейчас. Концепция культурно-исторической стадиальности, присущая для используемого А. А. Иессеном метода обобщения материала, дополненная принятым в послевоенные годы в связи с накоплением большого количества новой информации дискретным подходом к изучению отдельных проблем, в настоящее время используется целым рядом исследователей, в том числе и авторами доклада. Именно в «сочетании апробированного практикой наследия предшественников и новых направлений в науке сегодняшнего дня» видят они оптимальные пути дальнейшего развития археологии Северного Кавказа.

В докладе «Периодизация мустье Северного Кавказа» Л. В. Голованова (Санкт-Петербург)

© А. А. Сазонов, 1993 г.

выступила с обзором новых стратифицированных мустьерских памятников, позволяющих более аргументированно судить об этапах развития мустьерской культуры в данном регионе. Наиболее ранние отложения (рисс-вюрм, начало вюрма) найдены в гроте Матузка. Большой интерес вызывает проблема происхождения памятников, содержащих индустрии близкие мустье восточноевропейского облика (Баракаевская, Монашеская, Мезмайская пещеры, Губский навес № 1 и пр.).

Сравнительному анализу керамики галюгаевского и долинского вариантов майкопской культуры был посвящен доклад С. Н. Кореневского (Москва) «К вопросу о технологии и знаках майкопской керамики на Тереке». Вниманию участников конференции была предложена подробная классификация керамики Галюгаевского и Долинского поселений по формальным и типологическим признакам. Особое внимание в докладе было уделено системе знаков на керамике, предположительно связываемых автором с серийным производством высококачественной гончарной посуды, ориентированном на конъюнктуру «внутреннего рынка» определенной этнокультурной общности. Типы посуды и знаковая система восходят, как убедительно показывает С. Н. Кореневский, к культурам Передней Азии.

В выступлении Н. Г. Ловпаче (Майкоп) «Унакозовские пещеры — памятник протомайкопской культуры» была дана весьма подробная и яркая информация о многослойном пещерном поселении, исследовавшемся докладчиком в 1985—1990 гг. Используя богатые материалы данного памятника и ряда майкопских поселений и погребальных комплексов (Псекупское поселение, поселение Мешоко, Большой Майкопский курган «Ошад»), автор аргументирует гипотезу о сочетании на территории Адыгеи в период позднего энеолита местного (атхского) и переднеазиатского (хаттского) культурных компонентов с постепенным их сближением в укладе хозяйства и материальной культуре в эпоху ранней бронзы и образованием синтетической протомайкопской культуры горных скотоводов и земледельцев, влившейся позднее в майкопскую культуру в качестве местного компонента.

В докладе «Контакты Северного Кавказа со степью и Закавказьем» А. П. Мошинского (Москва) говорилось о прослеживаемых по погребальному обряду и инвентарю связях горных районов кобани со степными культурами скифского типа, с одной стороны, и с Закавказьем, с другой стороны. Автор предполагает усиление в V—IV вв. до н. э. натиска степных кочевников, нарушившего традиционные межплеменные контакты горских кобанцев и явившегося причиной активизации их связей с Закавказьем.

В докладе И. М. Чеченова (Нальчик) «Об этнокультурных связях Северного Кавказа с Восточным Закавказьем в эпоху ранней бронзы» был проведен сравнительный анализ ряда памятников бронзового века этих регионов, обнаруживающих очевидные черты сходства, в связи с чем докладчик предполагает и аргументирует возможность миграции через Дербентский проход в восточные и центральные районы Южного Кавказа определенных групп кочевого и полукочевого населения Юго-Восточной Европы и Предкавказья, возрастание мобильности которых могло быть связано с изменениями природно-климатических условий около XXVI—XXIII вв. до н. э. В этнокультурном плане автор высказывает мысль о том, что пришедшие с севера племена протоиндоевропейцев, испытав ощутимое влияние носителей майкопской культуры, наложили, в свою очередь, отпечаток на развитие восточнозакавказских племен, что подтверждается и лингвистами.

К необходимости включить в ареал распространения погребений майкопско-новосвободненского типа Калмыкию приходит Н. И. Шишлина в докладе «Население прикаспийских степей в конце эпохи ранней бронзы». Из трех разновидностей комплексов погребальных традиций, сосуществующих, согласно курганной стратиграфии, на территории Калмыкии в конце эпохи ранней бронзы, по особенностям погребальной обрядности и инвентаря Н. И. Шишлина выделяет захоронения носителей ямной культуры (I группа), а также предполагает близость ряда погребений по антропологическим, некоторым обрядовым признакам и инвентарю к майкопским и новосвободненским погребениям Северного Кавказа (II и III группы), допуская при этом возможность синхронного участия носителей данных традиций в этнокультурных процессах в этом районе.

Подробную и разностороннюю информацию о широко известном, но слабо освещенном в литературе святилище майкопского времени содержало выступление В. И. Марковина (Москва) «Курган Псынако 1 и проблема происхождения кавказских дольменов». Докладчиком была дана характеристика существующих теорий происхождения дольменных конструкций, среди которых как наиболее вероятная и применимая к разрешению проблем как конструктивных особенностей сооружений, так и абсолютных дат выделена «средиземноморская» теория, правдоподобность которой во всех отношениях подтверждает, как показывает автор доклада, курган Псынако 1. При этом В. И. Марковин не отрицает безусловного своеобразия западнокавказской дольменной культуры, убежденно связывая ее носителей с предками абхазо-адыгов.

Сообщение И. Джанхота (Майкоп) «Древний мегалитический некрополь в Усть-Сахрае» было посвящено исследованиям нового дольменного могильника в Майкопском районе. Подразделяя мегалитические сооружения данного памятника по разновидностям, автор доклада предполагает имеющую место определенную архитектурную эволюцию, связанную с изменениями в погребальном обряде основных захоронений. Проводя некоторые параллели в плане архитектурных особенностей металитических сооружений с памятниками Передней Азии, а в керамике — с Закавказьем, докладчик высказывается в поддержку предложенной В. И. Марковиным версии происхождения дольменов.

В совместном докладе Н. А. Охонько и В. Г. Петренко (Ставрополь) «Раннескифский курган в г. Ставрополе» говорилось об исследованиях многослойного культового сооружения со следами солярной символики, возведенного около VII—VI вв. до н. э. и предположительно использовавшегося и перестраивавшегося с перерывами в различных ритуальных целях вплоть до III в. до н. э.

В обсуждении докладов и прениях первого дня конференции приняли участие: В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, В. И. Кознекова, С. Н. Кореневский, И. М. Чеченов, Н. Г. Ловпаче, Н. А. Охонько, Н. И. Шишлина. Большое количество вопросов вызвал доклад Н. А. Охонько. В порядке рассуждения

В. А. Кузнецов высказал мысль о связи символики ставропольского святилища с ранним зороастризмом (квадрат в квадрате), признавая очевидность иранского влияния в его сооружении. В. И. Козенкова выразила сомнение по поводу предложенной в докладе стратиграфии кургана, предположив единство населения, создавшего данный памятник.

Как образец высококлассной подачи археологического источника был оценен участниками «чтений» доклад В. И. Марковина. С. Н. Кореневский дал высокую оценку докладам И. М. Чеченова и Н. Г. Ловпаче. Касаясь доклада Н. Г. Ловпаче, В. И. Марковин с удовлетворением отметил накопление материалов, подтверждающих местное происхождение майкопской культуры. Как прорыв в изучении слабо разработанной кобанской культуры горных районов характеризовала В. И. Козенкова доклад А. П. Мошинского, высоко оценив новизну избранной им темы.

Выступая по докладу Н. И. Шишлиной, С. Н. Кореневский выразил сожаление по поводу недостатка археологических материалов, подтверждающих прямую связь рассматриваемых в ее докладе погребений с комплексами майкопской культуры. Однако, по мнению Н. Г. Ловпаче, материалы Н. И. Шишлиной обязательно должны сыграть свою роль в современном видении майкопской культуры. Как обобщающие по дискуссии и докладам первого дня конференции воспринимались мысли, высказанные В. И. Козенковой о периферийных районах, зонах межкультурных контактов, носящих смешанный характер, специальное изучение которых как некоего особого субъекта, возможно, снимет часть имеющих место разногласий.

Второй день работы XVII Крупновских чтений также был посвящен проблемам широкого хронологического спектра — от эпохи ранней бронзы до средневековья.

В докладе М. П. Абрамовой (Москва) «Некоторые особенности развития культуры населения западных и центральных районов Предкавказья сарматского времени» нашла свое отражение история населения Северного Кавказа сарматского времени, ранний период которой (III—I вв. до н. э.) был связан с формированием сиракского союза племен, а поздний (I—IV вв. н. э.) характеризовался господством в степях Предкавказья сарматского племени алан. В докладе говорилось о различиях в судьбах населения западных и центральных районов Предкавказья в III—I вв. до н. э., связанных с военными или относительно мирными путями экспансии алан в этих районах, а также об установлении в I в. и во II—III вв. н. э. тесных контактов алан с оседлым населением Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа соответственно, что, как показывает докладчик, связывается с ускорением социального развития местного населения (Золотое кладбище). Затрагивая вопрос о появлении на Кавказе катакомбного обряда погребения (II—I вв. до н. э.), М. П. Абрамова предполагает их генетическую связь с населением Ставропольской возвышенности середины I тыс. до н. э. (для I типа катакомб) и с древним населением Тамани (для II типа).

Введение в научный оборот новых памятников дольменной культуры Западного Кавказа явилось целью выступления И. Н. Анфимова (Краснодар) «Дольменная группа в верховьях р. Небуг». В докладе рассматривался мегалитический комплекс из шести дольменов, расположенный в 12 км к востоку от аула Псебе, описанный и учтенный в свое время сотрудником Туапсинского музея М. К. Тешевым. И. Н. Анфимовым были приведены подробные результаты изучения конструктивных особенностей и промеров данных сооружений. Из шести дольменов определено пять плиточных и один ложнопортальный корытообразный, сооруженный, как предполагается в докладе, позднее остальных. Камень для строительства дольменов добывался поблизости, что прослеживается по следам древних выработок.

Совместный доклад Д. В. Журавлева и А. П. Мошинского был посвящен исследованиям на поселении Сауар (Северная Осетия), где было выявлено два строительных периода (V—IV и III в. до н. э.), открыта система укрепленных камнем террас, остатки жилищ, гончарных горнов, изделия, аналогичные материалу из могильника Гастон-Уота и ряда позднекобанских комплексов. Следы крупного гончарного производственного комплекса, найденные на поселении, позволяют авторам доклада предполагать формирование к V в. до н. э. специализированного гончарного производства.

В выступлении А. А. Сазонова (Майкоп) «Протомеотский могильник Пшиш I» говорилось о спасательных раскопках грунтового могильника VIII—VII вв. до н. э., расположенного в зоне затопления Краснодарского водохранилища. Вниманию участников конференции была предложена информация о погребальной обрядности и материальной культуре этого интересного памятника. Особое внимание в докладе А. А. Сазонова было уделено группе изделий из погребальных комплексов протомеотской культуры, генетически явно связанных с древностями фракийского гальштата.

Совместный доклад А. А. Демакова и О. В. Орфинской (Черкесск) «Новые материалы из скальных погребений Карачаево-Черкесии» был посвящен работе экспедиции Карачаево-Черкесского музея-заповедника в 1990 г. близ аула Нижняя Теберда и поселка Нижний Архыз, в ходе которой был исследован ряд скальных могильников VIII—IX вв. Авторами доклада были продемонстрированы рисунки и слайды, изображающие яркий археологический материал из погребений, в котором важное место занимают великолепные образцы китайских и согдийских шелковых тканей.

В докладе И. Г. Наримановой и Т. И. Ахундовой (Баку) «К этнокультурным связям на Кавказе в эпоху бронзы» рассматривались проблемы взаимоотношений древних культур Ближневосточного и Восточноевропейского регионов, разделенных Большим Кавказским хребтом, обусловливавших появление в «пограничных» культурных зонах синкретических материалов и обрядов. В ходе доклада авторами прослеживаются изменения потенциалов влияния сторон друг на друга в различные исторические периоды. На основании материалов ряда синхронных памятников авторы предполагают, что начиная со второй половины III тыс. по начало II тыс. до н. э. имели место перемещения отдельных групп населения Северного Кавказа на юг, в частности в сторону Шеки, через открытые в то время высокогорные перевалы.

С докладом, посвященным проблеме происхождения предметов погребального инвентаря из Майкопского кургана и их датировке, выступил Ю. Ю. Пиотровский (Санкт-Петербург). В ходе его выступления вниманию присутствующих были предложены новые данные по комплексу Большого Майкопского кургана, касающиеся, в частности, стилистики изображений на металлической посуде, количественному соотношению изделий из металлов и пр. Опираясь в своих построениях на искусствоведческие аналогии и древние письменные источники Передней Азии, позволяющие приблизительно воссоздать пути и интенсивность распространения изделий, автор делает вывод о местном, северокавказском происхождении вещей из Майкопского кургана, высказываясь вместе с тем против наметившейся в научном мире тенденции к удревнению майкопской культуры.

В докладе В. М. Косяненко (Ростов-на-Дону) «К вопросу о роли бронзовых колокольчиков в погребальном обряде (по материалам некрополя Кобякова городища)» анализировались находки бронзовых колокольчиков-амулетов, встречающихся преимущественно в детских погребениях I—II вв. н. э. как в Кобяковском некрополе, так и в ряде могильников Подонья — Приазовья, Предкавказья, Приэльбрусья и Крыма. Автор доклада интерпретирует данные изделия как предмет сакрального свойства, возможно осуществлявший воображаемую связь земли и неба.

Следующие два выступления явились в определенной мере тематически сходными, так как касались средневековой архитектуры и фортификации Северного Кавказа. Доклад И. В. Каминской (Краснодар) «Исследования Ильичевского городища на Урупе» был посвящен раскопкам остатков пяти христианских храмов, грунтового могильника и полуземлянки, открытых в ходе работ 1989 г. на Ильичевском городище, датированном по добытым материалам в пределах X—XIII вв.

В обширном докладе В. Н. Каминского (Краснодар) «О фортификации у алан Северного Кавказа» была дана развернутая характеристика средневековых оборонительных сооружений на Северном Кавказе, включающая, в частности, особенности расположения укрепленных поселений и крепостей на местности, конструктивные детали оборонной архитектуры, планировки и т. д. Большинство аланских фортификационных сооружений, как показывает автор в ходе доклада, возводилось по местным традициям, но с применением достижений полиоркетики Закавказья, Крыма, Малой Азии и Византии. Возможным представляется также возведение отдельных оборонительных комплексов по заказу византийскими мастерами (Хумаринское городище).

Заключительным в работе конференции явилось выступление В. А. Кузнецова (Владикавказ), посвященное, по сути, не столько новым археологическим материалам, сколько назревшим проблемам археологической и исторической науки сегодняшнего дня. В. А. Кузнецов с тревогой говорил о ситуации, сложившейся в последнее время в ряде регионов Кавказа и связанной с захлестнувшей страницы некоторых изданий научно-популярной и периодической печати мутной волной псевдонаучных гипотез и положений. Докладчик привел несколько курьезных примеров, характеризующих эту так называемую «газетную» науку (Иисус Христос, Фридрих Барбаросса — осетины; осетины — германцы; балкарцы и карачаевцы — шумеры; вайнахи — египтяне и пр.). Имеющие место тенденциозные и лженаучные поиски «престижных» предков, доказательств владения в древности теми или иными народами какими-то территориями, на основе чего в настоящее время выдвигаются территориальные претензии,— все это непосредственно связано с обострением межнациональных конфликтов. В заключение своего выступления В. А. Кузнецов признал всех присутствующих археологов и историков к борьбе с «беспределом в истории», к отстаиванию чистоты археологической науки.

В обсуждении докладов и в прениях второго дня работы конференции приняли участие Н. В. Анфимов, М. П. Абрамова, С. Н. Кореневский, Т. И. Ахундов, В. А. Кузнецов, П. А. Дитлер, И. М. Чеченов, М. Н. Ложкин, В. М. Косяненко, Н. Г. Ловпаче, А. А. Сазонов.

Выступая по докладу М. П. Абрамовой, Н. А. Охонько отметил актуальность изложенных в нем наработок, которые прекрасно увязываются с исследованиями древних поселений Ставрополья. Н. В. Анфимов также с удовлетворением отметил совпадение своих взглядов с положениями, выдвинутыми М. П. Абрамовой, но вместе с тем не согласился с предложенной в докладе датировкой Золотого кладбища (I—II вв. н. э.), считая возможным удревнить его по некоторым комплексам до I в. до н. э. Н. Г. Ловпаче в свою очередь несколько усомнился в правомерности вывода М. П. Абрамовой о том, что экспансия алан на Северном Кавказе была однозначно агрессивной, связанной с военными конфликтами, приведя многочисленные аргументы к вариантам мирного взаимопроникновения, сосуществования и слияния алан с автохтонными племенами.

Выступая в порядке обсуждения доклада Ю. Ю. Пиотровского, С. Н. Кореневский отметил своевременность поднятия темы пересмотра древностей Большого Майкопского кургана, с которым в настоящее время связано множество нерешенных вопросов и в хронологическом плане, и в аспекте происхождения металла как сырья для изделий из комплексов майкопской культуры. И. М. Чеченов в этой связи предложил обсудить вопрос о содействии со стороны оргкомитета Крупновских чтений в подготовке публикации материалов Майкопского кургана. В. И. Марковин и Т. И. Ахундов также высказались в поддержку скорейшего издания древностей кургана, при этом Т. И. Ахундов несколько неожиданно заметил, что как таковой данный памятник следовало бы на время изъять из «обращения», дабы остальные памятники майкопской культуры, над которыми Большой Майкопский курган в настоящее время явно довлеет, смогли, наконец, получить адекватную интерпретацию.

Выступая по совместному докладу И. Г. Нариманова и Т. И. Ахундова, С. Н. Кореневский подчеркнул важность изучения проблем культуры Лейла-Тепеси, которая, без сомнения, вносит в изучение энеолита — ранней бронзы новую свежую струю, способную вывести к новому пониманию древностей Кавказа той эпохи. Причем, как заметил С. Н. Кореневский, отрадно, что в изучении этих проблем между исследователями Кавказа и Закавказья нет серьезных разногласий. В поддержку положений доклада И. Г. Нариманова и Т. И. Ахундова также выступил И. М. Чеченов. Он заметил, что материалы азербайджанских коллег создают картину почти непрерывного культурно-исторического развития этого

региона с конца IV тыс. до н. э. до поздней бронзы, в связи с чем древняя история Восточной части Закавказья видится в совершенно новом аспекте. Здесь же, возвращаясь к проблеме хронологии майкопско-новосвободненской общности, И. М. Чеченов, обращаясь к С. Н. Кореневскому, выразил свое несогласие с «обрубанием» развития майкопской культуры первой половиной III тыс. до н. э.

Отдав должное высокопрофессиональному исследованию В. Н. Каминского, В. А. Кузнецов и И. М. Чеченов обратили внимание на то, что в его докладе развитие оборонного строительства на Кавказе было подано слишком снивелированно, без выделения локальных особенностей, при этом И. М. Чеченов посоветовал докладчику уделить большее внимание Верхнекубанской и Терской группе памятников, а также связи погребальных комплексов с бытовыми.

М. Н. Ложкин, обратившись к выступлению И. В. Каминской, отметил важное значение ее материалов, а также высказал мысль о том, что, вероятно, назрела необходимость в создании свода средневековых христианских памятников на Северном Кавказе. В порядке обсуждения доклада А. А. Демакова и О. Ф. Орфинской М. Н. Ложкин высоко оценил великолепные материалы, представленные в их совместном выступлении, подчеркнув очевидную возможность связать находки образцов шелка с международной акцией «Великий шелковый путь».

В. И. Марковин и В. И. Козенкова отметили интересные материалы, представленные в докладе А. А. Сазонова, при этом В. И. Козенкова указала на уникальность могильника Пшиш I именно в связи с элементами, связывающими северокавказские и закубанские древности с материалами Центральной и Западной Европы, что в дальнейшем безусловно откроет возможность использования хорошо разработанной европейской хронологии применительно к протомеотским материалам.

Возвращаясь к докладу В. И. Козенковой и С. Н. Кореневского, прозвучавшему среди выступлений первого дня конференции, Ю. Ю. Пиотровский поддержал изложенные в нем положения, заметив, что в наши дни встречаются ситуации, когда некие, казалось бы новые, предположения оказываются далеко не новыми, но прочно забытыми, и в этом смысле непреходящее значение имеет обращение к старым трудам.

Также в порядке обсуждения, поддержав и дополнив доклад В. А. Кузнецова, выступили Н. В. Анфимов и И. М. Чеченов, при этом И. М. Чеченов особо подчеркнул, что с лжеисторическими публикациями бороться лучше всего не политическими методами, а путем распространения объективно-исторических знаний, в связи с чем предложил создать центр про изучению данных проблем с представительством от всех археологических организаций Кавказа.

В прениях второго дня конференции А. А. Демаков, В. И. Каминский, И. В. Каминская, М. П. Абрамова, В. М. Косяненко и А. А. Сазонов подробно ответили на многочисленные вопросы уточняющего характера по их докладам.

В резолюции, принятой участниками XVII Крупновских чтений, была выражена благодарность Верховному Совету и Совету министров Адыгеи, дирекции АНИИ ЭЯЛИ, обеспечившим нормальную работу конференции. По итогам конференции в резолюции особо были отмечены достижения в накоплении археологических материалов по ранней истории Северного Кавказа, в том числе по майкопской культуре, и вместе с тем обращено внимание на необходимость более глубокого и всестороннего анализа этих материалов, взвешенного подхода к их интерпретации. Принимая во внимание необычайную насыщенность территории Адыгеи ценнейшими археологическими памятниками, участники конференции постановили обратиться к Совету министров республики и дирекции АНИИ ЭЯЛИ с просьбой принять меры для обеспечения отдела археологии АНИИ новыми кадрами с целью интенсификации научных исследований, а также просить дирекцию АНИИ издать подготовленную к печати рукопись доктора исторических наук В. И. Марковина, посвященную кургану Псынако 1, памятнику первейшей важности дольменной культуры, связанной с древней историей адыгов.

В организационном плане участниками «чтений» было решено включить в состав организационного комитета конференции от республики Адыгея преподавателя кафедры истории АГПИ кандидата исторических наук Н. Г. Ловпаче и от Санкт-Петербурга старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Ю. Ю. Пиотровского, а также отработать и улучшить практику приглашения специалистов из республик бывшего СССР — СНГ для участия в Крупновских чтениях по тематикам, связанным с археологией Кавказа.

Участники XVII Крупновских чтений в принятой резолюции выразили озабоченность «в связи с широким распространением через популярные издания и каналы массовой информации научно необоснованных, тенденциозных сведений и версий по ранней истории и археологии Северного Кавказа» и обратились с призывом ко всем историкам и археологам-кавказоведам «активизировать свою деятельность по популяризации и распространению среди населения подлинно научных знаний, объективно способствующих улучшению взаимоотношений между народами региона».

В ходе конференции было принято решение просить администрацию Ставропольского края, Кавказских Минеральных Вод и города Кисловодска, дирекцию Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея о проведении очередных XVIII Крупновских чтений в городе Кисловодске в апреле 1994 г. на базе Кисловодского филиала Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея. Приоритетными в программе XVIII Крупновских чтений решено считать доклады по теме «Степь и горы в системе коммуникаций Северного Кавказа».

По окончании конференции для ее участников была организована экскурсия по памятникам дольменной культуры предгорной части Майкопского района Адыгеи.

А. А. Сазонов

Адыгейский региональный
институт гуманитарных исследований,
Майкоп

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»
(Горно-Алтайск, 1992)

9—10 сентября 1992 г. в г. Горно-Алтайске состоялась конференция «Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий», посвященная 40-летию Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ) при Совете Министров республики Алтай. Основанный 40 лет назад ГАНИИИЯЛ является видным центром гуманитарных исследований в области истории, археологии, этнографии, а также языка и литературы народов многонационального Алтая и прежде всего коренного населения этого края — алтайцев. Труды ученых института широко известны исследователям Сибири, Казахстана, республик Средней Азии и сопредельных стран. Сектор археологии ГАНИИИЯЛ проводит исследования памятников различных эпох от палеолита до средневековья. Почти ежегодно с 1983 г. издаются сборники по археологической тематике с публикацией статей и материалов по древней и средневековой истории Алтая и смежных территорий [1 и др.]. А. С. Суразаков опубликовал монографию [2], в которой подвел итог исследованию массового вещевого материала и погребального ритуала из рядовых курганов Алтая, раскопанных в большом количестве за три последних десятилетия. Главным образом археологами ГАНИИИЯЛ подготовлен в публикации с учетом новейших достижений науки том I «Истории Алтая», охватывающий период от палеолита до XVII в.

На конференции присутствовали археологи, этнографы, историки, филологи и лингвисты из Москвы, Новосибирска, Барнаула, Абакана, Кызыла, Горно-Алтайска, представляющие коллективы научно-исследовательских институтов РАН, вузов и местных научных учреждений. На пленарных заседаниях присутствовали члены Верховного Совета и Правительства Республики Алтай, учителя и общественность города.

С итоговым докладом «Горно-Алтайскому научно-исследовательскому институту истории, языка и литературы 40 лет» выступил его директор Я. А. Пустогачев, который охарактеризовал результаты научной деятельности, выпущенные институтом труды, а также остановился на проблемах, стоящих перед коллективом института-юбиляра.

Широкий спектр проблематики археологического изучения Алтая освещен в докладах А. С. Суразакова, В. А. Могильникова, Ю. С. Худякова и В. С. Соенова. Доклад А. С. Суразакова «Древность и средневековье в исследованиях ГАНИИИЯЛ» обобщил итоги археологического изучения Алтая, проведенного сотрудниками института и частью археологами других научных учреждений, главным образом с конца 70-х до начала 90-х годов. Большие успехи достигнуты в изучении палеолита, неолита, афанасьевской культуры. По количеству палеолитических памятников и степени их изученности Алтай занимает одно из первых мест среди регионов России и входит в ареал антропогенеза. В последние годы на средней Катуни, в зоне затопления Катунской ГЭС, удалось выявить своеобразие неолита Горного Алтая, подразделяющегося на хронологические этапы стратиграфически и типологически на материалах многослойного поселения Тыткескень II [3, с. 26—28]. Ранний его слой фиксирует местные мезолитические традиции в каменной индустрии, а отдельные типы вещей из позднего горизонта находят аналогии в неолитических памятниках Средней Азии. На этом же поселении выявлен энеолитический комплекс, отличный от афанасьевской культуры и сближающийся по облику материала с большемысской культурой предгорий; его своеобразие еще нуждается в выяснении [3, с. 24—25, 28].

Большой прогресс достигнут в изучении на Алтае афанасьевской культуры конца IV — начала II тыс. до н. э. Известные ранее по небольшому числу некрополей и отдельных поселений в Центральном Алтае памятники афанасьевской культуры за последнее десятилетие выявлены и изучались практически на всей территории Алтая, в том числе в высокогорных Кош-Агачском и Улаганском районах, откуда они распространялись на территорию Западной Монголии. Пока дискуссионным остается вопрос о происхождении афанасьевского населения на Алтае — связано ли оно генетически с населением ямной культуры или представляет самостоятельный, восточный вариант европеоидной расы. Археологический материал пока не дает на это однозначного ответа. Наземные конструкции афанасьевских погребений Алтая в виде кромлехов из больших каменных плит или кольцевидных выкладок, сложенных иногда в два-три ряда плоских камней, взятые в комплексе, достаточно своеобразны, характеризуя алтайский вариант этой культуры. Точно не определена пока также верхняя хронологическая граница афанасьевской культуры на Алтае. Существующая точка зрения о возможном проживании афанасьевцев в отдельных районах Алтая до эпохи раннего железа нуждается в дополнительном обосновании или опровержении, тем более, что в последние годы в

© В. А. Могильников, 1993 г.

Центральном Алтае выявлена новая яркая своеобразная каракольская культура II тыс. до н. э., характеризуемая погребениями в каменных ящиках. Внутренние плиты некоторых из них покрыты полихромной росписью с изображением антропоморфных фигур, частью с зооморфными масками и с солярной символикой, которые по стилю напоминают изображения на стелах окуневской культуры в Минусинской котловине (Каракол, Беш-Озек, Озерное).

Значительные успехи достигнуты в изучении майэмирской культуры VIII — первой половины VI в. до н. э. Выявлены два ее локальных варианта — усть-куюмский с погребениями в каменных ящиках, локализующийся преимущественно в северных и восточных районах Алтая, и куртусско-катонский с захоронениями в ямах под кольцевидными каменными выкладками и небольшими каменно-земляными курганами с кольцом из более крупных камней по периметру, памятники которого представлены преимущественно в южных и юго-западных районах Алтая. Центральный Алтай являлся зоной контакта того и другого вариантов, на что указывает наличие здесь тех и других памятников [4, с. 53]. В последние годы на средней Катуни исследовано более 40 майэмирских курганов усть-куюмского варианта с погребениями в каменных ящиках. Большинство их разграблено. Однако отдельные погребения (Карбан-1, Байтыгем-2) дали богатый инвентарь, преимущественно детали конской сбруи, а также украшения, в том числе изготовленные из золота [5; 6, рис. 2, *1—6*]. Публикация и научная интерпретация этих материалов является одной из важнейших задач археологов Алтая.

Большой новый материал получен при исследовании пазырыкской культуры, особенно рядовых курганов. Выявлено своеобразие населения, оставившего памятники кара-кобинского типа, культура которых сформировалась на основе культуры населения усть-куюмского варианта майэмирской культуры [2, с. 129, 4, с. 53]. Почти общепринятой стала дата пазырыкской культуры в рамках второй половины VI—III в. до н. э., базирующаяся на основе данных вещевого материала и дендрохронологии [7].

Большой фактический материал получен по гунно-сарматскому времени (II в. до н. э.— IV—V вв. н. э.), которое ранее на Алтае было почти неизвестно. К настоящему времени на Алтае исследовано более 300 погребений гунно-сарматской эпохи. Это больше, чем по какой-либо другой эпохе истории Горного Алтая. Выявлено четыре локальных культурно-хронологических типа памятников гуннского времени: булан-кобинский II в. до н. э.— II—III вв. н. э. в Центральном Алтае; кок-пашский III—V вв. в Восточном Алтае, в бассейне Чулышмана; айрыдашский — II—III—V вв. на средней Катуни, в Центральном Алтае; берельский — IV—VI вв. в юго-западном Алтае. Представляется, что нижняя граница памятников берельского типа, у которых захоронение человека часто сопровождалось захоронением коня, опустится вниз до рубежа нашей эры, а возможно, и до II—I вв. до н. э., на что указывает находка фрагмента китайского, ханьского зеркала из погр. 6 могильника Чендек VI на верхней Катуни [8, с. 60—61, рис. 1, 4]. А. С. Суразаков предлагает рассматривать памятники данных культурно-хронологических типов в рамках кудыргинской культуры. Такое мнение представляется дискуссионным. Действительно, выделяемые типы имеют между собой ряд общих элементов культуры, в том числе присутствие погребений с сопровождающими конскими захоронениями (кроме кок-пашского типа), что дает основание ставить вопрос о включении их в одну культуру. Однако вряд ли достаточны основания называть и считать эту культуру кудыргинской. Могильник Кудыргэ, от которого произведено название культуры, в отличие от вышеуказанных памятников гуннского времени, дает сложившийся комплекс элементов культуры древнетюркского времени, характеризуемый погребениями человека с конем, квадратными оградками, и в целом более близок последующим памятникам катандинского этапа курайской культуры, нежели типам вышеуказанных памятников гуннского времени, которые выглядят довольно дифференцированными, отражая в некоторой степени разноэтничные компоненты состава населения Алтая гуннской эпохи, еще не снивелированные интеграционными процессами. В то же время следует отметить, что в состав населения, оставившего собственно Кудыргинский могильник, вошел кок-пашский этнокультурный субстрат. Об этом свидетельствует южная ориентировка погребений Кудыргинского могильника, нехарактерная для других памятников тюрок Алтая VI—VII вв., но преобладающая в кок-пашских комплексах предшествующего периода, а также кольцевидные каменные ограды над погребениями могильника Кудыргэ, присущие также памятникам типа Кок-Паш [9, 10, с. 83—90]. Близкая к Кудыргэ юго-западная ориентировка древнетюркских погребений с конем представлена также на некоторых памятниках средней Катуни (Тыткескень 6, Еланда 2), территориально наиболее близких кок-пашским [6, с. 28]. В данном аспекте примечательно, что долина средней Катуни и долина Чулышмана, где расположены могильники кок-пашского типа и Кудыргэ, связаны проходимыми невысокими горными перевалами, по которым, очевидно, осуществлялась связь в древности, а в настоящее время идут туристские маршруты. Интегрирующим компонентом стабилизации этнокультурной ситуации к середине I тыс. н. э. выступило, очевидно, население, оставившее памятники берельского типа, у которого в наибольшем количестве по отношению к другим типам памятников Алтая гуннского времени представлены захоронения с конем и специфичная для тюрок Алтая восточная ориентировка погребенных. В целом же детали анализа хода этнокультурных процессов на Алтае в предтюркское время еще нуждаются в разработке.

В докладе А. С. Суразакова были отмечены также основные результаты исследования памятников Алтая древнетюркского времени.

Проблематика генезиса древнетюркского этноса от эпохи раннего железа до середины II тыс. н. э. была рассмотрена в докладе В. А. Могильникова «Некоторые итоги и проблемы изучения культуры древних тюрок Алтая». Ранние этапы этногенеза тюркоязычного населения Алтая до сих пор остаются мало известными и слабо разработанными. В первую очередь это проблема происхождения древнетюркского населения Алтая и его культуры. Предания и китайские летописные

известия о происхождения тюрок тугю, их восточнотуркестанском и южноалтайском периодах жизни пока не могут быть иллюстрированы наличным археологическим материалом ввиду слабой исследованности древностей Западной Монголии и Синьцзяна второй четверти I тыс. н. э. Однако, обращаясь к территории собственно Алтая, можно утверждать, что одним из субстратных компонентов древнетюркского этногенеза явилось население пазырыкской культуры, частично идентифицируемое с юэчжами китайских летописей, независимо от того, было ли это население тюрко- или ираноязычным. Его потомки восприняли тюркский язык в первой половине I тыс. н. э., когда тюркоязычные этнические группы продвигались на Алтай во время миграций, вызванных хуннской экспансией около рубежа нашей эры, образования и последующего распада державы Таншихая в конце II в. и переселений III—V вв., которые пока плохо прослеживаются или почти не прослеживаются на археологическом материале. Через берельские и, частично, буланкобинские и айрыдашские памятники, в которых представлены распространенный в пазырыкской культуре обряд погребения человека с конем, а также некоторые другие детали обряда, установка каменных столбиков-балбалов к востоку от погребального или поминального сооружения, особенности орнамента, пазырыкские древности связываются с древнетюркскими [11, с. 70—71].

Несмотря на большие успехи в изучении памятников VI—X вв. в целом, остаются недостаточно выявленными и исследованными древнетюркские памятники VI—VII вв., среди которых наиболее представительным является могильник Кудыргэ, выделяющийся среди остальных древнетюркских некрополей преобладанием южной ориентировки погребенных, что было отмечено еще А. А. Гавриловой, рассматривавшей кудыргинцев на Алтае как пришельцев [12, с. 59]. Остальные некрополи VI—VII вв. на Алтае представлены небольшим числом погребений с довольно скудным инвентарем. Их преобладающая восточная ориентация и наличие сопровождающих конских захоронений указывают на их генетическую связь с предшествующими памятниками берельского типа юго-западного и западного Алтая IV—V вв., традиции культуры которых также отмечала А. А. Гаврилова [12, с. 59—60]. Открытие на Чулышмане памятников кок-пашского типа III—V вв. [9] с преобладанием южной ориентировки погребенных и наличием каменных кольцевидных обкладок [9, с. 10], подобных кудыргинским, дает основание видеть в кок-пашцах этнический субстрат кудыргинцев, а сопроводительные захоронения с конем, наиболее вероятно, принесли сюда берельцы, сыгравшие роль суперстрата, как сказано, объединившего и снивелировавшего до известной степени разнокультурные элементы насельников Алтая предтюркского времени (кок-пашцев, айрыдашцев, булан-кобинцев и собственно берельцев). Только на Чулышмане, и в частности в Кудыргэ, ввиду большого удельного веса местного кок-пашского субстрата и природной изоляции этого региона процесс нивелировки в VI—VII вв. еще не был завершен, что и проявлялось в южной ориентации погребенных и каменных округлых обкладках могил в кудрыгинских курганах.

В последние годы на Алтае открыт ряд поселений эпохи средневековья, которые представляют главным образом остатки зимников. Количество их (28) значительно меньше, чем поселений эпохи раннего железа (89) [13, с. 157]. Сложившаяся на Алтае к эпохе раннего железа система скотоводства с вертикально-зональным кочеванием в основных чертах сохранялась в древнетюркское время. Уменьшение количества остатков зимников эпохи средневековья в сравнении с ранним железным веком объясняется скорее не увеличением подвижности населения или уменьшением его количества, а изменениями в быту, проявившимися в вытеснении из домашнего обихода глиняной посуды металлической как более удобной и прочной, что было очень существенно при сезонных перекочевках. Глиняные корчаги заменяются железными котлами, кувшины, отчасти, кубками. Керамика в быту становится малочисленной, из-за чего ее обломки как индикаторы поселений почти отсутствуют, что затрудняет обнаружение кратковременных стойбищ. С малым количеством керамики в быту связана, очевидно, редкость находок ее в погребениях, а малое количество находок металлической посуды в погребениях и культовых сооружениях, вероятно, объясняется продолжающей еще сохраняться ее высокой ценностью. Кроме того, по сравнению с пазырыкским временем несколько совершенствуются средства передвижения, а разборные и перевозимые жилища типа юрт становятся основным видом жилой постройки, в основном вытесняющим срубные дома. Это вело к большой мобильности мест становищ и слабой выраженности или даже к отсутствию на их месте культурного слоя, что, естественно, затрудняет и ограничивает возможности выявления стойбищ этого времени по сравнению с эпохой раннего железа, когда керамика была еще обычной утварью в быту кочевников. Совершенствование передвижных жилищ и транспортных средств вело, очевидно, к уменьшению доли построек из дерева, хотя на местах длительно существовавших зимников срубные дома, аилы, видимо, стояли. С уменьшением доли срубных построек в сравнении с эпохой раннего железа, вероятно, связано отсутствие следов срубов в погребальных конструкциях древнетюркского времени.

Укрепленные поселения в эпоху раннего средневековья тюрки Алтая, по-видимому, не строили. Известные в Горном Алтае два городища, около устья р. Большой Яломан в Онгудайском районе и близ д. Кайсын Усть-Канского района, относятся, очевидно, к X—XII вв., к периоду господства на Алтае енисейских кыргызов, для которых они служили укрепленными форпостами и у которых подобные крепости, расположенные, как и алтайские, на горах, известны по данным письменных источников [14, с. 122, 127].

Очень слабо известны памятники местного горноалтайского населения XI—XII вв. (Чарыш, Узунтал VIII, Верх-Еланда I, кург. 1). Относящиеся к этому времени памятники енисейских кыргызов на Алтае сейчас известны лучше, чем алтае-телесские. Также мало известны памятники XIII—XIV вв., к которым относится всего около 10 погребений, исследованных в могильниках Пазырык, Кудыргэ, Яконур, Верх-Еланда I. Эта ситуация отражает сокращение алтае-телесского населения на Алтае, наступившее после кыргызского и татаро-монгольского завоеваний. В дальнейшем она облегчила завоевание Алтая западными монголами-ойратами.

Ю. С. Худяков в докладе «Охранные работы Катунского отряда в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988—1991 гг.» доложил об итогах своих исследований в данной зоне памятников различных эпох. Наибольший интерес представляет материал курганов постпазырыкского и гуннского времени II—I вв. до н. э.— первых веков н. э., в которых прослежены элементы преемственности этноса и развития культуры от пазырыкского к гуннскому времени. К таким памятникам относятся курганы Усть-Эдиган, содержавшие захоронения человека с конем и инвентарем хуннского периода, что указывает на сохранение пазырыкских этнокультурных традиций у населения гуннского времени.

В докладе В. И. Соенова и А. В. Эбеля «Некоторые итоги и перспективы работ Южного отряда археологической экспедиции ГАГПИ» были доложены результаты работ экспедиции Горноалтайского пединститута на верхней Катуни, в Усть-Коксинском районе, у сел Усть-Кокса и Чендек, проводившиеся в зонах строительства мелиоративных и других хозяйственных объектов. При этом были исследованы памятники скифского, гунно-сарматского и тюркского времени. Памятники гунно-сарматского времени, раскопанные у с. Чендек, содержат под курганами как одиночные захоронения, так и погребения человека с конем, что, как и на средней Катуни, демонстрирует сохранение традиций пазырыкской обрядности и, соответственно, пазырыкского этнического компонента. Обнаружение однокультурных элементов гуннского времени в разных районах Алтая ставит задачу рассмотреть материал этого периода на Алтае в целом, чтобы четче определить характер культуры, роль в ней пришлых и местных компонентов в формировании этноса предтюркского времени.

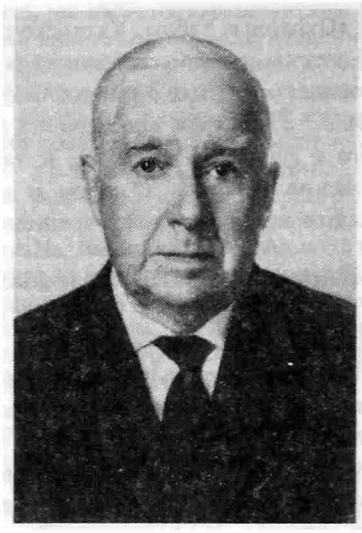
Ряд докладов не был прочитан вследствие того, что докладчики не смогли приехать. Доклады, сделанные по тематике этнографии, филологии и лингвистики, находятся за пределами нашего рассмотрения. В целом работа совещания была хорошо организована, а его материалы, без сомнения, представляют большой научный интерес.

Институт археологии РАН,
Москва

В. А. Могильников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983.
2. *Суразаков А. С.* Горный Алтай и юго-северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.
3. *Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Кунгурова Н. Ю.* Хронологические комплексы поселения Тыткескень II // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.
4. *Могильников В. А.* Некоторые аспекты этнокультурного развития Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986.
5. *Гельмель Ю. И.* Погребение начала железного века Карбан I // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (ОИАПА). Барнаул, 1991.
6. *Кирюшин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., Неверов С. В.* Аварийные раскопки на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая (ПСИИПАА). Горно-Алтайск, 1992.
7. *Марсадолов Л. С.* Хронология курганов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
8. *Киреев С. М., Кудрявцев П. И., Вайнбергер Е. В.* Археологические исследования в Уймонской долине // ПСИИПАА. Горно-Алтайск, 1992.
9. *Елин В. Н.* Восточный Алтай в предтюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1987.
10. *Васютин А. С., Елин В. Н.* О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.
11. *Могильников В. А.* К вопросу о компонентах этногенеза алтайских тюрок // Барнаулу 250 лет. Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. (1—2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980.
12. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.
13. *Шульга П. И.* Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поисков // ОИАПА. Барнаул, 1991.
14. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.



ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВИЧА ДУБЫНИНА

(1903—1992)

29 апреля 1992 г. в Москве скончался Александр Федорович Дубынин — один из старейших российских археологов.

Александр Федорович Дубынин родился 29 июня 1903 г. в с. Веркуцк Рязанской обл. в семье служащего. После окончания в 1926 г. этнологического факультета Московского университета и прохождения курса аспирантуры при отделении археологии и искусствоведения РАНИОН он в продолжение многих лет работал в Ивановском педагогическом институте, а с 1953 по 1973 гг. — в Институте археологии.

А. Ф. Дубынин начал вести научно-исследовательскую работу, будучи научным сотрудником уездных учреждений с 1922 г. В период работы в Ивановском педагогическом институте, когда он читал лекции по истории СССР, основам археологии и музееведению, он возглавлял студенческие экспедиции, проводившие раскопки в Ивановской и Владимировской областях. Именно в это время проявились основные качества Александра Федоровича как исследователя — широта научных интересов, тщательность в работе, организаторские способности. К этому периоду относится изучение фатьяновских могильников Ивановской обл., поселений эпохи бронзы, городищ раннего железного века. Однако основное внимание он уделял средневековым памятникам. Большой интерес представляют его раскопки в городе Суздале, где за несколько лет им были исследованы укрепления, жилища ремесленников и торговцев. Эти работы дали интересный материал, характеризующий ремесло, социальные отношения и культурные связи горожан. Однако центральное место в работах А. Ф. Дубынина в этот период занимают раскопки одного из богатейших муромских могильников — Малышевского, значение которого невозможно переоценить. Исследования были проведены на высоком методическом уровне, что позволило реконструировать женский костюм муромы, изучить социальные отношения. Разработанная им хронологическая шкала на длительный период стала эталоном при датировке финно-угорских памятников. Нельзя не отметить его наблюдения относительно хозяйства летописной муромы. Однако в полной мере организаторские способности Александра Федоровича Дубынина проявились после его перехода на работу в Институт археологии, где он возглавил Московскую экспедицию, проводившую исследования на территории древней части Москвы и в Московской обл. В этот период осуществлялось строительство больших зданий в Москве и водохранилищ в Московской обл. Александр Федорович, в полной мере обладавший качествами научного лидера, возглавил коллектив молодых сотрудников, а кроме того, много сделал для координации усилий различных научных учреждений по изучению археологических памятников, разрушаемых хозяйственной деятельностью или природной средой. К этому периоду относятся раскопки в одном из древнейших районов Москвы — Зарядье. Исследования, проводившиеся в продолжение нескольких лет, дали огромный материал, позволяющий судить о всех сторонах жизни древней Москвы, о ремесле, культуре, экономических связях. В некоторых случаях удалось реконструировать эволюцию застройки. Однако основной заслугой Александра Федоровича являются исследования, проведенные на памятниках дьяковской культуры, среди которых главное место занимают городища Троицкое и Щербинское. Он объединил коллектив молодых исследователей, и это дало возможность добиться невиданного ранее размаха работ. Раскопки проводились на высоком для своего времени методическом уровне, который в процессе работ непрерывно совершенствовался. Молодым соратникам Александр Федорович передал свою преданность делу, тщательность в исследовании, стремление найти истину. Результаты десятилетних работ превзошли самые смелые ожидания. Количество источников увеличилось во много раз. О многих сторонах жизни обитателей городищ исследователи узнали впервые.

© К. А. Смирнов, 1993 г.

Результаты раскопок были опубликованы в коллективных трудах «Древнее поселение в Подмосковье» (2 тома) и «Дьяковская культура», а также в ряде статей. Александр Федорович был организатором и вдохновителем создания этих трудов, автором основных разделов. Он был в числе тех ученых, которые первыми поняли, что наступает время, когда большую научную проблему может решить только коллектив исследователей-единомышленников. В продолжение многих лет он был лидером такого коллектива. А. Ф. Дубынин был автором более 50 опубликованных научных трудов, среди которых особо надо отметить статьи «Троицкое городище» (МИА, № 156, М., 1970), «Городище Кузнечики в Подмосковье» (СА, 1970, № 1), «Щербинское городище» («Дьяковская культура», М., 1974), «Об орнаменте грузиков Троицкого городища» (СА, 1966, № 1).

В ноябре 1973 г. Александр Федорович ушел на заслуженный отдых и после этого активно в археологических исследованиях не участвовал.

В памяти коллег он навсегда останется неутомимым тружеником, пытливым исследователем, хорошим товарищем.

Институт археологии РАН,
Москва

К. А. Смирнов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВА — Вопросы антропологии
ВАНУРСР — Вісник Академії наук Українськоі Радянськоі Соціалістичноі Республіки. Київ
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття и Волині. Київ.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НА ИА АН СССР — Научный архив Института археологии АН УССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.— Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва. Ленинград
AA — American Anthropologist
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquty. Menacha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Crece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshosredniowieczne
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classichen Altertumswissenschaft. Stuttgart

«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ»

— единственное в России информационное периодическое иллюстрированное издание по археологии. Постоянные рубрики: Хроника научной жизни, Охрана памятников археологии, Книжное обозрение, Археологические фонды, Выставки, Археологическая периодика, Объявления о предстоящих конференциях, Зарубежные новости. Ежегодно публикуются библиографические списки — новых книг (в первую очередь малотиражных и провинциальных изданий) и авторефератов по археологии.

Периодичность — 4 раза в год. Объем — 1,5 уч.-изд. листа. Выходит с 1989 г. В настоящее время издается Археологическим обществом «Древности».

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии, Лопатину Н. В.

«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ» ("ARCHAEOLOGICAL BULLETIN")

— the single informational illustrated edition on archaeology in Russia. Permanent rubrics: Chronicle of the Scientific life, Protection of Monuments, Book Review, Archaeological Collections, Exhibitions, Archaeological Periodicals, Announcements of Coming Conferences, News from Abroad. Two bibliographical lists are published annually: 1) Archaeological Editions of Small Circulation Published in Russia; 2) Unpublished Abbreviations of Dissertations Maintained in Russia.

The "Archaeological Bulletin" has an English summary of all the materials. The volume is 16 pages. Published quarterly by the Archaeological Society "Drevnosti".

Address: N. V. Lopatin, Institute of Archaeology, ul. Dm. Ulianova 19, 117036 Moscow, Russia

К ЧИТАТЕЛЯМ И ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛА

Редколлегия и редакция журнала извещают археологов, специалистов по древней истории и всех любителей старины, что подписка на журнал «Российская археология» принимается почтовыми отделениями страны с любого номера.

Индекс журнала — 70822

В 1994 г. журнал предложит читателям статьи, заметки и обзоры археологов, изучающих древности России и зарубежья. Наряду с публикацией результатов археологических работ в журнале получат отражение итоги исследований нумизматов, экологов, палеоантропологов и др. Традиционно пристальное внимание будет уделено проблемам этногенеза и этнической истории народов Старого и Нового Света, теоретическим проблемам археологии, древнему искусству

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 19.04.93 Подписано к печати 02.06.93 Формат бумаги 70×100$^{1}/_{16}$

Офсетная печать. Усл. печ. л. 22,1 Усл. кр. отт. 38,1 тыс. Уч.-изд. л. 28,0 Бум. л. 8,5

Тираж 1708 экз. Зак. 4196 Цена 26 р.

Московская типография № 2 ВО «Наука», 121099, Шубинский пер., 6